

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 079 302 238

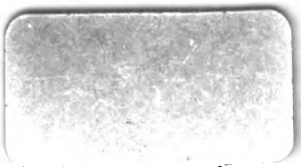

Digitized by Google

p S / av 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

4340-13

ФЕВРАЛЬ.

1876.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ХЛѢВА И ЗРѢЛИЩЪ. Романъ. (Гл. VI—XVI.) А. МИХАИЛОВА.
- II. МЕЛОЧНОЙ ТОРГОВЕЦЪ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе.) . . . . . А. М.
- III. БЕЗПРОСВѢТНАЯ ГЛУШЬ. Нѣсколько дней въ чужихъ мѣстахъ. (Гл. I — II) . . . . . В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.
- IV. НАДЪ КОЛЫВЕЛЮ. Стихотвореніе . . . . . М. ВЕРЦЕЛУСА.
- V. ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ. Романъ. Часть первая. (Гл. IV — VI) . . . . . Е. Л. МАРКОВА.
- VI. ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ВОЛЬШИНСТВА. Стихотвореніе. . . . . М. ВЕРЦЕЛУСА.
- VII. КАКЪ СТАРИКЪ ПЛУНКЕТЪ СЪВЗДИЛЪ КЪ СЕВѢ ДОМОЙ. Разсказъ. . . . . БРЕТЪ-ГАРТА.
- VIII. НОВИКОВЪ И ЕГО ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. (Окончаніе.) . . . . . С. С. ШАНКОВА.
- IX. ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА. Романъ изъ современной англійской жизни. (Часть I, гл. I—VI) . . . . . ДЖОРДЖА ЭЛЮТА.
- X. РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ АМЕРИКѢ. . . . . М. ТРИГО.
- XI. ГЕРЦЕГОВИНЦЫ. Стихотвореніе. . . . . А. МИХАИЛОВА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІІ. ДОВРОЖЕЛАТЕЛЬНАЯ НЕПОСЛѢДОВАТЕЛЬ-

НОСТЬ. . . . . Н. ЯЗЫКОВА.

(Сборникъ государственнѣхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова. Томъ I. Спб. 1874.)

ХІІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Сцены изъ цыганской жизни (Scènes de la vie de Bohème). Переводъ съ французскаго. Спб., 1875 г. — **Стилистическія задачи** для четырехъ низшихъ классовъ. Разказы, описанія, сравненія и періоды. Составилъ П. Гавриловъ, наставникъ-руководитель при гимназіяхъ историко-филологическаго института. Изд. 2-е. Спб., 1875 г.—**Примѣненіе стилистическихъ задачъ** въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ хрестоматій. Руководство для родителей и преподавателей. Составилъ П. Гавриловъ. Спб., 1875 г. — **И. Деркачевъ. Какъ школу построить и устроить?** со многими политиважами и чертежами. Изд. П. Полеваго. Спб., 1876 г.

ХІV. ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. . . . . В. ЛЕНСКАГО.

„Маленькій оборвышъ“. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской (для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ.) Спб., 1876. — „До разсвѣта“. Разказы изъ дѣтской жизни Александры Казиной. Спб., 1873. — „Новый Плутархъ“. Біографіи замѣчательныхъ людей въ исторіи, литературѣ и искусствѣ. Томъ I. Изданіе О. Бакста. Спб., 1875. — „Родные отголоски“. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, съ рисунками И. Панова, грав. Паннематеромъ. Изданіе Н. Полеваго. Парижъ и Спб., 1875. — „Приключенія Санхо-Панса во время его губернаторства на островѣ Баратаринъ“. Спб., 1871. — „Харикль“. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Спб., 1876. — „Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ“. Съ портретомъ автора, рисунками и картою Африки. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. М. Цебриковой. Спб., 1876. — „Космосъ для юношества“. Составленъ по Керберу и другимъ, подъ редакцію К. Краевича. Спб., 1875. — „Природа и жизнь“. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политиважами. Изданіе М. Малышевой и А. Пѣловой. Спб., 1875. — „Въ своемъ кругу“. А. Острогорскаго. Спб., 1875. — „Изъ дальнихъ странъ“. Разказы для дѣтей. Состав. Е. С—та. Москва, 1876. — „Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ“. Переводъ В. Н. Зыковой. Съ рисунками. Спб., 1875.

ХV. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. . . . . АНОНИМА.

ХVІ. ЗАМѢТКИ О ПЛОДАХЪ УМА И ТАЛАНТА. I.

Плоды таланта г. Воборыкина. II. Плоды таланта г. Авсѣнки. III. Плоды ума г. Зауряднаго Читателя. . . . . Б.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ОТКРЫТІИ ПОДПИСКИ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ДЪЛО“

въ 1876 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1876 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія девять лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой	16 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «ДЪЛО», по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать се бя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

---

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ **ближайшее почтовое мѣсто**, въ которое можно было бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ **не позже** полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать **двѣ** почтовыхъ **восьми-копѣчныхъ** марки за напечатаніе адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресуются **исключительно** въ контору редакціи, причемъ жалобы должны сопровождаться удостовѣреніемъ мѣстной почтовой конторы, что книжка дѣйствительно не получена подписчикомъ.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, а также требующія увѣдомленія о полученіи денегъ въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признаваемыя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи **не болѣе** года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія стихотворенія **не возвращаются**.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ оставлены или высланы въ редакцію деньги, соразмѣрно стоимости пересылки.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

△
P Slav 236-4 (1876, no-2)

✓

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 февраля 1876 года.

ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ.

РОМАНЪ.

VI.

Утромъ въ тотъ день, когда мы познакомились съ Муратовой, она сидѣла передъ зеркаломъ: горничная чесала ей волосы.

— А у васъ одинъ сѣдой волосокъ есть, вдругъ замѣтила горничная.

— Что? съ изумленіемъ спросила Муратова и даже обернулась къ горничной лицомъ, хотя она могла видѣть ея лицо и въ зеркалѣ.

— Сѣдой волосъ! повторила горничная. — Прикажете вырвать?

Муратова задумалась и равнодушно отвѣтила:

— Вырви, если хочется.

Горничная вырвала и подала ей волосъ. Муратова машинально взяла его въ руки и внимательно стала разсматривать этотъ тонкій, серебристый волосъ, точно въ немъ было что-то особенное. Она наворачивала его на палецъ и, кажется, не слыхала болтовни горничной.

— Какъ рано, сударыня, сѣдые волосы у васъ начинаютъ расти, болтала горничная.— Это оттого, что у васъ черные волосы, или отъ головной боли. А то бываетъ отъ заботъ. Вотъ у меня долго не будетъ сѣдыхъ волосъ, я бѣлокурая, а не брюнетка...

— Ты, Маша, я слыхала, замужъ идешь? спросила Муратова задумчиво.

— Да, сударыня... Да нескоро еще, мѣсяцевъ черезъ шесть, отвѣтила горничная. — Съ деньгами еще не справились... Такъ нельзя, тоже свадьбу сыграть надо...

— По любви идешь?

— Какъ-же, сударыня, безъ любви выйти...

— Да, да, безъ любви нельзя! вздохнула Муратова. — Безъ любви выйти—это значить погубить себя...

Она задумалась.

— Вы, сударыня, какое платье сегодня надѣнете? Свѣтлое?

— Платье? очнувшись, спросила Муратова. — Нѣтъ, черное сегодня, черное...

— Къ вамъ оно очень идетъ.

— А?.. Идетъ?.. Да, да, черное идетъ...

Муратова одѣлась и стала ходить по комнатѣ.

— Ты мнѣ не нужна болѣе, обратилась она къ горничной. Горничная вышла.

Муратова подошла къ зеркалу и окинула глазами свое отраженіе.

— Неужели я начинаю старѣться? Въ мои-то годы! Или это такъ, случайно явился одинъ сѣдой волосъ?.. Впрочемъ, что-же мудренаго и посѣдѣть отъ этихъ думъ... Нѣтъ, я еще молода, хороша!

Муратова улыбнулась сама себѣ и ближе приняла къ зеркалу.

— Но у меня утомленный видъ сегодня...

Она потянула пальцами кожу у наружныхъ угловъ глазъ.

— Да, это морщинки... Свѣжесть кожи исчезаетъ... И отчего эта черта появилась?

Она взглянула на тонкую черту, проходившую подъ подбородкомъ.

— Полнѣю...

Она отошла отъ зеркала и снова заходила по комнатѣ.

— А что сдѣлается въ годъ, въ два? почти вслухъ подумала она.

Она мелькомъ взглянула на свой портретъ, писанный пастелью года три тому назадъ. Это была одна изъ лучшихъ работъ Белолли.

— Какая перемѣна въ три года! вздохнула она. — Тамъ почти дѣвочка, теперь...

Она не кончила и горько усмѣхнулась.

— Еще года два, три—и никакой жидъ не дастъ за меня ничего.

Вечеромъ въ этотъ день она уже кокетничала съ барономъ Гельфрейхомъ. Въ глубинѣ души она уже рѣшила вопросъ: „быть или не быть“. Но она не могла еще безъ отвращенія вспомнить о баронѣ и, какъ мы видѣли, почувствовала въ то-же время ненависть къ мужу: она находила себѣ оправданіе въ томъ, что она поступаетъ такъ ради него, что при другомъ мужѣ ей не пришлось-бы такъ поступать. Она сидѣла теперь, отдавшись тяжелымъ думамъ о человѣкѣ, внушившемъ ей отвращеніе и готовомъ потребовать ея любви. А до нея продолжали долетать смутные звуки музыки и говора. Она даже могла разслушать пѣніе. Она машинально встала, взяла свѣчу и пошла въ другую комнату. Это была небольшая, похожая на коридорчикъ комната съ мраморною ванною и мраморнымъ умывальнымъ столомъ; за нею была гардеробная, большая комната съ красивыми шкапами, съ трюмо и парю кресель. Изъ этой комнаты веда дверь въ комнату, гдѣ раздавалось пѣніе и музыка. Эта дверь была замкнута и закрыта тяжелою портьерой. Аделаида Александровна тихо поставила свѣчу на маленькій столикъ у трюмо, подняла тяжелую портьеру и остановилась у дверей.

За стѣной кто-то тихо фантазировалъ за фортепяно, наигрывая вальсъ изъ Фауста. У самой стѣны, точно подъ ухомъ Аделаиды Александровны, кто-то, очевидно продолжая начатый разговоръ, говорилъ:

— ...Ну и пришлось разстаться. Но мы любили другъ друга и были счастливы. Чего-же еще больше? Теперь будемъ искать новаго счастья.

Фантазировавшій у фортепяно человѣкъ заигралъ арію изъ Синей Бороды и до Аделаиды Александровны долетали звуки чистаго тенора. Онъ пѣлъ:

Amours nouvelles!
 Changer de belles,
 Changer tous les huit jours!
 Quoiqu'on en dise,
 C'est ma devise!
 Amours,
 Courtes amours!

— Ну, эти *courtes amours* хороши для того, кто уже лю-
илъ, произнесъ мягкій и свѣжій голосъ, знакомый Аделандѣ
Александровнѣ.

Это былъ голосъ ея дальняго родственника, графа Виктора
Валерьяновича Баскакова.

— А ты еще не любишь? раздался насмѣшливый вопросъ гос-
подина, сидѣвшаго у стѣны, около тѣхъ дверей, гдѣ стояла Му-
ратова.

Она почему-то ближе прижала ухо къ двери.

— Нѣтъ еще, какъ-бы неохотно отвѣтилъ Викторъ Валерьяно-
вичъ.

— Ахъ ты красная дѣвушка! засмѣялось нѣсколько голо-
совъ.

— Да развѣ не испытать любви—значить быть красной дѣ-
вушкой? возразилъ родственникъ Муратовой.

— Скажи пожалуйста, неужели Аделаида Александровна лю-
бить своего монстра? такъ рѣзко и отчетливо раздалось подъ
ухомъ Аделаиды Александровны, что она невольно отшатнулась
отъ двери, точно боясь, что ее замѣтятъ.

— Я ее объ этомъ не спрашивалъ, сквозь зубы проговорилъ
графъ Баскаковъ.

— Э, господа, мужчина немножко лучше чорта уже красавецъ
для женщины. Женщинъ не поймешь, за что онѣ любятъ, замѣ-
тилъ кто-то.

Дилетантъ-піанистъ между тѣмъ снова игралъ отрывки изъ
„Фауста“ Гуно: это были думы и пѣсня Маргариты за пралкой.

— Ну, я съ этимъ не согласенъ, возразилъ голосъ подъ ухомъ
Аделаиды Александровны.—Безъ всякаго основанія не могутъ лю-
бить и женщины. Онѣ всегда любятъ за что-нибудь—за красоту,
за умъ, за богатство... А твой дядюшка, Викторъ, можетъ быть
любимъ развѣ за то, что его можно-бы за деньги показывать во
время масляницы.

Въ комнатѣ раздался дружный смѣхъ. Муратова закусила
губы.

— А вы забыли, господа, что иногда женщины любятъ сво-
ихъ мужей за то, что они покладисты и закрываютъ глаза, ког-
да нужно не видѣть, и затыкаютъ уши, когда нужно не слышать,
замѣтилъ кто-то.

Муратова вспыхнула: ее подозрѣваютъ, подозрѣваютъ въ грѣхѣ, котораго она еще не совершила. Ей было и досадно, и больно.

— Твоя выходка совсѣмъ неумѣстна! строго и рѣзко замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ. — Моя тетка не нуждается въ покладистомъ мужѣ. Вообще, господа, совѣтую вамъ не говорить о ней или быть осторожнѣе.

— А что? развѣ она отсюда можетъ услышать?

— Она не можетъ услышать, но я-то слышу, съ удареніемъ отвѣтилъ родственникъ Муратовой.

— Ба! Да онъ, кажется, неравнодушенъ къ своей прелестной tante! Что-жь, да здравствуетъ любовь! раздались голоса.

— Да, любовь и вино! крикнулъ голосъ подъ ухомъ Аделаиды Александровны. — Мы, господа, болтаемъ и мало пьемъ.

Муратова услышала звонъ стакановъ. Музыкантъ заигралъ снова и запѣлъ:

Buvons sec, quand le vin est bon!
 Du raisin naquit la chanson,
 Les glouglous, les joyeux flonflons
 Sont toujours des gais compagnons.

Въ комнатѣ зазвучалъ смѣхъ и смутный говоръ.

„Какъ они веселы и счастливы!“ невольно подумала Муратова и въ ея головѣ мелькнула мысль о томъ, что она, Муратова, никогда не испытала въ жизни ни беззавѣтнаго веселья, ни полнаго счастья. Она опустилась въ одно изъ стоявшихъ креселъ и задумалась: ей опять вспомнилась вся ея жизнь.

VII.

Въ воображеніи Аделаиды Александровны рисуется величественный, обширный барскій домъ, надменно и одиноко стоящійся отъ убогихъ крестьянскихъ избъ. Кругомъ дома глухо шумитъ громадный паркъ. Въ домѣ царствуетъ тишина, точно въ немъ все вымерло. Но въ немъ есть народъ, только этотъ народъ — „люди“, „дворовые“, „прислуга“, „крѣпостные“. Они не смѣютъ стучать ногами, не смѣютъ громко говорить, не смѣютъ громко смѣяться. Иногда появляются здѣсь знакомые. но и они какъ-то стѣсняются, притихаютъ, улыбаются и

говорятъ точно по заказу. Почему-же замѣчается эта мертвенность, эта сдержанность? Потому, что такъ угодно самодурствующему властелину дома, старому дядѣ Аделаиды Александровны, Платону Николаевичу Басбакову. Надменный, холодный, эгоистичный, онъ подавляетъ всѣхъ: онъ скучаетъ и сердится на весь міръ и придирается ко всѣмъ, кому весело. Но онъ любитъ ее, котенка Адель, только какъ любить! Онъ и мучаетъ, и балуетъ ее. Сначала онъ доводитъ ее до слезъ своими капризами, потомъ сажаетъ къ себѣ на колѣни и требуетъ, чтобы она ласкалась къ нему. Изъ нея вырабатывается мелочно-хитрый ребенокъ, умѣющій сдерживаться, умѣющій въ-время ласкаться, живущій въ себѣ самою своею собственною жизнью. Эта жизнь странная: Адель любитъ похвѣстаться, полѣниться, погрѣться на солнцѣ, почитать въ теплой постели романы. У нея развивается воображеніе и оно рисуетъ ей причудливыя картины ея будущаго счастья—веселой и шумной жизни въ столицѣ, съ любовью къ „нему“. Кто этотъ онъ, она еще не знаетъ, но она уже представляетъ его себѣ красавцемъ, блестящимъ героемъ. Иначе и быть не можетъ, потому что она сама хороша собою. Иногда она по получасу стоитъ въ своей комнатѣ на мягкомъ коврѣ передъ трюмо и любитъ собою, любитъ молодыми формами своего стройнаго тѣла. Что-то сладострастное, что-то грѣшное сказывается въ эти минуты во всей фигурѣ молодой дѣвушки. Но вотъ настаетъ минута, когда ей говорятъ, что за нее сватается женихъ, — женихъ некрасивый, неблестящій и даже неспросившій ее о ея любви къ нему. Онъ проситъ ея руки прямо у дяди, безъ объясненій съ нею. Она оскорблена. Она готова отказать ему. Но какъ-же отказать, когда этого брака желаетъ дядя, когда отъ дяди зависятъ всѣ ея матеріальныя средства? Къ тому-же дядя говоритъ, что этотъ мужъ будетъ въ ея рукахъ игрушкой, такъ-какъ деньги, богатство будутъ ея. Да, наконецъ, она и боится, что въ этомъ пустынномъ домѣ не найдется другого жениха, а года уходятъ: ей уже двадцать два года. Она соглашается, какъ молодая вѣтренница, незнающая жизни, неимѣющая серьезныхъ понятій о бракѣ. И вотъ настаетъ минута перваго любовнаго объясненія съ женихомъ. Онъ глупо, пошло оскорбляетъ въ ней ея дѣвическую стыдливость, ея самолюбіе, и вселяетъ въ молодое сердце чувство презрѣнія къ себѣ. Однако, приходится побороть это чувство и стать съ этимъ че-

ловѣкомъ подѣ вѣнецъ. Въ первыя-же минуты послѣ свадьбы она видитъ, что ея мужъ бессознательный циникъ, циникъ по натурѣ, по воспитанію. Обнимая ее, онъ говоритъ ей, еще невинной дѣвушкѣ, что онъ сходилъ со многими женщинами, но ни разу не сблизался съ такою, какъ она, — и ей становятся противны, оскорбительны его ласки. Сжимая ее въ своихъ неуклюжихъ объятіяхъ, онъ не забываетъ спросить ее, далъ-ли ей дядя денегъ въ приданое, — и она не можетъ даже на минуту отдаться обаянію первыхъ ласкъ, сознавая, что она для мужа только придача къ деньгамъ. На другой-же день послѣ свадьбы мужъ обнаруживаетъ деспотическій и грубый характеръ, поднимая бурю изъ-за денежныхъ счетовъ. Она видитъ потребность обуздать его и ухватывается за единственное средство: за свои имущественныя права. Молодые пріѣзжаютъ въ Петербургъ и Адель нѣсколько воскресаетъ. Шумъ столицы, балы, театры, новыя знакомства, — все это увлекаетъ ее въ быстрый водоворотъ. Мужъ ея истрачиваетъ свои деньги на меблировку комнатъ, на экипажъ, и говоритъ, что имъ нужно еще денегъ, что деньги можно добыть, продавъ лѣсъ. Она продаетъ этотъ лѣсъ, она даетъ мужу денегъ, чтобы избѣжать „сценъ“ и его ласкъ. Она уже понимаетъ, что онъ укрощается и исчезаетъ изъ дому, когда у него есть деньги. Въ домѣ начинается безпутная жизнь: мужъ играетъ на биржѣ, играетъ въ карты, покупаетъ ласки французскихъ кокотокъ, жена ѣздитъ по магазинамъ, по театрамъ, по баламъ. Иначе жить они не могутъ, потому что кругомъ ихъ, среди знакомой имъ свѣтской молодежи, все живетъ этою жизнью, похожею на пьяную оргію, на вальпургіеву ночь. И какъ они оба довольны, когда ему, безобразному уроду, удастся за деньги купить какую-нибудь едва расцвѣтшую красавицу-француженку, проданную ему матерью и отбитую имъ отъ менѣе богатаго юноши-красавца; какъ счастлива его жена, когда за нею въ собраніи, въ оперѣ появляется цѣлый хвостъ блестящей молодежи, ожидающей ея милостиваго взгляда! Но все это поглощаетъ деньги, деньги и деньги. Правда, брилліанты не всегда бываютъ настоящими брилліантами, но и поддѣлка стоитъ дорого при покупкѣ и ничего не стоитъ при продажѣ. Правда, картины на стѣнахъ ея комнатъ не принадлежать кисти Жераръ-Дова, Рембрандта, Теньера, Рафаэля, — это сомнительные Буше, поддѣльные Ватто

жалкіе Лагрене, доморощенные Воробьевы, это не вѣковые холсты Ванъ-Дика, а скороисчезающія пастели разныхъ Беллоли,—но все это, стоющее гроша при распродажѣ, покупается на вѣсъ золота. Правда, что бронза Крумбюгеля, Кумберга и Кача не бронза Бенвенуто Челлини, но главное отличіе этой бронзы отъ бронзы Челлини состоитъ не въ томъ, что она дешево стоитъ при покупкѣ, а въ томъ, что она теряетъ всякую цѣну, какъ только съ нея снимется ярлыкъ магазина. За ихъ мебель заплачены тысячи рублей, но все-же это безхарактерная, сдѣланная изъ хрупкаго американскаго орѣха мебель Гассе, Тура, Лизере, а не вѣковая и характерная мебель Буля, передающаяся изъ рода въ родъ. Такимъ образомъ, мишура, сусальное золото, поддѣлки новѣйшей свѣтской жизни требуютъ все-таки много денегъ, денегъ и денегъ. Гдѣ-же взять эти деньги? Имѣнье закладывается и пере-закладывается, долги дѣлаются вездѣ—и въ перспективѣ стоятъ призраки долгового отдѣленія, нищеты, позора...

Аделаидѣ Александровнѣ вспоминается гейневская барыня, за которой, во время ея богатства, ухаживали короли и про которую, во время ея бѣдности, сказали, что отъ нея „несетъ чеснокомъ“.

Оставалась одна надежда—выпросить помощь у отца. Онъ получилъ въ наслѣдство все имѣніе своего брата Платона Николаевича. Попытка дѣлается, и увѣ! получается отказъ. Отецъ пишетъ, что у него на рукахъ четверо дѣтей и что его жена—онъ подчеркиваетъ это слово—Матрена Кузьминишна, находится теперь въ такомъ положеніи, что съ часу на часъ ждутъ появленіяятаго ребенка. Матрена Кузьминишна, бывшая крѣпостная дѣвка, бывшая ключница, женила его на себѣ! Ея дѣти узаконены имъ! Можетъ быть, отцомъ сдѣлана даже и духовная, такъ что ей, Аделаидѣ Александровнѣ, нечего рассчитывать и на его смерть! Значитъ, нужно надѣяться только на свои средства. Но что это за средства? Три тысячи жалованья Аркадія Павловича едва хватаютъ на плату за квартиру и на жалованье прислугѣ. На что-же одѣваться, пить и ѣсть, содержать экипажи, выѣзжать на балы, дѣлать вечера у себя, абонироваться въ оперу и во французскій театръ? Отказаться отъ широкой жизни? Но что скажутъ другіе знакомые? Каково читать афиши объ абонементѣ на оперу и не имѣть возможности взять ложу? Каково видѣть сво-

ихъ знакомыхъ ѣдущими въ экипажахъ и идти пѣшкомъ или трастись на простомъ извозникѣ? Каково знать, что у графовъ Баскаковыхъ дается балъ, и сидѣть дома, сидѣть съ ненавистнымъ мужемъ? Нѣтъ, кто разъ окунулся въ этотъ омутъ горячечной вальпургіевой ночи, тотъ пойдетъ на все, только-бы купить себѣ право принимать участіе въ этой безумной оргіи. И вотъ начинаются изобрѣтенія средствъ: займы, обманы, аферы. Къ несчастію, Аркадій Павловичъ, зажирѣвшій, ступѣвшій среди вкусныхъ обѣдовъ и веселаго разврата, дѣлается неспособнымъ добиться до чего-нибудь своимъ умомъ. Ему приходится помогать. его приходится вести на помочахъ. Аделаида Александровна энергично борется, чтобы отстоять свое право на шумную, свѣтскую жизнь. У нея является даже помощникъ: секретарь ея мужа, гладенькая, чинная, сухая фигура холоднаго и мѣдлобого мошеника во фракѣ. Андрей Андреевичъ Христофоровъ, попавшій въ мелкіе чиновники съ семинарской скамьи, способный на всевозможныя продѣлки, какъ истый бурсакъ, изобрѣтаетъ удивительныя средства для добыванія денегъ: онъ откалываетъ гдѣ-то глухихъ людей, въ родѣ чиновницы Сипко, которые даютъ въ долгъ Аркадію Павловичу; онъ совѣтуетъ Аркадію Павловичу сдѣлать публикацію о томъ, что требуется управляющій дѣлами съ залогомъ въ пять тысячъ, и такой управляющій изъ пріѣхавшихъ искать занятій въ столицѣ провинціаловъ находится, — ему платятъ семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ за бездѣлье, а залогъ его закладываютъ въ банкъ и истрачиваютъ, забывая или, лучше сказать, не думая о послѣдствіяхъ этого поступка. Подъ вліяніемъ Христофорова дѣла запутываются до того, что Муратовымъ грозитъ уже цѣлая масса судебныхъ процессовъ очень непривлекательнаго свойства. Въ это-то время Аделаида Александровна бросается на путь благотворительности. еще не сознавая, что она пріобрѣтетъ на этомъ пути, но уже предчувствуя, что она или падетъ, или выйдетъ побѣдительницей. Все это происходитъ въ какія-нибудь пять-шесть лѣтъ, но въ эти пять лѣтъ сильно постарѣла Аделаида Александровна и на ея головѣ даже появился сѣдой волосокъ, первый вѣстникъ ранней старости. Да, жизнь была прожита въ пять-шесть лѣтъ, а между тѣмъ эти годы были простымъ опьяненіемъ, стремленіемъ забыть свое несчастное супружество, и не дали ни минуты любви.

За Аделаидой Александровной ухаживали десятки людей, но ухаживали бесплодно: невѣрность мужу, развратъ, потеря репутаціи честной женщины,—все это пугало Аделаиду Александровну и она держала себя строго, хотя порой ей нравилось то или другое лицо. „Я честная женщина“, думала она, и въ этомъ состояла ея гордость, ея право смотрѣть съ презрѣніемъ на „падшихъ женщинъ“. Она даже не сознавала, что вся ея жизнь была „паденіемъ“, потому что она, подобно большей части женщинъ ея круга, считала „паденіемъ“ только чисто-физическое паденіе. И вотъ настало время, когда ей приходится „пасть“, пасть физически, но пасть безъ любви, пасть съ отвращеніемъ къ обольстителю, пасть за деньги, какъ послѣдней проституткѣ. Это ее возмущало. Она еще болѣе ненавидѣла своего мужа за то, что онъ не умѣлъ самъ изобрѣсти средствъ къ спасенію, за то, что часть платы за ея паденіе пойдетъ на удовлетвореніе его плотоядныхъ инстинктовъ. Теперь мужъ казался ей не просто некрасивымъ мужчиной, а уродомъ; теперь она видѣла въ немъ не недалекаго по уму человѣка, а идиота; теперь она считала его не обыкновеннымъ кутилой, а гнуснымъ развратникомъ. Но не лучше казался ей и баронъ, этотъ наглець, этотъ безобразный старикъ, этотъ грубый самодуръ, этотъ жидъ. Но если оттолкнуть барона, найдется-ли другой исходъ? Нѣтъ, исхода не было.

И въ это время, когда она оплакиваетъ свою погибшую молодость, когда она плачетъ о томъ, что не испытала чувства любви, тутъ, рядомъ съ нею, слышатся веселые звуки молодыхъ голосовъ, идутъ рѣчи о любви! Какъ живо представилась ей эта софѣнная комната, отведенная графу Виктору Валерьяновичу Баскакову! Этотъ юноша только-что надѣлъ гвардейскій мундиръ, ему только недавно минулъ двадцать одинъ годъ. Его поручили его дѣдъ и бабка дружбѣ Муратовыхъ, уѣзжая за-границу. Аделаида Александровна живо представляетъ себѣ его фигуру: стройный, какъ молодая пальмочка, стянутый мундирчикомъ, съ молочно-розовымъ личикомъ, съ едва замѣтнымъ, какъ пухъ персика, пушкомъ на щекахъ, съ откровенными, мягкими глазами, смотрящими такъ страстно изъ-подъ длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ, съ тонкими, чувственными ноздрями, съ полными, яркими губами, съ небольшими и ровными зубами,—онъ представлялъ типъ выхо-

леннаго, изнѣженнаго барченка. До сихъ поръ она мало обращала вниманія на его красоту, мало цѣнила его ласки, спокойно смотрѣла на него, когда онъ цѣловалъ ея руки, называя ее *chère petite tante*, или садился у ея ногъ и читалъ ей вслухъ новый романъ. Теперь-же ее вдругъ поразила его фраза:

— Не говорите при мнѣ про тетеу!

Въ то-же время ее заставили задуматься его грустно произнесенныя слова:

— Я еще не испыталъ любви.

„Почему онъ такъ горячо вступился за меня? Неужели потому, что мы родственники? думалось ей.—Нѣтъ, онъ самъ часто смѣется надъ болѣе близкими родственниками... Съ какою грустью онъ сказалъ, что не испыталъ истинной любви! Такъ можетъ говорить человѣкъ, который жаждетъ любви, въ которомъ пробуждается она... Не любить-ли онъ меня болѣе, чѣмъ родственницу?..“ Ей вспомнилось, какъ онъ цѣлуетъ ея руки—долго, нѣжно, краснѣя. Ей вспомнилось, что онъ любитъ сидѣть у ея ногъ, что онъ иногда такъ мягко заглядываетъ ей въ глаза. Она почувствовала, что у нея начинаютъ биться виски, что у нея горятъ щеки... „И какъ онъ хорошъ собою!“ думалось ей. „Что, если-бы... Нѣтъ, нѣтъ, его бабка просила наблюдать за нимъ, беречь его... Онъ еще дитя... Беречь! Но развѣ можно сберечь юношу въ эти годы? Вотъ у него собрались товарищи... О чемъ они говорятъ? Они развращаютъ его. Они увлекаютъ его на дорогу паденія. Онъ бросится въ объятія падшихъ женщинъ и вмѣсто блаженства первой любви испытаетъ то-же, что испытала я въ объятіяхъ падшаго мужчины, своего мужа. Отращенье, презрѣнье, ненависть—вотъ все, что даютъ подобныя связи... Я могла-бы вселить въ него болѣе чистыя чувства“.

— А! у васъ тутъ кутежъ! слышался вдругъ хриплый басъ.

Аделаида Александровна узнала голосъ своего мужа.

— Дядя, какими судьбами? Я думалъ, что вы въ засѣданіи „Общества первой помощи“, произнесъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Отдѣлался, чортъ возьми! Вотъ тоска-то тамъ! отвѣтилъ Муратовъ, здороваясь съ присутствующими.

— Значить и тетушка вернулась? спросилъ Баскаковъ.

— Да.

— Ахъ, а мы тутъ кутимъ и шумимъ, проговорилъ озабоченно Викторъ Валерьяновичъ.— Ну, господа, значитъ конецъ!

— Да ты чего стѣсняешься... началъ Муратовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это ее обезпokoитъ, настаивалъ Баскаковъ,— не хорошо!..

— Побѣдемъ съ нами, раздалось подъ ухомъ Аделаиды Александровны.— Сегодня у Дорота пикникъ. Еще не поздно!

Она замерла и ждала отвѣта.

— Нѣтъ, господа, вы знаете, что я не охотникъ до этихъ дамъ, отвѣтилъ Викторъ.

Аделаида Александровна вздохнула свободнѣе.

— Мальчишка еще! засмѣялся сальнымъ смѣхомъ Муратовъ.— Я за него ѣду съ вами.

— Ну, какъ хочешь, красная дѣвушка, сказалъ кто-то,— а намъ пора.

Молодежь зашумѣла стульями и стала прощаться. Отворились двери и послышались шаги. На минуту воцарилась тишина. Викторъ Валерьяновичъ вышелъ провожать гостей. Ихъ шаги послышались по коридору. Вотъ еще раздались уже одинокіе шаги. Опять отворилась дверь. Викторъ вошелъ въ свою комнату. Аделаида Александровна стояла у дверей въ какомъ-то лихорадочномъ жару. Она не понимала, что дѣлается вокругъ нея. что дѣлаетъ она сама.

— Викторъ, ты еще не спишь? раздался вопросъ.

Этотъ вопросъ сдѣлала Аделаида Александровна и вздрогнула, точно его сдѣлалъ кто-то другой, сдѣлалъ неожиданно для нея.

— Это вы, ма tante? послышался удивленный голосъ Виктора.

— Да. Мнѣ нужно дать тебѣ порученіе! отвѣтила Аделаида Александровна.

Она говорила наобумъ, бессознательно.

— Я сейчасъ приду къ вамъ въ будуаръ, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно сказать только пару словъ... Отвори, я войду къ тебѣ, проговорила она, едва переводя духъ.

— Сейчасъ... я безъ скрутка.

— Ахъ, я не буду смотрѣть на тебя! лихорадочно засмѣялась Аделаида Александровна и прислонилась къ стѣнѣ.

Она едва стояла на ногахъ.

Послышались шаги, щелкнулъ замокъ и дверь отворилась. На Аделаиду Александровну упали лучи сильнаго освѣщенія и пахнуло наркотическимъ, острымъ запахомъ табачнаго дыма, честера, выпитаго и пролитаго шампанскаго, очищенныхъ апельсиновъ, грушъ и яблоковъ. Викторъ, весь раскраснѣвшійся, въ разстегнутомъ сюртукѣ, въ бѣломъ жилетѣ, застегнутомъ только на верхнюю и нижнюю пуговицы, быстро подошелъ къ Муратовой и весело протянулъ ей руки.

— Милая моя гостыя! ласково проговорилъ онъ, заглядывая ей въ глаза.

— Викторъ, Викторъ, если-бы ты зналъ, какъ я несчастна! воскликнула она и припала головой къ его груди.

VIII.

Въ двѣнадцатомъ часу утра Аделаида Александровна въ сопровожденіи ливрейнаго лакея вышла изъ своей квартиры, спустилась съ лѣстницы и сѣла въ карету.

Ея лицо имѣло утомленный видъ, на щекахъ проступали неровныя пятна румянца, глаза были томны, въ тѣлѣ ощущалась какая-то дрожь, точно пробѣгали мурашки, какъ бываетъ во время легкой простуды.

— Въ Спасскую улицу, близь Сѣнной, домъ Галкина, проговорила она лакею, затворявшему дверцы кареты.

Лакей вскочилъ на козлы и карета помчалась, гремя по оледѣвшей мостовой. Аделаида Александровна, откинувшись въ уголокъ кареты, задумалась. Ея мысли были сбивчивы и отрывочны. Она то вспыхивала вся, вспоминая о томъ, что она любитъ, что она любима, то пугливо вздрагивала, когда въ ея воображеніи представлялся образъ барона, — барона, который будетъ сегодня вечеромъ у нея въ гостяхъ. Были минуты, когда она готова была дернуть за шнурокъ, чтобы тотчасъ-же сказать лакею:

— Не принимать сегодня вечеромъ барона Гельфрейха, когда онъ придетъ къ намъ.

Въ эти минуты ей казалось невозможнымъ принять барона именно сегодня, принять въ то время, когда она можетъ пройти

снова къ Виктору, пройти уже безъ спросу, безъ смущенія, безъ страха за результаты посѣщенія. Но вслѣдъ за этимъ бурнымъ и страстнымъ порывомъ являлись вопросы: а что-же будетъ послѣ? не оскорбится-ли баронъ, что имъ играютъ? не отвернется-ли онъ отъ нея? „Пускай, пускай отвернется!“ мысленно восклицала она, и въ то-же время мгновенно какъ-то съезживалась, прижималась, падала духомъ. „А нищета? говорилъ внутренній голосъ.—Развѣ ты будешь наслаждаться любовью Виктора въ нищетѣ? И что скажетъ свѣтъ, узнавъ о твоёмъ разореніи? Вѣдь тебя считаютъ богатой и потому уважаютъ и принимаютъ. Вотъ и теперь ты ѣдешь спасать бѣдныхъ“. Муратова обрадовалась, вспомнивъ о цѣли своего путешествія. Она могла хотя на время отдѣлаться отъ мысли о баронѣ и Викторѣ и отдаться другимъ вопросамъ. Она начала разсуждать, что она будетъ дѣлать съ новою обузою, навязанною ей Марьею Петровною. „Имъ нужно радикально помочь, помимо нашего общества; придумайте, какъ-бы это сдѣлать; возьмите дѣвушку къ себѣ швей“,—эти слова еще звучали въ ушахъ Аделаиды Александровны. Нужно помочь, нужно вырвать эту дѣвушку изъ окружающаго ее омута, но это гораздо легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Взять ее къ себѣ въ качествѣ швей? хорошо, если она точно умѣетъ шить. Въ такомъ случаѣ это будетъ даже выгодно. За шитье нарядовъ приходится такъ дорого платить. Дома шить выгоднѣе; теперь это было-бы даже кстати, потому что платить нечѣмъ, а въ долгъ—въ долгъ уже не шьетъ ни одна изъ извѣстныхъ модистовъ. Ее нужно научить, если она не умѣетъ шить. Можно заставить ее познаться съ какой-нибудь горничною одной изъ этихъ дамъ полусвѣта, которыя являются теперь законодательницами моды для дамъ высшаго круга.

При мысли о дамахъ полусвѣта по лицу Муратовой скользнула горькая усмѣшка и она почти вслухъ проговорила: „А чѣмъ-же дѣлаюсь я?“ Но она сдѣлала усиліе надъ собой и снова перешла къ мысли о бѣдной дѣвушкѣ, порученной ей покровительству.

„Но сколько придется ей платить? разсуждала она.— Впрочемъ, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если она дѣйствительно находится въ такой крайности, то она будетъ рада теплomu углу, готовому столу, нѣсколькимъ старымъ платьямъ. Главное,

чтобы Марья Петровна знала, что эта дѣвушка вырвана изъ омута“.

Выврана изъ омута! А куда она попадетъ? Развѣ домъ самой Муратовой не омутъ? Развѣ сама Аделаида Александровна не рада-бы бѣжать изъ него? Да, она рада-бы бѣжать изъ него. Но этой дѣвочкѣ тутъ будетъ хорошо, въ теплѣ, на всемъ готовомъ. Эти люди, право, счастливы. Они поступаютъ въ горничныя, въ швеи, въ няни и не думаютъ ни о чемъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ и въ концѣ-концовъ выходятъ замужь по любви.

— Кого прикажете спросить? раздался вопросъ лакея, остановившагося у дверцы кареты.

— Это домъ Галкина? спросила Аделаида Александровна, незамѣтившая, какъ она доѣхала до цѣли.

— Точно такъ.

— Спроси, здѣсь-ли живутъ... Пстой, я забыла ихъ фамилію...

Аделаида Александровна въ замѣшательствѣ вынула изъ кармана изящную записную книжку, заглянула на страничку съ загнутымъ угломъ и медленно прочитала:

— Титулярный совѣтникъ Андрей Егоровичъ Лыткинъ.

Лакей пошелъ справляться. Аделаида Александровна разсѣянно смотрѣла изъ окна кареты на длинный дворъ, виднѣвшійся сквозь отворенныя ворота. Снѣгъ, сметенный въ кучи, превратившійся въ какія-то сѣровато-коричневныя массы, чередовался здѣсь съ блестящими, застывшими лужами; около раствореннаго сарая были свалены въ кучу дрова; въ одномъ углу было навалено нѣсколько пустыхъ бочекъ изъ-подъ соленныхъ огурцовъ и кислой капусты. Дворъ походилъ-бы на обширную помойную яму, если-бы здѣсь не сновали поминутно мастеровые, оборванныя женщины и грязныя дѣти.

— Здѣсь, послышался голосъ у дверцы кареты.—Прикажете проводить?

— Да.

Аделаида Александровна вышла изъ кареты и вступила подъ отсвѣтвшія и мрачныя ворота, захвативъ одной рукой длинное платье и юбки. Ее поразили на дворѣ движеніе и шумъ: въ одномъ углу гулко гремялъ молотъ о желѣзо у слесаря, въ другомъ раздавались непріятные звуки оттачиваемыхъ на колесѣхъ

инструментовъ; въ третьемъ углу слышались тяжелые удары топора, раскалывавшаго дрова. Пройдя весь длинный дворъ, Аделаида Александровна должна была пройти еще одни ворота и, войдя во второй дворъ, свернуть въ довольно узкій переулокъ, образовавшийся между лѣвою стѣною дома и надворнымъ строеніемъ, заключавшимъ въ себѣ сарай, прачечную и помойную яму. Поравнявшись съ прачечной, Аделаида Александровна неволью отшатнулась въ сторону, такъ-какъ ее обдало горячимъ паромъ, пропитаннымъ отвратительнымъ запахомъ распареннаго грязнаго бѣлья.

— Ты не ошибся? спросила она лакея. — Тутъ, кажется, нѣтъ хода...

— Никакъ нѣтъ, вотъ лѣстница, отвѣтилъ лакей и указаль ей въ уголь налѣво.

Дѣйствительно, тутъ было въ стѣнѣ, покрытой сырими пятнами, почти черное отверстіе — это былъ ходъ въ подвальный коридоръ. Отверстіе только на половину находилось надъ землею, другая его половина ушла въ землю. Чтобы проникнуть въ него, нужно было спуститься по пяти каменнымъ ступенямъ. Ступени были разбиты, облиты не то оледенѣвшей водой, не то застывшей грязью. Помойная яма, помѣщавшаяся въ двухъ шагахъ напротивъ, была выше этихъ ступеней и отъ нея тянулась къ нимъ грязная, застывшая струя просачивавшихся изъ нея помой.

„И живутъ-же люди въ этихъ трущобахъ и терпятъ! Это ужасно!“ почти вслухъ подумала Аделаида Александровна.

Въ эту минуту въ ея головѣ промелькнула мысль, что если бы она принуждена была теперь свести разомъ всѣ свои счета, то у нея не осталось-бы средствъ даже для найма помѣщенія въ такой трущобѣ и кромѣ десятка тысячъ долга у нея не нашлось-бы ничего.

— Что-жъ, отказать барону, горько усмѣхнулась она при этой мысли. — Испытать, на-сколько сильна любовь Виктора, спустившись до подобной конуры.

На ея глаза навернулись крупныя слезы.

— Но вѣдь это значить сдѣлаться проституткой! Не любить мужа, любить вношу и покупать возможность пользоваться его любовью, продаваясь ненавистному, гнусному старику...

Она вздрогнула и едва не оступилась, начавъ спускаться по скользкой лѣстницѣ въ омутъ столичной нищеты.

IX.

Для Лыткиныхъ давно уже начался день. Старуха Лыткина съ пяти часовъ утра работала въ прачечной. Ея десятилѣтній сыннишка въ девятомъ часу куда-то ушелъ изъ дома. Даша съ утра сидѣла за шитьемъ грубаго бѣлья. Только самъ старикъ Лыткинъ еще лежалъ на кровати. Впрочемъ, и онъ давно уже не спалъ.

На немъ были надѣты свѣтлые панталоны гороховаго цвѣта съ коричневыми клѣтками и двумя темными заплатами, и порыжѣвшій отъ времени сюртукъ съ продранными локтями и съ пятью пуговицами, изъ которыхъ двѣ были свѣтлыя съ гербами, а три черныя, давно лишенныя обтяжки. Повидимому, онъ проспалъ всю ночь въ одеждѣ. На полу, недалеко отъ кровати, лежала его вытертая, замасленная фуражка съ бархатнымъ околышемъ, разорваннымъ козырькомъ и потускнѣвшею кокардою. Лежа на постели, онъ отъ времени до времени поворачивался съ боку на бокъ и искоса поглядывалъ на дочь, сидѣвшую спиною къ нему. Казалось, онъ хотѣлъ о чемъ-то заговорить и не рѣшался. Наконецъ, онъ приподнялся, спустилъ на полъ ноги, обутыя въ порыжѣвшіе сапоги, и сѣлъ на кровати. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, съ полусѣдыми всклокоченными волосами, съ опухшимъ, давно небритымъ лицомъ, съ воспаленными и мутными глазами. Присѣвъ на кровати, онъ почесалъ въ головѣ и кашлянулъ. Онъ, видимо, ожидалъ, что дочь обернется къ нему лицомъ, услышавъ его движеніе и кашель. Но она упорно наклонилась надъ работою и, казалось, не замѣчала ни его движенія, ни его кашля. Онъ покачалъ головой и обlickнулъ ее:

— Даша!.. Дашенька!..

Онъ говорилъ немного нараспѣвъ. Его хриплый голосъ принялъ особенно мягкое, заискивающее выраженіе. Дочь не повернула къ нему головы и сухо спросила:

— Что вамъ?

— Что ты, Дашенька, все такая скучная? промолвилъ онъ еще болѣе пониженнымъ тономъ.

— Радоваться-то нечему! послышался отрывистый отвѣтъ. — А вы вчера опять напились?

Отецъ сдѣлалъ кислую гримасу и поначалъ головой. •

— Съ горя, Дашечка, съ горя! Голова вотъ теперь трещить...

— Горе-то у васъ съ чего? Служить не умѣли честно, взятки нужно было брать. Ну вотъ и дослужились до кабака за эти взятки...

Дочь говорила отрывисто, раздражительно взмахивая иглой. Отецъ жалобно улыбнулся.

— Нѣтъ, Дашечка, нѣтъ, это ты не то говоришь, началъ онъ оправдываться. — Взятки что! Взятки брать можно. Это благодарность, отъ чувства происходитъ. Всѣ ихъ брали... Если-бы я взятокъ не бралъ, меня въ первый годъ службы согнали-бы съ мѣста, я-бы у товарищей какъ бѣльмо на глазу былъ, они меня за фискала считали-бы... Да и чѣмъ-же-бы жить? Развѣ жалованье-то тогда такое давали, что-бы на него жить можно? А мать — развѣ мать твоя потерпѣла-бы, что другихъ мужей жены въ довольствѣ живутъ, а мы голодаемъ?.. Нѣтъ, Дашечка, не то ты сказала. Взятки и прежде насъ брали, и теперь берутъ, и послѣ брать будутъ. Безъ взятокъ никакого дѣла не сдѣлаешь. Еще Капнистъ въ Ябедѣ говорилъ...

Дочь вдругъ обернулась и окинула суровымъ взглядомъ неприглядную фигуру отца:

— Такъ почему-же это вы безъ мѣста-то теперь сидите?

Старикъ съезился и заерзалъ въ смущеніи руками по кровати, точно разглаживая ладонями лохмотья одѣяла.

— Новые порядки меня сгубили—вотъ что, началъ онъ снова.— Да! Я человѣкъ старыхъ порядковъ. Не успѣлъ я къ новымъ порядкамъ присмотрѣться, не успѣлъ руку по-новому набить... Вѣдь теперь не то, что прежде. Прежде все по простотѣ было, по чувству. А теперь не то, совсѣмъ не то-о!.. Изощреніе ума пошло. Ну за то и барыши больше стали. Ахъ, и что это за барыши теперь—страхъ!.. Теперь если нашъ братъ всякіе законы знаетъ да наловчится, такъ такъ-то хорошо можетъ дураковъ обѣзжать, что имъ небо съ овчинку покажется... Вѣдь ты одно то возьми: порядки теперь новые, суды новые, мужики на новомъ положеніи, никто это не знаетъ, какъ ему по закону теперь держать себя слѣдуетъ, что законно, что незаконно,—ну

вотъ знающій человѣкъ-то и можетъ наставлять, въ мутной водѣ рыбу ловить...

Дочь отвернулась, по ея лицу скользнуло выраженіе не то насмѣшки, не то презрѣнія.

— Что-же вы не ловите? спросила она.— Совѣстно, что-ли, стало на старости лѣтъ грабить народъ?

Старикъ махнулъ рукою.

— Эхъ, Дашурочка, какая у нашего брата совѣсть! Кормить ее нечѣмъ. Ты посмотри на меня...

— Насмотрѣлась: хороши! отрывисто отвѣтила дочь.

— Именно: хорошъ! Именно: хорошъ! скривилъ въ усмѣшку свое оплывшее лицо старикъ. — Ни образа, ни подобія!.. Такъ развѣ у такихъ людей совѣсть-то бываетъ? Съ голоду да съ холоду она у насъ сдохнетъ!.. Да если-бы она у насъ и была, такъ все равно никто не повѣрилъ-бы, что она у насъ есть. У Андрея Лыткина совѣсть! У стараго крочкотвора, у чернильной души, у кабацкаго засѣдателя совѣсть!.. Экъ куда хватила!.. Совѣсть, Даша, у тѣхъ, кто въ каретахъ ѣздитъ, кто во фракахъ щеголяетъ, кто не самъ беретъ, а черезъ секретаря принимаетъ,— вотъ у нихъ совѣсть!

Старикъ нѣсколько оживился и говорилъ цвѣтисто, театрально, даже нѣсколько ѣдко. Въ немъ проглядывалъ старшій семинаристъ.

— Что-же вы не заведи каретъ? усмѣхнулась съ горечью дочь.— Или для этого побольше умѣнья да знанья было нужно?

— Не знаній, Даша, не знаній недостаетъ, покачалъ головою старикъ.— Законы-то эти самыя у меня въ головѣ цѣликомъ сидятъ. Кого хочешь статьями въ потъ вгону. Вѣдь тѣ, которые судами-то ворочаютъ, не своей головой живутъ, а нашего брата, какъ справочную книгу, въ секретаряхъ держатъ...

— Чего-же вамъ недостаетъ?

— Одежды, Дашенька, одежды! Виду приличнаго мнѣ недостаетъ! вздохнулъ старикъ.

Онъ, кряхтя, всталъ съ кровати и вышелъ на середину комнаты, шаркая по полу сапогами, изъ которыхъ выглядывали толстые, кривые, мозолистые пальцы.

— Посмотри ты, каковъ я, обратился онъ къ дочери.— Ни образа, ни подобія!.. Вотъ теперь хоть-бы эти штаны или то же сюртукъ взять,— ну развѣ этакъ теперешніе-то законники хо-

дять?.. Вѣдь меня теперь въ этомъ одѣяніи каждый за карманника считаетъ, опасается, какъ бы я часовъ или платка носового не стануль... А если-бы у меня фракъ былъ да...

— Вы во фракъ! съ горькой улыбкой воскликнула дочь.

— Чѣмъ-же я не человекъ, что я во фракъ не могу одѣться, оскорбился отецъ.—Было время, были и фракы.

— Вамъ дать фракъ? Полноте! Да вы его въ первомъ кабакѣ пропили-бы.

— Нѣтъ, не пропили-бы! возразилъ Лыткинъ убѣдительнымъ тономъ и подошелъ къ столу, у котораго сидѣла дочь.—Ты думаешь, что я потому въ кабакѣ сижу, что мнѣ очень сладко это винище-то самое? Нѣ-ѣтъ, Дашенька, не сладко оно; тоже хереса и ронвейны разные хотѣлось-бы пить; вкусъ имъ тоже я знаю; а фрака у меня нѣтъ, ну и пью это винище... Ты только подумай, для кого я въ этой амуниціи дѣла могу дѣлать? Для мужиковъ, для сиволапыхъ, для сѣрокафтаниковъ, для кабацкихъ засѣдателей... Гдѣ я могу эти самыя дѣла обдѣлывать? Въ кабакѣ... И какія такія дѣла могутъ быть у Андрея Лыткина? Просьбу настрочить, направить деревенщину-мужлана, куда ему идти—вотъ и все. Не самъ я по дѣламъ хожу, не самъ въ суды являюсь. Въ тришеи меня изъ новыхъ-то судовъ въ этомъ облаченіи выгнали-бъ... Вотъ я и обдѣлываю кабацкия дѣла... Ну, а за эти дѣла много не заплатятъ: наполятъ, гривенникъ сунуть—и за то говори спасибо, потому что всякое даваніе благо и всякъ даръ суй въ карманъ, если на бобахъ не желаешь остаться.

— Не пили-бы, такъ было-бы лучше, начала дочь,—а то...

— Да нельзя, Дашенька, нельзя! перебилъ ее отецъ, махнувъ рукою.—Какъ-же я это въ кабакѣ приду и пить не буду? Вѣдь вонъ и на службѣ когда я состоялъ, такъ товарищи обижались, если сидишь трезвый въ ихъ компаніи, когда они пьютъ. Не то просмѣютъ, бывало, какъ красную дѣвицу, не то гордецомъ обзовутъ, съ пріятелемъ, говорятъ, повеселиться не хочешь. Ну и пилъ, когда всѣ пили... А теперь и вовсе ужъ нельзя не пить. Не пей я въ кабакѣ, такъ меня этакъ за фискала, за сыщика, либо за вора примутъ.

— А вы и въ кабакѣ не ходите, наставляла дочь.

— Да вѣдь говорю я тебѣ: кабакъ-то и есть теперь мой де-

партаментъ: столоначальникъ я кабацкій— вотъ что я, усмѣхнулся Лыткинъ и опять махнулъ рукою. — Или ты думаешь, что дѣла-то ко мнѣ на домъ принесутъ, что за мной курьеровъ пошлютъ? Нѣ-ѣтъ, подъ лежащей камень и вода не течетъ. Не явился я въ этотъ департаментъ, — другой за меня явится. Лыткинскихъ много... У насъ вѣдь тоже конкуренція. Мы тоже клиентовъ-то, какъ зайцевъ, травимъ, облаву на нихъ, какъ на медвѣдей, устраиваемъ. Каждый изъ насъ клиента-то разорвать готовъ, только-бы къ себѣ перетянуть. Ёсть-то всѣмъ хочется... Вотъ отчего въ кабаки-то я хожу, Даша!

Лыткинъ опустилъ голову: онъ былъ не то отвратителенъ, не то жалокъ въ своихъ лохмотьяхъ, съ своей грустной миной, напоминавшей гримасу паяца, который страдаетъ какими-то невыносимымъ недугомъ и въ то-же время сознаетъ необходимость тѣшить публику своими кривляньями. Шутовство давно уже вошло въ плоть и кровь Лыткина, слышалось даже въ самыхъ горькихъ его рѣчахъ, сквозило сквозъ самое грустное выраженіе его лица. Ему нужно было быть „разлюбезнымъ человѣкомъ“, ему необходимо было быть „шуткомъ гороховымъ“, и онъ вошелъ въ эту роль. Дочь посмотрѣла на него не безъ грусти.

— Что-же, такъ и умереть въ кабакѣ хотите? проговорила она. — Посмотрите на свое лицо, на что оно стало похоже.

— Что-же, на все воля Божія, Дашечка, вздохнулъ Лыткинъ. — Каждому человѣку своя судьба. Отъ судьбы не уйдешь. Вотъ и нѣмецъ въ александринкѣ говоритъ, что суженаго коня не объѣдешь! Хе, хе, хе!

Лыткинъ засмѣялся дѣланнымъ, жидкимъ смѣхомъ и сдѣлалъ умиленное лицо.

— А я къ тебѣ, Дашурочка, съ просьбой, началъ онъ, понизивъ голосъ и наклоняясь къ столу съ умильной фізіономіей.

Дочь нахмурила брови и принялась шить, дѣлая видъ, что она не слышитъ.

— Даша, Дашенька, окликнулъ ее отецъ.

— Что вамъ? рѣзко спросила она. — Опять гривенникъ?

— Гривенничекъ! Одинъ гривенничекъ! обрадовался Лыткинъ, что дочь угадала его обычную просьбу. — Я тебѣ, Дашенька, видитъ Богъ, отдамъ.

— Знаю я, какъ вы отдааете! Напьетесь и опять безъ денегъ придете.

— Ну виновать, виновать! Вчера не отдалъ. А теперь, вотъ тебѣ Христось, отдамъ! Будь я подлець...

— А если не отдадите? Что тогда? Вѣдь у насъ и всего-то въ домѣ двадцать копеекъ. Вѣдь вотъ мать ушла стирать безъ горячаго, братъ ушелъ куда-то, не ѣвши...

— Сегодня я скоро приду, съ деньгами приду, полтинникъ принесу. Дѣло у меня такое есть. Вѣрныя деньги.

— Вѣрныя деньги! Ну и пили-бы на нихъ!

— Да вѣдь ихъ еще получить нужно, а какъ-же я за ними приду, когда у меня въ карманѣ-то пусто? Вѣдь надо сперва подождать въ кабакѣ этого самаго добраго человѣка, у котораго деньги-то въ мой карманъ просятся. Хе, хе, хе!

Лицо Лыткина приняло отвратительное выраженіе хищника, который, казалось, готовъ былъ на все, чтобы обобрать ближняго. Дочь съ омерзѣніемъ отвернулась отъ него и на ея лицѣ снова исчезло выраженіе грусти и состраданія.

— Грабители вы какіе-то! процѣдила она сквозъ зубы.

Лыткинъ испугался, видя, что она сердится, и заговорилъ шутливымъ тономъ:

— Что ты, что ты, Дашурочка! Мы тоже благородные люди, защитники... Да чѣмъ-же мы хуже другихъ-то адвокатовъ? Законы мы знаемъ, бумаги писать умѣемъ. Да и беремъ-то мы меньше; что дадутъ, беремъ. Тѣ-то, другіе-то, куда почище насъ; къ нимъ и не подходи съ гривенниками да пятаками. Къ нимъ, если ты нищъ, нагъ и босъ, лучше и носу не показывай. А мы все по-простотѣ, по-старинному, кто сколько дастъ, по усердію и по средствамъ,—столько и беремъ. Вотъ тоже ты говорила и насчетъ пьянства, такъ вѣдь это всѣ пьютъ, всѣ пьютъ: мы вотъ эту дешевку тянемъ, ну они иностранными винами забавляются; мы это въ кабакахъ сидимъ, а они къ Бореламъ и Дюссамъ ѣдутъ. Это что!

Дочь молчала. Лыткинъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу и почесывая въ головѣ.

— Такъ какъ-же, Дашенька? пробормоталъ онъ. — Гривенникъ-то дашь?

Дочь безнадежно махнула рукою и быстро бросила на столъ мѣдныя деньги. Онѣ прокатились по столу и упали на полъ.

— Берите... все берите! сурово проговорила она съ укоризной.—Надоѣла мнѣ эта жизнь. Хоть-бы вы выспались гдѣ-нибудь да домой въ своемъ видѣ приходили. А то и безъ того не сладко и еще вы тутъ въ пьяномъ видѣ являетесь. Теперь вонъ точно нищій унижаетесь, руки готовы лизать, а въ пьяномъ видѣ бушуете! Да я, кажется, на край свѣта бѣжала-бы, чтобы этихъ безобразій не видать. Мнѣ что: я дорогу нашла-бы! Брата мнѣ жаль, мать жаль!

Лыткинъ ползалъ по полу и дрожащими руками шарилъ по сырнѣмъ доскамъ и собиралъ копейки.

— А меня-то, Дашенька, не жаль тебѣ? Старичка-то не жаль? бормоталъ онъ пласивымъ голосомъ.

— Чего вы передо мной эту комедію-то разыгрываете? рѣзко перебила его дочь.— Развѣ я васъ не знаю? Дай вамъ власть да волю, не то вы запоете. Въ сѣраній рогъ гнуть станете!

— Грѣхъ тебѣ, Дашенька, грѣхъ! жалобно упреждалъ ее отецъ, поднимаясь съ пола.

— Ступайте лучше! Не томите меня, пробормотала она, отворачиваясь въ сторону.

Лыткинъ потащился за фуражкой.

— Ну, иду, иду, Дашенька, заговорилъ онъ торопливо.— Да ты не тужи, Дашечка. Я сейчасъ, я скоро... я полтинничекъ принесу.

— Ступайте ужь!

IX.

Лыткинъ еще не успѣлъ подойти къ двери, какъ она быстро распахнулась и его чуть не сшибла съ ногъ плотная, раскраснѣвшаяся и покрытая потомъ женщина, въ яркомъ клѣтчатомъ платьѣ, въ пестромъ платкѣ, въ сбившейся на затылокъ во время поспѣшной ходьбы старомодной шляпкѣ оранжеваго цвѣта съ пучкомъ колебавшихся при малѣйшемъ движеніи цвѣтовъ. На одной рукѣ этой особы висѣлъ туго набитый сакъ-воажъ, въ другой рукѣ она держала носовой платокъ подозрительной бѣлизны и поспѣшно отирала имъ обильно катившійся съ ея лоснящагося лица потъ.

— Ишь, чуть съ ногъ не сшибла! проворчалъ Лыткинъ.

— Диво сшибить тебя съ ногъ! огрызнулась посѣтительница, вздернувъ голову вверхъ и надвинувъ этимъ движеніемъ на голову сбившуюся на затылокъ шляпку. — Тебя и вѣтеръ-то съ пьяныхъ ногъ въ грязь валить.

— Ты, вѣрно, подносила? сердито проговорилъ Лыткинъ. — Аспидъ!

— Стану я всякаго пьяницу угощать! послышался отвѣтъ.

— Сама хороша! не спустилъ ей Лыткинъ, переступая черезъ порогъ.

— Ужь все лучше тебя-то! крикнула она ему вслѣдъ.

Въ этихъ любезностяхъ не было ничего необыкновеннаго, такъ-какъ ими обмѣнивались эти два лица при каждой встрѣчѣ. Они были связаны самыми тѣсными родственными узами, такъ-какъ посѣтительница была родною сестрою Андрея Егоровича Лыткина. Кромя того они были еще связаны, если не дружбою, не сердечнымъ влеченіемъ другъ къ другу, то сознаниемъ необходимости другъ для друга. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ Лыткинъ прибѣгалъ за деньгами къ Марьѣ Егоровнѣ, а такіе случаи бывали у него если не каждый день, то, по крайней мѣрѣ, черезъ день. Марья Егоровна, съ своей стороны, тоже прибѣгала къ своему брату, когда ей было нужно, чтобъ онъ ее „оправилъ передъ судомъ“, въ чемъ случалась надобность если не каждую недѣлю, то черезъ каждыя двѣ недѣли. Когда наставали такія минуты, что братъ нуждался въ сестрѣ или сестра въ братѣ, то они встрѣчались еще привѣтливѣе и просящій предварительно исчислялъ всѣ вины и преступленія того, къ кому обращался съ просьбой, и только потомъ, послѣ самой ожесточенной перебранки, излагалъ свою просьбу. Эти отношенія, повидимому, были какъ нельзя болѣе по сердцу обоимъ родственникамъ, по крайней мѣрѣ никто и никогда не слыхалъ, чтобы они говорили мирно, чтобы они поздоровались при встрѣчѣ, чтобы они не послали одинъ другому на прощанье обиднаго названія. Марья Егоровна Коптяева была вдова „чиновница“, т. е. она была когда-то замужемъ за писаремъ, получившимъ передъ смертью первый чинъ. Она была образована, т. е. она разбирала даже писанное, если только „крупно“ написано, и умѣла подписывать „Маря Каптява“. Будучи чиновницею и образованною женщиною, она была

горда, т. е. кричала при каждомъ удобномъ случаѣ всѣмъ и каждому:

— Да ты знаешь-ли, съ кѣмъ ты говоришь? Мужичка я необразованная, что-ли?

Но вслѣдствіе всего этого, своей чиновности, своей образованности и своей гордости, она была несчастна, а потому и либеральна. Несчастіе ея состояло въ томъ, что она не могла разбогатѣть, хотя она дѣлала для этого все, что могла. Когда-то она торговала яйцами и селедками, молокомъ и ягодами, мелочами въ родѣ нитокъ, иголокъ, пуговицъ и шелку, и крупными вещами, въ родѣ холста и ситцевъ; на Масляной и на Святой она содержала карусель у балагановъ и имѣла здѣсь лотокъ съ орѣхами и пряниками; на вербахъ она продавала мелкую „хрустальную“ посуду, искусственные цвѣты, поплавки для лампадъ и вязанья шерстяныя вещи; во всякое время года она занималась сватовствомъ, отдачею денегъ на проценты. Въ несчастію, денегъ у нея все еще было мало, такъ-какъ „Господь навязалъ ей“ сначала „на ладонь дышавшаго мужа“, потомъ „наградилъ ее все дѣвками, одна одной хуже“, далѣе „последнюю коровенку отнял“, наконецъ люди „брать берутъ, а отдать и не думаютъ“, „тотъ надуетъ, да другой проведетъ“, такъ тутъ не разбогатѣешь. При такихъ обстоятельствахъ и при „горячемъ характерѣ“ Марья Егоровна отрицала все, не вѣрила ни во что и выражалась иногда очень рѣзко. Эта рѣзкость выражений и нѣкоторыя комерческія аферы, въ родѣ продажи подгнившаго полотна за свѣжее, нерѣдко доводили Марью Егоровну до того, что брату приходилось „оправлять ее передъ судомъ“, а такъ-какъ при введеніи мировыхъ учрежденій въ судъ ее звали чаще и оправдываться было труднѣе, то она при каждомъ удобномъ случаѣ кричала:

— Да какіе у насъ порядки? Шкуру съ тебя только драть умѣютъ, а ты и пикнуть не смѣй.

Пославъ послѣднее бранное слово вслѣдъ удалявшемуся Лыткину, Марья Егоровна быстро подошла къ Дашѣ и, чмокнувъ ее на-лету вмѣсто щеки въ носъ, обратилась съ обычнымъ своимъ вопросомъ:

— Ну, что, какъ у васъ тутъ дѣла?

— Ничего, сухо проговорила Даша.

— Знаю, знаю, перебила ее, не слушая, Марья Егоровна. —

Дѣла какъ сажа бѣла. Сегодня пальцемъ закусывали, вчера крестами насытились. А фельдшеръ былъ?

— Не былъ, односложно пробормотала Даша.

— Ишь подлець! Отвиливаетъ. Да нѣтъ, я ужь его женю. Онъ у меня не уйдетъ. И чѣмъ ты ему не невѣста? Денегъ нѣтъ, ну, такъ лицомъ вышла. Ишь какая!

Марья Егоровна быстрымъ движеніемъ руки подняла за подбородокъ голову Дашы, какъ торгаши поднимаютъ матерію, чтобы полюбоваться ея рисункомъ, и потомъ махнула рукою.

— Съ такими глазами, я не знаю, чего-бы я не добыла, проговорила она. — Машка-Соловей и не такой еще нищей была, а теперь въ коляскахъ развѣзжаетъ да свои помѣстья имѣеть... Выйдешь замужъ за фельдшера,—будетъ чѣмъ жить.

— Не пойду я за него, рѣшительно проговорила Даша.

— Да ты съума сошла, что-ли? воскликнула Марья Егоровна.

— Что пользы-то, если выйду? опустила работу Даша.—Ну, сама я не помру съ голоду, а семья-то что станетъ дѣлать? Легче будетъ ей? Поможетъ онъ-то матери, Вася?..

— Да ты о своей шкурѣ-то думай, свою избу почини, чтобы она не капала, а то сама подъ открытымъ небомъ стоишь, а чужую крышу крыть собираешься, внушительно заговорила Марья Егоровна и въ сердцахъ надвинула движеніемъ головы опять свалившуюся на затылокъ шляпку.

— Вамъ, можетъ быть, чужіе моя мать и мой братъ, а мнѣ они свои, со вздохомъ проговорила Даша.

— Такъ ужь ты не думаешь-ли такого жениха сыскать, который разомъ женится и на тебѣ, и на всѣхъ твоихъ родственникахъ? Нечего сказать, малаго захотѣла!

Даша не отвѣчала.

— Нѣтъ, вижу я, что изъ васъ пути не выйдетъ! кричала Марья Егоровна. — И мать-то твоя всегда была рохлей, и отецъ-то твой деньгу не умѣлъ прикопить, и братъ-то ростеть дармоѣдомъ. Такъ вотъ и ты съ ними ошалѣлою какою-то стала. Да другая-бы на твоёмъ мѣстѣ плюнула-бы на нихъ и ушла-бы.

— Уйти-то куда? съ горечью спросила Даша.

— Да куда глаза глядятъ; ко мнѣ, къ чужимъ людямъ, на улицу.— Въ твои годы да съ твоимъ лицомъ съ голоду не умираютъ. А вы какъ пни какіе, какъ колоды лежите, ну, а подь лежачій камень и вода не течеть.

— Ну, и оставьте насъ, если мы такіе, пожала плечами Даша.— Вѣдь вотъ вы каждый разъ только за тѣмъ и приходите, чтобы выругать насъ всѣхъ....

— А зачѣмъ-же мнѣ и ходить-то къ вамъ, какъ не ругаться съ вами? развела руками Марья Егоровна. — Борьсть мнѣ отъ васъ какая есть, что-ли? Угощенье для меня у васъ приготовлено, нѣшто? Или общество благородное я у васъ встрѣтить могу? Ругаться, ругаться я къ вамъ иду, потому что смотрѣть мнѣ на васъ тошно. Я и тамъ, я и здѣсь, я и мытьемъ, я и катаньемъ грошъ стараюсь добыть, а вы... Тѣфу! не смотрѣла-бы я на васъ!

Даша готова была сказать: „и не смотрите“, но не успѣла. Марья Егоровна перескочила уже къ другой темѣ.

— А ты лучше, чѣмъ обиды на теткѣ считать, приходи ко мнѣ сегодня вечеромъ, проговорила она, понизивъ голосъ и искося взглянувъ на дверь.

— Зачѣмъ? съ удивленіемъ спросила Даша.

— Дѣльцо одно, можетъ, сладимъ, потрепала ее по плечу тетка.— Ишь вѣдь мордашка-то какая, салыннмъ тономъ произнесла она, снова поднявъ за подбородокъ голову Даша.— Другой подумаетъ, что, какъ француженки, подвела рѣсницы. И волосы тоже, какъ есть самага моднѣйшаго колера и вѣдь, ишь ты, отъ самага корня волнуются, точно шелчинки, изъ крученаго шелка выдернутыя.

Марья Егоровна потрогала рукою свѣтло-пепельные, точно гофрированныя волосы Даша; потомъ она быстро, словно очнувшись, надвинула съ затылка свою шляпу и скороговоркой пробормотала:

— Заболталась съ тобой, а еще по сосѣдству надо. Сегодня у пятыхъ жильцовъ въ этомъ домѣ. Салопъ свой вотъ надо захватить сверху у Леонтьевыхъ, у нихъ его оставила. Тамъ ужъ, поди, мой и кофей-то простыль. Такъ смотри, сегодня приходи непременно.

Марья Егоровна снова чмокнула на ходу племянницу и исчез-

ла. Вообще она вездѣ проносилась, какъ буря: ворвется въ домъ, напумитъ, намутитъ и скроется, не остановивъ ни на минуту своего языка, не приѣвъ спокойно на стулъ, не давъ никому времени одуматься. Она даже не имѣла обыкновенія выслушивать отвѣты тѣхъ, кому дѣлала свои предложенія, и потому сватала невѣсты тѣмъ, которые не имѣли никакого желанія жениться, оставляла куски полотна тому, кто совсѣмъ не хотѣлъ шить себѣ новаго бѣлья, и требовала настойчиво обѣщанной награды за услуги у тѣхъ, кто не только не обѣщалъ этой награды, но даже и не требовалъ этихъ услугъ. Вообще она напоминала человѣка, неожиданно собравшагося въ путь и пріѣхавшаго съ десяткомъ сакъ-вожжей и чемодановъ на желѣзную дорогу ко второму звонку: онъ долженъ заплатить извозчику, не находя мелкихъ денегъ, онъ долженъ отдать носильщику вещи, хотя носильщиковъ уже вѣтъ на подѣздѣ, онъ долженъ взять себѣ билетъ на проѣздъ, не находя бумажника, который онъ отдалъ впопыхахъ кому-то изъ провожающихъ его родныхъ, онъ долженъ бѣжать сдавать багажъ, слыша крики, что пора садиться, и въ это время ему вспоминается, что нужно отдать приказанія по хозяйству своей семьѣ, и чего-нибудь „перехватить“, такъ-какъ его тошнить отъ голода, а его между тѣмъ толкаютъ, торопятъ, задерживаютъ и сбиваютъ съ толку. Онъ сбился съ ногъ, отдалъ всѣмъ и каждому мозоли, поругался и съ бѣгущими пассажирами, и съ извозчиками, и съ кассиромъ, онъ на-лету поцѣловалъ въ глаза свою жену, поцѣловалъ вмѣсто отцовской руки руку посторонняго провожатаго, захватилъ чей-то дамскій зонтикъ и вытеръ крупныя капли пота новыми лайковыми перчатками, но за то какъ онъ будетъ счастливъ, если ему удастся ворваться въ вагонъ и сѣсть чуть не на колѣни къ какой-нибудь толстой помѣщицѣ именно въ ту минуту, когда жандармы готовы были оттащить его для его-же собственнаго спасенія отъ тронувшагося въ путь поѣзда!..

ХІ.

Даша не могла тотчасъ-же приняться за работу послѣ удаленія тетки. Промумѣвшая буря взволновала ее. „Продать первому встрѣчному готова, думалось ей. — И то сказать, когда

продавать нечего, такъ и себя продашь“, опять звучали въ ея ушахъ слова тетки. Она окинула глазами свою комнату, какъ-бы желая убѣдиться, дѣйствительно-ли у нихъ уже нечего продавать, хотя она очень хорошо знала, что у нихъ уже продано все, за что можно было получить деньги.

Эта комната походила на погребъ, изъ котораго вынесли все, кромѣ хлама. Она была проходная, съ однимъ окномъ, съ низкими сводами. Единственное окно комнаты находилось на половину ниже земли и прямо выходило на помойную яму, отдѣленную отъ него узкимъ переулкомъ. Въ комнатѣ было постоянно сыро и царствовала полутьма. Стѣны, выкрашенные когда-то сѣрою краскою, давно мѣстами облупились, мѣстами почернѣли. Подъ потолкомъ тянулся желѣзный рукавъ отъ „чугунки“, стоявшей въ комнатѣ квартирохозяевъ. Некрашенный столъ у окна, два такихъ-же табурета около него, источенная червями сосновая кровать у противоположной стѣны и сундукъ съ отбитой крышкой—составляли всю мебель комнаты. На сундукѣ лежало какое-то грязное, отвратительное тряпье, служившее постелью и покрывалами для семьи. На стѣнахъ были наклеены вырванные изъ книгъ иллюстраціи и модныя картинки, сильно засиженные мухами. Нѣкоторыя картинки относились къ первой четверти нынѣшняго столѣтія, другія, хотя и были болѣе поздняго происхожденія, но давно пришли въ ветхость и уцѣлѣли только на половину, третьи были наполовину заклеены новыми. Подъ нѣкоторыми были разнообразныя подписи. Подъ одной, изображавшей двухъ дерущихся человѣкъ, было написано: „два дурака дерутся, а третій смотритъ“. Подъ другой, изображавшей господина въ чалмѣ, значилось: „турка“. Подъ третьей, изображавшей митрополита Амвросія, былъ написанъ длинный счетъ бѣды. На четвертой, изображавшей модницу былыхъ временъ, чернилами были пририсованы къ изображенію нарядной барыни бакенбарды и усы. Кромѣ слѣдовъ, оставленныхъ на этихъ художественныхъ произведеніяхъ мухами, видѣлись на нихъ и слѣды раздавленныхъ клоповъ. Видно было, что картины наклеивались на стѣны разными поколѣніями, разными семьями жильцовъ. Дама не безъ горечи окинула глазами весь этотъ хламъ и, со вздохомъ махнувъ рукою, снова принялась за работу, точно желая забыть за нею горькую дѣйствительность.

Дѣвушкѣ невольно вспомнилось ея недавнее прошлое. Оно было вовсе не похоже на ея настоящее. Семейство Лыткиныхъ дошло до крайней степени нищеты очень быстро, очень неожиданно. Еще лѣтъ пять или шесть тому назадъ Лыткинъ состоялъ на службѣ, нанималъ квартиру въ три комнаты, платилъ въ пансіонъ за Дашу, и если не могъ откладывать грошей на черный день, то все же могъ сводить концы съ концами. Даша жила какъ родная въ семьѣ начальника отца. Неожиданная перемена начальника и убавка штатныхъ чиновниковъ лишили Лыткина мѣста. Семьѣ пришлось сократить расходы: двѣ комнаты были отданы въ наемъ жильцамъ, потомъ Даша была отдана въ магазинъ учиться швейному мастерству, отецъ семейства началъ искать частной работы. Кое-какъ провели годъ или два, но, наконецъ, пришлось отказаться и отъ такой жизни: мебель была продана за долги и Лыткинымъ пришлось нанять небольшую комнату отъ жильцовъ. Въ этой комнатѣ семья прожила пять или шесть мѣсяцевъ и была изгнана квартирной хозяйкою за неплатежъ денегъ. Пришлось искать еще болѣе дешевое помѣщеніе. Оно было найдено въ подвалѣ одного изъ большихъ каменныхъ домовъ въ Спасской улицѣ, близъ Сѣнной. Для того, чтобы достигнуть до этой конуры, нужно было пройти два двора, завернуть около помойной ямы на обломанную лѣстницу, спускавшуюся внизъ, пробраться по вѣчно сырому подвальному коридору и, отыскавъ ошупью дверь, миновать темную кухню, въ которой жило трое жильцовъ. За этою кухнею слѣдовала комната Лыткиныхъ. Какъ измѣнилась обстановка этой семьи, такъ измѣнились и сами ея члены. Покуда у Лыткиныхъ была мебель, они могли отдавать комнаты жильцамъ; когда не стало мебели, имъ пришлось самимъ нанять комнату отъ жильцовъ; эта комната была еще сносною, покуда у нихъ была порядочная одежда, но когда они дошли до ношенія на себѣ лохмотьевъ, ихъ не стали пускать въ порядочныя комнаты и они пріютились въ подвалѣ. Лыткинъ, ловкій и хитрый крючковаторъ-взяточникъ стараго закала, любившій кутнуть съ товарищами, послѣ отставки сдѣлался ходатаемъ по дѣламъ; покуда у него была порядочная одежда, онъ ловилъ кліентовъ въ одномъ изъ большихъ трактировъ, гдѣ собирались купцы; но чѣмъ болѣе протирался его скрутокъ, тѣмъ ниже спускался онъ, тѣмъ менѣе довѣряли ему богатые кліенты и, нако-

нець, онъ, превратившись въ лохмотника, спустился до кабака, гдѣ уже ловилъ только мужиковъ въ кліенты; прилично одѣтый Лыткинъ могъ самъ посѣщать суды и департаменты, Лыткинъ-оборванецъ могъ только строчить просьбы въ кабакъ. Его жена сначала шла бѣлье, но когда она стала похожею на нищую, ей не стали довѣрять шитья, къ ней не стали являться заказчики и она начала заниматься поденною стиркою бѣлья. Даша, посѣщавшая пансіонъ, стала стыдиться подругъ, являясь въ училище оборванною, и начала выслушивать упреки начальницы за неряшливость; наконецъ, нечѣмъ стало и платить за нее, пришлось отдать ее въ модный магазинъ въ ученье, но и здѣсь явились требованія хозяйки-француженки, чтобы дѣвушка была чисто одѣта, такъ-какъ магазинъ, по словамъ его хозяйки, былъ не нищенскій комитетъ; два-три посѣщенія полушьянаго оборванца-Лыткина къ дочери довели хозяйку до того, что она отказала Дашѣ, говоря, что ея отецъ похожъ на вора и что опасно допускать его въ мастерскую. Десятилѣтній Вася изъ порядочнаго мальчика превратился въ уличнаго мальчишку, когда вмѣсто курточки на немъ появилась женская куцавейка. Чѣмъ болѣе убавлялось количество одежды Лыткиныхъ, тѣмъ менѣе шансовъ являлось у нихъ для пропитанія. Семья дошла до того, что большую часть времени она должна была проводить дома, потому что для выходовъ изъ дома женщинамъ приходилось занимать салоны и бурнусы, такъ-какъ своей верхней одежды у нихъ не было, если не считать разорванную и грязную куцавейку самой Лыткиной, подбитую грязною ватой, едва прикрытую сѣрымъ коленкоромъ. У мальчика не было ни куртки, ни сюртука, ни пальто, ни шинели; онъ обладалъ только женскою кофтою, изъ которой клочьями висѣла вата. Отлучался изъ дома на цѣлые дни только самъ Лыткинъ: этихъ отлучекъ требовали его „дѣла“, и онъ не замѣтилъ, что при зимнихъ холодахъ было не особенно удобно щеголять въ одномъ сюртукѣ съ продранными локтями, съ пятью пуговицами. Даша съ горечью сознавала, что ея семья дошла теперь до того положенія, изъ котораго выходъ могъ сдѣлаться только случайно, неожиданно. Выбиться изъ этой колѣи на иную дорогу при помощи разумныхъ усилій не было возможности. Но неужели-же согласиться на гнусныя предложенія тетки? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. А братъ? что будетъ съ нимъ, если дѣла будутъ идти по-старому?

Даша задумалась о братѣ и вдругъ очнулась, услышавъ его знакомые ей топочущіе шаги. Онъ появился въ дверяхъ, запыхавшійся, въ своей женской кофтѣ, въ разорванной фуражкѣ, раскраснѣвшійся отъ скорой ходьбы. Даша взглянула на него съ любовью.

— А вотъ и я! весело проговорилъ онъ.

— Ты гдѣ это былъ? спросила она.

— Я, Даша, далеко ходилъ, — отсюда не видать, бойко отвѣтилъ мальчуганъ. — Вотъ три ватрушки досталъ... Ты вѣдь сегодня еще не ѣла...

Даша посмотрѣла на него съ удивленіемъ, опустивъ на колѣни шитье.

— Гдѣ ты досталъ? Откуда ты взялъ деньги? поспѣшно спросила она.

— У меня... у меня были деньги, замаялся мальчуганъ.

Даша нахмурилась и рѣзко проговорила:

— Ты лжешь! Откуда у тебя могли быть деньги?

— У меня... началъ мальчикъ.

— Смотри мнѣ прямо въ глаза, перебила его сестра; — у тебя не было денегъ?

Братишка молчалъ.

— Вѣдь я знаю, что у тебя не могло быть денегъ, настаивала сестра. — Если-бы онѣ у тебя были, ты мнѣ-бы ихъ отдалъ или купилъ-бы хлѣба, а не ватрушекъ...

— Мнѣ хотѣлось... въ смущеннн пробормоталъ мальчуганъ.

— Не лги, не лги! опять перебила его она. — Говори, гдѣ ты взялъ? Христа-ради выпросилъ?

— Нѣ-ѣтъ...

— Такъ какъ-же?

— Старуха тамъ старая... старая такая... началъ Вася сквозь слезы и не могъ продолжать.

— Ну, ну? торопила его сестра.

— Сидить за лоткомъ, захныкалъ братъ, — у нея мальчуганъ на рукахъ...

— Да не тяни за душу! нетерпѣливо воскликнула молодая дѣвушка. — Говори, что было.

— Я подошелъ... говорю: почему ватрушки?.. Она едва шамкаетъ: по три копейки...

— Ну?

— Ну, я вижу, что и голоса у нея нѣтъ... и бѣжать она не можетъ...

— И что-же, что-же дальше-то?

Мальчикъ потушился и хмуρο отвѣтилъ:

— Я и взялъ три ватрушки... тебѣ, матери, себѣ...

— Укралъ! укралъ! всплеснула руками Даша.—Этого не доставало!.. И сообразилъ все, и все уладилъ, точно настоящій воръ! Умъ-то зачѣмъ тебѣ Богъ далъ! Лучше-бы ты дуракомъ родился!

— Ты вотъ не ѣла утромъ, шепталъ мальчикъ. — И вчера вечеромъ не ѣла...

— Ну такъ что-же, что не ѣла? Ну и умерла-бы съ голода! рѣзко проговорила она.

— Даша! воскликнулъ онъ молящимъ тономъ.

— Да, да, и умерла-бы съ голоду, а все-таки не со стыда, не съ горя-бы умерла, что у меня братъ вориншкой сталъ, страстно проговорила она.—Вѣдь это послѣднее, послѣднее дѣло. Ты пойми: лучше петлю на шею надѣть, лучше въ воду кинуться, чѣмъ быть воромъ, чѣмъ другихъ грабить. Ты въ воду бросишься—ты себя загубишь этимъ, а воромъ станешь — и себя загубишь, и другихъ загубишь, горячо и внушительно объясняла она ему, какъ-бы стараясь, чтобы ея слова врѣзались ему въ память.—И у кого ты укралъ: старуха безпомощная съ ребенкомъ сидѣла, а ты и радъ, что она не можетъ бѣжать за тобой, не можетъ крикнуть: держите его, добрые люди! Ты-бы хоть подумалъ, что она, можетъ быть, голодная...

Даша заходила по комнатѣ.

— У нея, Даша, ватрушекъ еще много, наивно сообразилъ мальчикъ.

— Много, много! остановилась передъ нимъ сестра.—Что-жь изъ этого? Вѣдь ты не видѣлъ, чтобы она ихъ ѣла? А?.. Она на продажу ихъ вынесла, а можетъ быть у нея, у ея внученка маленькаго маковой росинки во рту не было. Ты-бы подумалъ хоть то, что вотъ ты рубашки на тѣлѣ не имѣешь, а у матери корзинны съ бѣльемъ ломаются. Да развѣ это наше бѣлье? Можетъ быть, и у этой старушки куска хлѣба нѣтъ и еще тяжелѣе ей голодать, — голодать, сидя надъ ѣдой... Злой, злой ты мальчишка!

Она оттолкнула его отъ себя. Мальчуганъ расплакался.

— Даша... я отнесу... а я не думалъ... Я для тебя, всхлипывалъ онъ.

— Для меня воровского не нужно... На, возьми гривенникъ, отдай ей... скажи: забылъ, тетушка, деньги отдать.

Она торопливо вынула изъ кармана деньги и отдала брату.

— Даша, ты не сердись, потупившись, молилъ мальчуганъ.

— Ну, иди, иди скорѣе! отвернулась отъ него сестра, стараясь скрыть слезы.

— Я тебя пожалѣлъ, Даша, шепталъ онъ.

— Вотъ ты и жалѣй меня, и береги тѣмъ, что будь честнымъ... воромъ не будь!.. Иди-же.

Она готова была разрыдаться.

Мальчикъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Даша осталась одна и не могла приняться за работу. „Этого только не доставало, думалось ей.— Не доставало, чтобы онъ ворешкой сдѣлался, въ тюрьму угодилъ. Да чѣмъ-же ему и быть, какъ не уличнымъ ворешкой? Сегодня голодень, завтра голодень,—ну и украдетъ! И что я-то могу противъ этого сдѣлать? Чѣмъ я помочь могу? Ужь, въ самомъ дѣлѣ, не права-ли тетка, не продать-ли себя и на эти деньги образовать его? Но если я уйду отсюда, чего онъ безъ меня насмотрится здѣсь? Кто ему доброе слово скажетъ?“

ХІІ.

Даша ходила въ мучительномъ раздумьи и даже не замѣтила, какъ въ комнату вошелъ кошачьей походкой старшій и сгорбленный, смотрѣвшій изподлобья господинъ, съ сухой и угрюмой физиономіей, съ нависшими густыми бровями, съ маленькимъ, плоскимъ лбомъ, надъ которымъ топорщились жесткіе черные волосы, начинавшіе сѣдѣть. Онъ шелъ неслышно, точно владучись, по комнатѣ, и не смотрѣлъ, а высматривалъ, точно подстерегалъ кого-то, точно старался кого-то накрыть врасплохъ. По его сильно заношенной одеждѣ трудно было опредѣлить его общественное положеніе.

— Не здѣсь-ли живутъ Лыткины? спросилъ онъ глухимъ, гробовымъ голосомъ.

Даша вздрогнула и обернулась.

— Здѣсь. Что вамъ угодно? проговорила она.

— Я попечитель... отъ общества „защиты бѣдныхъ“ попечитель, Мефодій Мионовичъ Мафусаиловъ... проворчалъ онъ. — Вы кто?

— Я дочь Андрея Егоровича Лыткина, отвѣтила Даша.

— Такъ, такъ!... проговорилъ Мафусаиловъ, высматривая комнату. — Работой изволите заниматься?

— Какъ видите: шью.

— Такъ, такъ! Шьете. Помогаете матушкѣ. Это хорошо. Трудиться въ ваши годы и Господь Богъ велѣлъ. Помогайте!

— Ужъ какая моя помощь! вздохнула Даша.

— Все-же, все-же-таки помогаете, настойчиво произнесъ старикъ. — Курочка по зернышку клюетъ. Копейка къ копейкѣ, глядишь—и рубль выйдетъ...

— Копеекъ-то этихъ такъ мало, что рублей не выходитъ, отвѣтила Даша.

— Нужно и малымъ довольствоваться! Нынче времена тяжелыя, ни у кого многого нѣтъ, всѣ живутъ по-маленьку, по-маленьку... А роптать не слѣдуетъ, потому что всякую долю Богъ посылаетъ. Нынче безбожіе вездѣ, такъ ропшутъ. Вы учились гдѣ-нибудь?

— Училась въ пансіонѣ, отвѣтила Даша.

— Ну да, ну да! покачалъ головой старикъ. — Такъ и зналъ. Идеи, все идеи! Богъ все не такъ дѣлаетъ, несправедливо! Безбожники!..

Онъ еще болѣе сдвинулъ брови и, пристально взглянувъ на Дашу ястребинымъ взоромъ, отрывисто спросилъ:

— Гдѣ-же ваша матушка?

— Въ прачечной... стираетъ, отвѣтила смущенная его взглядомъ Даша.

— На-сторону, вѣрно?

— Да.

— Ну, пошли ей Господь силы! набожно произнесъ Мефодій Мионовичъ. — Богъ труды любитъ. Есть много такихъ, которые и работать не могутъ... У васъ и батюшка живъ?

— Живъ.

Мафусаиловъ осмотрѣлся, какъ-бы желая отыскать, гдѣ скрылся отецъ Даши.

- А гдѣ-же онъ? спросилъ старикъ.
- Онъ... онъ пошелъ работы искать, смутилась Даша.
- А я думалъ, что онъ парализемъ разбить.
- Нѣтъ.

Мафусаиловъ копотливо досталъ изъ кармана сложенную вчетверо бумагу, неспѣшно надѣлъ на кончикъ носа рипсе-пез, поднял брови и, устремивъ внизъ глаза, проговорилъ:

- А въ просьбѣ тутъ вотъ написано: „больной мужъ...“

Даша вся вспыхнула и потушилась.

— Да... то-есть... онъ часто хворааетъ, но теперь онъ здоровъ, прошептала она.

Мафусаиловъ снова аккуратно сложилъ бумагу, бережно спряталъ ее въ боковой карманъ, осторожно снялъ рипсе-пез и, сложивъ его, спряталъ въ жилетный карманъ и замѣтилъ:

— Ну и прекрасно, и прекрасно! Видите, Богъ все къ лучшему дѣлаетъ. Всѣ здоровы, всѣ работаютъ. Вотъ въ просьбѣ матушка ваша писала, что всѣ вы больны, что безъ куска хлѣба сидите, а теперь и здоровы, благодареніе Богу, стали, и сыты.

— Мы?... сыты?... вырвалось изъ груди Даши болѣзненное восклицаніе.

— Да. Вотъ ватрушечки даже у васъ здѣсь... лакомство... произнесъ Мафусаиловъ, указывая на три лежавшія на столѣ ватрушки.

— Если-бы вы знали! воскликнула Даша и остановилась.

— Что? спросилъ старикъ.

— Нѣтъ... Я такъ, стиснула она зубы. — Да, ватрушки!.. Да, мы сыты... Завтра опять, быть можетъ, будемъ голодны...

Она стояла растерянная, смущенная, упавшая духомъ.

— Не надо отчаяваться! Отчаяваться не надо! наставительно проговорилъ старикъ. — Всѣ съ малаго начинаютъ. Роптать грѣшно! Это идеи, духъ непокорности и возмущенія! Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Здѣсь худо, тамъ будетъ хорошо! — Старикъ указалъ на потолокъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла Аделаида Александровна и, остановившись на порогѣ, окинула взоромъ подвальное жилище. Она была взволнована. Неизвѣстно, волновала-ли ее пришедшая ей въ голову мысль о томъ, что и она можетъ кончить подоб-

ной труппой, или смущала ее картина этой дѣйствительно потрясающей нищеты.

— Ахъ, Боже мой, въ какой труппѣ вы живете! обратилась она къ Дашѣ. — Вы, вѣроятно, дочь госпожи Лыткиной?

— Да, отвѣтила Даша.

— Очень рада познакомиться!

Аделаида Александровна протянула молодой дѣвушкѣ руку. Даша совсѣмъ растерялась.

— Я отъ Марьи Петровны, продолжала Муратова, и, еще разъ обведя глазами комнату, увидала Мафусаилова, состоявшаго членомъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій и зорко слѣдившаго за законнымъ исполненіемъ этими обществами всѣхъ параграфовъ устава. — А, Мефодій Мионовичъ! Вы какъ здѣсь? спросила она, бросивъ на него недружелюбный взглядъ.

— Отъ общества „защиты бѣдныхъ“, отвѣтилъ онъ. — Они, вѣрно, въ два общества разомъ подавали. Можетъ быть, еще и въ „общество дешевыхъ квартиръ“, и въ „человѣколюбивое“ писали. Должно быть, промышленяютъ этимъ...

— Ахъ, не вѣрьте, не вѣрьте! воскликнула Даша. — Матушка въ первый разъ это сдѣлала... Я не хотѣла, я отговаривала ее...

Аделаида Александровна поняла всю искренность этого восклицанія и замѣтила съ лаской:

— Не волнуйтесь, дитя! Что-жъ за бѣда, что вы подали просьбы разомъ въ два или три общества?.. Вы вѣчно, Мефодій Мионовичъ, со своими подозрѣніями, а еще толкуете о христіанской любви...

— Да, къ бѣднымъ, къ бѣднымъ, а тутъ не истинная бѣдность, заговорилъ старикъ. — Вотъ они всѣ здоровы, всѣ трудятся...

— Если-бы вы знали, что приносить нашъ трудъ! произнесла Даша.

— Знаю, знаю! вздохнула Аделаида Александровна. — Вотъ вы тутъ пьете грошовую работу. На это нельзя жить. Кромѣ того, я слышала, вашъ отецъ пьетъ...

Даша покраснѣла и потупилась.

— Къ несчастію, пьетъ иногда, прошептала она.

— Вотъ видите, еще и пьетъ, проговорилъ Мафусаиловъ. —

На кабаки денегъ не напасется ни одно благотворительное общество.

— Ну и прекрасно, и берегите деньги своего общества для раздачи грошей престарѣлымъ старушонкамъ, взволновалась Аделаида Александровна. — Поддерживайте тунеядцевъ...

— И старушки хотятъ жить, Аделаида Александровна, и старушки хотятъ жить! почти прошипѣлъ Мафусайловъ. — Я знаю, у васъ, такъ-же, какъ у Марьи Петровны, взгляды, идеи! Молодежь поддерживать, на старость рукой махать!.. Проститутокъ спасать хотите!.. Что-жь, посмотримъ, до чего доведетъ это ваше общество. Я молчу, я молчу, но я гляжу. Кому у насъ помогаютъ: учащимся, ищущимъ работы, падшимъ, а просьбы старушекъ, старичковъ бросаютъ, оставляютъ безъ вниманія. Въ уставѣ этого нѣтъ, въ уставѣ нѣтъ!

Старикъ говорилъ прерывистымъ, взволнованнымъ отъ злости голосомъ.

— Ну и идите къ своимъ старичкамъ и старушкамъ, воскликнула Муратова. — Ужь гдѣ вамъ понять задачи истинной филантропіи. Да, она состоитъ не въ раздачѣ грошей, а въ поддержаніи человѣка трудящагося, молодого. Мы не объ отжившихъ вѣкъ должны думать, для нихъ есть богадѣльни, мы должны поддерживать молодежь, тѣ силы, которыя могутъ быть полезны обществу и которыя безъ поддержки сдѣлаются бременемъ общества.

Казалось, что въ эту минуту устами Муратовой говорила сама Марья Петровна.

— Я молчу, я молчу, но не соглашаюсь, шипѣлъ старикъ. — И старушки жить хотятъ.

— Ахъ, намъ нѣтъ никакого дѣла до ихъ желаній! раздражительно отвѣтила Аделаида Александровна. — И саранча хочетъ жить, такъ не обязана-же я ее поддерживать. Да что съ вами толковать, вы никогда не понимали цѣли того общества, которое создано Марьей Петровной... Дитя мое, обратилась она къ Дашѣ, — я пришла къ вамъ съ доброю вѣстью. Я обдумала ваше положеніе и рѣшилась, что самое лучшее — помѣстить васъ куда-нибудь на выгодное мѣсто швейей... Правда, наше общество трудно вразумить въ этомъ случаѣ. Оно такъ полно предразсудковъ, наши барыни отдають предпочтеніе простымъ горничнымъ

и швеямъ передъ благородными. Конечно, это отчасти оправдывается нашими варварскими нравами, нашимъ грубымъ обращеніемъ съ низшими, что мы боимся благородныхъ слугъ. Они заставляютъ насъ быть сдержаннѣе. Но я все-таки надѣюсь на успѣхъ. Покуда я возьму васъ къ себѣ швеей: попробуйте шить мнѣ домашнія платья. Это будетъ для васъ подготовительная школа, а потомъ мы приищемъ и болѣе выгодное мѣсто.

Даша, оглушенная цѣлымъ потокомъ бессодержательныхъ фразъ, едва могла проговорить:

— Благодарю васъ... Но у меня семья...

— И прекрасно, перебила ее Муратова, — вы освободитесь отъ пьянаго отца, отъ невѣжественной матери, отъ грязной среды. Вы не будете прозябать въ этомъ углѣ. Вы будете свободнѣе, самостоятельнѣе. Я понимаю, какъ тяжело должны дѣйствовать эта заѣдающая среда, эти семейныя сцены, эти вѣчные попреки, это непроходимое невѣжество... Вѣдь вы немного образованы, читали кое-что...

— Да, но это все забывается, отвѣтила Даша, не успѣвшая придти въ себя отъ этого набора трескучихъ фразъ.

— Вотъ видите! воскликнула Муратова. — И что-жъ мудренаго? Ваша матушка, кажется, женщина совѣмъ неразвита, привыкшая унижаться. Вамъ должно быть тяжело смотрѣть на это паденіе женской личности...

Мафусаиловъ, нахмуривъ брови, покачивалъ головой и поднялъ глаза къ потолку, точно мысленно моля о прощеніи грѣховъ Аделаиды Александровны.

— Я привыкла, отвѣтила Даша.

— Да, да, это горькое слово: дѣйствительно, во всему можно привыкнуть, вздохнула Муратова, вспомнивъ о своей супружеской жизни;—но здѣсь-то и лежитъ начало гибели... Васъ нужно вырвать отсюда.

— Но у меня братъ! тихо сказала молодая дѣвушка.

— Да, я не забыла, отвѣтила Муратова. — Мнѣ говорили. Покуда для него я ничего не могу сдѣлать. Но, получивъ у меня мѣсто, вы будете въ состояніи помогать ему, дать ему хотя какое-нибудь образованіе, отдать его въ гимназію.

— Въ мастеровые-бы его лучше, вставилъ Мафусаиловъ. —

Научился-бы сапожничать или портняжить и имѣлъ-бы кусокъ хлѣба.

— Кусокъ хлѣба! разсердилась Муратова. — Да развѣ при нынѣшнемъ положеніи механическаго труда можно говорить о кускѣ хлѣба сапожника или столяра?

— Живутъ, живутъ! вздохнулъ старикъ, снова возводя глаза къ потолку.

— Знаю, что живутъ, но какъ? Вѣдь и нищіе тоже живутъ. Но вѣдь не посовѣтуете-же вы ему жить милостыней?

— Молодъ еще. Въ потѣ лица своего долженъ человѣкъ добывать хлѣбъ свой, пока силы есть.

— Что вы мнѣ говорите! Людямъ нужно дать образованіе, дать этотъ капиталъ, который послѣ принесетъ проценты, достаточные для разумной и честной жизни.

— Да гдѣ-же ему классическую-то гимназію пройти?

— Что-же вы думаете, что онъ долженъ быть глупѣе и тупѣе нашихъ дѣтей, если онъ бѣднѣе ихъ? Отжили вы, Мефодій Мироновичъ, со своими предрассудками. Знаете-ли вы, что этотъ мальчикъ, можетъ быть, будетъ великимъ общественнымъ дѣятелемъ, будетъ защитникомъ той среды, изъ которой онъ вышелъ, тогда какъ наши дѣти, можетъ быть, выйдутъ праздными шалопами и дармоѣдами?

— Господь милосердъ и Давиду далъ силу убить Голіафа пращнымъ камнемъ... Но я только насчетъ того, что учиться ему трудно будетъ этимъ классическимъ наукамъ здѣсь въ углѣ. Вотъ отецъ пьяный мѣшать будетъ, мать своими жалобами развлекать станетъ... Не для бѣдняковъ классическія-то гимназіи устроены. И наши-то дѣти, съ частными учителями, съ протекціями, обрываются на экзаменахъ.

— Чѣмъ большимъ трудомъ купится побѣда, тѣмъ лучше, проговорила Муратова и тихо обратилась къ Дашѣ:— Вы не слушайте, дитя, этого господина. Это человѣкъ старыхъ понятій.

— Да... но я... я боюсь, что они отчасти правы, прошептала Даша.

— Развѣ вашъ братъ тупъ или лѣнивъ? изумилась Муратова.

— Онъ очень уменъ и прилеженъ, отвѣтила Даша. — Но какъ-же я его оставлю здѣсь? Какой-же примѣръ будетъ у него на

глазахъ? Нужда будетъ все та-же, жизнь не измѣнится. Онъ будетъ обучаться въ гимназiи и портиться дома.

— А вы-то на что? Вы будете давать ему добрые совѣты, наставлять его, развивать, говорила Муратова.

— Я буду видѣть его разъ, два въ недѣлю, на минуту, а здѣсь онъ будетъ постоянно, замѣтила Даша.

— Другъ мой, доброе слово сильнѣе цѣлѣхъ лѣтъ глупой жизни! воскликнула Аделаида Александровна.

— Да, да, разбойникъ на крестѣ искупилъ грѣхи свои однимъ словомъ! вздохнулъ изъ глубины души Мафусайловъ.

— Да я не въ томъ смыслѣ говорю! сердито произнесла Муратова. — Вы вѣчно помѣшаете! Я говорю, дитя, что разумное слово имѣетъ громадное вліяніе. Вы, конечно, не знаете этого. Но я могла-бы вамъ указать десятки примѣровъ, даже изъ нашего круга, когда на пустыхъ, повидимому, вѣтреныхъ людей вліяла какая-нибудь умная книга, вліяла такъ, что эти люди отрекались отъ своего прошлаго и шли на новый путь...

— Можетъ быть... я вамъ вѣрю... Но, право, я не знаю. Я боюсь... пугливо шептала Даша, теряясь отъ набора модныхъ фразъ.

Мафусайловъ подошелъ къ Аделаидѣ Александровнѣ и шепнулъ ей:

— Говорю я вамъ, что они не того хотятъ. Труда боятся

— Оставьте вы меня въ покоѣ! громко отвѣтила Муратова. — Тутъ происходитъ очень понятная человѣческая борьба чувства и разсудка, а вы со своими пошлыми подозрѣніями пристааете. Вы обдумайте все, обратилась она къ Дашѣ, — взвѣсьте всѣ шансы. Если вы пойдете ко мнѣ на мѣсто, вы дадите образованіе вашему брату; если вы останетесь здѣсь, то онъ не получитъ образованія...

— Я знаю, отвѣтила Даша. — Но я боюсь, что онъ испортится безъ меня... Пусть лучше онъ неучемъ будетъ, но честнымъ...

— Честнымъ! воскликнула Аделаида Александровна. — Знаю я, какъ высоко значеніе этого слова! Но вспомните, что никакая честность не устоитъ противъ нужды. Что выйдетъ изъ него безъ образованія? Бѣднякъ, лишенный средствъ добыть трудомъ хоть грошъ. Гдѣ-же будетъ исходъ: не въ обманѣ-ли, не въ воровствѣ-ли?

Даша совсѣмъ растерялась. Въ сущности она гораздо менѣе понимала болтовню Муратовой, чѣмъ грубые взгляды Мафусанкова.

— Я и ума не приложу, что дѣлать! шептала она. — Дайте мнѣ подумать, разсудить... Кромѣ того, робко замѣтила Даша, — какъ я къ вамъ явлюсь, какъ переѣду къ вамъ...

Она остановилась.

— Что-же васъ затрудняетъ? спросила Муратова.

— Мнѣ не въ чемъ, стыдливо потунилась Даша.

— О, объ этомъ не беспокойтесь! Я все улажу, успокоила ее Муратова.

Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вбѣжалъ запыхавшійся мальчуганъ. Увидавъ постороннихъ людей, онъ сконфузился и остановился. Даша быстро подошла къ нему и взяла его за руку. Это былъ Вася.

XIII.

— Даша, я заплатилъ, шепнулъ онъ сестрѣ.

— Хорошо, такъ-же тихо отвѣтила она и обратилась къ Муратовой:— Вотъ онъ... вотъ мой братъ...

Она прижала его къ себѣ одной рукою.

— Ты очень любишь свою сестру? спросила Муратова, потрепавъ его по щекѣ своей маленькой ручкой, затянутой въ лайковую перчатку.

Мальчикъ смотрѣлъ изподлобья и видимо дичился.

— Ее-то? спросилъ онъ.— Люблю...

— Она у тебя добрая, проговорила Муратова. — Она хочетъ твое счастье составить. Ты уговори ее, чтобы она шла на мѣсто.

Мальчикъ испуганно взглянулъ на сестру.

— Ты уходишь? тихо спросилъ онъ.— Совсѣмъ?

— Не уйду еще, отвѣтила Даша. — Нѣтъ... не совсѣмъ... Извините, обратилась она къ Муратовой, — я такъ разстроена. Вамъ должно быть странно. Но я такъ люблю его, такъ люблю!.. Кромѣ него у меня ничего нѣтъ дорогого на свѣтѣ. Онъ для меня все.

— Ну вотъ и принесите для него жертву, сказала Аделаида Александровна. — Это будетъ самымъ лучшимъ залогомъ вашей любви къ нему.

— Благодарю васъ за заботы, за совѣтъ, произнесла Даша.

— Ничего изъ этого не выйдетъ, проговорилъ Мефодій Миrowsичъ.—Никакихъ такихъ жертвъ она для него не принесеть...

Аделаида Александровна нетерпѣливо пожала плечами.

— Пойдемте лучше, проговорила она.—Вамъ не слѣдовало-бы и посвѣщать-то бѣдныхъ. Черствый вы человекъ!

— Не черствый, Аделаида Александровна, не черствый, сказала старикъ. — Я только опитѣ васъ. Присмотрѣлся я къ нуждѣ. Кто пальцемъ не можетъ двинуть, кто ватрушечками не лакоится, кто въ углѣ самъ восемь съ чужими лѣпится—вотъ нужда. А тутъ что? Всѣ работаютъ, уголь свой имѣютъ...

— Стыдитесь, упрекнула его Муратова.—Въ такомъ углѣ вы и своей собаки не стали-бы держать!

— Ну, а можетъ быть, вы и въ моей квартирѣ своей собаки держать не стали-бы, усмѣхнулся Мафусаиловъ.—Это все относительно, Аделаида Александровна, все относительно!

Муратова взглянула на него съ презрѣнiемъ.

— До свиданья, сказала она Дашѣ. — Я считаю дѣло улаженнымъ.

Даша молчаливо не то поклонилась, не то поникла головой.

Муратова направилась къ двери и столкнулась лицомъ къ лицу съ старухой Лыткиной. Катерина Ивановна Лыткина была одѣта въ поддѣрганное платье и въ куцавейку. Вся ея одежда была забрызгана водой. Увидавъ Муратову, старуха отшатнулась и начала торопливо кланяться.

— Матушка, благодѣтельница, ваше превосходительство! У насъ изволили быть, а я и не знала! Ручку вашу! заговорила она, пряча свои руки за спину, -выставляя впередъ голову и отстраняясь всѣмъ корпусомъ отъ Муратовой.— Не смѣю прикоснуться сама, вся мокрая, вся мокрая, какъ курица... истинно такъ... Стирала-съ, стирала-съ!

Аделаиду Александровну поразило жалкій, приниженный видъ старухи.

— Не стѣсняйтесь, промолвила она.— Я уйду. Дочь вамъ передать, что мы надумали. Авось вамъ будетъ легче.

Она вышла.

— А наше общество не можетъ помочь вамъ, обратился Мафусаиловъ къ старухѣ, намѣреваясь тоже выйти.

Лыткина оторопѣла и растерялась.

— Батюшка, ваше превосходительство, какъ-же это? забормотала она, учащенно мигая глазами.

— Вы еще работать можете, пояснилъ старикъ.

— Работаю, работаю, батюшка ваше сіятельство, наивно подтвердила Лыткина. — Да толку что? Толку-то что? Наги и босы...

— А мы помогаемъ только тѣмъ, кто не можетъ работать, объяснилъ Мафусаиловъ.

Лыткина недоумѣвала.

— Какъ-же это? бормотала она, разводя руками. — Батюшка, ваше превосходительство, развѣ я виновата, что руки еще не отвалились? Развѣ я виновата, что еще работаю?

— Ну, вотъ и трудитесь, и трудитесь. Господь, нашъ создатель, самъ трудился и людямъ велѣлъ трудиться, наставляя Мефодій Мироновичъ, поднимая глаза къ потолку.

— И тружусь, батюшка, ваше превосходительство, и тружусь! говорила старуха.

— Ну и прекрасно! одобрилъ Мефодій Мироновичъ. — Трудитесь, трудитесь!

Онъ негоропливо и неслышно шаркая ногами, направился къ двери и вышелъ, какъ кошка. Старуха Лыткина остановилась по серединѣ комнаты и видя, что онъ удалился, съ тупымъ видомъ развела руками.

— Что-же это, Даша? спросила она пугливо. — Онъ даль что-нибудь? Денегъ-то даль?

— Не даль, мама, глухо отвѣтила Даша.

— А она-то, она-то дала?

— Не дала, мама.

— Такъ какъ-же?.. — Лыткина обвела глазами комнату, точно ища человѣка, который разрѣшилъ-бы ей трудную загадку. — Дѣлать-то мы что будемъ? спросила она черезъ минуту.

— Что-же вы меня спрашиваете? пожала плечами Даша. — Развѣ вы, мама, не видите, что я сама голову потеряла.

— Знаю, знаю, Дашенька, прошептала старуха. — Да какъ-же такъ: не дали! Вѣдь прислужникъ-то въ комитетъ говорилъ: три рубля дадутъ, если окажетесь достойными.

— Значить, не оказались достойными, горько усмѣхнулась дочь.

— Оно, конечно, что въ насъ достойнаго, простодушно согласилась Лыткина. — Только какъ-же это?.. Дѣлать-то что мы будемъ?.. Вотъ корзину надо на плоть везти. Деньги-то у тебя есть? Три копейки мнѣ плотовщику.

Даша махнула рукой.

— Ничего нѣтъ... Отецъ взялъ.

— Что-жь ты это ему, грабителю, отдала? воскликнула мать. — Сами голодомъ сидимъ... надо за корзины... а ты отдала.

— Обѣщала полтинникъ принести, отвѣтила молодая дѣвушка.

— Принесетъ онъ! Жди! А теперь-то что дѣлать, теперь-то? съ горечью воскликнула мать. — Какъ корзины-то везти на плоть? А?

— Отдайте подъ залогъ плотовщику мой платокъ... до вечера повѣрить. Скажите, что забыли деньги... потеряли...

Даша стащила съ шеи поношенный платокъ и отдала его матери.

— Охъ, Господи, нужда-то какая окаянная, нужда! просто-на-стараха. — Хоть-бы смерть пришла, что-ли! И вѣдь жили, хорошо жили, — такъ нѣтъ, прокутилъ все, грабитель нашъ прокутилъ.

— Воровское-то въ прокъ не пошло, усмѣхнулась дочь.

— Пойдемте, маменька. Я свезу корзины, проговорилъ Вася, дернувъ мать за рукавъ.

— Пойдемъ, пойдемъ! очнулась она и пошла за сыномъ, качая понурою головою и пожимая плечами.

Даша вздохнула свободнѣе, оставшись одна. Она не могла сразу приняться за работу. Въ ея головѣ бродили тревожныя думы.

„Ушли, слава-богу, думалось ей. — Легче становится, когда одна остаешься. Не видала-бы никого, не глядѣла-бы на нихъ... Не глядѣла-бы, а идти на мѣсто боюсь! Въ теплѣ-бы жила, барышней одѣвалась-бы, не видала-бы, какъ здѣсь горе мыкаютъ, вышла-бы замужъ за какого-нибудь камердинера, брата образовала-бы... Голубчикъ мой, да развѣ мнѣ легко тебя оставить, да развѣ мнѣ легко безъ тебя жить? Безъ меня, пожалуй, и отецъ сощется совсѣмъ съ кругомъ, и мать совсѣмъ потеряется. Тутъ все ласковое слово подчасъ услышать, бѣдныне... И чего-бы я для нихъ не сдѣлала... Ну, а если я не пойду? Гдѣ-же исходъ?“

Даша ходила и ходила по комнатѣ, не имѣя ни силъ, ни возможности придумать какой-нибудь иной исходъ. Мѣсто у Муратовой являлось единственнымъ средствомъ спасенія, хотя средствомъ слабымъ и опаснымъ. Во-первыхъ, мѣсто не могло дать сразу такихъ средствъ, чтобы поднять семью; во-вторыхъ, оно отрывало молодую дѣвушку отъ дома, гдѣ нуждались въ ея нравственной поддержкѣ ея мать и братъ. И все-таки рѣшиться было необходимо.

XIV.

— Это ужасно, ужасно! И какъ люди выносятъ подобную нищету? Я-бы не вынесла и половины этихъ страданій, почти вслухъ проговорила Аделаида Александровна, выбираясь изъ подвальной тьмы на свѣтъ и вдыхая полной грудью свѣжій полуденный воздухъ.

— Надо скорѣй устроить дѣла! почти съ испугомъ подумала она въ ту-же минуту.—Выяснить отношенія къ барону...

Она торопливо пошла по двору, подобравъ одною рукою длинный шлейфъ платья. При воспоминаніи о баронѣ передъ нею вдругъ промелькнулъ другой, полный жизни, молодой и прекрасный образъ.

— И зачѣмъ это именно нынче нужно принять барона, вздохнула она,—нынче, когда я только-что узнала, что онъ любитъ меня... Но точно-ли это любовь? Не было-ли это минутное увлеченіе?.. Мнѣ надо его видѣть...

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ лакей, подсаживая ее въ карету.

— Домой, домой, скорѣе! быстро проговорила она.

— Да, нужно увидѣть его прежде, чѣмъ пріѣдетъ баронъ... Это дастъ мнѣ силы...

Она задумалась. Передъ нею носилась картина прошлой ночи.

— Милый, любимый, какъ ты мнѣ сталъ вдругъ дорогъ! шептала она и ея лицо горѣло яркимъ румянцемъ.

Карета остановилась прежде, чѣмъ Аделаида Александровна успѣла овладѣть собою.

— Викторъ Валерьяновичъ у-себя? спросила она горничную.

— Нѣтъ-съ, уѣхали, отвѣтила дѣвушка.

— Спрашивалъ обо мнѣ?

— Никакъ нѣтъ.

— Хорошо, оставьте меня.

Муратова опустила на канапе въ своемъ будуарѣ.

— Куда онъ уѣхалъ? Зачѣмъ? спрашивала она мысленно.

Она не могла найти отвѣта. Время теперь тянулось для нея медленно. Она посмотрѣла на часы: было около двухъ часовъ.

— Но что-же я такъ сижу! Надо написать Марьѣ Петровнѣ объ одеждѣ для этой... какъ ее?... да... для Лыткиной...

Она сѣла къ письменному столу и начала писать. Она испортила два листика бумаги и, наконецъ, кое-какъ, безсвязно, написала на третьемъ, что для Даши Лыткиной нужны поношенные платья, что она, Аделаида Александровна, съ своей стороны дастъ ей кое-что, но что она ждетъ для дѣвушки какого-нибудь платья и отъ Марьи Петровны. Написавъ письмо и заклеивъ конвертъ, она позвонила. Вошла горничная.

— Викторъ Валерьяновичъ еще не пріѣзжалъ? спросила Муратова.

— Никакъ нѣтъ, отвѣтила горничная.

— Пошли съ Иваномъ это письмо къ Марьѣ Петровнѣ Прозоровой-Солонецкой.

— Слушаю-съ.

— Да... Если Викторъ Валерьяновичъ пріѣдетъ, доложите мнѣ...

Горничная вышла. Аделаида Александровна заходила по комнатамъ.

— Какъ жаль, что я не сказала ему вчера, чтобы онъ не уходилъ сегодня утромъ... Я совсѣмъ разстроена... я не сумѣю спокойно отнестись къ барону... Онъ мнѣ теперь еще противнѣе...

Она задумалась и съ поникшей головой ходила изъ угла въ уголъ. Она была похожа на только-что пойманную львицу, кружащуюся въ нервномъ волненіи по клеткѣ. Иногда она поднимала плечи, иногда сжимала руки. Наконецъ она бросилась на кушетку и зарыдала.

— Я его ненавижу, ненавижу! шептала она, поднося къ стиснутымъ зубамъ платокъ. — Но гдѣ-же исходъ? Господи, гдѣ исходъ?

Прошло болѣе получаса, когда нервный припадокъ нѣсколько

стихъ и она задремала въ той позѣ, въ которой упала на кушетку. Въ комнату осторожными шагами вошла горничная и остановилась, увидавъ, что ея госпожа спитъ. Она кашлянула. Муратова очнулась и быстро сѣла, протирая глаза.

— Что вамъ? спросила она.—Развѣ...

— Обѣдъ поданъ, отвѣтила горничная.

— А!.. хорошо!

Муратова встала, подошла къ зеркалу, оправилась.

— Виктору Валерьяновичу сказали? нерѣшительно спросила она, избѣгая болѣе прямого вопроса о томъ, возвратился-ли молодой Баскаковъ.

— Ихъ еще нѣтъ...

Аделаида Александровна сдвинула брови. Ей было, наконецъ, совѣстно передъ горничной, что она такъ часто спрашиваетъ о Баскаковѣ. Но эти вопросы срывались съ языка невольно, бессознательно.

— Что ты, нездорова? спросилъ ее мужъ, когда она вошла въ столовую.

— Нѣтъ, сухо отвѣтила она.

— А у тебя лицо такое измятое, проворчалъ онъ.

Муратова вспыхнула, точно ее глубоко оскорбили.

— Не всѣ-же могутъ выносить все такъ тупо, какъ ты, рѣзко проговорила она.

— А развѣ что-нибудь случилось? глупо спросилъ онъ.

Она пожала плечами.

— Да развѣ можетъ еще что-нибудь случиться? отвѣтила она.—Мы дошли до того, когда хуже не можетъ быть... Досталъ денегъ?

— Нѣтъ, никто не даетъ!

— Дуракъ!

Супруги говорили по-французски, но даже, подававшій кушанье, могъ замѣтить по ихъ тону, что разговоръ господъ былъ далеко не дружелюбенъ.

— Ты-бы хоть постыдилась человѣка, проворчалъ сконфуженно Аркадій Павловичъ.—Что у тебя за тонъ нынче явился?

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до тона! воскликнула Муратова.—

Теперь не до нѣжностей, когда мы стоимъ на краю пропасти.

— Но ты-же надѣнешься... началъ онъ.

— На что? спросила она, въ упоръ взглянувъ на него.

Онъ смѣшался.

— На барона? рѣзко проговорила она.— Да?

— Ну да... ты сама-же говорила, произнесъ онъ.

Она съ презрѣніемъ посмотрѣла на него.

— Да, я надѣюсь на барона, проговорила она отчетливо.—

Но знаешь-ли ты, что я могу надѣяться и на графа Зяблова, и на графа Толстогоуба, и на сенатора Начинина, знаешь-ли ты, что я могу надѣяться на всѣхъ стариковъ, тающихъ при видѣ хорошенькой женщины, и на всѣхъ матушкиныхъ сыновъ, хвастающихъ связями съ замужними женщинами?.. А на что надѣешься ты?

Она помолчала, глядя съ негодованіемъ на облысѣвшую, салную и тупую голову своего мужа съ торчащими въ стороны ушами.

Теперь ей было странно, что она когда-то такъ легко согласилась выйти за него замужъ.

— Я тебѣ скажу, на что ты надѣешься, проговорила она.— Ты надѣешься на мое паденіе, на мой позоръ и на возможность этою цѣною купить для себя мимолетныя милости какой-нибудь площадной кокетки...

— Я... началъ растерянно Аркадій Павловичъ.

— Ты бездушный циникъ, перебила его Аделаида Александровна.— Ты губилъ меня, чтобы захватить мои деньги, ты хочешь опозорить и уронить меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, чтобы опять захватить мои деньги... Но ты долженъ знать, что изъ этого выйдетъ. Я продамъ себя теперь кому угодно, старику, уроду, жиду. Мнѣ теперь нечего терять, нечего бояться. Чего я не вынесу, если я вынесла пять лѣтъ твоей любви! съ горечью проговорила она.— Но знай, что ты будешь мнѣ не мужъ. Да и можно-ли считать мужемъ человѣка, къ которому чувствуешь менѣе уваженія, чѣмъ къ послѣдному лакею!

Аркадій Павловичъ не вынесъ этого оскорбленія и вспыхнулъ.

— Я думаю, всему есть мѣра, задыхающимся голосомъ началъ онъ.

— Да, я уважаю тебя менѣе, чѣмъ послѣдняго лакея, рѣзко перебила она его.— Если тебѣ не нравится это, ты можешь удалиться изъ моей квартиры. Слышишь ты? Здѣсь все мое. У тебя

есть только долги и стремленіе къ широкой жизни. Ты довелъ меня до нищеты.

— Ты сама жила такъ-же, какъ я, перебилъ онъ ее.

— Ты лжешь! Я была честною женщиною, а ты былъ негоднымъ развратникомъ, я была неопытною провинціалкою, незнавшею счета деньгамъ, а ты былъ алчнымъ до чужихъ денегъ барышникомъ и очень хорошо сознавалъ, что увлекаешь меня въ пропасть. Итакъ, повторяю, ты довелъ меня до нищеты, ты дошелъ до нея и самъ. Теперь ты ждешь спасенія отъ меня, и я спасу тебя, спасу не ради тебя, а ради самой себя. Для тебя я шагу не сдѣлала-бы... Но говорю тебѣ, что первый твой шагъ, сдѣланный безъ моего согласія, заставитъ меня порвать всякую связь съ тобою. Я не подорожу ничѣмъ.

Аркадій Павловичъ раздражительно бросилъ на столъ салфетку.

— Пожалуйста не вздумай разыгрывать одной изъ тѣхъ сценъ, которыми ты пугалъ меня когда-то, гнѣвно свернула она глазами. — Теперь эти сцены не къ лицу тебѣ, засмѣялась она. — Взгляни на себя, до чего ты дошелъ. Вѣдь съ тебя можно бы писать типъ человѣка, отупѣвшаго отъ обжорства, лѣни и грязнаго разврата.

Она съ горечью засмѣялась. Аркадій Павловичъ скрежеталъ зубами. Въ былые дни при малѣйшихъ сценахъ съ женою у него летѣли на полъ тарелки и блюда, теперь онъ не смѣлъ этого сдѣлать. Онъ былъ, съ одной стороны, опутанъ сѣтями долговъ, которые могла распутать только его жена, съ другой стороны, онъ привыкъ къ комфорту, къ сладкому куску, къ веселой компаніи, и отъ всего этого должно было отказаться, если-бы она сказала: „не хочу“. Аделаида Александровна смотрѣла на него съ презрѣніемъ. Обѣдъ пришелъ къ концу. Аркадій Павловичъ всталъ и хотѣлъ, по обыкновенію, подойти къ женѣ, чтобы поцѣловать ея руку. Онъ во всемъ и вездѣ, какъ всѣ тупые люди, былъ человѣкомъ привычки.

— Безъ нѣжностей, проговорила она сухо. — Ты гдѣ сегодня вечеромъ?

— Я, право, не знаю... замялся онъ, не зная, что нужно сказать.

— Мнѣ все равно, гдѣ ты будешь, но нужно, чтобы тебя не было дома, пояснила она.

Онъ переминался съ ноги на ногу и сталъ ходить по комнатѣ, покусывая ногти. Муратова не обращала на него вниманія и допивала кофе.

— Ма chère... наконецъ, послышался его нерѣшительный голосъ.

— Денегъ? лаконически спросила она.

— Ты знаешь... началъ онъ.

— Тебѣ нужно денегъ? настойчиво спросила она.

— Да, коротко отвѣтилъ онъ.

Она вынула портмоне, порылась въ немъ, и, доставъ десять рублей, бросила ихъ на столъ. Аркадій Павловичъ закусилъ губы. Лакей, убиравшій со стола, могъ не понять ихъ разговора, могъ не уловить тона ихъ рѣчей, но онъ не могъ не видѣть, какъ были брошены эти деньги, онъ не могъ не понять, что баринъ выпросилъ эти деньги, а барыня за это разсердилась.

— Ты третируешь меня... началъ Аркадій Павловичъ.

— Какъ лакея, хочешь ты сказать, окончила Аделаида Александровна. — Ты можешь отказаться отъ этой роли, можешь даже не брать этихъ денегъ.

Она молча встала и, подойдя къ окну, прижалась пылавшимъ лбомъ къ стеклу и безцѣльно устремила глаза на улицу. Тамъ живо и бодро мелькали массы людей всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній. Ей показалось, что всѣ эти люди счастливые, богаче, довольные ея. Ей стало завидно, ей стало досадно, что на свѣтѣ есть счастливые люди.

XV.

Среди наступившей гробовой тишины часы звонко и рѣзко пробили шесть. Аделаида Александровна вздрогнула и очулась отъ горькаго раздумья. Въ ея головѣ промелькнула мысль, что баронъ Гельфрейхъ, какъ всѣ влюбленные, старые и молодые, можетъ пріѣхать ранѣе назначеннаго срока. Ей нужно было приготовиться принять его и она мысленно сказала:

— Пора!

Она встала и направилась въ свой будуаръ.

— Черное платье! лаконически приказала она горничной.

Горничная принесла платье изъ гардеробной. Муратова начала

переодѣваться. Это платье было ей къ лицу. Гладкій лифъ обрисовывалъ вполне ея еще красивыя формы. Небольшая вырѣзка ворота спереди позволяла видѣть часть бѣлой, какъ мраморъ, довольно полной, но стройной шеи. Концы бѣлаго батистоваго воротничка, похожаго на мужскіе откидные воротнички, ярко вырисовывались на черномъ шелку. Узкіе гладкіе рукава давали возможность видѣть вполне заманчивую форму полныхъ, стройныхъ рукъ.

— Вы можете идти, обратилась Муратова къ горничной, перечесявавшей ей волосы. — Сегодня я не принимаю никого, кромѣ барона Гельфрейха.

Горничная вышла. Аделаида Александровна осталась сидѣть передъ зеркаломъ и начала поправлять только-что причесанные волосы. Наконецъ, она кончила и это дѣло, и, опустивъ на колѣни руки, задумалась.

— Готова! прошептала она съ горькой усмѣшкой, и еще ниже склонила голову. — Думала-ли я, что я когда-нибудь дойду до этого?..

Въ ея головѣ снова воскресло все ея прошлое.

Ей вспоминалось, какъ она жила у дяди, ни въ чемъ не нуждаясь, повелѣвая въ домѣ, видя на всѣхъ лицахъ заискивающія улыбки. Этотъ домъ былъ полною чашей. Она могла ничего не дѣлать, ни о чемъ не думать. Какъ сладко было ей, пригрѣтой лучами весенняго солнца, лѣниво нѣжиться въ своей постели, какъ хорошо было ей забываться въ дремотѣ гдѣ-нибудь въ бесѣдѣ въ жаркіе лѣтніе дни, какъ безмятежно засыпала она въ холодные зимніе вечера въ своей уютной спальнѣ, не помышляя о тѣхъ, у кого нѣтъ въ эти холода и вьюги ни угла, ни постели, ни теплой одежды. Но зачѣмъ-же она ушла изъ этого дома? Вѣдь она не любила своего жениха? Да, но ее душила скука, ее смущала боязнь, что ей придется остаться старой дѣвой въ этомъ очарованномъ замкѣ лѣни и сна. Ей хотѣлось пожить — шумно, весело пожить, какъ живутъ въ городахъ, какъ живутъ въ романахъ. Ради возможности такъ пожить она побѣдила свое отвращеніе къ жениху. Впрочемъ, и отвращеніе-то къ нему она почувствовала тогда, когда уже согласилась выйти за него замужъ. Теперь ей кажется, что на свѣтѣ нѣтъ болѣе уродливаго человѣка, чѣмъ ея мужъ, а тогда она не замѣчала даже

его уродства: она „привыкла“ къ его лицу съ дѣтства и не всматривалась въ него, не относилась къ нему критически. Ихъ обвѣячали. Шумная столичная жизнь настала. Балы, театры, ѣзда по магазинамъ, слушаніе комплиментовъ и любезностей, катанье по Дворцовой набережной, по Невскому и по Большой Морской въ ясные зимніе дни, обѣды въ веселой компаніи молодежи, — все это прошло яркимъ и безпутнымъ сномъ въ ея жизни. Все это стоило денегъ, но деньги такъ легко добывались, что ихъ не стоило считать, что о нихъ не стоило думать. Проданный лѣсъ далъ двадцать тысячъ, залогъ имѣнія далъ еще столькоже. Правда, все это прожилося, но богатымъ людямъ легко вѣрять въ кредитъ. Въ магазинахъ у нихъ не спрашиваютъ сейчасъ денегъ, люди, дающіе деньги на проценты, являются по первому слову къ услугамъ богачей.

Она опомнилась только тогда, когда пришлось за заложенное имѣніе вносить проценты, за взятые въ долгъ вещи платить втридорога, за занятые капиталы отдавать вдвое или подписывать векселя въ тысячи за занятые сотни. Нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ запутаться въ денежныхъ дѣлахъ. Ничто не возрастаетъ такъ быстро, какъ долги. Долгъ, котораго вы не можете выплатить, растетъ, какъ катящійся съ горы свѣжннй комъ, съ тою только разницею, что отъ кома вы еще можете отстраниться, а долгъ неизбѣжно увлекаетъ васъ въ пропасть вмѣстѣ съ собою.

— Нынче я не могъ уплатить долга, говорите вы, — но въ будущемъ году я уплачу его.

Вы лжете. Изъ чего-же вы уплатите его, если ваши доходы остаются прежними, а расходы увеличиваются процентами за долгъ? На будущій годъ вы опять не уплачиваете долга, но отсрочка покупается вами только при помощи обязательства переписать вексель съ тысячи на полторы тысячи, съ двухъ тысячъ — на три. А сколько нравственныхъ пытокъ, сколько униженія, сколько грубостей приходится перенести вамъ въ эти скорбные дни свиданій съ кредиторами! Кредиторъ, которому вы хоть разъ не отдали въ срокъ денегъ, считаетъ и имѣетъ право считать васъ обманщикомъ, мошенникомъ. И чѣмъ болѣе желалъ онъ пожизниться на вашъ счетъ, тѣмъ озлобленнѣе становится онъ, предчувствуя, что его расчеты оказались ошибочными. Онъ, ростовщикъ, него-

дай, обирающій живыхъ и мертвыхъ, является передъ вами съ видомъ честнаго человѣка, обманутаго вами, является правымъ передъ обществомъ и передъ судомъ, а вы, виноватые только въ неразсчетливости, въ неумѣннн сводить концы съ концами, являетесь обманщикомъ, похитителемъ чужой собственности, личностью, которой не станетъ вѣрить никто, которую могутъ сегодня повести въ судъ, завтра засадить въ долговое отдѣленіе, послѣ завтра лишить пристанища и крова. Какъ дикій звѣрь на травлѣ, вы начинаете прятаться, вы боитесь каждой встрѣчи на улицѣ, вы дрожите при каждомъ звонѣ у вашихъ дверей, вы теряете голову отъ преслѣдованій и вамъ кажется, что сотни голосовъ злорадно кричатъ:

— Ату его, ату!

Все это испытала Аделаида Александровна, все это пережила она каждымъ нервомъ своего существа, и когда она спрашивала себя, за что-же выпали ей на долю эти муки, — отвѣтъ находился одинъ: „за то, что тебѣ дали жизнь, но не научили тебя жить“. Но развѣ это была ея вина? Она металась изъ стороны въ сторону, ища спасенія, и, наконецъ, предъ нею явилась надежда на это спасеніе. Но что это за спасеніе? Ей грозила участь женщины, погрязшей въ долгахъ; теперь ей грозила участь женщины, погрязшей въ развратѣ. Не лучше-ли остановиться, покуда есть время? Но что-же будетъ, если она будетъ разорена? Ей придется бороться съ нищетой. Но какъ-же бороться, не умѣя работать? Какъ выносить нищету, когда кругомъ всѣ старые знакомые будутъ пировать на праздникѣ жизни? Не идти-ли къ отцу искать куска хлѣба и пріюта? Но приметъ-ли ее онъ или, лучше сказать, его жена? Снесетъ-ли она, Муратова, жизнь подъ одной кровлей со своей бывшей крѣпостной, сдѣлавшейся ея мачихой? Вытерпятъ-ли она послѣ шумной столичной жизни въ образованномъ обществѣ жизнь съ этой неразвитой и грубой женщиной? Нѣтъ, все это невозможно, невыносимо! Но развѣ легче сближеніе съ барономъ?

— Боже мой, какъ онъ мнѣ противенъ! вырвалось неволью изъ груди Аделаиды Александровны болѣзненное восклицаніе и она вздрогнула.

„Противенъ! продолжала она думать.— Но дѣло не въ томъ. Дѣло въ томъ, что скажетъ свѣтъ“. Эта мысль промелькнула

въ ея головѣ и тотчасъ-же на ея губахъ скользнула презрительная усмѣшка. „Что скажетъ свѣтъ! думала она.—Свѣтъ будетъ у моихъ ногъ, если я паду нравственно и буду блистать передъ нимъ богатствомъ. Свѣтъ назоветъ меня душой, если я оттолкну барона и погибну отъ нищеты. Вотъ что скажетъ свѣтъ“. „Нѣтъ, это все не то! продолжала она въ тревогѣ.—Страшно самое паденіе“... „Но развѣ я уже не пала?“ спрашивала она себя, и передъ нею живо воскресало воспоминаніе вчерашней ночи. „Какъ хорошъ Викторъ! Какъ онъ любитъ меня. Я сама впервые люблю, неслось въ ея головѣ. — И отъ этой-то любви надо отказаться, если я сдѣлаюсь нищей! Отказаться? Ни за что, ни за что! Нужно принести все жертвы, чтобы сохранить ее... А если Викторъ узнаетъ, какой цѣной я покупаю возможность любить его? Развѣ онъ не оттолкнетъ меня съ отвращеніемъ?“ Она опустила на грудь голову, она терялась, она впервые въ жизни не находила никакого исхода, впервые въ жизни она сознавала, что умъ отказывается ей служить, и испытывала что-то похожее на ужасъ, который захватывалъ у нея духъ.

— Баронъ Гельфрейхъ ждуть въ гостиной! раздался надъ нею голосъ горничной.

Муратова вытянулась во весь ростъ и посмотрѣла на горничную испуганными глазами.

— Который часъ? спросила она.

— Три четверти восьмого, отвѣтила горничная.

— Да... да... сейчасъ, проговорила растерянно Муратова и направилась къ гостиной.

XVI.

Муратова подняла тяжелую опущенную портьеру и появилась на порогѣ. Баронъ ходилъ по гостиной, заложивъ за спину руки.

— Извините, я заставила васъ ждать, промолвила Аделаида Александровна.

— Я явился ранѣе назначеннаго часа, объяснилъ онъ, пожимая протянутую ему руку.

Муратова была блѣдна и выглядѣла прекраснѣе, чѣмъ когда-нибудь: выраженіе ея лица было осмысленно, серьезно и грустно.

— Я очень рада вашей милой неакуратности, любезно прого-

ворила она, опускаясь на маленькій диванчикъ и указывая движениемъ руки барону на кресло. — На меня сегодня напала страшная хандра послѣ одного посѣщенія бѣдняковъ.

— Охота вамъ съ ними возиться! произнесъ баронъ, пожимая плечами.

— Ахъ, вы опять говорите на старую тему! Эти хлопоты — все-же призракъ дѣла. Это развлекаетъ.

— Хороши развлечения, послѣ которыхъ нападаетъ хандра!

— Можетъ быть, безъ этихъ развлеченій хандра была-бы еще сильнѣе, вздохнула Муратова.

— Значить, есть еще другія причины для хандры?

Баронъ нѣсколько вытянулъ впередъ свою голову, точно желая заглянуть въ лицо Муратовой.

— Много, уклончиво проговорила Аделаида Александровна. — Вы, кажется, курите? спросила она, перемѣняя разговоръ. — Здѣсь это допускается для друзей, шутливо произнесла она, граціозно подвинувъ къ барону изящное фарфоровое плато, замѣнявшее пепельницу.

— Но вы позволяете друзьямъ только курить? улыбнулся баронъ.

— Я васъ не понимаю, слегка пожала она плечами.

— И не позволяете имъ заглянуть поглубже въ вашу душу? окончилъ онъ, не спуская съ нея зоркихъ глазъ и медленно закуривая папиросу.

Баронъ далъ себѣ слово, во что-бы то ни стало, добиться въ этотъ вечеръ положительныхъ результатовъ отъ бесѣды съ Муратовой.

— Нелюбопытно заглядывать въ эти потемки. Я сама иногда боюсь туда заглядывать, какъ боялась въ дѣтствѣ заглядывать въ ту темную комнату, куда насъ сажали за наказаніе, отвѣтила Аделаида Александровна.

— Неужели вамъ въ ваши годы невесело живется? спросилъ баронъ Гельфрейхъ.

— Невесело; но, право, объ этомъ невесело и говорить, отвѣтила молодая женщина.

— Но вѣдь есть-же причины этого? безцеремонно настаивалъ баронъ.

— Повторяю, причинъ много, отвѣтила она. — Но что эзъ.

польза говорить о нихъ, да, наконецъ, и для чего? Чужое горе и останется чужимъ горемъ и въ крайнемъ случаѣ нагонитъ на слушателя скуку. А я, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, не хочу, чтобы вы вынесли отсюда чувство скуки. Я знаю по опыту, какое это убійственное чувство... Поговоримте лучше о другомъ. Вы будете въ нашемъ маскарадѣ?

Муратова хотѣла собраться съ силами: до сихъ поръ она только кокетничала и это было легко; теперь ей было нужно продать себя—и этого она не умѣла сдѣлать.

— Если вы будете тамъ, отвѣтилъ баронъ, не спуская съ нея плотоядныхъ глазъ.

— О, баронъ, вы меня считаете совсѣмъ деревенской простушкой! засмѣялась Муратова.—Будете, если я буду! Это значить, что вы будете во всякомъ случаѣ: буду я—скажете, что пріѣхали для меня, не буду я—скажете мнѣ потомъ, что не были тамъ или что пріѣзжали искать меня... Но я васъ ловлю на словѣ: въ маскарадѣ я не буду и непременно наведу справки потомъ, были-ли вы.

Она позвонила. Явился лакей.

— Чаю! лаконически произнесла она.

Лакей ушелъ.

— Вы не шутя говорите, что не поѣдете? спросилъ баронъ.

— Не шутя, отвѣтила она.

— Отчего? освѣдомился онъ.

Она помолчала.

— Сказать вамъ правду? проговорила она черезъ минуту.

— Всю правду, какъ другу, подтвердилъ баронъ и нѣсколько придвинулъ кресло.

— Хорошо! Я не поѣду потому, что я вообще должна перестать выѣзжать, отвѣтила она, вздохнувъ.

— Перестать выѣзжать? удивился баронъ.

— Да.

Она опять помолчала. Ей нужно было ловко и рѣшительно приступить къ самой существенной части разговора. Но этого она и не умѣла сдѣлать. Она была еще неопытна въ подобныхъ сдѣлкахъ. Ей было и северно сознавать, какую роль играетъ она, и страшно, что она не достигнетъ желанной цѣли, заключить невыгодную сдѣлку.

— Я не привыкла ничего скрывать, не привыкла маскироваться, проговорила она. — Дѣло въ томъ, что я должна нѣсколько измѣнить образъ жизни и запереться отъ свѣта, отъ всѣхъ въ четырехъ стѣнахъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

— Вы меня пугаете, проговорилъ баронъ, недоумѣвая.

— Мой мужъ, какъ я вчера узнала, запуталъ мои денежные дѣла. Имѣніе мое, но у него была полная довѣренность на управление. Я нѣсколько поздно узнала, что онъ плохо велъ дѣла... Чтобы привести въ порядокъ наше деревенское хозяйство, мнѣ нужно пожертвовать многимъ...

— Но зачѣмъ-же жертвовать, воскликнулъ обрадованный баронъ, — когда вамъ стоитъ захотѣть и у васъ явятся средства?

Онъ дѣлалъ предложеніе, по своему обыкновенію, прямо и грубо, безъ предисловія, не справляясь о томъ, на-сколько могутъ оскорбить его слова тѣхъ, къ кому они относятся. Муратова вспыхнула, но сдѣлала видъ, что не поняла его.

— Въ томъ-то и дѣло, что не явятся, если при помощи жертвъ не улучшится хозяйство, проговорила она. — Я только жду весны, чтобы уѣхать на два, на три года отсюда въ деревню и похоронить себя тамъ на время.

— Да это невозможно! взволновался баронъ. — Въ ваши годы похоронить себя въ деревнѣ! Хозяйничать въ имѣніи, когда хочется жить...

— И еще какъ хочется-то! вздохнула Муратова и въ ея глазахъ блеснулъ огонь страсти. — Но что дѣлать, если иначе нельзя? Вѣдь и съ вами, я думаю, часто случается такъ, что вы просиживаете надъ дѣлами ночи, когда хотѣлось-бы отдохнуть, повеселиться?.. Ну, вотъ и я буду тамъ, въ деревнѣ, считать доходы съ фермы, возиться съ наймомъ рабочихъ, и торговаться съ хлѣботорговцами... Погодите, года черезъ три, когда пріѣду сюда опять, вы меня не узнаете. Потолстѣю, загорю, постарѣю...

Муратова едва замѣтно со вздохомъ махнула рукою.

— Нѣтъ, сегодняшній визитъ въ этотъ подвалъ окончательно разстроилъ меня, проговорила она. — Въ голову приходятъ все мрачныя мысли, на душѣ точно какое-то бремя...

Лакей въ это время подаль чай. Баронъ и Муратова помол-

чали. У барона такъ и вертѣлось на языкѣ предложеніе ей поступить къ нему на содержаніе. Онъ никогда ни за кѣмъ не ужасивалъ и не зналъ теперь, какъ подступиться къ ней, смутно чувствуя, что она не изъ тѣхъ женщинъ, которыя прямо принимаютъ самыя дерзкія и наглныя предложенія. Муратова, съ своей стороны, начинала волноваться все сильнѣе и сильнѣе. До сихъ поръ она только заигрывала съ своими поклонниками и это искусство было такъ просто, не требовало ни особенной изобрѣтательности, ни особеннаго ума. Теперь ей впервые приходилось продавать себя, и притомъ продавать „къ спѣху“. Она терялась въ этой новой роли и въ сущности говорила на-угадъ, шла къ цѣли ошупью. Самая тупая француженка-кокотка выказала-бы на ея мѣстѣ болѣе такта, болѣе ловкости, болѣе сообразительности.

— Ваши планы не поведутъ ни къ чему, заговорилъ баронъ.—Чтобы разбогатѣть въ деревнѣ—нужны годы и годы. Но стоитъ-ли убивать лучшее время жизни для того, чтобы исправить свои дѣла только къ той порѣ, когда уже ничего не будетъ нужно? Разбогатѣть можно только въ столицѣ, въ этомъ сборномъ пунктѣ азартныхъ игроковъ.

— Приобрѣсти для мужа какую-нибудь концесію или мѣсто директора въ какомъ-нибудь банкѣ? иронически усмѣхнулась Муратова.—Я уже слишкомъ опытна, чтобы строить подобныя воздушныя замки.

— Это избитыя средства, но кромѣ нихъ есть тысячи средствъ захватить долю земныхъ благъ на жизненномъ пиру, оживленно отвѣтилъ баронъ. — Стоитъ только захотѣть, стоитъ сказать слово и...

— Вы не знаете моего мужа, перебила его Муратова. — Онъ самъ ничего не сдѣлаетъ. Имъ нужно руководить и тогда онъ пойдетъ по указанной дорогѣ. Но гдѣ-же такіе руководители? Кто станетъ заботиться о чужихъ дѣлахъ?..

— Я, тихо и страстно отвѣтилъ баронъ, немного наклоняясь къ ней.—Скажите слово—и я едѣлаю для васъ все, все...

Муратова вопросительно посмотрѣла на него; у нея захватило дыханіе.

— Вы? прошептала она;—но какое-же право я имѣю ждать вашихъ услугъ? Вы человѣкъ дѣловой, серьезный...

— Я люблю васъ! проговорилъ баронъ и взялъ ея руку.

— Ради Бога! молящимъ тономъ воскликнула она, блѣднѣя отъ испуга.

Баронъ уже не слушалъ ее и продолжалъ горячо:

— Вы несчастны, вы не любите своего мужа, вы ищете исхода. Зачѣмъ-же даромъ губить свою молодость, свою жизнь, когда вы можете жить весело, безопасно, счастливо? Скажите, вѣдь я угадалъ, что вы несчастны?

Баронъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ и услыхалъ сдержанныя рыданія. Муратова не вынесла этой пытки. Она чувствовала, что дѣло приходитъ къ развязкѣ, и теперь ей стало гадко, отвратительно играть ту роль, которую она приняла на себя. Въ эту минуту она была жалка, болѣе жалка, чѣмъ тѣ нищія, которые прямо падаютъ къ ногамъ благодѣтелей, прося о подаяннн.

— Что съ вами? испуганно проговорилъ баронъ, еще ближе наклоняясь къ ней.

— О, если-бы вы знали, если-бы вы знали, какая пытка моя жизнь! шептала она.—Оставьте меня, забудьте нашъ разговоръ.

— Оставьте васъ теперь, когда я знаю, что вы несчастны, что вы жаждете исхода! проговорилъ баронъ.—Какъ-же вы мало знаете меня! Неужели вы не поняли уже давно, что я готовъ быть вашимъ рабомъ, другомъ, спасителемъ, всѣмъ, всѣмъ...

Онъ сжималъ и цѣловалъ ея мягкую, полную руку. Въ эту минуту онъ вовсе не походилъ на того апатичнаго, сухого и холоднаго дѣльца, какимъ онъ являлся обыкновенно въ обществѣ. Что-то приторное, слащавое, старчески-развратное было въ выраженіи его ослабившагося лица съ опустившимися углами губъ, съ сгузвившимися, подернувшимися масломъ глазами.

— Скажите хоть одно слово, безсвязно шепталь онъ нетвердымъ, шамкающимъ тономъ.

Муратова поднялась съ мѣста. Она была блѣдна, взволнована и прекрасна.

— Не теперь, прошептала она,—не сегодня...

Она схала его руку и быстро пошла по направленію къ своему будуару. Она была не въ силахъ въ эту минуту продолжать объясненіе съ барономъ.

— Вы жестоки... Одно слово, одну ласку... говорилъ совсѣмъ потерявшій голову старикъ, дѣлая нѣсколько шаговъ за нею и дрожа на ногахъ.

Она обернулась, какъ-то лихорадочно протянула ему руки и въ изнеможеніи прислонилась къ стѣнѣ. Баронъ, какъ безумный, впился полу-открытыми, отвислыми губами въ эти мягкіе, точно выточенные, стройные пальцы. Наконецъ она вырвала у него свои руки, быстро наклонилась, на-лету обожгла его дряблюю щеку горячимъ поцѣлуемъ и почти простонавъ:

— Послѣ!.. завтра!..

Скрылась за портьерой.

Если бы баронъ послѣдовалъ за нею, онъ увидаль-бы ее лежащею около кушетки съ лицомъ, спрятаннымъ въ подушку, съ вздрагивающими отъ истерическихъ рыданій плечами. Но баронъ, совсѣмъ опьянѣвшій отъ этихъ страстныхъ, неожиданныхъ поцѣлуевъ, не смѣлъ заглянуть за портьеру. Онъ растерянно и все съ тою-же глуповато-тупою улыбкою искалъ свою шляпу, потомъ въ недоумѣніи осмотрѣлся, чтобы найти дверь для выхода, и развинченной, присѣдающей походкой дошелъ до своей кареты, какъ-бы въ туманѣ. Онъ не помнилъ себя въ такомъ состояніи даже въ тѣ дни, когда у него, тогда еще оборванного юноши, впервые появилась въ рукахъ пачка денегъ въ тысячу рублей.

— Вахханка! вахханка! шепталъ онъ, глядя куда-то въ пространство отуманенными, почти закатывшимися глазами.

А эта вахханка порывисто поднялась съ ковра, быстрымъ движеніемъ отерла батистовымъ платкомъ свои пальцы, свои губы, съ отвращеніемъ швырнула на полъ этотъ платокъ и почти простонала:

— Я ненавижу тебя, слышишь ты, я ненавижу тебя!

Это былъ какой-то безумный порывъ гордой женщины, впервые продававшей себя. Въ эту минуту она ненавидѣла и того, кому продавала себя, и свѣтъ, который осмѣяль-бы ея страданія. Въ глубинѣ ея души шевелилась чувство презрѣнія къ самой себѣ. Въ ея душѣ была теперь потребность выплакать свое горе, покаяться предъ кѣмъ-нибудь, услышать чье-нибудь утѣшающее, ласковое слово. Но кто-же могъ придти къ ней на помощь, кто могъ приголубить ее? Правда, было одно существо, которое она полюбила, которое, повидимому, любило ее, но возможно-ли опять

идти къ этому человѣку, какъ она шла къ нему наканунѣ? Вчера онъ могъ счесть ея посѣщеніе за невольный порывъ, за случайное разоблаченіе того, что они таили оба въ глубинѣ души. Теперь онъ могъ оттолкнуть ее, какъ женщину, бросающуюся ему на шею и неожиданную, чтобы онъ сдѣлалъ хотя одинъ шагъ къ ней. Послѣ вчерашней сцены онъ могъ полюбить ее, послѣ сегодняшняго посѣщенія онъ могъ почувствовать къ ней презрѣніе. Все это ей подсказывало тонкое женское чутье, а между тѣмъ у нея не было силъ побѣдить душевную потребность ласки, утѣшенія, потребность забыться подъ звуки сочувственныхъ рѣчей. Она пошла изъ будуара въ гардеробную. Она шла тихо, съ опущенной головой, какъ вающаяся грѣшница, какъ опозоренная женщина, сознающая свое паденіе и свой позоръ. Она говорила себѣ, что она не войдетъ къ Виктору, что она только остановится у дверей его комнаты, подслушаетъ его шаги, его дыханіе, что ей довольно и того, что она будетъ сознавать, чувствовать близость его присутствія. Она вошла въ гардеробную, подняла портьеру надъ дверью, ведущею въ комнату Виктора, и прислонилась ухомъ къ этой двери.

— Милый, дорогой, если-бы ты зналъ, какъ я люблю тебя, почти беззвучно шептала она,—если-бы ты зналъ, что я здѣсь...

Она затаила дыханіе и слушала. Въ комнатѣ все было тихо.

— Вотъ тутъ, на этомъ мѣстѣ, вчера впервые онъ обнялъ меня, неслось въ ея головѣ.—Онъ взялся рукою за эту дверь...

Она прислонилась щекою къ этой холодной двери; она прильнула къ ней губами.

— Господи, Господи, какъ я люблю его... Развѣ я виновата? Я никогда еще не любила...

Она не выдержала и вслухъ проговорила молящимъ голосомъ:

— Викторъ!

Отвѣта не было.

— Онъ спитъ?..

Она начала прислушиваться еще пристальнѣе. Въ комнатѣ не было слышно даже дыханія.

— Викторъ! еще громче проговорила она.

Отвѣта не было по-прежнему.

— Но гдѣ-же онъ? Съ нимъ что-нибудь случилось?.. Случилось?.. Что-же могло случиться?.. Но зачѣмъ-же онъ ушелъ и пропалъ на цѣлый день?.. Избѣгаетъ меня?

Она широко открыла глаза и безцѣльно смотрѣла въ этой темнотѣ. Передъ ея глазами носились, вертѣлись какіе-то яркіе круги.

— Избѣгаетъ!.. Почему?.. Неужели я обманулась въ его чувствахъ ко мнѣ... Не можетъ быть, не можетъ быть!.. Онъ любить... Любить?.. Но развѣ можно бѣжать отъ любимаго чело-вѣка на другой день послѣ того, какъ сказалось впервые слово: люблю? Нѣтъ, нѣтъ... въ такія минуты людямъ хочется быть вѣчно, вѣчно вмѣстѣ... А что, если онъ...

Она не докончила фразы, ей стало страшно при мысли, что онъ, можетъ быть, презираетъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, надо все разъяснить! вдругъ проговорила она и дернула за ручку двери.—Викторъ, Викторъ! почти кричала она, забывъ, что ее могутъ слышать другіе, что ее могутъ за-стать здѣсь.

Но дверь не подавалась, отвѣта не слышалось.

— Господи, что-же это за пытка! За что? Вѣдь я съума схожу! въ отчаяньи воскликнула она и безъ чувствъ упала на полъ.

. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

МЕЛОЧНОЙ ТОРГОВЕЦЪ.

(Изъ Ф. Коппе.)

Въ фруктовой лавочкѣ онъ торговаль въ Монстружѣ.
Она была мрачна и изъ нея къ тому-же
Распространялся смрадъ отъ пряностей кругомъ.
Онъ въ бѣломъ фартукѣ за выручкою днемъ
Кололъ на плиточки свой сахаръ методично.
Въ недѣлю только разъ смущали миръ обычный
Его поставщики, въ телѣжкѣ подкативъ
Съ боченками сельдей и ящичками сливъ.
Въ другіе дни покой лавчонки очень рѣдко
Тревожила на мигъ старинная сосѣдка—
Жена рабочаго или слуга господъ,
Въ предмѣстьи, какъ въ селѣ, живущихъ круглый годъ.
Хозяинъ маленький, болѣзненный и блѣдный
Смотрѣлъ не весело и слухъ ходилъ, что, бѣдный,
Онъ отъ торговли могъ едва существовать.
Его исторію не трудно передать.
Изъ Суасона онъ въ Парижъ былъ посланъ рано
Семей, замѣтившей безсилье мальчугана
И вздумавшей его торговлѣ обучить.
Торговецъ-родственникъ не прочь былъ пріютить
Ребенка въ лавочкѣ и, несмотря на скрагу
И спорщицу жену, сталъ посвящать бѣднагу
Въ искусство сложное всѣхъ мелкихъ торгашей.
Сидѣлецъ, свыкшійся со службою своей,
Сталъ экономенъ, строгъ, воздержанъ, акуратенъ.
И дядя, оцѣнивъ его за жизнь безъ дѣятея,
Рѣшился наградить его по мѣрѣ силъ:
Сыскалъ ему жену, сдалъ лавку и рѣшилъ,
Что стоитъ помощи парнишка простоватый.
Невѣста-же была дурна, хотя богата.

Но и предъ ней бѣднякъ въ восторгѣ трепеталъ,
 Какъ-будто лавку свѣтъ какой-то озарялъ,
 При появленіи ея въ одеждѣ бѣлой.
 Въ ту пору мать его недавно овдовѣла,
 Поѣхалъ онъ за ней и говорилъ, шутя:
 „Не плачь, еще у насъ попячишь ты дитя“!

Мысль сдѣлаться отцомъ его уже плѣняла,
 А между тѣмъ судьба по-своему рѣшала.
 Жена торговлю гнушалася, была
 Холодной, вылою, сварливой и жила
 Одна въ своемъ углу, какъ-бы забывъ про мужа.
 А онъ за выручкой, когда и снѣгъ и стужа
 Врывались въ лавочку, весь день былъ на ногахъ,
 Но не ропталъ: съ нимъ мать съ своимъ чулкомъ въ рукахъ
 Сидѣла въ чепчикѣ и съ гордостью слѣдила,
 Какъ ловко вѣшаетъ онъ масло или мыло,—
 И жизнь казалася ему еще сносна.
 Но разъ въ недобрый часъ обидѣлась жена,
 Что онъ не одинокъ, подобно ей, и скоро
 Съ свекровью начались обычные раздоры.
 Мать угадала все:

„Голубчикъ мой родной,
 Я думала пожить въ ладу съ твоей женой,
 Но, вижу, на меня глядитъ она съ враждою.
 Не ладить, видно, мнѣ съ невѣсткой молодою,
 Такъ лучше въ Суассонъ поѣду я опять“.
 Поворно, ласково ему сказала мать
 И въ путь отправилась безъ плача, но уныло.
 Ему была чужда сопротивленья сила.
 Онъ далъ согласіе, но сдѣлался мрачнѣй
 Да сталъ просить въ мольбахъ у Господа дѣтей.
 Имѣть дѣтей—вотъ цѣль его существованья,
 Вотъ идеалъ его, вотъ всѣ его желанья;
 Онъ не имѣлъ другихъ надеждъ, какъ быть отцомъ.
 И если иногда въ лавчонку вечеркомъ
 За чѣмъ-нибудь входилъ работникъ загорѣлый
 Съ ребенкомъ на рукахъ,—въ душѣ осиротѣлой
 Вдругъ умиленіемъ смѣнялася тоска.

А годы между тѣмъ тянулись, какъ вѣка.
 Теперь уразумѣлъ бѣдняга простодушный,
 Что нечего мечтать, что съ женщиной бездушной

Онъ ложе раздѣлялъ безъ страсти, безъ любви.
 Но за погибшія стремленія свои
 Намъ всѣмъ приходится отчаяньемъ платиться;
 И этотъ человѣкъ сталъ жизнью тяготиться
 И отвращеніе—Богъ знаетъ почему—
 Теперь внушало все, и сырѣ, и клей, ему,
 Сквозного вѣтра вой онъ слушалъ въ озлобленьи,
 Отъ запаха трески испытывалъ мученье
 И проклиналъ судьбу, когда касалась вдругъ
 Воронка до его потрескавшихся рукъ.

Но все-жь есть свѣтлый лучъ и въ этой тѣмѣ угрюмой:
 Когда за вырубкой, одинъ, съ своею думой,
 Онъ колетъ сахаръ свой озлобленно,—предъ нимъ
 Является порой ребенокъ-херувимъ,
 Прельщенный пышными сластями у окошка.
 Въ наивной простотѣ указываетъ крошеа
 Одной ручонкою на искусившій плодъ,
 Другой-же черный су торговцу подаетъ.
 Тогда блаженствуетъ бѣднякъ невыразимо,
 Съ такой улыбкою, что всѣмъ идущимъ мимо
 Полупомѣшаннымъ онъ кажется на видъ,
 И денегъ не беретъ, и лакомства дарить.

Въ такіе дни его тоска не такъ тревожить,
 Онъ отвращеніе въ себѣ осилить можетъ,
 Онъ грезить, въ матери стремится въ Суассонъ
 И вспоминаетъ вновь, какъ росъ когда-то онъ:
 Въ душѣ его—покой, прощенье, забвенье
 И сахаръ колетъ онъ уже безъ раздраженья.

А. М.

БЕЗПРОСВѢТНАЯ ГЛУШЬ.

(Нѣсколько дней въ чужихъ мѣстахъ.)

I.

По ущелью.

— Бичо (человѣкъ)! Гдѣ-же конецъ этому ущелью? Гляди, скоро ночь будетъ.

— Нѣтъ конца, батона (господинъ)! Туда пайдошь—Азургетъ придошь, суда пайдошь—Багдадъ придошь... Два тысячъ верстъ!..

Мой проводникъ вообще былъ склоненъ къ преувеличеніямъ. Съ какимъ-то конвойнымъ княземъ ему случилось побывать въ Петербургѣ, откуда молодой грузинъ вывезъ самое невыгодное понятіе объ умѣ русскаго человѣка. Мы, по его мнѣнію, только и годились на то, чтобы, разинувъ ротъ, внимать восточному Хлестакову, если ему вздумается пуститься въ рассказы о своихъ чрезвычайныхъ похожденияхъ. Такъ мой бичо серьезно повѣствовалъ мнѣ о томъ, какъ нѣкая петербургская княгиня влюбилась въ него по-уши и даже хотѣла бѣжать съ нимъ, но онъ въ порывѣ великодушія отказался отъ нея, предоставивъ красавицу конвойному князю. Тотъ, разумѣется, женился на ней и въ приданое взялъ „много денга, два балшихъ милѣонъ!“

— Твой Тыплизъ бываль? спрашиваль онъ у меня въ Поті.

— Нѣтъ. А что? Большой городъ?

— А Петербургъ видалъ?

— Видалъ.

— Десять разъ болше!..

Такимъ образомъ, у него и ущелье Кара-су раздвинулось въ одну сторону до Озургетъ, а въ другую—до Багдада. Хоть онъ и

Ѣхалъ рядомъ со мною, но я только и могъ различить громадный носъ, загибавшійся внизъ чисто по-ястребиному. Этотъ носъ былъ очень замѣчательнъ. На-сколько онъ великъ былъ въ профиль, на-столько-же онъ казался незамѣтенъ en face. Дѣло въ томъ, что это былъ настоящій грузинскій носъ, тонкій и длинный, какъ безобразные рули турецкихъ фелукъ на Черномъ морѣ. Сверху все лицо бичо было закрыто папачой изъ верблюжьяго сукна съ овчинной оторочкой, снизу все скрывала всклокоченная, лохматая бурка. Держался онъ на сѣдлѣ какъ-то бокомъ, чтобы казаться помолодцоватѣе, точь-въ-точь какъ питерскіе фланеры примачиваются на дрожкахъ тычкомъ, стараясь граціознѣе охватить при этомъ млѣющую рядомъ съ ними дѣвицу легкаго поведенія. Для довершенія эффекта мой бичо постоянно раскрывалъ бурку, чтобы даже окружающія насъ деревья и скалы видѣли громадный кинжалъ въ серебряной оправѣ, болтавшійся у его пояса. Кинжалъ этотъ, какъ и все на немъ, былъ особенный. Шпички на его рукояти выдавались впередъ такъ-же, какъ носъ на лицѣ его владѣльца. Оружіе это ужасно мѣшало проводнику, но онъ скорѣе разстался-бы съ буркой и папачой, чѣмъ съ нимъ. Всюду, гдѣ ущелье расширялось и дно его образовывало довольно гладкую поверхность, бичо съ гикомъ и присвистомъ заскакивалъ впередъ, выхватывалъ кинжалъ изъ ноженъ и, размахивая имъ надъ головою, выдѣлывалъ на лошади самыя головокружительныя курбеты, повороты и лансады.

— Пускай разбойникъ будытъ, сичасъ дадой башка!..

И размахи кинжала становились еще энергичнѣе.

— У тебя и кинжалъ, вѣрно, знаменитый? спрашиваю его, зная слабость моего бичо.

Тотъ даже зажмурился.

— Кюръ-оглу слыхалъ? Его ханджалъ самый. Тысяча душъ Кюръ-оглу рѣзилъ этимъ ханджаломъ. Гиниралъ рѣзилъ, купца съ миндаломъ *) рѣзилъ, тигра рѣзилъ, левъ рѣзилъ!..

И бичо пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, желая, повидимому, убѣдиться: повѣрю-ли я въ существованіе львовъ на Кавказѣ или усомнюсь.

Аджара, куда я Ѣхалъ, составляетъ часть турецкой Г'рузіи.

*) Миндаль — медаль.

Эта горная и дикая страна доступна только съ трехъ пунктовъ: изъ Батума проходомъ Аджара-цхвали, Квабліанскимъ ущельемъ Ахалцхскаго пашалыка, и изъ Гуріи рѣками Супсой, Губазевли и другими. Аджарцы тѣ-же гурійцы, только омусульманившіеся. Здѣсь въ разныхъ труппахъ разбросано около семидесяти деревень, съ 14,900 жителей, съ трудомъ отстаивающихъ свою національность отъ турецкаго вліянія, мало-по-малу захватывающаго въ свой районъ послѣднія гнѣзда грузинскаго племени. Съ каждымъ днемъ въ Аджарѣ мало-по-малу исчезаютъ послѣдніе слѣды христіанства, которое нѣкогда исповѣдывало все мѣстное населеніе. По свидѣтельству Дмитрія Вакрадзе, исламъ внесенъ былъ сначала въ Лазистанъ, потомъ въ Чорохское ущелье и уже изъ нынѣшняго ахалцхскаго уѣзда проникъ въ Аджару. Изъ акта, найденнаго въ Гуріи, оказывается, что мѣстечко Хино, гдѣ даже было мѣстопробываніе епископа, еще въ 1790 г. приняло магометанскую религію. До сихъ поръ въ разныхъ пунктахъ этого интереснаго края встрѣчаются развалины храмовъ, которые должны быть признаны самыми изящными въ Грузіи. Аджара была прежде владѣніемъ князей Гуріели. Въ 1483 г. она находилась въ рукахъ перваго извѣстнаго Гуріеля-Кахабера. Нѣсколько разъ она переходила къ Турціи, но всегда возвращалась обратно послѣ кровопролитныхъ войнъ. Такъ, на примѣръ, Гуріель Мамія II въ 1609 г. истребилъ здѣсь турецкія войска, сжегъ мусульманскія поселенія и присоединилъ къ своему царству Аджару, но опять не надолго. Меня, впрочемъ, мало интересовало прошлое этой страны. Древніе акты и душевные архивы меня не особенно привлекали къ себѣ; напротивъ, для меня, на примѣръ, мой проводникъ Ваню Варданія представлялъ несравненно болѣе живую и интересную лѣтопись и цѣлый ходячій архивъ народнаго міросозерцанія. Каждая жалкая деревушка, прилѣпившаяся къ плѣшеѣ какаго-нибудь утеса, такъ и тянула меня къ себѣ. Среди развалинъ, затканныхъ бѣлой акаціей и широколистной битгоніей, я готовъ былъ проводить цѣлые дни, не мудрствуя лукаво, а вволю пользуясь свѣтомъ и прохладой, заглядываясь на таинственную синеву горныхъ силуэтовъ, заслонившихъ золотистыя дали южнаго полудня. Мнѣ хотѣлось уйти туда подальше, схорониться въ такую глушь, гдѣ-бы все было и ново, и оригинально, гдѣ-бы каждая встрѣча казалась выхваченной изъ „Тысячи и одной ночи“. Отъ сакли къ

саклѣ, отъ аула къ аулу, отъ ущелья къ ущелью!.. Солнце грѣетъ, дождевыя тучи пока проходятъ мимо, дорога выдвигаетъ одинъ за другимъ самыя поразительныя виды горныхъ узловъ, долинъ и ущелій, розовыя вѣсти шелковой акаціи напояютъ воздухъ такимъ ароматомъ, рододендроны, азалии и дикій жасминъ такъ и бьютъ въ носъ на каждомъ шагѣ, — до архивовъ-ли тутъ и историческихъ актовъ! Господь съ ними!..

— Батоно! Еще три верста и балшой аулъ будить. Толка ты туда ѣзжай одна.

— Что такъ?

— Такой дѣлъ былъ. Мой отца рѣзилъ башка его отца.

— Кого это его?

— Леонъ Цулукидзе.

— Ты, значитъ, боишься показываться туда?

— Зачѣмъ боится? А только не надо рамбавія (шумъ) дѣлать... Чужой народъ, сичасъ! Тутъ Сафаръ-бей есть, онъ садить въ турма... ты ѣзжай одна!..

Мы съ нимъ условились встрѣтиться завтра въ двухъ верстахъ отъ аула, — иначе не знаю, какъ и назвать это становище гурійскихъ мусульманъ. Избѣгая „шайтана Леона Цулукидзе“, мой бичо долженъ былъ провести всю ночь въ развалинахъ стараго замка, вѣнчавшихъ вершину утесистой горы.

Ущельемъ Кара-су мы ѣхали уже второй день. Я не могу до сихъ поръ забыть этого уголка Аджары. Въ самомъ началѣ передъ нами словно легла извилистая щель между двумя рядами голубыхъ горъ. Въ глубинѣ этой щели стоялъ точно туманъ. Гдѣ онъ былъ гуще, тамъ откосы горъ врѣзывались въ ущелье, гдѣ онъ разстился ровною полосой, тамъ можно было отгадывать неширокія площадки, образуемыя раздвигавшимися стѣнами этой трещины. Даль ея манила къ себѣ своею заманчивою синью. Надъ однообразнымъ колоритомъ ущелья висѣли бѣлыя, кое-гдѣ сверкавшія рѣзущимъ глаза блескомъ снѣговыя шапки Чарахъ-дага и другихъ великановъ...

Въ это время мы переѣзжали какую-то небольшую рѣчку, разлившуюся здѣсь пятью рукавами. Лошади сторожеко ступали въ шипѣвшую подъ ними воду, иногда изъ-подъ копытъ вывертывались круглыя, выполированныя водою камешки и конь почти оступался и на минуту приостанавливался, подаваясь назадъ. Надъ

нами опрокидывалось, безоблачное небо, словно раздвигавшееся въ даль и въ высоту. Черною точкою въ недосыгаемой глубинѣ его висѣлъ горный орелъ. Въ душѣ незамѣтно росло впечатлѣніе свѣжести и простора. Въ этой глуши, несмотря на зной и на зло безлюдью, дышалось легко и весело. Гдѣ-то слышался рѣзкій, хищный крикъ и что-то, грузно прорѣзывая воздухъ, камнемъ шлепнулось въ зеленую чашу айвовыхъ деревьевъ.

Переправу мы кончили благополучно и тутъ уже ущелье Карасу раздвинулось передъ нами во всей своей красотѣ и дикомъ величіи. Громады горъ словно разсѣлись, чтобы пропустить тонкую бить тихаго потока, который весной, питаясь стоками таящаго снѣга, заливаетъ всѣ окрестности и часто смываетъ внизъ цѣлыя скалы, подтачивая ихъ глинистыя основанія.

Дорога, — если можно назвать такъ узкую тропинку, гдѣ трудно развѣхаться двумъ конямъ, — взбѣгала на одну изъ зеленыхъ горъ. Громадные дубы и величавыя буки устлали всѣ понизи. Кое-гдѣ болѣе темная полоса орѣшниковъ охватывала и глушила со всѣхъ сторонъ крупныя каштановыя деревья, съ которыхъ въ эту пору красиво свѣшивались внизъ благоухающія кисти цвѣтовъ.

Выше тропинки, на яркомъ фонѣ неба, тонко рисовались граціозныя силуэты хвойнаго лѣса. Иногда одинокая сосна, взбѣжавъ на верхушку горы, красовалась на юру, словно кокетничая каждыиъ своимъ изгибомъ, каждою своею вѣтвью. На эти сосны, привычныя сѣверянину, съ особеннымъ торжествомъ, какъ на нѣчто рѣдкое, особенное, чрезвычайное, указывалъ мой проводникъ.

Вправо и влѣво отъ Карасуйскаго ущелья, какъ сырыя, черныя трещины, ложились другія ущелья, извилистыя, покрытыя сплошь неисходными лѣсами, любимымъ притономъ кабановъ. Часто оттуда съ громкимъ ревомъ вырывались горныя рѣчонки, словно взбивая мыло вокругъ cadaго утеса, преградившаго имъ путь. Иногда, впрочемъ, и утеса не видно. Надъ нимъ только вздрагиваетъ, пугается и сверкаетъ радужными отблесками цѣлая масса пѣны.

Путь какъ-то пошелъ зигзагами. Тутъ былъ крутой спускъ внизъ. По совѣту проводника, я опустил поводья. Мохнатая, маленькая лошадевка часто пріостанавливалась, оглядывая понизъ умными глазами. На обрывахъ она буквально сползала внизъ. Присѣдая на заднія ноги, она прямо вытягивала переднія и събѣжала на

нихъ, сторожко храпя и поводя ушами. Въ одномъ мѣстѣ я даже не рѣшился остаться въ сѣдлѣ и пустилъ коня одного. Оказалось, что лошадь при этомъ сошла внизъ гораздо легче и удачнѣе моего. Скатываясь по откосу, едва успѣвая хвататься за кусты, попадавшіеся направо и налево, получая чувствительные удары то отъ нехстати подвернувагося каменнаго выступа, то отъ внезапно развернувшейся вѣтки, я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ умно и осторожно съѣзжалъ внизъ мой буцефалъ, также вытягивая переднія ноги, какъ канаты, и почти сидя на подвернутомъ хвостѣ. Спина его въ этомъ положеніи составляла почти горизонтальную линію. На другомъ конѣ беззаботно сидѣлъ мой бичо, съ усмѣшкой поглядывая на тщетныя усилія своего „батона“ цѣлымъ и невредимымъ добраться до зеленой и сочной понизи. Всего хуже было, когда я попалъ въ колючіе кусты, цвѣты которыхъ пахли очень хорошо. Это былъ какой-то душистый, но въ то-же время невыразимо пріятный аромат. Разумѣется, я оцѣнилъ его уже впоследствии. Въ тѣ-же минуты я не чувствовалъ никакого удовольствія отъ шиповъ, вонзавшихся мнѣ въ бока, царапавшихъ руки, раздиравшихъ лицо. Въ одномъ мѣстѣ пришлось неожиданно наткнуться на золотистую съ черными бархатными пятнами змѣю. На мигъ — ощущеніе чего-то мягкаго и холоднаго... противное ощущеніе!... Потомъ опять душистый аромат и шипы густого кустарника. Я, наконецъ, упалъ въ стоячую лужу, сплгнувъ оттуда какое-то черное тѣло, шарахнувшееся въ чащу орѣшника. Кабанъ или смиренный волъ — трудно было замѣтить впопыхахъ. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ разъ навсегда не рисковать излишнимъ скотолоубіемъ, и какъ ни были круты и узки тропинки, преспокойно оставался въ сѣдлѣ.

Что можетъ сравниться съ чащею этихъ лѣсовъ, съ этой благодатной прохладой, когда, ошалѣвъ отъ страшнаго жара, охватывающаго путника на припекѣ, разомъ погружаешься въ полное тьмы и холода царство дубовъ и буковъ, всѣ промежи между которыми затканы лавровишнями и рододендронами! А эти, въ свою очередь, перевиты такою головокружительною путаницею дикой лозы и плюща, съ которою только и можетъ поспорить самая чудовищная, самая прихотливая восточная арабеска. Изрѣдка солнце чисто-изумрудными лучами проникаетъ сквозь эту густоту листвы и цвѣтовъ и изумрудными, движущимися пятнами ложится на тихія

поляны. Въ одножь мѣстѣ на такой полянѣ я встрѣтилъ знаковую гурійскую хижину. Плоская кровля выходила далеко за переднюю стѣну жилья, образуя родъ веранды. Оконъ не было, только двери. Внутри тьма и прохлада, полъ посыпанъ какими-то благоухающими цвѣтами, вокругъ дома—поле кукурузы, и только... Кувшины подвѣшены подъ кровлей и холодѣеть въ нихъ вода подъ вѣтромъ.

— Есть тутъ кто? спросилъ бичо по-гурійски.

Молчаніе. Въ темнотѣ трудно было различить что-нибудь. Гдѣ-то хлопала курица.

Мы уже хотѣли выйти, какъ на тахтѣ послышался шорохъ. Точно въ углу шевельнулось что-нибудь.

— Эй, кто здѣсь? Не обидимъ.

И бичо, обшаривъ уголь, встрѣтилъ тамъ что-то живое.

Послышались почти дѣтскія всхлипыванія и робкій голосъ.

— Оставь, не трогай, крикнулъ я.

— Зачимъ оставь. Вода нужна, шашлыкъ надо.

Онъ вытащилъ на свѣтъ божій преграціозное созданіе. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, едва прикрытая жалкими лохмотьями, съ цѣлою копной волосъ на головѣ. На лицѣ только и можно было различить большіе черные глаза, прорѣзанные миндалинами. Они уже теперь сверкали лучистымъ блескомъ. Но ребенокъ былъ хорошъ только издали. Вблизи кидалась въ глаза страшная грязь, точно дѣвочка не знала о существованіи воды и мыла. Эта новая Сандрильона прекрасно, какъ оказалось, знала счетъ на русскія деньги. Занолучивъ абазъ, она стала словоохотлива и, почесываясь, жаловалась на „тигра“, который будто-бы рѣжетъ ихъ овецъ безпощадно. Съ овцами отлучился и отецъ ея.

— А мать у тебя есть?

— Мать къ туркамъ ушла.

— Это зачѣмъ?

— Въ гаремъ. Сама хотѣла. Отецъ ее и продалъ, — повель въ Хулу, тамъ и продалъ. Она рада была. У Софаръ-бека теперь... Черезъ два года и меня продасть.

Точно она говорила о курицѣ, хлоптавшей тутъ-же, равнодушно, какъ-будто этому такъ и слѣдуетъ быть.

Мы заинтересовались узнать ея личное мнѣніе о такой куплѣ и продажѣ.

— Тамъ хорошо. Плову ѣшь сколько хочешь. На лобъ ожерелье повѣсятъ изъ золотыхъ тумановъ, на шею абазы въ нѣсколько рядовъ. Красное платье изъ мови, канаусовые шаровары, желтые чевяки.

Липо дѣвочки оживилось, зарумянилось. При одной мысли о канаусовыхъ шароварахъ она какъ-то выпрямилась и, словно большая, прошлась по верандѣ, стараясь показать, какъ она будетъ шуршать этой великолѣпною частію восточнаго женскаго туалета. Она даже красива стала въ эту минуту, не какъ дитя, а какъ дѣвушка. Можно было отгадать въ ней роскошный расцвѣтъ и впередъ поздравить чадолюбиваго отца съ значительнымъ калымомъ.

Смѣясь надъ моимъ недоумѣніемъ, мой проводникъ разсказалъ, что въ Имеретіи и Гуріи до сихъ поръ отцы-христиане продаютъ своихъ дочерей, а аджарскимъ грузинамъ мусульманскаго исповѣданія и Богъ велѣлъ. На Кавказѣ очень красивую дѣвушку богатые турки покупаютъ за шестьдесятъ рублей, причемъ сумма эта въ голодные годы нисходитъ до сорока. Дѣвушки идутъ охотно, потому что „канаусовые шаровары“ и жирный пловъ все-же привлекательнѣе одной и той-же неизмѣнной кукурузы и грязныхъ лохмотьевъ родительскаго угла. Случается, что какая-нибудь гурійская красавица сама уходитъ ночью изъ дому прямо въ руки агентовъ, торгующихъ женщинами для турецкихъ гаремовъ. Добраться только до Сухумъ-Кале, Поті, Озургета, а тамъ сѣли въ турецкую фелуку и—поминай какъ звали! Въ прежнее время Гурія для турокъ была нѣкоторымъ образомъ разсадникомъ женщинъ для гаремовъ. Ватаги турецкихъ разбойниковъ трудными тропинками пробирались сюда, окружали села и часто, перебивъ мужчинъ и старухъ, уводили мальчиковъ, дѣвушекъ и женщинъ. Первые предназначались въ евнухи, вторыя шли на рынки Смирны, Трапезунда, Константинополя и доходили даже до Каира. Теперь такой нахальный способъ пополненія гаремовъ невозможенъ и населеніе русской Гуріи, вмѣсто прежней убыли, начало приращаться. но въ Чурунъ-су (Чорохъ-су), Аджаріи и другихъ пограничныхъ съ Кавказомъ мѣстностяхъ турецкіе разбойники дѣйствуютъ по-прежнему.

— Баранина есть? спросилъ у дѣвушки мой проводникъ.

Та только вытаращила на него свои прекрасные глаза и причмокнула языкомъ, что равносильно слову „нѣтъ“.

— А курицу продаешь?

Дѣвочка кинулась къ простодушной насѣдѣ и, оглянувшись пугливо, швырнула ее въ какую-то клѣть. Оказалась непродажная. Сама опять было-забралась въ уголъ.

— Что-же есть у васъ?

— Джоріела.

Мы невольно поморщились. Джоріела—плохой видъ кукурузы, чуть не дико растущей на горахъ, въ холодныхъ и сухихъ мѣстностяхъ. У меня даже зубы заняли при одной мысли объ этой жесткой и невкусной снѣди.

— А гоми есть?

Молчаніе. Предложеніе зарѣзать курицу, повидимому, взбѣсило дикарку. Проводникъ было-хотѣлъ самъ распорядиться, съ тѣмъ, чтобы послѣ оставить плату. Но я рѣшительно воспротивился этому, и онъ, ворча, принялся рыться въ сумкахъ и разыскивать чего-то, хотя мы оба хорошо знали, что тамъ кромѣ кукурузныхъ лепешекъ нѣтъ ничего. Время плодовъ еще не настало. Была, правда, алуца и черешня, но въ этой части Аджары ея мало, да, пожалуй, и совѣмъ нѣтъ... Роясь въ сумкахъ, мы вытащили свертокъ позумента. Смотрю—дикарка подходитъ сама: уставилась на него глазами. На лицѣ борьба видна. Сообразивъ дѣло, я какъ-будто ненарочно развернулъ его. Золото блеснуло подъ скудными лучами, едва проникавшими въ саклю.

— Ай, вай! съ восторгомъ причмокнула дѣвушка.

Мы какъ-будто и не замѣчаемъ. Свертываемъ позументъ.

— Если этотъ позументъ да вокругъ головы, на тавсакрави (головной уборъ), чудо что такое, какъ-будто про себя проговорилъ бичо по-гурійски. Она подвинулась еще ближе. Глаза такъ и разгорѣлись. Алый, маленькій ротъ неловко, робко улыбается. Рука то впередъ протянется, то назадъ отойдетъ.

— А примѣрять... можно?

— Что-жь, примѣрай, зеница глазъ моихъ!

Откуда ужъ взялся кусочекъ зеркала—не знаю. Только она за нимъ никуда не ходила. Обернула голову позументомъ и засмѣялась, и въ ладоши хлопнула, и по горницѣ запрыгала.

— Что ты не выпустишь курицу, ишь какъ она у тебя, бѣд-

ная, бьется, добродушно и какъ-будто вскользь замѣтилъ бичо и громадный носъ его какъ-то передернуло при этомъ.

— А много надо этого позумента, чтобы и рукава на платьѣ обшить?

— Пустяки... Только если здѣсь ничего нѣтъ, такъ намъ и ѣхать пора; можетъ быть, встрѣтимъ другую саклю гдѣ-нибудь, тамъ продадутъ курицу.

Дѣвушка закусила губу и... спустя двѣ минуты курица уже варилась въ таганчикѣ надъ-наскоро разложеннымъ огнемъ. Несчастная жертва нашего коварства пошла за три аршина мишурной тесьмы, а змій-искуситель, въ лицѣ моего бичо, свирѣпо хлопоталъ надъ кострюлей, чуть не разваривая въ ней, вмѣстѣ съ насѣдкою, свой собственный носъ.

Гурійку и узнать нельзя было. Она сообщила, что ее зовутъ Фатимой, что она мусульманка, что отецъ ея тоже мусульманинъ, но что пресвятую Богородицу и почему-то царицу Тамару они очень почитаютъ. Что вблизи въ лѣсу есть священная роща, гдѣ нѣкогда стоялъ христіанскій храмъ, разрушенный какимъ-то эфендіемъ. Что это мѣсто, какъ и всѣ христіанскіе храмы, возбуждаетъ въ нихъ страхъ, что если тамъ поклясться и не исполнить клятву, то ночью непремѣнно придетъ шайтанъ и задушитъ челоуѣка или броситъ его въ пропасть на дорогѣ... Что у ея отца есть образа, бывшіе когда-то въ этомъ храмѣ, и онъ бережетъ ихъ какъ святыню и всякій разъ молится имъ послѣ намаза. По праздникамъ передъ этими образами рѣжутъ куръ, а богачъ Хамша-швали колетъ даже въ честь ихъ барановъ. Отъ турокъ эти образа скрываются тщательно и особенно боятся говорить о нихъ ближайшимъ мулламъ. Узнавъ, что мы христіане, дикарка рѣшилась показать намъ эту святыню, къ которой она относилась съ суевѣрнымъ ужасомъ. Оказались изображенія св. Нины, св. Тамары и Георгія побѣдоносца, всѣ стариннаго грузинскаго письма, потемнѣвшія и выцвѣтшія окончательно. Мой проводникъ перекрестился, а дѣвочка спрятала ихъ обратно, предварительно приложась къ нимъ лбомъ. Такимъ образомъ, старая религія хранится здѣсь, хотя и жалкими осколками. Прекрасныя каменныя церкви, бывшія нѣкогда въ Дондало, Кадѣ, Хулѣ и Схалте, по свидѣтельству Бакрадзе, разломаны, за исключеніемъ схалтской. Схалтская — одна изъ лучшихъ въ Грузіи. „Она безъ купола, не

очень велика, но поражаетъ необыкновенною чистотою отдѣлки, изящною рѣзбою, прекрасной живописью и особенно затѣйливыми арабесками“, узоръ которыхъ нигдѣ не повторяется. Каждое окно имѣетъ свой узоръ и каждый уголокъ окна не похожъ на другіе углы арабесками. Фантазія безграничная! Судя по стилю, схалтскую церковь слѣдуетъ отнести къ X—XIII столѣтіямъ; она принадлежала къ мцхетской епархіи и мѣстные поселяне до сихъ поръ рассказываютъ о ней множество легендъ, гдѣ прежнія христіанскія вѣрованія облечены въ поэтическія формы и краски мусульманскаго міровоззрѣнія.

Несмотря на одинаковость звуковъ гурійской рѣчи въ устахъ дѣвочки и моего проводника, мнѣ сразу бросилась какая-то весьма ощутительная разница между тою и другою. Рѣчь дѣвочки звучала иногда чѣмъ-то чуждымъ, чѣмъ-то совершенно постороннимъ и даже враждебнымъ гурійскому языку. Я поразспросилъ объ этомъ у бичо и онъ мнѣ объяснилъ, что аджарскіе и чорохъ-суйскіе грузины мало-по-малу поддаются вліянію турецкой народности и даже воспринимаютъ въ свою рѣчь цѣлыя фразы и обороты болѣе сильнаго племени. Эта порча гурійской рѣчи въ настоящемъ случаѣ тѣмъ еще замѣчательнѣе и непонятнѣе, что въ Аджарѣ не живетъ ни одного турка, между аджарскими поселеніями нѣтъ ни одного турецкаго становища, и, такимъ образомъ, два племени совѣтъ почти не соприкасаются между собою. Турки не стараются вліять на аджарцевъ, которые управляются своими-же беками—князьями грузинскаго происхожденія. Движеніе въ пользу турецкаго языка особенно усилилось въ эти двадцать лѣтъ. Мѣстами здѣсь, среди сплошнаго гурійскаго населенія, уже не говорятъ по-грузински, и теперь встрѣтить аджарца, владѣющаго прекрасно турецкимъ языкомъ и непонимающаго своего—вовсе не диво, хотя можно поручиться, что тотъ-же аджарецъ нигдѣ и никогда не видѣлъ настоящаго турка... Еще страннѣе то, что вліяніе турецкой рѣчи отражается и на русскихъ гурійцахъ озургетскаго и ахалцыхскаго уѣздовъ. По окраинамъ, прилегающимъ къ Аджарѣ, они уже усваиваютъ себѣ чуждые обороты и совершенно равнодушны къ русскому языку, хотя съ нами они находятся въ ближайшихъ сношеніяхъ, чѣмъ съ турками. Есть аджарцы, которые, вполне ненавидя турокъ, тѣмъ не менѣе съ большимъ удовольствіемъ говорятъ по-турецки, чѣмъ по-своему. Это яено. Племенная вражда уступаетъ вліянію рели-

ги, особенно такой, какъ мусульманская, которая охватываетъ всего человѣка и тяжелымъ гнетомъ лежитъ на его мысли, сплетается съ его грезами, является цензоромъ cadaго его поступка. А что племенная вражда существуетъ, доказывается начинающимся въ Аджарѣ волненіемъ противъ турокъ. Гурійцы встаютъ противъ безсовѣстныхъ поборовъ турецкаго правительства и выгоняютъ вонъ немногихъ турецкихъ чиновниковъ, присылаемыхъ сюда изъ пашалыка. Знаменательно это одновременное разложенеіе, обнаруживающееся въ самыхъ противоположныхъ пунктахъ блистательной Порты: Герцеговина и Аджара, христіанство и мусульмане. Тутъ дѣло не въ вѣрѣ, а просто жутко жить стало, душно и тяжело. И самому турку такъ же некуда уйти отъ голодоекъ и административныхъ безобразій, какъ и несчастному рабу его, райѣ. Одинъ такъ же таготится своею властью, какъ другой своимъ ярмомъ. И напрасно думаютъ, что изгнаніемъ турокъ въ азіатскую Турцію уже совершенно устраняются всѣ затрудненія настоящаго момента. Въ Аджарѣ оттоманской имперіи готовится вторая Герцеговина, а въ Чорохъ-су, Курдистанѣ и Лазистанѣ—второй Критъ. Борьба будетъ неизбежно, и борьба еще болѣе беспощадная, потому что для возстанія несчастные подданные турокъ должны забыть общность религіи съ своими повелителями, раздавить свои мусульманскія симпатіи и стремленія. И рядомъ съ этимъ очевиднымъ явленіемъ, рядомъ съ этимъ накопленіемъ легко возгорающихся элементовъ ненависти, недовольства—удивительное распространенеіе турецкаго языка, какъ результатъ того же религіознаго вліянія. Такимъ образомъ, не слѣдуетъ ли признать, что и въ наиболѣе косномъ, мусульманскомъ мірѣ вѣра и жизнь уже расходятся по разнымъ путямъ, церковь и государство живутъ обособленно, а соціальныи строй мало-по-малу уходитъ изъ-подъ рукъ эфендіевъ и муллъ:

Курица была съѣдена, послѣдняя бутылка взятаго съ собою превосходнаго кварели выпита... Мы заплатили дѣвушкамъ за услуги и выѣхали. Лѣсная тропинка отсюда круто сворачивала въ сторону, и спустя полчаса, мы уже выѣхали на опушку. Гдѣ-то пониже вилась другая тропинка, прямо къ одинокой саклѣ-землянкѣ, плоская мазаная кровля которой почти пропадала за темною зеленью

гранатовъ, сквозь листву которыхъ точно пылали ихъ крупныя огненные цвѣты. Западъ тоже пылалъ. Солнце садилось. На яркомъ фонѣ заката весь вырисовался почти черный мостъ, аркою перелетавшій съ одной скалы на другую, мостъ безъ перилъ, но прочности необычайной. Столѣтія прошли, а онъ стоитъ здѣсь несокрушимый, не потерявъ ни одного камня изъ своей на-диво сплотившейся массы. Какъ и всѣ постройки на Кавказѣ, онъ приписывается царицѣ Тамарѣ. Подъ черною аркою сѣблаге моста бѣлѣлась и съ глухимъ ревомъ несла впередъ влубы радужной пѣны горная рѣченка. Даже отсюда жутко было подумать о переѣздѣ черезъ арку. Периль никакихъ, а вода саженьхъ въ семидесяти внизу. Вдали изъ огнистаго моря смутно выдѣлялись едва намѣченныя горныя массы, лежавшія на западѣ словно фіолетовыя туча... Ближе къ намъ гладкая поверхность шифернаго утеса, исполосованная трещинами, сіяла, какъ золотая доска, испещренная гвоздеобразными надписями... Какой-то унылый свистъ доносился изъ ущелья сквозь ревъ рѣки... Даже землянка внизу не мѣшала этому безлюдью, даже она не оживляла дикой пустыни...

Со дна долинъ поднимался туманъ... Клубы его, словно какія-то чудовищныя амфибіи, медленно ползли вверхъ по откосамъ горъ, цѣпляясь по скаламъ и кручамъ. Вонъ длинная лапа уцѣпилась за одинокій утесъ и вслѣдъ за ней грузно поднялась вся сѣрая масса, а другая уже тянется къ тому буковому лѣсу... Только вершины дубовъ плаваютъ въ однообразномъ морѣ мглы... Заволокло ближайшія горы... На двухъ утесахъ, соединенныхъ аркой, уже сгущаются тучи... Одинъ только мостъ словно виситъ въ воздухѣ... Вотъ тучи двинулись одна за другой... Арка словно таетъ по краямъ... Меньше, меньше и—совсѣмъ пропала наконецъ. Только огнистое зарево заката порою еще мѣднокраснымъ багрянцемъ сквозить во мглѣ... Но и оно уже блекнетъ.

Какими необычайными ароматами пахнуло со дна долинъ! Раздражается кровь; нервы какъ-то напряженно бьются... дыханіе становится порывисто и неровно. Можно съума сойти отъ этого запаха... Земля точно кадитъ небу въ этотъ торжественный часъ величаво подступающей ночи, кадитъ всѣми своими чудными ароматами. Всѣ южныя цвѣты раскрыли чашечки и курятся... Но между другими особенно слышенъ запахъ шелковой акаціи и благоуханіе огромныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ сильно-душистой магноліи.

Мой проводникъ насторожился. По этому запаху онъ заключилъ, что гдѣ-то вблизи есть садъ... Носъ его тщетно вытягивался впередъ. Наконецъ онъ безнадежно ударилъ себя по бокамъ.

— Не знай, гдѣ... Большой садъ... Должно, бегъ живетъ. Пилавъ есть, шашлыкъ...

И онъ такъ повелъ носомъ, точно раздражающій нервы голоднаго человѣка запахъ пригорѣлаго мяса уже достигъ этой высокой и пустынной площадки.

Наивный грузинъ никакъ не могъ понять, что я-бы ни за что не промѣнялъ эту чудную ароматную ночь на всевозможныя благоуханія кебаба, шашлыка и пилава, приправленнаго вареной въ сахарномъ соку алучей.

Тѣмъ не менѣе по этимъ узкимъ тропинкамъ по ночамъ не ѣздятъ. Направо и налево—обрывы; увѣренный днемъ, ночью шагъ коня становится неровнымъ; онъ точно смущенъ и не знаетъ, куда ему ступить въ туманѣ. Въ сѣрой мглѣ предметы сливаются. Скала выростаетъ въ гору, а гора кажется только тучей. Обрывъ заслоненъ клубами тумана. Облако виситъ надъ бездной—и ея не видно. Развѣ только рокотъ потока внизу надоумить. Сильная влажность гурійскихъ долинъ, обуславливающая такую роскошную растительность, въ то-же время отнимаетъ всю прелесть у здѣшней ночи. Неба не видно снизу. Ни одна звѣзда не роняетъ своихъ трепетныхъ лучей въ тихіе сады одинокаго аула, и только когда подымешься выше тучъ, въ обитель орловъ, тогда раскинется надъ вами эта словно дышущая твердь, усѣянная крупными звѣздами, сверкающими не голубымъ, льдистымъ блескомъ сѣверной ночи, а желтымъ, страстнымъ мерцаніемъ юга... Изъ тумана подымается и словно плаваетъ въ немъ вершина одинокаго кипариса. Чу! гремучая пѣсня соловья долетѣла снизу и опять замолгла... Тишина. Слышно только, какъ камни, обрываясь сверху, пересчитываютъ всѣ выступы крутого ската и падаютъ въ глухо-шумящую рѣчку, такъ глухо, что ея рокотъ будто и не нарушаетъ этого благоговѣйнаго молчанія природы...

Когда мы чуть не оцупью поднялись выше тумана, передъ нами, точно чудный романическій сонъ, встали полуразрушенныя башни замка,—круглыя башни, облитыя луннымъ блескомъ. Окно въ окно сквозило... Сіяніе мѣсяца выхватывало изъ синей тьмы и зубья развалившейся стѣны, и словно изъѣденныя массы стариннаго храма

съ провалившимся куполомъ... Верхушки разваливъ всё на свѣту, ихъ основаніе прячется во тьмѣ. Вверху видно даже, какъ искривленные, ползучія вѣтви какихъ-то растеній вырываются изъ камня и снова уходятъ въ камень, оставивъ на свѣту нѣсколько крупныхъ листьевъ, кажущихся теперь черными... За то внизу уходили отъ взгляда цѣлыя груды обвалившагося камня... И все это было такъ стройно, такъ красиво, такой поэзіи полно, что разомъ воскресли и вспыхнули всё романтическія грезы юности, всё средневѣковныя былины стали лицомъ къ лицу со мною, какъ живыя...

— Экая прелесть какая! не выдержалъ я.

— Скорпіонъ есть... Змѣй живетъ! Самы дурной мѣста! разочаровалъ меня проводникъ.

Тьмѣ не менѣе дальше уходить было не куда. Тропинка, обогнувъ свободную отъ тумана вершину горы, убѣгала опять въ туманъ. А тамъ шли бездны и кручи... Тутъ еще ужалить-ли скорпіонъ или нѣтъ—бабушка на-двое сказала, а тамъ—во всякомъ случаѣ, шею ломаешь.

— Что-жь, остановимся здѣсь?

— Куда пайдошь!

— Гдѣ-же, въ развалинахъ, что-ли?

— Тамъ шайтанъ... Здѣсь бурка стели, сумеа въ голову и бай! прибавилъ, улыбаясь, бичо, щеголявшій столь основательнымъ знаніемъ русскаго языка.

Я не послушалъ и вошелъ въ развалины сквозь полуразрушенныя ворота. Стѣнки ихъ еще существовали, но арка давно легла внизу безобразною грудой. Когда я ступилъ на нее, подъ ногами въ камняхъ послышалось подозрительное шуршаніе и шорохъ. Но отступить было уже некогда. Невыносимо-же, если этотъ длинный носъ нахально засмѣется вамъ на-встрѣчу, а обладатель его разразится какою-нибудь грузинской остроотой, которой вы не поймете, а потому и претендовать на нее не имѣете права. Я не ошибся, сказавъ, что носъ моего бичо могъ смѣяться. Онъ какъ-то сморщивался, весь стягивался къ верху, отчего становился еще уродливѣе. Мнѣ это разъ уже было памятно, во время достопамятнаго спуска съ горы, описаннаго выше...

Внутренность развалинъ была вся ярбо освѣщена луною, какъ-разъ впереди. Позади стѣны уходили во мракъ и только бойни-

цы свозили, точно въ этой тѣмѣ были свои просвѣты, узкіе, какъ лезвее ножа или какъ носъ моего провозатаго. Груды камня, обломки стѣнъ и круглыя башни, — но какъ все это красиво. и строго красиво! Ничего лишняго, ни одной линіи не встаети. Даже трава и кусты наверху, и тѣ на своемъ мѣстѣ. Массы башень подѣ луною казались еще толще, еще фундаментальнѣе. Въ нихъ чернѣли трещины, затканныя плющомъ... Вставки бѣлаго поздраватаго камня въ стѣнахъ представлялись глыбами матоваго серебра. Внутри башни глухо и жутко... Что-то, неожиданно-потревоженное, скользитъ вдоль стѣны и прячется въ камень. Что-то юркнуло тутъ-же подѣ вами. Я даже приподнялъ ногу, совершенно инстинктивно... Стѣнъ не видно, онѣ въ тѣни; за то иззубренный кругъ вершины башни весь на свѣту и блеститъ, точно осыпанный снѣгомъ... Въ одну изъ узкихъ бойницъ прямо свѣтитъ яркая звѣзда. Съ верху осыпается щебень. Точно громыхнуло въ грудѣ камня у стѣны, прошелестило оволо по остатку аркады, такъ прошелестило, будто юркая ящерица, извертываясь и заглядывая въ каждую рябинку камня, быстро проскользнула вверху, на лунный свѣтъ.

Такъ хорошо, такъ хорошо, что сердце робко бьется въ груди и духъ захватывается.

Вотъ на прилѣпѣ блеститъ золотой комочекъ, — наверху, а весь видѣнъ. Это свернувшаяся змѣя. И она красива, и она у мѣста. Да что-бы не сдѣлалъ умѣстнымъ этотъ щедрый свѣтъ луны... А ночь-то, самая ночь: точно кто-то дышетъ рядомъ съ вами, точно кто-то вздыхаетъ тутъ. Скажешь, поцѣлуй разлить въ воздухъ. И покажутся эти развалины живыми, и населяетъ ихъ яркая греза цѣлымъ роємъ видѣній и звуковъ... Какъ хорошо!

— Батано! слышалось откуда-то.

Вѣрный мой Сапчо обезпokoился. Нужно было идти назадъ.

— Хады суда, хады туда. Голова долой, — канчалъ башка! угрюмо ворчалъ онъ.

— Что такое? не понялъ я!

— Что таковой, что таковой! Шайтанъ тамъ, а нѣтъ шайтана — разбойники есть.

Я раскохотался. Фантазія Ваню была еще богаче моей; ему всюду чудились шайтаны и разбойники.

— Твой будиль рѣзить, я денга не получу, миндаль—фью!

Вано почему-то былъ убѣжденъ, что за благополучное окончаніе моей поѣздки онъ получить медаль. Какъ я ни разубѣждалъ его, все было напрасно—медаль засѣла у него въ головѣ; напрасно я говорилъ ему, что я не имѣю ничего общаго съ чиновниками, путешествующими по службѣ и испрашивающими медали ихъ провожатыхъ; напрасно объяснялъ, что я частный человѣкъ, праздношатающійся. Вано только хитро прищуривалъ лѣвый глазъ и дергалъ носомъ въ сторону, словно заявляя:

— Оставь, ужъ я знаю, что знаю, меня не надуешь.

И при первомъ случаѣ опять вскользь заявлялъ увѣренность въ неизбѣжномъ полученіи медали за мою скромную особу. Иногда даже его интересовалъ вопросъ, на какой лентѣ эта медаль будетъ: на голубой или красной.

— Лучи жолты, безапелляціонно рѣшалъ онъ, и повторялъ нѣсколько разъ, желая чтобы это поглубже застряло въ моей памяти.

— Жолты лента, золотой миндаль!

Разостлавъ бурки и положивъ подъ головы сумки, мы улеглись, закутавшись елико возможно. Видъ развалинъ, дышущее небо, словно мигающія звѣзды, стреноженные кони, ихъ фырканье и подскакиваніе долго еще мерещились мнѣ, и я заснулъ счастливымъ, беззаботнымъ сномъ, увидавъ въ послѣднюю минуту облившую луннымъ сіяніемъ круглую башню разваливагося замка.

Въ другихъ частяхъ края туристы встрѣчали на вершинахъ горъ такіе-же угрюмыя замки. Какъ и мосты, гурійцы приписываютъ постройку замковъ царицѣ Тамарѣ. Мусульманское населеніе этой страны одинаково вѣритъ въ легенды о Тамарѣ, какъ и христіанское—Кавказа. Нѣкоторые замки положительно напоминаютъ генуэзскія развалины по восточному берегу Чернаго моря, а многіе похожи на рейнскія развалины этого рода. По одному ущелью Верхней Аджары насчитывается до четырехъ замковъ. Руины ихъ часто возвышаются посреди ауловъ (не знаю, какъ иначе и назвать аджарское село); кое-какъ смазанныя и облаженные сакли робко жмутся къ этимъ павшимъ, но въ самомъ паденіи своемъ грознымъ великанамъ. Часто хижины примочены къ ихъ стѣнамъ, а мнѣ, напримѣръ, случилось даже видѣть башню, къ которой, словно улы, были подстроены сакли снаружи и

изнутри до самой ея вершины. Она была и безобразно-грязна, и, въ то-же время, невыразимо красива и живописна! Во время набѣговъ стараго добраго времени въ эти башни пряталось все населеніе аула или становища.

Гурійскіе феодалы не уступали прирейнскимъ собратьямъ въ хищничествѣ. Они усылали всѣ вершины крутыхъ горъ своими замками, и горе купцу-армянину или мирному путешественнику, пробиравшемуся внизу, у ихъ подножій. Камнеи падали сверху коршуны, и несчастную, бившуюся и тщетно протестующую жертву уносили на эти скалы, гдѣ добыча братски дѣлилась между княземъ или бекомъ и разбойничьею дружиною, а путникъ или купецъ сбрасывался внизъ, такъ-что въ долину, если и долетали, то безобразные куски кроваваго мяса. Еще недавно у насъ, въ вутаисской губерніи, чуть-ли не въ шестидесятыхъ годахъ, такимъ-же образомъ разбойничалъ князь Абашидзе, о мужествѣ и красотѣ котораго разсказываются цѣлыя легенды. До сихъ поръ его замокъ нетронуть и, какъ орлиное гнѣздо, виситъ надъ мирной гурійской долиной, по которой лѣниво извивается красавица-рѣчка Квирило.

Утромъ я проснулся отъ неожиданнаго удара по моей рукѣ. Смотрю—рядомъ бичо, встревоженный и блѣдный.

— Что съ тобою, князь?

Я забылъ прибавить, что Ваню дѣйствительно носилъ этотъ титулъ и во Франціи имѣлъ-бы право именоваться принцемъ.

— Гляди... песокъ.

Смотрю—на песокъ вращается, приподымая хвостъ, оканчивающійся жаломъ, отвратительный лохматый скорпионъ, какаго-то гнилостваного, зеленоватаго цвѣта, весь въ противныхъ складкахъ и суставахъ. Какъ оказалось, Ваню ловко смахнулъ его съ моей руки въ то самое время, какъ ядовитая гадина собралась забраться бо мнѣ подъ рукавъ отъ холода. При одной мысли объ этомъ меня обдавало холодомъ. Не такъ опасно, какъ противно прикосновеніе этой мерзости. Развалины, повидимому, кишмя-кишѣли ими, а когда мы приподняли бурки, разостланныя на землѣ, подъ одною оказалась забравшаяся во впадину камня сѣрватая змѣя съ черными кольцами и узенькою граціозной головкой. Потревоженная, она злобно зашипѣла и высоко подняла голову надъ красивымъ сверткомъ своего тѣла. Звѣвъ ея поминутно открывался во всѣ стороны и

тонкое жало языка далеко высовывалось впередъ, дрожа какъ задѣтая струна. Бичо хладнокровно расплющилъ скорпіона камнемъ, такъ что обрызгалъ отвратительною жидкостью его окрестныя валуны; потомъ пришла очередь змѣи.

— Теперь твой чиродъ! Я буду Кюръ-оглы, а ты иниралъ. Давай башка!

Змѣя откинула голову назадъ, словно приготовляясь моментально впитаться въ руку врага, игравшую передъ нею кинжаломъ. Жало заколебалось еще замѣтнѣе, шипѣніе становилось яростнѣе.

— Смотри, князь, укуситъ.

— Одинъ такая билъ, кусаль!

И ловко отсѣченная голова змѣи покатила въ низъ, продолжая зѣвать и сверкать глазами, хотя языкъ уже оттянуло внутрь. Острые, мелкіе зубы змѣи были очень изящны. Что значить наружность: змѣя была несравненно ядовитѣе скорпіона, но въ то-же время, какъ глазъ любовался изящными извивами первой, второй возбуждалъ одно отвращеніе.

Ночлеги здѣсь почти всегда сопровождаются такими неожиданными сюрпризами. Приходилось убѣдиться, что бурка вовсе не избавляетъ отъ приближенія гадинъ и скорпіоны далеко не чувствуютъ ужаса передъ овчиной. Бичо не ограничился убіеніемъ врага: онъ разрѣзалъ на куски змѣю, чтобы показать мнѣ, какъ каждый изъ этихъ кусковъ еще сокращался и шевелился, сохраняя отдѣльную жизнь. Голову змѣи онъ расплющилъ и закопалъ.

— Сростутся! пояснилъ онъ мнѣ, паивно показывая зубы, болѣе змѣиныхъ.

— Ну, спасибо, Ваню, что отъ скорпіона спасъ. Мучился-бы я теперь.

— Жолты лента лучи. Золотой миндаль, жолты лента.

Я только отмахнулся рукою.

Утро было прелестное. Только-что вставшее солнце разгнало туманъ; одна за другою обнажались вершины окрестныхъ горъ. Лошади отъ нетерпѣнія скребли землю копытами. Какая-то черная птица взмыла изъ развалинъ и разомъ утонула въ яркомъ сіяніи зари, только хищный влекоть замеръ въ воздухѣ. Словно костры, на вершинахъ запылали снѣговья глыбы. Тусклымъ бле-

скомъ отразили зарю гладкѣя скалы; мгла, еще клубившаяся въ безднахъ, приняла фіолетовые тоны. Какъ хороши были развалины въ эти минуты! Ихъ облило розовымъ блескомъ и онѣ словно мѣли въ этомъ аломъ мерцаніи, выступая на свѣтъ каждою своею выпуклостью. Кусты на вершинахъ башень, самыя башни, зубцы стѣнъ, груди щепня—все это разомъ оживилось, точно въ эти безжизненные камни влилась горящая яркимъ румянцемъ кровь молодости и силы. И странно: розовѣли они не снаружи, заря не извнѣ обливала ихъ своимъ торжествующимъ блескомъ. Нѣтъ, этотъ румянецъ словно расходился изнутри ихъ, точно тамъ посреди былъ центръ этой жизни, средоточіе этого блеска!

Тропинка вела отсюда черезъ арку стариннаго моста безъ устоевъ. Мостъ былъ такъ узокъ, что если-бы кто-нибудь ѣхалъ на-встрѣчу, то одинъ изъ насъ своего коня долженъ былъ-бы сбросить внизъ, прямо въ ревущую бездну потока. По окраинамъ арки замѣтны слѣды парашета, но онъ давно обвалился и только въ одномъ мѣстѣ торчитъ часть его одинокимъ зубцомъ. Странное чувство охватило меня здѣсь,—чувство не страха, а какое-то напряженіе всѣхъ нервовъ. Каждый какъ-будто живетъ отдѣльною жизнью, жилы натягиваются, пульсъ бьется сильнѣе и при каждомъ взглядѣ внизъ кружится слегка голова. Нѣсколько сотенъ лѣтъ стоитъ эта замѣчательная арка, а все-таки страшно—какъ вдругъ оборвется и рухнетъ внизъ? И за лошадь жутко. Оступится—и поминай какъ звали! А тутъ, какъ нарочно, слушаешь, какъ потокъ ворчитъ внизу, какъ горныя теченія разбиваются о скалы, торчащія кверху острыми. По склону горъ внизу растутъ огромные лѣса, а сверху отсюда кажется, что только трава устилаетъ откосы. Жутко! Хоть-бы лошадь проскакала стремглавъ, какъ сдѣлалъ это съ своею мой бичо изъ молодечества; нѣтъ, едва ступаетъ, медленно, осторожно, точно она не довѣряетъ или мнѣ, сѣдоку, или аркѣ, висящей надъ пропастью. Колѣни сами собою тѣснѣе сжимали бока коня, и при всякомъ движеніи подпруги руки невольно хватались за гриву лошади... А все-таки и въ этомъ напряженіи нервовъ до боли, и въ этомъ страхѣ, если только можно было назвать подобное чувство страхомъ, есть что-то пріятное, хорошее. И жутко, и весело. И голова кружится, и хочется въ то-же время крикнуть на весь этотъ просторъ.

Говорятъ, что привычные люди не боятся переѣзжать эти арки даже и тогда, когда онѣ прячутся подъ тучами. Признаюсь, я-бы на это никакъ не пошелъ. Особенно опасна была арка, которая попала на нашъ пути. Поверхность камней тутъ такъ сгладилась, что копыта лошади скользили и разѣзжались по сторонамъ. А когда на этомъ шаткомъ основаніи покоится туча, тутъ уже мало чутья лошади. Коню нужно обладать цѣпкостью обезьяны или способностью пиявки присасываться ко всему. Но вотъ мостъ кончается. Колѣни разжимаются сами собою, руки освобождаютъ гриву и посадка дѣлается незамѣтно молодцоватой, точно это и не ты вовсе трепеталъ одну минуту тому назадъ. Даже шумъ бездны, исчезающій позади, становится гармониченъ и душою чувствуешь, какъ онъ подъ-стать этимъ дикимъ кручамъ и скаламъ, какъ хорошо выдѣляются на его однообразномъ фонѣ фіоритуръ рѣзкаго, пронзительнаго крика водяной птицы и унылый стонъ лѣснаго фазана.

Тропинка за мостомъ круто спускалась внизъ. Лозы дикаго винограда глушили остальную растительность. Громадные каштаны и маститые дубы задыхались въ мощныхъ объятіяхъ этихъ удавовъ, перекидывавшихся отъ ствола къ вѣтвямъ, отъ вѣтвей на другія деревья. Нѣкоторые роды малорослыхъ орѣшниковъ совсѣмъ прятались въ этой убійственной сѣткѣ. Свернуть въ сторону отъ тропинки иногда было невозможно, именно потому, что частый переплетъ одеревянѣвшихъ лозъ былъ доступенъ только топору или огню. Странное дѣло: несмотря на обиліе грозъ, здѣсь почти нѣтъ лѣсныхъ пожаровъ. По крайней мѣрѣ, по всему пути мы не видѣли ни одного выгорѣвшаго мѣста. Невольно вспоминались при этомъ сѣверные лѣса, мощные своимъ подавляющимъ однообразіемъ. Ыдешь, бывало, недѣлю—и ни одной поляны. Сѣрые стволы сосенъ, въ ихъ вершинахъ гудить вѣтеръ, а внизу тихо, только перебой падающихъ шишекъ нарушаетъ это безмолвіе... Ыдешь ночи и дни—и вдругъ передъ вами, словно черная плѣшь какая-то, начинается обгорѣлое мѣсто. {Еще за версту сосны кажутся скорченными; ближе—вѣтви обуглены, преимущественно со стороны пожара. А на самой голинѣ только черные пни да кучи золы и углей. И ѣдешь этими „горѣлыми плѣшками“ дни и ночи; ноги уходятъ въ золу, ничто живое не шевельнется среди мертваго безлюдья мрачной пустыни. И такъ, дни и ночи,

на десятки версть тянутся слѣды пожара, пока не натенешься опять на прямую стѣну уцѣлѣвшихъ сосенъ и не погрузишься въ ихъ сонное и молчаливое царство. А тутъ, въ Аджарѣ, гдѣ гроза чуть-ли не ежедневное явленіе, лѣсъ часть и свѣжъ, ни одной обгорѣлой поляны, несмотря на обиліе горючаго матеріала въ видѣ высохшихъ и еще цѣпко охватывающихъ лѣсные великаны виноградныхъ лозъ толщиною въ руку. Иногда по дорогѣ попадались небольшія поля гоми, но рѣдко. Часто четырехугольникъ, засѣянный кукурузой, а домъ гдѣ—Господь вѣдаетъ. Разъ только изъ лѣсу на насъ кинулась, похожая на загнаннаго, вытертаго волка, собака, но и та, хрипло пролаявъ съ минуту, убралась къ себѣ въ зеленую чащу. Въ другой—гдѣ-то вдали замирала пѣсня, крикливая гурійская пѣсня, внезапно переходящая въ мягкіе, тоскующіе звуки. Словно кто-то плачется и стонетъ, но плачетъ и мучится страстно, не робко и покорно, а негодуя на свою муку и съ болью сознавая свое безсиліе. Чѣмъ ниже, тѣмъ растительность становилась гуще. Часто попадались буковыя деревья сажени двѣ въ діаметрѣ. Передъ такими великанами я невольно останавливался, а передъ однимъ дубомъ даже приподнял шапку. Онъ внушалъ какое-то неодолимое почтеніе. Лавровишни у его подножія казались карликами. Бывавшій здѣсь г. Бакрадзе находилъ на букowychъ деревьяхъ, на высотѣ 4 или 5 сажень, нарочно положенные ульи, къ которымъ поднимаются посредствомъ длинныхъ крючьевъ, чтобы достать медъ. По его-же словамъ, „мѣстныя пчелы именно изъ листьевъ бука и извлекаютъ самый лучший медъ“. Я не знаю, въ той части Аджары, гдѣ былъ я, я не встрѣчалъ вовсе слѣдовъ пчеловодства. Тѣнистыя и раскидистыя павловніи, попадающіяся сѣвернѣе Аджары, тутъ уже рѣдки. Чаще—темно-зеленые, почти коричневые кипарисы, съ трудомъ выбивающіеся изъ чащи боярышника, надъ которымъ порою поднимаются дикія поросли фигового дерева. Въ полдень, когда все это млѣетъ въ жарѣ, аромат понизей убійственный. Огневые цвѣты гранатъ просто отшибаютъ отъ себя, а попадешь въ полосу жасминовъ—голова закружится, кровь бьетъ въ виски, передъ глазами заходятъ огненные спирали. Можно отравиться этимъ благоуханіемъ! Въ чащѣ стоялъ неумолкаемый стрекотъ и гамъ, тамъ все копошилось, шуршало; часто видишь только, какъ при полномъ безвѣтріи колыхнутся вѣтви, а что тамъ за ними—и не угадать. Мы подстрѣлили пару

прелестныхъ яркихъ фазановъ, стрѣляли въ кабана, но неудачно. Бичо какъ-то выстрѣлилъ въ дивую восулю, съ такимъ-же плачевнымъ успѣхомъ.

Выѣхали на чистое мѣсто. Только-что мой восточный человѣкъ заплясалъ на лошади и заджигитовалъ, вертя въ рукахъ виптовку, какъ вдали, за изгибомъ дороги, сначала послышался топотъ копытъ, а потомъ показался и всадникъ, одѣтый по-гурійски.

Мы остановились, остановился и тотъ. Вѣрно увидѣлъ ружье въ рукахъ у моего бичо—и самъ вынулъ.

Молчимъ. Только лошади фыркаютъ и нетерпѣливо потряхиваютъ головами.

— Спроси у него, князь, кто онъ такой.

— Зачѣмъ? Пускай самъ; можетъ, турокъ. «Пускай онъ говорить. Тва уши—одна языка.

— Старая пословица! недовольно пробормоталъ я про себя, проклиная знаніе русскаго языка моимъ бичо.

Наконецъ, послышался гортанный и хриплый голосъ. Задробились странныя гурійскія фразы съ обычными причмокиваньями, придыханіями, съ невозможными слогами въ родѣ слцхва, пчжше и т. д., произносимыми такъ, какъ-будто субъектъ подавился и никакъ не можетъ справиться съ попавшей въ горло костью. Мой Ваню отвѣчалъ на томъ-же невозможномъ языкѣ. Всадникъ подвинулся къ намъ, мы къ нему, держа ружья наперевѣсъ. Переговаривая, мы проѣхали мимо, не забывая предосторожности и поминутно оглядываясь назадъ, пока изгибъ дороги не скрылъ его отъ нашихъ глазъ.

— Недобрая человѣкъ!..

— А что?

— Мой глазъ знай... Должно, кровь ищетъ.

— Это еще что?

— Стары обида мститъ... Канчалъ-башка хочеть... Злая душа!.. Шайтанъ народъ Аджара. Кровь лубить, миръ не лубить!

И мой бичо задумался и затуманился. Какъ уже извѣстно, ему самому гровила такая-же месть.

Тропинка иногда пропадала подъ зарослями дикаго жасмина, и только по помятымъ стеблямъ можно было отличать направленіе

пути. Такимъ образомъ мы ѣхали вплоть до вечера, когда, какъ видно изъ начала этой главы, бичо объявилъ рѣшительно, что онъ не вѣдетъ въ лежащій передъ нами аулъ, и предложилъ встрѣтиться съ нимъ на другой день за селомъ. Причины оказывались очень уважительными. Бабушка его поссорилась какъ-то съ бабушкой гурійца Леона Цулукидзе. Бабы перессорили ихъ мужей, и вотъ дѣдушка моего бичо пропоролъ кинжаломъ животъ дѣдушки этого злобознаеннаго аджарца. Съ тѣхъ поръ между двумя фамиліями возгорѣлась страшная вражда. Сыновья, братья, племянники, двоюродные и даже троюродные родственники считали священной обязанностью при каждой встрѣчѣ пускать въ дѣло винтовку или кинжалъ и добросовѣстно выполняли эту вендетту. Такъ продолжалось до сихъ поръ, и изъ-за глупой ссоры двухъ вбалмошныхъ фурій пролились рѣки крови, погибло трое жизней и одинъ родичъ моего князя пожертвовалъ въ битвѣ даже лучшимъ украшеніемъ грузина — носомъ, безвременно сраженнымъ безжалостнымъ врагомъ!.. Разказывали цѣлыя фамильныя легенды, въ родѣ слѣдующей: отецъ моего бичо полюбилъ дѣвушку. Соплились они по душѣ и скоро готовились вступить въ законный бракъ, какъ вдругъ женихъ узнаетъ, что невѣста — дальняя родственница Цулукидзе. У варвара хватило жестокости обрѣзать ей уши и въ такомъ видѣ отпустить домой. Лучше всего, что мой бичо восхищался поступкомъ своего достойнаго родителя.

— Тва уши за одна носа!

И онъ начиналъ гоготать совершенно по-жеребачьи, такъ-что мнѣ становилось противно и досадно. Я готовъ былъ поколотить его даже, стать для этого на минуту варваромъ и звѣремъ, — такъ дѣйствовалъ на нервы этотъ животный, ишачій смѣхъ.

— Бичо, какъ-же доберусь въ селѣ до ночлега? Вѣдь я по-гурійски ни слова не знаю.

— А ты, батопо, спроси солдатъ Иванъ. Есть тамъ одна та-кой. При Барятинскій — русски билъ, бижалъ, голову брилъ — таринъ сталь.

И онъ научилъ меня, какъ добраться до жилья этого дезертира, оставшагося „добрымъ человѣкомъ“, хотя и „балшимъ шайтаномъ“.

— Онъ новы маладой жена недавно бралъ!.. пояснялъ мнѣ бичо.

Бнязь сталъ ужасно остороженъ. Теперь онъ осматрѣлъ ружейный замокъ и внимательно оглядѣлъ окрестности съ вышины одного придорожнаго холма. Винтовку не выпускалъ изъ рукъ и, пустивъ меня впередъ, самъ скорѣе крался, чѣмъ ѣхалъ позади.

— Неужели-же Цулукидзе такъ тебя и убьетъ сразу?

— Леонъ? Атчего не убьетъ?.. Моя турецка паспорта нѣтъ, твоя тоже нѣтъ. Балшой ему награда будетъ отъ ага. Скажить, разбойникъ убивалъ!..

И бичо заболталъ какую-то чушь. Мнѣ, правду сказать, вовсе не улыбалась перспектива — вѣхатъ въ чужое село, одному, къ этимъ завѣдомымъ грабителямъ и разбойникамъ, зная только единственную фразу на мѣстномъ нарѣчїи:

— Гдѣ солдатъ Иванъ?

Ущелье мало-по-малу расширилось.

— Ступай по дорогѣ прямо.

И бичо куда-то разомъ пропалъ, точно сквозь землю провалился. Юркнулъ-ли онъ въ чащу орѣшниковъ или просто прїютился за кучею грандіозныхъ скалъ, кое-какъ навороченныхъ однѣ на другія—не знаю. Только я разомъ пересталъ чувствовать его присутствїе. Ни топота его рыжаго коня, ни веселаго гортаннаго голоса. Тѣснины горъ раздавались направо и налево, образуя большую зеленую котловину, посрединѣ которой возвышался глинисто-песчаный холмъ, омываемый внизу, кажется, однимъ изъ притоковъ Аджарисъ-цхале. Рѣчонка красиво огибала горку и, пустивъ отъ себя нѣсколько серебристыхъ рукавовъ, исчезала на горизонтѣ зигзагами. Вдали горы сливались въ одну синюю тучку, а рѣка видѣлась вся, какъ на ладони, точно она висѣла въ воздухѣ, поднималась на небо. За то, что могло сравниться съ картиною этого села! Весь холмъ подъ розовыми лучами заката казался розовымъ. Земляныя плоскія кровли сакель одѣли всѣ уступы. То, что казалось холмомъ, при ближайшемъ знакомствѣ вышло просто массою землянокъ, прислоненныхъ къ нему, нагроможденныхъ однѣ на другія. Столбики однѣхъ опирались о кровли другихъ, и все это въ такомъ живописномъ безпорядкѣ, что даже привычный пейзажистъ почувствовалъ-бы здѣсь полнѣйшее свое безсиліе. Словно тысячи лѣстницъ перекрещивались между собою во всѣхъ направленїяхъ, причемъ роль ступеней играли сакли. Чѣмъ выше и круче, тѣмъ сакли казались меньше. На самомъ верху

стройно блистала въ аломъ сіяніи зари выложенный изразцами голубой минаретъ и подъ нимъ хорошенькій домикъ жѣстнаго ходжи или эфенди, на манеръ тѣхъ, которые украшаютъ собою предмѣстья Трапезунда. Изрѣдка изъ среды сакель вырывалась зеленая чаша фиговыхъ и тутовыхъ деревьевъ, немногими пятнами разбросанныхъ по всей этой глинистой массѣ человѣческаго улья. Скаты окрестныхъ горъ были одѣты хорошо воздѣланными виноградниками. Я даже подивился ихъ обилію. Посреди этихъ „нивь Аджаріи“ возвышались наметы изъ виноградныхъ лозъ. Сады были разбиты внѣ аула. Изъ нихъ такъ и несло благоуханіемъ минальскихъ цвѣтовъ. Айвовыя, грушевыя деревья были въ цвѣту, ярко-оранжевыя гранатники такъ и рѣзали глаза. Громадное стадо черныхъ барановъ паслось въ сторонѣ отъ дороги. Пастухъ на лошади, съ винтовкой за плечами, сурово оглядывавшій окрестности, просился въ картину. Издали уже слышался шумъ рѣчки, пробравшейся по камнямъ и вскипавшей бѣлою пѣною въ большихъ порогахъ.

II.

Солдатъ Иванъ.

Все населеніе аула высыпало мнѣ на-встрѣчу.

Я еще подѣвжалъ къ деревнѣ, а уже на плоскихъ кровляхъ замелькали группы прятавшихся въ какія-то грязныя лохмотья женщинъ. Между ними суетились и трещали дѣти, иногда голыя, но въ неизбѣжныхъ овчинныхъ шапкахъ. Типъ народа совершенно гурійскій; красивыя лица на диво сложенныхъ атлетовъ, нѣсколько гордый взглядъ полуразбойника, полупоселянина, окидывавшій презрительно то, чему въ душѣ аджарецъ удивляется несказанно. Странную жизнь придавалъ этимъ группамъ алый отсвѣтъ зари. Даже ветошь, едва не валившаяся съ плечъ, казалась красивой и изящной. Я не могу забыть головы одного старика, попавшагося мнѣ на дорогѣ. Голый, какъ колѣно, черепъ казался розовымъ, покрытое обманчивымъ румянцемъ зари морщинистое лицо словно улыбалось, хотя обычное выраженіе его было, повидимому, сурово и сосредоточенно; длинная сѣдая борода свѣтилась алнымъ блескомъ. Такъ густы здѣсь заревые отбѣнки. Скоро и рѣченка,

какая-то Арпа или Ходжи-чай, не помню, позади села горѣла багрянцемъ, вся сверкая, хотя поля, по которымъ она струилась, и горы, обступавшія ее, исчезали въ синевѣ таинственныхъ далей.

Я подѣхалъ къ деревнѣ, положительно не зная, куда сунуться. Не ѣхать-же было прямо на кровлю! А другого исхода не оставалось. Съ ближайшихъ крышъ гурійское бабье, повидимому, любовалось и тѣшилось затруднительностью моего положенія. Никто не приходилъ на помощь. Гдѣ-то слышались звуки бубна, унылые, отрывистые, дикіе. Наконецъ, я приостановился передъ одною кровлей и только-что хотѣлъ спросить, гдѣ солдатъ Иванъ (единственная извѣстная моя фраза по-гурійски), какъ всѣ эти прелестныя нимфы Аджаріи кинулись отъ меня и, стѣснившись въ одну кучу у какого-то провала въ крышѣ, причемъ, разужѣтся, не обошлось безъ тукманокъ и криковъ, одна за другою исчезли внутрь савли, словно въ трубу. Досада разбирала меня. Сунулся я къ другой кровлѣ—то-же самое! Только-что взглядывалъ на женщинъ, какъ тѣ, закрываясь рукавами, послали мнѣ привѣтствія, повидимому, не совсѣмъ почтительнаго свойства, если принять въ соображеніе интонацію этихъ ворчливыхъ фурій. Особенно злы оказывались старухи. Желая задѣть, вѣрно, мое самолюбіе, онѣ изъ приличія закрывали свои лица и, напротивъ, показывали то, что въ Европѣ открывать вовсе не принято. Какая разница въ понятіяхъ о приличіи!..

А солнце все садилось и магическая фраза: „гдѣ солдатъ Иванъ?“ вовсе не оказывала должнаго впечатлѣнія; я даже сталъ было сомнѣваться въ существованіи этого мистическаго Ивана, считая его на-столько-же дѣйствительнымъ лицомъ, на-сколько дѣйствителенъ король Какаду I въ офенбаховской опереткѣ, какъ вдругъ сверху скатился ко мнѣ какой-то голобрюхий, босоногий мальчуганъ въ овчинной шапкѣ и какомъ-то, повидимому, бабьемъ бешметѣ. Съ неба онъ свалился или аджарская вѣдьма, пролетая мимо, вытрясла его изъ кармана—Господь вѣдаетъ. Вѣрнѣе, что по столбу скользнулъ съ кровли ближайшей савли. Онъ завертѣлся у ногъ моего коня и, ругаясь, показывалъ мнѣ что-то, особеннымъ образомъ, вовсе не лестнымъ для меня, складывая пальцы правой руки. Я прибѣгнулъ къ универсальному средству, одинаковому для всѣхъ временъ и народовъ, — бросилъ ему какую-то серебряную монетку. Мальчуганъ оторопѣлъ и не зналъ,

что ему дѣлать; ругаться пересталъ, правда, но пальцы руки все еще были сложены по-прежнему, хотя онъ уже пересталъ мнѣ ихъ показывать. Я расхохотался и бросилъ еще. Кубаремъ покотился ребенокъ за деньгами, но въ эту минуту изъ темной, какъ колодець, сакли вылетѣла какая-то простоволосая, безобразная фурія и, давъ шлепка мальчугану, вырвала у него деньги. Думалъ, бросить мнѣ,—нѣтъ, унесла съ собою. Показывая другую монету, я заставилъ собиравшагося уже заплакать бутуза подвигнуться ко мнѣ.

— Гдѣ солдатъ Иванъ?—А самъ даю ему понять, что деньги будутъ вручены ему.

Мальчуга подумалъ, подумалъ, потомъ повернулся ко входу въ саклю, обиженно заоралъ туда что-то, и, схвативъ лошадь мою подъ уздцы, рѣшительно направился въ незамѣченный мною сначала проулочекъ, темною щелью извивавшійся между саклями и выступами кровель. И что это былъ за оригинальный переулочекъ Грязь невозможная, хотя тутъ-же сочтется какая-то канавка. Собаки поминутно видаются подъ ноги коню, одна съ полверсты преслѣдовала насъ, бросаясь къ моимъ икрамъ. Улочка то огибала землянку, то уступомъ, иногда очень крутымъ, взбѣгала на плоскую кровлю другой землянки, чтобы сейчасъ-же сдѣлать поворотъ въ противоположномъ направленіи мимо третьей. Такимъ образомъ мы подымались довольно долго и все зигзагами. На улицахъ лошадь моя часто заставляла прижиматься къ стѣнамъ спиной молчаливыхъ и солидныхъ аджарцевъ, которые, въ совершенный контрастъ своему прекрасному полу, не обращали на насъ никакого вниманія. Дамы, тѣ при одномъ нашемъ приближеніи проваливались съ кровель внизъ, внутрь своихъ сакель.

Наконецъ, мы остановились передъ землянкой побольше и показятѣ другихъ. Рядомъ росъ каштанникъ, нѣсколько цвѣточныхъ грядокъ подъ выступомъ кровли.

— Йованесь! закричалъ мальчонко. Молчаніе.

— Йованесь... Вай-Йованесь.

На веранду вышелъ крѣпкій еще старикъ, въ которомъ трудно было узнать русскаго. Какой-то неопредѣленнаго цвѣта отъ ветхости бешметъ, башмаки съ загнутыми вверхъ носками и безъ задковъ, на босу ногу. Голова обернута тряпками, игравшими роль чалмы или чего другого—трудно опредѣлить. Борода до пояса.

— Йованесь! ткнулъ въ него пальцемъ мальчонко и протянулъ руку за подачкой.

Старикъ уставился на меня. На лицѣ недоумѣніе. Что-де за челоуѣкъ такой и чего ему отъ меня нужно?

— Здравствуйте! говорю ему по-русски.

— Батюшки! Нашъ! землякъ... Голубчики!

И, всхлипывая, Иванъ, кинулся поддержать стремя, пока я сойду. Странно, что какъ только онъ заговорилъ по-русски, такъ и фигура его измѣнилась и сталъ онъ разомъ похожъ на отставного солдатака, несмотря на свой бешметъ и чалму. Усы оказались подстриженными, даже и выправка явилась.

— Можно у васъ на ночь пріютиться?

— Родной!.. Осчастливи!.. Да я тебѣ въ ноги за это. Двадцать годовъ христіанской рѣчи не слыхиваль. Ты чего еще спрашиваешь... Хозяиномъ будешь...

Старикъ говорилъ отрывочно, короткими фразами, съ передышкой, какъ-будто припоминая. Видно было, что ему давно не удавалось перемолвиться словомъ съ русскими. Онъ какъ-то заглядываль мнѣ въ глаза все, забѣгалъ впередъ и крѣпко держаль за руку, точно боялся, что вотъ-вотъ я провалюсь сквозь землю, и поминай какъ звали тогда.

— Вотъ свѣтлаго праздничка дождался!.. Все Богъ... Бругомъ-то вѣдь чужіе. Азія небразованная, хоть и сжился съ ними, а все какъ въ лѣсу, иной разъ таеъ на душѣ защемить, точно къ покойнику.

— Ахмедъ! крикнулъ онъ въ саклю.

Вышелъ малый въ родѣ провожавшаго меня мальчугана.

— Тоже сынъ! съ недовольствомъ кивнулъ старикъ на бритую голову Ахмеда. — Ишь она какая нехристь.

Иванъ что-то проговорилъ ему и отдалъ уздцы лошади, которую тотъ и увелъ при мнѣ.

Съ кровли смотрѣли внизъ, безъ враждебнаго презрѣнія, двѣ женщины, одна старая и безобразная, другая молоденькая, стройная, красивая, съ газельими глазками и тонкимъ оваломъ изящнаго личика. Снизу я могъ различить узенькую и маленькую ножку, поджатую красавицей подъ себя. На шеѣ у нея болтались серебряныя монеты, широкій рукавъ рубахи позволялъ разсмотрѣть

привлекательныя линіи бѣлой и нѣжной руки, повидимому, вовсе незнакомой съ какой-бы то ни было тяжелой работой.

— Въ горницу прошу!

И старикъ провелъ меня въ свою саклю, — иначе не знаю, какъ и назвать этотъ домъ.

Нужно замѣтить, что такія землянки есть въ немногихъ мѣстахъ Аджаріи, въ которой г. Баградзе видѣлъ исключительно дома гурійской постройки. Сверхъ того, въ другихъ деревняхъ жилища нѣсколько разбросанныя посѣщенной мною, хотя они все-таки скученнѣй гурійскихъ ауловъ.

Сакля состояла изъ двухъ отдѣленій: того, гдѣ помѣщалось семейство старика, и бунацкой комнаты, т. е. для гостей, гостиной. Тутъ было темно. Свѣтъ проходилъ только въ двери да въ какую-то дыру на потолокъ. Тѣмъ не менѣе можно было различить родъ грузинской тахты или громаднаго сидѣнья, занимавшаго полкомнаты въ длину, а въ ширину на-столько достаточнаго, что человѣкъ самаго крупнаго роста могъ-бы здѣсь улечься поперегъ тахты. На ней былъ разостланъ коверъ, уже порядкомъ потертый, на-сколько позволяло различить бѣдное освѣщеніе жилья. На тахтѣ въ разныхъ мѣстахъ лежали подушки валиками, длинныя и круглыя, большею частію въ канаусовыхъ наволочкахъ, собиравшихся въ двухъ концахъ этихъ цилиндровъ, какъ собирались старинныя кисеты съ табакомъ. Внутри пахло чѣмъ-то хорошимъ, не то жасминомъ, не то другими цвѣтами. Все показывало зажиточнаго хозяина.

Старикъ на минуту исчезъ распорядиться по хозяйству, и вернулся съ подносомъ, на которомъ были мѣстныя лакомства. Кое-какіе сухіе плоды, лабъ-лаба, странные засушенные мучнистые шарикъ, рассыпавшіеся во рту вязкою массой.

— Пока! Я велѣлъ своимъ бабамъ баранинку зажарить... Не обезсудьте, по нашему христіанскому обычаю...

— Да вы развѣ христіанинъ?

— А то какже? Въ мечеть къ нимъ хожу тоже, обрядъ этотъ сполняю... страха ради іудейска, только тамъ не ихнему Аллаху да Магметѣ молюсь, а Христу Іисусу и Богородицѣ-дѣвѣ. Ни-колу тоже, по старой памяти, поминаю. Онъ вѣдь мой святой. Безъ мечети-же здѣсь нельзя. Народъ къ своей вѣрѣ приверженный страсть. Мулла здѣсь — царь, что хочеть, то и дѣлаеть. Ве-

лить убить—убьютъ, велить выгнать — выгонять и домъ разберутъ на щепы!.. Сказано—Азія. Ну и лажу. Потому какъ-же мнѣ иначе!

— Васъ, стало быть, Николаемъ звать, а не Иваномъ?

— Иваномъ это они по старой памяти меня. Черкесы, у которыхъ я на Кавказѣ жилъ, звали меня Иваномъ,—у нихъ всякій русскій солдатикъ — Иванъ. Ну, и эти зовутъ, какъ я у нихъ поселился послѣ замиренья.

Хотѣлось обо многомъ разспросить старика, да неловко казалось. Точно сыщикъ какой пріѣхалъ раскапывать его прошлое.

Въ горницѣ старикъ сбросилъ съ себя бешметъ и остался въ канусовой рубахѣ и кавихъ-то чуть не ситцевыхъ съ широкими разводами шароварахъ. Чевяки брякнулись объ полъ. Взглянулъ я на хозяина—и несказанно удивился. Передо мной, свѣсивъ ноги съ тахты, сидѣлъ вовсе не азіятъ недавній, а нашъ рязанскій или новгородскій крестьянинъ. Та-же сгорбленная спина, тѣ-же руки на волъняхъ, тотъ-же вдумчивый, зоркій взглядъ.

Не успѣли мы еще здѣсь перемолвиться словомъ, какъ въ дверяхъ показался высокій, бородатый ходжа, передъ которымъ старикъ почтительно привсталъ, приложивъ руки ко лбу и сердцу.

— Начальство здѣшнее, все равно, что становой, пояснилъ онъ мнѣ по-русски.

Гость заговорилъ съ хозяиномъ. Дѣло шло обо мнѣ, потому что они поминутно оглядывались на меня.

— Паспортъ спрашиваетъ. Да ты не безпокойся, не ищи, сунь ему какую-нибудь бумажку, да мелочи дай изъ серебра что-нибудь.

Я полѣзъ въ карманъ. Въ одномъ изъ отдѣленій его залежалась какъ-то, какъ пріятное воспоминаніе о далекой юности, росписка ростовщика Карповича въ приемъ отъ меня подъ залогъ серебряныхъ часовъ съ уплатою за нихъ $\frac{1}{2}$ % росту и $9\frac{1}{2}$ % за храненіе. Въ минуту жизни трудную я познакомился съ этимъ почтеннымъ джентльменомъ, никакъ, разумѣется, не предполагая, чтобы подобное знакомство помогло мнѣ въ глуши, въ аджарской деревушкѣ, при сношеніи съ начальствомъ, съ самимъ „становымъ“ оттоманской короны.

Я сунулъ предержавшей власти закладную росписку и ему-же вручилъ горсть мелкаго серебра.

Внимательно осмотрѣвъ документъ, ходжа благосклонно пока-

залъ мнѣ свои зубы и вернулъ „паспортъ“. Серебро-же очутилось въ его карманѣ какъ-то незамѣтно, точно онъ его и не брагъ руками; точно вареники запорожца Пацюка, оно само направилось на свое мѣсто. Признаться, я никогда до тѣхъ поръ не имѣлъ случая удивляться столь ловкому фокусу.

Убѣдясь въ моей благонамѣренности, „становой“ принялся за разговоръ.

— Правда-ли, что нѣтъ на свѣтѣ ничего могущественнѣе падишаха и умнѣ стамбульскаго муфтія?

Старикъ перевелъ мнѣ этотъ мудреный вопросъ. Я пробормоталъ что-то, но „Иванъ“, не теряясь, самъ придумалъ за меня соотвѣтствующую фразу:

— Одинъ Аллахъ могущественнѣй падишаха, и только пророкъ Магометъ, да будетъ благословенна его память, умнѣ стамбульскаго муфтія!

На это послѣдовалъ новый вопросъ.

— Что выше горы Арарата и глубже Чернаго моря?

— Выше Арарата милость султана и глубже Чернаго моря смыслъ Корана!.. отпарировалъ за меня старикъ.

Оттоманская власть посмотрѣла на меня очень благосклонно и выразила при этомъ: „какъ пріятно встрѣтить въ чужеземцѣ истинно просвѣщенный умъ и столь высокое знаніе свѣта!“

— Выше падишаха нѣтъ ничего на землѣ. Однимъ мечомъ онъ можетъ изрубить инглизовъ, другимъ франковъ. Весь свѣтъ покоряется ему и онъ милуетъ своихъ подданныхъ, дозволяя имъ управляться своими царями. Такъ „бурустанъ“ управляется намѣстникомъ султана „Васмарки-пашой“, „Френгистанъ“ — „Махмахани-агой“; одни инглизы выбрали себѣ, съ разрѣшенія падишаха, какую-то женщину изъ его сераля, но на то они гаурны и кяфиры. Если они ѣдятъ свинину и посадили чорта въ свои машины, такъ почему-же имъ не подчиняться бабѣ?

Такова была философія моего собесѣдника.

— Послѣ падишаха самый сильный царь — Московъ, бѣлый царь, ему покорны семьдесятъ семь народовъ и онъ каждый день ѣстъ шловъ изъ жемчуга, на золотомъ блюдѣ. Каждый день онъ имѣняетъ блюдо, отдавая старое своему муфтію.

Разсужденіе о величіи Москова прибавлено было, очевидно, изъ любезности ко мнѣ.

Дагѣ или разсужденія, что султанъ можетъ „великодушно“ насылатъ на своихъ бунтующихся подданныхъ голодъ, моръ, землетрясеніе. При этомъ было рассказано, что разъ американскій царь не прислалъ въ свое время пешкеша султану и тотъ „отъ милосердія и отъ щедротъ своихъ“ повелѣлъ одной половинѣ американскаго царства или пашалыка взбунтоваться противъ другой. а на помощь имъ послалъ негритянскія войска изъ Египта. Американцы бились между собою семьдесятъ семь дней, пока одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ такого подземнаго корабля, который взорвалъ одну половину этой неповорной провинціи. Съ тѣхъ поръ, испытавъ милосердіе и силу падишаха, американцы уже не смѣютъ прекословить его пашамъ и даже прислали въ Средиземное море цѣлый флотъ въ пешкешъ султану, обязавшись каждую недѣлю поставлять новую красавицу въ его гаремъ. Такъ разсказывается здѣсь исторія сѣверо-американской междоусобной войны.

Наговорившись всласть и сообщивъ въ заключеніе, что, вѣроятно, мудрый Аллахъ вскорости истребитъ всѣхъ глюровъ и кяфировъ, пославъ на нихъ чуму, а наслѣдіе ихъ предавъ правовѣрнымъ, ходжа поднялся и вышелъ вонъ, благосклонно намекнувъ мнѣ, что между порядочными людьми водится присылать пешкешъ мѣстной власти не только по прибытіи въ деревню, но и по выѣздѣ изъ нея...

— Этотъ еще такъ-себѣ, объяснилъ мнѣ хозяинъ, съ выходомъ ходжи разомъ превратившійся въ рязанца. — А то на моихъ глазахъ здѣсь бывали такіе, что по семи шкуръ съ человѣка слушали.

— И терпѣлъ народъ?

— Нѣтъ, аджаръ племя смѣлое. Оно страсть какою гордость въ себѣ имѣетъ. Двухъ станovýchъ здѣсь застрѣлили, одного зарѣзали! Ну, а этотъ ничего, нахрапомъ не беретъ, все съ согласія!..

Сходство съ русскимъ крестьяниномъ до того было разительно, что я не выдержалъ.

— Скажите, вы не рязанецъ?

Старикъ оживился.

— Изъ рязанцевъ, изъ проломленныхъ головъ, изъ самыхъ... Мы зарайскіе. Бывали у насъ когда?

— Какъ-же, бывалъ.

— И недавно?

— Мѣсяцевъ шесть назадъ.

— Голубчикъ! Поразскажите-ко про наше мѣсто, какъ живутъ нонѣ... Слободно вѣдь теперь, помѣщиковъ не стало... Вольный народъ—поди и духъ другой у нихъ, орлы! Теперь-то матушка наша весь свѣтъ подъ себя заберетъ.

Я разсказалъ ему все, что зналъ о Зарайскѣ и его уѣздѣ.

— Такъ, такъ. Оно самое и есть... Не шибко-же пошли. Кабакъ что, кабакъ и при мнѣ пагубой былъ... Это довѣчное! У насъ и деревнюшка-то жалкая была, а два кабака въ ней стояли... Помню я, а только не вовсе. Рѣку помню — всю въ заросляхъ зеленыхъ, а надъ рѣкой церкву помню — старую, старую. Намѣсто ангельскихъ ликовъ по стѣнамъ—пятна зеленые и крестъ покосился. Теперь, поди, новый храмъ поставленъ.

Старикъ потушился.

— А то еще мѣсто въ лѣску помню. Полянка такая ровная, сосенки кругомъ, а на полянкѣ крестъ стоялъ, сказывали, что зарѣзаннаго тамъ нашли — поставили. Въ бессонную ночь, когда думаешь, много въ головѣ стараго бродить, тогда-бы еще больше вспомнилъ. Теперь, у меня дѣдъ былъ, пчель держалъ. На холму такомъ у него хозяйство было. Улы-то всѣ промежду цвѣтиковъ алыхъ, на тычкахъ такихъ стояли, и избенка слѣная тутъ-же. Поди, и лицо дѣдово забылъ, а духовитый этотъ запахъ помню, что на его пчельникѣ стоялъ. Хорошо пахло... И пчела тоже жужжить, въ цвѣтамъ нагнешься—шуршитъ она тамъ, божья работница. А только и щемить-же, какъ вспомянешь!

— Хотѣли-бы вы туда, назадъ?

— Нѣтъ. Куда я гожусь? Ни Богу свѣча, ни чорту кочерга... Еще какъ отъ чересовъ сюда ушелъ, такъ поближе къ нашей границѣ поселился, думалъ не выйдетъ-ли дезертирамъ какого манифеста, тогда, ежели-бы что, ушелъ домой. Ну, а нонѣ, хотѣ манифестъ будь — не пойду. Главная причина—семья у меня есть, слава-богу, хорошая. Жѣнь у меня, по здѣшнему обычаю, двѣ, одна старуха, другая—молодушка,—такой, поди, по нашимъ мѣстамъ и не сыскать; и не озорная, смиренная да ласковая! Дѣти, опять, хорошия, нельзя ихъ похаить. Опять-же и сжился я, родни у меня по женамъ, поди, полсела. Хозяйство тоже не послѣднее. Что я въ мечеть ихнюю хожу—не великъ грѣхъ. Богъ одинъ, все-же я въ

мечети не Аллаху и не Махмудѣ ихнему молюсь. А ежели въ точности разобрать, такъ здѣшній народъ, поди, не хуже нашего выйдетъ. Добрый народъ, горячій, правда, да только если ты его не обидишь, онъ тебя не тронетъ. Опять-же насчетъ водки здѣсь большая льгота. Этой питвы, какъ у насъ бываетъ, здѣсь и не слыхано. Вино, правда, несмотря на законъ махмудскій, дѣлають, но слабое, отъ него только въ тѣлѣ расслабленіе и пріятность, а буйства—ни-ни. Опять-же если несчастье какое — всякъ поможетъ. Народъ хорошій, душевный народъ! Теперь приди къ нему въ гости, нигдѣ такой пріятности не получишь. Всякъ тебя приметъ, хоша самый ипостасный господинъ, и тотъ тебѣ готовъ трубку набить!.. Вотъ какіе тутъ люди есть! А что ежели до дѣтокъ, такъ они все равно русскими будутъ, тогда ихъ и въ нашу вѣру обратять.

— Какъ-же это?

— Да вѣдь, слава тебѣ Господи, не сегодня, такъ завтра придутъ русскіе и заберутъ всю эту Азію, полонять всѣхъ отъ мала до велика... Съ любимъ мальчугой поговори, коли онъ не турокъ, а изъ Аджары этой, сейчасъ тебѣ скажетъ, что скоро Москва придетъ и всѣхъ ихъ отъ турскаго салтана отниметъ. Ты какъ думаль — всѣ здѣсь въ Махмудку этого вѣрятъ? Нѣтъ, врешь. Довольно тайныхъ хрестьянъ понасыпано. Дозволь завтра въ колокола вдарить, замѣсто козлинаго пѣнья съ минареты ихней, — столько насберется молитвенниковъ и поклонниковъ, что только ротъ разинешь. Потому здѣсь народъ прежде Христа держался, ну а пришелъ турскій салтанъ, онъ и отвратилъ лицо свое отъ Христа! По малодушію и малоумію, какъ и я-же. Какъ-бы ты полагааль, вѣдь они и меня обрѣзали, подлые. Наругались надъ старикомъ, а все этотъ эфендіи здѣшній! Теперь первый пріятель... Одно здѣсь плохо...

И старикъ сокрушено понижъ головой.

— Что именно?

— Да вотъ, братъ, и Махмутка-бы ничего, и эфендію этому подъ хвостъ-бы плюнуть, а вотъ русскаго нашего хлѣба нѣтъ и капуста тоже. Они тоже свой виноградъ одобряють, во всей подвселенной, говорятъ, другого такого фрухту нѣтъ, а отчего? — капуста нашей не пробовали! То-есть я-бы, кажется, привези кто капуста — за каждый кочанъ пудъ-бы винограду отвалиль. Нечего

хаить, и здѣшній фрухтъ хороше, что говорить, но только не та въ немъ сила. Хоша-бы гранату ихнюю, возьмешь это въ ротъ — кисло, сладко, а въ животѣ и не чувствуешь, точно ты и не жевалъ ничего. А капуста, примѣрно, или морковь, рѣна тамъ? Рѣдкы теперь поѣшь — такъ она и ввечеру себя оправдать можетъ. Да!.. Здѣсь, будемъ такъ говорить, эта самая фрухта — приплоду нѣмецкаго...

— Ну, а скажите, какъ съ турками вы ладите?

— И турка — хорошій народъ. Правда, ужь очень ихъ Махмудка зашибъ, а то всеиъ-бы взяли; добрый народъ. Не трожь только ихъ салтана да Махмудку этого самаго, и будешь ты имъ первый пріятель и рады сами тебя облюбовать! Начальство у нихъ, правда, грабители грабителями, но и то вѣдь надо сказать — всякому себя пропитать хочется. Жалованья имъ отъ салтана не положено, а хватай сколько можешь, — они и хватаютъ. Потому женѣ узорные шаровары нужно, дѣтишкамъ — бешметики, ну и себѣ тоже покровъ какой-нибудь. Да припусти тутъ нашихъ капита въ-исправниковъ, такъ-ли еще-бы лапу запустили. Они-бы не на себя шаровары, нѣтъ, они-бы на Ивана Великаго ихъ прикинули. Знаю я.

Старикъ, какъ видите, все еще заднимъ числомъ жилъ, тѣмъ не менѣе приходилось согласиться, что капита въ-исправники въ доброе старое время дѣйствительно-бы охулки на руку не положили. Вообще видно было, что старику жилось хорошо и что онъ чувствовалъ мало различія между покинутой родиной и настоящимъ своимъ отечествомъ.

Поинтересовался я, какимъ образомъ „Иванъ“ дезертировалъ въ черкесамъ.

Исторія оказалась донельзя простою и несложной. Иванъ былъ молодой и красивый солдатикъ, лѣтъ двадцати семи. За нимъ изъ города Гори увязалась хорошенькая грузинка, и когда полкъ переведенъ былъ въ Закаталы, она послѣдовала за нимъ. Роту, гдѣ находился Иванъ, послали въ одну изъ тѣхъ крѣпостей, гдѣ мухи дохли отъ скуки, гдѣ только стычки съ черкесами да похороны солдатъ, болѣющихъ лихорадкою, разнообразили печальное существованіе гарнизона. Понятно, что Нина и не для одного безответнаго въ то время солдата казалась привлекательнымъ цвѣткомъ, распустившимся на скудной крѣпостной почвѣ. Кромѣ нея да женъ у двухъ, трехъ офицеровъ, весь женскій персоналъ этого уголка

состоялъ изъ трехъ безобразныхъ старухъ-прачекъ, которыя, если-бы захотѣли, то могли-бы выйти замужъ за офицеровъ, — такова была потребность въ прекрасномъ полѣ. У этихъ мегеръ даже были десятки любовниковъ, ссоры между которыми изъ-за обладанія вѣтренными Евами (свыше 50 лѣтъ) доходили до „смертнаго убойства“. За Ниной приударилъ начальникъ крѣпости, солдатъ вступился-было и попалъ подъ розги. Время было страшное. Слово за слово — Иванъ, наконецъ, въ отчаяніи ворвался въ комнаты къ начальству и сдѣлалъ ему тамъ „большую непріятность“. Сообразивъ, что за это попадешь къ разстрѣлу, а то, пожалуй, и шпицрутенами побьютъ, Иванъ сейчасъ-же бѣжалъ въ горы. Его перехватили верстахъ въ трехъ отъ крѣпости черкесы и, несмотря на то, что онъ шелъ къ нимъ добровольно, заперли его въ „яму“, надѣли на него цѣпи. Годъ онъ провелъ такимъ образомъ, благодаря попыткѣ къ побѣгу въ другое племя, которое съ нимъ-бы обошлось получше. Наконецъ, убѣдясь, что солдатъ Иванъ снова бѣжать уже не думаетъ, его выпустили и онъ прожилъ въ аулѣ пятнадцать лѣтъ. Никто его не принуждалъ принимать исламъ; напротивъ, его полюбили тамъ, и если вѣрить старику, черкешенки также не отказывали русскому солдату въ ясныхъ доказательствахъ своего расположенія.

— Тамъ-то меня тоска одолѣвала, страсть! Я за баранами смотрѣлъ. Сядешь это, бывало, на горѣ, а внизу подъ тобою вся округа версть на сто виднѣтся. Горы за горами, словно мелкія грядки, вдаль уходятъ, рѣки, аулы чужіе и все-то синью охвачено, словно дремлетъ подъ тобою... Смотришь въ эту синь и затоскуешь. Чудится, что за нею тамъ сторонка родимая хоронится, и тянетъ туда, тянетъ такъ, что какъ ребенокъ, бывало, вдарисья о земь и плачешь. Бывали и такіе изъ русскихъ, что помирали отъ этого отъ самаго. Высохнетъ человѣкъ весь, зеленый станеть, ну и пошабашить... Часто и со мной бывало: смотришь за горы, за доли, какъ туда тропки вьются, да поглянется тебѣ, что тамъ, въ синей тучкѣ, еловые дѣса какіе-то мерещутся, такъ и тянетъ хватиться башкой о камень или бултыхнуться внизъ, на расклѣвъ воронью поганому. И каково чудно оно было! Первые пять годовъ я и не думалъ объ этомъ, а на шестой — сплю разъ, и ночью мнѣ примерещилось, будто поетъ кто около, по-русски поетъ, за душу хватаетъ. Проснулся въ поту весь. Въ глазахъ слеза стоитъ,

на грудь словно камень навалили, дышать хочу, а дышать нечѣмъ. Вышелъ изъ сакли, на дворѣ легъ. Звѣзды надо мною. Думаю, тѣ-же звѣзды, поди, и надъ нашей деревушкой стоять... надъ Русью горять... Такъ до утра продумалъ—съ тѣхъ поръ и пошло это. Пять годовъ ходилъ, какъ опалѣлый! Забудешься, запоешь, глядь—наша русская пѣсня. Или ходишь по кручамъ да самъ съ собой разговариваешь!

— Какъ-же это кончилось съ вами?

— А все изъ-за бабы и прошло. На бабахъ всю свою жизнь пропилъ! У одного мюрида ихняго дочка была, такъ она все и сдѣлала, съ родимой сторонушкой разлучила, проклятая. Приглянулась, сълюбили мы, только тайкомъ, въ безвѣстности... ну потомъ ее къ туркѣ продали; такъ все и покончилось. Тутъ замиреніе пришло. Барятинскій расхибъ этого черкеса и стали ихъ гнать со всѣхъ щелей. Я сначала не уходилъ, думалъ, не будетъ-ли манифеста какаго, не вспомнятъ-ли и о насъ, грѣшныхъ. Нѣтъ, не вспомнили, ну тогда я сюда и ушелъ, въ Аджару эту... Тутъ меня этотъ эфендїй—шайтанъ его ѣшь—и ограничилъ! добродушно смѣясь, точно какой-нибудь остроумной шуткѣ, намекнулъ онъ на обрѣзанье.

Въ саклю поминутно выглядывали посторонніе; наконецъ старуха, жена моего хозяина, сошла сверху и присѣла около меня. И что это была за уродливая баба! Думаю, что даже въ пресловутыхъ кавказскихъ крѣпостяхъ стараго времени эта прекрасная Елена не нашла-бы своего Париса. Носъ загибался крючкомъ, ротъ словно провалъ какой-то, подбородокъ къ носу тянется, все лицо въ морщинахъ, въ морщинахъ даже глаза пропадаютъ. Сѣрныя космы волосъ точно липнуть ко лбу и сѣдныя-же брови торчкомъ стоятъ впередъ, придавая что-то злобное этому мертвому лицу!

— Ишь она у меня какая принцеса! засмѣялся старикъ.— Погоди, покажу тебѣ другую. Поѣсть принесеть.

— Да ужъ я видѣлъ на кровлѣ.

— Та козырная у меня! Грѣхъ, поди, по русскому обычаю, двухъ женъ имѣть? А я такъ полагаю—нѣтъ. Оно даже и по христіанству хорошо, потому сказано: яко Христось съ церковью, а церквей-то, поди, куда много! Вотъ оно по-нашему и выходитъ... Ну, да какъ придетъ Москва сюда, тогда я ужъ и покажусь за одно... Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ.

Старикъ совсѣмъ расшутился. Только въ первое время его затруднялъ русскій разговоръ, потому онъ такъ увлекся имъ, что и натуги не видно было, и короткія фразы исчезли, точно всѣ эти двадцать лѣтъ онъ говорилъ по-русски, всѣ эти двадцать лѣтъ, прожитыя въ безпросвѣтной глуши кавказскихъ горъ и Аджаріи. Правда, онъ поминутно мѣшалъ съ русскими словами гурійскія, татарскія и турецкія слова, но это не мѣшало полнотѣ и силѣ впечатлѣнія.

Въ комнату вошелъ молодой парень лѣтъ восемнадцати—кровать съ молокомъ. Русые волосы и черные глаза...

Старикъ что-то сказалъ ему, вскинувъ на меня глазами. Тотъ быстро подошелъ, и прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться, поцѣловалъ мнѣ руку.

— Сынъ это мой, Абдулъ. Ишь онъ какой! гордился старикъ. — Нѣтъ лошади, съ какой-бы не сладилъ. Кабановъ по здѣшнему чернолѣсью бьетъ, какъ у насъ зайцевъ бьютъ. Разъ тигру успокоилъ, до сихъ поръ шкура у меня. А эта вонъ сова—мать ему приводится! Первый джигитъ по здѣшнему краю!

Абдулъ скромно отошелъ къ двери.

Въ дверяхъ сакли стояла уже синяя ночь. Я вышелъ. Весь холмъ аула мерцалъ огоньками. Какъ это было красиво и оригинально! Точно стоишь лицомъ къ лицу съ осуществленной сказкой. И тишина къ тому-же, только изъ тьмы ночной рокотъ рѣки въ камняхъ выдѣляется. И слушаешь его безъ конца, и чудныя грезы растутъ на душѣ, подѣ-стать этому всплеску.

Вотъ послышалось гдѣ-то далеко-далеко нѣсколько авордовъ. Точно грузинская чангура заняла.

Вотъ мимо, прижимаясь къ стѣнамъ проулочка, шмыгнула какая-то тѣнь.

На ближайшей кровлѣ стоитъ женщина. Какая стройная! Какъ идетъ къ ней эта синяя ночь и какъ она къ лицу этой синей ночи!

И опять рокотъ рѣки въ порогахъ, и опять ноетъ и словно вздрагиваетъ отъ боли унылая чангура!..

В. И. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе будетъ.)

НАДЪ КОЛЫБЕЛЮ.

Качается медленно зыбка;
Спокойно малютка въ ней спить.
Лицо беззаботно; улыбка
По маленькимъ губкамъ скользить.
Надъ зыбкой склоняясь порою,
Ребенкомъ любитъся мать;
Ей хочется нѣжной рукою
Дитя свое къ сердцу прижать.
На сонъ его крѣпкій, безпечный
Она въ восхищеньи глядитъ,—
И пламя любви безконечной
Въ глазахъ ея ярко блеститъ.

Но вдругъ, покачавъ головою,
Задумалась грустно она,
И черныя мысли толпою
Въ душѣ поднялись, какъ волна.
Вся прежняя жизнь трудовая
Невольно припомнилась ей,
Потомъ эта ночь роковая,
И звуки горячихъ рѣчей,
И грезъ молодыхъ обаянье,
И сладостный трепеть въ крови...
То первое было свиданье,
Пыль первой, горячей любви!..
Не сонъ-ли былъ это глубокий?
Разсѣялось счастье какъ дымъ...
Гдѣ онъ—обольститель жестокий?
Случится-ли встрѣтиться съ нимъ?
Любить ее вѣчно онъ клялся—
И клятвы такъ скоро забылъ...
Возможно-ль, чтобъ онъ притворился?..
Ужели онъ вдругъ разлюбилъ?..
Одинъ за другимъ пробѣгаютъ

Всѣ эти вопросы предъ ней.
 Былое она вспоминаетъ—
 И больно становится ей.
 Разрушилъ счастливыя грезы
 Тяжелый житейскій урокъ;
 Осталось ей горе, да слезы,
 Да этотъ малютка—сынонь.
 И видитъ она предъ собою
 Картину того, что ихъ ждетъ.
 Что было—промчалось стрѣлою,
 Что будетъ—не скоро пройдетъ!
 Прискорбная жизнь испытаній
 Для нихъ предстоитъ впереди,
 Путь долгихъ, тяжелыхъ страданій
 Съ истерзаннымъ сердцемъ въ груди...
 Пускай она терпитъ мученье,
 Пусть крестъ свой тяжелый несетъ,—
 За что-же ея увлеченье
 На сына позоромъ падеть?!

Что ждетъ его въ жизни? Лишенья,
 Косой, оскорбительный взглядъ.
 Обиды, насмѣшки, презрѣнье...
 Какъ-будто онъ въ чемъ виноватъ!
 Отмѣченъ судьбой роковою,
 Безвинно онъ будетъ страдать.
 Кто знаетъ:—быть можетъ, порою
 Съ упрекомъ онъ взглянетъ на мать...

Склонилась она къ колыбели
 Подъ гнетомъ разрушенныхъ грезъ, —
 И грустно на сына глядѣли
 Глаза ея, полныя слезъ.
 А онъ, какъ всегда, почиваетъ;
 Ничто не тревожитъ его:
 О будущемъ онъ не мечтаетъ,
 Прошедшаго нѣтъ для него!
 Проснется, кругомъ себя взглянетъ
 И мать онъ увидитъ, и къ ней
 Съ улыбкой рученки протянетъ...
 И станетъ еще ей больнѣй!..

М. Верцелиусъ.

ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IV.

Лидочка.

Наконецъ, изъ Петербурга пріѣхала Лидочка, которую такъ долго ожидала Татьяна Сергѣевна. Француженка m-lle Трюше была нарочно оставлена генеральшею въ Петербургѣ, пока Лидочка сдастъ свой выпускной экзамень. Экзамень былъ сданъ самымъ блестящимъ образомъ; Лидочка должна была играть на публичномъ актѣ какія-то *pièces de salon* и говорила краснорѣчивую тираду изъ всеобщей исторіи о причинахъ крестовыхъ походовъ, бойко подраздѣливъ ихъ на причины: а) экономическія, б) географическія, с) социальныя, д) политическія и е) религіозныя, чѣмъ остались довольны и публика, и институтское начальство. Лидочка, съ своей стороны, была очень довольна эффектнымъ аттестатомъ на пергаментѣ, въ которомъ перечислены были всѣ существующія на свѣтѣ науки. Синклитъ педагоговъ и генераловъ, къ величайшему утѣшенію молодой дѣвушки, объявлялъ ее познавшею въ совершенствѣ всѣ эти науки.

M-lle Трюше, старый боевой конь, опытною рукою руководила между тѣмъ обмундированьемъ Лидочки, и когда пришло время тронуться въ путь, Лидочка была вполне оснащена для всевозможныхъ салонныхъ походовъ, даже и не въ провинціи. Съ нею

поѣхало въ село Спасы пиповскаго уѣзда нѣсколько большихъ сундуковъ съ круглыми крышками и мѣдными гвоздями; на каждомъ былъ выбитъ мѣдью ея вензель и надѣтъ чехоль съ красною выпушкою и кожаными углами. Все было съ иглочки, съ молоточка, покрытое лакомъ, безъ складочки, безъ пятнышка. Такою же новенькою и свѣженькою смотрѣла сама Лидочка; она какъ-будто вся насквозь сіяла розовымъ бархатомъ своихъ полныхъ щечекъ, полными алыми губками и большими голубыми глазками, въ которыхъ неудержимо бѣгало беззавѣтное дѣтское веселье...

Когда она вѣжала въ залу стараго деревяннаго дома въ своемъ граціозномъ тюдорѣ на золотистой головкѣ, обернутая кругомъ шеи воздушнымъ газомъ, въ шотландскомъ влѣтчатоиъ пледѣ и въ дорожномъ капотикѣ какого-то наивнаго фасона, со множествомъ карманчиковъ, высокая и стройная, какъ молодой тополь, и когда зала наполнилась ея рѣзвымъ, сердечнымъ смѣхомъ и ея пѣвучимъ голоскомъ, — казалось, въ обуховскій домъ влетѣла живая весна со всѣми красками своихъ цвѣтовъ, съ своимъ свѣжимъ вѣяньемъ и веселымъ щебетаньемъ своихъ птицъ. Все сразу ожило въ селѣ Спасыхъ — садъ, домъ, даже прислуга. Сразу стало веселье, люднѣе, говорливѣе, шумнѣе. Къ пріѣзду Лидочки генеральша готовилась давно. Ея комната была отдѣлана съ большимъ вкусомъ, голубымъ и бѣлымъ, начиная отъ обои и занавѣсей до обивки мебели и даже ковра; кровать бѣлаго буковаго дерева съ бѣлоснѣжными наволочками на голубыхъ чехлахъ, съ кружевною отдѣлкою, съ бѣлымъ мраморнымъ умывальникомъ, покрытымъ множествомъ бѣлыхъ фарфоровыхъ принадлежностей, съ букетомъ ландышей и незабудокъ на мраморномъ ночномъ столикѣ, — была отдѣлена легкою перегородкою изъ французскаго ситца тѣхъ-же цвѣтовъ отъ уборной Лидочки, гдѣ была такая-же бѣлая мебель съ голубою обивкою, такіе-же букеты и нѣсколько прекрасно сдѣланныхъ портретовъ Лидочки и ея родныхъ. Комната выходила не только двумя окнами въ садъ, но еще была нарочно продѣлана къ пріѣзду Лидочки стеклянная дверочка на маленькій тѣнистый балкончикъ, также нарочно устроенный и теперь уже сплошь затканый зелеными плетями бріоніи. Когда эта хорошенькая и веселенькая птичка очутилась въ своемъ хорошенькомъ, веселомъ гнѣздышкѣ, которое, казалось, все сдѣлано изъ ландышей и незабудокъ, восторгу Лидочки не было конца; дверь балкона

была отворена; изъ сада смотрѣла въ комнату золотая, дрожащая зелень и тянуло запахами майскихъ цвѣтовъ, а въ саду чирикали, свистѣли и звенѣли всякія птицы. Даже m-lle Трюше, очень разборчивая въ вопросахъ вкуса и приличія, отдала справедливость благородной простотѣ и строгому изяществу, съ которыми Татьяна Сергѣевна убрала комнату своей любимицы.

Теперь наступила пора всевозможныхъ развлеченій и предприятий. Татьяна Сергѣевна сознавала, что она подошла къ самой существенной сторонѣ материнскихъ обязанностей—къ выдачѣ дочери замужъ. Воспитаніе кончено, и никто не сомнѣвался въ томъ, что кончено блестяще. Теперь настала пора сближенія съ обществомъ, знакомства со свѣтомъ, съ молодыми людьми,—однимъ словомъ, передъ Лидой открывалось полное житейское море, въ которое она вступала на всѣхъ парусахъ, при самомъ благопріятномъ попутномъ вѣтрѣ. Что прежде было неприлично, некстати, то теперь обязательно, необходимо.

— Вчера ты была ребенокъ, мой Лидокъ,—теперь ты взрослая дѣвица, невѣста... Ты должна стать въ уровень своего положенія и бросить привычки дѣтства. Теперь у тебя новыя обязанности передъ свѣтомъ и семейю, говорила Татьяна Сергѣевна взволнованнымъ, но серьезнымъ голосомъ.

Она давно мечтала о томъ счастливомъ моментѣ, когда будетъ возможно начать это „вторичное крещенье“ дочери, какъ любила Татьяна Сергѣевна называть эпоху перваго выѣзда дѣвушки въ свѣтъ. Но Лидокъ не думала нисколько ни о какихъ обязанностяхъ, ни о какой переимѣнѣ привычекъ. Она была переполнена счастьемъ и радостью, думала, что всѣмъ должно быть такъ-же весело и легко, какъ ей; боялась она одного — какой-нибудь заботы. Забота, по ея мнѣнію, окончилась вмѣстѣ съ публичнымъ экзаменомъ и сброшена съ плечъ вмѣстѣ съ коричневымъ платьемъ. То, что Татьяна Сергѣевна называла „прилагать знаніе къ жизни“, въ глазахъ Лидочки просто значило веселиться и повѣсничать. И, повѣсничая, она была полна прелести и задушевной искренности. Развѣ вы видѣли когда-нибудь канарейку или горленку неизящною, неискреннею? Лидокъ восхищалась прежде всего деревнею, о которой не имѣла яснаго представленія. Май съ своею зеленью, цвѣтами, съ бѣлыми облаками и голубыми небесами, отразился цѣлкомъ, какъ въ прозрачной водѣ, въ дѣвственномъ впечатлѣ-

ни Лидочки. Ее восхищали стада красивыхъ коровъ, съ ревомъ возвращавшіяся съ луга, восхищала шаловливая толпа стригунковъ, весело ржавшихъ около пруда, восхищаль садъ, прудъ, молодая зелень, поля, березовый лѣсъ съ бѣлыми стволами. Вся жизнь теперь казалась ей безконечнымъ альбомомъ такихъ прекрасныхъ картинъ, безконечною цѣпью такихъ радостныхъ ощущеній. Кто устраивалъ и будетъ впередъ устраивать покой и довольство кругомъ Лидочки, на чьи плечи ложится тяжесть тѣхъ подмостковъ, на которыхъ ликуетъ веселая праздность, — объ этомъ не задумывалась Лида, и ей даже въ голову не приходило, что можно задумываться надъ подобною бесполезною философскою матеріею. Глядя на міръ изъ своего ландышеваго гнѣздышка, сквозь перспективы роскошныхъ алей и цвѣтниковъ, ея наивная голова серьезно воображала, что всѣ въ мірѣ такъ-же довольны своими гнѣздышками и всѣ видятъ тѣ-же перспективы. Лидочкѣ до того надоѣлъ институтъ съ его жизнью по звонку, рововымъ однообразіемъ занятій и постояннымъ принужденіемъ всѣхъ вѣсцовъ и способностей, что въ деревнѣ она не хотѣла приниматься ни за что. Въ этой атестованной восемнадцатилѣтней ученой, напичканной до ушей винигретомъ изъ всевозможныхъ наукъ, на зло всему, уцѣлѣле подъ институтскою пелериночкою столько дѣтства и жизни, что они брызнули изъ нея ключомъ, какъ только она освободилась отъ оковъ педагогической дисциплины. Она окунулась въ деревенскую свѣжесть и просторъ совѣмъ, съ головою, и никакія увѣщанія m-lle Трюше, никакіе афоризмы миссъ Гукъ, никакіе софѣты матери не могли заставить ее взяться за какое-нибудь дѣло. Книги, ноты, вышиванія — все было брошено. Какъ птица, вдругъ вырвавшаяся на волю, снуетъ и носится очертя голову по воздушнымъ безднамъ, постригивая острыми крылушками, кружась и взвиваясь безъ цѣли и оглашая воздухъ радостнымъ крикомъ свободы, такъ и Лидочка безцѣльно и безраздѣльно отдалась въ первые дни пріѣзда внезапно обрѣтенному ею раю. Только одно забавляло ее — убирать свою комнату и наряжать себя. Она не отходила отъ своего прекраснаго трюмо, въ которомъ красовалась во весь ростъ ея стройная фигура, гибкая, какъ молодая лоза. На каждомъ уголкѣ стола, камина, комодовъ, на каждомъ окнѣ стояли свѣжіе букеты, которые Лидочка безъ усталости рвала и въ полѣ, и въ саду. Цвѣты были у ней на шляпкѣ, на груди, въ рукахъ; все

вкругомъ и внутри Лидиной комнаты благоухало и сверкало красками, будто комната ея была только однимъ уголкомъ роскошнаго цвѣтника. Лидочка по нѣскольку разъ въ день перебѣняла свои наряды и старательно подбирала подходящія къ нимъ цвѣты. То явится къ матери какою-то дриадой съ ползучими ипомеями въ распушенныхъ волосахъ, въ яркомъ платьѣ, то нимфою германскихъ легендъ, вся снѣжно-бѣлая и нѣжно-голубая.

Татьяну Сергѣевну иногда просто пугало такое настроеніе Лидочки; она сознавала теперь, что очень мало знала свою дочь, и ужъ во всякомъ случаѣ никакъ не предполагала, чтобы при таковой привилегированной педагогической обстановкѣ, въ какой развивалась ея дочь, могли выработываться такіе необузданные, далеко не свѣтскіе вкусы.

— Въ кого это она? щемило тайкомъ сердце Татьяны Сергѣевны; — кажется, ни во мнѣ, ни въ покойномъ Сержѣ не было ничего такого!

Совѣщанія съ миссъ Гукъ и м-лле Трюше нисколько не успокоивали Татьяну Сергѣевну. Обѣ воспитательницы очень серьезно смотрѣли на вѣтреность Лиды и пророчили нехорошія вещи. Миссъ Гукъ знала точно такой-же случай въ семействѣ бароновъ Раденъ, гдѣ дѣло кончилось весьма печальной развязкой, а м-лле Трюше напрямикъ объявляла, что съ Лидочкой нужно держать ухо востро, что это порохъ, а не дѣвушка, что у ней слишкомъ рано развиты стремленія, несоотвѣтствующія ея возрасту и обязанностямъ, и что она давно замѣчала все это у Лиды, когда та еще была ребенкомъ. Словомъ, впечатлительная Татьяна Сергѣевна только окончательно разстроилась, наслушавшись англійской и французской философіи своихъ гувернантокъ. Никакого практическаго результата изъ этой философіи не вышло, потому что Татьяна Сергѣевна не могла не наслаждаться въ душѣ очаровательною вѣтреностью и беззаботностью своей любимицы, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ее тревожили. Она не имѣла силъ въ чемъ-нибудь отказать ей, чѣмъ-нибудь стѣснить ея вкусы. Татьяна Сергѣевна была баловница по натурѣ своей, Лидочка будто родилась на свѣтъ, чтобы быть баловнемъ.

— Мамочка, кого я сейчасъ видѣла! вбѣжала вдругъ съ громкимъ смѣхомъ Лидка, съ шляпкою за плечами, съ волосами, выбившимися изъ лентъ, вся ярко-разрумяненная и запыхавшаяся. —

Мамочка, кто-то подѣхалъ сейчасъ къ крыльцу, такой смѣшной, ну, такой смѣшной! Я этакихъ никогда не видѣла. Можно посмотрѣть, какъ онъ будетъ говорить съ тобою?

— Ахъ, Лиди, ты меня приводишь въ отчаяніе, по-французски отвѣчала генеральша съ притворнымъ неудовольствіемъ на лицѣ и съ трепетомъ искренняго счастья въ сердцѣ. — Какія у тебя манеры! Посмотри на себя въ зеркало, какой ты выглядишь пуасардкой.

— Такъ можно, можно, мама? торопливо настаивала Лида, прижимаясь къ самому лицу матери и умильно заглядывая ей въ самые глаза.

Человѣкъ доложилъ, что пріѣхалъ купецъ Лаптевъ.

— Оправься-же, по крайней мѣрѣ, сказала Татьяна Сергѣевна въ догонку убѣжавшей Лидѣ.

Купецъ Лаптевъ пріѣхалъ не самъ собою и не неожиданно для Татьяны Сергѣевны. Реформы Петра Великаго, каковы-бы ни были размѣры ихъ, требуютъ денегъ. Это обстоятельство не совсѣмъ въ ясномъ свѣтѣ представлялось Татьянѣ Сергѣевнѣ, когда она, въ припадкѣ справедливаго негодованія, приступила къ упраздненію невыгоднаго стараго режима и провозвѣстію новаго, сулившаго золотыя горы. Пока еще горы не могли быть добыты, ежедневно требовались многіе десятки рублей, а ежемѣсячно многія сотни и даже тысячи. Самыя, повидимому, пустыя и невинныя вещи, какъ чистка садовыхъ алей, устройство бесѣдокъ, цвѣтниковъ, клумбъ, маленькихъ мостиковъ изъ березовыхъ сучьевъ, въ результатѣ оказались вещами вовсе не пустыми. А такъ-какъ реформа въ с. Спасехъ не могла ограничиться такимъ вздоромъ, а потребовались довольно капитальныя постройки изъ кирпича, дуба, желѣза и краснаго лѣса, потребовались и артели плотниковъ, и каменщики, и кровельщики, и столяры, и обойщики, и шорники, и кузнецы, и копачи, и еще много всякаго народу; и такъ-какъ, къ тому-же, деревенская жизнь оказалась вовсе не такою простодушною и патріархальною, чтобы снабжать всѣмъ необходимымъ затѣйливый столъ господъ Обуховыхъ, — то пришлось сначала распродать всю ту малость, какую оставили въ распоряженіи генеральши ея старые управители, а потомъ прибѣгнуть къ неизбѣжному, хотя и спасительному займу. Занять было нужно порядочную цифру. Счеты изъ лавокъ уѣзднаго города, присланные черезъ два мѣсяца послѣ поселенія генеральши въ Спасехъ, оказа-

лись такими полноувѣсными, что даже не совѣмъ были пристойны для такого убогаго городишка, какъ Шиши. Изъ губернскаго города Крутогорска тоже прибыли счеты, еще менѣе утѣшительные, за забранное желѣзо, вино и предметы роскоши. Агрономическая контора въ Москвѣ, хотя на очень тонкой почтовой бумагѣ, однако все-таки требовала разчета за высланныя сѣмяна пробстейской пшеницы, калифорнскаго овса, эрфуртской капусты. за гогенгеймскіе плуги, американскіе топчакы, вѣялки и сѣялки всевозможныхъ странъ и авторовъ. Теперь всѣ эти счеты, собравшись словно по сговору, легли тяжкимъ кошмаромъ на душу предприимчивой генеральши. Но, вѣруя въ спасительность своихъ хозяйственныхъ реформъ и въ скорое ниспосланіе золотого дождя отъ пробстейской пшеницы и гогенгеймскаго плуга, Татьяна Сергѣевна рѣшилась на заемъ. Занять тоже было не такъ просто, какъ казалось съ перваго взгляда. Добрые люди указали на двухъ-трехъ человѣчковъ, у которыхъ можно было занять, но этими человѣчками уже прежде генеральши успѣли попользоваться другія благородныя дворянскія фамиліи уѣзда.

Когда староста Тимофей узналъ, что барыня ищетъ денегъ, хотя самой барынѣ казалось, что кромѣ нея никто не подозрѣваетъ ея нужды, онъ прямо указалъ на Силая Кузьмича.

— Какой это Силай Кузьмичъ? спросила барыня.

— Силай Кузьмичъ? переспросилъ удивленный Тимофей.— Это у насъ скрозь по уѣзду первый купецъ... „Лапотъ“ прозывается; въ большомъ капиталѣ ходитъ! Изволите, сударыня, знать, сбочъ нашихъ Спасовъ Прилѣпы есть село?

— Знаю, знаю. Прилѣпы, это князя Сухорукаго...

— Никакъ нѣтъ-съ... Это его самое заведеніе и есть, Лаптева-то... А прежде оно, точно, княжеское имѣнье было... Силай Кузьмичъ тамъ тепереча такое дѣло заварилъ, и-и-и!

— Ты думаешь, Тимофей, у него есть свободныя деньги?

Тимофей усмѣхнулся.

— Гдѣ-жь теперь и деньгамъ быть, коли у Лаптя нѣтъ? Тамъ деньгѣ самый водъ, тамъ она вся и лежитъ!.. Лаптю-то весь уѣздъ оброчники, что господа, что хоть-бы нашъ братъ. Чью водку мужикъ пьетъ? Лаптеву. Чью крупчатку господа покупаютъ? Лаптеву. И лавки у него всякія, и ссыпки, и лѣсная торговля, и мельницы. А земли накупилъ, вотчинъ господскихъ, и-и, Боже ты

мой! Купецъ, одно слово, именитый. Ему всякъ человѣкъ теперь кланяется, а тоже вѣдь не изъ чего пошелъ, изъ голи кабацкой. по кабакамъ сидѣлъ, прасольничалъ, а теперь вотъ на какую линію себя произвелъ!..

На другой день было послано въ Прилѣпы къ Силаю Кузьмичу письмо въ конвертѣ съ золотымъ вензелемъ генеральши.

— Здравствуй, барыня, грубымъ басомъ заговорилъ Силай Кузьмичъ, грузно вваливаясь въ гостиную въ длиннополомъ люстриновомъ сюртугѣ и смазныхъ сапогахъ.—Прошу любить да жаловать, по-сосѣдски. Силай Кузьмичъ Лаптевъ... Небойсь слыхала?.. Я-то о тебѣ давно слышу, да вотъ не приводилось видѣться.

— Здравствуйте, добрѣйшій сосѣдъ, любезничала не совѣмъ искренно Татьяна Сергѣевна, смущенная совершеннымъ мужичествомъ богача-сосѣда.—Очень рада съ вами познакомиться; мы съ вами, кажется, самые ближніе сосѣди; намъ грѣхъ не видѣться часто... Садитесь пожалуйста на кресло, тутъ покойнѣе.

— И, барыня, намъ абы сѣсть!.. Народъ небалованный, говорилъ Лаптевъ, нисколько не конфузясь, но садясь на стулъ подалеже отъ дивана Татьяны Сергѣевны.—Съ прїѣздомъ тебя, матушка, съ новосельемъ!..

— Новоселье-то мое немного грустное, Силай Кузьмичъ, вздохнула генеральша, пытаясь скорѣе перейти къ цѣли своего приглашенія.

— Чего грустное? Какого еще тебѣ рожна? Хоромы у тебя хорошіе, упокоевъ сколько!.. Экономія большая. Нечего груствовать... Обживешься, привыкнешь къ нашей сторонѣ; ты вѣдь все по Москвамъ да по Питерамъ баловалась; ну, тутъ, извѣстно, деревня.

— О, я совѣмъ не на этотъ счетъ, перебила генеральша;—въ этомъ отношеніи я совершенно довольна... Но вы представить не можете, Силай Кузьмичъ, въ какомъ ужасномъ положеніи я нашла свое хозяйство... Все разорено, все въ застоѣ... Окна powyбиты. садъ заросъ.

— Безъ хозяйскаго глаза какое хозяйство! равнодушно философствовалъ Силай Кузьмичъ.—Да и дѣло это опять не женское. Гдѣ-жь тебѣ съ нимъ справиться!

— Ну, Силай Кузьмичъ, это мы еще увидимъ!.. заговорила Татьяна Сергѣевна, слегка вспыхнувъ;—я намѣрена теперь сама во все входить, надѣюсь, что сумѣю перевернуть все по-своему.

— Что-жь, часъ добрый! Въ этомъ плохого нисколько, поддержаль Силай Кузьмичъ, котораго ни сколько не интересовали хозяйственныя намѣренія генеральши и который только ждалъ, когда она попроситъ у него денегъ.

— Вотъ поэтому-то я и рѣшилась обратиться къ вамъ, почтеннѣйшій Силай Кузьмичъ, продолжала Татьяна Сергѣевна, нѣсколько смутившись. — Чтобы поставить хозяйство на ту ногу, какъ я желаю, чтобы обезпечить, однимъ словомъ, доходность имѣнія... видите-ли, мнѣ необходимо... то-есть, мнѣ сказали, что вы имѣете свободныя деньги... Я-бы желала... конечно, если у васъ есть...

Силай Кузьмичъ равнодушно смотрѣлъ въ глаза генеральшѣ, поддакивая головою.

— Деньги-то? перебилъ онъ съ какою-то внутреннею усмѣшкою. — Кто ихъ знаетъ! можетъ, и найдется; а сколько денегъ-то?

— Мнѣ необходимо на этотъ разъ шесть тысячъ, рѣшительно объявила генеральша; — осенью я надѣюсь продать пшеницу по очень хорошей цѣнѣ; у меня не обыкновенная, пробстейская пшеница, выписная... у меня вѣдь почти всѣ сѣмяна выписныя, я все ввожу вновь.

Силай Кузьмичъ устался въ печку, пожевывая губы, и что-то обдумывалъ, не слушая генеральши.

— И просо у меня великолѣпное, черное, отъ Лисицына... Кажется, пять рублей за пудъ, или еще дороже.

— А когда тебѣ деньги? вдругъ спросилъ Лаптевъ.

— Хоть сейчасъ, Силай Кузьмичъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, улыбалась Татьяна Сергѣевна.

— А на какое время?

— Да... да я думаю, на годъ лучше... Или даже и раньше... Вѣдь осенью я надѣюсь продать много хлѣба.

— На годъ, такъ и на годъ! По закладной?

Силай Кузьмичъ обернулся въ сторону генеральши и теперь смотрѣлъ на нее уже въ упоръ.

— То-есть, какъ это по закладной? сказала генеральша, стараясь придать разговору шуточный тонъ. — Связать вамъ правду, добрѣйшій сосѣдъ, я въ этихъ вашихъ закладныхъ, запродажныхъ, купчихъ рѣшительно ничего не смыслю. Поэтому вы уже будете такъ добры, потолкуете объ этомъ съ моимъ милѣйшимъ Иваномъ Семеновичемъ; это мой новый управляющій, отличнѣйшій

человѣкъ; онъ настоящій агрономъ, учился въ земледѣльческомъ институтѣ. Вы съ нимъ уладите всѣ эти формальности.

— Нѣтъ, не годится такъ-то; приващивъ нешто хозяинъ? Мы съ тобой дѣло имѣемъ, съ помѣщицей, а не съ прикащикомъ; какъ ты скажешь, такъ онъ и долженъ сдѣлать. А только я безъ закладной денегъ не даю, вотъ что!..

Силай Кузьмичъ опять устался въ печь. Татьяна Сергѣевна понимала, хотя не очень ясно, что такое закладная, и инстинктивно боялась закладныхъ, но она такъ твердо вѣрила въ Ивана Семеновича изъ земледѣльческаго института и въ пробстейскую пшеницу, къ тому-же такъ боялась, чтобы Силай Кузьмичъ не ускользнулъ изъ рукъ, какъ три другіе человѣчка, что поторопилась положить конецъ всѣмъ своимъ колебаніямъ.

— Хорошо, Силай Кузьмичъ, если вы говорите, что нельзя безъ закладной, я согласна... По-рукамъ! сказала она въ приливѣ рѣшительности.

Татьяна Сергѣевна положила свою пухлую, бѣлую ручку на козявую, какъ сапожная подметка, руку Лаптева. Ей казалось при этомъ, что она умѣетъ необыкновенно хорошо обращаться съ простыми людьми и знакома со всѣми уловками торговой практики.

— Закладную и неустойчную запись на шесть тысячъ рублей, пояснялъ между тѣмъ Силай Кузьминъ, держа въ своей грязной лапѣ руку генеральши.

— Какую это неустойчную запись? съ смутнымъ замираніемъ сердца спросила Татьяна Сергѣевна.

— А это ужъ завсегда такъ, по закону! Коли закладная, такъ и неустойчная запись. Безъ того нельзя. Это только пишется такъ, для острастки. На годъ, моль, берешь, отдавай черезъ годъ, не зѣвай.

— Ну, ну, дѣлайте, какъ знаете, Силай Кузьмичъ, я объявила вамъ, что не знаю вашихъ канцелярскихъ тонкостей, съ неудовольствіемъ отвѣтила генеральша, полагавшая, что съ ея стороны должно быть больше великодушія и довѣрчивости, чѣмъ со стороны этого грубаго мужика.—Я вѣрю вамъ, какъ доброму сосѣду, и надѣюсь, что вы не захотите безъ нужды стѣснять меня.

— Зачѣмъ притѣснять? дѣло сосѣдское... Плати-себѣ исправно проценты, мнѣ и горюшки мало! хоть сто лѣтъ держи.

— Ахъ, да, а какой процентъ? спохватилась вдругъ Татьяна

Сергѣевна, такъ торопливо и тревожно, что даже Силай Кузьмичъ ухмыльнулся.

— У меня, барыня, положенный процентъ, какъ въ казнь. Рубль въ мѣсяць съ сотни — вотъ и все! Я вѣдь не то, что ростовщикъ какой, не изъ нужды даю, а по знакомству, для хорошаго человѣка.

— Это сколько-же въ годъ выходитъ съ 6,000? совершенно смутившись, спрашивала генеральша.

— Немного выходитъ, деньги не велики, только 720 рублей... Только ты ужъ, матушка, въ закладную пиши побольше земли; тебѣ вѣдь все равно, а мнѣ-то покойнѣе... Ровно у тебя пустошь есть, какъ-разъ къ моей межѣ; тамъ, должно, 250, не то 300 десятинъ, не упомню; ты и помѣсти ее въ закладную... Волковка, кажется, прозывается?

— Ахъ, это гдѣ березовый лѣсъ! вскрикнула со страхомъ Татьяна Сергѣевна.

— Да, кажись, тамъ есть лѣсишко, говорилъ словно нехота Лаптевъ. — Такъ-себѣ, дрянненькій, кое на коль, кое на слѣгу вышель, бревна-то пожалуй-что и не выберешь, слава только, что лѣсъ!.. весь дровяной.

— Помилуйте, Силай Кузьмичъ, я хорошо помню свою Волковку, горячилась генеральша, — это всегда былъ мой любимый лѣсъ; бывало, мы тамъ чай пили при покойномъ мужѣ, когда еще была пасѣвка. Тамъ прекрасный, очень толстый лѣсъ, и его очень много.

— Да нешто я его съѣмъ, твой лѣсъ-то? захихикалъ Силай Кузьмичъ шутивнымъ тономъ. — Эхъ, барынька, барынька бѣдовая!.. Право, съ тобой горе... Лѣсъ весь твой останется, много-ли его тамъ или мало, я его не угрызу... Не въ продажу идетъ, слава-богу, а въ закладную; что ни напиши, отъ того не убудетъ. Поладили, что-ли?

Силай Кузьмичъ попытался встать.

— Ну, Богъ съ вами совѣмъ, скупой сосѣдъ! шутила генеральша, нелюбившая долго оставаться подъ гнетомъ сомнѣній и опасеній. — Авось Богъ милостивъ, мы съ вами не порекусаемся изъ-за этихъ несчастныхъ 6 тысячъ. Вотъ разживусь съ своего новаго хозяйства, сама вамъ займы буду давать... и ужъ безъ всякихъ процентовъ!.. любезно добавила Татьяна Сергѣевна.

— Пошли Богъ, пошли Богъ, машинально твердилъ Силай Кузьмичъ, отыскивая шапку.

— Нѣтъ, этакъ ужъ не по-русски, не по христіанскому обычаю, заговорила Татьяна Сергѣевна, вся вдругъ ожившая послѣ окончанія всегда тяжелаго для нея дѣловаго разговора. — Надо сосѣдскаго хлѣба-соли отгушать.

— На томъ спасибо, матушка, а только не время, человѣкъ нужный ждетъ, заѣзжій.

— Ну, хоть закусите что-нибудь, рюмку водки выпейте...

Татьяна Сергѣевна позвала человѣка. Силай Кузьмичъ видѣлъ, что дѣло было улажено; а послѣ дѣла онъ не прочь былъ покалякать о разношъ вздорѣ, котораго не любилъ припутывать не къ мѣсту. Весь разговоръ господъ, который ему часто приходилось слышать, толки объ обществѣ, о политикѣ и даже о хозяйствѣ, онъ относилъ къ этому вздору, потому что изъ него не выходило ровно ничего. Бесѣда за чаемъ въ трактирѣ съ московскимъ купцомъ, пріѣхавшимъ закупить крупчатку, воловыи кожи или пеньку,—это была другая статья для Силая Кузьмича. Онъ не жалѣлъ просидѣть за такою болтовнею часа два лишнихъ, потому что отъ этого лишняго часика могла зависѣть лишняя копейка, а то и двѣ на пудъ.

— Важные шпалерцы! говорилъ теперь Силай Кузьмичъ, неуклюже расхаживая по коврамъ гостиной и безъ церемоніи оглядывая стѣны, потолоки и мебель;—небойсь все изъ Петербурха навезла!.. Почему брала?

— Право, не помню, добрѣйшій сосѣдъ... Я на это глупая, сейчасъ забуду, улыбалась генеральша.

Силай Кузьмичъ между тѣмъ мазалъ пятернею по медальонамъ французскихъ обоевъ самой нѣжной краски.

— Ишь вѣдь, дошли! покачивалъ онъ головою.—Я вотъ тоже горницы четыре бумажками оклеилъ, такъ тѣ не подойдутъ... Дуже малеваны и чистоты такой нѣтъ... потому нашего російскаго издѣлья...

Лидочка вошла въ комнату, причесанная и прибранная.

— Вотъ дочь моя, Силай Кузьмичъ, тоже сосѣдка ваша; Лиди, это Силай Кузьмичъ Лаптевъ, знаешь, нашъ сосѣдъ въ Прилѣпахъ.

Силай Кузьмичъ ослабилъ всѣмъ своимъ червивымъ зѣвомъ,

когда увидѣлъ вдругъ неожиданно вошедшую Лидочку. Даже у этого толстокожаго, коряваго звѣря невольно взыграло сердце при видѣ молодой, только-что распустившейся красоты.

— Важнѣющая у тебя барышня! говорилъ черезъ нѣсколько минутъ Силай Кузьмичъ, закусывая водку и не спуская съ Лидочки своихъ свинныхъ глазъ, даже въ то время, какъ онъ звучно жевалъ копченаго сига дубовыми челюстями. — Королевна настоящая; Богъ меня убей, какъ есть королевна!..

— Это мой первенецъ, Силай Кузьмичъ, скромнымъ голосомъ говорила генеральша. — Только-что кончила курсъ наукъ въ институтѣ... съ шифромъ окончила.

Но Силая Кузьмича интересовалъ вовсе не шифръ, не институтъ. Онъ съ безхитростнымъ восхищеніемъ дикаря оглядывалъ съ головы до ногъ рослую и свѣжую красавицу, которая стояла передъ нимъ, инстинктивно наслаждаясь его грубымъ восторгомъ и пробуждающимся сознаниемъ своего собственного обаянія.

— Стяжная барышня, чистая, ровно березынька моложавая!.. размышлялъ вслухъ Силай Кузьмичъ.

Лидочка разразилась звонкимъ хохотомъ на всю гостиную.

— Что это значить стяжная, Силай Кузьмичъ? кокетничала она. — Мама, ты не знаешь, что значить *стяжная*?

— Ишь, вотъ, тебя по-всякому небойсь въ Петербурхѣ научили, на всѣ манеры, обидѣлся Лаптевъ, — и по-французскому, и по-нѣмецкому, а по-христіанскому, видно, не научили; аль я не по-русскому говорю, что не понимаешь?

— А знаете, добрѣйшій Силай Кузьмичъ, поспѣшила замаять генеральша. — По-моему, нѣтъ выразительнѣе языка, какъ нашъ родной, русскій!.. Даже иностранцы находятъ, что гармоничностью онъ похожъ на итальянскій!..

— Супротивъ нашего російскаго нигдѣ не сыщешь... серьезно подтвердилъ Силай Кузьмичъ. — Нашъ языкъ чистый, христіанскій, а ихній языкъ картавый. Святые отцы по-русски говорили. А вѣдь вотъ у нѣнца, примѣромъ, аль у жида, тотъ вѣдь, сказываютъ, собачій языкъ, на томъ и говорить грѣхъ православному человѣку. Тоже это попъ мнѣ надысь толковалъ, отецъ Варфоломей.

Лидочка помирала со смѣху, закрываясь своимъ буаеомъ, а Татьяна Сергѣевна употребляла всю свою свѣтскую изобрѣтатель-

ность, чтобы отвлечь вниманіе богача-сосѣда отъ выходокъ своей баловницы.

— Бываютъ оно и изъ нашего сусловія тоже хорошія дѣвки, возвратился, между тѣмъ, Лаптевъ къ своей прежней темѣ. — Да до твоей не дойдутъ; тоже грузныя есть и румяныя, а лады, глядишь, не тѣ; поставу такого нѣтъ; сейчасъ видать, что протецкаго разбору, свойскія. И ростомъ что-то не выгоняетъ; больше осадистыя, широкой кости; а чтобы такихъ вотъ великанныхъ, такихъ не видать...

Силай Кузьмичъ, говоря это, оглядывалъ Лидочку, какъ привыкъ оглядывать лады заводской кобылицы, выведенной на ярмарку.

— И съ чего-бы, кажется? продолжалъ онъ разсуждать съ тою же дѣловою серьезностью, къ несказанному веселью Лидочки. — Кушанье имъ идетъ тоже хорошее, не совѣмъ супротивъ вашего, господскаго, одначе всего вволю, бѣлое кушанье, чистое, птица это разная и пироги, и французскій хлѣбъ завсегда, ужъ объ чаѣ, что и толковать! У меня теперича баба-куфарка на поварской, такъ и та чай пьетъ. Мы этого добра не жалѣемъ, потому въ капиталѣ состоимъ. Лавка своя, благодарить Бога, непокушное. Ну, а значить кровей не тѣхъ, дѣвки-то наши, все мужикомъ отдаетъ.

— У васъ сынки есть, Силай Кузьмичъ? освѣдомилась генеральша, чтобы перебить прасольскую философію Лаптева.

— Одинъ есть, матушка, и того довольно.

— Еще не женатъ, молодой?

— Да ужъ пора женить... Бабы ему невѣсту давно высматриваютъ. Вотъ кабы моему дураку да такую барышню, снова ослабился Силай Кузьмичъ, оборачиваясь къ Лидочкѣ. — Самъ знаю, что нельзя; потому онъ мужикъ, вахлакъ. Онъ у меня, положимъ, въ торговомъ дѣлѣ хорошо смыслить, продать тамъ и купить, и по мельничной это части, и по лавкѣ, не шальной кавой; а по вашему господскому обхожденю—дуракъ, и говорить нечего, ни ступить, ни молвить... Не хуже-бы и я... вотъ затесался, невѣжа, къ вамъ да и точку ласы, словно бабы за прядками...

— Э, Силай Кузьмичъ, притворялась сострадательная генеральша, — было-бы вотъ тутъ да тутъ (она указала сначала на голову, а потомъ на карманъ), — а эти свѣтскіе пустяки не могутъ составить счастья...

Силай Кузьмичъ, даже и усѣвшись въ свою кованую телѣжку, никакъ не могъ выбить изъ головы поразившей его фигуры Лиды.

— Ну, да ужъ и барышня! бормоталъ онъ, ослабляясь самъ себѣ своими червивыми зубами.

V.

Цинцинатъ шишовскихъ полей.

Изъ одного и того-же матеріала творить природа миллиарды организмовъ, растущихъ, живущихъ, мыслящихъ, которыми кишитъ она въ своемъ безостановочномъ и безпредѣльномъ круговоротѣ. И, однако, каждый организмъ мы узнаемъ въ лицо, видимъ его особенность отъ другихъ, ту самобытную пропорцію силы, которая отпущена на его долю изъ общаго однообразнаго запаса. Невелики, правда, въ огромной массѣ случаевъ, эти особенности, это разнообразіе пропорцій. Какъ ни богата зиждательница-природа, не хватаетъ ея запасовъ на безразсчетную трату дорогихъ матеріаловъ. Она начала ихъ расходъ неисчислимые вѣка тому назадъ, она будетъ продолжать его неисчислимые вѣка впередъ, и въ каждый вѣкъ, въ каждую минуту расходуетъ ихъ на несчетное количество организмовъ. Значить можно оправдать ея сдержанность, можно понять, почему на всякомъ шагу мы имѣемъ дѣло съ пескомъ и глиною и съ такимъ трудомъ докапываемся до ослѣпительныхъ зеренъ алмаза. „Въ мірѣ такъ мало голосовъ и такъ много эхо!“ сказалъ одинъ изъ глубокихъ знатоковъ міра. Исторія всегда будетъ имѣть только одного Сократа, только одного Шекспира, только одного Колумба; но каждый уѣздный городъ крутогорской губерніи въ каждый данный годъ имѣетъ и всегда будетъ имѣть цѣлую толпу Лаптевыхъ, Баншинныхъ, Протасевыхъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ овцы. Различіе ихъ душевныхъ свойствъ не больше того, какое существуетъ въ микстурахъ одного и того-же врача, давно остановившагося на нѣкоторыхъ облюбленныхъ имъ средствахъ, пичкающаго ими своихъ больныхъ во всевозможныхъ болѣзняхъ, съ маленькою разницею въ дозахъ. Не будемъ обижаться на это по-

вальное господство въ мірѣ будничныхъ людей, надѣленныхъ едва замѣтными дозами дорогихъ сладобій, но за то обильно разбавленныхъ повсемѣстно находимую водою себялюбія или подслащенныхъ, — словно дешевою приторностью молочнаго сахара, — правилами рутинной морали и ни въ чему не обязывающей чувствительностью. Въ русской пословицѣ: „хорошенькаго понемножку“ — глубокая философія, не только житейская, но и космическая. Вѣроятно, невозможенъ міръ съ полями, мощными золотомъ, съ электрическимъ пламенемъ вмѣсто невиднаго глазу воздуха. Если мировой огонь сосредоточится для насъ въ далекомъ дискѣ солнца и еще болѣе далекихъ искрахъ звѣздъ, мы — слабая дѣти земли, — будемъ чувствовать это болѣе по плечу себѣ, чѣмъ пребываніе въ лучахъ неугасающаго свѣта. Спиртъ, сжигающій нашу внутренность, мы пьемъ съ охотой и пользой, разбавивъ его водой, и безопасно вдыхаемъ въ себя кислородъ, сжигающій сталь, когда онъ обезсиленъ безвредною примѣсью азота. Должно быть, таковы-же потребности и нашего психическаго міра. Должно быть, и духъ нашъ не могъ-бы выдержать долго горючей атмосферы сплошнаго геройства, добродѣтели и мудрости. Наши силы истратились-бы слишкомъ быстро подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ слишкомъ рѣзкихъ и слишкомъ напряженныхъ элементовъ, которыхъ даже маленькая доля можетъ двигать и волновать бездѣйствующія массы болѣе рутинныхъ силъ. Скушайте нѣсколько фунтовъ хлѣба — вашъ желудокъ не отзовется ничѣмъ особеннымъ; проглотите граммъ цѣлебнаго яда — и вся внутренняя работа вашего организма разомъ перевернется. Стало быть, сеґединность людскаго муравейника, ограниченность толпы, единообразіе большинства — спасительная и необходимая среда для жизни на землѣ такою слабымъ существомъ, какъ человѣкъ. Спасительная и необходимая, это правда. Но позывы человѣка иногда идутъ гораздо далѣе необходимости и даже возможности; какъ-бы глубоко ни былъ проникнутъ человѣкъ сознаниемъ пользы для міра отъ умѣренности и обѣденности, никогда не согласится онъ признать въ нихъ внутреннюю красоту и поклониться имъ, какъ чему-то высшему, зовущему его впередъ и вверхъ. Только тамъ, гдѣ, по капризу или ошибкѣ природы, въ избранный организмъ перелется избытокъ того или другого драгоценнаго элемента и въ живомъ человѣкѣ почувется вмѣсто обычнаго водянистаго раствора непод-

дѣльный букетъ дорогого напитка, для позывовъ смѣлаго духа возможно ощутить наслажденіе человѣкомъ, уваженіе передъ человѣкомъ и вѣру въ человѣка. Къ счастью, природа хотя очень рѣдко, но обриваетъ изъ своего неистощимаго рога изобилія, среди тѣмъ обиденныхъ натуръ, и немногихъ избранниковъ. Она допускаетъ уродства въ ту и другую сторону, отступленія отъ сѣренькаго типа въ сторону рѣзкаго чернаго и рѣзкаго бѣлаго. Въ этихъ исключеніяхъ— соль и пряность психическаго міра, въ которомъ иначе царилъ-бы повальный прѣсный вкусъ. Среди узкихъ, неподвижныхъ мозговъ средневѣковой схоластики вдругъ пробивается могучій и возбуждающій мозгъ Паскаля, двѣнадцатилѣтняго уroda, создающаго вновь геометрію на полу своей дѣтской; вдругъ выдвигается уродливое ухо Моцарта, полное небесныхъ мелодій, среди базарнаго шума человѣческой суеты открывающее чарующую гармонію звуковъ, тамъ, гдѣ толпа не слышитъ и не чувствуетъ ничего; среди тупого и жестокаго міра властвующихъ феодаловъ является бродяга - актеръ съ всевидящимъ внутреннимъ окомъ, постигающій міръ и людей съ глубиною мудреца и изображающій самыя заповѣдныя тайники ихъ съ выразительностью и осязательностью природы. Если-бы не было въ мірѣ этихъ исключительныхъ натуръ, этихъ уродливыхъ отступленій отъ нормальнаго типа въ хорошую и дурную сторону, человѣчество не знало-бы размѣра своихъ собственныхъ силъ, не знало-бы, до какой глубины зла и добра, мудрости и дурачества способно дойти оно. Человѣчество не видало-бы своей собственной красоты, потеряло-бы уваженіе къ себѣ, не смѣло-бы вѣрить въ себя, рассчитывать на себя и бороться за себя съ смѣлой надеждой. Пошлость сама по себѣ можетъ вызвать только трусость, недовѣріе и неподвижность. Святой огонь, одушевляющій человѣчество, то „зерно горчичное“, которое „горами двигаетъ“, по выраженію евангелиста, —вносится въ человѣчество только его избранниками. Избранники цѣлаго человѣчества— Сократы и Шекспиръ. Но ихъ слишкомъ мало. Они великіе учителя, дающіе главный топъ, главные основы. Ихъ апостолы спускаются ниже и распространяются шире. Они — *слабая доля* ихъ, но все-таки *изъ* доли. Какъ-бы ни былъ тѣсенъ кругъ жизни, которую мы разсматриваемъ, все-таки, къ нашему счастью, мы можемъ натолкнуться на какого-нибудь отдаленнаго ученика великихъ учителей и пред-

ставителей человечества, на скромнаго и часто слабого смертнаго, въ которомъ болѣе или менѣе ярко, въ большей или меньшей примѣси, все-таки горитъ спасительный священный огонь и который все-таки можетъ скорѣе другихъ служить совѣстью и мыслью окружающаго его крошечнаго міра.

Такимъ человѣкомъ былъ Суровцовъ въ тѣсномъ и микроскопическомъ мірѣ шишовскаго уѣзда. Оставляя въ сторонѣ возвышенную теоретическую точку, съ которой мы сейчасъ смотрѣли на лучшія силы человечества, и спускаясь прямо съ нею на черноземныя поля Пересухи, мы должны сказать, что Суровцовъ былъ дѣйствительно хорошій человѣкъ. Главная его прелесть и главная сила была въ его жизненности. Онъ выросъ свободно деревенскимъ мальчикомъ и хотя наравнѣ съ другими вытерпѣлъ развращающее вліяніе городскихъ учебныхъ заведеній, однако, пострадалъ отъ нихъ больше виѣшнимъ образомъ, чѣмъ въ существенныхъ сторонахъ своего духа. Самое сѣверное, что онъ вынесъ изъ заведеній, была потеря здоровья. Другое дурное послѣдствіе учебныхъ заведеній, такое-же обычное, какъ и потеря здоровья, именно привычка считать за дѣло пустые призраки дѣла, мало привилась къ искренней и дѣятельной натурѣ Суровцова. Изъ университета онъ пошелъ въ професора; поводъ былъ самый естественный: искренно занимаясь дѣломъ во время своего студентства, Суровцовъ, оканчивая курсъ, не могъ представить себѣ, чтобы студенческія занятія его оказались бесполезными, бѣдливимъ колесомъ, которое онъ вертѣлъ четыре года для того, чтобы получить права, неимѣющія никакой связи съ его трудами, и которое онъ былъ принужденъ бросить именно въ ту минуту, когда онъ созналъ свое глубокое невѣденіе въ занимавшихъ его вопросахъ и ощущалъ сильную потребность добиться дѣйствительнаго знанія. Суровцовъ былъ на естественномъ факультетѣ; онъ настолько зналъ жизнь и ожидавшую его общественную дѣятельность, чтобы понимать полную бесполезность для этой жизни и дѣятельности пріобрѣтенныхъ имъ въ четыре года поверхностныхъ знаній. Привычка оканчивать всякое дѣло, уваженіе къ своему собственному труду и глубокій интересъ узнать основательно то, что онъ зналъ только по тетрадамъ отсталыхъ професоровъ да по нѣкоторымъ прочитаннымъ книгамъ, непобѣдимо направили его на продолженіе занятій. Но професура, какъ ремесло, была въ

высшей степени противна его природѣ. Въ корпораціи професоровъ онъ нашелъ очень немногихъ товарищей, преданныхъ дѣлу во имя самаго дѣла; большинство-же было совершенно похоже на любое губернское и уѣздное общество, съ тѣми-же надъ всѣмъ господствующимъ личнымъ интересомъ, тою-же лѣнью, забавляемою картами и чаемъ, тѣми-же замашками кумовства, интриги и искательства, тѣми-же злорадствомъ и страстью къ сплетнямъ. Для всего этого были, конечно, выработаны другія манеры, другой языкъ и другіе предметы, но сущность была та-же. Даже умственная ограниченность и сила предразсудковъ мало чѣмъ отличала ученое профессорское общество отъ безграмотныхъ кружковъ провинціального захолустья. Интересъ къ дѣлу былъ на-столько силенъ въ Суровцовѣ, что, конечно, онъ не бросилъ-бы своей должности изъ-за того только, что вмѣсто ареопага безкорыстныхъ жрецовъ истины, о которомъ мечталъ на студенческой свамѣ, онъ нашелъ плотно засѣвшую шайку пошляковъ и лѣнтыевъ, эксплуатировавшихъ средства университета. Его судьбу рѣшило его здоровье. Занимался серьезно и неутомимо своею спеціальностью, Суровцовъ не могъ помириться съ мыслию, что онъ долженъ затѣмъ отрѣшиться отъ всего остального, въ чемъ жилъ и чего искалъ его многосторонній, пытливый духъ. Онъ отдавалъ много труда и времени изученію общественныхъ вопросовъ, исторіи, литературы. Онъ чувствовалъ необходимость и въ живомъ, разумномъ обществѣ, и въ наслажденіи искусствами. Съ дѣтства онъ любилъ рисовать и не бросалъ никогда этого занятія, хотя никогда не занимался имъ спеціально. Постоянною работою съ натуры его карандашъ сдѣлался правильнымъ и легкимъ, и его альбомы постоянно наполнялись очень интересными этюдами разнообразнаго характера, мѣтко выхваченными изъ жизни. Такіе этюды часто имѣютъ въ себѣ больше интереса, чѣмъ законченныя большія картины, которыя требуютъ годовъ работы и которыя рѣдко оказываются по плечу большинству художниковъ. Талантъ бѣглыхъ этюдовъ, трепещущихъ всѣмъ разнообразіемъ и всѣми интересами современной жизни, дѣлается уже талантомъ общественнымъ, покидая монастырскую обстановку строгой живописи. Суровцову этотъ общественный характеръ его таланта нѣсколько вредилъ; онъ увлекался рисованіемъ болѣе, чѣмъ у него было возможности. Онъ обыкновенно посвящалъ этому занятію свое раннее утро до лекціи и че-

резь это принужденъ былъ просиживать ночи за чтеніемъ и опытами. Друзья медицины часто его уговаривали ограничить кругъ своихъ занятій и не браться за многое, страшая его разными нехорошими перспективами, но Суровцова нельзя было унять однимъ предостереженіемъ. Онъ вѣрилъ въ свой организмъ, въ свое несокрушимое здоровье, съ дѣтства невѣдавшее болѣзни.

— Чего вы меня уговариваете? отшучивался онъ обыкновенно отъ своихъ пріятелей. — Я не лордъ Брумъ, котораго Сидней Смитъ уговаривалъ ограничиться количествомъ работы трехъ обыкновенныхъ людей; я не работаю даже за одного порядочнаго. Мой идеалъ въ этомъ случаѣ не ученый лордъ, ѣа простая русская баба. Посмотрите, чего она не дѣлаетъ! Сама стряпаетъ у печки и въ то-же время качаетъ колыбельку, мететъ избу, загоняетъ теленка, сажаетъ насѣдку, развѣшиваетъ бѣлье, бранитъ ребятишекъ, сплетничаетъ съ сосѣдкой... Она вездѣ поспѣла словно мимоходомъ, хотя у нея ни на что не назначено часовъ. Содержать весь домъ, родить дѣтей, вяжетъ и молотитъ хлѣбъ — все одна. Неужели-же мы, сословіе ученыхъ, должны уступить русской бабѣ?

Товарищи - профессора, особенно безталанные и ограниченные труженики, часто подсмѣивались надъ маніей Суровцова браться разомъ за многое.

— Нѣтъ, батюшка, говорили они, — вы не настоящій жрецъ науки, вы дилетантъ! Кто хочетъ служить наукѣ, тотъ „да отвернется себя и возьметъ крестъ мой и по мнѣ грядетъ“, — вотъ чего требуетъ наука. Или отдайтесь съ головой ей одной, или не беритесь за нее. Знаете, за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймашь...

Суровцовъ не хотѣлъ уступить и въ этомъ пунктѣ.

— Я, господа, имѣю на это дѣло совершенно другой взглядъ, отвѣчалъ онъ спокойно своимъ укорителямъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. — За меня никто не будетъ жить на семь свѣтѣ, и какъ ни плохъ онъ, все-таки мнѣ хочется насладиться всѣмъ, что онъ можетъ дать. Я особенно привязался къ изслѣдованію органической жизни и сталъ черезъ это физиологомъ, но я этимъ не забилъ въ своей душѣ ни потребности правильнаго общественнаго строя, ни потребности вникать въ психологію живыхъ людей, ни чувства къ красивому, къ гармоническому, вообще не истреблялъ

въ себѣ ничего, что составляетъ естественныя свойства разумнаго и полезнаго существа. Понимаете, у меня нѣтъ цѣли обращаться въ схимника, открывающаго тайны физиологическихъ процесовъ, а цѣль моя быть живымъ человѣкомъ, жить среди людей, пользоваться всѣмъ хорошимъ, что добываютъ другіе люди, и доставлять имъ пользу чѣмъ-нибудь хорошимъ, что я для нихъ добываю. Я для нихъ добываю разные интересные факты и законы органической дѣятельности; много-ли, мало-ли, все-таки добываю, и дѣлюсь съ ними. На этомъ кончается и моя обязанность, и мое стремленіе. Затѣмъ у меня есть другія стремленія, болѣе личныя и не столь полезныя другимъ, но никому, однако, не вредныя, и я считаю себя въ полномъ правѣ удовлетворять точно такъ-же этой сторонѣ своихъ стремленій, уже потому, что это вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода обязанность, — обязанность передъ самимъ собою быть полнымъ человѣкомъ, а не обрубкомъ человѣка.

— Да, пожалуй, говорили задѣтые за-живо товарищи. — Но вѣдь для того, чтобы удовлетворить всѣмъ своимъ позывамъ, нужно быть особенною, избранною натурою, имѣть почти гениальныя способности... Конечно, были примѣры. Но вѣдь эти головы, которыя „бесѣдуютъ съ солнцемъ и слышатъ травъ проростанье, и на все откликаются сердцемъ живымъ, что требуетъ въ жизни отвѣта“, — вѣдь онѣ рождаются вѣками. А намъ-то, обыкновеннымъ, рядовымъ натурамъ, намъ-то съ вами откуда взять средствъ?

— Мое средство простое, обрывалъ Суровцовъ своихъ оппонентовъ: — чтобы сдѣлать побольше дѣлъ, нужно какъ можно тщательнѣе оканчивать каждое изъ нихъ! До сихъ поръ это средство мнѣ удавалось, и я могу его рекомендовать всѣмъ, кто нуждается въ немъ.

То, чего не могли сдѣлать совѣты врачей и внушенія тайныхъ недоброжелателей, то сдѣлала природа. Природа никому не позволяетъ смѣяться надъ своими законами и безнаказанно поперять ихъ. Суровцовъ кралъ ночи и этимъ сообщалъ полноту своему рабочему дню. Онъ жилъ въ одинъ день два дня и мечталъ, что надуваетъ природу. Но черезъ пять лѣтъ двойной работы Суровцовъ долженъ былъ бросить всякую работу. Мозгъ, привыкшій проводить ночи безъ сна, въ работахъ мысли, потерялъ способность сна и работа мысли продолжалась въ немъ даже и тогда, когда Суровцовъ употреблялъ всѣ усилія задушить и пре-

кратить ее. Суровцову грозила глубокая опасность. Врачи совѣтовали ему и морфій, и хининъ, и примочки, и альпійскій воздухъ; Суровцовъ не послушалъ ничего и рѣшился просто-на-просто уѣхать въ деревню.

— Я утомилъ свой мозгъ, теперь утомлю свое тѣло и восстановлю равновѣсіе, рѣшилъ онъ.

Онъ бросилъ профессуру и сдѣлался хозяиномъ. Съ топоромъ въ рукѣ рубилъ онъ деревья, пилилъ вѣтви въ саду, копалъ грядки, не сходилъ съ поля, съ свѣжаго воздуха. Въ его деревенскомъ организмѣ опять по-деревенски заходила кровь, пробилъ сквозъ ученую блѣдность деревенскій румянецъ, слегшаяся въ складки, кабинетная грудь опять расправилась и вздохнула во всю глубину и ширину своихъ легкихъ, почувавъ воздухъ полей вмѣсто спертой атмосферы многолюдной аудиторіи.

Суровцовъ черезъ два года совсѣмъ помолодѣлъ и ожилъ. Давно уже не чувствовалъ онъ себя такимъ веселымъ и смѣлымъ, давно не глядѣлъ на міръ такъ снисходительно и спокойно. Здоровый организмъ всегда добрѣ больного, всегда цѣнитъ дѣйствія и характеръ людей объективнѣе и вѣрнѣе.

Суровцову досталось отъ отца небольшое имѣніе въ пяти верстахъ отъ его дальнихъ родственниковъ, Коптевыхъ. Суровцову было очень трудно управляться въ два первые года своего хозяйства. Почти все пришлось перестраивать и передѣлывать послѣ нѣсколькихъ лѣтъ запустѣнія. Земли было немного, а расходъ великъ. Но онъ не думалъ унывать, а работалъ-себѣ съ безмолвнымъ и настойчивымъ терпѣніемъ, ограничивая себя въ чемъ только было возможно. Годы три онъ не видалъ у себя ни души и никому не показывался, весь поглощенный устройствомъ своего гнѣзда. Черезъ три года все было приведено въ порядокъ. Разведенъ новый садъ, перестроенъ домикъ и необходимыя службы, заведены лошади, скотъ, и полевое хозяйство направлено на путь болѣе доходный. Будущее не пугало Суровцова. Его скромное состояніе радовало его и утѣшало.

— У сотенъ милліоновъ людей нѣтъ сотои доли того, что я имѣю. Я одинъ изъ величайшихъ счастливецъ на землѣ, часто говорилъ онъ самъ себѣ, въ минуты особенныхъ денежныхъ затрудненій.

Раньше всѣхъ сталъ съ нимъ видѣться, по праву родства и сосѣдства, Коптевъ.

— Вамъ-бы службу взять, совѣтоваль онъ Суровцову, — не проживете съ вашей землицы.

— Долженъ прожить! отвѣчалъ съ улыбкой Суровцовъ. — Мужикъ живетъ съ семьею на двухъ съ половиной десятинахъ, обложенный всякими тягостями и налогами, и еще имѣетъ возможность пить водку, праздновать храмовые праздники, крестины и свадьбы. У него и скоть, и лошади, и овечки, есть на чемъ выѣхать, есть во что одѣться зимою, а дѣвка его наряжается въ церковь. Живетъ онъ на той-же землѣ, борозда къ бороздѣ со мною. Онъ меня ободряетъ и успокоиваетъ; сравнительно съ нимъ, я богатъ и роскошникъ.

Суровцовъ былъ знакомъ теоретически съ требованіями правильной агрономіи и вѣрилъ во многія изъ нихъ. Но онъ не пробовалъ заводить у себя ничего новаго, кромѣ того, что давно уже завелъ у себя мужикъ.

— Этотъ вашъ неучъ—мой профессоръ агрономіи, говорилъ онъ сторонникамъ усовершенствованнаго хозяйства. — Пока не пройду у него полного курса, пока не сравняюсь съ нимъ, не смѣю замышлять лучшаго. Онъ видитъ насевозъ зерна и землю, хотя и по-своему судить ихъ; а я еще не отличу второгодней муки отъ нынѣшней, всходовъ пшеницы отъ всходовъ ржи. Погодите, выучусь, тогда самъ начну учить ихъ. А пока выйдетъ одна срамота. Безсиліе не смѣетъ учить силу.

Мужикъ очень понравился Суровцову. Онъ всегда, еще въ дѣтствѣ, любилъ мужика. Очувтившись въ деревнѣ, Суровцовъ вдругъ понялъ, что онъ не космополитъ, а русскій человекъ. Онъ странствовалъ по Европѣ и видѣлъ многое. Онъ понималъ все скверное въ быту и характерѣ мужика. Но все-таки оказывалось, что, несмотря на эти очевидные недостатки, Суровцовъ любитъ цѣликомъ русскую жизнь, русскаго человека. Онъ помнилъ и Женевское озеро у Монтре, и Бернскій Оберландъ въ Интерлакенѣ, и Cogniche Средиземнаго моря, а любилъ душою ровную гладь съ желтыми колосьями, съ туманами лѣсовъ и деревень на горизонтѣ. Среди этой родной глади сердце его замирало такъ, какъ никогда не замирало при видѣ снѣжныхъ альпійскихъ вершинъ. И хотя сознаніе Суровцова, несомнѣнно убѣждало его, на-сколько

разумнѣе, честнѣе и искуснѣе русскаго работника просвѣщенный нѣмецкій работникъ,—однако, Суровцовъ радовался именно видомъ русскаго бородача въ рубашкѣ съ пояскомъ, съ гречишникомъ на головѣ, а ничуть не видомъ бритаго нѣмца въ черномъ сюртукѣ и панталонахъ.

„Отчего это? думалось первое время Суровцову.—Что за дичь любить худшее больше хорошаго?“

Суровцовъ вспомнилъ былые годы дѣтства, когда онъ прїѣзжалъ изъ гимназіи на вакаціи домой; къ нему на-встрѣчу выскакивали мать и братья, няньки и дѣвушки. Всѣ они казались милыми его сердцу, и ни одной чужой красавицѣ, ни одной умницѣ-разумницѣ не обрадовался-бы онъ такъ, какъ радовался виду скудной разумомъ няни своей, подслѣповатой и морщинистой старушонки. На родныхъ лицахъ мы не видимъ того уродства, которое бросается въ глаза постороннему человѣку. Они родныя, они наши, а тѣ чужія, тѣ не наши,—вотъ господствующее чувство человѣка во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Мы добиваемся въ жизни не счастья вообще, а счастья у себя и по-своему; намъ прїятно видѣть не вообще хорошее, а именно свое хорошее. Наша принадлежность къ определенной расѣ животныхъ сказывается здѣсь во всей силѣ. Левретка, можетъ быть, красивѣе дворняшки, бульдогъ, можетъ быть, посильнѣе ея, и все-таки дворняшки будутъ держаться другъ друга, встрѣчая недвусмысленнымъ рычаніемъ появленіе статной левретки или могучаго бульдога.

Съ такимъ взглядомъ на мужика и все мужицкое, Суровцовъ вовсе не считалъ ссылкой въ пустыню къ дикарямъ свою деревенскую жизнь, какъ считаютъ это многіе, особенно неопытвшіе этой жизни. Онъ не только любилъ типъ мужика, какъ родной, съ дѣтства въ него всосавшійся образъ, но и понималъ мужика. Самъ человѣкъ жизни и сердечной искренности, онъ былъ особенно далекъ отъ разныхъ предвзятыхъ идей. Онъ всегда былъ слишкомъ близокъ къ мужику, чтобы его грубый и ограниченный мірокъ вознести до значенія какого-то дѣвственно-могучаго, дѣвственно-чистаго родника, отъ котораго образованному міру слѣдовало съ благоговѣніемъ черпать всю мудрость и нравственность. Еще меньше могъ онъ согласиться съ оскорбительной клеветой той партіи раздраженныхъ и мстительныхъ людей, которые видѣли въ мужикѣ лѣнтяя, мошенника и пьяницу по природѣ.

Суровцовъ, въ отличіе отъ городскихъ теоретиковъ и деревенскихъ эгоистовъ, просто-на-просто *зналъ мужика*. Онъ съ нимъ водился, присматривался и прислушивался къ нему безъ всякаго пристрастія. Твердо зная настоящее мужицкое міросозерцаніе, Суровцовъ считалъ необходимымъ относиться къ мужику на основаніяхъ совершенно практическихъ; онъ не поблажалъ его, не распускалъ, не клалъ ему пальца въ ротъ, не кокетничалъ и не великодушничалъ съ нимъ, какъ дѣлали нѣкоторые теоретическіе ревнители мужицкихъ интересовъ, всегда возбуждавшіе въ самихъ мужикахъ крайнее недовѣріе и осужденіе. Мужику онъ говорилъ „ты“, такъ-какъ иначе мужикъ всегда оглядывается назадъ, не стоитъ - ли за нимъ еще кто; случалось ему нерѣдко и ругнуть, и пугнуть мужика. Безъ этого признака хозяйской власти и хозяйскаго вхожденія въ дѣло, мужикъ, судящій всѣхъ съ своей точки зрѣнія, не призналъ-бы въ немъ хозяина и попросту пересталъ-бы его слушать. Суровцовъ точно также строго относился къ исполненію мужиками своихъ обязательствъ передъ нимъ и въ работахъ былъ требователенъ. Мужики уважали его за это.

— У этого барина работать не разучишься! говорили они одобрительно. — Малаго поплешь — знаешь, что онъ ему не дастъ безъ пути толочься, худому не научить, а научить доброму; и держать въ строгости.

За то всѣ мужики деревни Суровцова и многіе изъ сосѣдей ихъ твердо знали, что въ каждомъ серьезномъ случаѣ, требующемъ помощи, они могли полагаться на суровцовскаго барина, какъ на каменную гору. По утрамъ въ праздники у него въ передней была чистая юридическая консультація. Совѣтовались съ нимъ о раздѣлѣ, о размежеваніи, о выкупахъ и переходахъ на оброкъ, лѣзли къ нему со всякими жалобами и претензіями, увѣренные, что онъ скажетъ „настоящее дѣло“, куда имъ пойти, какъ и что сдѣлать. Отстаивать мужика передъ волостью, передъ посредникомъ, приходилось постоянно Суровцову. Въ плохіе года прежде всего шли къ „суровцовскому барину“ взять хлѣбца взаимы или денегъ подъ работу и вообще разжиться, чѣмъ кому нужно. „Онъ на это простъ“, увѣряли мужики.

Не выдумывая себѣ задачи выбивать мужика изъ его сферы и морочить его вздорами, которые его не приведутъ ни къ чему доброму, однимъ словомъ, признавая мужика мужикомъ, а не чѣмъ-

нибудь инымъ, Суровцовъ въ то-же время отъ души былъ-бы радъ облегчить тяжкую обстановку мужицкаго быта и снабдить этотъ бытъ хотя нѣкоторыми полезными условіями. Его уже нѣсколько лѣтъ занимала мысль устроить въ Пересухѣ и другихъ большихъ селахъ училища подъ своимъ надзоромъ. Съ этой цѣлью онъ даже желалъ попасть въ земскіе гласные, съ наступающаго трехлѣтія. Вообще онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ вопросахъ, касающихся крестьянъ, и нерѣдко возмущалъ застывшія воды шишовской администраціи разными заявленіями и ходатайствами своими въ пользу крестьянъ.

Такимъ образомъ, несмотря на кажущееся уединеніе Суровцова, его деревенская жизнь была полна трудовъ и нравственныхъ стимуловъ. Она нравилась ему гораздо болѣе прежней жизни. Натуралистъ и художникъ были разомъ удовлетворены деревнею. Хозяйство требовало на всякомъ шагѣ разумной, усидчивой работы; жизнь живыхъ тварей, живыхъ травъ и хлѣбовъ заинтересовала его нисколько не менѣе физиологическихъ опытовъ. Онъ цѣлые дни проводилъ зимою въ хлѣвахъ и конюшняхъ, изучая и узнавая лошадь, корову, овцу съ той точки, съ какой онъ никогда не зналъ ихъ, какой онъ часто даже не подозрѣвалъ, но съ которой давно смотритъ на свою скотинку мужикъ, проживающій всю свою жизнь въ тѣсномъ общеніи съ этой скотинкой. Міръ животной жизни Суровцову былъ такъ-же новъ, какъ и тихая растительная жизнь лѣсныхъ деревьевъ и полевныхъ хлѣбовъ. Онъ имѣлъ о нихъ изъ книгъ много очень разнообразныхъ свѣденій, но не зналъ ихъ цѣликомъ, въ ихъ настоящемъ живѣѣ, нерасчлененныхъ и неизмѣненныхъ анализомъ науки. Что зналъ онъ съ чужихъ словъ, въ искусственной оболочкѣ, того онъ долго не могъ признать въ лицо. Новость живыхъ открытій увлекла его какъ открытія науки. Необходимость зарабатывать свой насущный хлѣбъ, тотъ сложный насущный хлѣбъ просвѣщеннаго человѣка, который нельзя жѣрать однимъ кускомъ пици и крышею надъ головою,— не давала Суровцову времени скучать и, скучая, мечтать о другомъ. Желѣзная необходимость имѣть свою успокоивающую и радующую сторону. Она охлаждаетъ всякіе протесты, всякія внутреннія колебанія. „Нужно, нельзя иначе!“— слово великое. Врядъ-ли найдется критеріумъ болѣе прочный для сужденія о дѣйствіяхъ человѣка. А Суровцову это роковое „нужно“ было еще и по душѣ.

„Вы спрашиваете меня, какъ живетъ мнѣ „въ эгоистической матеріальной сферѣ деревенскаго хозяйства“, писалъ онъ своимъ университетскимъ друзьямъ. — Мнѣ живетъ отлично, гораздо лучше, чѣмъ предполагаете вы, чѣмъ предполагалъ я самъ. Я царекъ совершенно отдѣльнаго, хотя и тѣснаго, небольшого мірка. Нигдѣ не можетъ развиваться такая независимость духа, какъ въ деревенскомъ хозяйствѣ. Но нигдѣ-же нѣтъ болѣе строгихъ и точныхъ обязанностей, стало-быть, нигдѣ не можетъ развиваться въ такой степени чувство собственной отвѣтственности. Я подчиненъ повелителю, отъ требованій котораго уклониться немислимо, но подчиненіе которому неоскорбительно для самаго гордаго духа. Имя этого повелителя—„роковые законы природы“. Моя судьба зависитъ отъ безснѣжной зимы, отъ морозной весны, отъ дождливаго лѣта. Двигается по небу грозовая туча, я долженъ покорно выждать, что ей вздумается сдѣлать со мною. Я не знаю прихотей никакого другого начальства, не имѣю надъ собою никакихъ инстанцій, никакихъ регламентовъ и инструкцій, не подвергаюсь ничьему контролю. И, однако, я не смѣю сдѣлать ни одной ошибки, не смѣю упустить ни малѣйшей своей обязанности, потому что въ самой ошибкѣ, въ самомъ упущеніи моемъ и моя кара, быстрая, неотвратимая, роковая. Тутъ необходимѣе быть умнымъ, дѣятельнымъ, внимательнымъ, чѣмъ на кафедрѣ профессора, которая все сноситъ—бездарность, лѣнь и даже заблужденія. Предполагали-ли вы когда-нибудь такую силу воспитательности въ практическомъ хозяйствѣ? А въ немъ есть еще гораздо болѣе силы, да теперь не хочется говорить много. Кстати, вы остроумничаете надъ моимъ новымъ дѣломъ, обзывая его „эгоистическимъ и матеріальнымъ“. Изъ этого ясно, что вы совершенно не знаете моего дѣла. Такъ знайте-же хоть теперь, что сельское хозяйство—дѣло такое-же общественное, какъ и ваше профессорство. Вы думаете, деревня Суровцова на Ратской плотѣ принадлежитъ одному надворному совѣтнику Анатолю Суровцову? Ошибаетесь, друзья мои: надворный совѣтникъ Анатолій Суровцовъ только одинъ изъ множества владѣльцевъ этого общаго имущества. Оно очень мало, а владѣльцевъ очень много. Владѣтели его—мой ключникъ, мой конюхъ, мой скотникъ, мой садовникъ, моя скотница и всѣ вообще мои рабочіе и крестьяне. Я ихъ вправѣ называть моими, такъ-какъ они неизбѣжные мои сотова-

рищи. Моя доля въ общемъ пользованіи нашимъ имуществомъ, говоря безотносительно, побольше ихъ, моя комната почище ихъ, мой столъ повкуснѣе и я не всегда ѣзжу, какъ они, на простой телѣгѣ. Но сравнительно съ нашими потребностями, они получаютъ нисколько не менѣе моего; они по-своему сыты и нагрѣты не хуже меня и имѣютъ свободные праздники, свободные зимніе вечера для игры на балалайкѣ, выпивки и любезничанья съ своими дамами. Я гораздо рѣже имѣю досугъ и почти не имѣю средствъ поразвлечься по своему вкусу. Но, главное, ихъ владѣніе деревнею Суровцовой гораздо прочнѣе моего. Я лѣзу въ долги, чтобы какъ-нибудь удовлетворить насущнымъ потребностямъ хозяйства; нынче я въ барышѣ, завтра у меня могутъ отобрать мое послѣднее достояніе. А имъ на-всегда обезпечено ихъ мѣсячное жалованье и ихъ кусокъ хлѣба. Будеть-ли считаться владѣльцемъ имѣнія надворный совѣтникъ Суровцовъ или купецъ 2-й гильдіи Силай Лаптевъ, Суровцово не обойдется безъ ключника, скотника, конюха и всей рабочей компаніи; и какія-бы бѣды ни стряслись лично надо мною, все - таки суровцовскіе мужички будутъ получать ежегодно по 5 руб. сер. аренды съ каждой пахотной десятины такъ-называемаго моего имѣнья, потому что безъ ихъ сохъ и боронъ никакой купецъ Лаптевъ не обрабатываетъ поля. Но даже при такомъ ограниченіи своихъ правъ, я могу сдѣлать много добра и много зла цѣлой окрестности. Если я сложу руки, не подвину впередъ своего дѣла, не усовершенствую его, мое хозяйство—могила. Некуда наняться, негдѣ ничего заработать, некому продать, не у кого купить сосѣдямъ. Заварилъ я дѣятельное и разнообразное хозяйство,—мнѣ всѣ нужны: плотники, кузнецы, копачи окрестности, всѣ имѣютъ у меня заработокъ подъ-рукою: у одного я куплю свинью на кормъ, у другого соломы для навоза, у третьяго—лошадь куплю и лѣсъ, и доски, и телѣгу, что у кого заготовлено для продажи. У меня тоже всякій купитъ что-нибудь нужное, если я не сплю, а завожу, что можно. Купить и крупъ, и муки съ мельницы, и жеребенка, и теленка на заводъ. Моя дѣятельность возбудитъ, такимъ образомъ, экономическую жизнь въ цѣлой мѣстности. Сбытъ и спросъ облегчаются, возвышается заработная плата, въ глухомъ углу достигается извѣстное удобство. Развѣ это не общественное дѣло, не общественная заслуга? Развѣ это служеніе

эгоизму, когда благосостояніе цѣлаго окологдеа, во многихъ отношеніяхъ зависитъ отъ моей работы? Да, мои друзья, скажите всѣмъ нашимъ, что сладокъ жребій Цинцината! Никогда я не чувствовалъ себя настоящимъ, полнымъ человѣкомъ, пока не очутился деревенскимъ жителемъ. Здѣсь только сознаю я, что я не вѣчный квартирантъ на земномъ шарѣ, невѣдающій, гдѣ останется прахъ его отцовъ, куда онъ самъ пойдетъ мыкаться и гдѣ кончить свое поприще. Эта перспектива кочующаго цыгана не соблазняетъ меня. Человѣку данъ въ обладаніе шаръ земной, и я горжусь, я радуюсь, что мнѣ, Анатолю Суровцову, одному изъ этихъ субъектовъ, принадлежитъ на этомъ земномъ шарѣ кусокъ земли, который я могу связать съ своимъ именемъ, съ именами моихъ отцовъ и моихъ дѣтей. Это право каждаго, и если есть на свѣтѣ несчастные, обиженные судьбою, я нисколько не стремлюсь стать среди нихъ, хотя готовъ помогать ихъ усиліямъ и облегчать, чѣмъ могу, ихъ участь. Скажите всѣмъ нашимъ, что Цинцинатъ чувствуетъ себя здоровымъ, какъ никогда, веселымъ, какъ никто изъ васъ. Природа и безъискусственные люди кругомъ, на плечахъ серьезное, безусловное дѣло, не смѣешь ни болѣть, ни скучать. Пусть скорбящіе обо мнѣ придутъ провождать меня подъ моимъ сельскимъ кровомъ. Омою ноги ихъ и предамъ закланью упитаннаго тѣльца, какъ Авраамъ странникамъ—въ дубравѣ Мамврійской. Они здѣсь поймутъ, что значить питаться плодами рукъ своихъ, ѣсть хлѣбъ изъ муки съ построенной тобою мельницы, пить молоко отъ воспитанныхъ тобою коровъ, и все, отъ масла, яйца, курицы до послѣдняго яблока, огурца или картофелины, которые подаются къ твоему столу, добывать собственнымъ трудомъ, на своей собственной землѣ!“

VI.

Троицынъ день.

Троицынъ день былъ храмовый праздникъ въ селѣ Троицкомъ, что на Прилѣпахъ, или по-просту въ Прилѣпахъ, гдѣ на высокомъ гористомъ берегу, среди просторнаго выгона, за селомъ, стояла издалека видная каменная церковь съ большими фронтонами на колоннахъ, съ свѣже-выкрашеннымъ зеленымъ куполомъ и только-что сложенною каменною оградой массивныхъ разиѣровъ. Это была

самая богатая церковь въ уѣздѣ; Силай Кузьмичъ былъ безсѣбнныиъ церковныиъ старостой и щедро дарилъ на ея иконостасы, колокола и ризы изъ своей объемистой мощны. Къ храмовому празднику онъ нарочно отдѣлалъ новую ограду и заново выназалъ все, что можно было мазать. Приказалъ живописцу Фентису написать на стѣнахъ побольше херувимовъ и угодниковъ, а на главномъ фронтонѣ святую Троицу.

Мужики за нѣсколько дней готовились къ Троицѣ, такъ что уже въ пятницу, за два дня до праздника, во всей окрестности невозможно было нанять людей ни на какую работу. Въ субботу Иванъ Семеновичъ, управляющій генеральши Обуховой, до самаго обѣда не могъ выйти изъ своего флигеля. Флигель стоялъ просто въ осадѣ. Весь рабочій людъ села Спасовъ, отъ кучеровъ и столаровъ до послѣдняго подпаска и свинарницы, требовалъ денегъ. Толпа мужиковъ, своихъ и сосѣднихъ, имѣвшихъ какую-нибудь работу въ спасской экономіи, требовала денегъ. Требовали все, что зажито и заслужено, и требовали еще впередъ. Многіе явились наниматься вновь или продавать что-нибудь. Уступали, навязывались, но всѣ требовали одного — денегъ впередъ. Верховные присланные съ клочками бумажекъ, съ книжками, съ письмами отъ разныхъ лавочниковъ, кабатчиковъ, заводчиковъ — требовали денегъ. Иванъ Семеновичъ просто угорѣлъ, виѣстѣ съ своимъ конторщикомъ. Онъ не понялъ сначала положенія дѣла и началъ отезываться рабочимъ, суя имъ по рублю и по три въ счетъ зажитаго. Но сейчасъ-же оказалось, что всякое сопротивление невозможно и бессмысленно. Самый тихій рабочій, неосмѣливавшійся возвышать голоса, дѣлался упрямымъ и дерзкимъ звѣремъ и лѣзъ за своими деньгами напроломъ, ничего и никого не слушая. Чувствовалось, что подступила непобѣдимая волна и что не остается ничего больше дѣлать, какъ уступить ея напору. Наступившій праздникъ, съ своею ярмарочной толкотней, съ своимъ пятисуточнымъ пьянствомъ, стоялъ властительнымъ призракомъ надъ нехитрыми головами всей этой рабочей толпы и двигалъ ее, какъ морская волна къ единственному источнику всѣхъ предстоящихъ ей радостей — къ получею рубля.

Рука, продавая другому свой трудъ и время, не останавливается на соображеніяхъ и затрудненіяхъ своего хозяина. Ты хозяинъ, ты купилъ меня, значитъ ты сила; подавай мнѣ мою

плату; ты не смѣешь не имѣть денегъ; откуда и какъ ты берешь ихъ—твое дѣло!

Только тутъ Иванъ Семеновичъ понялъ всю роковую необходимость для хозяйства быть всегда при деньгахъ. Завтра тебя, можетъ быть, продадутъ, но нынче ты обязанъ платить и рассчитывать. Въ деревенскомъ хозяйствѣ одинъ день банкротства такъ-же страшнѣе, какъ въ банкѣ. „У спасскихъ не рассчитываютъ!“ проносится грозный шопоть—и спасская экономія на другой день безъ рабочихъ.

Два раза Иванъ Семеновичъ какъ встрепанный бѣгалъ къ генеральшѣ за подкрѣпленіемъ. Генеральша была крайне смущена безстыдствомъ мужиковъ, которые словно по заговору сразу осадили ея кассу; но еще болѣе она была смущена тѣмъ обстоятельствомъ, что, повидимому, такіе дешевые, деревенскіе мужики, послушно пахавшіе и возившіе, въ сущности стоили довольно дорого. Прекрасные урожан, увеселявшіе перспективу будущаго, значить, требовали серьезныхъ затратъ. Вотъ ужъ который мѣсяць ни копейки дохода ни отчего, и все расходы, расходы изъ денегъ, занятыхъ на проценты. Но не передъ однимъ флигелемъ Ивана Семеновича тѣснилась въ это утро толпа, хотя только одинъ Иванъ Семеновичъ съ своею генеральшею удивлялся этому и не рассчитывалъ на это. Старые хозяева давно знали, какъ и чѣмъ встрѣчать имъ большіе мѣстные праздники. У Силая Кузьмича еще въ четвергъ привезли въ прилѣпскую контору изъ города мѣшки съ мѣдью и пачки истрепанныхъ рублевиковъ, и его прикащики съ успокоеннымъ сердцемъ ждали кануна Троицы, увѣренные, что за ничто наймутъ работниковъ на цѣлое лѣто и закупятъ за полцѣны все, что можно купить.

Раннимъ утромъ выѣхалъ Трофимъ Ивановичъ Коптевъ съ своими дочерьми къ ранней обѣднѣ. Ему до Троицы было верстъ десять, а онъ не любилъ пропускать начало обѣдни. Его дочери—Варя, Даша и Лиза—ѣхали въ коляскѣ съ крестницею Вари, дочерью кормилицы, а Надю, какъ младшую, посадили въ тарантасъ съ отцомъ. Надю особенно радовало всегда раннее утро. Въ бѣломъ кисейномъ платьѣ домашняго фасона, съ безхитростнымъ розовымъ поясомъ и розовыми ленточками, она сидѣла безмолвно

на своемъ мѣстѣ и ея дѣтски-полное и дѣтски-свѣжее личико съ серьезными не по-дѣтски глазами все насквозь теплилось тихимъ счастьемъ. Въ душѣ Нади сіяло такое-же ясное весеннее утро, какъ и на молочно-зеленыхъ росистыхъ поляхъ, мягко разстилавшихся кругомъ. Жаворонки окунались въ росу зеленой, какъ въ ключевую воду, и свѣчками поднимались изъ нея высоко вверхъ, въ голубую безоблачную бездну, трепеща крылушками и заливаясь счастливыми пѣснями тамъ наверху, въ своемъ незримомъ и недоступномъ одиночествѣ.

Надѣ ничего не думалось: она думала рѣдко и немного и была давно убѣждена, что не умѣетъ думать; но Надя за то жила; она смотрѣла кругомъ, на жаворонковъ, на зеленныя поля, на солнечное небо, и сердце ея окуналось, подымалось и парило вмѣстѣ съ жаворонками и съ ихъ утренней пѣсней.

Трофимъ Ивановичъ усѣлся неловко и грузно своимъ тучнымъ тѣломъ, въ тяжелой бекешѣ, занявъ почти весь тарантасъ и задвинулъ Надю въ уголь; онъ курилъ сигару, ворча что-то себѣ подъ носъ, заботливо оглядывалъ поля, хмурился, моталъ головою, весь погруженный въ свои хозяйственныя соображенія, и не замѣчалъ ни жаворонковъ, ни Нади. А Надѣ было такъ по сердцу его молчаніе. Она боялась спугнуть съ своей души то очарованіе, которое овладѣло ею въ полѣ. Ей всегда было пріятнѣе подалше отъ болтовни и суеты, поближе къ природѣ, солнцу и птицамъ. Вотъ тарантасъ съѣхалъ въ зеленую лошину, и кругомъ заестрѣлъ яркими желтыми звѣздами густой и яркій, какъ зеленый бархатъ, давно знакомый Надѣ лугъ. Бабочки порхали надъ цвѣтами, будто тѣ-же ожившіе и двигающіеся цвѣты. Дружно жужжали пчелы вокругъ золотыхъ одуванчиковъ. Сѣдлстая и длинная матка съ умною мордою, отфыркиваясь отъ росы, смотритъ на тройку, чуть не по колѣни уходя въ сочную и кудрявую траву, а сосунокъ ея, пушистый и сѣренькій, какъ мышенокъ, словно полоумный несется на своихъ высокихъ и хрупкихъ ножкахъ прочь отъ звона и шума колесъ, высоко подбрасывая задомъ.

Надя такъ-бы и прыгнула на этотъ мягкій зеленый коверъ, къ цвѣтамъ и бабочкамъ. А тройка свѣтло-рыжихъ коньковъ, крѣпкихъ и круглыхъ, какъ огурчики, ужъ бойко вынесла тарантасъ изъ луговой лошины и весело несется опять по ровному

полю, взмахивая вихрами, гривами и кистями мѣднаго набора, чуть не подметающими дорогу.

Вотъ ужъ сталъ попадаться народъ, собиравшійся въ церковь: толпы разряженныхъ, многоцвѣтныхъ дѣвокъ босикомъ, съ башмаками за спиною, на телѣгахъ старухи въ бѣлыхъ чистыхъ повязкахъ и новыхъ синихъ армякахъ, мужики съ длинными палками. Всѣ низко кланяются проѣзжающему барину и съ дружеской лаской поглядываютъ на хорошенькую барышню. Надя почти всѣхъ знаетъ, всю подноготную: какъ зовутъ и сколько дѣтей, и когда собирается родить, и какъ съ ней мужъ обращается. Той улыбнулась весело, той шутливо погрозила своимъ маленькимъ кулачкомъ въ перчаткѣ. Вонъ ужъ и Троицкое на Прилѣпахъ. Бѣлый соборъ красуется среди зелени на мѣловомъ обрывѣ. Солнце играетъ на крестахъ; по зеленому выгону, будто черныя мухи, ползетъ въ церковь народъ, и густой звонъ большого колокола какимъ-то настойчивымъ праздничнымъ боемъ разливается далеко по деревенскимъ полямъ.

Вдругъ у самаго уха Нади раздался быстрый топотъ; не успѣла она вздрогнуть, какъ со стороны Трофима Ивановича въ полуоткрытый тарантасъ заглянуло веселое лицо Суровцова. Онъ былъ верхомъ.

— Здравствуйте, вотъ и я васъ догналъ! говорилъ онъ, сдерживая горячившуюся лошадь и раскланиваясь съ Коптевыми. — Вы къ Троицѣ?

— Къ Троицѣ; мы всегда къ ранней ѣздимъ, отвѣчалъ Трофимъ Ивановичъ. — А то, знаете, кофею пришлось-бы долго не пить... Я вѣдь до обѣдни ничего не пью. Говорятъ, грѣшно, ну и не пью... Не хочу грѣшить...

— Да и ѣхать прохладнѣе, прибавилъ Суровцовъ. — Заѣдете къ Лаптеву?

— Не знаю, должно быть придется заѣхать; онъ вѣдь всѣхъ тащить, отъ него не отдѣлаетесь. Тамъ, батюшка, насчетъ чего другого, а ужъ осетринки хорошей покушаете, коли охотникъ. Заѣзжайте-ка и вы; вѣдь вы его знаете?

— Можетъ быть, заѣду; его-то иногда видаю, говорилъ...

— Что это вы въ церковь вдругъ собрались? заговорилъ съ усиѣшкой Коптевъ послѣ минуты молчанія. — Я, признаться, за

нехристя васъ считаль, за атеиста... Вы будто бываете когда въ церкви?

— Вотъ грѣхководникъ! разсѣянно отшучивался Суровцовъ. — Въ церковь меня не хочетъ пускать; знаете, меня и крестили-то въ Троицкой церкви. А я ужасно люблю этотъ праздникъ, признаюсь вамъ, особенно въ деревнѣ... Такой красивый, зеленый.

Надя повернула свое лицо къ Суровцову съ самою наивною и благодарною улыбкою. Ей вдругъ необыкновенно понравилось, что ея любимый праздникъ оказался любимымъ днемъ Суровцова. Суровцовъ посмотрѣлъ на Надю и засмѣялся своимъ задушевнымъ смѣхомъ:

— Я вижу по глазамъ Надежды Трофимовны, что и она тоже любить деревенскую Троицу! сказала онъ. — Она еще не умѣетъ скрывать того, что думаетъ.

— Да, я очень, очень люблю этотъ день... въ церкви, тепло и серьезно отвѣчала Надя.

Суровцовъ между тѣмъ обогналъ тарантасъ, чтобы повидать-ся съ старшими барышнями въ коляскѣ.

Надя слегка откинулась въ задокъ тарантаса и, спокойно сложивъ на колѣняхъ свои тонкія и красивыя руки, въ тихой задумчивости слѣдила за движеніями всадника, провожавшаго коляску.

„Какіе у него добрые и прекрасные глаза; у него должно быть такое-же доброе и прекрасное сердце“, думалось ей, и тихое лѣтнее утро, сіявшее въ душѣ Нади, сіяло для нея теперь еще свѣтлѣе, еще радостнѣе.

Вокругъ церкви сновали толпы народа; мужицкія телѣги парами стояли цѣлымъ станомъ. Бабы и мужики, всѣ въ новомъ, въ цвѣтномъ, сидѣли на приступкахъ крыльца, на отливахъ ограды, и прямо, кружками, на зеленой травѣ. Обѣдня еще не началась. Толпа бородатыхъ мужиковъ, важныхъ и саовитныхъ, въ высокихъ гречаникахъ, въ свѣжихъ черныхъ охабняхъ, опоясанныхъ кушаками, въ мазаныхъ новыхъ сапогахъ, стояла и сидѣла около церковныхъ воротъ, и, опершись на длинные посохи, вела тихую бесѣду. Суровцовъ, художникъ въ душѣ, залюбовался на эту группу и, не слѣзая съ коня, старался запомнить самыя типическія позы для своего альбома.

— Что вы смотрите? спросила его -Варя Коцтева, проходя въ церковь подъ руку съ Надею.

— Да вотъ на эту кучку мужиковъ! восхищался Суровцовъ, не отворачивая глазъ.— Что за характерныя фигуры! Чисто старѣйшины какого-нибудь древняго славянскаго племени, творящiе судъ... Вонъ тотъ, съ лысой головою, съ бородой по поясъ, — настоящiй Гостомыслъ!

— Варичка, тихо шепнула Надя, прижимаясь къ плечу сестры, когда онѣ уже были на паперти, — кто такой былъ Гостомыслъ?

Когда Варя отвѣтила, кто былъ Гостомыслъ, Надя обернулась и нѣсколько секундъ пристально смотрѣла на бородатаго старика.

— Теперь я буду помнить, прошептала она.— Варичка! вѣдь я очень мало учена, мало знаю! прибавила Надя, съ какимъ-то сокрушенiемъ опустивъ свою голову, какъ розанъ на стебелькѣ.

Онѣ уже стояли на обычномъ своемъ мѣстѣ у праваго клироса, и Варя раскланивалась глазами и улыбками съ знакомыми, стоявшими подальше.

И точно, веселый праздникъ — Троицынъ день. Церковь обращена въ березовую рощу. Свѣжая, душистая трава подъ ногами, молодыя березки у оконъ, у дверей, подъ иконами и надъ иконами. Не чувствуешь того спертаго воздуха, того тяжелаго запаха тулуповъ, сапоговъ, пота и восковыхъ свѣчей, которыми полна церковь въ Свѣтлое Христово Воскресенье или въ Рождество. Окна открыты и утреннiй вѣтерокъ колышетъ зеленыя косы березокъ и красныя огоньки свѣчей. Вмѣсто овчинныхъ тулуповъ пестрыя паневы и сарафаны, яркiе платки на головахъ и на плечахъ бабъ, яркiя рубашки на парняхъ; народъ горитъ, какъ маковъ цвѣтъ; образа убраны цвѣтами — настоящiй праздникъ весны, тепла, цвѣтовъ и зелени...

Началась обѣдня. На правомъ клиросѣ пѣлъ хоръ мѣщанъ изъ городского собора, на лѣвомъ троицкiе дьячки. Мѣщанинъ Корытинъ, нарочно выписанный Силаемъ Кузьмичемъ изъ Карачева для городского собора, котораго старостою также былъ Силай Кузьмичъ, поражалъ прихожанъ Троицы своею неимоверною октавою. Здоровенная сомовья морда Корытина, вся въ рябинахъ, съ узенькими глазами и маленькимъ лбомъ, съ челюстями въ видѣ двухъ чугунныхъ сковородъ, глупо выглядывала на деревенскихъ барынь и барышень изъ-за пѣвчихъ. Троицкiе дьячки лѣзли изъ

кожи, чтобы не оконфузиться передъ городскимъ хоромъ, для чего подкрѣпили себя двумя семинаристами, прѣхавшими на вакаціи къ празднику. Сялай Кузьмичъ важно стоялъ за свѣчными прилавкомъ и, надвинувъ на лобъ очки, медленно пересчитывалъ выручаемые пятаки и тройчатки, покрикивая кой-когда на ктитор и поногаря.

Вся мѣстная знать собралась къ Троицѣ. Первая изъ мѣстныхъ барынь, госпожа Каншина, стояла на своемъ привилегированномъ мѣстѣ на привезенномъ изъ дому очень красивомъ коврѣ, одѣтая вся въ какія-то воздушныя бѣлыя покрывала и окруженная, какъ оперная Норма своими весталками, своими тремя дочками, въ такихъ-же пышныхъ, бѣлыхъ нарядахъ; у каждой въ рукѣ былъ крошечный молитвенникъ въ малиновомъ бархатѣ и шитая подушечка у ногъ. Приличный лакей большого роста, въ ливреѣ и штіблетахъ, стоялъ сзади, перекинувъ черезъ руку мантильи барышень. Госпожа Каншина съ снисходительнымъ величіемъ обращала иногда свои взоры на дѣвицъ Коптевыхъ, такъ мало знакомыхъ съ тонкостями моды, и, узнвъ всю смѣшную неловкость ихъ деревенскаго наряда, съ улыбкой кроткаго сожалѣнья переносила свой взглядъ на икону Богоматери, какъ-бы прося ее помиловать грѣшныхъ...

Генеральша Обухова прѣхала поздно; когда она, протискиваясь съ своей Лидочкой и гувернантками сквозь толпу народа, съ легкой улыбкой поклонилась госпожѣ Каншиной, то эта величественная дама сдѣлала своими круглыми плечами, бѣлою, полною шею и олимпійскою головою такое плавное и горделивое движеніе, которое можно было счесть и за сдержанный поклонъ, и за строгій наблюдательный взглядъ. Что касается дѣвицъ, то всѣ три дѣвицы были погружены въ листки бархатныхъ молитвенниковъ, которые онѣ изрѣдка перелистывали своими точными пальчиками, одѣтыми въ бѣлыя шелковыя нитени.

Лидочка смѣялась и радовалась, очутившись среди зелени, цвѣтовъ и яркихъ нарядовъ. Она совсѣмъ не молилась и, къ досадѣ своей шатап и гувернантокъ, поминутно оглядывалась то на Каншинныхъ, то на Коптевыхъ, то на деревенскихъ бабъ. Она помирала со смѣху, глядя на глупую рожу Корытина, и скоро учредила цѣлую систему сигналовъ глазами, улыбками, кивками головы для переговоровъ съ знакомыми дѣвицами и ка-

валерами, удаленными отъ нея толпою. Миссъ Гукъ каменѣла отъ сдержанной досады; чѣмъ болѣе возилась и вертѣлась Лидокъ, тѣмъ неподвижнѣе и суше становился сухой и неподвижный скелетъ строгой англичанки.

Мужчины тоже не долго ждали и мало-по-малу всѣ протиснулись къ Лидочкѣ. Г-жа Каншина обдала ихъ и Лидочку минолетнымъ саркастическимъ взглядомъ и тотчасъ-же со вздохомъ возвела очи горѣ, къ престолу Всевышняго... „Боже, прости ихъ, не вѣдаютъ бо, что творять“, казалось, говорили эти благочестивыя очи. А три дѣвицы въ бѣломъ только перевернули листки своихъ молитвенниковъ, не подымая глазъ. Суровцовъ одинъ изъ первыхъ подошелъ къ Лидѣ. Она явилась въ церковь въ платьѣ какого-то персиковаго цвѣта, кокетливо подобранномъ и необыкновенно хорошо сидѣвшемъ на ея роскошномъ станѣ. Разрумяненная утреннею поѣздкой и собственнымъ своимъ веселымъ настроеніемъ, она глядѣла среди толпы этихъ рѣзко-окрашенныхъ нарядовъ, грубыхъ лицъ и неуклюжихъ тѣлъ — всею нѣжною свѣжестью живого, наливающегося персика. Молодой юнкеръ Штраусъ приволокъ въ церковь цѣлый цвѣтникъ садовыхъ цвѣтовъ и Лидочка сейчасъ-же отобрала у него для своей головы палевые ирисы, которые она потихоньку воткнула одинъ за другимъ въ волну своихъ каштановыхъ волосъ.

Юнкеръ, осласливленный Лидою, толкался по церкви отъ одного оазиса барышень до другого и всѣмъ предлагалъ цвѣты. Впрочемъ, госпожа Каншина не допустила его даже до ковра, на которомъ стояли ея дочери, и убійственнымъ, ледянымъ поклономъ предупредила всякую попытку юнаго воина снабдить цвѣтами непорочныхъ весталокъ. Надя тоже взяла изъ корзины красный цвѣтокъ съ зеленью и откровенно укрѣпила его сбоку головы, не заботясь ни объ эффектѣ, ни о безпощадныхъ взглядахъ госпожи Каншиной.

— Этотъ букетъ дайте мнѣ тоже, прабавила она, вынимая связанный пучекъ махровыхъ нарцисовъ и гіацинтовъ. — Я его буду держать въ рукахъ.

— Приколите его на вашу грудь, *mademoiselle Nadine*, челъ долгомъ полюбезничать юнкеръ, никогда неупускавшій случая дать примѣрное сраженіе. — Я буду счастливъ, что мой цвѣтокъ...

— Вы всегда говорите глупости... довольно громко перебила его Надя равнодушнымъ тономъ и отвернулась въ другую сторону.

Смущенный юнкеръ протискивался дальше, къ болѣе покладистымъ дѣвицамъ, которыя улыбались ему еще издали.

Служенье въ Троицкой церкви производилось соборно. Перво-священствовалъ городской протопопъ, сѣдой, почти оглохшій старичекъ властительнаго вида, съ орденской ленточкой на шеѣ. Ему сослужили еще два священника: свой, троицкій, и сосѣдъ изъ Спасовъ, отецъ Варфоломей. Собственно говоря, приглашать отца Варфоломея было крайне рискованно, потому что онъ еще въ заутрени былъ необыкновенно веселъ и наклоненъ къ пѣнію. Но такъ-какъ троицкаго попа, какъ сосѣда, приглашали на служенье въ Спасы акуратно три раза въ годъ, въ Спаса-Преображенье, въ Спасъ-Нерукотворенный и въ Спаса-Макавія, — то политика требовала непременно сослуженія отца Варфоломея въ Троицкой церкви на Троицынъ день. Сѣдой протопопъ, благочинный, крайне недружелюбно поглядывалъ на веселаго Варфоломея, который въ концѣ обѣдни до того заврался, что вмѣсто одной молитвы, слѣдовавшей послѣ эктеіи, произнесъ другую... Больше всего утѣшалась проказами Варфоломея веселая Лидочка.

— Что это за безобразникъ? спрашивалъ ее Суровцовъ.

— Вы не смѣете называть его безобразникомъ, хохотала Лида, — это нашъ спасскій священникъ, мой духовникъ. Вы когда-нибудь исповѣдуетесь?

— Я готовъ всегда исповѣдаться, только не попу, шутилъ Суровцовъ.

— Кому-же, монаху, схимнику? продолжала смѣяться Лида. — Вы знаете, у меня есть няня Афонасьевна, которая схимонаха называетъ спимонахомъ. Вы знаете мою Афонасьевну?

— Право, васъ сѣдой протопопъ поставитъ на поклонъ; вы такъ смѣтаетесь, говорилъ Суровцовъ, неудержимо увлекаемый веселостью Лиды. — Хоть притворитесь немного, что молитесь.

— За насъ за всѣхъ притворяется madame Кяншина. Неужели протопопу мало ея и трехъ ея дѣвицъ? болтала Лида.

Генеральша обернулась къ Лидѣ съ безмолвною укоризною и мольбою на лицѣ.

— Видите, маман сердится, шепнула Лида Суровцову. —

Это вы меня все смѣшите. Погодите, я стану на колѣни, какъ молятся моя няня, и ничего не буду говорить съ вами; тогда сейчасъ буду святая. Бросьте мнѣ вашъ пледъ подъ ноги.

Суровцовъ спустилъ пледъ съ своей руки.

— Кто-же теперь становится на колѣни? говорилъ онъ шутиливо.— Вы погодите, когда Херувимскую запоютъ.

— Нѣтъ, ужъ я ждать не буду, я ужасно утомилась, кокетничала Лида, скорѣе усаживаясь на пледъ, чѣмъ становясь на колѣни, а потомъ прибавила забавно-испуганнымъ шопотомъ:— а долго еще протянется обѣдня?

— Ну, я въ этомъ плохой знатокъ; часокъ, должно быть, стоимъ.

— Вы знаете на память какую-нибудь молитву? спросила Лида черезъ минуту, безпокойно ерзая на колѣняхъ.

— Конечно, знаю, смѣялся Суровцовъ:— Отче знаю, Вѣрую, Богородицу.

— О, о! эти-то и я знаю! это какія-же молитвы. А вотъ няня моя читаетъ по ночамъ молитвы. Такъ тѣ вотъ, должно быть, настоящія; длинныя такія, непонятныя; тѣхъ вы навѣрное не знаете. Она такъ пугала меня по ночамъ, когда я была маленькая; стоитъ-себѣ, какъ привидѣнье, сѣдая вся, бѣлая, и такимъ страшнымъ, глухимъ голосомъ гудитъ: раба Абрама, раба Константина, раба Увара... Я все думала, что она смерть или вѣдьма.

Лида говорила это такимъ серьезнымъ тономъ, что Суровцовъ едва не разсмѣялся на всю церковь.

— Отойти отъ васъ, пока до грѣха, сказалъ онъ.— Священникъ и безъ того на меня сталъ хмуриться. А съ вами надѣлаетъ дѣлъ...

— Не смѣйте отходить, Анатолій Николаевичъ, а то я засну, шептала съ убѣжденіемъ Лида.

Силай Кузьмичъ, по случаю своего бенефиса, пригласилъ съ протопопомъ и знаменитаго въ шишовскомъ уѣздѣ „горластаго дьякона“ изъ городского собора. Горластый дьяконъ былъ огромный рыжий дѣтина безъ шеи, съ плечами, изъ которыхъ можно было выгадать хорошую дубовую ось, съ цѣлою копною волнистыхъ рыжихъ волосъ на всегда мокромъ лицѣ, красномъ какъ солонина. Чтеніе евангелія и многолѣтіе были главнымъ источни-

комъ его славы. Когда вынесли передъ царскія врата нагой, и басистый дьяконъ, заслонивъ вдругъ царскія двери своею дужою фигурую съ высоко-поднятымъ надъ головою кованнымъ евангеліемъ, на всю церковь грянулъ, толпа замерла отъ ожиданія. Неспѣшно и торжественно, будто восходя по высокимъ ступенямъ, отрубаль дьяконъ своимъ громовымъ басомъ слова святого Писанія, все болѣе и болѣе возвышая и протягивая голосъ, и, наконецъ, закончилъ такую отчаянно-высокой и безконечно-протяжной горю, что даже мѣщанинъ Корытинъ съ одобреніемъ подмигнулъ товарищу тенору, а стекла въ окнахъ Троицкаго храма легонько задрезбжали. Шопоть удивленія пробѣжалъ по толпѣ, слышныи даже сквозь дружныи возгласъ хора: „Слава тебѣ, Боже, слава тебѣ!“ Силай Кузьмичъ самодовольно поглядывалъ на народъ, чувствуя, что онъ одинъ былъ виновникомъ этого всеобщаго наслажденія. Впрочемъ, народъ только-что передъ этимъ удивлялся другой знаменитости, другому герою дня—мѣщанину Корытину. Мѣщанинъ Корытинъ вышелъ съ Апостоламъ въ рукахъ, въ новомъ длиннополомъ сюртукѣ изъ люстрина вишневаго цвѣта, спокойно и медленно, какъ подобаетъ непоколебимо установившемуся авторитету. При его появленіи отецъ Варфоломей, стоявшій за престоломъ, обнаружилъ нѣсколько легкомысленное и слишкомъ очевидное любопытство, перегнувшись въ его сторону своимъ маслянымъ лицомъ. Мѣщанинъ Корытинъ, въ противоположность дьяконовой горѣ, читалъ низкою, могучею октавою, словно изъ его чугунной груди лилась, какъ изъ доменной печи, струя какого-то несокрушимаго и тяжкаго метала. Этотъ зычный ревъ не стоилъ ему ни малѣйшаго усилія; только огромныя губы, вытянутыя въ воронку, открывались и закрывались, какъ била молотильной машины, среди его плоскаго, рябого лица, да слегка надулись синія жилы его воловьей шеи. Послѣднюю ноту мѣщанинъ Корытинъ пустилъ такъ глубоко и низко, что, казалось, она взрѣвала землю подъ ногами. Отецъ Варфоломей, страстный любитель октавы, разцвѣлъ отъ удовольствія, а самъ Силай Кузьмичъ, поправивъ очки на носу, сказалъ вполголоса ктитору: „важно спустилъ!..“

Когда стали звонить къ Достойной, около Лидочки вдругъ появился нѣкто Протасевъ. Онъ едва качнулъ ей головою и сталъ совсѣмъ близко къ ея плечу, словно Лидочка была его сестра, съ которой онъ только-что видѣлся дома.

— Вотъ и я къ вамъ, сказалъ онъ сквозь зубы по-французски, взбрасывая на носъ свое ріпсе-пез и съ презрительною гримасою оглядывая сквозь него присутствовавшихъ у обѣдни, причеиъ онъ повернулся къ алтарю почти спиной. — Тутъ у васъ и публика есть... барышни, барыньки... Что это за народъ?

— Вы-же ихъ всѣхъ хорошо знаете, удивилась Лида:— Каншины, Коптевы...

— Д-да-да-да-да!.. Каншины, Коптевы, et cetera, et cetera, бормоталъ разсѣянно Протасевъ, съ невозмутимымъ хладнокровиемъ переноса свое ріпсе-пез на Лидочку и рассматривая ее почти въ упоръ.— Гмъ... вотъ какъ! Вы нынче couleur рёche... Мило, къ вамъ идетъ... Чѣмъ ближе къ couleur chair, тѣмъ пріятнѣе глазу.

Онъ сдѣлалъ видъ, что только сейчасъ замѣтилъ г-жу Обухову и ея гувернантокъ:

— Bonjour, bonjour, цѣдилъ онъ сквозь зубы, улыбаясь не то насмѣшливо, не то презрительно.— И вы тутъ?

Суровцовъ скоро замѣтилъ, что онъ не нуженъ больше Лидочкѣ. Незамѣтно для самой себя, но слишкомъ замѣтно для Суровцова, она мало-по-малу втянулась въ злую болтовню пресвященнаго деревенскаго льва и пустилась ломать, въ состязаніи съ нимъ, неопытное копье своего свѣтскаго остроумія, позабывъ о Суровцовѣ. Онъ отодвинулся отъ нихъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, потому что вздорная болтовня вообще была ему не по вкусу, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то острое и горькое кольнуло его въ сердце. Взглядъ его самъ собою, какъ-бы ища успокоенія и забвенія, перенесся къ правому клиросу, гдѣ стояли Коптевы.

Надя стояла вся на виду, въ своемъ довольно жѣшкватомъ бѣломъ платьицѣ; ея милое дѣтское лицо было проникнуто какимъ-то жаркимъ чувствомъ, которое со всею беззавѣтною искренностью дѣтства свѣтилось огоньками въ черныхъ, серьезныхъ глазкахъ и дышало на ея полуоткрытыхъ губахъ. Надя не молилась, потому что она совсѣмъ не умѣла молиться и инстинктивно даже считала лишней всякую формальную молитву, въ данномъ мѣстѣ и въ данный срокъ, хотя не рѣшалась сознавать это отчетливо. Но на Надю находили иногда минуты совершенно молитвеннаго настроенія; она глубоко цѣнила эти мгновенія и часто черпала въ нихъ рѣшеніе своихъ серьезныхъ поступковъ... Въ торжествен-

ности и могуществомъ подобныхъ мгновений она видѣла въявіе какой-то высшей, властительной и нравственной силы, и вся религіозность Нади коренилась на этихъ приливахъ одушевленія... Она вѣрнѣе вѣрила, что есть на свѣтѣ Богъ правды и доброты, видящій доброе и злое, помогающій страданію, карающій дурныхъ людей и дурныя дѣла. Этотъ Богъ осѣнялъ ее, съ нимъ она бесѣдовала въ эти дорогія для нея минуты сладкаго ощущенія и чистыхъ намѣреній. Но воображеніе ея, бѣдное художественнымъ элементомъ, не имѣло никакой потребности придавать опредѣленную форму существу, въ которомъ она полагала весь смыслъ міра и жизни; прямой дѣвственный разумъ ея, безъ изученія, безъ сомнѣній, безъ препирательствъ, инстинктивно поддавался неяснымъ влеченіямъ сердца, мистическимъ порывамъ, которымъ неученая Надя не хотѣла и не умѣла придать характера сознательности... Чувствуя свое умственное безсиліе, свою крайнюю бѣдность знаній, она боялась отваживаться на опасное поле свободныхъ сужденій о предметѣ такой огромной важности. Она и безъ того подозрѣвала, что, можетъ быть, дѣлаетъ не хорошо, не выполняя того, что выполняютъ другіе христіане, и пришла-бы въ ужасъ, если-бы ей доказали, что ея религія не имѣетъ реальной формы. Въ послѣдній годъ, когда серьезные вопросы, прежде нетревожившіе ее, стали все чаще и настойчивѣе возникать въ ея душѣ, Надя даже не-на-шутку обдумывала, какъ-бы ей попросить отца Матвѣя пройти съ нею катехизисъ и объяснить ей всѣ тайны религіи, въ которыхъ она признавала себя жалкою невѣждою. Она была убѣждена, что пространный катехизисъ раскроетъ ей цѣлый великій міръ новой жизни, недоступный пока ея глупенькой головкѣ, и если-бы она не нашла этого въ учебникѣ катехизиса, разочарованіе ея было-бы глубоко-горькое; Надя вообще имѣла благоговѣнное понятіе о книгахъ и объ ученыхъ людяхъ, и горе было-бы этимъ книгамъ и людямъ и особенно ея собственному наивно-вѣрующему сердцу, если-бы передъ неподкупною пытливостью ея ума обнаружилась пустота и ложь тѣхъ книгъ, людей и ихъ заученныхъ фразъ, въ которыхъ чаялось Надѣ откровеніе вѣчной истины.

Не служба отца протопопа возбудила въ сердцѣ Нади это торжественное настроеніе. Этихъ молодымъ, расцвѣтающимъ организмомъ овладѣлъ безотчетный восторгъ отъ ощущенія своей соб-

ственной внутренней красоты. Когда розовый свѣтъ и благоуханіе наполняютъ нану собственную душу, люди и природа кажутся намъ исполненными благоуханія и свѣта. Надя трепетала счастіемъ бытія, и ей казалось, что все кругомъ нея дышетъ тѣмъ-же счастіемъ: прошедшее, настоящее и будущее. Жизнь раскрывала передъ нею безконечныя перспективы любви, радости и добра, гдѣ всѣ люди шли вмѣстѣ, въ одномъ братскомъ объятіи, помогая другъ другу, радуясь радости другого и скорбя его скорбью. Въ эти минуты святого восторга Надя прижимала къ своему любящему сердцу весь міръ, вѣрила всѣмъ и надѣялась на все. Въ открытыя узкія и высокія окна деревенскаго храма тянуль утренній вѣтерокъ и подъ его освѣжающимъ дыханіемъ шелестили и колыхались, какъ живыя, зеленныя макушки березокъ и яркіе букеты, которыми почти сплошь былъ убранъ иконостасъ. Блѣдно-красныя огоньки свѣчей тоже колыхались вмѣстѣ съ листьями и цвѣтами, и отблескъ золотыми искрами перебѣгалъ по серебрянымъ окладамъ иконъ и по чашамъ массивныхъ подсвѣчниковъ. Природа казалась такъ-же хороша и добра, какъ люди; вѣчное лѣто, вѣчныя цвѣты и прохлада. Старые и малые собрались въ божьемъ храмѣ, на теплую молитву, всякій довольный своей судьбою, всѣ въ праздничныхъ нарядахъ, свободные отъ работъ и заботъ, въ вроткомъ и безкорыстномъ настроеніи. Надя всѣхъ ихъ видитъ, всѣхъ держитъ въ своемъ сердцѣ и словно предстательствуетъ за всѣхъ за нихъ передъ источникомъ любви и добра, къ которому возносится ея мысль. Такъ художники возрожденія изображаютъ Мадонну, безпорочную дѣву съ материнскимъ сердцемъ; она стоитъ надъ толпою молящихся, сама сосредоточенная въ молитвѣ, и черезъ нее возносится къ небу, очищенная какъ въ горнилѣ, общая молитва грѣшниковъ, толпящихся подъ ея покровомъ. Средневѣковые художники окружали сіяніемъ лики святыхъ людей... Поль Деларошъ нарисовалъ свою мученицу, плывущую по волнамъ Тибра, съ такимъ просвѣщеннымъ лицомъ, что она освѣщаетъ тьму ночи, даже и безъ ореола, надъ нимъ парящаго. Эта мысль наивнаго благочестія родилась недаромъ. Какой-то чудесный свѣтъ дѣйствительно исходитъ отъ святой души, и когда Надя стояла передъ алтаремъ въ своемъ бѣломъ платьѣ, вся насквозь теплая материнскою любовью къ людямъ и

вѣрою во всеобщее счастье людей, молодая, непорочная и прекрасная, какъ только-что распустившаяся бѣлая лилія, — на лицѣ ея было сіянье святости, если не видимое, то чувствуемое всѣми, кто глядѣлъ на нее.

Отецъ Варфоломей уже давно таялъ въ нѣжныхъ улыбкахъ, съ безконечнымъ сочувствіемъ любясь на милую дѣвушку, стоявшую у него на виду, и строгій протопопъ напрасно принималъ его дѣйствительно некрасивыя, но очень искреннія улыбки за гримасы подгулявшаго человѣка. Вѣдь и библейскій первосвященникъ счелъ когда-то за пьяную добрую женщину, которую овладѣлъ религіозный восторгъ. Дьячки съ праваго клироса точно также любовно посматривали на коптевскую барышню, словно и въ ихъ огрубѣвшія души образъ чистой дѣвушки вносилъ невѣдомый миръ и отраду. Даже чужой человѣкъ, незнавшій и по слухамъ коптевской барышни, рабой мѣщанинъ Корытинъ, съ сомовымъ ртомъ, доступный впечатлѣнію одного зелена-вина да мѣдной полтины, — и тотъ былъ тронутъ всепобѣждающимъ выраженіемъ нравственной красоты, свѣтившимся на лицѣ Нади. Суровцовъ былъ нѣсколько минутъ прикованъ этимъ выраженіемъ. Онъ зналъ Надю мало, и хотя, по психологическому чутью художника, предчувствовалъ въ ней много самобытной силы, но какъ-то не имѣлъ до сихъ цорь ни случая, ни особаго желанья останавливаться на ней. Здѣсь, въ церкви, онъ вдругъ будто понялъ Надю и исполнился къ ней какой-то благоговѣйной симпатіи.

Между тѣмъ бесѣда Лиды съ Протасьевымъ разрасталась все безцеремоннѣе и оживленнѣе; она начала скандализировать даже скромный деревенскій причтъ и неразмышляющій деревенскій людъ, давно привыкшій къ тому, что господа не постыдятся и не молятся.

Бѣдная генеральша Обухова, сознавая свое безсиліе противъ Лиды, притворялась, что не замѣчаетъ ничего, происходящаго за ея спиною, и усердіемъ поклоновъ, крестнаго знаменія и воздѣтыхъ къ небу взглядовъ словно старалась загладить вѣтренность своей баловницы, а миссъ Гугъ, въ своихъ тугонакрашенныхъ юбкахъ и съ фізіономіей, непричастной ничему земному, — стояла,

хотя безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ протестомъ противъ совершавшагося около нея неприличія. Госпожа Каншина мѣла отъ внутренняго удовольствія, имѣя въ рукахъ такое несомнѣнное и торжественное посрамленіе дома Обуховыхъ, кичившагося, какъ она была увѣрена, своимъ генеральствомъ и своею столичною благовоспитанностью. Госпожа Каншина, конечно, не позволяла себѣ, какъ какаѣ-нибудь деревенская попадья, глазѣть въ упоръ на легкомысленную пару; ей достаточно было кое-когда обдать мимоходомъ своимъ ядовитымъ взглядомъ Лиду и Протасьева, чтобы понять не только все то, что говорилось ими въ эту минуту, но и то, что было говорено и что будетъ говориться послѣ.

Лидѣ скоро замѣтила то нѣжное участіе, съ которыми окружающіе стали смотрѣть на Надю.

— Что-жъ вы не любуетесь на нашу сельскую красавицу, на нашу „*reine des prés*“? спросила она Протасьева, всматриваясь въ разгорѣвшееся личико Нади съ нѣскольکو злораднымъ чувствомъ.

— Я люблюсь ею давно, отвѣтилъ Протасьевъ, не спуская наглыхъ глазъ съ плечъ Лиды и слегка улыбувшись.

— О, я говорю совѣмъ не о себѣ, сказала Лидѣ, возмущенная его дерзостью;—вы могли-бы побережечь свои комплименты или каламбуры... ну хоть для пѣхотныхъ офицеровъ... Я говорю о Надѣ Коптевой.

— А! вонъ та дѣвочка въ бѣломъ мѣшочкѣ, хладнокровно сказалъ Протасьевъ, переноса свое *ripse-pez* на Надю, съ обычною презрительною улыбкою. — Признаюсь, я не охотникъ до полевыхъ цвѣтковъ... до этихъ скромныхъ фіалокъ.

— Отчего-же? фіалка такъ хорошо пахнетъ.

— Вотъ именно, что она пахнетъ.

— Однако, чѣмъ-же можетъ пахнуть Надя Коптева? отъ души смѣялась Лидѣ.

— Деревню, отрѣзалъ, не думая, Протасьевъ.

— Какъ вы ядовиты!

— Ничуть... вѣдь я не сказалъ деревенскою дѣвкою, деревенскою бабою, а просто деревню... Развѣ это не снисходительно?

— Ну, ужъ лучше не оправдывайтесь... А то вы наговорите о бѣдной Надѣ Коптевой богъ-знаетъ чего. Она очень милая и наивная дѣвушка.

— Я нахожу, что деревенскія телушки тоже наивны, замѣтилъ равнодушно Протасьевъ.

— Перестаньте, пожалуйста, сердилась Лида, прыская отъ смѣха.—Вы мнѣ не даете молиться.

— Что это значить — молиться? спрашивалъ Протасьевъ.— Вы развѣ умѣете молиться? Право, я этого не подозрѣвалъ за вами, Лидія... mademoiselle Обуховъ, прибавилъ онъ, замѣвшись и не вспомнивъ отчества Лиды.

— Лидія Трофимовна, внушительно подсказала Лида.

— Азіятская привычка пристегивать къ своему имени всѣхъ папенокъ и дѣдушекъ, нисколько не конфузясь, объяснилъ Протасьевъ.—Что можетъ быть лучше, какъ звать другъ друга по имени—просто Лидія... Не правда-ли, mademoiselle Обуховъ?

Лида немного вспыхнула и отвѣчала съ сердцемъ:

— О, совсѣмъ не всякаго!

— Это одно притворство, продолжалъ разсуждать Протасьевъ; — вѣдь зовутъ-же люди другъ друга простыми именемъ вездѣ, гдѣ они вступаютъ другъ съ другомъ въ близкія связи.

— Да... мужъ и жена, мать и сынъ—это другое дѣло, возразила Лида.

— Отчего-же непременно мужъ и жена? Это связь официальная; есть связи гораздо ближе и гораздо многочисленнѣе... Вы мнѣ нравитесь, я вамъ... я называю васъ Лида, вы...

— Monsieur Протасьевъ, будьте такъ добры, позовите нашего человѣка, вдругъ перебила Лида, испугавшись беззастѣнчивой откровенности своего кавалера.—А то меня немного продуло изъ окна, надо накинуть мантилью.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БОЛЬШИНСТВА.

Не богатъ онъ и не бѣденъ,
Не красивъ и не дурень,
Не полезенъ и не вредень,
И не глупъ, и не уменъ.
Былъ въ учебномъ заведенъи;
Твердо зналъ всегда урокъ,
Только школьное ученье
Для него пошло не впрокъ:—
Онъ старался ради балла,
Чтобы было чѣмъ хвастнуть;
Страсть къ наукѣ не смущала
Духа юноши ничуть.
Кончивъ курсъ благополучно,
Получилъ дипломъ,—и вотъ
Онъ ни весело, ни скучно
Торной тропкою идетъ.
Нѣтъ ни бездны, ни вершины
На пути его земномъ.
Онъ для жизненной картины
Служить фономъ—не лицомъ.
Ни къ чему онъ не стремится
И ничѣмъ не увлеченъ.
Такъ что даже веселиться
Отъ души не можетъ онъ.
Одѣвается картиной,
Хоть въ карманѣ недочетъ,
И за долгомъ въ три съ полтиной
Прачка ходитъ цѣлый годъ.
Онъ театры посѣщаетъ,
Чтобъ на ложи поглазѣть;
На гулянья прѣзжаетъ,
Чтобъ въ буфетѣ посидѣть.

Пробѣгаетъ онъ журналы,
За газетами слѣдитъ,
Хоть ничто его ни мало
Не волнуетъ, не живитъ.
Если-бъ онъ для разговора
Свѣжей темы не искалъ,
Чтенье бросилъ-бы онъ скоро,
Книгъ и въ руки-бы не бралъ;—
Для него литература
Составляетъ сущій вздоръ.
Какъ неробкая натура,
Смѣло онъ вступаетъ въ споръ;
Критикуетъ что угодно
Рѣзко, съ видомъ знатока,
Но... смолкаетъ благородно,
Если срѣжется слегка.
Шуткамъ, сплетнямъ безвозмездно
Онъ служить всегда не прочь.
У него знакомыхъ бездна—
Все такіе-же точь-въ-точь.
Цѣли въ жизни онъ не знаетъ,
Его будущность пуста;
Въ умъ его не западаетъ
Ни сомнѣнье, ни мечта.
Въ добродѣтель онъ не вѣритъ,
Хоть стремится честнымъ слыть;
Иногда полицемѣритъ,
Но желаетъ это скрыть.
Поработать, потрудиться
Не любилъ онъ никогда,
Но не прочь-бы былъ нажиться
Безъ усилій, безъ труда.
„Все зависитъ отъ удачи“—
Взялъ девизомъ онъ себѣ,
Предоставивъ всѣ задачи
Разрѣшать самой судьбѣ;—
И безъ думушки завѣтной
Проживаетъ весь свой вѣкъ
Этотъ членъ толпы безцвѣтной,
Безъ подкладки человѣкъ.

М. Верцеліусъ.

КАКЪ СТАРИКЪ ПЛУНКЕТЪ

СЪѢЗДИЛЪ КЪ СЕБѢ ДОМОЙ.

(Разсказъ Бретъ-Гарта.)

Всѣ мы искренно любили старика ПлуНКета. Мы отъ души сожалѣли его и продолжали любить даже и тогда, какъ онъ запуталъ дѣла компаніи, занимавшейся устройствомъ отводныхъ каналовъ на пріискахъ, хотя большинство изъ насъ были пайщиками и понесли большіе убытки. Помню, кузнецъ пошелъ еще дальше насъ, сказавъ, что слѣдовало-бы судить закономъ Линча всѣхъ тѣхъ, кто возложилъ непосильную отвѣтственность на бѣднаго старика ПлуНКета, поручивъ ему управленіе такимъ дѣломъ. Однакожь, считаю нужнымъ прибавить, что кузнецъ не былъ пайщикомъ нашей компаніи и къ его словамъ отнеслись какъ къ весьма извинительнымъ бреднямъ широкой, симпатизирующей натуры. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что всѣ болѣе или менѣе сожалѣли о томъ, что несчастіе, приключившееся съ ПлуНКетомъ, помѣшаетъ ему осуществить его любимую мечту—съѣздить къ себѣ домой. Прошло уже десять лѣтъ, какъ онъ постоянно собирался отправиться домой; онъ хотѣлъ ѣхать туда послѣ своего шести-мѣсячнаго пребыванія въ Монте-Флатѣ; онъ собирался ѣхать послѣ первыхъ дождей; онъ рассчитывалъ уѣхать непременно послѣ окончанія рубки лѣса на Бекъ-Гиллѣ; потомъ думалъ отправиться тогда, когда до-флатскіе луга покроются густыми кормовыми травами; затѣмъ—когда онъ получитъ свой первый дивидендъ изъ нашей акціонерной компаніи, когда окончатся выборы; наконецъ, онъ рѣшительно объявилъ, что поѣдетъ тотчасъ-

же по полученіи отвѣта на свое письмо къ женѣ. Такимъ образомъ, года проходили за годами, весенніе дожди наступали и прекращались, лѣсъ на Бекъ-Гиллѣ былъ уже вырубленъ, лугъ нѣсколько разъ покрывался травой, первый дивидендъ компаніи былъ уже выданъ изъ взносовъ пайщиковъ, въ Монте-Флатѣ уже нѣсколько разъ происходили выборы, ожидаемый отвѣтъ отъ жены давно полученъ, но старикъ Плункетъ все еще окончательно не собрался домой.

Однакожь, справедливость обязываетъ сказать, что старикъ Плункетъ сдѣлалъ нѣсколько весьма энергичныхъ попытокъ для того, чтобы уѣхать домой. Пять лѣтъ тому назадъ онъ очень трогательно простился со всѣми обитателями города, дружески пожавъ всѣмъ руку. Но онъ все-таки отъѣхалъ не дальше, какъ до ближайшаго города; когда онъ прибылъ туда, его уговорили промѣнять свѣтло-гнѣдую верховую лошадь на темно-гнѣдую, и эта сдѣлка представила его пылкому воображенію цѣлый рядъ картинъ будущихъ удачныхъ спекуляцій. Спустя нѣсколько дней, одинъ изъ нашихъ получилъ отъ ПлуНКета письмо, въ которомъ старикъ извѣщалъ, что ѣдетъ въ Визалію покупать лошадей. „Я радуюсь, писалъ Плункетъ, выражаясь тѣмъ высокимъ риторическимъ слогомъ, которымъ отличались всѣ его письма, — я радуюсь тому, что намъ пришла счастливая мысль культивировать настоящіе ресурсы Калифорніи; въ скоромъ времени всему свѣту станетъ извѣстно, что въ До-Флатѣ находится великій центръ разведенія конскихъ породъ. Въ виду ожидаемыхъ капитальныхъ барышей, я принужденъ отложить свой отъѣздъ на мѣсяцъ“. Но и на этотъ разъ ему не удалось добраться домой; черезъ мѣсяцъ онъ возвратился къ намъ безъ гроша денегъ. Спустя шесть мѣсяцевъ, онъ опять собралъ средства для поѣздки въ восточные штаты, но доѣхалъ только до Сан-Франциско.

Предо мною лежитъ письмо, которое я получилъ отъ него по прошествіи нѣсколькихъ дней по его прибытіи въ Сан-Франциско. „Вы знаете, милый другъ, писалъ онъ мнѣ, — я всегда держалъ мнѣнія, что картежная игра у насъ въ Калифорніи еще находится въ періодѣ своего дѣтства; я всегда былъ увѣренъ, что можно придумать усовершенствованную систему карточной игры, при которой умный игрокъ могъ-бы всегда рассчитывать на извѣст-

ный процентъ прибыли. Теперь я еще не имѣю права сообщить подробности этой системы, но я не уѣду изъ этого города, пока не добьюсь усовершенствованія моей системы карточной игры..."

Кажется, онъ достигъ своей цѣли, но возвратился къ намъ съ двумя доларами 37 сентами въ карманѣ, оставшимися отъ капитала, употребленнаго имъ на усовершенствованіе карточной игры.

Плункету, однакожь, удалось, наконецъ, съѣздить домой, но не раньше 1868 года. Онъ ѣздилъ сухимъ путемъ. Послѣднее его письмо къ намъ съ дороги было прислано изъ Виргиніи. Онъ пробылъ въ отсутствіи три года.

Въ одинъ жаркій вечеръ, въ половинѣ лѣта, Плункетъ внезапно очутился среди насъ, съ посѣдѣвшими отъ пыли и старости волосами на головѣ и на бородѣ. Въ его манерѣ при встрѣчѣ съ нами проглядывала нѣкоторая застѣнчивость, негармонизировавшая съ его характеромъ въ прежнее время, отличавшимся добродушіемъ и болтливостію. Въ первые дни по своемъ возвращеніи онъ почти ничего не говорилъ о своей поѣздкѣ домой, ограничиваясь только короткими, нѣсколько запальчивыми замѣчаніями въ родѣ слѣдующаго: „я всегда говорилъ, что поѣду къ себѣ домой, и вотъ съѣздилъ“. Впослѣдствіи онъ сталъ болѣе общителенъ и говорилъ очень свободно, относясь строго-критически къ нравамъ и обычаямъ Нью-Йорка и Бостона; онъ анализировалъ перемены въ строѣ общественной жизни этихъ городовъ, происшедшія во время его отсутствія, и, какъ мнѣ помнится, очень нападалъ на легкость нравовъ, пронтекающую, по его мнѣнію, отъ развитія цивилизаціи. Позднѣе онъ слегка указывалъ на крайнюю развращенность высшихъ сферъ общества въ этихъ городахъ; вскорѣ затѣмъ онъ уже безъ всякой утайки началъ говорить о чрезмѣрномъ безпутствѣ нью-йоркскаго общества и описалъ его такими яркими красками, что я до сихъ поръ не могу хладнокровно вспоминать объ его словахъ. Онъ утверждалъ, на примѣръ, что женщины, принадлежащія къ высшему слою общества, ежедневно предавались пьянству; что лица обоихъ половъ погрязли въ самомъ открытомъ развратѣ и что скупость и алчность были преобладающими качествами между достаточными людьми.

Позднѣе онъ понемногу началъ говорить о своемъ семействѣ. Дочь, оставленная имъ еще ребенкомъ, успѣла обратиться въ красивую молодую дѣвушку; его сынъ былъ уже выше ростомъ и сильнѣе своего отца и даже однажды, желая испробовать свою силу, какъ трогательно рассказывалъ намъ старикъ Плунокетъ, два раза повалилъ на полъ своего любящаго родителя. Но чаще всего Плунокетъ говорилъ о своей дочери. Очень можетъ быть, что, поощренный необыкновеннымъ вниманіемъ всего мужского населенія городка къ описанію женской красоты, Плунокетъ уже не могъ воздержаться отъ весьма подробнаго описанія безчисленныхъ прелестей своей дочери и ея дарованій; наконецъ, къ великому соблазну всѣхъ, онъ выставилъ на показъ ея портретъ, судя по которому, она, дѣйствительно, была красавица. Описаніе его первой встрѣчи съ нею было такъ характеристично, что я не могу удержаться, чтобы не привести его рассказа дословно:

— Видите-ли, товарищи, говорилъ старикъ Плунокетъ, — я всегда придерживался того мнѣнія, что человѣкъ долженъ узнавать свою плоть и кровь по голосу инстинкта. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я не видалъ моей дочери, моей Мелинды. Ей тогда было только семь лѣтъ. И вотъ я по приѣздѣ въ Нью-Йоркъ придумалъ слѣдующую штуку: вмѣсто того, чтобы въ обыкновенномъ моемъ костюмѣ отправиться къ себѣ домой и встрѣтиться съ своею женою и дочерью такъ, какъ это сдѣлалъ-бы всякій другой, я одѣлся разнощикою и въ этомъ нарядѣ позвонилъ у дверей своего дома. Служанка отперла дверь и я сказалъ, что мнѣ нужно показать мой товаръ дамамъ. Тутъ я услышалъ голосъ сверху лѣстницы: „Ничего не нужно, прогоните его прочь“. — „У меня хорошія кружева, провезенныя мимо таможи“, сказалъ я. — „Пошелъ вонъ, мошенникъ“, отвѣчала сверху моя жена. Да, товарищи, то былъ голосъ моей жены, у которой, какъ вы видите, голосъ инстинкта молчалъ. — „Можетъ быть, миссъ что-нибудь купить?“ продолжалъ я. — „Тебѣ говорятъ, убирайся вонъ“, вскричала снова моя жена, подбѣгая ко мнѣ, и я тотчасъ-же скрылся. Прошло уже десять лѣтъ, товарищи, какъ я не видалъ своей старушки, но когда она подбѣжала ко мнѣ, то, знаете-ли, я какъ-то инстинктивно тотчасъ-же удалился.

Во время своего разсказа Плунокетъ стоялъ, прислонившись къ прилавку, въ полпивной; но высказавъ послѣднія слова, онъ круто повернулся къ своимъ слушателямъ и окинулъ ихъ многозначительнымъ взглядомъ. Между ними, въ самомъ дѣлѣ, были лица, обнаружившія нѣкоторые признаки скептицизма и нетерпѣнія, но они тотчасъ-же показали необыкновенное вниманіе и любопытство, когда Плунокетъ сталъ продолжать свой разсказъ:

— Два дня слонялся я около дома и случайно узналъ, что черезъ нѣсколько дней будетъ день рожденія Мелинды и что она устраиваетъ у себя вечеръ. Я могу васъ увѣрить, товарищи, что это былъ не простой какой-нибудь вечеръ. Весь домъ былъ украшенъ цвѣтами и блисталъ тысячами огней; взадъ и впередъ сновали слуги, подавая прохладительные напитки и яства...

— Но послушайте, дядя Плунокетъ...

— Ну, что вамъ нужно?

— Откуда-же онъ достали денегъ на этотъ пиръ?

Старикъ Плунокетъ бросилъ на вопрошавшаго строгій взглядъ.

— Я всегда вамъ говорилъ, отвѣчалъ онъ съ разстановками и внушительно, — что когда я соберусь домой, то пошлю женѣ напередъ чекъ на полученіе десяти тысячъ долларовъ. Я вамъ всегда это говорилъ, не правда-ли? Я говорилъ вамъ также, что я непременно поѣду домой; вотъ я и былъ дома, неправда-ли? Ну, такъ чего-же вамъ еще нужно?

Не знаю, была-ли эта логика необыкновенно убѣдительно или же слушатели не могли устоять противъ желанія услышать конецъ разсказа Плунокета, но, во всякомъ случаѣ, никто уже болѣе не прерывалъ его. Къ нему скоро опять возвратилось его хорошее расположеніе духа и онъ, слегка прищельнувъ языкомъ, весело продолжалъ свой разсказъ.

— Я отправился, говорилъ онъ далѣе, — къ самому лучшему ювелиру въ городѣ, купилъ пару брилліантовыхъ серегъ и повезъ ихъ съ собою въ домъ, гдѣ жила моя жена и дочь. „Какъ объ васъ доложить?“ спросилъ слуга, отворяя дверь. — „Скисиксъ“, отвѣчалъ я. Онъ ввелъ меня въ комнату и вскорѣ затѣмъ моя жена вошла туда-же. — „Простите меня, сэръ, сказала она, — но я, право, не припомню вашу фамилію“. Она была необыкновенно

учтива со мною и не узнала меня, такъ-какъ на мнѣ были надѣты рыжій парикъ и бакенбарды. — „Я другъ вашего мужа, сударыня; я пріѣхалъ изъ Калифорніи и привезъ съ собою подарокъ для вашей дочери, кажется, миссъ...“ Я притворился, что будто-бы забылъ имя моей дочери. Но тутъ чей-то голосъ вдругъ прервалъ мою фразу. — „Послушайте, это выходитъ уже слишкомъ прозрачно, сказала Мелинда, входя въ комнату. — Вы хватили немножко черезъ край, не правда-ли, батюшка, дѣлая видъ, что позабыли имя вашей родной дочери? Какъ поживаете, старичина?“ Тутъ Мелинда сорвала съ меня парикъ и бакенбарды и бросилась ко мнѣ на шею. Это былъ голосъ инстинкта, любезные джентльмены, ни больше, ни меньше, какъ голосъ инстинкта!

Поощренный взрывомъ смѣха слушателей, послѣдовавшимъ за изображеніемъ дочерней любви Мелинды, Плункетъ повторялъ ея слова нѣсколько разъ втеченіи вечера, незамѣтно для самого себя дополняя ихъ новыми прибавленіями; при этомъ онъ громко вторилъ взрывамъ смѣха слушателей, а иногда и самъ громче всѣхъ начиналъ хохотать надъ своими остротами.

Старикъ Плункетъ, этотъ монте-флатскій Улиссъ, безсчетное число разъ въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ, преимущественно-же въ полшивныхъ, рассказывалъ о своихъ похожденияхъ въ Нью-Йоркѣ. Въ его рассказахъ встрѣчалось много нелѣпостей и противорѣчій; иногда въ нихъ входили новыя подробности, иногда весь характеръ рассказа виѣстѣ съ описываемою обстановкою совершенно измѣнялся; разъ или два развязка совершенно теряла свой первоначальный смыслъ, но тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ посѣтилъ свою жену и дѣтей, долгое время оставался неопровержимымъ. Однакожь, я долженъ сознаться, что такое скептическое общество, какъ монте-флатскіе золотоискатели, привыкшее къ большимъ надеждамъ на будущія блага, рѣдко осуществлявшіяся въ дѣйствительности, — такое общество едва-ли могло безусловно вѣрить фактамъ, которые сообщалъ Плункетъ. И только одинъ человѣкъ, несмотря на общее недовѣріе къ рассказамъ Плункета, ни разу не усомнился въ справедливости ихъ; то былъ Генри Юреъ. Никто такъ внимательно не вслушивался въ рассказы Плункета, какъ онъ, и не разъ этотъ молодой человѣкъ дѣлилъ съ старикомъ свои скудныя

средства, которыя Плункетъ проматывалъ на безразсудныя спекуляціи. Горекъ никогда не уставалъ слушать описаніе прелестей Мелинды; онъ даже выпросилъ у старика на нѣсколько времени ея портретъ и разъ какъ-то ночью, сидя одинъ въ своей каморкѣ, взявъ портретъ въ руки и страстно цѣловалъ его до тѣхъ поръ, пока его честное, красивое лицо покрылось яркииъ румянцемъ.

Монте-Флатъ весь утопалъ въ густомъ облакѣ пыли; опустошенія, причиненныя безопаднаиъ, продолжительныиъ, сухими и знойными лѣтомъ, виднѣлись на каждомъ шагу; вездѣ умирающее лѣто разсыпалось горами краснаго праха и испускало свое послѣднее дыханіе въ видѣ краснаго облака, стлавшагося надъ тревожными шоссеиными дорогами; ольхи и хлопчатники, растушіе вдоль рѣки, посѣрѣли отъ густыхъ слоевъ пыли; сухіе, блестящіе камни, лежащіе посреди высохшихъ рѣкъ, имѣли видъ обнаженныхъ костей, разбросанныхъ по долинамъ смерти. При тускломъ свѣтѣ заходящаго солнца иногда на горизонтѣ обрисовывались склоны отдаленныхъ горъ, окрашенные грязновато-мѣдныиъ цвѣтомъ; въ нѣкоторые-же дни на вершинахъ огнедышащихъ горъ появлялось зловѣщее сіяніе, предвѣщавшее землетрясеніе; воздухъ кругомъ былъ пропитанъ насквозь ѣдкимъ, смолистымъ дымомъ, распространяемымъ горящими лѣсами; онъ рѣзалъ глаза и захватывалъ духъ; сверхъ того, иногда поднимался безопадный вѣтеръ, который неистово мчался съ вершинъ Сьерры внизъ по направленію къ долинамъ, унося съ собою все, что ни попадалось ему на пути, и заставляя жителей прятаться отъ него въ своихъ хижинахъ.

Въ такую именно ночь, когда облака пыли какъ-будто затормозили колеса общественной жизни и дѣятельности въ Монте-Флатѣ, большинство жителей собралось въ раззолоченной полшивной, апатично размѣстившись вокругъ пылающаго камина. Въ залѣ было тихо; всѣ точно собрались только за тѣмъ, чтобы плевать въ огонь камина, нѣсколько умѣрившій пронзительный холодъ горнаго вѣтра, и терпѣливо выжидать начала дождей, а виѣстѣ съ ними оживленія помертвѣлой природы.

Жители Монте-Флата уже истощили весь запасъ своихъ развлеченій и всѣ снособы препровожденія времени до появленія давно ожидаемаго періода дождей. Правда, выборъ этихъ развле-

ченій былъ весьма ограниченъ и преимущественно состоялъ въ шуточныхъ выходкахъ, ставшихъ почти дѣловымъ занятіемъ. Всѣ присутствовавшіе имѣли скучающій и недовольный видъ, когда въ комнату неожиданно вошелъ нашъ товарищъ Абнеръ, который только-что вернулся изъ Сан-Франциско. Его, разумѣется, тотчасъ-же обступили и засыпали вопросами; хотя Абнеръ, съ того самаго момента, какъ вступилъ на почву Монте-Флата, заразился скукой, томившей все общество, онъ все-таки сохранилъ свое обычное хорошее расположеніе духа; обернувшись къ своимъ учителямъ, онъ сказалъ:

— У меня есть великолѣпная новость для васъ; вы знаете старика Плукета?

Всѣ, какъ-бы сговорившись, разомъ плюнули въ каминъ и кивнули головами.

— Вы вѣдь знаете, что онъ недавно ѣздилъ домой и пробылъ въ отсутствіи три года?

Двое или трое изъ присутствовавшихъ переставили свои ноги, которыя упирались въ спинки стоящихъ передъ ними стульевъ, и одинъ изъ нихъ проговорилъ:

— Да, знаемъ.

— Онъ очень весело провелъ время дома, не правда-ли?

Каждый изъ присутствовавшихъ осторожно взглянулъ на того, который отвѣтилъ: „да, знаемъ“, а тотъ, давъ такой утвердительный отвѣтъ и какъ-бы считая себя обязаннымъ принять на себя неизбѣжную отвѣтственность за него, робко улыбнулся, перевелъ дыханіе и проговорилъ:

— Да, довольно весело!

— Онъ тамъ видѣлся съ женою и дочерью; дочь у него красавица, не правда-ли? продолжалъ Абнеръ.

— Да, такъ, снова повторилъ все тотъ же изъ присутствовавшихъ, на этотъ разъ уже съ угрюмымъ упорствомъ.

— Вы, можетъ быть, даже видѣли ея фотографію, не такъ-ли?

Человѣкъ, къ которому Абнеръ уже теперь прямо обратился съ этимъ вопросомъ, началъ беспомощно озираться на товарищей, ожидая отъ нихъ поддержки; но тѣ самые изъ нихъ, которые до сихъ поръ открыто поощряли его своими взглядами участія и одобренія, теперь безъ зазрѣнія совѣсти и явно отступились отъ

него и повернули головы въ другую сторону. Генри Йоркъ слегка покраснѣлъ и потупилъ свои каріе глаза; нашъ товарищъ, отвѣчавшій такимъ утвердительною образомъ, пришелъ въ легкое замѣшательство и потомъ съ болѣзненною улыбкою, которою онъ хотѣлъ выразить, что ему очень хорошо была извѣстна цѣль этого вопроса и что онъ удостоивалъ его отвѣта только чисто изъ добродушія, снова проговорилъ:

— Да, видѣли.

— Вѣдь Плунокетъ послалъ домой десять тысячъ долларовъ, не правда-ли? безопасно продолжалъ Абнеръ.

— Такъ, вѣрно, отвѣчалъ все тотъ-же храбрецъ, съ прежною угрюмою улыбкою.

— Ну да, я такъ и зналъ, протяжно отвѣчалъ Абнеръ;— но видите-ли, товарищи, дѣло въ томъ, что Плунокетъ вовсе не ѣздилъ домой; никогда онъ не ѣздилъ домой, понимаете-ли?

Каждый изъ присутствовавшихъ пристально взглянулъ на Абнера и на лицахъ у всѣхъ было выраженіе неподдѣльнаго удивленія и вниманія, тогда какъ Абнеръ съ обиднымъ хладнокровіемъ лѣниво продолжалъ свой рассказъ.

— Дѣло въ томъ, говорилъ Абнеръ,—что я въ Сан-Франциско встрѣтилъ человѣка, который былъ лично знакомъ съ Плунокетомъ и постоянно видѣлся съ нимъ втеченіи этихъ трехъ лѣтъ его отсутствія; Плунокетъ во все это время занимался разведеніемъ рогатаго скота; онъ все это время убилъ на спекуляціи, хотя у него не было въ карманѣ почти ни гроша. И выходитъ, товарищи, что нашъ Плунокетъ не сдѣлалъ ни одного шага на востокъ отъ Скалистыхъ горъ съ 1849 года.

Взрывъ смѣха, на который впередъ рассчитывалъ Абнеръ, дѣйствительно не замедлилъ раздаться, но то былъ горькій и сардоническій смѣхъ; въ немъ слышалось негодованіе слушателей. Смѣясь, каждый невольно подумалъ, что есть извѣстная мѣра для всякой шутки. Обманъ, продолжавшійся уже почти цѣлый годъ, нагло компрометирующій проникательность всѣхъ жителей Монте-Флата, заслуживалъ жестокаго наказанія. Конечно, никто, кромѣ Йорка, не повѣрилъ Плунокету, но уже одно то предположеніе, что въ сосѣднихъ лагеряхъ золотоискателей могли вообразить, что обитатели Монте-Флата въ самомъ дѣлѣ повѣрили Плунокету, на-

полняло сердца всёхъ негодованіемъ и горечью. Одинъ изъ присутствовавшихъ, адвокатъ, выразилъ свое мнѣніе, что можно было бы начать искъ противъ Плукета, обвинивъ его въ томъ, что онъ обманулъ акціонерную компанію, выпросивъ у нея деньги для вымышленной цѣли; другой, докторъ, сказалъ, что онъ уже давно замѣчаетъ у Плукета признаки умопомѣшательства и думаетъ, что его слѣдовало бы заключить въ домъ умалишенныхъ. Четверо изъ наиболѣе зажиточныхъ мѣстныхъ торговцевъ заявили, что денежные интересы всего Монте-Флата вынуждаютъ ихъ къ принятію какихъ-нибудь крутыхъ мѣръ относительно Плукета. Среди возбужденныхъ и злобныхъ преній дверь тихо отворилась и въ комнату вошелъ, пошатываясь, самъ старикъ Плукетъ.

Онъ страшно измѣнился въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ: его волосы стали грязновато-сѣдыми; лицо его приняло блѣдный оттѣнокъ, подъ глазами появились синіе круги; платье на немъ было грязное и заношенное, запятнанное спереди остатками завтраковъ, наскоро съѣденныхъ стоя, и покрытое сзади волосами и пухомъ, приставшими къ нему въ мѣстахъ импровизированныхъ отдохновъ старика. Въ силу того страннаго правила, что чѣмъ грязнѣе становится платье, тѣмъ труднѣе человѣкъ рѣшается разставаться съ нимъ, одежда Плукета постепенно усвоила себѣ видъ какой-то коры или нароста.

Войдя въ комнату, Плукетъ сдѣлалъ попытку застегнуть свой сюртукъ и тѣмъ самымъ скрыть свою грязную рубашку; потомъ онъ провелъ рукою по своей заплыванной табакомъ бородѣ, желая этимъ заявить свое уваженіе къ публичному собранію; но въ то-же самое время слабая улыбка исчезла съ его губъ и его рука, послѣ тщетныхъ усилій ухватиться за пуговицу сюртука, беспомощно опустилась. Эта внезапная перемѣна въ Плукетѣ произошла оттого, что, взглянувъ на группу, собравшуюся около прилавка полпивной, онъ тотчасъ-же замѣтилъ, что глаза всёхъ присутствовавшихъ, за исключеніемъ только одного посѣтителя, были обращены на него. Съ быстротою молніи онъ тотчасъ-же догадался, въ чемъ дѣло: его несчастная тайна стала извѣстна всёмъ и какъ-бы носилась въ самомъ воздухѣ вокругъ него. Въ своемъ отчаянномъ положеніи онъ ухватился за послѣдній якорь спасенія, — онъ

взглянулъ на Генри Йорка; но и этотъ, повернувшись къ нему спиною, смотрѣлъ въ окно.

Никто не проронилъ ни одного слова. Трактирщикъ молча подалъ ПлуCKETу графинъ и стаканъ; ПлуCKETъ взялъ съ тарелки табакъ и началъ его жевать съ притворнымъ равнодушіемъ. Онъ съ намѣреніемъ медленно пилъ изъ поданнаго ему графина, до тѣхъ поръ, пока винные пары не подкрѣпили его ослабѣвшіе нервы и не притупили его возбужденности; тогда онъ круто повернулся лицомъ ко всѣмъ и сказалъ съ необыкновеннымъ присутствіемъ духа:

— Едва-ли мы дождемся обильныхъ дождей раньше Рождества.

Вокругъ царило зловѣщее молчаніе.

— То-же самое вѣдь было и въ 52-мъ году, а потомъ и въ 60-мъ, продолжалъ ПлуCKETъ. — Я всегда держусь того мнѣнія, что засухи возвращаются періодически, черезъ извѣстное число лѣтъ. Я говорилъ это прежде и опять повторяю то-же самое; все равно, какъ я говорилъ о своей поѣздкѣ домой, прибавилъ онъ съ отчаяннымъ равнодушіемъ.

— А вотъ есть такой человѣкъ, лѣниво проговорилъ Абнеръ, — который увѣряетъ, что вы никогда не ѣздили домой; онъ говорить, что вы прожили три года въ Сонорѣ, когда всѣ думали, что вы проводите время въ Нью-Йоркѣ; онъ-же говорить далѣе, что вы и въ глаза не видали своей жены и дочери съ 49-го года, и что вы, слѣдовательно, всѣхъ насъ нагло обманули и надсмѣялись надъ цѣлымъ лагеремъ.

Зловѣщее молчаніе не прерывалось.

— Тотъ, кто сказалъ это, солгалъ, проговорилъ чей-то голосъ.

Говорилъ, однакожь, не самъ старикъ; всѣ невольно обернулись, когда Генри Йоркъ медленно поднялся съ своего мѣста, выпрямившись во весь свой громадный ростъ, страхнулъ пепель, упавшій съ трубки на его грудь, и сталъ рядомъ съ ПлуCKETомъ, обводя взоромъ всю компанію.

— Человѣкъ, о которомъ я упомянулъ, нѣтъ здѣсь, продолжалъ Абнеръ равнодушнымъ тономъ, въ то-же время машинально схватившись правою рукою за свой револьверъ, — но я здѣсь на

лицо и готовъ принять на себя отвѣтственность за все мною сказанное.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, когда Абнеръ и Йоркъ, по наружности болѣе спокойные, чѣмъ всѣ остальные, приблизились другъ къ другу. Адвокатъ сталъ между ними.

— Тутъ, можетъ быть, какое-нибудь недоразумѣніе, сказалъ онъ. — Йоркъ, я васъ спрашиваю, достовѣрно-ли вамъ известно, что старикъ Плунокетъ былъ у себя дома?

— Да.

— Какимъ-же образомъ вы знаете объ этомъ? •

Йоркъ повернулъ голову и пристально посмотрѣлъ на адвоката, яснымъ, честнымъ, откровеннымъ взглядомъ, и, ни минуты не колеблясь, сказалъ ложь, которую произносилъ въ первый разъ въ своей жизни:

— Я это утверждаю потому, что самъ видѣлъ его въ его домѣ.

Отвѣтъ былъ достаточно убѣдителенъ, тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что Йоркъ былъ въ восточныхъ штатахъ во время отсутствія старика Плунокета.

Этотъ разговоръ отвлекъ вниманіе отъ Плунокета, который, стоя тутъ-же, весь блѣдный и едва переводя дыханіе, не могъ оторвать глазъ отъ своего неожиданнаго избавителя. Когда-же онъ снова взглянулъ на своихъ мучителей, въ его глазахъ было что-то такое, что заставило невольно стоящихъ ближе къ нему отшатнуться въ сторону; это выраженіе его глазъ привело въ смущеніе даже самыхъ смѣлыхъ и отчаянныхъ. Плунокетъ ступилъ шагъ впередъ и докторъ почти инстинктивно сдѣлалъ знакъ предосторожности.

— Да, разумѣется, вы меня видѣли въ моемъ домѣ, сказалъ старикъ;—кто смѣетъ сказать, что это неправда? Я вамъ сотни разъ говорилъ, что я намѣренъ съѣздить домой, вотъ я и съѣздилъ туда. Ей-богу съѣздилъ. Кто смѣетъ упрекнуть меня во лжи? Это сущая правда. Что-же вы молчите? Вы сказали, что видѣли меня въ моемъ домѣ, Йоркъ, такъ повторите-же свои слова. Да говорите-же, ради Бога! Мнѣ дурно, ахъ, Боже мой, мнѣ дурно! Помогите мнѣ!

И, съ страшнымъ крикомъ, старикъ Плунокетъ грохнулся объ полъ въ нервномъ припадкѣ.

Придя въ себя, старикъ увидалъ, что онъ находится въ дѣвчьиѣ Іорка. Свѣтъ отъ потухающаго огня въ каминѣ, затопленномъ сосновыми сучьями, падалъ на грубыя досчатыя стѣны, освѣщая фотографическій портретъ въ красивой рамкѣ изъ сосновыхъ шишекъ, висѣвшій на стѣнѣ надъ кроватью Іорка. То былъ портретъ красивой молодой дѣвушки. На немъ прежде всего остановилъ свой взглядъ старикъ Плункетъ и тотчасъ-же весь вспыхнулъ и быстро оглядѣлся кругомъ. Но его взглядъ встрѣтился только съ спокойными, ясными, терпѣливыми и вопросительными взорами Іорка, и онъ вновь потупился.

— Признайтесь, старикъ, сказалъ Іоркъ, не рѣзко, но холоднымъ и отчетливымъ голосомъ, — признайтесь, вы тоже солгали относительно этого портрета или нѣтъ?

Старикъ закрылъ глаза и ничего не отвѣчалъ. За два часа передъ тѣмъ подобный вопросъ заставилъ-бы его прибѣгнуть къ какой-нибудь ловкѣ или наглому выходкѣ, но въ настоящую минуту самый вопросъ и даже выраженіе голоса Іорка были для него облегченіемъ въ его несчастномъ состояніи. Затѣмъ, когда онъ вспомнилъ о своемъ затруднительномъ положеніи въ пивной, вспомнилъ, какъ Іоркъ солгалъ, желая оправдать его отъ обвиненій товарищей, ему самому стало вдругъ совершенно ясно, что онъ въ самомъ дѣлѣ никогда не ѣздилъ къ себѣ домой, и убѣдился въ томъ, что онъ еще не лишился разсудка, какъ это ему сначала представилось. Ему было пріятно сознавать, какъ къ нему мало-по-малу возвращалась его прежняя отчаянная беззаботность. Онъ началъ сначала усмѣхаться про себя, потомъ разразился громкимъ смѣхомъ.

Іоркъ, не сводя глазъ съ Плункета, отнялъ свою руку, которую онъ хотѣлъ пожать руку старику.

— А мы отлично-таки поднадули ихъ, не такъ-ли, Іоркъ? Ха, ха, ха! Въ самомъ дѣлѣ, это — великолѣпнѣйшая штука, какая когда-либо удавалась здѣсь, въ нашемъ лагерѣ! Я всегда говорилъ, что я когда-нибудь сыграю съ ними знатную штуку, и вотъ сыгралъ ее; я сумѣлъ не выдавать себя цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ! Нѣтъ, это такая великолѣпная продѣлка, что я, право, ничего подобнаго и не слыхивалъ! Обратили-ли вы вниманіе, Іоркъ, на выраженіе лица Абнера, когда онъ сталъ говорить о томъ госпо-

динѣ, который меня видѣлъ въ Сонорѣ? Да, это лучше всякой комедіи, право!

И, ударяя себя рукою по ногѣ, Плункетъ едва не упалъ съ кровати въ пароксизмѣ смѣха, который, однакожь, казался на половину притворнымъ.

— Я васъ спрашиваю, сказалъ Йоркъ, послѣ небольшой паузы, — ея-ли это портретъ или нѣтъ?

— Ея портретъ! Конечно, нѣтъ. Это портретъ какой-то актрисы изъ Сан-Франциско, ха, ха, ха! Я купилъ этотъ портретъ за безцѣнокъ на улицѣ. Ну, я никакъ не воображалъ, что они проглотятъ и эту штуку. Знатно-же надулъ ихъ старикъ Плункетъ!

При этомъ Плункетъ съ любопытствомъ старался заглянуть на Йорка и уловить выраженіе его лица.

— Да, и со мною вы тоже сыграли великолѣпную штуку, отвѣчалъ Йоркъ, пристально смотря на старика.

— Ну, да, да, вы правы, торопливо перебилъ его Плункетъ; — но вы за то отлично выпутались изъ этой исторіи; вы, съ своей стороны, сами ихъ надули. Мы съ вами теперь, голубчикъ Йоркъ, связаны вмѣстѣ одною веревкою и должны, волею-неволею, крѣпко стоять другъ за друга. Когда вы имъ сказали, что видѣли меня въ Нью-Йоркѣ, я и самъ началъ думать, чортъ меня побери, что вы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ...

— Пожалуй, что? переспросилъ его Йоркъ, такъ-какъ старикъ не докончилъ своей фразы и блѣдный, какъ смерть, сталъ озираться кругомъ блуждающими взорами. — На мои слова, что я васъ видѣлъ въ Нью-Йоркѣ, вы сказали, что я пожалуй...

— Вы лжете, злобно вскричалъ старикъ, — я никогда не говорилъ ничего подобнаго. Что это, въ самомъ дѣлѣ, вы все стараетесь ловить меня на словахъ!

Его руки сильно дрожали, когда онъ всталъ и прошелъ къ камину.

— Дайте-ка мнѣ лучше водки, продолжалъ онъ. — Во всякомъ случаѣ, вамъ слѣдуетъ меня угостить. Наши товарищи должны были-бы угостить меня еще вчера вечеромъ; чортъ возьми, я-бы ихъ заставилъ угостить меня, если-бы со мною не сдѣлалось вдругъ такъ дурно.

Йоркъ поставилъ водку и жестяную кружку на столъ около ПлуНКета и, повернувшись къ нему спиною, сталъ смотрѣть въ окно на улицу. Хотя на дворѣ стояла свѣтлая, лунная ночь, но, несмотря на то, знакомый ландшафтъ никогда прежде еще не казался ему такимъ мрачнымъ и пустыннымъ. Широкая вингдамская дорога, прорѣзанная по мертвымъ, запустѣлымъ полямъ, никогда не казалась ему столь однообразной, столь унылой. Йоркъ возвратился къ ПлуНКету, положилъ руку на его плечо и сказалъ:

— Я хочу, чтобы вы мнѣ отвѣтили искренно и безъ утайки на одинъ вопросъ.

Вино, повидимому, согрѣло душу старика и смягчило его жолчное расположеніе духа; онъ взглянулъ на Йорка болѣе вроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, проговоривъ:

— Говорите, другъ любезный, говорите.

— Есть-ли у васъ въ самомъ дѣлѣ жена и дочь?

— Какъ передъ Богомъ,—есть.

Оба они умолкли на нѣсколько секундъ, пристально всматриваясь въ огонь камина. Потомъ ПлуНКетъ началъ тихо тереть себѣ колѣни рукою и сказалъ, обдумывая и взвѣшивая каждое слово:

— Если ужъ пошло на откровенность, скажу вамъ, что жена моя не представляетъ ничего особеннаго, такъ-какъ въ ней ощущается нѣкоторое отсутствіе утонченнаго образованія; кромѣ того, она владѣетъ своимъ языкомъ такъ-же ловко, какъ Абнеръ своимъ револьверомъ, съ тою разницею развѣ, что она прибѣгаетъ къ своему оружію изъ принципа, какъ она выражается, и потому она всегда готова напасть на васъ невзначай. Это происходитъ отъ вліянія развращенности нравовъ на востокѣ, товарищъ; ее губятъ развращенные нравы Нью-Йорка и Бостона.

— Но ваша дочь, что вы скажете объ ней? спросилъ Йоркъ.

Тутъ старикъ заслонилъ свое лицо руками и поникнулъ надъ столомъ головою.

— Не говорите ни слова объ ней, товарищъ, не спрашивайте лучше объ ней, проговорилъ ПлуНКетъ, все еще закрывая свои глаза одною рукою, тогда какъ другою онъ тщетно шарилъ въ карманѣ, ища свой носовой платокъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ нѣсколько овладѣлъ собою и сказалъ:

— Она красавица, Йоркъ, голубчикъ, хотя я, ея отецъ, говорю это; и вы увидите ее, непременно увидите. Теперь мои дѣла уже почти всё устроены. Черезъ нѣсколько дней я окончу новый проектъ о способѣ возстановленія рудъ; у меня есть уже нѣсколько предложеній отъ здѣшнихъ плавильныхъ компаній.

Тутъ Плунокетъ вынулъ изъ кармана пачку бумагъ, которыя упали на полъ.

— Я скоро пошлю за женою и дочерью, продолжалъ онъ. — У меня тутъ бумаги, которыя мнѣ могутъ дать тысячь десять долларовъ барыша въ будущемъ мѣсяцѣ. Я ихъ выпишу сюдажъ Рождеству и вы, Йоркъ, вы будете обѣдать съ нами въ первый день Рождества; это рѣшено.

Тутъ Плунокетъ, возбужденный виномъ и обширностью своихъ плановъ, началъ говорить безъ умолку и довольно безсвязно о своихъ проектахъ; иногда онъ говорилъ объ нихъ какъ о вполне оконченныхъ предпріятіяхъ. Луна уже высоко поднялась на небѣ и Йоркъ уложилъ Плунокета въ постель; онъ нѣсколько еще времени бормоталъ безсвязныя слова и, наконецъ, заснулъ тяжелымъ сномъ.

Убѣдившись въ томъ, что старикъ уснулъ, Йоркъ осторожно снялъ фотографическій портретъ со стѣны и, подойдя къ камину, бросилъ его на пылающіе уголья и сталъ слѣдить за тѣмъ, какъ пламя охватило его. Рамка изъ еловыхъ шишекъ тотчасъ-же вспыхнула, потому что черты лица красавицы, которою такъ восхищалась публика въ театрахъ Сан-Франциско, тоже были охвачены пламенемъ и портретъ быстро исчезъ, какъ исчезаетъ все на свѣтѣ; вѣстѣ съ тѣмъ пропала и саркастическая улыбка на губахъ Йорка. Огонь въ каминѣ неожиданно вспыхнулъ и освѣтилъ бумаги, лежавшія на полу, которыя выпали изъ кармана Плунокета. Йоркъ машинально нагнулся и поднялъ одну изъ бумагъ; изъ нея выпалъ фотографическій портретъ молодой дѣвушки; на оборотѣ карточки было написано неразборчивымъ, плотнымъ почеркомъ: „Отъ Мелинды—отцу“.

Портретъ, очевидно, былъ снятъ въ дешевой фотографіи; но даже самая артистическая отдѣлка едва-ли могла-бы смягчить угловатость и неуклюжесть всей фигуры молодой дѣвушки, изображенной на портретѣ, измѣнить выразившуюся на ея лицѣ на-

глую самоувѣренность и вульгарность вмѣстѣ съ претензією на модный нарядъ. Йоркъ даже не удостоилъ портрета вторичнымъ взглядомъ, онъ пробѣжалъ письмо; оно поразило его безграмотностью и выразившимся въ немъ холоднымъ эгоизмомъ. Письмо было написано такъ дурно, что его едва можно было разобрать; въ немъ обнаруживались самыя низкія чувства, обманъ и подозрительность, но при всемъ томъ въ немъ выражалось чувство привязанности къ человѣку, къ которому оно было написано. Йоркъ бережно сложилъ письмо и положилъ его подъ подушку старика; потомъ онъ возвратился къ своему мѣсту у камина. Улыбка, игравшая на его губахъ, постепенно перешла на его ясные, добрые глаза и вызвала на нихъ, странно сказать, одинокую слезу.

Періодъ дождей, наконецъ, наступилъ; на отлогіе скаты горъ легъ замѣтный зеленоватый оттѣнокъ и длинная лента бѣлой дороги избороздилась колеями и заперстрѣла лужами. Иссякшіе водопады вновь потекли быстротечными потоками; въ каналахъ закопошилась пробудившаяся жизнь и страницы мѣстной ежедневной газеты наполнились весьма извинительными ликованіями. Всѣ предавались радостному чувству; былъ недоволенъ только одинъ Плунокетъ. Какимъ-то таинственнымъ, непонятнымъ образомъ дожди помѣшали ему усовершенствовать его новый способъ возстановленія рудъ и принудили его отложить это нововведеніе до другого сезона; въ силу этого печальнаго обстоятельства ему больше ничего не оставалось дѣлать, какъ занять свое обычное мѣсто у камина полпивной, гдѣ онъ снова принялся за рассказы о своемъ семействѣ въ Нью-Йоркѣ, которымъ, однакожъ, никто не внималъ.

Никто уже больше не тревожилъ Плунокета; прошелъ слухъ о томъ, что хозяинъ квартиры, гдѣ онъ жилъ, получилъ отъ кого-то нѣкоторую сумму на удовлетвореніе скромныхъ требованій старика. Къ *manii* Плунокета, какъ товарищи благосклонно называли странности его поведенія, всѣ относились снисходительно, до того даже, что никто не возражалъ, когда онъ приглашалъ всѣхъ къ себѣ обѣдать въ первый день Рождества. Но въ одинъ прекрасный день Плунокетъ удивилъ всѣхъ до крайности; онъ быстро и суетливо вошелъ въ полпивную, держа въ рукахъ открытое письмо; оно было отъ Йорка. „Приготовьтесь встрѣтить ваше

семейство въ новомъ котѣджѣ на Рождество, писалъ молодой человѣкъ.—Пригласите всѣхъ, кого вамъ заблагоразсудится“.

Письмо передавалось молча изъ однѣхъ рукъ въ другія. Наконецъ, докторъ многозначительно взглянулъ на окружающихъ.

— Это подлогъ, сказалъ онъ имъ;—старикъ довольно хитеръ; онъ способенъ выдумать такую штуку, но вы увидите, что онъ не выдержитъ своей роли до конца. Взгляните-ка на его лицо... Старикъ, продолжалъ онъ громкимъ, повелительнымъ голосомъ, обращаясь къ Плункету, — это надувательство и подлогъ, и вы знаете, что это такъ. Отвѣчайте мнѣ безъ запинокъ и смотрите мнѣ прямо въ глаза. Развѣ это не правда?

Плункетъ испуганно озирался кругомъ и опустилъ глаза, потому слабо улыбнулся и сказалъ:

— Вы меня осилили, товарищи! докторъ правъ; я проигралъ свою игру, и вы можете теперь сѣсть старику на голову.

Онъ пошатнулся и умолъкъ.

Но на слѣдующій-же день онъ, повидимому, уже забылъ о случившемся и разговаривалъ такъ-же бойко, какъ и прежде, о предстоящемъ торжествѣ.

Такъ прошло время до Рождества; наступили ясные, солнечные дни; воздухъ былъ согрѣтъ южными вѣтрами, кругомъ раскидывалась молодая зелень. Въ полпивную вошелъ Абнеръ и разбудилъ Плункета, который дремалъ, сидя у камина.

— Вставайте, старина, сказалъ онъ,—Юркъ здѣсь съ вашей женою и дочерью; они васъ поджидаютъ въ новомъ котѣджѣ. Пойдемте, товарищи, помогите мнѣ!

И въ одну минуту дюжина сильныхъ рукъ подхватили старика и торжественно понесли его вверхъ по крутому подъему горы, гдѣ опустили его, оторопѣвшаго, у порога небольшого котѣджа.

Въ эту минуту къ нему бросились двѣ женщины, но Генри Юркъ остановилъ ихъ знакомъ. Старикъ пытался стать на ноги; наконецъ, онъ выпрямился во весь ростъ и весь затрясся; взглядъ его былъ неподвиженъ, онъ былъ блѣденъ какъ смерть и голосъ его звучалъ глухо.

— Это все надувательство и ложь, вскричалъ онъ;—эти женщины для меня чужія; это не моя жена и не моя дочь. Моя дочь отмѣнная красавица! Она теперь въ Нью-Йоркѣ у своей

матери и я собираюсь привезти ихъ сюда. Я всегда вамъ говорилъ, что я поѣду домой, и я былъ дома, понимаете-ли вы, что вамъ говорятъ, — я былъ дома! Вы сыграли плохую шутку со мною, старикомъ. Пустите меня, я вамъ говорю! Уведите этихъ женщинъ прочь съ моихъ глазъ! Пустите меня, я собираюсь домой!

Онъ судорожно закинулъ руки вверху и упалъ у порога. Его послѣ шно приподняли, но было уже поздно: старикъ Плунокетъ въ самомъ дѣлѣ отправился въ свой домъ, откуда уже больше не возвращаются.

Н. И. НОВИКОВЪ

И ЕГО ЖУРНАЛЬНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

(Окончаніе.)

Хотя русскіе масоны и не занимались вообще высшимъ искусствомъ дѣлать золото, жизненный элексиръ и т. д., но тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ стремились постичь эту мудрость и поступали въ масонство въ надеждѣ возвыситься со временемъ до нея. Съ этою цѣлью многіе изъ нихъ занимались своими науками; у нихъ была даже цѣлая энциклопедія, называвшаяся „Теоретическій градусъ соломоновскихъ наукъ“. Въ этой книгѣ излагались слѣдующія ученія: „О стихіяхъ вообще. Объ огнѣ. О воздухѣ. О водѣ. О землѣ (масонство считало это четырьмя основными простыми тѣлами). О стихійныхъ вещахъ и духахъ. О тѣлесныхъ вещахъ. О соли. О сѣрѣ. О ртути (три вещества, надъ которыми преимущественно работали масоны). О сѣмени всѣхъ вещей. О рожденіи. Соблюденіи. Разрушеніи. Дѣйствіи верхнихъ звѣздъ. О метеорахъ. О металахъ. Рожденіи металовъ. Золотѣ. Серебрѣ. Меньшихъ металахъ. Дорогихъ камняхъ. Простыхъ камняхъ. Минералахъ. О растительномъ. О животномъ царствѣ. Человѣкѣ. О болѣзняхъ человѣческаго тѣла. О болѣзняхъ ума. О согласіи всѣхъ вещей“. До какой степени вся эта сумбурная мудрость была далека отъ истинной науки, читатель сейчасъ увидитъ. Важнѣйшею наукой для масона была химія, но не „простая“ химія. „Между извѣстною простою химією, говоритъ одна масонская рукопись, — и между вышнею химією ордена есть неизрѣченная разность. Она есть младенецъ, а сія есть исполинъ: что химіи ордена невозможно, то простой химіи остается вѣчно невозможнымъ. Послѣдняя строить

между тѣмъ для насъ низшія степени той великой лѣствицы, по которой мы должны идти, чтобы выше взйти“. „Наши мудрые мастера суть одни законные натуры испытатели; они одни могутъ съ безпрекословною истиною утверждать, что они знаютъ натуру въ цѣломъ ея округѣ (пространствѣ), понеже наука ихъ вникаетъ (сильно входитъ) во внутрѣшная ея и подаетъ имъ безопаснѣйшую руководства нить въ тысящекратномъ лабиринтѣ ея безчисленно различныхъ дѣйствій безопасно выискиваться, все развивать, искусно и твердо загражденные замки ея размывать и въ центрѣ натуры всѣ въ пространномъ ея царствѣ находящіяся явленія изъяснять и доказывать. Напротивъ, профанскіе физики, такъ-называемые натуры испытатели и натуры учителя, кругомъ свачутъ всегда на поверхности всѣхъ трехъ натуры царствъ, осязаютъ своими руками и всѣми пятью чувствами произведенія и явленія ея и воображаютъ себѣ, что могутъ оныя изъяснить...“ Орденская химія, отличаясь отъ химіи „профанской“, требовала и особыхъ приемовъ, и особыхъ орудій. Такъ: „для познанія природы не употребляется печки съ проклятымъ стихійнымъ огнемъ (пишетъ московскій розенкрейцеръ въ своемъ дневникѣ.) Всѣ работы съ углями не сообразны съ природою“. Изученію природы придавался особый, таинственный смыслъ, и не всякій могъ или имѣлъ право имъ заняться: практическія работы допускались только въ высшихъ степеняхъ, и то соблюдая извѣстную постепенность; такъ, магіей могли заниматься лишь достигшіе восьмой степени. „Восьмая степень будетъ первою ступеню магіи, пишетъ въ своемъ дневникѣ розенкрейцеръ, — тамъ мы научимся познавать священный огонь и будемъ въ состояніи его осязать нашими руками“. „Сложеніе женщинъ неудобно для магическихъ работъ: чистота исчезаетъ“ (Незеленовъ, 106.) Масоны начинали уже учиться и золото дѣлать, и „универсальное лекарство“ составлять. „Тедень далъ мнѣ, пишетъ въ своемъ дневникѣ одинъ московскій розенкрейцеръ, — пробу золота, которое начало разлагаться“. Онъ сообщаетъ даже, въ другомъ мѣстѣ дневника, нѣкоторые свѣденія о процесѣ приготовления золота: „Въ процесѣ (добыванія золота) клерикаловъ, говоритъ онъ, — не употребляется огня. Вещество собирается предъ восходомъ солнца и должно быть крѣпко закупорено въ сосудѣ прежде, чѣмъ взойдетъ солнце; потомъ оставляется 40 дней и ночей во впадинѣ скалы; вынимается оттуда; свѣтло-голубая вода

отдѣляется отъ земли и всегда наполняетъ ее. Такая работа повторяется до шести разъ, чтобы чрезъ то произвести изобиліе золота“. Когда былъ болѣвъ Шварцъ, то московскіе масоны послали въ Берлинъ за универсальнымъ лекарствомъ. И если-бы не извѣстный погромъ, то, по всей вѣроятности, наши масоны усовершенствовались-бы и въ „вышнемъ градусѣ“. Но, и не дѣлая золота, они много занимались всевозможною мистическою, іероглифическою и обрядовою ерундой. Мы уже говорили объ эффектныхъ обрядахъ посвященія въ масоны за границей; у насъ было не лучше, и вотъ какъ, напр., совершалось это посвященіе по елагинскимъ ритуаламъ: „Вся ложа одѣяна чернымъ сукномъ; помость или полъ покрыты чернымъ покрываломъ, на которомъ разбѣяно нашиты золотыя слезы. На сіе покрывало поставляется въ существѣ черный гробъ, на которомъ вѣтвь акаціи и дѣйствительная мертвая голова съ принадлежащими костями и серебряная медаль или бляха кладется. Въ головахъ гроба къ западу циркуль, а въ ногахъ прямоугольникъ находится. Вмѣсто трехъ подсвѣчниковъ постановляются три сидящіе на черныхъ подножіяхъ, на подобіе кубическаго камня сдѣланныхъ, скелета, изъ коихъ каждый держитъ тройной подсвѣчникъ съ тремя зажженными свѣщами. Жертвенникъ одѣянъ также чернымъ съ золотыми слезами; и вокругъ изъ серебрянаго флера фестонъ, и впереди вышита мертвая голова съ принадлежащими и накрестъ положенными костями. На жертвенникѣ стоятъ вмѣсто обыкновенныхъ трехъ подсвѣчниковъ три серебряныя мертвыя головы на ихъ, крестообразно сложенныхъ, костяхъ... Всѣ чиновники и всѣ братія одѣяны въ черныхъ епанчахъ и съ распушенными шляпами... Братъ-стражъ имѣетъ вмѣсто одной двѣ шпаги въ рукахъ. Въ сѣверѣ и югѣ повѣшены черныя картины, представляющія мертвыя головы, лежащія на крестообразно сложенныхъ костяхъ, и подъ ними написано: *memento mori*, или: помни смерть“. Брата ищущаго вводятъ въ ложу спиною и ставятъ лицомъ къ стѣнѣ, „да не омрачится скорымъ и нечаяннымъ возрѣніемъ“. Затѣмъ онъ начинаетъ „по-мастерски путешествовать“; при этомъ онъ самъ держитъ лѣвою рукою у груди конецъ шпаги; ведущій его второй надзиратель останавливается съ нимъ у нарисованныхъ мертвыхъ головъ, причѣмъ проситъ его размышлять о смерти; то-же напоминаетъ ему и великій мастеръ при прохожденіи востока ложи. „Во время

путешествія брата стоятъ окрестъ и близь гроба, наклонивъ голову на руку. Во гробѣ лежитъ подъ окровавленную плащаницю единый изъ младшихъ мастеровъ“. По окончаніи путешествія ищущаго подводятъ къ жертвеннику: „подводится онъ, дѣлая три шага черезъ гробъ или тѣло... Ему, у жертвенника стоящу, готовится гробъ, въ который его повергнуть должно“. У жертвенника приноситъ онъ обѣтъ молчаливости. Послѣ того великій мастеръ три раза ударяетъ молоткомъ съ произнесеніемъ словъ принятія. При третьемъ ударѣ, когда произносится слово „смерть“, принимаемый „повергается во гробъ и покрывается окровавленной плащаницю. По семъ происходитъ великая тишина“. Тогда „великій мастеръ ударяетъ по эфесу шпаги своей 9 ударовъ, надзиратели ему отвѣчаютъ, а братья въ то-же время стремительно бѣгутъ ко гробу и концы шпагъ на лежащаго устремляютъ“.

Новиковъ могъ увлечься нравственною стороною масонства, но его свѣтлый практическій умъ не могъ примириться ни съ крайнимъ мистицизмомъ ордена, ни съ его нелѣпыми обрядами.

Въ 1774 г., рассказывается въ одномъ документѣ, „нѣкоторые изъ посѣщавшихъ Новикова пріятелей (масоновъ) собрались у него въ домѣ, послѣ предварительнаго вступленія, не требуя отъ него обѣта, прочли ему принятіе и противъ (его) ожиданія поздравили его членомъ своего общества. Мы знаемъ тебя, говорили они,—знаемъ, что ты честный человекъ, и увѣрены, что не нарушишь тайны“. Новиковъ, бывший въ это время, по собственнымъ его словамъ, „на распутіи между волтеріанствомъ и мистицизмомъ“, прикнулъ къ масонству, въ надеждѣ найти въ немъ тотъ идеалъ, который онъ такъ ревностно отыскивалъ. Онъ попалъ въ елагинскую ложу, но, увидѣвъ, что здѣсь занимались только „изъясненіемъ гіероглифовъ и алегоріи“, Новиковъ скоро отсталъ отъ нея и началъ искать другого, „истиннаго“ масонства, которое-бы соотвѣтствовало его душевному настроенію. Онъ увидѣлъ, что въ ученіи Рейхеля „было все обращено на нравственность и самопознаніе, говоренныя-же рѣчи и изъясненія произвели великое уваженіе и привязанность“, и онъ присталъ къ Рейхелю, выбравъ, такимъ образомъ, лучшую сторону масонства, его нравственную основу. Трудно уяснить себѣ вполне умъ

ственное состояніе Новикова въ это время, но можно вполнѣ достовѣрно утверждать, что онъ сдѣлался масономъ только отчасти и въ значительной степени оставался эклектикомъ, только значительно измѣнившимъ свое прежнее направленіе.

Журналы Новикова „С.-Петербургскія ученныя Вѣдомости“ (1777) и „Утренній Свѣтъ“ (1777—1780 г.) были посвящены не масонству. „Вѣдомости“ занимались почти исключительно разборомъ новыхъ книгъ, а „Утренній Свѣтъ“ хотя и помѣстилъ у себя нѣсколько масонскихъ статей, но общій характеръ его не былъ масонскимъ. Вооружаясь противъ ученія энциклопедистовъ, журналъ доходилъ до того, что требовалъ „истребить невѣріе, распространяющееся черезъ вольность печатанія“ (Незеленовъ, стр. 236, 243, 249.) Впрочемъ, подобныя выходки не имѣютъ большого значенія, и такъ-какъ развитіе самого Новикова еще продолжалось, въ журналѣ по-прежнему отражалась вся внутренняя работа саморазвитія его и его сотрудниковъ. Оттого-то столько противорѣчій въ „Утреннемъ Свѣтѣ“. Въ одномъ мѣствѣ, напр., говорится объ естественномъ состояніи человѣчества, въ другомъ—помѣщается переводная статья, опровергающая ученіе объ естественномъ состояніи; въ одномъ прославляется природа, внушается любовь къ ней, въ другомъ дышетъ самый мрачный аскетизмъ и крайній дуализмъ (id., 240, 242, 244—6, 260.) Весь этотъ журналъ свидѣтельствуетъ только о неудавшейся попыткѣ построить стройное міросозерцаніе, основанное на примиреніи разума и вѣры (стр. 256.) О славянофильствѣ при этомъ не было уже и рѣчи; но за то выдвигалось на передній планъ новое, филантропическое направленіе Новикова. „Утренній Свѣтъ“ издавался съ благотворительною цѣлью. На выручаемыя за него деньги и на пожертвованія подписчиковъ, иногда довольно значительныя, было основано въ Петербургѣ два училища для бѣдныхъ сиротъ (у журнала было 800—620 подписчиковъ).

Упомянутыми школами началась обширная практическая дѣятельность Новикова. Въ 1779 г. онъ переселился въ Москву и арендовалъ на десять лѣтъ университетскую типографію. „Онъ, рассказываетъ Карамзинъ,—умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ

книгами, какъ богатый голандскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, т. е. съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экз.; Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богаче содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разнымъ другія статьи (извѣстія о новыхъ книгахъ, открытія въ наукахъ и искусствахъ и проч.) и, наконецъ, выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно „Дѣтское чтеніе“, которое новостью своего предмета и разнообразіемъ матеріи, несмотря на ученическій переводъ многихъ пьесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000“. При этомъ Новиковъ печаталъ всевозможныя книги, даже переводы энциклопедистовъ, противъ которыхъ онъ боролся въ своихъ журналахъ. Въ 1785 г. имъ уже было отпечатано 365 сочиненій да 55 приготовлено къ выпуску въ свѣтъ. Окруживъ себя университетскою молодежью, онъ давалъ имъ переводную работу, платилъ имъ, упражнялъ этихъ юношей, изъ которыхъ впослѣдствіи вышло не мало писателей, и первый организовалъ у насъ литературный трудъ. Нѣкоторые изъ новыхъ друзей Новикова оказались превосходными его помощниками и имѣли на него большое вліяніе. „Въ одно утро, рассказываетъ онъ, — пришелъ ко мнѣ нѣмчикъ, съ которымъ я, поговоря, сдѣлался во всю жизнь, до самой его смерти, неразлучнымъ; этотъ нѣмчикъ былъ И. Е. Шварцъ“, профессоръ московскаго университета. Несомнѣнно, что мистицизмъ Шварца повліялъ на Новикова, но хотя послѣдній и сдѣлался даже начальникомъ масонскихъ ложъ, онъ все-таки не увлекался еще масонствомъ всецѣло, относился къ нему довольно холодно, занимался преимущественно своею практическою дѣятельностью. Въ 1783 г., напр., онъ писалъ одному масону, что „всѣ великія познанія и высокія понятія“ масоновъ „большою частью только забавны и подобны забавамъ дѣтей, пугающихъ геркулесовымъ вооруженіемъ, а нѣкоторые церемоніи и обряды совершенно ложны и поддѣльны“. При этомъ онъ замѣчалъ, что хотя и нужна въ орденѣ извѣстная подчиненность „въ разсужденіи познаній“, но „долженствуетъ она оставаться братскою зависимою, а не рабскою“ (Нез., стр. 422.) Онъ по-прежнему увлекался главнымъ образомъ моральною и практическою стороною масонства и на этомъ пунктѣ сошелся съ Шварцемъ. Вмѣстѣ съ

нимъ онъ основалъ въ 1782 году, изъ масоновъ и не масоновъ, „Дружеское ученое общество“ съ цѣлью распространенія правилъ истиннаго воспитанія, выписки изъ-за границы и приготовленія въ Россіи хорошихъ наставниковъ, изданія полезныхъ книгъ и распространенія ихъ въ училищахъ. На счетъ „Дружескаго общества“ воспитывались, по словамъ Лопухина, болѣе 50 студентовъ, и нѣкоторые юноши отправлялись даже за границу, какъ, напр., Карамзинъ. Кромѣ того, Шварцъ устроилъ студенческія сходки для упражненія въ переводахъ и сочиненіяхъ, которыми потомъ наполнялись журналы Новикова. Сколько было искренности и самоотверженія въ нѣкоторыхъ членахъ „Дружескаго общества“, объ этомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. На одномъ изъ засѣданій Новиковъ произнесъ трогательную рѣчь о страданіяхъ народа по случаю бывшаго тогда голода. Богачъ Походяшинъ, увлеченный рѣчью, отдалъ въ руки Новикова въ пользу бѣдныхъ все свое состояніе, болѣе 1,000,000 р. На эти деньги былъ купленъ и розданъ хлѣбъ бѣднякамъ Москвы и окрестностей. Походяшинъ-же умеръ нищимъ... Въ 1784 г. изъ „Дружескаго общества“ образовалась „Типографическая компанія“, выпустившая въ свѣтъ множество книгъ.

Въ Москвѣ, до 1785 г., Новиковъ издавалъ журналы — „Московское Изданіе“, „Вечерняя Заря“, „Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ“ и „Покоющійся Трудолюбецъ“. Строго выдержаннаго направленія въ этихъ, какъ и въ предыдущихъ журналахъ Новикова, не было, какъ не было его ни у редактора, ни у разнохарактерныхъ молодыхъ сотрудниковъ. Даже общая идея этихъ журналовъ — борьба противъ энциклопедистовъ и примиреніе науки съ религіей, проводилась довольно непослѣдовательно. Порицая энциклопедистовъ, называя ихъ въ одномъ мѣстѣ просто *подлецами*, журналы въ то-же время изрѣдка переводили статьи изъ энциклопедіи, отвергали, по Локку, врожденныя идеи и, вооружаясь противъ фанатизма, восхваляли Вольтера (Незел., стр. 221, 276, 301.) „Прибавленія къ Москв. Вѣд.“, напр., считаютъ причиною упадка Турціи фанатизмъ, тотъ-же фанатизмъ, который погубилъ и Испанію, и Геную. „Сии люди (католическіе духовные), не работая, съѣдаютъ самолучшіе плоды человѣческихъ трудовъ и въ поносѣйшей праздности утучняются мозгомъ государства. Они строятъ алтари суевѣрію и называютъ

то религію, чтобъ споспѣшествовать невѣжеству своихъ сочеловѣковъ и отнимать у здраваго разсудка изряднѣйшія его свойства“ (id., 354.) Еще сильнѣе доставалось іезуитамъ (стр. 359.) Въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ осмѣивались не только народныя и масонскія суевѣрія (стр. 377 и др.), но даже прославлялся XVIII в. вообще и Вольтеръ въ частности. Карая фанатиковъ, „Трудолюбецъ“ заключилъ свою филиппику такими словами: фанатики говорятъ, что „нынѣ всѣ, будучи напоены вольтеровымъ духомъ, никакихъ мыслей не имѣютъ о набожности. О, проклятый Вольтеръ, со всѣми послѣдователями своими, развратившими міръ такъ, что нынѣ уже босыми ногами не ходятъ святые божиі челоуѣцы!“ Вредны и нелѣпы подобныя толки фанатиковъ. „Они, разсѣвая въ народѣ худое мнѣніе о мужахъ, которыми просвѣщенные вѣки одолжены вѣчною благодарностью, хотятъ, чтобы всѣ люди были подобными имъ пустосвятами. Кто-бы ни былъ Вольтеръ, хотя и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизвинителенъ, при всемъ томъ онъ одинъ гораздо былъ полезнѣе для общества, нежели все полчище пустосвятотъ. По мнѣнію пустосвятства, и по сію пору должны-бы не угасать инквизиціонныя костры, и подземныя заклопы должны-бы наполняться стономъ людей, несостоящихъ или нехотящихъ быть въ полчищѣ фанатиковъ. — О, вѣкъ (XVIII) просвѣщеннѣйшій, въ которомъ удалена вся сила мнимыя набожности! Всѣ страны свѣта, всѣ народы одолжены тебѣ всѣмъ, что ни имѣютъ они священнѣйшаго. Твоимъ неусыпнымъ бдѣніемъ всѣмъ возвращена свобода, похищенная пустою набожностью; явилось челоуѣколюбіе ко всѣмъ, даже къ иновѣрнымъ, токмо-бы они были честныя граждане; твой плодъ есть нынѣшнее распространеніе наукъ, которымъ величайшею препонаю было пустосвятство“ (стр. 374.) Стараясь примирить разумъ съ религіей, новиковскіе журналы сообщали много интересныхъ свѣденій, ставили иногда даже совершенно новые для тогдашняго общества вопросы. Такъ новиковскіе журналы проводили совершенно новую для тогдашняго русскаго общества мысль объ улучшеніи женскаго быта. „Для чего наукамъ не быть сдѣланнымъ для женщинъ, равнымъ образомъ, какъ и для мужчинъ? Не имѣютъ-ли и онѣ также разумъ, память, воображеніе и здравый разсудокъ? Чудны мужчины! Они присвояютъ себѣ много такого, что сродно имъ ни почему иному, какъ потому только, что они такъ желаютъ, и потому съ

такимъ-же насиліемъ и по столь-же малымъ причинамъ объявляютъ насъ (женщинъ) неспособными къ такимъ вещамъ, въ которыхъ самый опытъ показываетъ, что мы успѣваемъ столько-жъ, какъ и они, или еще больше“. Отстаивая права женщинъ на высшее образованіе, новиковскіе журналы вооружались противъ господствующаго обычая *выдавать* дочерей за лицъ, избранныхъ родителями. „Мы, мы одни причиняемъ себѣ либо благополучіе, либо несчастіе, то должны-ли другіе для насъ избирать? Во угожденіе ихъ желанію должны-ли мы быть жертвою? По причинѣ ихъ заблужденія должны-ли мы страдать? Никакая справедливость не можетъ насъ въ семь дѣлъ подвергнуть послушанію кого-нибудь другого, и все почтеніе къ приставникамъ и родителямъ оканчивается здѣсь“. О любви журналы высказывали мнѣніе, новое для того времени и вполне согласное съ тѣмъ уваженіемъ къ женщинамъ, которое они пропагандировали. „Покоющійся Трудолюбецъ“ смѣется надъ тою любовью, которая порождается романами; одержимые ею дѣлаются пастушками; они въ состояніи повѣситься на первой осинѣ или броситься въ ближайшій прудъ, если лишатся предмета своей страсти. Еще болѣе нелѣпы платоники. „Эти люди столь тонкаго, но скучнаго вкуса, что имѣютъ отвращеніе къ грубымъ понятіямъ, которыя простой народъ соединяетъ съ любовью, и гоняются за чѣмъ-то духовнымъ и высокимъ... Но платонизмъ въ нынѣшнія времена рѣдокъ и гораздо многочисленнѣе платониковъ разрядъ противоположныхъ имъ эпикурейцевъ. Любовникъ сего рода безпрестанно бываетъ внѣ себя; страсть его столь горяча, что онъ могъ-бы сожечь васъ своимъ пламенемъ; онъ изъясняетъ о совершенствахъ своей повелительницы такимъ-же языкомъ, какимъ выхваляетъ цыганъ своихъ лошадей: какіе прелестные члены! какіе прекрасные глаза! какая восхитительная шея и грудь! Понятія ихъ не простираются дальше внѣшнихъ преимуществъ и ихъ раны могутъ только назваться тѣлесными ранами. Мы не можемъ сказать, чтобы сердца ихъ были заняты любовью, хотя они и имѣютъ, можетъ быть, грубѣйшую страсть“. Истинная любовь имѣетъ „основаніемъ своимъ почтеніе“ (стр. 285 — 7,393.) Поединки, сдѣлавшіеся такъ популярными при Екатеринѣ, рѣшительно отрицались и осмѣивались журналами. „Московское Изданіе“ помѣстило у себя исторію этого „высокопочтеннаго и благороднаго искусства челоуѣкоубійства“ и доказывало его без

смысленность. „Вечерняя Заря“ тоже энергически протестовала противъ этого нелѣпаго обычая „смѣшивать священное имя благороднаго чувства въ защищеніи своей чести съ тѣмъ звѣрскимъ предразсужденіемъ, которое всѣ добродѣтели поставляютъ въ шагѣ“ (стр. 283, 309.) Журналы Новикова не имѣли никакого политическаго направленія и въ этомъ отношеніи чаще, чѣмъ во всѣхъ другихъ, противорѣчили себѣ. Такъ, „Московскія Вѣдомости“ въ одной статьѣ выражаютъ самое дурное мнѣніе о Соединенныхъ Штатахъ, а въ другой—ставятъ Вашингтона выше Моисея, Камилла, Леонида и т. д., за то, что онъ „основалъ республику, которая, вѣроятно, будетъ прибѣжищемъ свободы, изгнанной изъ Европы роскошью и развратомъ“ (стр. 363—4.) Но при всемъ томъ у этихъ журналовъ было нѣсколько опредѣленныхъ общественныхъ идей. Они не раздѣляли военныхъ увлеченій своего вѣка и постоянно вооружались противъ войны вообще (стр. 288, 398 и др.). Пропагандируя просвѣщеніе, они выяснили тѣ общественныя условія, при которыхъ возможно развитіе наукъ. Для этого необходимъ миръ, необходимо, чтобы науки служили всему народу, а не немногимъ избраннымъ. Сатира входила во многіе журналы Новикова, но какъ въ нихъ, такъ и въ спеціально-сатирическомъ изданіи — „Покоющемся Трудолюбцѣ“, она была по-прежнему чисто-моральной, она была даже слабѣе прежней, и ея обличенія щеголей, кокетокъ, зависти и т. д. не имѣли социальнаго значенія. Но въ двухъ случаяхъ эта сатира имѣла большую силу, когда именно она основывалась на вполне сознательныхъ идеалахъ, выработанныхъ Новиковымъ. Мы только-что указали на его мнѣніе о свободѣ мысли; оно было самымъ задушевнымъ его убѣжденіемъ и ярко выразилось въ „Покоющемся Трудолюбцѣ“ сатирою „Новая логика“. Въ древнемъ мірѣ, говоритъ сатира, — было два метода умственнаго состязанія: Сократъ массою вопросовъ въ разговорѣ доводилъ противника до того, что тотъ самъ признавался въ своей погрѣшности; Аристотель-же, перемѣнивъ образъ атаки, изобрѣлъ множество маленькихъ стрѣлъ, называемыхъ силогизмами. Въ новыя времена европейскіе университеты слѣдовали сначала методу Аристотеля, но потомъ увидали, что такимъ образомъ можно спорить безъ конца, и придумали методъ болѣе убѣдительный, изобрѣли „Argumentum Basilinum или Vasilinum, т. е. палочный доводъ или палочное состязаніе“. За первымъ удачнымъ

изобрѣтеніемъ послѣдовали дальнѣйшія, подобныя ему, но болѣе сильныя и грандіозныя. Такъ, нынѣ въ большомъ употребленіи способъ убѣжденія, состоящій въ томъ, чтобы „съ каждой стороны выставить по сту тысячъ состязателей или убѣдителей, и сіи дефенденты доказываютъ несправедливость опонентовъ силою громоносныхъ провозвѣстниковъ истины, называемыхъ въ просторѣчи пушками, мортирами, ружьями, мечами и пр.“. Но самый убѣдительный аргументъ, который только можно представить глазамъ противника, называется по-просту пыткой. Убѣждавшіе этимъ аргументомъ „употребляли въ доводы свои разнаго рода сориты, т. е. такіе силлогизмы, которые состоятъ изъ множества мелкихъ, въ кучу собранныхъ положеній, просто называемыхъ костеръ дровъ, дыбы, застѣнки и прочая такого рода сбруя; и успѣшныя ихъ дѣйствія таковую славу приобрѣли въ цѣломъ свѣтѣ, что употребленіе ихъ повсюду разсѣялось и сдѣлалось всеобщимъ; а святая инквизиція присвоила себѣ исключительное право и верховную власть пользоваться симъ преимуществомъ. Они часто съ успѣхомъ употребляемы были въ обращеніи заблуждающихъ и невѣрныхъ къ вѣрѣ христіанской.—Иногда люди выводимы были изъ заблужденія и примирались съ истиною силою здраваго разсужденія, остроумія и благоразумія со стороны убѣждающихъ; но сей способъ найденъ не такъ дѣйствительнымъ и для того оставленъ. Для скорѣйшаго-же разрѣшенія всѣхъ сомнѣній изобрѣтены были особливые убѣдительные доводы. Кнуты, петли, висѣлицы, колья, колеса, огонь и другія костоломныя орудія и машины признаны были всеобщимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ убѣжденію; а какъ они приведены были съ раченіемъ въ систему, то и составляли новое дополненіе къ древней языческой логикѣ или наукѣ уместовать“. „Есть еще способъ убѣждать другихъ. Съ начала свѣта онъ былъ въ употребленіи и теперъ еще не переводится и состоитъ въ томъ, чтобы противорѣчащимъ отсыпать добрую мѣру денегъ. Удивительно, какъ сей силлогизмъ зажимаетъ ротъ самымъ сильнѣйшимъ крикунамъ и упорнѣйшимъ противоборникамъ! Сіятельное и превосходительное золото свѣтомъ своимъ просвѣщаетъ всякаго недоумѣвающаго, разгоняетъ въ одинъ мигъ всѣ сомнѣнія и подозрѣнія, выводитъ всякаго изъ невѣрія и заблужденія. О, разумные мѣшки! О, премудрыя денежки!.. Неопѣненные состязатели! Вы-то поборники по-

истинѣ! Вы-то доказываете все, что хотите, систематически и аргументально. Хорошіе успѣхи сего надежнаго доказательства разлили повсюду просвѣщеніе и всякой нынѣ принялся за логику сего рода“. Вооружаясь противъ рабства вообще (стр. 308, 357), новиковскіе журналы нерѣдко говорили о положеніи русскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Вотъ, напр., „Покоющійся Трудолюбецъ“ рассказываетъ, какъ господинъ хочетъ наградить полтиной крѣпостного слугу, котораго онъ „прежде почти всякій часъ бивалъ плетью и который, несмотря на это, спасъ ему жизнь“. Но нигдѣ положеніе крѣпостного и мысль объ его освобожденіи не выражены съ такимъ чувствомъ, съ такою силою, какъ въ стихотвореніи „Письмо къ другу“, которое написано какою-то женщиною и сильно напоминаетъ собою извѣстную пьесу Пушкина: „Уединеніе“. Авторъ пишетъ къ другу своей деревенской жизни, рисуетъ картины природы и затѣмъ переходитъ къ положенію крестьянъ.

Послѣ книги Радищева, это стихотвореніе положительно лучше всего, что было напечатано у насъ въ XVIII в. о крѣпостномъ правѣ. Далѣе, сатира Новикова всегда отрицательно относилась къ модному поверхностному воспитанію, и въ журналахъ послѣдняго періода его дѣятельности мы видимъ усиліе создать идеаль рациональнаго воспитанія. „Московскія Вѣдомости“ посвятили воспитанію длинный рядъ прекрасныхъ для того времени статей. Само собою понятно, что въ основу воспитанія Новиковъ клалъ примиреніе разума и религіи, но множество отдѣльныхъ частныхъ были вполнѣ новыми и полезными для его современниковъ. Такова, напр., глава о физическомъ воспитаніи, о вредѣ кормленія молокомъ, пеленанья, шнуровки дѣвочекъ и т. д. Воспитаніе состоитъ въ образованіи разума и сердца дитяти. „Образованіе разума“ состоитъ въ томъ, чтобы ребенокъ научился правильно представлять предметы и разсуждать объ ихъ свойствахъ, а также въ обогащеніи новыми знаніями. „Не погашайте любопытства дѣтей вашихъ или питомцевъ. Упражняйте ихъ въ употребленіи чувствъ“, — такимъ путемъ запасаются матеріалы для мышленія. „Не учите дѣтей ничему такому, чего они по возрасту своему или по недостатку другихъ, предполагаемыхъ при томъ познаній, разумѣть не могутъ“, напр., доказательствъ безсмертія души. Нравственное развитіе должно быть основано на умственномъ. „Натурѣ нашей врождено, чтобы воля наша въ большей ча-

сти случаевъ слѣдовала познаніямъ и предписаніямъ разума. Мы желаемъ того только, что представляемъ себѣ добромъ; если-же иногда къ добру мы безпристрастны или ненавидимъ его, а зла желаемъ и ищемъ, то почитаемъ мы тогда добро зломъ, а зло добромъ. Итакъ, чѣмъ справедливѣе мыслимъ мы и рассуждаемъ, и чѣмъ удобнѣе и натуральнѣе сдѣлался для насъ сей образъ мыслить и рассуждать, тѣмъ справедливѣе будутъ опредѣленія нашей воли и происходящія оттого желанія и отвращенія. Слѣдовательно, чѣмъ рачительнѣе обрабатывается и образуется разумъ дитяти или юноши, тѣмъ большаго можно надѣяться успѣха въ образованіи его сердца.—Приучайте дѣтей дѣйствовать по усмотрѣніямъ и причинамъ, а не по слѣпымъ побужденіямъ или по одному своему мысленію“. Добродѣтель пробудится въ дѣтяхъ путемъ ихъ собственнаго опыта и мышленія. Чтобы приучить, напр., дѣтей къ трудолюбію и порядку, нужно показать имъ, какъ люди необходимы другъ для друга, какъ трудолюбіе предохраняетъ отъ пороковъ. Чтобы пробудить въ нихъ любовь къ несчастнымъ, не удаляйте ихъ отъ „трогающихъ“ явленій изъ боязни оскорбить ихъ нѣжный вкусъ. „Съ дѣтства развивайте въ нихъ любовь ко всѣмъ человѣкамъ, безъ различія состоянія, религіи, народа или внѣшняго счастья. Не обременяйте дѣтей приказаніями; предоставьте многое собственной волѣ дитяти,—подражайте въ этомъ Богу, давшему намъ свободную волю“. Человѣкъ есть существо, „котораго разумъ не истребляетъ чувственныя побужденія и желанія долженъ, но только обладать и управлять ими“. Учите дѣтей „не изнѣживать тѣло свое, но также и не мучить его безъ нужды. Научайте ихъ почитать его, яко существенную часть человѣка, но не признавать никогда за важнѣйшую часть. Допускайте ихъ съ веселымъ духомъ наслаждаться красотами природы, пріятностями общественной жизни, удовольствіемъ умѣреннаго движенія и свободы, и всѣми невинными радостями безпечнаго возраста... не трудитесь тщетно истребить натуральныя ихъ желанія удовольствія, похвалы, чести, спокойствія и свободы, а старайтесь только благоразумно оныя умѣрить, и мало-по-малу устремить на достойнѣйшіе роды удовольствія, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными ихъ и чужими опытами научайте ихъ отличать видъ отъ истины и соединять настоящее съ будущимъ“. Вооружаясь противъ тѣлеснаго наказанія,

Новиковъ пропагандировалъ вообще самыя гуманныя отношенія къ дѣтямъ, а приведенныя нами мѣста показываютъ, до какой степени онъ могъ возвыситься надъ модными тогда взглядами Бецкаго, Екатерины, Фон-Визина, утверждавшими, что цѣль воспитанія не умъ, а развитіе „изящнаго сердца“. Но поднявшись на такую высоту, Новиковъ не могъ удержаться на ней и, трактуя о частностяхъ, отдавалъ предпочтеніе передъ разсудкомъ чувству въ его нераціональныхъ формахъ (стр. 327—348.) Новикову не удалось примирить этихъ идей, какъ не удалось формулировать примиренія своего національнаго чувства съ такимъ космополитизмомъ, какой, напр., видимъ въ статьѣ „Трудолюбца“: „Первыя человѣческія чувствованія при удаленіи изъ отечества“. Авторъ говоритъ о тѣхъ преградахъ, которыя враждебно раздѣляютъ людей, какъ, напр., фанатизмъ, національные предразсудки и т. д. Въ протестантскихъ кантонахъ Швейцаріи, напр., человѣкъ чуждаго вѣроисповѣданія не можетъ пріобрѣсть недвижимаго имущества и жениться. „Если тамъ найдется сердце, соединенное нѣжнѣйшею симпатіею съ его сердцемъ; если тамъ блеснуть очи, въ коихъ должны разгорѣться къ нему первыя искры любви; то онъ долженъ тамъ опасаться, чтобы не видѣть всего того, что онъ желалъ-бы встрѣтить. Да будутъ тамъ дражайшія человѣческія желанія предметомъ первыхъ его ужасовъ! такъ людямъ угодно“. „Вотъ законы! се-ли, о, Боже, сіе священнѣйшее братство!“ (восклицаетъ авторъ). „О, любезное отечество! не ты-ли вся вселенная? О, друзья мой! не вы-ли всѣ честные люди?“ „Смертныя! (продолжаетъ сочиненіе съ негодующею ироніей) полагайте предѣлы своимъ владѣніямъ, да раздѣлитъ воздвигнутый камень ваши народы, да перемѣнятъ васъ разные ваши обычаи по внѣшности во сто различныхъ поколѣній, да учинятъ васъ тысяча различныхъ свойствъ языка чужестранцами и непріятелями... обычай да перемѣнитъ и обезобразитъ и самую вашу природу... Но напрасно вы будете трудиться: вы всегда останетесь подобны по сущности, всегда будете слабы, боязливы, даже и въ варварскомъ состояніи; расположены къ взаимной любви и при самыхъ убійствахъ; будете всегда братья, несмотря на различныя ваши наименованія; вездѣ и всегда другъ въ другъ будете имѣть нужду“.

Читатель видитъ, какъ много было хорошаго въ журналахъ Новикова, какъ старались они о распроѣтненіи знаній, о про-

бужденіи въ обществѣ умственной и нравственной самодѣятельности. Даже при той невыдержанности направленія, при тѣхъ противорѣчіяхъ, какія постоянно встрѣчаются въ нихъ, они все-таки имѣли большое значеніе. Но ихъ вліяніе сильно парализировалось мистическими и масонскими статьями, которыхъ не было только въ „Трудолюбцѣ“. Въ этихъ статьяхъ толкуется и о древней мудрости, перешедшей отъ Адама и скрытой въ іероглифахъ (стр. 275), и о томъ, что „есть на землѣ нѣкоторые Богомъ избранные алхимистскіе адепты, могущіе внутренніи напѣи болѣзни или пороки поправить универсальнымъ лекарствомъ“ (стр. 294), и о „египетскомъ богословіи“ (стр. 319), и о „науѣ каббалѣ“ (стр. 380) и т. д. Встрѣчается даже аскетизмъ, превозносится прелесть смерти, и т. д. (стр. 292.) Смерть, говорится, напр., въ „Утрени. Свѣтъ“, лучше жизни:

О, бранный человѣкъ! познай ты въ жизни сей,
 Что ты есть узникъ нуждъ, поверженный въ неволю;
 Оковы сниметъ смерть, и силою своей
 Дастъ чувствовать тебѣ сей тлѣнной жизни долю.

Не только смерть прекрасна, но прекрасно и все то въ жизни, что напоминаетъ смерть: мрачность лучше свѣта, ибо удаляетъ душу отъ суеты и заставляетъ погрузиться въ себя. Противоположность жизни и смерти—то же, что противоположность тѣла и духа: тѣло есть часто „пища сластолюбивыхъ взоровъ“; всякое тѣлесное наслажденіе, напр. пиры, не есть что-либо высокое, — лучше не нуждаться въ матеріи; когда душа освободится отъ тѣла, она будетъ созерцать истину и жить внутри себя самой, — въ этомъ и заключается блаженство человѣка. Съ этой точки зрѣнія взаимная любовь мужчины и женщины считается зломъ: она рождаетъ пороки; она относится къ тѣлу и равняетъ людей со скотами (Незел., 240.) Все это, понятно, не могло имѣть хорошаго вліянія, и Новиковъ, сѣя одною рукою здоровья сѣмена, другою разбрасывалъ плевелы. Цѣлую жизнь боролся талантливый самоучка съ трудностями, мѣшавшими выработкѣ разумнаго идеала, цѣлую жизнь колебался онъ между рационализмомъ и окончательнымъ мистицизмомъ. Онъ увлекался и Вольтеромъ, и масонствомъ, но его чувство не мирилось съ первымъ, а его свѣтлый умъ мѣшалъ ему броситься въ объятія послѣдняго. Наконецъ, условія воспитанія привели къ естественному результату.

Начиная съ 1784 г., Новиковъ, послѣ поразившей его болѣзни, болѣе и болѣе впадаетъ въ мистицизмъ и въ масонство. Подобно Фон-Визину и Гоголю, онъ начинаетъ раскаяваться въ своей прежней дѣятельности; онъ хочетъ успокоиться въ ложи масонства и всецѣло подчиниться его „милосерднымъ начальникамъ, симъ истиннымъ священникамъ единой, истинной и невидимой церкви“. Грустно становится при чтеніи писемъ Новикова, относящихся къ этому времени и свидѣтельствующихъ о паденіи такого яснаго ума, объ извращеніи такого теплаго чувства. Но въ самомъ паденіи этотъ человѣкъ невольно возбуждаетъ наше сочувствіе своею искренностью, теплотою вѣры, самоотверженіемъ. Какъ блудный сынъ, онъ смиренно преклоняется передъ орденомъ, онъ отдается весь на служеніе дѣлу, которое считаетъ великимъ. Это уже не холодный эгоистъ Гоголь, все раскаяніе котораго привело къ тому, что онъ вообразилъ себя праведникомъ и чѣмъ-то въ родѣ пророка. Но какъ ни симпатична личность Новикова, его самыя лучшія свойства могли сильно вредить обществу, какъ скоро онъ отдавалъ на служеніе масонству и свой умъ, и свою нравственную доблесть, и свой замѣчательный талантъ практической дѣятельности. Масонство получало въ немъ первостепенную силу и превосходное орудіе для распространенія умственного мрака.

Но случились обстоятельства, которыя, усиливъ мистицизмъ Новикова, сдѣлали его окончательно неспособнымъ къ какой-бы то ни было дѣятельности.

Дѣятельность Новикова и друзей его возбуждала во всѣхъ слояхъ общества множество сплетней, инсинуацій, насмѣшекъ, порождала сильную оппозицію, которая рано или поздно должна была кончиться рѣшительнымъ наступленіемъ. Теорія масоновъ возбуждала противъ нихъ духовенство, а ихъ обряды заставляли массу видѣть въ нихъ слугителей злыхъ духовъ, пособниковъ антихриста. Общество считало масоновъ „отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками; о нихъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ, и т. п.“ (Дмитріевъ, Державинъ.) Хотя масонская филантропія была совершенно безвредна, хотя масонскій мистицизмъ былъ положительной реакціей либеральнымъ доктринамъ XVIII в., а шетизмъ ихъ боролся съ индифферентизмомъ и невѣріемъ, но даже люди, понимавшіе все это, не могли простить

свободнымъ каменьщикамъ ихъ идеи равенства, ихъ заботы о бѣдныхъ, ихъ отношеній къ крестьянамъ. Лопухинъ, напр., былъ весьма нищелюбивъ и считалъ подачу милостыни первою обязанностью вѣрующаго. „Но кн. Прозоровскій, замѣчаетъ онъ, — отиѣнный былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками“. Еще болѣе возбуждалъ негодованія своимъ поведеніемъ другъ Новикова, Гамалѣя. Слуга однажды обокралъ его и бѣжалъ; когда его поймали, Гамалѣя сказалъ ему: „видно, мнѣ не суждено имѣть людей; отпускаю тебя и вотъ деньги, которыя ты взялъ; ступай съ Богомъ“. Разъ ночью встрѣтился онъ съ ворами, которые потребовали у него часы и кошелекъ; онъ спокойно отдалъ ихъ, и, пришедши домой, сталъ молиться, чтобы воры не употребили отнятаго на что-нибудь худое. За службу ему хотѣли пожаловать 300 душъ крестьянъ, но онъ отказался, говоря, что не знаетъ, какъ справиться и съ одной своей душой, и боится взять на свое попеченіе еще триста чужихъ. Все это бросалось въ глаза и заставляло смотрѣть на масоновъ подозрительно и враждебно. Въ основѣ масонства лежало нравственное пробужденіе общества, и защитники застоя не могли не возмущаться этимъ началомъ общественной самодѣятельности. Слово „фармазонъ“ сдѣлалось синонимомъ вреднаго человѣка, тѣмъ-же, чѣмъ при Петрѣ былъ „антихристъ“, въ 20-хъ годахъ „либераль“, въ 60-хъ — нигилистъ и т. д. Каждое слово, каждое дѣйствіе, мало-мальски направленныя къ общей пользѣ, возбуждали доносы и обвиненія въ фармазонствѣ. Даже губернаторы и намѣстники, защищавшіе угнетаемыхъ крестьянъ, обвинялись въ масонствѣ („Русск. Архивъ“, 1865, стр. 884.)

Екатерина относилась къ масонству враждебно, какъ противница всякаго мистицизма и послѣдовательница энциклопедистовъ. Въ своей брошюрѣ „Тайна противунелѣпаго общества“ (1780 г.) и въ комедіяхъ „Обманщикъ“, „Обольщенный“ (1785 г.), „Шаманъ сибирскій“ (1786 г.) она старалась осмѣять и мартинистовъ, и духовидцевъ, и шарлатановъ, въ родѣ Каліостро. Когда же начались въ Германіи гоненія на иллюминатовъ, которыхъ совершенно неосновательно смѣшивали съ масонами, когда французская революція такъ встревожила всѣхъ, то литературная борьба съ масонствомъ перешла въ положительное преслѣдованіе. Для многихъ современниковъ мартинистъ, якобинецъ, иллюминатъ, шар-

латаны, въ родѣ Калиостро, были одно и то-же. Даже противника масоновъ, Радищева, считали мартинистомъ и боязнь масоновъ доходила до болѣзненности. Новиковъ еще въ 1785 г. былъ привлеченъ къ допросу „о причинахъ, побудившихъ его къ изданію странныхъ книгъ, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ“, и въ то-же время митрополиту Платону поручено было испытать образъ мыслей Новикова и разсмотрѣть изданныя имъ книги. Платонъ донесъ, что эти книги раздѣляются на три класса: а) литературныя, относительно которыхъ нужно желать, чтобы онѣ болѣе и болѣе распространялись и содѣйствовали образованію; б) мистическія, „которыхъ не понимаю, а потому не могу судить о нихъ“; в) „гнусныя и юродивыя порожденія такъ-называемыхъ энциклопедистовъ, кои слѣдуетъ исторгать, какъ пагубныя плевелы между добрыми сѣменами“. Что-же касается изданныхъ Новиковымъ русскихъ сказокъ и пѣсенъ, а также романовъ, то Платонъ замѣтилъ: „какъ во всѣхъ сихъ книгахъ ничего полезнаго не заключается, то онѣ и печатаны быть не заслуживали!..“ О самой личности Новикова Платонъ писалъ: „молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковыя, какъ Новиковъ“. На этотъ разъ Новиковъ былъ оставленъ въ покоѣ, но когда онъ пожелалъ возобновить контрактъ относительно дальнѣйшей аренды университетской типографіи, императрица рѣшила: „Новикову не отдавать типографіи: c'est un fanatique“. Въ 1791 г. „типографическая компанія“ принуждена была прекратить свою дѣятельность, а въ апрѣлѣ 1792 г. разразился надъ мартинистами окончательный ударъ. „Вдругъ, рассказываетъ Лопухинъ,— всѣ книжныя лавки въ Москвѣ запечатаны, также типографію и книжные магазины Новикова, и дома его наполнили солдатами, а онъ изъ подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу, съ крайними предосторожностями и съ такими воинскими снарядами, какъ-будто на волоскѣ висѣла цѣлость всей Москвы“. Для ареста Новикова былъ отправленъ эскадронъ гусаръ. Вмѣстѣ съ Новиковымъ къ дѣлу были привлечены двое Трубецкихъ, Невзоровъ, Лопухинъ. Невзорова и Колокольникова, только-что вернувшихся изъ-за границы, привезли въ Петербургъ, въ невскій монастырь, подъ именемъ „якобинцевъ“. Князь Прозоровскій тоже былъ убѣжденъ, что масоны—якобинцы,

и допрашивалъ ихъ о перепискѣ „съ французами“... Когда къ нему привезли Новикова, то Прозоровскій началъ допросъ тѣмъ, что, указывая на одну изъ изданныхъ Новиковымъ книгъ нравственнаго содержанія, въ которой внизу страницъ находились обычные краткія ссылки на главы и мѣста библіи, сказалъ: „вотъ тутъ-то, подъ этими знаками, и скрываются ваши зловерныя разсужденія. Все это разберутъ и узнаютъ ваши умыслы!“ („Русск. Вѣстн.“, т. XI, стр. 572.) Понятно, что съ такими нелѣпыми вопросами Прозоровскій немногое могъ открыть изъ „адскихъ замысловъ тонкаго плута“ Новикова, хотя есть извѣстіе, что онъ подвергалъ его пыткѣ. Новиковъ былъ отправленъ подъ сильнымъ конвоемъ, окольными дорогами, въ Шлиссельбургъ, куда допрашивать его ѣздилъ Шешковскій.

Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, заданныхъ Новикову, и взведенныхъ на него обвиненій:

„Предлагалъ ты сборищу (т. е. масонскому обществу), чтобы составить комитетъ для перевода (религіозныхъ) системъ древнихъ народовъ и богослуженія; а какъ въ Россіи богослуженіе и обряды уже установлены, то за симъ никакое богослуженіе и обряды, а паче египетскіе и жидовскіе, кои на евангеліи не основаны, терпимы быть не могутъ“, то, слѣдовательно, переводомъ упомянутыхъ системъ масоны хотѣли развращать ученіе россійской церкви“.

Масонское общество, назвавшееся орденомъ, подало поводъ къ разспросамъ, какой такой орденъ носятъ масоны? „Объ орденѣ хотя и говорятъ, что у нихъ никакого ордена не возлагаютъ, но сіе сказано неправда, потому что изъ бумагъ ихъ видно, что они называютъ его святымъ и дѣлаютъ ему присягу съ ужасною клятвою, а скрываютъ о ношеніи онаго потому, чтобы избѣгнуть за самовольное его ношеніе законнаго осужденія!..“

Новикову поставлено въ вину, что вся его дѣятельность „клонилась къ благополучію людей, т. е. равенству“! Поставлено въ вину, что съ просьбою о наученіи его закону божію онъ прибѣгалъ „къ невѣдомому челобѣку Рейхелю, а не къ россійскимъ пастырямъ, конечно, просвѣщеннымъ и свѣдущимъ законъ божій“. Сношенія масоновъ съ своими магистрами, принцами брауншвейгскимъ и кассельскимъ, было выставляемо въ такомъ видѣ, что

они, „будучи подданными самодержицѣ, нарушили свои обязательства государю и государству“ и вступили въ иностранное подданство! Мало того, Новиковъ оказался „грабителемъ и мошенникомъ“. Самъ онъ показалъ, что въ четыре года барыша (отъ книжной торговли) получилъ 150,000 р., „а изъ сего довольно ясно, какъ онъ продажею книгъ грабилъ публику, а потому можно-ли его благонамѣреннымъ и непорочнымъ назвать!“ Изъ одного того, что Походяшинъ далъ новиковскому обществу 50,000 р., было выведено, „что Походяшинъ имъ (Новиковымъ) коварно обольщенъ и обманутъ, ибо 50,000 р. такому, каковъ есть Новиковъ, повѣрить, да еще безъ всякаго обязательства, никакъ, кажется, невозможно!“ Новикову предлагали письменно отречься отъ его имѣнй; онъ не согласился, и его посадили въ шлисбургскую крѣпость на пятнадцать лѣтъ. Его имѣнне, два дома въ Москвѣ, аптеку, типографію, книги велѣно продать съ аукціона для уплаты его долговъ, а остатокъ, равно какъ и облигацию въ 50,000 р., данную Походяшинымъ „на вспомоствованіе неистовымъ дѣламъ“ Новикова, отдать въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Въ первый-же день своего царствованія Павелъ освободилъ Новикова и послѣдній отправился въ свое подмосковное село Тихвинское. „Онъ прибылъ къ намъ, говорить Гамалѣя, — дряхль, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ... Нѣкоторое отвѣчиванье небесной радости видѣлъ я на здѣшнихъ поселянахъ, какъ они съ радостными слезами обнимали Николая Ивановича, вспоминали при томъ, что они въ голодный годъ великую черезъ него себѣ помощь получили, и не только здѣшніе жители, но и отдаленныхъ чужихъ селеній“. Больной, дряхлый Новиковъ провель въ Тихвинскомъ послѣдніе годы своей жизни, не помышляя уже ни о какой общественной дѣятельности. Съ нимъ жилъ и Гамалѣя. Къ нимъ нерѣдко прѣзжали не только масоны, но и вообще благочестивые люди для бесѣдъ, за совѣтами и т. д. Вотъ, напр., скептикъ Карамышевъ, желая разрѣшить свои сомнѣнія, отправляется въ Тихвинское. „Въ Гамалѣѣ, говорить онъ, — нашелъ я маленькаго старичишку, невиднаго, котораго можно щелчкомъ пришибить. Безъ дальнихъ обиняковъ сказываю ему причину моего посѣщенія, т. е., что я часто колеблюсь въ дѣ-

лахъ вѣры и отъ него надѣюсь получить объясненіе. Узнавши, что я горный чиновникъ, Гамалѣя замѣтилъ, что я долженъ знать нѣкоторыя науки, и спрашивалъ, посредствомъ которой я желалъ-бы убѣдиться въ дѣлахъ вѣры? Я съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха, и чтобы одурачить его, для смѣха выбралъ ботанику и съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы скрыть свой смѣхъ, внимаю часы и гляжу на нихъ. Старикъ началъ говорить. Презрѣніе мое замѣняется вниманіемъ, наконецъ, переходитъ въ уваженіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ я ему сказалъ: довольно! Не прошло еще пяти минутъ, а онъ уже убѣдилъ меня вполне“ („Русск. Старина, т. V. стр. 569.) Когда наступила реакція, сопровождавшая нашествіе Наполеона, Новиковъ и другой масонъ, Ключаревъ, снова обратили на себя недоброе вниманіе, такъ-какъ принимали къ себѣ французскихъ раненыхъ, а въ перехватываемой корреспонденціи Новикова съ знакомыми возбудило подозрѣніе то обстоятельство, что „въ сихъ письмахъ выраженія просты чрезвычайно, такъ-что подозрѣвать можно, что оныя должны быть тѣми особенно толкованы, кои ключъ загадки сей имѣютъ“ („Русск. Архивъ“, 1866, стр. 693.) Въ послѣдніе годы его жизни мистицизмъ Новикова дошелъ до крайности. Онъ уже не мирилъ науку съ вѣрою, а положительно отрицалъ самостоятельность первой; онъ отвергалъ химію и съ негодованіемъ говорилъ о Лавуазье. „Съ позволенія нашихъ астрономовъ, писалъ онъ Карамзину въ 1814 г.,—они изволятъ бредить, находя болѣе 7 планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы. Ни больше, ни меньше 7 планетъ быти не можетъ, ибо Богъ сотворилъ ихъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными. Неподвижныхъ звѣздъ быти не можетъ, ибо неоспоримая истина — что не имѣетъ движенія, то мертво, ибо жьзнь есть движеніе. Нынѣшніе физики, не довольствуясь 4 стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ 4 только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій за то только, что по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе! Однако они наградили насъ почти сотнею стихій. Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, неимѣющими ни значенія, ни силы. И кто можетъ всѣ ихъ бредни ис-

числить? Не письмами, а фоліантами развѣ можно описать ихъ!“ Но даже въ домашнемъ кругу онъ рѣдко вдавался въ подобные споры. Онъ уже не думалъ ни о чемъ земномъ и хлопоталъ только объ уплатѣ долговъ по старымъ счетамъ. Есть даже извѣстіе, что Новиковъ, другъ крестьянской свободы, сдѣлался суровымъ къ своимъ крѣпостнымъ. Д. Бутурлинъ рассказывалъ, что въ юности онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ часто ѣздилъ къ Новикову въ деревню. „У него былъ въ родѣ секретаря молодой человекъ изъ крѣпостныхъ, которому далъ онъ нѣкоторое образованіе. Онъ при гостяхъ всегда обѣдалъ за однимъ столомъ съ барининомъ своимъ. Въ одно лѣто, старикъ Бутурлинъ, пріѣхавъ къ Новикову, замѣтилъ отсутствіе молодого человека и спросилъ, гдѣ же онъ? „Онъ совсѣмъ избаловался, отвѣчалъ Новиковъ,—и я отдалъ его въ солдаты“ („Русск. Архивъ“, 1873, стр. 2148.) Новиковъ умеръ 74 лѣтъ, въ іюлѣ 1818 г. Вліяніе лучшей поры его дѣятельности продолжалось долго. Еще при его жизни по слѣдамъ его пошелъ его ученикъ Карамзинъ, а черезъ семь лѣтъ послѣ его смерти выступилъ на журнальное поприще достойный его преемникъ, такой-же самоучка, Полевой съ „Телеграфомъ“ и „Новымъ Живописцемъ“. Даже на Грибоѣдовѣ замѣтно вліяніе новиковской сатиры, а журналы Новикова съ удовольствіемъ читались публикой и въ настоящемъ столѣтіи. Даже седьмое изданіе „Живописца“ 1864 г. и третье „Трутня“ 1865 г. давно уже разошлись. Его просвѣтительное значеніе было такъ-же велико, какъ симпатична его личность. Что-же касается его славянофильскихъ увлеченій, то они тоже не остались безъ вліянія. Кирѣевскіе, Хомяковы, Аксаковы восприняли эти идеи, и будучи не въ состояніи создать изъ нихъ систему силою русскаго ума, которою столько восторгались, они, подобно свазочнымъ посланъ древнихъ славянъ, отправились къ Шеллингу и другимъ нѣмцамъ. „Думы наши широки и обильны, но порядка въ нихъ нѣтъ...“ Нѣмцы дали порядокъ.

Что-же касается масонскаго мистицизма Новикова и друзей его, то хотя онъ и оказался менѣе живучимъ, чѣмъ славянофильство, но гоненіе, поднятое на него въ концѣ екатерининскаго царствованія, было не въ состояніи искоренить его. Масоны только притаились, но еще при жизни Новикова дѣятельность ихъ оживи-

лась даже съ удвоенной силой. Но духъ времени повліялъ и на него и, проникнувъ въ его устарѣлыя формы, началъ значительно измѣнять ихъ. Въ царствованіе Александра I старыя масоны, въ родѣ Новикова, Ключарева, Поздѣва, Лабзина, держались еще прежнихъ своихъ традицій, но послѣднія постепенно слабѣли и умирали, не получивъ своего окончательнаго логическаго развитія; алхимическія увлеченія масоновъ внушали уже мало вѣры въ себя, и, не достигнувъ высшихъ „градусовъ“ розенкрейцерства, московское масонство переходило въ аскетическій мистицизмъ, почти вполнѣ солидарный съ его традиціонною формою.

Въ Европѣ къ масонству примыкали даже такіе дѣятели, какъ Лессингъ, которые старались придать ему характеръ космополитической гуманности. При открытіи ложъ въ царствованіе Александра *) это направленіе начало проникать и въ русское масонство при посредствѣ нѣмцевъ, особенно Шредера и извѣстнаго Феслера, либеральная религіозность котораго и его отрицаніе высшихъ градусовъ навлекли на него ненависть старыхъ масоновъ и гоненія со стороны духовенства. Но въ болѣе молодой и либеральной средѣ онъ встрѣтилъ большое сочувствіе къ себѣ и на его голосъ отозвались Балугьянскій, Ал. Тургеневъ, Уваровъ, Павскій, Сперанскій. Самъ Александръ увлекался этимъ мистицизмомъ и часто бесѣдовалъ „о предметахъ сего рода“ съ Сперанскимъ, который съ его вѣдома поступилъ въ ложу Феслера. „Что другое (въ этихъ бесѣдахъ), писалъ Сперанскій Александру изъ своей пермской ссылки, — что другое вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастья, всего изящнаго и высокаго?“ Но либерализмъ людей, подобныхъ Сперанскому, такъ-же легко мирился съ самымъ крайнимъ мистическимъ аскетизмомъ, какъ и ретроградство какого-нибудь Поздѣва. Десять лѣтъ до ссылки Сперанскій изучалъ мистиковъ, въ родѣ Бѣма и Сен-Мартена, но

---

*) Съ 1804 г. масонскія ложи открывались въ Петербургѣ, Москвѣ, Кронштадтѣ, Митавѣ, Вологдѣ, Симбирскѣ, Орлѣ, Киевѣ, Полтавѣ, Бѣлостоцѣ, Томскѣ, Кам.-Подольскѣ, Одессѣ, Ревелѣ, Ямбургѣ, Феодосіи, Житомирѣ, Кишиневѣ и т. д.

это, по его выраженію, была „лишь азбука“. Потомъ онъ дошелъ до высшихъ степеней аскетическаго мистицизма и, чтобы „увидѣть *святъ Фавора*“, совѣтовалъ своимъ друзьямъ древній способъ: сѣсть въ уединенной комнатѣ и устремить взоры на свой пупъ (Р. Арх., 1870.)

Старые масоны составили союзъ Провинціальной ложи, новые—союзъ Астреи, который по указу обязанъ былъ „не имѣть, въ предметъ работъ, изысканія сверхъестественныхъ таинствъ, не слѣдовать правиламъ иллюминатовъ и мистиковъ, ни же алхимистовъ, убѣгать всѣхъ подобныхъ, несообразностей съ естественнымъ и положительнымъ закономъ, и, наконецъ, не стараться о возстановленіи древнихъ рыцарскихъ орденовъ“. При Екатеринѣ центромъ масонства была консервативная Москва, теперь же имъ сдѣлался Петербургъ, либеральный, особенно съ 1815 г. При Екатеринѣ въ ложахъ господствовали почти исключительно аристократы, теперь же въ нихъ появляется масса чиновниковъ, офицеровъ, купцовъ, учителей, медиковъ. Въ числѣ ихъ членовъ были и представители интеллигенціи, Чаадаевъ, Грибоѣдовъ, Гречъ, Рылѣевъ, Ф. Глинка, Н. Вестужевъ, Дельвицъ, Кюхельбеккеръ, Вигель, Батенковъ, Котляревскій и т. д. Но въ нихъ много было и закоренѣлыхъ обскурантовъ и людей совершенно равнодушныхъ ко всякимъ умственнымъ интересамъ. Многіе собирались въ ложи только покутить, какъ свидѣтельствуешь, напр., Степановъ („Русская Старина“, I, 155.) То же говоритъ и Вигель: „Въ первомъ же изъ общихъ собраній Виельгорскій не могъ скрыть удивленія и сожалѣнія своего, увидѣвъ меня принадлежащимъ къ обществу, которое между потомками храмовниковъ не пользовалось доброславой (Вигель былъ въ ложѣ *Amis du Nord*); казалось, что нравственности моею грозитъ опасность. Никто изъ сѣверныхъ друзей не былъ проникнутъ чувствомъ истиннаго вольнаго каменщика: Сионъ, Прево и всѣ прочіе были народъ веселый, гулливый; съ трудомъ выдержавъ серьезный видъ во время представленія пьесы, спѣшили они понатѣшиться, поѣсть, попить, и преимущественно попить; всѣ материнскія увѣщанія Провинціальной ложи остались безуспѣшны. Но когда я разглядѣлъ пристальнѣе елизаветинскихъ масоновъ, то нашелъ, что они ничѣмъ не лучше: они также любили ликовать, пировать, только вдали отъ

взоровъ свѣта, въ кругу самыхъ короткихъ. Исключая главы ихъ Вѣльгорскаго, я не встрѣтилъ между ними ни одного чловека, достойнаго уваженія“... Но были и люди, искренно вѣровавшие масонству, и оно производило на нихъ сильное обаяніе своею мнимою древностью, своею таинственностью. „При первомъ вступленіи въ ложу его поразила (говорить Батенковъ про себя въ третьемъ лицѣ) глубокая тишина и серьезное настроеніе собранія. Онъ почувствовалъ, несмотря на простоту обстановки, пребываніе нѣкоего особаго древняго свѣта, предъ нимъ предстало таинство. Обозрѣвая символическія вещи, онъ замѣтилъ, что онѣ прошли черезъ вѣки, и люди ихъ не касались. Принявъ званіе ученика, онъ смутился, видя необходимость сложиться вновь. Его поразило, что никто не можетъ произнести слова, не получивъ на то позволенія мастера, и наблюдаемая обязанность безмолвно и внимательно слушать, что говоритъ одинъ изъ прочихъ. Всѣ движенія должны имѣть геометрическую правильность. Символь ученика есть грубый булыжный камень, и упражненіе его должно состоять въ отвердѣніи, чтобъ быть годнымъ въ зданіе храма, посвященнаго вѣчному духовному существу“. При всей неказистости, на современный взглядъ, своего мистицизма, масонство имѣло ту хорошую сторону, что многіе вырабатывали въ немъ хорошія убѣжденія и независимость характера. Даже самый мистицизмъ ихъ былъ, по справедливому замѣчанію Пыпина, до нѣкоторой степени полезенъ для нашего общества. „Въ грубой массѣ нашего общества, недумавшей ни о какихъ отвлеченностяхъ, мистики являлись все-таки людьми съ какимъ-бы то ни было убѣжденіемъ, которое имѣло свой хотя элементарный смыслъ. Таковы были, напримѣръ, ихъ толки о внутренней религіи и ихъ вѣчные споры съ тѣмъ духовенствомъ, которое, по недостатку порядочнаго образованія, слишкомъ держалось за одну вѣшнюю религіозность. Сами мистики, правда, мало помогали этому недостатку, но они, по крайней мѣрѣ, его видѣли и даже иногда съ нѣкоторой храбростью указывали. Въ духовенствѣ были люди, признававшіе за ними правду, и митрополитъ Филаретъ въ своей молодости часто бывалъ ихъ союзникомъ; другіе охотно съ ними спорили; за то третьи, которымъ старый порядокъ вещей былъ совершенно хорошъ, какъ Фотій, обвиняли ихъ, какъ безбожниковъ и учени-

ковъ антихриста... Не надо при этомъ забывать, что весь умственный уровень массы былъ тогда крайне невысокъ, мистическій туманъ застилалъ даже такіе умы, какъ Сперанскій, и эти люди выдѣлялись изъ массы, по крайней мѣрѣ, какимъ-нибудь взглядомъ, который они обыкновенно готовы были упорно защищать, а это уже имѣло свое значеніе въ безличномъ и недумующемъ русскомъ обществѣ.—Такъ выдѣляются и раскольники изъ массы простого народа“. Правда, что отъ этого мистицизма для многихъ было не далеко до неистоваго фанатизма Рунича и Магницкаго, что многіе другіе послѣдователи масонства удовлетворились потомъ дѣятельностью библейскихъ обществъ, но черезъ масонство-же прошли и тѣ многіе, общественная дѣятельность которыхъ ознаменовалась вполнѣ прогрессивными стремленіями. Такимъ образомъ, въ началѣ настоящаго вѣка масонство было уже накануне смерти, такъ-какъ въ ложахъ сидѣли вмѣстѣ мрачные аскеты и веселые бутилы, будущіе дѣятели аравчеевской реакціи и будущіе члены либеральныхъ кружковъ. Въ 1822 г. ложи, подъ вліяніемъ европейской реакціи, были закрыты и масонство запрещено. Но это запрещеніе убило только внѣшнюю, декоративную сторону его,—либеральные члены масонства начали составлять кружки, которые быстро развивались и уже не имѣли въ себѣ ничего мистическаго...

Масонскія ложи пали, но мистицизмъ Новикова и другихъ масоновъ нашелъ себѣ много послѣдователей, довольно долго держался въ обществѣ и чрезвычайно вредно дѣйствовалъ на юную русскую науку. Мистицизмъ этотъ проникалъ даже въ математику. „Въ математикѣ, говорилъ, напр., профессоръ казанскаго университета 20-хъ годовъ, Никольскій, — въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, вѣрою возвѣщаемыхъ. Напр., какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единого владыки существовать не можетъ“ и т. д.

Такихъ профессоровъ было много. Въ кievскомъ университетѣ профессоръ астрономіи Федоровъ „сквозь видимое небо созерцалъ небо невидимое, духовное“ и напечаталъ рѣчь „о мнимомъ протворѣчїи, явствующемъ изъ познанія неба видимаго, вещественнаго, и истинами, въ которыхъ открывается чловѣку небо невидимое, духовное“. Профессоръ химіи Зѣновичъ (1834—1839 г.)

былъ настоящимъ Парацельсомъ и читалъ такія лекціи: „въ теоретической части органической химіи было показано мною существованіе *пятого, невидимаго* органическаго начала и его дѣйствіе на атомы тѣлъ и теплотворъ; по отношенію къ человѣку показано *шестое невидимое* начало—душа“ и т. д. „О, то великая и важная есть наука—хѣмья“, восклицалъ часто этотъ алхимикъ, подавшій въ 1837 г. въ академію наукъ нелѣпнѣйшее разсужденіе „о необходимости измѣненія общихъ основаній наукъ, всѣхъ теорій и системъ“. Въ нѣкоторыхъ университетахъ подобныя мистики держались даже до 60-хъ годовъ, а въ наши дни духовными дѣтьми ихъ являются гг. Бутлеровъ и Вагнеръ, ученыя проповѣдники бредней спиритизма.

С. Шанковъ.

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗБАЛОВАННОЕ ДИТЯ.

ГЛАВА I.

Люди ничего не дѣлаютъ безъ фиктивнаго начала. Даже наука, этотъ строгій мѣритель, должна начинатьъ съ предполагаемой единицы и опредѣлять точку въ бесконечномъ обращеніи звѣздъ, когда стрѣлка звѣздныхъ часовъ будто-бы стоитъ на нулѣ. Не столь точная прародительница науки, поэзія, всегда, повидимому, начинается со средины; но при строгомъ размѣшеніи оказывается, что процессъ ихъ обѣихъ почти одинаковъ; наука также считаетъ назадъ и впередъ, дѣлитъ свою единицу на биліоны и, поставивъ свою часовую стрѣлку на нуль, въ сущности начинается всегда *in medias res*. Сколько-бы мы ни смотрѣли назадъ, мы никогда не дойдемъ до истиннаго начала, и будетъ-ли нашъ прологъ на небѣ или на землѣ, онъ все-же представитъ только ничтожную долю того фиктивнаго факта, съ котораго начинается нашъ разсказъ.

Красавица она или нѣтъ? Какая - внѣшняя черта или какое выраженіе даютъ динамическую силу ея взгляду? Что господствуетъ въ этихъ блестящихъ лучахъ — добро или зло? Вѣроятно,

зло; иначе зачѣмъ имъ производить тревожное впечатлѣніе, когда они могли-бы возбуждать спокойное, невозмутимое очарованіе? Отчего желаніе снова взглянуть на нее дышетъ какимъ-то насильственнымъ побужденіемъ, а не добровольнымъ стремленіемъ всего существа?

Женщина, возбуждавшая эти вопросы въ умѣ Даниѣля Деронда, была вся погружена въ азартную игру. Играла она не на открытомъ воздухѣ, подъ южнымъ небомъ, среди живописныхъ развалинъ, бросая мѣдную монету, а въ одномъ изъ блестящихъ притоновъ, созданныхъ нашимъ просвѣщеннымъ вѣкомъ, среди золоченой мишуры и одутловатыхъ обнаженностей, охлаждающихъ дыханіе великосвѣтскихъ грудей.

Было четыре часа пасмурнаго, сентябрьскаго дня и атмосфера уже пропиталась видимой для глаза мглою. Царила мертвая тишина, прерываемая только легкимъ шелестомъ, едва слышнымъ звономъ монетъ и отъ времени до времени однообразными французскими словами, какъ-бы произносимыми искусно устроеннымъ автоматомъ. Вокругъ двухъ длинныхъ столовъ стояла тѣсно сгущенная толпа человѣческихъ существъ, устремившихъ глаза и все свое вниманіе на рулетку. Одно исключеніе въ этой толпѣ составлялъ маленькій, задумчивый мальчикъ въ фантастической одеждѣ, оставлявшей колѣни и икры совершенно обнаженными. Стоя подлѣ дамы, погруженной всецѣло въ рулетку, онъ отвернулся отъ стола и смотрѣлъ, на дверь тупымъ взглядомъ разодѣтаго младенца-гаера, выставляемаго для приманки на балконѣ балагановъ.

Вокругъ столовъ тѣснились болѣе пятидесяти человѣкъ, въ первый рядъ которыхъ постоянно пополнялся новыми пришельцами; это были зрители, и только изрѣдка кто-нибудь изъ нихъ, болѣею частью женщина, бросалъ на столъ съ глупою улыбкой пятифранковую монету, чтобъ на дѣлѣ испытать свою страсть къ игрѣ. Тѣ-же изъ присутствующихъ, которые были всецѣло погружены въ игру, представляли разнообразныя виды европейскаго типа ливонскій и испанскій, греко-итальянскій и смѣшанно-германскій, англійскій аристократическій и плебейскій. Тутъ было поразительное проявленіе принципа человѣческаго равенства. Бѣлые, тонкіе, унизанные кольцами пальцы англійской графини почти прикаса-

лись къ костлявой, желтой, клещеобразной рукѣ, обнаженной до кисти и вполне соответствовавшей испитому лицу съ провалившимися глазами, посѣдѣвшими бровями и нечесанными, скудными волосами, — лицу, представлявшему незначительную метаморфозу ястреба. Гдѣ въ другомъ мѣстѣ согласилась-бы эта аристократка милостиво сидѣть рядомъ съ исхудалой женской фигурой, преждевременно состарѣвшейся, подобно украшавшимъ ее искусственнымъ цвѣтамъ, съ изношеннымъ бархатнымъ ридикюлемъ въ рукахъ и булавкой во рту, которой она накалывала карты? Не вдалекѣ отъ прелестной графини находился почтенный лондонскій торговецъ съ мягкими руками и прямыми, бѣлокурыми волосами, тщательно расчесанными пополамъ ото лба до конца затылка; вся его фигура дышала цвѣтистыми объявленіями, разсылаемыми всемъ представителямъ аристократіи и провинціального джентри, высокое покровительство которыхъ дозволяло ему проводить каникулы по-великосвѣтски и даже въ нѣкоторой степени въ ихъ достоуважаемомъ обществѣ. Его толкала къ рулеткѣ не страсть игрока, уничтожающая всякій аппетитъ, а сытый досугъ, который, въ промежутки времени между наживаніемъ денегъ, торговлей и блестящимъ ихъ проживаніемъ, не видитъ ничего дурного въ приобретеніи денегъ игрою и въ еще болѣе видномъ ихъ употребленіи. Онъ утверждалъ, что Провидѣніе никогда не осуждало этой забавы, и оставался достаточно хладнокровнымъ, чтобъ бросать игру, какъ только она переставала доставлять ему пріятное развлеченіе, т. е. когда онъ переставалъ выигрывать. Въ его глазахъ порочнымъ считался только тотъ игрокъ, который проигрывалъ. Въ его манерахъ проглядывалъ лавочникъ, но въ забавахъ онъ былъ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ самыми древнѣйшими титулованными особами. Подлѣ его стула стоялъ красивый итальянецъ, спокойный, пластичный, хладнокровно протягивавшій чрезъ плечо англичанина груды золотыхъ монетъ. Первая изъ этихъ грудъ, вынутая изъ новаго мѣшка, только-что принесеннаго курьеромъ съ большими усами, перешла черезъ полминуты къ сухощавой старухѣ въ большомъ парикѣ и съ лорнеткой на носу. Старуха слегка улыбнулась, въ глазахъ ея что-то блеснуло, но пластичный итальянецъ не дрогнулъ и тотчасъ приготовилъ другую груды золота, вѣроятно, убѣжденный въ непо-

грѣшимости своей системы вѣрнаго выигрыша. Точно такъ-же самоувѣренно смотрѣлъ на игру состарѣвшійся франтъ и кутила съ одноглазкой; руки его дрожали, выставляя золотыя монеты, но онъ пламенно велъ игру, вѣроятно, вѣря въ сны или счастливыя числа.

Хотя каждый игрокъ рѣзко разнился отъ своего сосѣда, но на всѣхъ какъ-бы была надѣта одна маска отсутствія умственнаго сознанія; словно всѣ они обѣлились однимъ зельемъ, на время одинаково съузвившимъ ихъ мозги.

Взглянувъ на эту мрачную сцену тупого поглощенія человѣческаго ума, Даніель Деронда подумалъ, что игра испанскихъ пастуховъ гораздо заманчивѣе, и, конечно, въ этомъ отношеніи Руссо былъ правъ, утверждая, что искусство и наука сослужили плохую службу человѣчеству. Но вдругъ онъ почувствовалъ, что положеніе становится драматичнымъ. Его вниманіе сосредоточилось на молодой дѣвушкѣ, которая стояла почти подлѣ него, но его взглядъ остановился на ней послѣ всѣхъ игроковъ. Она, наклонясь, говорила что-то по-англійски дамѣ среднихъ лѣтъ, сидѣвшей рядомъ съ нею за игорнымъ столомъ; черезъ минуту она возвратилась къ игрѣ и Деронда могъ вполнѣ разсмотрѣть ея граціозную, высокую фигуру и лицо, которое, быть можетъ, не во всѣхъ возбуждало восторгъ, но непремѣнно останавливало на себѣ вниманіе каждаго.

Борьба мыслей, возбужденная ею въ умѣ Деронда, придавала его глазамъ пытливое выраженіе, мало-по-малу замѣнившее ихъ первоначальный взглядъ неопредѣленнаго восторга. Онъ то слѣдилъ за движеніями ея фигуры и рукъ, когда загадочная сильфида, наклонясь къ столу, очень рѣшительно клала ставку, то сосредоточивалъ свои взоры на ея лицѣ. Она-же, не обращая никакого вниманія на окружающихъ, упорно слѣдила за игрой. Сильфида выигрывала. Въ ту минуту, когда ея тонкіе пальцы въ свѣтло-сѣрой перчаткѣ уставляли пододвинутую къ ней грудку золотыхъ монетъ для новой ставки, она посмотрѣла вокругъ себя холоднымъ, равнодушнымъ взглядомъ, который, однакожь, подъ искусственной маской не вполнѣ скрывалъ внутренній восторгъ.

Во время этого быстрого обзора окружающихъ ея глаза встрѣтились со взорами Даніеля Деронда; вмѣсто того, чтобы отвер-

нутъся, какъ ей хотѣлось, она съ неудовольствіемъ сознала, что его взглядъ приковывалъ ея глаза. На долго-ли? Какъ молнія блеснуло въ ея головѣ, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ окружающими ее ничтожностями, что онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше ея и наблюдалъ за нею, какъ за любопытнымъ образцомъ низшаго вида; ей стало досадно и она закипѣла злобой, предвѣстницей борьбы. Щеки ея не покрылись румянцемъ, но губы поблѣднѣли. Ее удержала отъ вспышки внутренняя рѣшимость вызвать его на бой, и, только обнаруживая свое смущеніе блѣдностью губъ, она снова обратилась къ игрѣ. Но взглядъ Деронда какъ-бы сглазилъ ее. Ставка была проиграна. Это ничего не значило; она постоянно выигрывала съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ сѣла за рулетку, имѣя въ своемъ распоряженіи только нѣсколько золотыхъ монетъ; теперь-же у нея былъ значительный запасъ денегъ. Она начинала вѣрить въ свое счастье, и не одна она, а всѣ; ей представлялось уже, что ей покланяется толпа, какъ богинѣ счастья, и идетъ за нею, какъ за путеводной звѣздой. Подобная удача выпадала на долю игроковъ мужинъ, почему-же не можетъ она выпасть и на долю женщины? Сначала ея другу и спутницѣ не хотѣлось, чтобы она играла, но теперь она уже одобряла ея игру, только осторожно совѣтуя ей остановиться во-время и увести выигранныя деньги въ Англію, на что Гвендолина отвѣчала, что ее прельщало волненіе игры, а не выигрышъ. Поэтому настоящая минута должна была представлять наибольшую точку прилива въ ея пламенной игрѣ. Однакожь, когда слѣдующая ставка была также проиграна, она почувствовала, что зрачки ея глазъ разгораются, и сознаніе, что этотъ человѣкъ, хотя она на него не смотрѣла, все слѣдитъ за нею, стало мучительно тяготить ее. Она стала еще болѣе упорствовать въ своей рѣшимости продолжать игру, она желала показать ему, что ей было все равно—выигрывать или проигрывать. Спутница тронула ее за плечо и предложила отойти отъ стола. Въмѣсто отвѣта Гвендолина положила на столъ десять золотыхъ; она находилась въ томъ вызывающемъ настроеніи, когда умъ теряетъ все изъ вида, кромѣ бѣшената упорства, и съ слѣпымъ безуміемъ вызвала на бой самое счастье. Если она не страшно выигрывала, то лучше всего было страшно проигры-

вать. Она напрягла всё свои мускулы и не выказала ни малѣйшей дрожи ни въ линіяхъ вокругъ рта, ни въ пальцахъ. Каждый разъ, какъ ея ставка была бита, она безмолвно удваивала ее. Много глазъ пристально слѣдили за нею, но она сознавала только взглядъ одного Деронда, который, она была увѣрена, — хотя ни разу не взглянула на него, — не двинулся съ мѣста. Подобная драма оканчивается скоро: завязка, развитіе дѣйствія и развязка не берутъ болѣе минуты. „Faites votre jeu, mesdames et messieurs“, сказала автоматическій голосъ судьбы изъ-подъ длинныхъ усовъ банкюмета, и рука Гвендолины машинально подвинула свою послѣднюю грудку золотыхъ. „Le jeu ne va plus“, произнесла судьба. Черезъ секунду Гвендолина отвернулась отъ стола и твердо, рѣшительно взглянула на Деронда. Ироническая улыбка блеснула въ его взглядѣ, когда ихъ глаза встрѣтились; но лучше было приковать его вниманіе къ себѣ, чѣмъ позволить проскользнуть взоромъ мимо нея, какъ единицы роя насѣкомыхъ, неимѣющей индивидуальной фізіономіи. Къ тому-же, не смотря на его иронію и гордое чувство превосходства, трудно было повѣрить, чтобъ онъ не восхищался ея силой воли и красотой. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, полонъ благороднаго достоинства и не походилъ на смѣшныхъ, нелѣпыхъ филистинлянъ, которые, проходя мимо, считали своимъ долгомъ заклеить рулетку горькимъ взглядомъ протеста. Общее убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ не легко колеблется отъ перваго отрицанія; напротивъ, когда какой-нибудь мужской или женскій представитель тщеславія находитъ, что его игра встрѣчается холодно, онъ предполагаетъ, что усиленіе ставокъ въ этой игрѣ побѣдитъ упрямаго сектанта. Въ умѣ Гвендолины сложилось разъ навсегда понятіе, что она знала, чѣмъ слѣдуетъ восхищаться, и что ею самою восхищались всё. Эта основа ея убѣжденій теперь дрогнула и поколебалась, но вырвать ее съ корнемъ было не легко.

Въ этотъ-же день вечеромъ игорная зала блестяла газомъ и роскошными нарядами дамъ, извивавшихъ на паркетѣ свои длинные шлейфы или сидѣвшихъ на диванахъ.

Нереида въ блѣдно-зеленомъ платьѣ съ серебряными украшениями и въ зеленой шляпкѣ съ такимъ-же зеленымъ перомъ, оправленныи въ серебро, была Гвендолина Гарлетъ. Она находилась

подъ крылышкомъ или, лучше сказать, подъ сѣнью полнаго плеча той самой дамы; которая сидѣла подлѣ нея за рулеткой; съ ними былъ джентльменъ съ коротко-обстриженными волосами, сѣдыми усами, густыми бровями и военной выправкой нѣнца. Они ходили взадъ и впередъ по залѣ, останавливаясь по временамъ и разговаривая съ знакомыми. На Гвендолину было обращено всеобщее вниманіе.

— Поразительная дѣвушка миссъ Гарлетъ. Она не походитъ на другихъ.

— Да, она одѣлась змѣей, вся въ зеленомъ и серебрѣ. Она что-то сегодня болѣе обыкновеннаго поводитъ шей.

— О, она всегда эксцентрична. Находите вы ее красавицей, м-ръ Вандернуть?

— Еще-бы! За нее можно повѣситься... то-есть, конечно, дураку.

— Такъ вамъ нравится *nez getroussé* и длинныя, узкія глаза?

— Да, когда все составляетъ такой *ensemble*.

— *L'ensemble du serpent?*

— Пожалуй. Змѣя женщину соблазнила, отчего-же ей не соблазнить мужчинъ?

— Конечно, она очень граціозна, но ея лицу недостаетъ румянца.

— Напротивъ, я полагаю, что цвѣтъ лица—одна изъ ея главныхъ прелестей. Эта нѣжная блѣдность очаровательна и дышетъ здоровьемъ. А ея маленькій носикъ, вздернутый кверху, просто восторгъ. А ротикъ... такого прелестнаго ротика съ немного приподнятой верхней губой никто еще не видѣлъ, не правда-ли, Маквортъ?

— Вы полагаете? А я терпѣть не могу такихъ ртовъ. Его очертанія слишкомъ неподвижны и въ немъ просвѣчиваетъ гордое самодовольство. Я предпочитаю маленькій ротикъ съ дрожащими губками.

— По мнѣ, она просто противна, сказала старуха-аристократка; — странно, какія непріятныя дѣвушки входятъ въ моду. А кто эти Лангоны? Знаетъ ихъ кто-нибудь?

— Они совершенно *comme il faut*. Я обѣдалъ у нихъ нѣсколько разъ въ *Hôtel de Russie*. Баронеса—англичанка. Миссъ

Гарлетъ приходится ей кузиной. Что-же касается до нея самой, то это очень образованная и умная дѣвушка.

— Неужели! А баронъ?

— Полезное украшеніе гостиной.

— Ваша баронеса всегда за рулеткой, сказалъ Маквортъ;— вѣрно она научила играть молодую дѣвушку.

— Старуха ведетъ самую скромную игру; ея ставка никогда не превышаетъ десяти-франковой монеты. Молодая дѣвушка болѣе увлекается, но это только минутный капризъ.

— Я слышалъ, что она проиграла сегодня все, что выиграла въ послѣдніе дни. Богаты-ли они, кто знаетъ?

— А кто знаетъ о богатствѣ другихъ? закончилъ Вандернуть и пошелъ поздороваться съ Лангенами.

Замѣчаніе, что Гвендолина въ этотъ вечеръ поводила шеей болѣе обыкновеннаго, было совершенно справедливо. Но она это дѣлала не для сходства съ змѣею, а чтобъ скорѣе замѣтитъ въ толпѣ Деронда и навести справки о человѣкѣ, презрительный взглядъ котораго мучилъ ее еще до сихъ поръ. Наконецъ, случай къ тому представился.

— М-ръ Вандернуть, вы всѣхъ знаете, сказала Гвендолина нѣсколько тожно;—кто это стоитъ у дверей?

— Тамъ болѣе дюжины людей. Вы говорите о старомъ Адонисѣ въ парикѣ временъ Георга IV?

— Нѣтъ, нѣтъ; вонъ тотъ брюнетъ съ страшнымъ выраженіемъ лица.

— Вы считаете его страшнымъ? А я полагаю, что онъ красавецъ.

— Кто онъ?

— Онъ недавно пріѣхалъ и остановился въ нашемъ отелѣ вмѣстѣ съ сэромъ Гюго Малинджеромъ.

— Съ сэромъ Гюго Малинджеромъ?

— Да. Вы его знаете?

— Нѣтъ, отвѣчала Гвендолина, слегка покраснѣвъ;—у него помѣстье рядомъ съ нашимъ, но онъ никогда тамъ не живетъ. А какъ вы назвали этого джентльмена?

— Деронда... М-ръ Деронда.

— Какое прекрасное имя! Онъ англичанинъ?

— Да. Онъ, говорятъ, близкій родственникъ баронету. Вы имъ интересуетесь?

— Да, онъ не походить на всѣхъ молодыхъ людей.

— А вы не любите вообще молодыхъ людей?

— Нисколько. Я всегда заранѣе знаю, что они скажутъ; но я, право, не могу догадаться, что скажетъ м-ръ Деронда. Что онъ говорить?

— Преимущественно ничего. Я сидѣлъ съ нимъ около часу вчера ночью на терасѣ и онъ ничего не говорилъ и даже не курилъ. Онъ, вѣжливъ, скучаетъ.

— Вотъ еще причина, почему я желала-бы съ нимъ познакомиться. Я также всегда скучаю.

— Онъ, вѣроятно, будетъ очень радъ представиться вамъ. Хотите, я его приведу? Вы позволяете, баронеса?

— Отчего-же нѣтъ, если онъ родственникъ сэра Гюго Малинджера. А, у васъ уже новая роль, Гвендолина; вы намѣрены скучать? сказала баронеса Лангенъ, когда м-ръ Вандернугъ отошелъ отъ нихъ;—до сихъ поръ ты постоянно съ утра до вечера къ чему-то пламенно стремилась.

— Все это потому, что я до смерти скучаю. Если мнѣ придется бросить игру, я для развлечения сломаю себѣ руку или ключицу. Я должна сдѣлать что-нибудь необыкновенное, или вы поѣдете со мною въ Швейцарію и мы взберемся на Мотергорнгъ.

— Можетъ быть, знакомство съ м-ромъ Деронда замѣнитъ тебѣ Мотергорнгъ.

— Можетъ быть.

Но Гвендолинѣ не суждено было теперь познакомиться съ Деронда. М-ру Вандернугу не удалось въ этотъ вечеръ подвести его къ молодой дѣвушкѣ, а возвратясь домой, она нашла письмо, требовавшее ея немедленнаго возвращенія въ Англію.

ГЛАВА II.

Вотъ письмо, которое Гвендолина нашла у себя на столѣ:

„Милое дитя мое!

Прошла уже недѣля, какъ я жду отъ тебя вѣсточек. Ты въ послѣдній разъ писала, что Лангены хотѣли ѣхать въ Баденъ. Какъ не стыдно тебѣ быть на-столько легкомысленной, чтобы не увѣдомить меня о своемъ адресѣ? Я опасаюсь, что это письмо не

дойдетъ до тебя. Во всякомъ случаѣ, ты должна была возвратиться домой къ сентябрю, а теперь я прошу тебя пріѣхать какъ можно скорѣе, потому что если-бъ ты израсходовала всѣ свои деньги, то я не могла-бы тебѣ ничего выслать, а занимать у Лангеновъ ты не должна: мнѣ нечѣмъ имъ заплатить. Да, дитя мое, вотъ грустная вѣсть, къ которой я не умѣю тебя приготовить, какъ-бы слѣдовало. Насъ поразило страшное несчастіе. Ты не имѣешь никакого понятія о дѣлахъ и этого не поймешь, но Грапнель и К^о обанкротились на миліонъ и мы совершенно разорены—твоя тетка Гаскойнъ и я. У твоего дяди остался только его пасторскій доходъ, но все-же, продавъ лошадей и помѣстивъ мальчиковъ, они могутъ существовать. У меня-же не осталось ничего. Все, что нажилъ нашъ бѣдный отецъ, должно идти въ уплату долговъ. Сердце разрывается при мысли, что я должна тебѣ объ этомъ написать, но чѣмъ скорѣе ты это узнаешь, тѣмъ лучше. Конечно, нельзя не сожалѣть, что ты уѣхала именно въ это время; но я никогда не буду упрекать тебя, милое дитя мое, и, если-бъ только могла, я избавила-бы тебя отъ всякихъ неприятностей. По дорогѣ домой ты можешь на свободѣ приготовиться къ ожидающей тебя здѣсь перемѣнѣ. Можетъ быть, намъ немедленно придется оставить Офендинъ, такъ-какъ я полагаю, что м-ръ Гейнсъ возьметъ его обратно. Конечно, мы не можемъ поселиться въ пасторскомъ домѣ; тамъ нѣтъ свободнаго угла. Мы будемъ принуждены переѣхать въ какую-нибудь бѣдную хижину и жить милостями дяди Гаскойна, пока не представится какого-нибудь мѣста. Я не въ состояніи уплатить теперь даже жалованья слугамъ и долги въ лавки. Будь тверда, дитя мое, и покорись волѣ Божіей, хотя, правда, очень тяжело примириться съ мыслью, что мы всѣмъ этимъ обязаны преступному легкомыслію м-ра Лосмана. Твои бѣдныя сестры только плачутъ и ни въ чемъ не могутъ мнѣ помочь. Если-бъ ты была здѣсь, быть можетъ, блеснулъ-бы лучъ свѣта въ отуманившей насъ черной тучѣ. Я никакъ не могу вѣрить, чтобъ ты была рождена для бѣдности. Если Лангены останутся еще за границей, то найди кого-нибудь, съ кѣмъ ты могла-бы вернуться, но, во всякомъ случаѣ, пріѣзжай какъ можно скорѣе къ твоей горящей и любящей матери

Фанни Давило* .

14*

Первое впечатлѣніе, произведенное на Гвендолину этимъ письмомъ, было сокрушающее. Слѣпая увѣренность, что ея судьба должна быть блестяща и что всякое затрудненіе само собою сгладится, укоренилось въ ея головѣ еще крѣпче, чѣмъ въ умѣ ея матери, благодаря молодой крови и внутреннему сознанию своего превосходства. Ей было такъ-же трудно вдругъ повѣрить, что ее ждали бѣдность и унижительная зависимость, какъ почти недостижимо было ея цвѣтущимъ физическимъ силамъ леденящее сознание о неизбѣжности смерти. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она стояла неподвижно; потомъ быстро сдернула съ головы шляпку и машинально посмотрѣла въ зеркало. Ея гладкіе свѣтло-каштановые волосы были въ порядкѣ, точно она сейчасъ причесалась для бала; она имѣла полное право, какъ это дѣлала нерѣдко, полюбоваться собою (совершенно позволительное удовольствіе); но теперь она не признавала своей красоты и безчувственно смотрѣла въ пространство, точно ей послышался какой-то страшный звукъ и она ждала съ трепетомъ его объясненія. Потомъ она бросилась на красный бархатный диванъ, перечитала два раза письмо и, кинувъ его на полъ, задумалась. Подперевъ подбородокъ руками, она сидѣла неподвижно, но не плакала. Она хотѣла серьезно обдумать свое положеніе и скорѣе отпарировать ударъ, чѣмъ предаться отчаянію. Сердце ея не лепетало „бѣдная мама!“ — ея мать никогда, повидимому, не пользовалась благами жизни, — и если въ эту минуту она могла кого-нибудь сожалѣть, то только себя. Къ тому-же не составляла-ли она естественно главнѣйшаго предмета заботъ матери? Но все ея существо теперь было преисполнено не сожалѣніемъ, а злобой и жаждой сопротивленія; ее бѣсила мысль, что она проиграла всѣ свои деньги въ рулетку, тогда какъ, улыбнись ей счастье еще въ этотъ день, она могла-бы повести домой значительную сумму денегъ или, продолжая игру, пріобрѣсть цѣлое состояніе, которое обезпечило-бы все ея семейство. Даже теперь это было еще возможно! Хотя у нея оставалось только четыре соверена, но она могла заложить свои золотыя вещи, что на германскихъ водахъ не считается позоромъ; даже не получивъ письма матери, она, по всей вѣроятности, рѣшилась-бы заложить этрусское ожерелье, — которое она, по счастливой случайности, давно уже не надѣвала, — чтобы имѣть право сказать, что живетъ шибко, рискованно, а

не скучно и глупо. Съ десятью соверенами въ карманѣ и съ прежнимъ счастьемъ, которое, она была убѣждена, должно вернуться, она могла сдѣлать многое. Для нея, пожалуй, лучше было остаться еще нѣсколько дней и продолжать игру. Если ея родственники и не одобрятъ способъ пріобрѣтенія ея денегъ, то все-же деньги у нея будутъ. Воображеніе Гвендолинны рисовало блестящія послѣдствія подобной рѣшимости, но не такъ убѣдительно и неопровержимо, какъ обыкновенно бываетъ съ страстными игроками. Она взялась за рулетку, побуждаемая не страстью къ игрѣ, а желаніемъ испытать, есть-ли у нея эта страсть; ея умъ былъ въ состояніи вполне трезво взвѣсить всѣ случайности. Блестящая картина выигрыша плѣняла ее, но возможность проигрыша представлялась ей столь-же ясно со всѣми тяжкими для ея гордости послѣдствіями. Она рѣшилась скрыть отъ Лангеновъ несчастіе, разразившееся надъ ея семействомъ, и тѣмъ избавить себя отъ ихъ состраданія; но если-бъ она заложила свои золотыя вещи, то ее непремѣнно осыпали-бы вопросами и упреками. Единственный путь избѣгнуть невыносимыхъ для нея непріятностей было—заложить ожерелье на слѣдующее утро, какъ можно ранѣе, сказать Лангенамъ, что мать требуетъ ея немедленнаго возвращенія безъ всякаго предлога, и въ тотъ-же вечеръ уѣхать въ Брюссель. Правда, у нея не было горничной и Лангены могли воспротивиться ея отъѣзду безъ приличной спутницы, но ея рѣшимость была непреклонна.

Она не легла спать, а зажгла всѣ находившіяся въ комнатѣ свѣчи и стала поспѣшно укладывать свои вещи. Въ головѣ-же ея по-прежнему тѣснились противоположныя мысли о могущихъ произойти на слѣдующій день сценахъ; то ей мерещились непріятныя объясненія и прощанье съ Лангенами, быстрое путешествіе къ грустно измѣнившемуся родительскому дому, то ее соблазняла возможность остаться еще одинъ день и снова попытать счастья въ рулетку. Но въ глазахъ ея рулетка теперь была неизбѣжно связана съ ироническимъ взглядомъ м-ра Деронда, а этотъ взглядъ какъ-то неминуемо велъ къ проигрышу. Образъ этого злого генія, отвратившаго отъ нея счастье, побудилъ ее рѣшиться въ пользу немедленнаго отъѣзда, и потому она уложила всѣ свои вещи, такъ чтобъ отнять у себя возможность остаться. Она пришла въ свою комнату ровно въ двѣнадцать часовъ, а

когда послѣднія вещи были уложены, уже блѣдныя лучи утра, проникая чрезъ стѣны, ступевывали мерцаніе свѣчей. Стоило-ли ложиться? Холодная ванна могла достаточно ее освѣжить, а легкіе слѣды усталости подъ глазами дѣлали ее еще интереснѣе. Въ шести часамъ она была уже совершенно готова; одѣвшись въ сѣрое дорожное платье и держа въ рукахъ поярковую шляпку, она рѣшила, что выйдетъ изъ дома тотчасъ-же, какъ наступитъ время, когда дамы отправлялись къ источнику. Сидя у окна, облокотясь на спинку стула, въ позѣ, точно нарочно выбранной для портрета, она посмотрѣла въ зеркало. Себялюбіе можетъ существовать безъ самодовольства, даже выѣстъ съ чувствомъ недовольства собою, которое тѣмъ сильнѣе, чѣмъ эгоизмъ пламеннѣе; но Гвендолина не знала этой внутренней борьбы. Она наивно восхищалась своей счастливой особой, за что, конечно, никто, кромѣ самаго жестокосердаго святоши, не станетъ упрекать молодую дѣвушку, ежедневно видѣвшую пріятное отраженіе своей особы въ лести друзей и въ зеркалѣ. Даже теперь, въ первую минуту горя, когда она отъ нечего дѣлать, смотрѣла на свое изображеніе, лицо ея, мало-по-малу, приняло самодовольное выраженіе. Ея прелестныя губы все болѣе и болѣе складывались въ улыбку; наконецъ, она, протянувшись къ зеркалу, поцѣловала холодное стекло. Какъ могла она вѣрить въ горе? Если-бъ оно разлилось надъ ея головою, она чувствовала достаточно силы побороть его или убѣжать, какъ она уже однажды сдѣлала. Все казалось ей болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ подчиненіе горю или даже непріятностямъ.

Баронеса Лангенъ никогда не выходила изъ своей комнаты до завтрака, такъ-что Гвендолина могла совершенно безопасно воротиться съ своей ранней прогулки по Оберъ-Штрассе, гдѣ находился магазинъ золотыхъ дѣлъ мастера, который, безъ сомнѣнія, былъ открытъ послѣ семи часовъ. Въ это время всѣ лица, съ которыми она не желала-бы встрѣтиться, или гуляли у источника, или еще спали; только изъ оконъ отеля „Czarina“ можно было прослѣдить за нею до магазина Венера. Но и это обстоятельство ее мало беспокоило, тѣмъ болѣе, что она могла зайти къ золотыхъ дѣлъ мастеру и для того, чтобъ купить понравившуюся ей вещь. Эта искусная ложь блеснула въ ея головѣ при мысли, что въ отелѣ жилъ Деронда. Въ эту минуту она

была уже далеко на Оберъ-Штрассе и поспѣшно шла своей обычной волнистой походкой, причемъ вся ея фигура и платье граціозно извивались, прельщая всѣхъ, за исключеніемъ очень немногихъ, находившихъ въ ней что-то змѣиное и возстававшихъ противъ новаго поклоненія змѣямъ. Она не оглядывалась по сторонамъ и, войдя въ магазинъ, такъ хладнокровно предложила свое ожерелье м-ру Винеру, что онъ замѣтилъ только ея гордую осанку и значительную величину бирюзы. Три главные камня принадлежали къ цѣпочкѣ, носимой нѣкогда ея отцомъ, но она не знала отца и находила, что удобнѣе всего ей было разстаться именно съ этимъ ожерельемъ. Повидимому, суевѣріе прямо противорѣчитъ раціонализму и не можетъ существовать вмѣстѣ съ нимъ; но рулетка развиваетъ романтическое суевѣріе относительно шансовъ игры и въ то-же время самый прозаичный раціонализмъ во всемъ, что касается человѣческихъ чувствъ, преграждающихъ путь къ приобрѣтенію денегъ для игры. Гвендолина только сожалѣла, что она могла прибавить къ своимъ четыремъ соверенамъ не болѣе девяти новыхъ. Такъ безсовѣстно евреи пользовались несчастьемъ христіанъ! Но она была гостьей Лангеновъ и, слѣдовательно, ей ничего не приходилось платить за квартиру и столъ, а тринадцати совереновъ было болѣе чѣмъ достаточно для возвращенія домой; даже если-бъ она рѣшилась поставить три соверена на игорномъ столѣ, то все-же остальныхъ хватило бы для путешествія, такъ-какъ она намѣревалась ѣхать день и ночь. Возвратившись домой, она прошла въ залу и стала тамъ дожидаться завтрака, рѣшившись сказать Лангенамъ, что получила письмо отъ матери, желавшей ея возвращенія, что она намѣрена ѣхать, но еще не опредѣлила день своего отъѣзда. Закрывъ глаза отъ усталости, она съ нетерпѣніемъ ожидала прихода Лангеновъ и придумывала, какъ-бы ей отложить свою поѣзду хотя на одинъ день. Вдругъ дверь отворилась; она быстро вскочила, но это былъ слуга, который подаль ей небольшую посылку, только-что принесенную на ея имя. Гвендолина взяла посылку и поспѣшно ушла въ свою комнату. Она теперь была блѣднѣе и взволнованнѣе, чѣмъ даже по прочтеніи письма матери. Что-то говорило ей прежде, чѣмъ она открыла посылку, что это было только-что заложенное ею ожерелье. Дѣйствительно, въ батистовомъ платкѣ было завернуто ожерелье, а внутри находился лоску-

токъ бумаги, на которомъ было поспѣшно, но четко написанъ карандашемъ: „Посторонній человѣкъ, нашедшій ожерелье миссъ Гарлетъ, возвращаетъ его съ надеждою, что она болѣе не рискуетъ его потерять“.

Гвендолина вспыхнула отъ злости и отъ оскорбленной гордости. У платка былъ оторванъ одинъ уголь, гдѣ была мѣтка, но образъ посторонняго ей человѣка ясно рисовался въ ея воображеніи. Это былъ Деронда. Онъ, должно быть, видѣлъ, какъ она вошла въ магазинъ, послѣдовалъ туда за нею и выкупилъ ожерелье. Онъ позволилъ себѣ непростительную дерзость и поставилъ ее въ ненавистное положеніе. Что ей было дѣлать? Конечно, она не могла открыто признать, что онъ прислалъ ей ожерелье, и возвратитъ его по адресу; этимъ путемъ она вовлечла-бы себя въ еще худшее положеніе, если-бъ ея догадка оказалась ошибочной. Даже если-бъ „посторонній человѣкъ“ былъ дѣйствительно Деронда, то она не могла сознаться передъ нимъ, что знаетъ, кто поступилъ съ нею такъ дерзко, не могла встрѣчаться съ нимъ послѣ подобнаго признанія. Онъ, конечно, зналъ, что поставилъ ее въ самое унижительное, безпомощное положеніе; онъ началъ съ того, что иронически смотрѣлъ на нее, а теперь принялъ на себя роль непрошеннаго ментора. Горькія слезы злости выступили на глазахъ Гвендолины. Никто еще никогда не смѣлъ обращаться съ нею иронически и презрительно. Одно было для нея ясно: что ей необходимо тотчасъ уѣхать. Она не могла показаться въ общественной залѣ, а тѣмъ менѣе у игорнаго стола, гдѣ ее, быть можетъ, ожидалъ Деронда. Среди этихъ мрачныхъ размышленій раздался стукъ въ дверь: завтракъ былъ готовъ. Гвендолина съ сердцемъ бросила ожерелье, платокъ и доску бумаги въ свой несесеръ, отерла глаза, и, подождавъ нѣсколько минутъ, пока не возвратилось къ ней ея обычное самообладаніе, спокойно сошла внизъ. Она прямо объявила своимъ друзьямъ, что получила письмо отъ матери, которая требовала ея возвращенія по причинѣ, какъ она опасалась, непріятной для нея. Она всю ночь укладывалась и теперь совсѣмъ готова къ отъѣзду. Эти слова вполнѣ объясняли слѣды усталости и слезъ на ея лицѣ. Какъ она ожидала, Лангены сначала возстали противъ того, чтобъ она ѣхала одна, но Гвендолина упорствовала; она

рѣшила, что сѣдетъ въ дамскій вагонъ и прѣблагополучно доѣдетъ одна; она, какъ имъ извѣстно, не изъ трусливыхъ.

Такимъ образомъ, Гвендолина не появлялась болѣе у рулетки, а въ тотъ-же день, въ четвергъ, отправилась въ Брюссель и въ субботу утромъ благополучно прибыла въ Офендинъ, съ которыми она и ея семейство должны были вскорѣ проститься на всегда.

ГЛАВА III.

По несчастію для миссъ Гарлетъ, Офендинъ не былъ ей дорогъ по семейнымъ воспоминаніямъ или какъ колыбель ея дѣтства. Я полагаю, что всякая человѣческая жизнь должна пустить глубокіе корни въ какомъ-нибудь уголкѣ отечественной земли, гдѣ она научается любить какъ нѣчто родственное природу, людей, даже собакъ и ословъ,—однимъ словомъ, все, что придаетъ мѣсту нашего рожденія своеобразный, отличный отъ всѣхъ другихъ мѣстностей характеръ. Пяти лѣтъ люди не могутъ быть всесвѣтными гражданами, руководствоваться отвлеченными понятіями и возвыситься отъ естественныхъ предпочтеній того или другого до высшаго безпристрастія; предубѣжденіе въ пользу молока, съ которымъ мы начинаемъ жизнь, указываетъ на тотъ способъ, которымъ, по крайней мѣрѣ на-время, должны питаться наше тѣло и душа.

Но у Гвендолины не было такой колыбели дѣтства, развивающей чувства любви. Ея мать поселилась въ Офендинъ только потому, что онъ находился вблизи пеникотскаго пасторскаго дома, и лишь за годъ передъ тѣмъ м-съ Давило, Гвендолина и ея четыре сводныя сестры (съ гувернанткой и горничной въ другомъ экипажѣ) въѣхали въ офендинскую алею въ свѣтлый октябрьскій день при карканьѣ воронъ надъ ихъ головами и шелестѣ желтыхъ листьевъ, усѣвавшихъ землю.

Позднее время года вполне соответствовало внѣшнему виду большого, продолговатаго дома изъ краснаго кирпича, быть можетъ, слишкомъ испещреннаго украшеніями изъ камня, не исключая двойного ряда узкихъ оконъ и большого четырехугольнаго портика. Камень давалъ пріютъ въ своихъ расщелинахъ зеленому лишайнику, а кирпичъ—сѣроватому мху, такъ что, несмотря на

правильные углы зданія, оно не бросалось въ глаза своей рѣзкостью среди окружавшей его на сто ярдовъ старинной рощи, въ которой было прорублено три алеи — съ востока, запада и юга. Было-бы лучше, если-бъ домъ стоялъ на возвышеніи и господствовалъ не только надъ своимъ маленькимъ паркомъ, но и надъ длиннымъ рядомъ соломенныхъ крышъ сосѣднихъ селеній, церковной колокольней, разбросанными тамъ и сямъ отдѣльными хижинами и волнистой, зеленой лентой лѣсовъ, придающей необыкновенную красоту той части Вессекса. Но хотя онъ стоялъ какъ-бы за занавѣской окружающихъ его деревьевъ, среди плоскихъ луговъ съ одной стороны открывался обширный видъ на извилистую мѣловую низменность, переливавшую различными тѣнами при игрѣ свѣта.

Вообще этотъ домъ былъ достаточно великъ, чтобъ называться замкомъ, хотя за неизмѣнимъ принадлежащей къ нему земли отдавался за умѣренную цѣну, тѣмъ болѣе, что его внутреннее убранство было нѣсколько мрачно и полиняло. Но снаружи и внутри онъ нѣсколько не походилъ на жилища лавочниковъ, покинувшихъ торговлю; эта отличительная черта мирила съ многими неудобствами его обитателей, которые не только по вкусу отвергивались отъ современной мишурѣ, но стояли на томъ рубежѣ аристократіи, гдѣ царить пламенное желаніе перешагнуть границу. Поэтому сознаніе, что она поселится въ жилищѣ, нѣкогда обитаемомъ вдовствующей графиней, много увеличивало въ глазахъ м-съ Давило само по себѣ значительное удовольствіе жить своимъ домомъ. Такая жизнь вдругъ оказалась возможной (нѣсколько таинственно для Гвендолинн) послѣ смерти ея отчима, капитана Давило, который въ послѣднія девять лѣтъ очень рѣдко и на короткое время посѣщалъ свое семейство; но она гораздо болѣе заботилась о фактѣ, чѣмъ объ его объясненіи. Теперь будущность представлялась ей въ гораздо болѣе розовомъ свѣтѣ. Ей не нравилась ихъ прежняя кочевая жизнь, скитаніе по иностраннымъ водамъ и парижскимъ трактирамъ, гдѣ постоянно приходилось знакомиться съ новой обстановкой, наемной мебелью и новыми людьми въ такихъ условіяхъ, при которыхъ она не могла не оставаться въ тѣни, а проведя два года въ блестящей школѣ и на всѣхъ торжествахъ играя первую роль, она полагала, что такая необыкновенная особа, какъ она, не могла оставаться въ столь неудовле-

творительномъ общественномъ положеніи. Этому послѣднему злу былъ положенъ конецъ, какъ только ея мать рѣшилась жить своимъ домомъ въ Англіи. Что-же касается происхожденія новой обстановки, въ этомъ отношеніи Гвендолина была совершенно спокойна. Она не знала, какимъ образомъ дѣдъ ея по матери нажилъ состояніе, которое онъ оставилъ двумъ дочерямъ, но онъ былъ родомъ изъ Вестъ-Индіи,—и всякіе другіе вопросы были излишни. Относительно-же рода ея отца она знала, что онъ былъ до того выше рода ея матери, что на послѣдній не стоило обращать никакого вниманія; но это, однакожь, не мѣшало м-съ Давило съ гордостью сохранять миниатюрный портретъ одной изъ родственницъ ея перваго мужа, леди Молли. Гвендолина, вѣроятно, знала-бы гораздо болѣе о своемъ отцѣ, если-бъ не случилось одного незначительнаго обстоятельства, когда ей было двѣнадцать лѣтъ. М-съ Давило по временамъ показывала дочери различныя вещи, оставшіяся послѣ перваго мужа, и съ особеннымъ чувствомъ рассказывала, смотря на его портретъ, что когда милый папа умеръ, его маленькая дочь была еще въ пеленкахъ. Гвендолина, вспоминая о своемъ непріятномъ отчимѣ, однажды воскликнула:

— Зачѣмъ вы снова вышли замужъ, мама? Было-бы гораздо лучше, если-бъ вы не выходили.

М-съ Давило вспыхнула, лицо ея передернуло и, поспѣшно спрятавъ портретъ перваго мужа, она сказала съ необычайной для нея рѣзкостью:

— У тебя, дитя, нѣтъ никакого чувства.

Гвендолина очень любила свою мать, ей стало совѣстно и она никогда болѣе не спрашивала объ отцѣ.

Однакожь, это не былъ единственный случай угрызения совѣсти въ жизни молодой дѣвушки. Она всегда спала въ комнатѣ матери, которая любила болѣе всѣхъ дѣтей старшую дочь, родившуюся въ счастливую эпоху ея жизни. Однажды ночью съ м-съ Давило случился припадокъ и она, не найдя на спальномъ столікѣ лекарство, которое забыла поставить, попросила Гвендолину встать и подать ей его. Здоровая, кровь съ молокомъ молодая дѣвушка, лежавшая въ своей постели, какъ розовый херувимъ, не захотѣла встать съ теплаго ложа на холодный полъ и, надувъ губы, отказалась исполнить просьбу матери. М-съ Давило осталась безъ лекарства и не сказала ни слова упрека дочери;

но Гвендолина на слѣдующій день поняла, что должно было происходить въ умѣ ея матери, и старалась загладить свою вину нѣжными ласками, которыя ей ничего не стоили. Она всегда была баловнемъ и гордостью всего дома, ей съ малолѣтства прислуживали мать, сестры, гувернантки и прислуга, точно она была какая-нибудь принцеса въ изгнаніи; она такъ была избалована общимъ вниманіемъ къ ней, что рѣшительно недоумѣвала, если, какъ это очень рѣдко случалось, ея требованіе не удовлетворялось такъ быстро, какъ она того желала; если же встрѣчала въ чемъ-нибудь сопротивленіе, она чувствовала какую-то изумленную злобу, которая въ дѣтствѣ дѣлала ее склонной къ пламеннымъ, жестокимъ вспышкамъ, противорѣчившимъ совершенно ея обычному настроенію. Хотя она даже ребенкомъ никогда не выказывала легкомысленнаго жестокосердія и, напротивъ, находила удовольствіе въ спасеніи насѣкомыхъ изъ воды, ее преслѣдовало по временамъ непріятное воспоминаніе о томъ, что однажды въ припадкѣ злобы она задушила канарейку сестры, мѣшавшую ей пѣть своими громкими, звучными нотами. Чтобъ вознаграждать сестру, она съ нѣкоторымъ трудомъ достала бѣлую мышку, и хотя внутренно извиняла свой поступокъ особой впечатлительностью своей натуры, — ясный признакъ превосходства, — она всегда болѣзненно вздрагивала при мысли объ этомъ убійствѣ. Гвендолинѣ были знакомы угрызенія совѣсти, но она не любила, чтобъ раскаяніе стоило ей дорого, и теперь, когда ей было за двадцать лѣтъ, въ ней оказывалось сильно развитымъ чувство самообладанія, которымъ она предохраняла себя отъ унижительнаго раскаянія. Она была теперь пламеннѣе и самовольнѣе, чѣмъ въ дѣтствѣ, но виѣствѣ съ тѣмъ она отличалась большей расчетливостью и осторожностью.

Въ тотъ день, когда ея семейство переѣхало въ Офендинъ, котораго прежде никто не видалъ, даже м-съ Давило, такъ-какъ этотъ домъ нанялъ для нея зять м-ръ Гаскойнъ, всѣ, мать, сестры и гувернантка, выйдя изъ экипажа, остановились въ дверяхъ парадныхъ сѣней, украшенныхъ мрачными картинами, и молча смотрѣли на Гвендолину, точно ихъ впечатлѣнія зависѣли отъ ея приговора. Объ остальныхъ дочеряхъ м-съ Давило, отъ шестнадцати-лѣтней Алисы до десяти-лѣтней Изабеллы, ничего нельзя было сказать съ перваго взгляда, кромѣ того, что онѣ еще со-

вершенныя дѣти, а ихъ черныя платья значительно пообносились. Гувернантка, миссъ Мерри, была пожилая дѣвушка съ совершенно нейтральнымъ выраженіемъ лица. Поблекшая красота м-съ Давило казалась еще патетичнѣе отъ безпомощныхъ взглядовъ, бросаемыхъ ею на Гвендолину, которая критически осматривала окружающій пейзажъ, вѣшній видъ дома и внутреннія сѣни. Представьте себѣ молодого скакового коня среди необученныхъ жеребятъ и загнанныхъ клячъ.

— Ну что-же, дитя мое, что-жь ты думаешь объ этомъ домѣ? спросила, наконецъ, м-съ Давило легкимъ тономъ упрека.

— Прелестное, романтичное жилище, отвѣчала послѣшно Гвендолина:—прекрасная рамка для всякаго удовольствія. Никому не было-бы стыдно здѣсь жить.

— Да, здѣсь нѣтъ ничего пошлаго, встрѣчающагося на каждомъ шагу.

— О! здѣсь мѣсте изгнанной королевской фамиліи или великимъ людямъ, впавшимъ въ бѣдность. Намъ слѣдовало-бы прежде жить съ блескомъ въ свѣтѣ, а потомъ удалиться сюда. Это было-бы вполне романтично. Но я полагала, что дядя и тетка Гаскойнъ съ Анной встрѣтятъ насъ, рѣзко прибавила Гвендолина, смотря съ удивленіемъ по сторонамъ.

— Мы рано пріѣхали, отвѣчала м-съ Давило и, войдя въ сѣни, спросила у вышедшей къ ней на-встрѣчу экономки: — вы ожидаете сегодня м-ра и м-съ Гаскойнъ?

— Да, сударыня; они были вчера и приказали затопить всѣ печи и приготовить обѣдъ. Впрочемъ, что касается печей, то я уже съ недѣлю вездѣ топлю и провѣтриваю. Я вычистила также всю мебель и мѣдную посуду; жаль, что первая почти не стоитъ моихъ трудовъ, но послѣдняя блеститъ какъ золото. Надѣюсь, что м-ръ и м-съ Гаскойнъ засвидѣтельствуютъ, что я ничего не упустила изъ виду и все приготовила какъ слѣдуетъ. Они непременно пріѣдутъ къ пяти часамъ.

Эти слова успокоили Гвендолину, которая не могла хладнокровно перенести, чтобъ на ихъ пріѣздъ не обратили должнаго вниманія. Она теперь взбѣжала по каменной лѣстницѣ, устланной матами, потомъ снова спустилась внизъ и, въ сопровожденіи сестеръ, осмотрѣла всѣ комнаты нижняго этажа: столовую съ стѣнами изъ темнаго дуба, съ старой мебелью, крытой поношеннымъ

краснымъ атласомъ, и съ двумя картинами: Христомъ, преломляющимъ хлѣбъ,—надъ каминомъ, и копіей собакъ Снайдерса—надъ столомъ; бібліотеку, дышавшую старой коричневой кожей, и, наконецъ, гостиную, передъ которой находилась маленькая передняя, загроможденная старинными вещами.

— Мама! Мама! подите сюда! воскликнула Гвендолина, такъ какъ м-съ Давило медленно шла за дочерью, разговаривая съ экономкой. — Здѣсь есть органъ. Я буду св. Цециліей и кто-нибудь меня изобразить такъ на картинѣ. Джозефа (такъ называла она миссъ Мерри), распустите мнѣ волоса. Посмотрите, мама!

Она бросила на столъ шляпу и перчатки и сѣла къ органу въ живописной позѣ, поднявъ глаза къ небу; послушная Джозефа выдернула гребень изъ косы Гвендолины, и гладкая свѣтло-каштановая волна побѣжала по спинѣ молодой дѣвушки до тонкой ея талии и гораздо ниже.

— Прелестная картина, дитя мое! произнесла съ улыбкою м-съ Давило, очень довольная, что ея любимица явилась во всей своей красотѣ, хотя-бы передъ экономкой.

Гвендолина вскочила и весело разсмѣялась. Эта выходка казалась ей совершенно естественной въ новомъ домѣ, который составлялъ такую прекрасную рамку для всякихъ представленій.

— Какая странная, прелестная комната! продолжала она, осматриваясь по сторонамъ;— мнѣ очень нравятся эти старинныя, шитыя кресла, вѣнки на карнизахъ и картины, которыя такъ темны, что ихъ не разберешь. Посмотрите, на этой картинѣ видны только какія-то ребра... Я думаю, мама, эта картина испанской школы.

— О, Гвендолина! воскликнула съ изумленіемъ маленькая Изабелла, неожиданно отворяя потайной наличникъ въ панели.

Всѣ бросились къ ребенку, впереди всѣхъ Гвендолина. За наличникомъ оказалась картина, изображавшая мертвую голову, отъ которой бѣжала какая-то темная фигура съ протянутыми къ небу руками.

— Какъ страшно! промолвила м-съ Давило, съ отвращеніемъ смотря на картину.

Гвендолина стояла молча, дрожа всѣмъ тѣломъ, а Изабелла, простой, безъискусственный ребенокъ съ бѣдовой памятью, сказала:

— Ты никогда, Гвендолина, не останешься одна въ этой комнатѣ.

— Какъ ты смѣешь, дрянъ, отпирать то, что нарочно заперто! восклинула Гвендолина злобно и поспѣшно захлопнула дверку. — Тутъ есть замокъ; гдѣ-же ключъ? Пусть сейчасъ найдутъ ключъ, а если его нѣтъ, то сдѣлать новый, и чтобъ никто не смѣлъ отворять этой дверки или, лучше, дайте мнѣ ключъ.

Произнося это приказаніе, обращенное ко всѣмъ вообще, Гвендолина отвернулась съ раскраснѣвшимся лицомъ и прибавила:

— Пойдемте въ нашу комнату, мама.

Экономка нашла требуемый ключъ въ шифоньерѣ въ той-же комнатѣ и, отдавая его горничной, сказала, чтобъ та отнесла его ея высочеству.

— Я не знаю, о комъ вы говорите, м-съ Стартинъ, отвѣчала горничная, миссъ Боэль, которая, раскладывая вещи наверху, не видала сцены въ гостиной и нѣсколько обидѣлась ироническому замѣчанію новой служанки.

— Я говорю о молодой миссъ, которая будетъ нами всѣми командовать, отвѣчала м-съ Стартинъ, и прибавила для умиловленія горничной:— Конечно, она вполне этого достойна. Отдайте ключъ; она уже знаетъ, отъ чего онъ.

— Если вы приготовили все, то можете идти къ сестрамъ, Боэль, я помогу мамѣ, сказала Гвендолина, войдя съ м-съ Давило въ черную съ желтымъ спальню, гдѣ, подлѣ громадной кровати въ родѣ катафалка, стояла маленькая, бѣлая постель.

Однакожь, она нисколько не думала о туалетѣ матери, а прямо подошла къ большому зеркалу, висѣвшему между окнами.

— Это зеркало, благодаря черному и желтому цвѣтамъ въ этой комнатѣ, очень рельефно выставляетъ твою красоту, Гвендолина, сказала м-съ Давило, смотря съ удовольствіемъ на дочь, которая, повернувшись въ три четверти къ зеркалу, приглаживала лѣвой рукой волосы.

— Стоитъ только воткнуть въ волоса нѣсколько бѣлыхъ розъ и я буду очень сносна св. Цецилія, сказала Гвендолина; — только что вы скажете, мама, о моемъ носѣ? Я не думаю, чтобъ у св. Цециліи былъ курносый носъ. Какъ-бы я желала имѣть вашъ прямой носъ; онъ годился-бы на все. А мой носъ только счастливый, но не годится для трагедій.

— О, дитя мое, всякій носъ хорошъ, чтобъ переносить несчастіе, отвѣчала м-съ Давило съ глубокимъ вздохомъ и, бросивъ свой черный чепчикъ на столъ, задумалась.

— Ну, мама! сказала Гвендолина, отворачиваясь съ неудовольствіемъ отъ зеркала, — не думайте грустить здѣсь. Ваша грусть испортитъ всѣ мои удовольствія, а въ этомъ домѣ можно жить очень счастливо. Что побуждаетъ васъ грустить именно теперь?

— Особенной причины нѣтъ, дитя мое, это правда, отвѣчала м-съ Давило, дѣлая усиліе надъ собою и снимая платье; — для меня довольно видѣть тебя счастливой.

— Нѣтъ, вы должны быть и сами счастливы, продолжала Гвендолина недовольнымъ тономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ помогая матери одѣваться и ласкаясь къ ней; — развѣ счастливымъ можно быть только въ молодости? Смотри на васъ, прежде я часто спрашивала себя, зачѣмъ я остаюсь съ вами, если вы грустите, дѣвочки надобѣдаютъ до крайности, Джозоза страшно дурна и деревянна и все вокругъ такъ площадно? Но теперь вы можете быть счастливы.

— Да, я буду, отвѣчала м-съ Давило, треща дочь по щебѣ.

— Но вы должны быть дѣйствительно счастливы, а не только казаться счастливой. Посмотрите, какія у васъ руки; онѣ гораздо красивѣ моихъ. Всякій, взглянувъ на васъ, скажетъ, что вы были гораздо красивѣ меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубушка, я никогда не была и въ половину такъ хороша, какъ ты.

— Но какая польза, что я хороша, если кончится тѣмъ, что мнѣ все наскучитъ и опротивѣетъ? Неужели замужество всегда къ этому приводитъ?

— Нѣтъ, дитя мое, бракъ для женщины—средство быть счастливой, и ты, я надѣсь, докажешь это блестящимъ образомъ.

— Я никогда не помирюсь съ бракомъ, если онъ не доставитъ мнѣ счастья. Я рѣшилась быть счастливой; по крайней мѣрѣ, не тратить жизнь на мелочи и не оставаться въ неизвѣстности. Я твердо положила не позволять никому вмѣшиваться въ мои дѣла, какъ нѣкоторые себѣ позволяли до сихъ поръ. Вотъ, мама, горячая вода, приготовленная для васъ.

Съ этими словами Гвендолина подала матери воду, а потомъ, снявъ съ себя платье, сѣла къ зеркалу, и м-съ Давидо стала ее причесывать.

— Я, кажется, тебѣ никогда ни въ чемъ не перечила, Гвендолина, сказала она послѣ минутнаго молчанія.

— Вы часто желаете, чтобъ я дѣлала то, что мнѣ противно.

— Ты говоришь объ урокахъ Алисы?

— Да, я исполняю ваше желаніе, но, право, не знаю, къ чему это дѣлаю. Меня уроки мучать до смерти, а ей не идутъ въ пользу. Она такая глупая, не имѣетъ ни къ чему способностей: ни къ языкамъ, ни къ музыкѣ. Ей гораздо лучше остаться невѣжей. Это ея роль, и она ее исполнить отлично.

— Какъ тебѣ не стыдно говорить такъ дурно о своей сестрѣ, Гвендолина? Она, бѣдная, съ такой охотой всегда ухаживаетъ за тобою.

— Я, право, не знаю, мама, зачѣмъ стыдиться называть вещи ихъ именами и ставить каждаго на его мѣсто. Тяжело не ей быть дурой, а мнѣ даромъ терять время. Ну, мама, позвольте, я вамъ поправлю волосы.

— Да, намъ надо поторопиться. Дядя и тетка сейчасъ пріѣдутъ. Ради Бога, дитя мое, не будь рѣзка съ ними и съ твоей кузиной Анной, съ которой тебѣ постоянно придется вмѣстѣ вѣзжать. Обѣщай мнѣ это, Гвендолина. Ты знаешь, что Анна не можетъ быть тебѣ равной.

— Я и не желаю, чтобъ она была мнѣ равной, съ улыбкой сказала Гвендолина, качая головой, и на этомъ разговоръ окончился.

По пріѣздѣ м-ра и м-съ Гаскойнъ съ дочерью, Гвендолина обошлась съ ними не только не рѣзко, но была очень любезна. Она возобновляла знакомство съ родственниками, съ которыми она видѣлась въ послѣдній разъ, когда ей только-что исполнилось шестнадцать лѣтъ; теперь она желала или, лучше сказать, рѣшилась очаровать ихъ.

М-съ Гаскойнъ походила на сестру, но была смуглѣе и худощавѣе; ея лицо не было запечатлѣно грустью, движенія не отличались томностью, а во взглядѣ выражалось болѣе жизни и пылкости, какъ подобало женѣ пастора, обязанной имѣть на окру-

жающихъ благотвѣтельное вліяніе. Но самой общей между ними чертою была пассивная наклонность къ послушанію и подражанію, что, благодаря различію ихъ положенія, и привело къ противоположнымъ результатамъ. Младшая сестра была несчастна въ замужествѣ, а старшая считала себя счастливѣйшей изъ жёнъ, и ея пассивность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приняла, наконецъ, форму изумительно-активную. Многія изъ ея мнѣній, напримѣръ, о церковныхъ дѣлахъ и архіепископѣ Лаудѣ, были до того рѣшительны, что трудно было предположить, что они приняты ею только изъ повиновенія мужу. Впрочемъ, многое въ ея мужѣ располагало къ слѣпому довѣрію къ его авторитету. Онъ отличался нѣсколькими пріятными добродѣтелями и важными преимуществами, и даже приписываемые ему недостатки только обезпечивали его успѣхъ въ жизни.

Въ ряду преимуществъ, которыми онъ обладалъ, первое мѣсто занимала красивая фигура, еще болѣе замѣчательная въ пятьдесятъ семь лѣтъ, чѣмъ въ молодости. Лицо его не отличалось обще-пастырскимъ выраженіемъ, сфичіально добродушнымъ и смиреннымъ; онъ не былъ ни напыщенъ, ни искусственно небреженъ въ обращеніи; встрѣтивъ его, всякій сказалъ-бы, что это просто джентльменъ съ красивыми чертами лица, съ сѣдыми волосами и носомъ, начинавшемся горбомъ, но потомъ неожиданно принимавшемъ правильную форму. Этимъ отсутствіемъ клерикальной завадки, пропитывающей всю фигуру, тонъ и манеры англиканскаго пастора и сквозящей черезъ всякую одежду, онъ былъ обязанъ тому обстоятельству, что нѣкогда служилъ въ арміи капитаномъ и принялъ духовный санъ не задолго до женитьбы на миссъ Арминъ. Когда ставили упрекомъ, что онъ имѣлъ недостаточную подготовку для пастора, его друзья спрашивали, кто въ англиканскомъ духовенствѣ отличался болѣе достойной осанкой, кто лучше проповѣдывалъ или пользовался лучшимъ авторитетомъ въ своемъ приходѣ? Онъ обладалъ врожденной способностью къ администраціи, выказывая чрезвычайную снисходительность къ чужимъ мнѣніямъ и поступкамъ, такъ-какъ онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобъ господствовать надъ всѣми, и никогда не былъ раздражителенъ, какъ люди сознательно слабѣе. Онъ съ пріятной улыбкой относился къ людскимъ слабостямъ или къ модѣ, господствовавшей въ данную минуту, напримѣръ, къ садо-

водству и антикварству, очень распространеннымъ между пасторами его епархіи; самъ-же онъ предпочиталъ слѣдить по картамъ за современными войнами или отгадывать, что сдѣлалъ-бы Нессельродъ, если-бы англійскій кабинетъ поступилъ иначе. Образъ мыслей м-ра Гаскойна послѣ нѣкотораго колебанія принялъ скорѣе религіозный, чѣмъ богословскій оттѣнокъ, не ново-англиканскій, а какъ-бы онъ самъ назвалъ—трезво-англійскій, свободный отъ всякихъ излишествъ; много взгляда, по его мнѣнію, и не могъ имѣть человекъ, смотрѣвшій на національную религію благоразумно и примѣнительно ко всѣмъ другимъ вопросамъ жизни. Ни одинъ изъ клерикальныхъ судей не имѣлъ такого вліянія, какъ онъ, на уголовныхъ сессіяхъ и никто менѣе его не дѣлалъ вредныхъ ошибокъ въ практическихъ дѣлахъ. Вообще его упрекали только въ излишней преданности мірскимъ интересамъ; нельзя было доказать, чтобъ онъ отвертывался отъ несчастныхъ, но, безспорно, онъ искалъ дружбы преимущественно тѣхъ, которые могли быть полезны ему, какъ отцу шести сыновей и двухъ дочерей; а злобные критики (лѣтъ десять тому назадъ въ Эссексѣ были такіе злые языки, что теперь и повѣрить трудно) замѣчали, что его мнѣнія измѣнялись по соображенію съ его личными выгодами. Но добродушная, успѣшная преданность мірскимъ интересамъ всегда кажется болѣе эгоистичной, чѣмъ кислая, неудачная преданность тѣмъ-же интересамъ, таинственная исторія которой выражается пятью страшными словами: „продается, но нѣтъ не покупается“.

Гвендолина удивлялась теперь, какъ она забыла, что ея дядя красивый мужчина, но она его видала въ то время, когда ей едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ дѣвушки—равнодушные и неспособные критики въ этомъ отношеніи. Теперь-же для нея было чрезвычайно важно имѣть достойнаго близкаго родственника, который пріятно нарушалъ бы женское однообразіе ея семейной жизни; она, конечно, не намѣревалась подчиняться контролю дяди, но ей пріятно было думать, что онъ съ гордостью введетъ ее, какъ свою племянницу, въ мѣстное общество. А по всему было видно, что онъ гордился ею и не могъ скрыть своего восхищенія.

— Вы переросли Анну, моя милая, сказалъ онъ, нѣжно обнимая свою дочь, застѣнчивое лицо которой было блѣднымъ его

портретомъ;—она моложе васъ годомъ, но, конечно, болѣе не вырастетъ. Я надѣюсь, что вы будете друзьями.

Говоря это, онъ мысленно сравнивалъ свою миниатюрную, скромную Анну съ блестящей Гвендолиной, но хотя онъ и вполне сознавалъ превосходство племянницы, онъ тѣмъ не менѣе допускалъ, что и его дочь имѣетъ свою прелесть и, разужьется, никогда не станетъ соперницей своей двоюродной сестры. Гвендолина также это сознавала и поцѣловала Анну съ искреннимъ радушіемъ.

— Мы болѣе всего нужна добрая подруга, сказала она.—Я очень рада, что мы переѣхали сюда; мама будетъ гораздо счастливѣе, живя такъ близко къ вамъ, тетя.

М-съ Гаскойнъ выразила подобную-же надежду и глубокое удовольствіе, что въ приходѣ мужа нашлось приличное жилище для семейства ея сестры. Потомъ естественно было обращено вниманіе на остальныхъ дѣвочекъ, которыхъ Гвендолина считала всегда лишнимъ баластомъ; представляя всѣ четверо неопредѣленную дѣтскую посредственность, онѣ не имѣли въ ея глазахъ никакого значенія, но все-же служили помѣхой въ ея жизни. Она полагала, что выказывала въ отношеніи къ нимъ слишкомъ большую доброту, и была убѣждена, что дядя и тетка сожалеютъ, что ея матери приходится заботиться о такомъ большомъ количествѣ дѣвочекъ; иначе не могли чувствовать благоразумные люди, по мнѣнію Гвендолины, кромѣ ея бѣдной матери, которая никогда не видала, что Алиса безобразно поднимала плечи и брови, Берта и Фанни постоянно шептались, а Изабелла вездѣ подслушивала и подглядывала и вѣчно наступала на ноги старшихъ сестеръ.

— У тебя есть братья, Анна, сказала Гвендолина, пока происходилъ осмотръ ея младшихъ сестеръ.

— Да; я ихъ очень люблю, отвѣчала просто Анна;—но мнѣ воспитаніе много стоитъ папѣ и онъ всегда увѣрялъ, что они изъ меня сдѣлаютъ мальчишку. Я, дѣйствительно, очень любила бороться и бѣгать съ Рексомъ. Я увѣрена, что ты очень его любишь. Онъ пріѣдетъ домой на Рождество.

— Я помню, что ты была очень дикой и застѣнчивой; но теперь трудно предположить, чтобъ ты боролась съ мальчишками, сказала Гвендолина съ улыбкой.

— О, конечно, я переѣхала и выѣжаю въ свѣтъ. Но, по правдѣ сказать, я люблю по-старому ходить въ лѣсъ за

ягодами съ Эдви и Лотти, и свѣтъ мнѣ не нравится. Впрочемъ, вѣроятно, теперь мнѣ будетъ пріятнѣе выѣзжать вмѣстѣ съ тобою. Я такая глупая и никогда не знаю, что надо сказать. Мнѣ всегда кажется излишнимъ говорить то, что всѣмъ извѣстно, а новаго я ничего не могу придумать.

— Я съ большимъ удовольствіемъ буду выѣзжать вмѣстѣ съ тобою, замѣтила Гвендолина, чувствуя большое расположеніе къ своей наивной кузинѣ;—а ты любишь ѣздить верхомъ?

— Да, но у насъ на всѣхъ братьевъ и сестеръ одинъ шотландскій пони. Папа говоритъ, что онъ не можетъ держать лошадей, кромѣ упряжныхъ и его собственной клячи. У него такъ много расходовъ.

— Я намѣрена завести себѣ верховую лошадь и много ѣздить, сказала Гвендолина рѣшительнымъ тономъ;—а общество здѣсь пріятное?

— Папа говоритъ, что очень пріятное. Кромѣ сосѣднихъ пасторовъ, у насъ въ окрестностяхъ есть много хорошихъ семействъ: Квалоны, Аропинты, лордъ Бракеншо и сэръ Гюго Малинджеръ, который, впрочемъ, никогда не живетъ въ своемъ замкѣ, гдѣ мы устраиваемъ веселые пикники; потомъ въ Винсестерѣ живутъ два или три семейства, въ Нотингвудѣ м-съ Вулкани и...

Тутъ Анна была освобождена отъ дальнѣйшаго напряженія своихъ описательныхъ способностей и всѣ отправились въ столовую. За обѣдомъ самъ м-ръ Гаскойнъ подробно отвѣтилъ на вопросъ Гвендолины, распространясь о всѣхъ преимуществахъ Оффендина. Кромѣ ренты, содержаніе дома и хозяйства стоило не дороже, чѣмъ въ Ворсестерѣ самое обыкновенное жилище.

— Даже, если-бъ содержаніе здѣсь и обходилось немного дороже, всегда хорошей и приличный деревенскій домъ стоитъ маленькой жертвы, сказалъ онъ своимъ спокойнымъ, пріятнымъ, добродушнымъ тономъ;—особенно когда хозяйствомъ управляетъ одинокая женщина. Всѣ лучшіе люди въ нашемъ сосѣдствѣ, конечно, пріѣдутъ къ вамъ съ визитомъ, но вамъ не надо давать большихъ обѣдовъ. Мнѣ, дѣло другое, приходится много расходовать на обѣды, но за то я пользуюсь даровымъ помѣщеніемъ. Если-бъ я долженъ былъ платить ренту въ триста фунтовъ, то не могъ-бы никого принимать. Мои сыновья ужасно много стоятъ

мнѣ денегъ. Вы въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе; кромѣ хозяйства и экипажа, у васъ нѣтъ большихъ расходовъ.

— Увѣряю тебя, Фанни, прибавила м-съ Гаскойнь, — теперь, когда наши дѣти подростаютъ, я должна соблюдать экономію. Я сама не важная хозяйка, но Генри меня многому научилъ. Онъ удивительно разсчетливъ и умѣетъ изъ всего извлечь пользу; собѣ-же онъ отказывается во всемъ, а помощниковъ-пасторовъ всегда находитъ даровыхъ. Право, трудно понять, почему до сихъ поръ ему не дали лучшаго мѣста, особенно принимая въ расчетъ его многочисленныхъ друзей и необходимость имѣть на важныхъ постахъ людей съ умѣренными мнѣніями. Если англиканская церковь должна сохранить свое высокое положеніе, въ ней должны быть уважаемы умственные способности и нравственный характеръ.

— О, милая Нанси, ты забываешь старую поговорку: благодаріи небо, что есть триста человѣкъ не хуже меня. Въ-концѣ-концовъ, мы дождемся своего, а въ этомъ увѣренъ. Что-же касается вашего хозяина, Фанни, скажу вамъ, что лордъ Бракеншо мой лучшій другъ. Леди Бракеншо непремѣнно сдѣлаетъ вамъ визитъ. Я уже просилъ ихъ принять Гвендолину членомъ въ нашъ бракеншоскій стрѣлковый клубъ, блестящее собраніе... то-есть, если Гвендолина не имѣетъ ничего противъ моего плана, прибавилъ м-ръ Гаскойнь, взглянувъ на нее съ лукавой улыбкой.

— Это доставить мнѣ самое большое удовольствіе, отвѣчала Гвендолина; — о, я очень люблю прицѣливаться и попадать въ цѣль.

— Наша бѣдная Анна слишкомъ близорука для стрѣльбы, но я первостепенный стрѣлокъ и вы можете практиковаться со мною. Мнѣ надо будетъ приготовить васъ къ нашему стрѣлковому празднику въ іюль мѣсяцѣ. Вообще здѣсь у васъ прекрасное сосѣдство. Прежде всего надо упомянуть объ Аропоинтахъ. У нихъ прекрасный замокъ Кветчамъ-Голь, который стоитъ осмотрѣть съ чисто-художественной точки зрѣнія; ихъ балы и обѣды славятся во всемъ околдѣ. Архидіаконъ — другъ ихъ дома и вы всегда встрѣтите тамъ приличное общество. М-съ Аропоинтъ немного странная и даже карикатурная женщина, но добрая и благонамѣренная. Миссъ Аропоинтъ прелестная дѣвушка и уже представлялась ко двору. Конечно, она должна мириться съ своей матерью, потому

что не всё молодыя дѣвушки имѣютъ такихъ прелестныхъ матерей, какъ ваши, Гвендолина и Анна.

М-съ Давило слегка улыбулась этому комплименту, а мужъ и жена посмотрѣли другъ на друга съ любовью. „Дядя и тетя, кажется, счастливы, подумала Гвендолина:—они не скучаютъ и не грустятъ“. Она рѣшила теперь, что въ Офендинѣ жить можно и что, по всей вѣроятности, на ея долю выпадетъ не мало удовольствій. Даже даровые помощники ея дяди, какъ она случайно узнала, были всегда приличные люди, а м-ръ Мидльтонъ, настоящій помощникъ, былъ просто владѣ. Всѣ жалѣли, что онъ вскорѣ долженъ былъ уѣхать.

Однакожь, былъ одинъ вопросъ, который она такъ жаждала разрѣшить въ свою пользу, что не хотѣла пропустить этого вечера безъ принятія мѣръ къ удовлетворенію своего желанія. Она знала, что ея мать рѣшилась подчиниться контролю м-ра Гаскойна во всемъ, что касалось расходовъ; ее побуждала къ этому не только благоразумная осторожность, но и желаніе, наконецъ, пользоваться искреннимъ сочувствіемъ родственниковъ, которые до сихъ поръ смотрѣли на нее, какъ на бѣдную Фанни, сдѣлавшую большую глупость своимъ вторымъ бракомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о верховой лошади, который уже много разъ обсуждался между Гвендолиною и ея матерью, долженъ былъ подвергнуться рѣшенію м-ра Гаскойна. Гвендолина, сыгравъ, къ удовольствію слушателей пьесу на фортепьяно и пропѣвъ нѣсколько арій, даже дуэтъ съ дядей, который былъ-бы настоящимъ артистомъ, если-бы имѣлъ болѣе времени на занятіе музыкой и пѣніемъ, вдругъ сказала, обращаясь къ матери:

— Мама, вы еще не поговорили съ дядей о моей верховой ѣздѣ?

— Да, произнесла м-съ Давило, взглянувъ на зятя, — Гвендолина очень желаетъ имѣть хорошенькую верховую, дамскую лошадь. Какъ вы думаете, можемъ-ли мы позволить себѣ такой расходъ?

М-ръ Гаскойнъ вытянулъ нижнюю губу и саркастически посмотрѣлъ на Гвендолину, граціозно усѣвшуюся на ручку кресель своей матери.

— Мы могли-бы иногда давать ей пони, сказала м-съ Гаскойнъ, зорко наблюдая за выраженіемъ лица мужа и готовая высказать свое неодобреніе, если только онъ былъ того-же мнѣнія.

— Нѣтъ, тетя, отвѣчала Гвендолина:— вы этимъ только стѣсните другихъ, а мнѣ не доставите никакого удовольствія. Я терпѣть не могу пони. Я скорѣе откажу себѣ въ чемъ-нибудь другомъ, а буду имѣть свою собственную лошадь. (Какъ молодой человекъ или молодая женщина не откажутся съ радостью отъ неопредѣленнаго удовольствія ради удовлетворенія своего минутнаго, опредѣленнаго желанія?)

— Она такъ прекрасно ѣздитъ верхомъ, сказала м-съ Давило, которая даже и въ томъ случаѣ, если-бъ сама не желала купить ей лошадь, не рѣшилась-бы идти противъ нея;— она брала уроки и учитель сказалъ, что ей можно дать любую лошадь безъ всякаго опасенія.

— Позвольте, лошадь будетъ стоять не менѣе шестидесяти фунтовъ, а потомъ кладите ея содержаніе, сказалъ м-ръ Гаскойнъ такимъ тономъ, въ которомъ подъ сопротивленіемъ слышалось и какое-то тайное сочувствіе; — не забывайте, что вамъ нужно держать упражныхъ лошадей и дѣлать большіе расходы на туалетъ.

— У меня только два черныхъ платья, отвѣчала поспѣшно м-съ Давило, — а младшимъ дѣвочкамъ еще не нужно никакого туалета. Къ тому-же Гвендолина сдѣлаетъ мнѣ большую экономію, давая уроки сестрамъ. Въ противномъ случаѣ, прибавила м-съ Давило, — пришлось-бы нанимать дорогую гувернантку и учителей.

Гвендолина почувствовала нѣкоторую злобу къ матери, но старательно скрыла ее.

— Это хорошо, очень хорошо, сказалъ м-ръ Гаскойнъ, взглянувъ добродушно на свою жену.

Тутъ Гвендолина, какъ очень хитрая молодая дѣвушка, неожиданно отошла отъ разговаривавшихъ и занялась разборомъ нотъ на другомъ концѣ гостиной.

— Вѣдное дитя не имѣетъ никакихъ удовольствій, продолжала м-съ Давило вполголоса; — я понимаю, что такая издержка въ первый годъ нашего новаго образа жизни неблагоприятна. Но, право, ей необходимъ моціонъ и хотя какое-нибудь развлеченіе. Ахъ, если-бъ вы видѣли, какъ она прелестна на лошади!

— Мы не считали возможнымъ купить для Анны лошадь, но она, милое дитя, съ такимъ-же удовольствіемъ ѣздила-бы на ослѣ, какъ на лучшей верховой лошади.

Въ это время Анна играла въ шашки съ Изабеллой, которая нашла гдѣ-то старую шашечницу.

— Конечно, красивая женщина никогда не бываетъ такъ хороша, какъ верхомъ на лошади, произнесъ м-ръ Гаскойнъ; — по своей фигурѣ Гвендолина совершенная амазонка. Надо будетъ объ этомъ серьезно подумать.

— Во всякомъ случаѣ, мы могли-бы попробовать, замѣтила м-съ Давило;— вѣдь всегда можно продать лошадь.

— Я поговорю съ конюхою лорда Бракеншо. Это мой *fidus Achates* по лошадиной части.

— Благодарю васъ, отвѣчала м-съ Давило, вполне успокоенная;— вы очень добры.

— Онъ всегда добрый, замѣтила м-съ Гаскойнъ.

Но по возвращеніи домой и оставшись наединѣ съ мужемъ, она сказала:

— Кажется, ты былъ слишкомъ снисходителенъ къ Гвендолинѣ по вопросу о покупкѣ лошади. Какъ можетъ она требовать болѣе того, что имѣетъ твоя дочь? Къ тому-же, намъ-бы слѣдовало прежде посмотрѣть, какъ будетъ вести свое хозяйство Фанни; тебѣ, право, довольно заботъ и безъ этихъ пустяковъ.

— Милая Нанси, мы должны смотрѣть на всякій предметъ со всѣхъ точекъ зрѣнія. Эта молодая дѣвушка стоитъ, чтобъ на нее расходовали деньги; рѣдко приходится встрѣчать подобную красавицу. Она должна сдѣлать блестящую партію, и я не исполнилъ-бы своего долга, если-бъ не помогъ ей въ этомъ отношеніи. Ты знаешь, что она до сихъ поръ не имѣла случая бывать въ обществѣ, благодаря своему отчиму. Мнѣ ее жаль и вмѣстѣ съ тѣмъ я желаю, чтобъ твоя сестра и ея дѣти видѣли-бы на опытѣ, что твой выборъ при замужествѣ былъ удачнѣе ея.

— Еще-бы! Во всякомъ случаѣ, я должна быть благодарна за твои заботы о моей сестрѣ и племянницахъ. Конечно, я ничего не жалѣю для бѣдной Фанни, но я думала объ одномъ обстоятельствѣ, хотя ты о немъ и не упомянулъ.

— О чемъ?

— Я надѣюсь, что ни одинъ изъ нашихъ мальчиковъ не влюбится въ Гвендолину.

— Не дѣлай никакихъ страшныхъ предположеній; они не осуществляются. Рексъ бываетъ дома не надолго, а Варгамъ от-

правляется въ Индію. Лучше всего предположить, что никто изъ нихъ не влюбится въ Гвендолину. Если ты станешь принимать предосторожности, несчастье можетъ случиться и вопреки имъ. Тщетно въ подобныхъ случаяхъ внимательство человѣка; но, во всякомъ случаѣ, у нашихъ сыновей и у Гвендолины нѣтъ ничего, а слѣдовательно, они не могутъ жениться. Самое большое несчастье, которое можетъ случиться, это слезы влюбленныхъ, но отъ нихъ нельзя спасти молодыхъ людей.

М-съ Гаскойнъ успокоилась; если-бъ что-нибудь и случилось, то мужъ ея зналъ, какъ слѣдовало поступить, и поступилъ-бы энергично.

ГЛАВА IV.

Едва-ли можно осуждать пенникотскаго пастора за то, что, смотря на каждый предметъ со всѣхъ точекъ зрѣнія, онъ взглянулъ на Гвендолину, какъ на молодую дѣвушку, которой предназначено, по всей вѣроятности, завоевать себѣ блестящую партію. Зачѣмъ ему было-бы идти противъ своихъ современниковъ и желать племянницѣ не того, что большинствомъ считалось-бы наибольшимъ для нея счастьемъ? Скорѣе можно отнести къ его чести, что онъ въ этомъ отношеніи выказалъ полное добродушіе. Дѣйствительно, въ виду соотношенія средствъ къ цѣлямъ было-бы безуміемъ руководствоваться исключительнымъ идилическимъ взглядомъ и посоветовать Гвендолинѣ носить затрапезное платье, какъ Гризельда, въ ожиданіи, что въ нее влюбится маркизъ, или настаивать, чтобъ она сидѣла дома въ ожиданіи жениха. Всѣ соображенія и расчеты м-ра Гаскойна были всегда рациональны и его, конечно, ни на одну минуту не занимала идея купить для Гвендолины слишкомъ рѣзвую лошадь, которая могла-бы ее сбросить на землю и тѣмъ дать возможность какому-нибудь богатому аристократу спасти ее. Онъ желалъ добра своей племянницѣ и намѣревался ввести ее въ лучшее общество околodka.

Намѣренія м-ра Гаскойна вполне совпадали съ желаніями Гвендолины. Но да не подумаетъ читатель, что она сама смотрѣла на блестящій бракъ, какъ на прямую цѣль всѣхъ ея стремленій—плѣнить весь міръ своей граціозной верховой ѣздой и другими своими достоинствами. Она, конечно, сознавала, что рано

или поздно выйдетъ замужъ, и была совершенно увѣрена, что ея бракъ не будетъ принадлежать къ числу незначительныхъ, посредственныхъ, которымъ довольствовалось-бы большинство молодыхъ дѣвушекъ; но ея мысли никогда не останавливались на бракъ, какъ на конечномъ удовлетвореніи ея честолюбія; драмы, въ которыхъ она воображала себя героиней, не оканчивались бракомъ. Положеніе невѣсты, за которой ухаживаютъ, нѣжно вздыхая и предупреждая всѣ ея желанія, казалось Гвендолинѣ пріятнымъ и утѣшительнымъ проявленіемъ женскаго вліянія, но супружеская жизнь со всѣми ея заботами была въ ея глазахъ непріятной необходимостью. Наблюденія надъ супружествами, которыя ей привелось до сихъ поръ сдѣлать, побуждали ее считать супружескую жизнь довольно скучной и мрачной, такъ-какъ жена не могла дѣлать всего, что хотѣла, имѣла обыкновенно болѣе дѣтей, чѣмъ было-бы желательно, и безвозвратно погружалась въ пустыя мелочи домашняго хозяйства. Безъ сомнѣнія, бракъ былъ общественнымъ повышеніемъ и она не могла остаться всю жизнь одинокой; но повышенія часто заключаютъ въ себѣ не мало горечи: титулъ пѣра не удовлетворитъ человѣка, желающаго власти, а эта нѣжная Сильфида жаждала именно власти. Женскому сердцу такъ-же доступна страсть къ господству, какъ и мужскому. Однакожь, въ Гвендолинѣ она была обставлена чисто-женскими стремленіями и не имѣла никакого отношенія къ прогресу въ наукѣ или къ реформѣ въ конституціи, такъ-какъ ея знанія были до того незначительны, что, несмотря ни на какой рычагъ, они не могли-бы подвинуть впередъ міръ. Она желала только дѣлать то, что было ей пріятно, и возбуждать во всѣхъ восторгъ, котерый, обратно отражаясь въ ея сердцѣ, увеличивалъ бы въ неѣ сознаніе лихорадочно напряженной жизни.

— Гвендолина не успокоится прежде, чѣмъ весь міръ не будетъ у ея ногъ, говорила о ней миссъ Мерри, скромная гувернантка.

Эта иносказательная фраза уже давно получила совершенно ограниченный смыслъ; кто не слыхалъ, что у ногъ той или другой красавицы лежитъ весь міръ въ образѣ полудюжины вздыхателей? Впрочемъ, невозможно иначе, какъ неопредѣленно и гиперболически, выражаться о будущности бѣдной Гвендолины, окруженной какимъ-то туманнымъ величіемъ на вершинѣ ея юнаго са-

модовольства. Другіе люди дозволяли обращать себя въ невольниковъ и подчинялись различнымъ вѣтрамъ, крутящимъ жизнь то туда, то сюда, какъ пустое судно на морскихъ волнахъ; но съ нею этого не случится. Она рѣшила, что не слѣдуетъ приносить себя въ жертву людямъ, нестоющимъ ея, а надо извлечь всевозможную пользу изъ представляемыхъ жизнью случаевъ и побѣдить всѣ преграды своимъ необыкновеннымъ умомъ. Конечно, жизнь въ Офендинѣ, гдѣ самыми блестящими явленіями могли быть приглашеніе на обѣдъ къ Аропоинтамъ, собраніе стрѣлковаго клуба и вниманіе леди Бракеншо, не представляла большихъ шансовъ для поразительнаго успѣха, но Гвендолина болѣе всего надѣялась на саму себя. Она чувствовала, что имѣла все необходимое для побѣды надъ всѣмъ міромъ. По ея мнѣнію, она до сихъ поръ переносила много неприятнаго и несправедливаго, но своимъ воспитаніемъ была вполне довольна. Въ школѣ ея быстрый умъ нахватался тѣхъ верхушекъ, не ясно сформулированныхъ правилъ и отрывочныхъ фактовъ, которые спасаютъ невѣжество отъ грустнаго сознанія своего ничтожества; а впоследствии она познакомилась со всѣми условіями жизни черезъ романы, театральныя пьесы и поэмы. Она была увѣрена въ своемъ знаніи французскаго языка и музыки, главныхъ достоинствъ въ молодой дѣвушкѣ. Ко всѣмъ этимъ отрицательнымъ и положительнымъ качествамъ надо прибавить способность, врожденную въ нѣкоторыхъ счастливыхъ людяхъ, болѣе или менѣе правильно судить обо всемъ, съ чѣмъ приходится сталкиваться въ жизни; поэтому нѣтъ причины удивляться, что Гвендолина сознавала въ себѣ силу устроить самой свою судьбу.

Многими вещами на свѣтѣ она не интересовалась, считая ихъ глупыми; молодости многое кажется глупымъ, подобно тому, какъ свѣтъ кажется мутнымъ старости. Но если-бъ кто-нибудь заговорилъ съ нею объ этихъ вещахъ, она нисколько не смутилась-бы. Никогда еще никто не оспаривалъ ея превосходства. Какъ въ минуту прибытія въ Офендинъ, такъ и всегда, первую мысль всѣхъ окружающихъ ее было: „что подумаетъ объ этомъ Гвендолина?“ Стучить-ли слишкомъ сапогами лакей или принесетъ прачка дурно вымытое бѣлье, горничная говорила: „Этого не потерпитъ миссъ Гарлетъ“; дымилъ-ли каминъ въ спальнѣ и съ Давило, слабые глаза которой очень страдали отъ этого. просили

извиненія у Гвендолины. Во время путешествія она послѣдняя являлась къ утреннему завтраку, когда уже всѣ кончили закусывать, и все-же общей заботой было сохранить горячими для Гвендолины кофе и жареный хлѣбъ; и когда она, наконецъ, выходила изъ спальни съ распушенными волосами и ея большіе каріе глаза блестѣли какъ оникъ изъ-подъ длинныхъ бровей, она-же всѣмъ была недовольна, просила Алису, терпѣливо ожидавшую ее у стола, не поднимать такъ страшно плечъ, а Изабеллу, бросавшуюся къ ней на-встрѣчу, отсылала къ миссъ Мерри.

Съ Гвендолиной всегда обращались, какъ съ принцессой въ изгнаніи, для которой во время голода пекли хлѣбъ изъ лучшей муки и подавали обѣдъ на серебрѣ. Чѣмъ это объяснить? Очень просто: ея красотой, чѣмъ-то необычнымъ, что отражалось во всемъ ея существѣ, и силой воли, которая обнаруживалась въ ея граціозныхъ движеніяхъ и ясномъ, твердомъ голосѣ, такъ-что приходъ ея въ комнату въ дождливый день, когда всѣ сидѣли повѣсивъ носъ, неожиданно всѣ головы поднимались и пробуждалась охота къ жизни; даже слуги въ гостинницахъ при ея появленіи поспѣшнѣ сметали со стола крошки и приводили въ порядокъ комнату. Это могучее очарованіе и тотъ фактъ, что она была старшей дочерью, передъ которой м-съ Давило всегда чувствовала себя какъ-бы виновной за свой второй бракъ, достаточно объясняютъ власть, которой пользовалась Гвендолина среди своихъ домашнихъ, и отыскивать другую причину было-бы все равно, что спрашивать, отчего свѣтло, когда солнце высоко на небѣ. Но остерегайтесь поспѣшныхъ заключеній, не прибѣгнувъ предварительно къ сравнительному методу. Я самъ не разъ видалъ, что подобнымъ поклоненіемъ пользовались особы, не отличавшіяся ни красотой, ни чѣмъ-либо необыкновеннымъ, которыя не выказывали ничѣмъ замѣчательнымъ свою силу воли и не были старшими дочерьми у нѣжной, добродушной матери, упрекавшей себя за причиненіе имъ непріятнаго безпокойства. Многія изъ нихъ были самые обыкновенные люди и единственной общей чертой между ними была твердая рѣшимость обезпечить себѣ пріятное существованіе, а въ противномъ случаѣ безбоязненно причинять всѣмъ непріятности и вредъ. За кѣмъ болѣе ухаживаютъ, кому съ большимъ трепетомъ служатъ слабыя женщины, какъ не мужчинамъ безъ совѣсти и чести, которые въ

состояніи бросить свое семейство и вести еще худшую жизнь. если дома имъ слѣпо не повинуются? Поэтому я полагаю, что Гвендолина играла-бы ту-же роль королевы въ изгнаніи даже безъ красоты и своего особеннаго положенія въ отношеніи матери. если-бъ только она сохранила врожденную энергію эгоистическихъ стремленій и способность возбуждать въ другихъ страхъ къ своимъ словамъ и дѣйствіямъ. Какъ-бы то ни было, она обладала этими чарами, и тѣ самые люди, которые ее боялись, пламенно ее любили; страхъ и любовь къ ней еще увеличивались, если можно такъ выразиться, радушностью ея характера, то-есть игрою различныхъ, часто противоположныхъ стремленій. Риторическая теорія Макбета о невозможности совокупить въ одну минуту противоположныя явленія относится только до сложныхъ, неуклюжихъ дѣйствій, а не до отвлеченныхъ чувствъ. Мы не можемъ въ одно и то-же мгновеніе благородно возвышать голосъ и подло молчать, убивать и не убивать, но одной минуты совершенно достаточно для столкновенія благороднаго и низкаго желанія, мысли объ убійствѣ и пламеннаго чувства раскаянія.

ГЛАВА V.

Пріемъ, сдѣланный Гвендолинѣ всѣмъ околodкомъ, вполне оправдалъ ожиданія ея дяди. Вездѣ, отъ замка Бракеншо до гостепріимнаго дома банкира м-ра Квалона въ Винсестерѣ, ее встрѣтили съ одинаковымъ восторгомъ, и даже дамы, не очень полюбившія ее, были рады приглашать ее на свои вечера, какъ новую, имѣющую большой успѣхъ молодую дѣвушку; хозяйки, принимающія многочисленныя общества, должны составлять свой кружокъ подобно тому, какъ первые министры составляютъ кабинеты не исключительно изъ людей имъ лично сочувственныхъ. Къ тому-же вмѣстѣ съ Гвендолиной не приходилось приглашать никого непріятнаго; м-съ Давило была очень тихой, приличной дуэньей, а м-ра Гаскойна вездѣ приглашали ради него самого.

Между домами, въ которые Гвендолину охотно приглашали, хотя ее тамъ не очень любили, былъ Кветчамъ-Голь. Первымъ изъ приглашеній, полученныхъ ею, было приглашеніе на большой обѣдъ у Аропоинговъ, гдѣ она должна была познакомиться со всѣмъ

мѣстнымъ обществомъ. Ни одну изъ присутствовавшихъ на этомъ обѣдѣ молодыхъ дѣвушекъ нельзя было сравнить съ Гвендолиной, когда она появилась въ длинной амфиладѣ блестяще-освѣщенныхъ и установленныхъ цвѣтами комнатъ. Въ первый еще разъ въ жизни ей приходилось присутствовать на такомъ торжественномъ обѣдѣ; но она чувствовала, что эта роскошная обстановка была ей къ лицу. Всякій, кто видѣлъ ее тогда впервые, могъ подумать, что богатые залы и ряды лакеевъ составляютъ принадлежность ея всѣдневной жизни, тогда какъ ея кузина Анна, гораздо болѣе ея привыкшая къ подобнымъ торжествамъ, чувствовала себя какъ-то неловко, точно кроликъ, попавшій неожиданно въ освѣщенную комнату.

— Съ кѣмъ это Гаскойнтъ? спросилъ архидіаконъ, прерывая разговоръ о военныхъ маневрахъ, насчетъ которыхъ спрашивали его мнѣнія, вѣроятно, потому, что онъ былъ духовнымъ лицомъ.

— Кто эта молодая дѣвушка съ прекрасной головкой и хорошенькой фигурой? спросилъ почти въ то-же время, на противоположномъ концѣ комнаты, сынъ архидіакона, юный студентъ, подававшій большія надежды и уже предложившій нѣсколько новыхъ искусныхъ оборотовъ въ переводѣ греческихъ текстовъ.

Но для добродушнаго человѣка, желающаго, чтобы всѣ представляли себя въ лучшемъ свѣтѣ, было непріятно, что Гвендолина затмѣвала остальныхъ молодыхъ дѣвушекъ; даже миссъ Ло, дочь леди Ло, теперь казалась безжизненной, тяжелой, неуклюжей, а миссъ Аропоинтъ, по несчастью, также въ бѣломъ платьѣ, какъ Гвендолина, поражала своимъ сходствомъ съ портретомъ, на которомъ обращено было вниманіе только на богатое платье. Такъ-какъ миссъ Аропоинтъ пользовалась общей любовью за ея любезное, добродушное обращеніе и рѣдкую способность ступевывать странности матери, то многіе нашли неприличнымъ, что Гвендолина казалась гораздо болѣе важной особой.

— Она далеко не такъ красива, когда ее размотришь подробно, сказала м-съ Аропоинтъ, обращаясь къ м-съ Вулькани въ концѣ вечера;— ея осанка съ перваго взгляда производитъ громадный эффектъ, но потомъ она теряетъ свое обаяніе.

Въ сущности-же Гвендолина безъ всякаго намѣренія и даже вопреки своему желанію оскорбила м-съ Аропоинтъ, которая хотя и не была злопамятна, но щекотлива и обидчива. Въ ней было

нѣсколько особенностей, которыя, по мнѣнію мѣстныхъ наблюдателей, имѣли необходимую связь между собою. Рассказывали, что она наслѣдовала большое состояніе, нажитое торговлею, и этия обстоятельства объясняли ея дородную фигуру, рѣзкій голосъ, напоминавшій попугая, и чрезвычайно высокую прическу; а такъ-какъ эти послѣднія черты придавали ей странный, смѣшной видъ, многіе находили совершенно естественнымъ, что она имѣла литературныя наклонности. Если-бъ при этихъ обсужденияхъ былъ допущенъ сравнительный методъ, легко было-бы придти къ заключенію, что всѣ эти особенности встрѣчаются отдѣльно; дочери альдерменовъ часто имѣютъ граціозную фигуру, хорошенькія женщины отличаются рѣзкимъ или пискливымъ голосомъ, а способность плодить слабыя литературныя произведенія совмѣстна съ различными физическими чертами, какъ въ мужчинахъ, такъ и въ женщинахъ.

Гвендолина была чрезвычайно чутка къ странностямъ въ другихъ людяхъ, но питала большое сочувствіе къ лицамъ, которыя могли доставить ей какое-нибудь удовольствіе, и потому она рѣшилась окружить м-съ Аропонтъ такимъ вниманіемъ, какого другіе ей не выказывали. Но самонадѣянность часто предполагаетъ несуществующую глупость въ другихъ, подобно тому, какъ богатые говорятъ свысока съ бѣдными, а люди въ цвѣтъ лѣтъ и силъ кричатъ, разговаривая со стариками, почему-то предполагая ихъ глухими. Гвендолина, несмотря на весь ея умъ и желаніе нравиться, впала въ эту обычную ошибку самодовольныхъ существъ; она полагала, что м-съ Аропонтъ по причинѣ своихъ странностей не могла быть проницательной, и смѣло разыгрывала свою роль, не подозрѣвая, что та зорко слѣдила за всѣми малѣйшими оттѣнками ея поведенія.

— Вы, я слышала, очень любите чтеніе, музыку, верховую ѣзду и стрѣльбу въ цѣль? сказала м-съ Аропонтъ, устроивъ послѣ обѣда въ гостиной нѣчто въ родѣ tête-à-tête съ Гвендолиной; — Кэти будетъ очень рада такой пріятной сосѣдѣ.

Эта маленькая рѣчь, связанная тихимъ, мелодическимъ тономъ, была-бы любезнымъ комплиментомъ, но теперь, при рѣзкомъ, громкомъ голосѣ м-съ Аропонтъ, она показала Гвендолинѣ слишкомъ покровительственной.

— Напротивъ, все удовольствіе будетъ съ моей стороны, отвѣ-

чала она поспѣшно:—миссъ Аропоинтъ научить меня понимать хорошую музыку. Она, говорятъ, отличная музыкантша.

— Конечно, Кэти имѣла всѣ средства научиться музыкѣ. У насъ теперь живетъ первоклассный музыкантъ, г. Клесмеръ; вы, вѣроятно, знакомы съ его сочиненіями? Я сегодня представлю вамъ его. Вы, кажется, поете? Кэти играетъ на трехъ инструментахъ, но не поетъ. Я надѣюсь, что вы намъ споете что-нибудь. Вы, говорятъ, настоящая артистка.

— О! нѣтъ, — „die Kraft ist schwach, allein die Lust ist gross“, какъ говорить Мефистофель.

— А! вы изучали Гете. Молодые дѣвушки теперь чего не знаютъ. Вы, вѣроятно, все читали?

— Нѣтъ. Я была-бы очень рада, если-бы вы мнѣ указали, что читать. Я просмотрѣла всѣ книги въ офендинской библиотекѣ, но тамъ нѣтъ ничего годнаго для чтенія. Отъ всѣхъ книгъ пахнетъ плесенью и всѣ листья въ нихъ склеились. Какъ-бы я желала писать книги сама, какъ вы. Должно быть, гораздо пріятнѣе сочинять книги по своему вкусу, чѣмъ читать чужія. Книга домашняго приготовленія должна быть гораздо пріятнѣе.

М-съ Аропоинтъ пристально взглянула на молодую дѣвушку, но сатирической оттѣнокъ послѣднихъ ея словъ ступевался чисто-дѣтскимъ восклицаніемъ Гвендолины:

— Я отдала-бы все на свѣтъ, чтобъ написать книжку.

— Отчего-же вамъ и не попробовать? сказала м-съ Аропоинтъ тономъ поощренія;—перо, чернила и бумага въ вашемъ распоряженіи. Я съ удовольствіемъ пришлю вамъ всѣ мои сочиненія.

— Благодарю васъ, я ихъ прочту съ большимъ удовольствіемъ. Личное знакомство съ авторомъ должно бросить совершенно иной свѣтъ на книгу: тогда гораздо легче отличить смѣшныя и серьезныя ея части. Я увѣрена, что часто смѣюсь не впопадъ. (Тутъ Гвендолина сознала опасность и поспѣшно прибавила): конечно, я говорю о Шекспирѣ и другихъ писателяхъ, которыхъ мы никогда не можемъ увидѣть. Но я всегда жажду знать болѣе, чѣмъ нахожу въ книжкѣ.

— Если васъ интересуютъ мои сочиненія, то я могу вамъ дать много матеріаловъ въ рукописи, сказала м-съ Аропоинтъ.— Можетъ быть, я ихъ когда-нибудь и напечатаю; многіе изъ мо-

ихъ друзей требуютъ этого и я сознаю, что неловко долѣе упрямиться. Напримѣръ, я могла-бы увеличить вдвое объемъ моего Тасса.

— Я обожаю Тасса.

— Хорошо, вы получите все, что я написала о немъ. Много есть сочиненій о Тассѣ, но всѣ прежніе авторы ошибались относительно особеннаго свойства его сьумасшествія, его чувствъ къ Леонорѣ, дѣйствительной причины его заключенія и характера Леоноры, которая, по-моему, была женщиной безъ сердца, иначе она вышла-бы замужъ за него, несмотря на сопротивленіе брата. По всѣмъ этимъ вопросамъ я расхожусь во мнѣніи съ предъидущими авторами.

— Какъ это интересно! воскликнула Гвендолина. — Я люблю оставаться всегда при особомъ мнѣніи. По мнѣ, очень тупо вѣчно соглашаться съ другими. Поэтому я нахожу, что печатающій свои мнѣнія поступаетъ слишкомъ деспотично; онъ этимъ заставляетъ другихъ соглашаться съ нимъ.

Эти слова снова возбудили сомнѣніе въ м-съ Аропоинтъ, но Гвендолина продолжала наивнымъ, смиреннымъ тономъ:

— Я знакома только съ однимъ сочиненіемъ Тасса: *Ierusalemma Liberata*, которое мы читали и учили наизусть въ школѣ.

— Его жизнь гораздо интереснѣе его поэзіи. Я воссоздала первую половину его жизни, чрезвычайно романическую. Когда подумаешь объ его отцѣ Бернардо и объ его дѣтствѣ, многое становится вѣроятнымъ.

— Воображеніе часто бываетъ вѣроятнѣе самаго факта, сказала рѣшительно Гвендолина, хотя она врядъ-ли могла объяснить смыслъ своихъ словъ; — я буду очень рада узнать всѣ подробности о Тассѣ, особенно объ его сьумасшествіи. По-моему, всѣ поэты немного сьумасшедшіе.

— Конечно, „очи поэта безумно блестятъ“; кто-то, мнѣ помнится, сказалъ о Марло, что онъ былъ одаренъ тѣмъ славнымъ безуміемъ, которое неразлучно съ поэтомъ.

— Это, однакожь, не всегда замѣтно, сказала Гвендолина наивно: — сьумасшедшіе бываютъ иногда очень хитры.

Снова на лицѣ м-съ Аропоинтъ показалось сомнѣніе, но появленіе мужчинъ въ гостиной помѣшало неприятому столкновенію между нею и слишкомъ смѣлой молодой дѣвушкой, немного переколившей свою наивность.

А вотъ и г. Клесмеръ, сказала м-съ Аропоинтъ, вставая. Она представила его Гвендолинѣ и они вступили въ очень пріятный разговоръ. Клесмеръ представлялъ собою типъ счастливаго сочетанія германской и славянской расы; онъ отличался крупными чертами лица, длинными каштановыми волосами, по обычаю артистовъ ниспадавшими на плечи, и карими глазами. Онъ носилъ очки и говорилъ по-англійски почти безъ всякаго акцента. Его саркастическій умъ не казался теперь столь опаснымъ отъ приглушающаго даже геній желанія похвалиться красавицѣ.

Вскорѣ началась музыка. Миссъ Аропоинтъ и Клесмеръ сыгнали пьесу на двухъ фортепьяно, убѣдившую всѣхъ присутствующихъ въ ея излишней длиннотѣ, а Гвендолину въ томъ, что ничѣмъ не замѣчательная, посредственная миссъ Аропоинтъ такъ мастерски играла, что нечего было и думать о соперничествѣ съ нею, хотя она нисколько не сомнѣвалась въ достоинствахъ своей такъ часто выхваляемой игры. Потомъ всѣ заявили желаніе услышать пѣніе Гвендолины, особенно м-ръ Аропоинтъ, что было совершенно понятно въ хозяинѣ и джентльменѣ, о которомъ ничего нельзя было сказать, кромѣ того, что онъ женился на миссъ Кутлеръ и курилъ лучшія гаванскія сигары. Онъ любезно подвелъ молодую дѣвушку къ фортепьяно, а Клесмеръ, съ улыбкой уступивъ ей свое мѣсто, остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, чтобы видѣть ее въ то время, какъ она будетъ пѣть.

Гвендолина не выказала ни малѣйшаго волненія; все, за что она бралась, она исполняла смѣло, безъ страха; пѣніе всегда доставляло ей большое удовольствіе. Голосъ ея былъ довольно сильный сопрано (кто-то увѣрялъ ее, что онъ походилъ на голосъ Джени Линдъ), у нея былъ хорошій слухъ и ея пѣніе всегда вызывало рукоплесканія обыкновенныхъ слушателей. Не малымъ преимуществомъ было и то, что она казалась еще прелестнѣе, когда пѣла, а присутствіе Клесмера нисколько не смущало ее. Она выбрала, что уже давно было рѣшено ею, любимую ею арію Белини, за которую она могла вполнѣ отвѣчать.

— Прелестно! воскликнулъ м-ръ Аропоинтъ, когда она кончила пѣть, и это слово было повторено всѣми присутствующими на-столько искренно, на-сколько можно этого ожидать отъ свѣтскаго общества.

Но Клесмеръ стоялъ неподвижно, какъ статуя, если бывають статуи въ очахъ; во всякомъ случаѣ, онъ не промолвилъ ни слова. Гвендолину просили пропѣть еще что-нибудь и она не думала отказываться, но прежде подошла къ Клесмеру и съ улыбкой сказала:

— Это, право, жестоко въ отношеніи великаго музыканта. Вамъ не можетъ нравиться жалкое пѣніе любителей.

— Конечно, отвѣчалъ Клесмеръ неожиданно, произнося англійскія слова съ ужаснымъ нѣмецкимъ акцентомъ, какъ всегда съ нимъ бывало въ минуты смущенія;—но это ничего. Очень приятно смотрѣть, какъ вы поете.

Такъ грубо заявлять о своемъ превосходствѣ никто и никогда не осмѣливался въ свѣтскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, до послѣднихъ германскихъ побѣдъ. Гвендолина вспыхнула, но имѣла достаточно такта, чтобъ не выказать своего неудовольствія и не отойти немедленно отъ надменнаго нѣнца. Миссъ Аропоинтъ, стоя вблизи, слышала эти слова и даже замѣтила, что въ глазахъ Клесмера выражалось, быть можетъ, выходящее изъ границъ приличія восхищеніе Гвендолиной, а потому она съ своей обычной добротой поспѣшила къ ней на помощь:

— Представьте себѣ, что я должна переносить съ такимъ учителемъ, сказала она;—онъ не терпитъ англійской музыки и англійскихъ музыкантовъ. Дѣлать нечего, надо мириться съ его строгостью; благодаря его рѣзости, можно всегда знать слабыя стороны таланта, которымъ восхищаются всѣ.

— Я очень была-бы ему благодарна за искренно выраженное мнѣніе, произнесла Гвендолина, оправившись отъ смущенія;—вѣроятно, меня дурно учили и я не имѣю никакого таланта, а только люблю музыку.

Послѣдняя мысль никогда ей не приходила въ голову и потому нельзя было не удивляться, какъ ловко она ее выразила.

— Да, васъ очень дурно учили, спокойно отвѣчалъ Клесмеръ, который очень любилъ женщинъ, но еще болѣе музыку;—но вы не безъ таланта. Вы поете въ тактъ и у васъ довольно порядочный голосъ. Но вы фразируете дурно и музыка, которую вы поете, недостойна васъ. Эта мелодія выражаетъ низкую степень развитія, это дѣтскій, жеманный лепетъ народа, неимѣющаго широкаго кругозора. Каждая фраза такой мелодіи выражаетъ самодовольное бе-

зуміе; здѣсь не слышно ни глубокой страсти, ни борьбы, ни общечеловѣческаго сознанія. Люди мельчаютъ, слушая такую музыку. Спойте что-нибудь посерьезнѣе и тогда я увижу.

— О, пѣть! не теперь, послѣ, сказала Гвендолина, пораженная неожиданно отерывшимся передъ нею широкимъ музыкальнымъ горизонтомъ.

Для молодой дѣвушки, желавшей подчинить себѣ все общество, эта первая неудача была очень чувствительна, но она не хотѣла сдѣлать никакой глупости и очень обрадовалась, когда миссъ Аропойнтъ снова подоспѣла къ ней на помощь.

— Да, послѣ. Мнѣ всегда нужно около получаса, чтобъ обратиться съ силами послѣ критики Клесмера. А теперь мы попросимъ его сыграть что-нибудь; онъ обязанъ показать намъ, что такое хорошая музыка.

Для удовлетворенія этого желанія Клесмеръ сыгралъ фантазію своего сочиненія подъ названіемъ: Freudvoll, Leidvoll, Gedankenvoll, пространное развитіе нѣсколькихъ мелодичныхъ, но не совершенно ясныхъ музыкальныхъ идей. Онъ дѣйствительно выражалъ глубокую страсть и разнообразіе чувствъ, на-сколько это возможно на фортепьяно, и подъ его магическими пальцами лихорадочно дрожали струны, деревянные молоточки и костяные клавиши. Несмотря на оскорбленное самолюбіе, Гвендолина не могла не почувствовать всей силы этой игры, и она мало-по-малу возбудила въ ней отчаянное равнодушіе къ себѣ самой и она готова была смѣяться надъ своей неудачей. Ея глаза ярко блестя, щеки пылали, такъ и хотѣлось ей разразиться какимъ-нибудь саркастическимъ замѣчаніемъ.

— Спойте намъ еще что-нибудь, миссъ Гарлетъ, сказалъ молодой Клинтонъ, классическій сынъ архидіакона, который имѣлъ счастье вести къ обѣду Гвендолину и теперь подошелъ къ ней, какъ только Клесмеръ кончилъ играть;—я только и понимаю такую музыку. Ученая игра не по мнѣ. Она походитъ на банку съ пивками, въ которой вы никогда не найдете ни начала, ни конца. А васъ я слушалъ-бы цѣлый день.

— Да, теперь всѣ были-бы рады какою-нибудь популярной мелодіи; ваше пѣніе было-бы прекраснымъ отдыхомъ, сказала м-съ Аропойнтъ, подходя къ Гвендолинѣ, съ любезной улыбкой.

— Вы такъ говорите оттого, что стоите на низкой ступени

развитія и не имѣете широкаго кругозора, сказала Гвендолина, вовсе не замѣчая м-съ Аропонить, а смотря съ блестящей улыбкой на молодого Клинтока;—я только-что этому научилась. Мнѣ также сказали, что у меня дурной вкусъ, и я чувствую раскаяніе, что всегда неприятно.

— Ну, какъ хотите, я не буду настаивать, замѣтила м-съ Аропонить, сознавая всю грубость Гвендолины, но избѣгая столкновенія.

Между тѣмъ все общество разбилось на мелкія группы и занялось прерванными разговорами, а хозяйка дома, видя, что никто въ ней не нуждается, спокойно усѣлась не вдалекѣ отъ Гвендолины.

— Я очень радъ, что вамъ нравятся наши мѣста, сказалъ Клинтокъ.

— Да, очень. Здѣсь, кажется, понемногу всего и ничего помногу.

— Это двусмысленная похвала.

— Нисколько. Я люблю всего понемногу; напримѣръ, маленькія странности очень забавны. Мнѣ всегда нравятся странные люди, но если ихъ было-бы ужь очень много, то это, конечно, было-бы нестерпимо.

М-съ Аропонить замѣтила теперь въ голосѣ Гвендолины совершенно иной тонъ и въ ея головѣ воскресло сомнѣніе въ искренности сочувствія Гвендолины къ съумасшествію Тасса.

— Я полагаю, что у насъ слѣдовало-бы, напримѣръ, играть въ крокетъ, сказалъ Клинтокъ;—я теперь бываю здѣсь очень рѣдко, а то устроилъ-бы крокетный клубъ. Вы, кажется, искусный стрѣлокъ, но вѣрьте мнѣ, что крокетъ—игра будущаго, объ ней еще мало писали. Но одинъ изъ нашихъ лучшихъ студентовъ посвятилъ крокету цѣлую поэму, ни въ чемъ неуступающую Попу. Я никогда не читалъ ничего лучшаго и уговариваю его напечатать ее.

— Завтра-же начну учиться крокету и брошу пѣніе.

— Нѣтъ, вы этого не дѣлайте, но возьмитесь за крокетъ. Если желаете, я вамъ пришлю поэму Дженинга въ рукописи.

— Онъ большой вамъ пріятель?

— Н-нѣтъ, не очень.

— Тогда, мнѣ кажется, я откажусь отъ чтенія его поэмы или, во всякомъ случаѣ, если вы ее пришлете, то дайте слово, что не

будете приставать ко мнѣ съ вопросами, что мнѣ въ ней всего болѣе нравится. Поэму, не читая, узнать не такъ легко, какъ проповѣдь, не слушая.

„Рѣшительно, подумала м-съ Аропоинтъ, — эта молодая дѣвушка насмѣшница и лицемерка. Съ нею надо быть всегда на-сторожѣ“.

Однакожь, Гвендолина продолжала получать приглашенія на обѣды и вечера въ Кветчамъ, чѣмъ она была обязана не самой хозяйкѣ, а ея дочери; сцена у фортепьяно возбудила нѣжное сочувствіе къ Гвендолинѣ въ доброй миссъ Аропоинтъ, на которую была возложена обязанность разсылать приглашенія.

ГЛАВА VI.

Строгая критика Клесмера причинила Гвендолинѣ новаго рода непріятное ощущеніе. Она искренно сожалѣла, хотя не призналась-бы въ этомъ публично, что не имѣла музыкальнаго образованія миссъ Аропоинтъ и не могла оспаривать мнѣнія Клесмера съ полнымъ знаніемъ дѣла; еще менѣе призналась-бы она даже въ глубинѣ своей души, что при каждой встрѣчѣ съ миссъ Аропоинтъ чувствовала зависть. Правда, она завидовала не богатству миссъ Аропоинтъ, а тому, что нельзя было не признать извѣстнаго умственнаго превосходства, серьезнаго музыкальнаго таланта и изящнаго вкуса въ этой простенькой, невзрачной молодой дѣвущкѣ съ посредственной фигурой, весьма обыкновенными чертами, желтоватымъ цвѣтомъ лица и невыразительными глазами. Все это раздражало и сердило Гвендолину, тѣмъ болѣе, что миссъ Аропоинтъ нельзя было насильно завербовать въ число своихъ поклонниковъ, а, напротивъ, эта ничтожная по наружности двадцати-четыре-лѣтняя молодая дѣвушка, на которую, можетъ быть, никто не обратилъ-бы вниманія, если-бъ она не была миссъ Аропоинтъ, по всей вѣроятности, считала способности миссъ Гарлетъ очень обыкновенными, хотя это оскорбительное мнѣніе скрывалось подъ личиной самаго любезнаго обращенія.

Однакожь, Гвендолина не любила останавливаться на фактахъ, бросавшихъ на нее неблагопріятный свѣтъ. Она надѣялась, что Клесмеръ, такъ неожиданно расширившій ея музыкальный горизонтъ, долженъ будетъ переимѣнить свое мнѣніе объ ея музыкаль-

ныхъ способностяхъ. Въ его отсутствіе—онъ часто ѣздилъ въ Лондонъ—она играла и пѣла гораздо смѣлѣе. Ея пѣніе возбуждало восторгъ вездѣ, отъ замка Бракеншо до Ферса; вмѣстѣ съ успѣхомъ возвратилось ея обычное душевное спокойствіе, такъ-какъ она болѣе довѣряла похваламъ, чѣмъ порицанію, и не принадлежала къ тѣмъ исключительнымъ людямъ, которые жаждутъ достигнуть совершенства, вовсе не требуемаго ихъ содѣями. Въ ея характерѣ и въ ея способностяхъ не было ничего исключительнаго или необыкновеннаго, а необыкновенны были только ея удивительно-граціозныя движенія и извѣстная смѣлость, придававшая пикантную прелесть очень обыкновенному эгоизму, необращающему на себя никакого вниманія при непривлекательной вѣшности. Я знаю, что эти качества сами по себѣ не могутъ возбуждать внутренней жажды къ превосходству, а только вліяютъ на способъ, которымъ оно достигается, особенно когда его жаждетъ молодая дѣвушка и ея стремленіе къ чему-то необыкновенному ограничивается идеальными предѣлами, соответствующими высшему развитію и совершенной независимости отъ презрѣнной нужды. Гвендолина внутренно возставала противъ тираніи нѣкоторыхъ условій семейной жизни; можно было подумать, что она въ этомъ случаѣ руководствовалась самыми смѣлыми теоріями, но въ сущности у нея не было никакихъ теорій и она отвернулась-бы отъ всякой женщины, поддерживающей теоретическую или практическую реформу, и, пожалуй, подняла-бы ее на смѣхъ. Она наслаждалась сознаніемъ, что можетъ считать себя существомъ необыкновеннымъ; но ея кругозоръ не былъ шире кругозора тѣхъ приличныхъ романовъ, героиня которыхъ выражаетъ въ стремленіяхъ своей души, на страницахъ дневника, смутную силу, своеобразность и гордый протестъ, а въ жизни строго слѣдуетъ свѣтскимъ правиламъ и если случайно зайдетъ въ трагину, то весь драматизмъ заключается въ томъ, что на ней атласныя туфли. Этого рода уздой природа и общество удерживаютъ энергичныя натуры отъ стремленія къ необыкновеннымъ подвигамъ, такъ-что душа, пылающая сознаніемъ, чѣмъ долженъ быть міръ, и готовая поддержать это пламя всѣмъ существующимъ, запирается въ влѣтку пошлыхъ общественныхъ формъ и не производитъ ничего необыкновеннаго.

Этотъ пошлый результатъ грозилъ и стремленіямъ Гвендолины.

даже въ первую ея зиму въ Офендинѣ, гдѣ все для нея было ново. Она рѣшилась не вести той жизни, какой довольствуются обыкновенныя молодыя дѣвушки, но не понимала ясно, какъ она возьмется за другую жизнь и какими именно поступками выразить свою свободу. Она все-же считала Офендинѣ хорошимъ фономъ для блестящей картины, если-бъ случилось что-нибудь блестящее, но вообще она винила во многомъ офендинское общество.

Первые ея выѣзды не доставили ей большого удовольствія, кромѣ признанія дѣйствительной силы своей красоты, а въ промежутки между ними она посвящала все свое время на совершенно дѣтскую забаву. Отстаивая свои индивидуальныя права, на-сколько это было возможно, она отказалась отъ уроковъ съ Алисой, на томъ основаніи, что та извлечетъ гораздо болѣе пользы изъ невѣжества; вмѣстѣ съ нею, миссъ Мерри и горничной, служившей всѣмъ обитательницамъ Офендина, Алиса стала готовить различныя театральныя костюмы для шарадъ и маленькихъ пьесъ, которыя Гвендолина намѣревалась ввести въ моду въ мѣстномъ обществѣ. Она прежде никогда не играла и только въ школѣ участвовала въ живыхъ картинахъ, но была увѣрена, что имѣетъ всѣ задатки сдѣлаться прекрасной актрисой. Она два раза была во французскомъ театрѣ въ Парижѣ и слышала отъ матери о Рашели, такъ что, размышляя о своей будущей судьбѣ, она часто спрашивала себя: не сдѣлаться-ли ей великой актрисой въ родѣ Рашели, даже затмить ее, потому что была гораздо красивѣе этой сухошавой еврейки? Между тѣмъ дождливые дни, предшествовавшіе рождественскимъ праздникамъ, весело прошли въ приготовленіи греческихъ, восточныхъ и фантастическихъ костюмовъ, въ которыхъ Гвендолина позировала и произносила монологи передъ домашней публикой. Въ число этой публики однажды пригласили для усиленія рукоплесканій и экономку, но она оказалась недостойной роли зрительницы, такъ-какъ сдѣлала замѣчаніе, что миссъ Гарлетъ походила болѣе на королеву въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, чѣмъ въ бѣломъ мѣшкѣ безъ рукавовъ. Послѣ этого ее болѣе уже не приглашали.

— А что, мама, я не хуже Рашели? спросила Гвендолина однажды, прочитавъ нѣсколько трагическихъ монологовъ въ греческомъ костюмѣ передъ Анной.

— У тебя руки лучше, чѣмъ у Рашели, отвѣчала м-съ Да-

вило, — но твой голос не такъ трагиченъ, въ немъ нѣтъ низкихъ нотъ.

— Я могу брать и низкія ноты, если хочу, произнесла Гвендолина, но потомъ прибавила рѣшительнымъ тономъ: — по-моему, высокія ноты трагичнѣе; онѣ женственнѣе, а чѣмъ женщина болѣе походитъ на себя, тѣмъ она трагичнѣе въ отчаянныхъ поступкахъ.

— Можетъ быть, ты и права. Но вообще я не понимаю, къ чему приводить въ ужасъ людей, а ужъ если надо дѣлать что-нибудь страшное, то предоставимъ это мужчинамъ.

— Какъ вы прозаичны, мама! Всѣ великіе, поэтичные преступники были женщины. Мужчины — несчастные, осторожные трусы.

— А ты моя милая... ты боишься остаться одна въ темнотѣ... И слава-богу, что ты не могла-бы сдѣлаться смѣлой преступницей.

— Я не говорю о дѣйствительности, мама, произнесла Гвендолина съ нетерпѣніемъ, и прибавила, когда мать ея вышла изъ комнаты по хозяйству: — Анна, попроси дядю, чтобы онъ позволилъ намъ устроить шарады въ вашемъ домѣ. М-ръ Мидльтонъ и Варгамъ могли-бы играть съ нами. Мама говоритъ, что не прилично звать къ намъ м-ра Мидльтона для совѣщаній и репетицій. Онъ — дубина, но мы нашли-бы ему приличную роль. Пожалуйста попроси дядю, или я сама его попрошу.

— О, нѣтъ, надо подождать пріѣзда Рекса. Онъ такой умный и ловкій. Онъ все устроитъ и самъ сыграетъ Наполсона, смотрящаго на океанъ; онъ на него очень походить.

— Я не вѣрю, Анна, въ необыкновенныя достоинства твоего Рекса, отвѣчала Гвендолина со смѣхомъ. — Онъ, вѣрно, окажется не лучше своихъ отвратительныхъ акварельныхъ картинъ, которыми ты украсила свою комнату.

— Хорошо, ты сама увидишь, произнесла Анна; — я вовсе не выставляю себя знаткомъ въ дѣлѣ ума, но онъ имѣетъ уже стипендію, и папа говоритъ, что онъ получить ученую степень; къ тому-же онъ всегда первый во всѣхъ играхъ. Вообще онъ умнѣе м-ра Мидльтона, а всѣ, кромѣ тебя, считаютъ Мидльтона умнымъ человѣкомъ.

— Можетъ быть, у него и есть умъ, но очень мрачный. Онъ такая дубина. Случись ему необходимость сказать: „Провалиться

мнѣ сквозь землю, если я васъ не люблю“, онъ произнесъ-бы эти слова тѣмъ-же монотоннымъ, плавнымъ голосомъ, какимъ говорить проповѣди.

— О, Гвендолина, воскрикнула Анна, неприятно пораженная ея словами,—какъ тебѣ не стыдно такъ говорить о человѣкѣ, который безъ памяти отъ тебя? Я слышала, какъ Варгамъ однажды сказалъ мамѣ: „Мидльтонъ вторился по-уши въ Гвендолину“. Мама очень на него сердилась; Мидльтонъ сильно влюбленъ въ тебя.

— А мнѣ какое дѣло? сказала Гвендолина презрительно;—провалиться мнѣ сквозь землю, если я его люблю.

— Конечно ты его не любишь; папа этого и не желалъ-бы, но Мидльтонъ вскорѣ уѣзжаетъ и мнѣ, право, его жаль, когда ты надъ нимъ издѣваешься.

— Что-же будетъ съ тобой, когда я стану издѣваться надъ Рексомъ?

— Нѣтъ, Гвендолина, ты не будешь надъ нимъ издѣваться, сказала Анна со слезами на глазахъ:—я этого не перенесла-бы и къ тому-же въ немъ нѣтъ ничего смѣшного. Впрочемъ, ты, можетъ быть, и найдешь въ немъ странности. Вѣдь никто до тебя не думалъ смѣяться надъ м-ромъ Мидльтономъ. Всѣ находили, что онъ красивъ и имѣетъ приличные манеры; я одна всегда его боялась за его ученость, длинный фракъ и родственныя связи съ епископомъ. Но, Гвендолина, дай мнѣ слово, что ты не будешь смѣяться надъ Рексомъ.

— Я никогда не сдѣлаю тебѣ ничего неприятнаго, голубушка, отвѣчала Гвендолина, тронутая мольбами Анны и трепля ее за подбородокъ;—зачѣмъ мнѣ смѣяться надъ Рексомъ, если онъ устроить намъ шарады и прочее!

Когда, наконецъ, Рексъ пріѣхалъ, онъ придалъ такое оживленіе Офендину и выразилъ такое сочувствіе ко всѣмъ планамъ Гвендолины, что не оказывалось причины надъ нимъ издѣваться. Это былъ славный, добрый, красивый молодой человѣкъ; лицомъ онъ очень походилъ на отца и Анну, только черты его были мягче, чѣмъ у перваго, и крупнѣе, чѣмъ у послѣдней; его любящая; сіяющая силой и здоровьемъ натура находила удовольствіе въ самыхъ невинныхъ препровожденіяхъ времени и его не соблазнялъ порокъ. Порочная жизнь не возбуждала въ немъ и особой нена-

вистъ, а онъ просто относился къ ней, какъ къ глупой привычкѣ нѣкоторыхъ людей, невольно его отталкивавшей. Онъ отвѣчалъ на привязанность Анны такой-же глубокой любовью и никогда еще не испытывалъ болѣе пламеннаго чувства.

Молодые люди были постоянно вмѣстѣ, то въ пасторскомъ до- жѣ, то въ Офендинѣ, но въ послѣднемъ чаще, такъ-какъ тамъ было болѣе свободы или, лучше сказать, власть Гвендолины была безгранична. Вообще всякое ея желаніе было закономъ для Рекса и онъ устроилъ не только шарады, но и маленькія сцены, о ко- торыхъ она даже не мечтала. Всѣ репетиціи происходили въ Офендинѣ, такъ-какъ и-съ Давило не сопротивлялась болѣе да- же участію въ шарадахъ м-ра Мидльтона, въ виду присутствія Рекса. Это участіе молодого пастора было тѣмъ необходимѣе, что Варгамъ, готовясь къ экзамену для поступленія на службу въ Индію, не имѣлъ ни минуты свободнаго времени. Онъ былъ въ очень мрачномъ расположеніи духа подъ бременемъ этой зубряшки.

Гвендолина убѣдила м-ра Мидльтона принять на себя нѣсколь- ко серьезныхъ ролей въ картинахъ и шарадахъ, отзываясь очень лестно о неподвижности его фizioноміи. Сначала онъ съ неудо- вольствіемъ и ревностью смотрѣлъ на ея товарищескія отношенія къ Рексу, но вскорѣ успокоился, придя къ тому убѣжденію, что эта родственная фамиллярность исключала всякую возможность пламенной страсти. Ему даже по временамъ казалось, что ея стро- го-учтивое обращеніе съ нимъ было признакомъ явнаго предпо- чтенія, и онъ сталъ думать, не сдѣлать-ли ей предложеніе до отъѣзда изъ Пеннелата, хотя прежде рѣшился скрыть свои чув- ства до той минуты, пока его судьба не будетъ обезпечена. Гвен- долина знала очень хорошо, что юный пасторъ, съ свѣтлыми ба- венбардами и четырехугольными воротничками, былъ отъ нея безъ ума, и не имѣла ничего противъ этого обожанія; она постоянно смотрѣла на него съ безжалостнымъ спокойствіемъ и возбуждала въ его сердцѣ много надеждъ, тщательно избѣгая всякаго драма- тическаго столкновенія съ нимъ.

Быть можетъ, многимъ покажется страннымъ, что молодой че- ловѣкъ, пропитанный англиканскими принципами, привыкшій смо- трѣть на все, даже на мелочи, съ извѣстной клерикальной точки зрѣнія, никогда несмѣявшійся иначе, какъ изъ приличія, и счи-

тавній слишкоомъ грубымъ называть нѣкоторыя вещи ихъ настоящими именами, нашель достойной для себя невѣстой дѣвушку смѣлую, насмѣшливую и лишенную тѣхъ особыхъ достоинствъ, которыя, по мнѣнію клерикаловъ, должна имѣть жена пастора. Казалось, онъ долженъ-бы былъ понять, что живая, жаждавшая пламенныхъ ощущеній миссъ Гарлетъ не остановитъ на немъ своего выбора. Но развѣ необходимо всегда объяснять, почему факты не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ или логическимъ предположеніямъ? Очевидно, тотъ виноватъ, кто не могъ предвидѣть случившагося.

Что-же касается Рекса, онъ, вѣроятно, почувствовалъ-бы искреннее сожалѣніе къ бѣдному пастору, если-бъ проснувшись въ его сердцѣ первая любовь давала ему время о чемъ-нибудь думать или что-нибудь замѣчать. Онъ даже не ясно видѣлъ передъ собою и Гвендолину; онъ только чувствовалъ каждое ея слово, каждое ея дѣйствіе и инстинктивно зналъ, не поворачивая головы, когда она входила въ комнату или выходила изъ нея. Не прошло и двухъ недѣль, какъ онъ уже былъ по-уши влюбленъ въ нее и не могъ себѣ представить своей послѣдующей жизни безъ Гвендолины. Бѣдный юноша не сознавалъ, что могли существовать какія-либо препятствія къ его счастью; его любовь казалась ему гарантіей ея любви. Считая ее совершенствомъ, онъ и не мыслить, что она можетъ причинить ему горе, какъ египтянину не входить въ голову мысль о возможности снѣга. Къ тому-же она пѣла и играла на фортепьяно каждый разъ, какъ онъ просилъ ее объ этомъ, съ удовольствіемъ ѣздила съ нимъ верхомъ, хотя онъ часто появлялся на уморительныхъ влячахъ, готова была принимать участіе во всѣхъ его забавахъ и справедливо цѣнила Анну. Казалось, она ему вполнѣ сочувствовала; обманутый ея виѣшнимъ къ нему расположеніемъ, онъ не думалъ, что Гвендолина, какъ совершенство, имѣетъ возможность рассчитывать на самую блестящую партію. Онъ не былъ самонадѣянъ, по крайней мѣрѣ, не болѣе всѣхъ самостоятельныхъ людей, а предавался неизбяснимому блаженству первой любви, онъ просто принималъ совершенство Гвендолины за необходимую часть того общаго, безпредѣльнаго добра, какимъ казалась жизнь его здоровой, счастливой натурѣ.

Одно обстоятельство, случившееся въ торжественное представ-

леніе шарадъ, вполне убѣдило Рекса въ удивительной впечатлительности Гвендолины и обнаружило скрытую черту ея характера, которую невозможно было подозрѣвать, зная ея отвагу въ верховой ѣздѣ и смѣлый тонъ въ обществѣ.

Послѣ многихъ репетицій было рѣшено пригласить въ Оффендинъ избранную публику на представленіе, которое доставляло такъ много удовольствія самимъ актерамъ. Анна привела всѣхъ въ удивленіе искуснымъ исполненіемъ порученныхъ ей маленькихъ ролей, такъ что можно было даже предположить, что она скрывала подъ своей добродушной простотой тонкую наблюдательность. М-ръ Миддлтонъ также оказался очень сноснымъ актеромъ и не портилъ своей игры усиленіемъ казаться комичнымъ. Всего болѣе заботъ и безпокойства причинило желаніе Гвендолины непременно появиться въ греческомъ костюмѣ. Она никакъ не могла придумать слова для шарады, въ которой была-бы приличная изящная поза въ ея любимомъ костюмѣ. Конечно, можно было выбрать сцену изъ трагедій Расина, но никто, кромѣ нея, не могъ декламировать французскихъ стиховъ, и къ тому-же м-ръ Гаскойнъ, не противясь представленію шарадъ, ни за что не разрѣшилъ-бы любительскаго спектакля, хотя-бы изъ отрывковъ пьесъ. Онъ утверждалъ, что всякое препровожденіе времени, приличное порядочному человѣку, прилично и духовному лицу, но въ отношеніи театра онъ не хотѣлъ идти далѣе общественнаго мнѣнія въ той части Эссекса.

Всѣ участвующіе стали придумывать, какъ-бы угодить желанію Гвендолины; наконецъ Рексъ предложилъ окончить представленіе живой картиной, въ которой ея величественная поза не была-бы испорчена игрою другихъ. Этотъ планъ ей очень понравился; оставалось только выбрать картину.

— Пожалуйста, дѣти, выберите какую-нибудь пріятную сцену, сказала м-съ Давило, — я не могу дозволить никакого греческаго нечестія въ моемъ домѣ.

— Нечестіе, какъ греческое, такъ и христіанское, одинаково нечестіе, мама, отвѣчала Гвендолина.

— Греческое извинительнѣе, прибавилъ Рексъ; — къ тому-же, все это давно прошедшее. Что вы думаете, Гвендолина, о взятіи въ плѣнъ Бризеиды? Я буду Ахиллъ, а вы устремите на меня взглядъ черезъ плечо, какъ на картинѣ у отца.

— Это хорошая для меня поза, произнесла Гвендолина довольнымъ тономъ, но послѣ минутнаго размышленія прибавила:— нѣтъ, это не годится; необходимы три мужскія фигуры въ подходящихъ костюмахъ, а намъ негдѣ ихъ взять. Иначе будетъ нелѣпо.

— Нашелъ! воскликнулъ Рексъ: — вы изобразите Герміону, статую въ шекспировской зимней сказкѣ. Я буду Леонтъ, а миссъ Мерри—Паулина. Нашъ костюмъ не имѣетъ никакого значенія и вся сцена будетъ романтичнѣе и болѣе походить на Шекспира, если Леонтъ напомнитъ зрителямъ Наполеона, а Паулина—современную старую дѣву.

Было рѣшено представить Герміону, такъ-какъ, по общему мнѣнію, возрастъ ничего не значилъ; только Гвендолина предложила, чтобъ вмѣсто неподвижной живой картины была сыграна маленькая сцена, то-есть чтобъ, по разрѣшенію Леонта, Паулина дала сигналъ музыкѣ и при звукахъ ея Герміона сошла-бы съ пьедестала, а Леонтъ упалъ-бы на колѣни и поцѣловалъ край ея одежды. Передняя съ раздвижными половинками двери могла быть обращена въ сцену.

Весь домъ, съ прибавленіемъ плотника Джарета, съ жаромъ занялся приготовленіями къ представленію, которое, какъ подражаніе настоящему театру, должно было, по всей вѣроятности, имѣть успѣхъ, потому что, согласно древней баснѣ, подражаніе часто имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ оригиналь.

Гвендолина съ особеннымъ удовольствіемъ ожидала дня представленія, тѣмъ болѣе, что она включила въ число приглашенныхъ Клесмера, который въ то время снова находился въ Кветча мѣ. Клесмеръ пріѣхалъ въ Офендинъ. Онъ былъ въ спокойномъ, безмолвномъ настроеніи и отвѣчалъ на всѣ вопросы отрывочными, односложными словами, точно онъ смиренно несъ свой крестъ въ мірѣ, переполненномъ любителями искусства, или осторожно двигалъ своими львиными лапами, чтобъ не задавить поющую мышь.

Представленіе шло очень плавно и успѣшно, даже непредвидѣнные обстоятельства не выходили изъ области вѣроятія, пока не случилось таинственнаго событія, выставившаго Гвендолину въ необыкновенномъ свѣтѣ.

Живая картина „Герміона“ произвела тѣмъ большее впечатлѣніе, что представляла рѣзкій контрастъ со всѣмъ, что ей пред-

шествовало, и шопоть одобренія пробѣжалъ по всей залѣ при поднятіи занавѣса. Герміона стояла, облокотясь на колонну, на небольшомъ возвышеніи, такъ что, сходя съ него, она могла вполне показать свою хорошенькую ногу.

Наконецъ, Леонтъ дозволилъ Паулинѣ оживить статую и она громко произнесла:

— Музыка, пробуди ее!

Клесмеръ изъ любезности сѣлъ къ фортепьяно и взялъ громовой акордъ; но въ ту-же минуту и прежде, чѣмъ Герміона сошла съ пьедестала, подвижная филанка въ деревянномъ карнизѣ на противоположномъ концѣ комнаты, прямо противъ сцены, съ шумомъ отворилась и картина мертвеца, освѣщенная восковыми свѣчами, поразила всѣхъ изумленіемъ. Конечно, всякій обернулся, чтобъ взглянуть на это неожиданное зрѣлище, какъ вдругъ раздался раздирающій крикъ Гвендолины, стоявшей въ той-же позѣ, но съ страшно измѣнившимся выраженіемъ лица. Она казалась теперь статуей страха; ея блѣдныя губы были закрыты, глаза были на-выкатѣ и неподвижно смотрѣли въ пространство. М-съ Давило, болѣе испуганная, чѣмъ изумленная, бросилась къ Гвендолинѣ, а за ней послѣдовалъ и Рексъ. Прикосновеніе руки матери подѣйствовало на Гвендолину, какъ электрической токъ; она упала на колѣни и закрыла лицо руками, дрожа всѣмъ тѣломъ. Однакожъ, она сохранила нѣкоторое сознаніе и, поборовъ свой испугъ, дозволила увести себя со сцены.

— Вотъ великолѣпная игра, сказала Клесмеръ, обращаясь къ миссъ Аропоинтъ.

— Развѣ это входило въ роль?

— Нѣтъ, миссъ Гарлетъ просто испугалась; у нея очень впечатлительная натура, замѣтилъ одинъ изъ зрителей.

— Я не зналъ, что тутъ скрыта картина, а вы?

— Откуда мнѣ знать? Вѣроятно, это какая-нибудь эксцентричность графскаго семейства.

— Какой ужасъ! Прикажите закрыть картину.

— Дверца была заперта? Все это очень таинственно. Должно быть, это духи шалать, благо теперь это въ модѣ.

— Но здѣсь нѣтъ медиума.

— Почему вы знаете? Должно быть есть, если случаются такіа чудеса.

Всѣ эти вопросы и отвѣты раздавались среди изумленного общества.

— Дверца была заперта, произнесъ м-ръ Гаскойнъ, — и, вѣроятно, отворилась отъ звуковъ фортепьяно.

Послѣ этого онъ попросилъ миссъ Мерри отыскать ключъ, но эта поспѣшность въ объясненіи таинственнаго чуда показала м-съ Булкани недостойной пастора, и она замѣтила вполголоса, что м-ръ Гаскойнъ слишкомъ свѣтскій человѣкъ. Однакожъ, ключъ былъ принесенъ и Гаскойнъ, заперевъ дверцу, положилъ его въ карманъ съ торжественной улыбкой, какъ-бы говоря: „теперь больше не отворится“.

Вскорѣ возвратилась Гвендолина; она была по-прежнему весела и, повидимому, рѣшилась забыть непріятное приключеніе.

Но когда Клесмеръ сказалъ ей, что всѣ зрители должны быть ей благодарны за великолѣпный конецъ сцены, такъ удачно ею придуманный, она вспыхнула отъ удовольствія, принимая за чистую монету вымышленную любезность. Клесмеръ понялъ, что неожиданное обнаруженіе передъ всѣми ея слабости было чрезвычайно непріятно молодой дѣвушкѣ, а потому онъ показалъ видъ, что принялъ естественный испугъ за искусную игру. Гвендолина была теперь увѣрена, что его столько-же поражалъ ея талантъ, сколько восхищала ея красота, и почти успокоилась насчетъ его мнѣнія о ней. Но многіе знали, что именно должна была заключать въ себѣ сцена Герміоны, и никто кромѣ Клесмера не подумалъ утѣшать Гвендолину въ ея воображаемомъ униженіи. Впрочемъ, всѣ какъ-бы безмолвно согласились пройти молчаніемъ этотъ непріятный эпизодъ.

Однакожъ, въ таинственномъ открытіи картины былъ дѣйствительно виновенъ медіумъ, поспѣшившій убѣжать изъ комнаты и скрыться отъ страха въ постель. Это была маленькая Изабелла, которая, не удовлетворивъ своего любопытства однимъ взглядомъ на странную картину въ день пріѣзда въ Офендинъ, подсмотрѣла, куда Гвендолина спрятала ключъ, и достала его, когда всего остального семейства не было дома. Но едва отперла она дверцу, какъ послышались чьи-то шаги; перепуганная дѣвочка стала быстро запираеть замокъ, но видя, что ключъ почему-то ее не слушается, и не смѣя долѣе медлить, она выдернула его и убѣжала въ надеждѣ, что дверца и такъ будетъ держаться. Потомъ она

положила ключъ на мѣсто, утѣшая себя мыслью, что если-бъ оказалось, что картина открыта, то никто не догадается, какъ ее отперли. Но маленькая Изабелла, подобно многимъ взрослымъ преступникамъ, не предвидѣла своего собственнаго неудержимаго влеченія къ признанію и раскаянію.

— Я знаю, что дверца была заперта, сказала Гвендолина на слѣдующее утро за завтракомъ;—я сама попробовала замокъ, а потомъ уже спрятала ключъ. Кто-нибудь рылся въ моемъ ящикѣ и взялъ ключъ.

Изабеллѣ показалось, что глаза Гвендолины смотрѣли на нее съ необычнымъ выраженіемъ; не давая себѣ времени подумать, она воскликнула дрожащимъ голосомъ:

— Прости меня, Гвендолина!

Помилованіе преступницъ было даровано съ удивительной быстротой, потому что Гвендолина желала какъ можно скорѣе изгладить изъ своей памяти и изъ памяти другихъ этотъ фактъ, обнаружившій ея склонность къ страху. Ее очень удивляли эти временныя припадки слабости или безумія, составлявшіе столь рѣзкое исключеніе въ ея нормальной жизни; а въ настоящемъ случаѣ ей было досадно, что ея безпомощный страхъ обнаружился не какъ всегда, въ своемъ семействѣ, а при многочисленномъ обществѣ. Идеальная женщина, по ея мнѣнію, должна быть смѣла на словахъ и отважно идти на-встрѣчу всѣмъ опасностямъ, нравственнымъ и физическимъ; хотя ея практическая жизнь и не достигала такого идеала, но это противорѣчіе происходило, повидимому, отъ мелочной, будничной обстановки той узкой сцены, на которой дѣйствуетъ современная двадцатилѣтняя дѣвушка, неимѣющая возможности думать о себѣ иначе, какъ о барышнѣ, и въ положеніи, строго соотвѣтствующемъ правиламъ приличія. Гвендолина не сознавала другихъ узъ и сдерживающихъ нравственныхъ принциповъ; что-же касается религіи, она всегда довольно холодно относилась ко всему, что представлялось ей подѣ формой религіозныхъ обрядовъ и богословскаго изложенія, подобно тому, какъ многіе питаютъ нерасположеніе къ арифметикѣ и веденію счетовъ. Религія не пугала ее, но и не манила къ себѣ, такъ что молодая дѣвушка никогда не спрашивала себя, религіозна-ли она или нѣтъ, какъ ей никогда не приходило въ голову изслѣдовать вопросъ о системѣ колоніальной собственности, хотя она знала

что состояніе ея семейства находится въ бумагахъ, обезпеченныхъ собственностью въ колоніяхъ. Всѣ эти факты она сознавала въ глубинѣ своей души и готова была о нихъ заявить публично. Но она сама неохотно признавала и желала-бы скрыть отъ другихъ свою склонность къ припадкамъ страха. Ей было стыдно вспомнить, какой страхъ напалъ на нее при неожиданномъ сознаніи своего одиночества, напримѣръ, когда она гуляла одна и вдругъ происходила быстрая переѣна въ освѣщеніи. Одиночество, среди безграничной природы, наполняло ее какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ; ей казалось, что ее окружалъ беспредѣльный міръ, среди котораго она была ничто, обреченная на мучительное бездѣйствіе. Скучныя астрономическія свѣденія, почерпнутыя въ школѣ, иногда уносили ее такъ далеко, что по всему ея тѣлу пробѣгала лихорадочная дрожь; но какъ только къ ней присоединялся кто-нибудь, она тотчасъ относилась съ своимъ обычнымъ равнодушіемъ къ беспредѣльной области, въ которой казалась безпомощной изгнанницей, и признавала себя снова въ томъ родномъ ей мірѣ, гдѣ ея воля была всемогуща. Въ присутствіи человѣческихъ глазъ и ушей она всегда сохраняла свою самоувѣренность и чувствовала себя способной завоевать весь міръ.

Всѣ окружающіе ее, начиная съ матери, объясняли эти припадки слабости или страха впечатлительностью ея нервовъ, но такое объясненіе необходимо было согласовать съ ея обычнымъ холоднымъ равнодушіемъ и рѣдкимъ самообладаніемъ. Теплота — великій двигатель въ природѣ, но для объясненія всѣхъ физическихъ явленій одной теплотой требуется обширное знаніе ихъ соотношеній и контрастовъ; то-же самое можно сказать и относительно объясненія человѣческаго характера впечатлительностью натуры. Но кто, питая любовь къ такому прелестному существу, какъ Гвендолина, не былъ-бы склоненъ принять всякую встрѣчающуюся въ ней особенность за признакъ превосходства ея натуры? Такъ и Рексъ послѣ представленія Герміоны вынесъ окончательно убѣжденіе, что она была преисполнена чувства и должна не только скорѣе отвѣчать на пламенную любовь, но и любить лучше другихъ дѣвушекъ. Онъ широкой грудью вдыхалъ въ себя весну любви и, взмахнувъ крыльями юности, парилъ въ небесахъ.

(Продолженіе будетъ.)

РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

ГЛАВА I.

СПИРИТЫ.

Несмотря на прогрессъ знаній, несмотря на развитіе естественныхъ наукъ въ XIX вѣкѣ, современное намъ человѣчество, даже въ странахъ по - преимуществу цивилизованныхъ, все еще въ значительной степени подвержено суевѣрью. Ученіе о возможности прямыхъ сношеній съ душами умершихъ съ каждымъ годомъ приобретаетъ все большее и большее число прозелитовъ. Людей, раздѣляющихъ это ученіе, въ континентальной Европѣ называютъ *спиритами*, въ Англіи-же и въ Соединенныхъ Штатахъ — *спиритуалистами*. Мы не станемъ, конечно, разбирать, какое изъ этихъ наименованій правильнѣе, — важно не слово, а понятіе, имъ выражаемое. Г. Аесаковъ увѣряетъ, что число спиритовъ на земномъ шарѣ доходитъ теперь до 20 миліоновъ. Валласъ, ученый натуралистъ, смѣлый путешественникъ, имѣвшій мужество во всеуслышаніе заявить себя спиритуалистомъ, приводитъ болѣе скромную цифру; по его словамъ, спиритуалистовъ всего три миліона: два въ Соединенныхъ Штатахъ и одинъ въ Европѣ.

По неизмѣннѣ точныхъ статистическихъ данныхъ, трудно рѣшить, которая изъ цифръ ближе подходитъ къ истинной; замѣтимъ только, что въ числѣ этихъ миліоновъ спиритуалистовъ или спиритовъ) заключается много, очень много большихъ и ма-

лыхъ дѣтей. Но къ этой сектѣ принадлежать и такіе люди, какъ ученый физикъ, замѣчательный своими работами по электричеству, Круксъ, и не менѣе замѣчательный астрономъ Фламаріонъ. Говорятъ, что покойный Теккерей раздѣлялъ спиритуалистическія вѣрованія, какъ раздѣляетъ ихъ современный намъ извѣстный англійскій романистъ Троллопъ. Много и другихъ, менѣе извѣстныхъ ученыхъ заразилось модною болѣзнію; въ числѣ ихъ упомянемъ: Роберта Дэль-Оуэна въ Соединенныхъ Штатахъ, гг. Бутлерова и Вагнера въ Россіи и Луи Фигье во Франціи. Фигье недавно заявилъ о своемъ удивительномъ открытіи, что солнечные свѣтъ и теплота происходятъ отъ скопившихся на этой планетѣ безчисленныхъ массъ счастливыхъ духовъ. По-истинѣ спиритическое объясненіе!

Соединенные Штаты считаются отечествомъ спиритуализма. Но спиритуализмъ очень *старая новостъ*. Онъ составляетъ новое изданіе „анимизма“, распространеннаго въ Корей, Индіи и въ центральной Африкѣ. Происхожденіе этого вѣрованія теряется въ глубочайшей древности. Но спиритизмъ проникъ въ Европу изъ Америки, почему она и считается его родиной. Открылся онъ въ Рочестерѣ, откуда быстро распространился по всѣмъ сѣвернымъ штатамъ. Затѣмъ онъ перешелъ въ Лондонъ, Парижъ и Петербургъ. Успѣшности его распространенія въ Англии много способствовалъ знаменитый Юмъ, а во Франціи Риваль, кассиръ въ парижскомъ театрѣ „Delassements Comiques“, въ исторіи спиритизма извѣстный подъ его литературнымъ псевдонимомъ „Алланъ Бардекъ“. Втеченіи двадцати-пяти лѣтъ спиритизмъ, этотъ родъ холеры, постоянно волнуетъ умы. Онъ составляетъ одну изъ самыхъ сильныхъ, если не самую сильную интеллектуальную болѣзнь XIX столѣтія, можетъ быть, именно потому, что оно получило названіе вѣка секуляризма, позитивизма и дарвинизма.

Какъ всякое вѣрованіе, имѣющее притязаніе на долгое существованіе, спиритизмъ не желаетъ выдѣляться изъ религій, среди которыхъ онъ распространяется; спириты утверждаютъ, что ихъ ученіе составляетъ только дальнѣйшее развитіе, усовершенствованіе

существующихъ вѣрованій. Среди американскихъ спиритуалистовъ встрѣчаются ревностные методисты, лютеране, католики, мормоны, бѣлые, краснокожіе, негры, люди набожныя и такіе, которые гордятся, что они строго слѣдуютъ спиритуалистическимъ убѣжденіямъ, но не придерживаются никакой другой религіи. Официально спиритуалисты заявляютъ, что ихъ единственная цѣль—поразить матеріализмъ очевидными доказательствами существованія души, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, присутствуя на ихъ сеансахъ. Впрочемъ, между спиритуалистами встрѣчаются горячія головы, пылкіе пропагандисты, которые смѣло заявляютъ, что спиритизмъ имѣетъ блестящую будущность, что онъ замѣнитъ собой всѣ религіи человѣчества, что онъ, однимъ словомъ, единственная „естественная“ религія, что онъ основанъ на истинной наукѣ и свои выводы строить на фактахъ, добытыхъ путемъ строгого опыта.

„Наша религія, говорятъ спиритуалисты,—есть религія примитивная, потому-то она и должна замѣнить собой всѣ остальные. Ученые, какъ, наприимѣръ, Тайлоръ, утверждаютъ, что религіи имѣли своимъ началомъ „анимизмъ“, т.-е. ученіе, основанное на вѣрованіи въ духовъ. Мы соглашаемся съ такимъ выводомъ, конечно, потому, что во всѣ безъ исключенія существующія религіи входятъ принципъ поклоненія міру духовному. Да развѣ мыслима какая-нибудь религія безъ такого принципа? Мы учимъ, что смерть не уничтожаетъ совсѣмъ человѣка; уничтожается только тѣло, но духъ продолжаетъ жить и можетъ поддерживать сношенія съ живыми людьми или непосредственнымъ появленіемъ между ними, или посредствомъ стучковъ, а также письма, авторы которыхъ остаются невидимымъ. Явленіе духа пророка Самуила царю Сауду служить неопровержимымъ доказательствомъ правильности нашей доктрины. Традиціи христіанскія, греческія, римскія, традиціи всѣхъ націй, всѣ одинаково подтверждаютъ правильность нашихъ умозаключеній. Припомните случай на никейскомъ соборѣ. Епископы Хризантусъ и Музоніусъ умерли до окончанія совѣщаній. Когда послѣднія были окончены, члены собора, находя, что очень хорошо было-бы имѣть подпись покойныхъ епископовъ подъ протоколами, положили бумаги на ихъ гробницы. И что-же? На слѣдующій день она явилась, безспорно совершенная рукою покойныхъ епископовъ. Императоръ греческій Василій македонянинъ пожелалъ видѣть своего умершаго сына. Онъ обратился къ монаху Теодору и его желаніе

было исполнено. Извѣстно, что Яковъ компостельскій нѣсколько разъ самолично помогаль испанскимъ рыцарямъ въ битвахъ ихъ съ маврами. Фактовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ сношеніяхъ душъ умершихъ съ живыми людьми, можно-бы привести тысячи, десятки тысячъ. Они случались на всемъ пространствѣ земного шара, отъ мыса Лабрадора до Огненной земли, отъ Камчатки до Австрали. Ни одна изъ извѣстныхъ истинъ не свидѣтельствуеть такъ краснорѣчиво и настойчиво, какъ эта.

„Но фактъ продолженія жизни послѣ того процесса, который называется смертью, не составляетъ единственнаго доказательства нашей доктрины. Множество духовъ, являсь по вызову нашихъ медиумовъ, открыли намъ, что наша душа проходитъ нѣсколько послѣдовательныхъ существованій; слѣдовательно, существованіе ея на нашей планетѣ только переходное. Древнее ученіе о переселеніи душъ уже не должно считаться мечтою. Моя душа могла прежде жить въ тѣлѣ Нина или Семирамиды, потому что полъ для нея не имѣеть никакого значенія. Послѣ смерти тѣла души получаютъ наказаніе или награду. Въ видѣ наказанія онѣ могутъ быть переселены въ животныхъ, въ видѣ награды — получить мѣсто на какой-нибудь блестящей планетѣ, на Марсѣ, Венерѣ или Юпитерѣ, наконецъ, на которомъ-нибудь изъ солнць, гдѣ будутъ наслаждатъся самымъ счастливымъ существованіемъ. Такъ миссъ Анна Блекуэль, довольно замѣчательная поэтесса, узнала отъ духа, что ея душа заѣ, 543 года до Рождества Христова находилась въ тѣлѣ некрасивой и злой абиссинской принцесы. Самымъ величайшимъ желаніемъ человѣка, конечно, является желаніе безсмертія, и спиритуализмъ даетъ неопровержимое доказательство существованію безсмертія. Спиритуализмъ есть высшее проявленіе человѣческаго ума. Три миліона спиритовъ принадлежать къ числу избранниковъ, получившихъ высшее развитіе. Чтобы войти въ нашу среду, необходимо имѣть болѣе высокую организацію, чѣмъ та, какой обладаетъ толпа непроевѣщенныхъ, надобно очиститься отъ всѣхъ предразсудковъ, которыми заражены всѣ люди, недостойвшіеся быть сопричисленными къ средѣ послѣдователей новаго ученія“.

Стоить-ли оспаривать подобныя бредни спиритизма? Съ какой стати! Конечно, спиритизмъ есть фактъ, онъ имѣетъ реальное существованіе; три миліона его послѣдователей—цифра довольно значительная. Но потому-то именно и не представляется разумнаго повода съ нимъ считаться. Что скажете вы какому-нибудь Джо Смигу, почерпающему свою спиритическую мудрость въ вертящемся столѣ? Мормонство, составляющее государство въ государствахъ, имѣющее свои города, фабрики, банки, желѣзныя дороги и пароходы, имѣетъ еще болѣе правъ на вниманіе, однакожь, никто изъ истинныхъ философовъ и публицистовъ не станетъ вступать съ нимъ въ пренія и доказывать, что многія изъ его доктринъ приличнѣе всего считать бредомъ сумасшедшаго. Не чистымъ-ли ребячествомъ будетъ завязать споръ съ буддистами, доказывая имъ нелѣпость ихъ вѣрованій; не рискуете-ли вы получить въ отвѣтъ, что десятки миліоновъ людей принадлежать къ этой сильно распространенной религіи? Вообще вступать въ пренія съ религіями, занимающими почтенное мѣсто въ таблицахъ сравнительной статистики, значить даромъ терять драгоценное время. Намъ говорятъ, что спиритизмъ имѣетъ столько послѣдователей, сколько населенія въ Швейцаріи. Прекрасно! снимемъ шляпу и поклонимся имъ такъ-же низко, какъ-бы мы кланялись населенію цѣлой Гельвеціи. Съ другой стороны, также слышатся голоса: „какъ это можно относиться серьезно къ спиритизму, когда онъ ничто иное, какъ грубый обманъ, безсовѣстная эксплуатація общественнаго легковѣрія, доказательствомъ чему служатъ нѣсколько судебныхъ процессовъ, окончившихся осужденіемъ обвиняемыхъ?“ Но какое намъ дѣло до этихъ плутовъ, сознавшихъ передъ судомъ въ своемъ плутовствѣ? Ихъ судили и наказали. Мы интересуемся тѣми, которые не сознавались въ плутняхъ, дѣйствительно не плутуютъ и искренно вѣрятъ, но вступать съ ними въ пренія не станемъ, также какъ не будемъ добиваться преданія ихъ суду за приверженность къ сектѣ, въ кодексѣ непоказанной въ числѣ терпимыхъ. Не тянуть-же къ суду все мормонство, когда та или другая жена бѣжитъ изъ гарема Брайама Юнга. Кому-же неизвѣстно, что на одну женщину, пожелавшую выйти изъ гарема первосвященника „Святыхъ послѣдняго дня“ (мормоны), найдется сотня жаждущихъ попасть туда? Статистики, историки и философы, достойные своего имени, не стануть кричать, что Магометъ былъ плутомъ или об-

манщикомъ. Возможно, что видѣнія, о которыхъ онъ провозглашалъ, были просто явленіями животнаго магнетизма, наконецъ, даже что тутъ была и то, доля обмана. Но исламъ нельзя уже считать обманомъ. Исламъ, основывавшій новыя государства, создающій новыя цивилизаціи, подчинившій своему вліянію огромную часть земной поверхности, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ чело-вѣческой исторіи.

Между спиритами существуетъ масса фанатиковъ, вѣрованія которыхъ нельзя поколебать никакими очевидными доказательствами. Кэти Кингъ, духъ которой являлся вѣрующимъ, стала предметомъ обожанія въ средѣ филадельфійскихъ спиритуалистовъ. Они сочинили слѣдующій гимнъ въ ея честь и распѣваютъ его въ своихъ собраніяхъ:

Соло. Oh! gather round, and 'let us sing
The praises of sweet Katie King,
Who from her bright and happy sphere
Comes smiling to us mortals here *).

Хоръ. Then with sweet voices let all sing
The praises of sweet Katie King **).

Въ глубокомъ обожаніи духа, сходившаго на землю для бесѣды съ ними, дамы, присутствовавшія въ собраніяхъ, снимали съ себя браслеты, серьги, кольца, брошки и дарили ихъ духу, который обѣщаль взять съ собою ихъ подарки въ небесныя пространства и показать тамъ избранному кружку счастливыхъ духовъ.

Извѣстный американскій ученый, Оуэнъ, котораго прелестный духъ очаровалъ, помѣстилъ въ одно изъ лучшихъ американскихъ журналовъ, „Atlantic Monthly“, статью, гдѣ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Или Кэти Кингъ есть истинный духъ, являющійся къ намъ изъ „невѣдомыхъ сферъ“, или-же надо допустить, что чело-вѣческое тѣло можетъ, не оставая никакого

*) О, соберемся и станемъ воспѣвать хвалу сладостной Кэти Кингъ, которая изъ своего счастливаго и свѣтлаго обиталища улыбается намъ, бѣднымъ смертнымъ, находящимся здѣсь.

**) Пусть всѣ наши голоса въ благозвучномъ акордѣ сольются, чтобы воспѣвать хвалу сладостной Кэти Кингъ.

слѣда, проходить черезъ каменную стѣну въ аршинъ толщины“. Такимъ образомъ, по словамъ ученаго, духъ, вещество невѣсомое, можетъ уносить въ воздушныя пространства предметы довольно тяжелыя, ибо Кэти Кингъ захватывала съ собою много золотыхъ украшеній дамскаго туалета. Векоръ послѣ статьи Оуэна появился разсказъ одного изъ посѣтителей спиритическихъ сеансовъ въ Филадельфіи. Въ первый сеансъ, на которомъ онъ присутствовалъ, этотъ посѣтитель замѣтилъ, что у сладостной Кэти Кингъ не совсѣмъ пріятное дыханіе. Это обстоятельство ввело его въ сомнѣніе и онъ нацарапалъ на одномъ браслетѣ, полученномъ въ подарокъ духомъ, первую букву своего имени. Затѣмъ онъ сталъ караулить домъ Гольма, гдѣ происходили сеансы. Онъ замѣтилъ нѣкую миссъ, входившую въ домъ не задолго до того момента, когда, по расчету, долженъ былъ появляться духъ. Своей наружностью, походкой и манерой держаться она очень походила на духъ Кэти. Черезъ нѣсколько времени онъ заговорилъ съ нею; оказалось, что и она, часто встрѣчалась съ нимъ на улицѣ, успѣла замѣтить его. Посѣтитель тотчасъ-же убѣдился, что дыханіе у этой миссъ, такъ-же, какъ и у духа Кэти, было не совсѣмъ пріятное. Онъ вошелъ къ ней въ домъ и добился, что она показала ему свою коллекцію золотыхъ украшеній. Въ коллекціи оказался браслетъ, отмѣченный имъ во время спиритическаго сеанса. Отрицаніе было бесполезно и дѣвица призналась, что она изображала духъ Кэти Кингъ.

Послѣ такого открытія бѣдный Оуэнь едва не сошелъ съ ума, но оно нисколько не убѣдило спиритуалистовъ. „Всѣмъ извѣстно, говорили они,—что на свѣтѣ много безчестныхъ людей, и если разоблачился обманъ при появленіи духа Кэти Кингъ, то изъ этого единичнаго факта никакъ не слѣдуетъ выводить заключеніе, что онъ имѣлъ мѣсто и при другихъ явленіяхъ духовъ, такъ-какъ справедливость многаго множества этихъ явленій засвидѣтельствована массою людей, вполне достойныхъ довѣрія, и, слѣдовательно, не можетъ быть оспариваема“. Попробуйте-ка разубѣждать подобныхъ фанатиковъ—какого результата вы добьетесь? Несомнѣнно, вашъ трудъ пропадетъ. Что-бы вы ни говорили, вы получите одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „мы вѣримъ и въ доказательствахъ не нуждаемся!“

Въ „Дѣлѣ“ былъ сообщенъ процессъ фотографа Бюге, обви-

неннаго парижскимъ судомъ въ мошенничествовъ и посаженнаго въ тюрьму. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что нѣкоторые изъ свидѣтелей, обманутыхъ Бюге, торжественно заявили въ судѣ, что хотя Бюге и сознается въ плутовствѣ, но они остаются при своемъ убѣжденіи, что духи умершихъ родственниковъ являются и позволяютъ снимать съ себя портреты. Въ концѣ декабря прошлаго года Бюге вышелъ изъ тюрьмы, удалился въ Брюссель и объявилъ тамошнимъ спиритамъ, что онъ наговорилъ на себя въ судѣ изъ страха, въ чемъ и раскаявается. Онъ открылъ въ Брюсселѣ фотографію и по-прежнему снимаетъ портреты съ духовъ; торговля его идетъ успѣшно и можно смѣло предполагать, что онъ приобрѣтетъ кругленькій капитадецъ.

По-прежнему онъ находитъ массу легковѣрныхъ людей, которые стекаются къ нему въ мастерскую и заказываютъ ему портреты своихъ умершихъ родственниковъ. Что прикажете дѣлать? Есть люди, обладающіе весьма ограниченной способностью вѣрить, другіе-же, напротивъ, обладаютъ ею въ самой высокой степени. Недавно въ Парижѣ Эмиль Шаль, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ геометровъ, слава академіи наукъ, истратилъ до 200 тысячъ франковъ на приобрѣтеніе автографовъ Ньютона, Лейбница, Коперника, всѣхъ императоровъ римскихъ отъ Августа до Ромула-Августула, апостоловъ, Богоматери, Пилата и св. Іосифа. Замѣчательно, что большинство автографовъ было на чистомъ французскомъ языкѣ. Оказывается, что на немъ писали люди гораздо ранѣе, чѣмъ появилась на свѣтъ этотъ языкъ. Но Шаль вѣритъ, что у него настоящіе, а не поддѣльные автографы. Между тѣмъ, Шаль—человѣкъ уважаемый, почтенный, состарѣвшійся надъ изученіемъ *точныхъ наукъ*. Большинство-же спиритовъ народъ малоразвитый, легко поддающийся суевѣрію.

Мы могли-бы рассказать исторію братьевъ Давенпортъ, которыми въ послѣднее время много занимались газеты, могли-бы сообщить громаднѣйшій перечень разнаго рода надувательствъ, практикуемыхъ спиритами-промышленниками. Но развѣ подобные факты убѣждаютъ кого-нибудь? Искренно убѣжденные спириты не хуже насъ знаютъ объ этихъ мошенничествахъ, но не придаютъ имъ

никакого значенія. Для насъ гораздо важнѣе опредѣлить причины успѣшности спиритической пропаганды въ XIX вѣкѣ, тщеславно объявляющемъ себя вѣкомъ научнымъ и позитивнымъ. Какимъ умственнымъ и нравственнымъ нуждамъ нашей генераціи отвѣчаетъ спиритизмъ или, по крайней мѣрѣ, думаетъ отвѣтить? Мы понимаемъ, что истиннымъ ученымъ противно заняться изслѣдованіемъ явленія, на которое навинулись то шарлатаны, то дураки, то сумасшедшіе, производящіе сильное впечатлѣніе на ханжей и старыхъ дѣвъ. Человѣку, уважающему науку и самого себя, невыносимо имѣть дѣло съ дураками, паяцами и плутами, съ которыми, такъ или иначе, непремѣнно придется сталкиваться при изслѣдованіяхъ спиритизма, находящагося въ ихъ вѣденіи. Эти-то соображенія и заставляютъ ученыхъ отвѣчать рѣшительнымъ отказомъ на всякую попытку уговорить ихъ заняться изслѣдованіемъ спиритизма. Но лучше было-бы, если-бы гг. ученые попытались разсѣять мистическій мракъ, за которымъ скрыто плутовское желаніе эксплуатировать легковѣріе публики. Спириты, магнетизеры, сомнамбулы и имъ подобные твердятъ, что „ученые потому только не желаютъ приступить къ изслѣдованію новыхъ явленій, что опасаются необходимости признать нашу правоту и несостоятельность официальной науки“. Дѣйствительно, пора приступить къ точному объясненію этихъ явленій, пора назвать болѣзнь настоящимъ именемъ, а пока этого не будетъ сдѣлано, число спиритовъ будетъ постоянно увеличиваться. Много есть людей, увлекающихся мистической подкладкой, но объясните имъ явленіе естественными законами—и они устыдятся своего легковѣрія. Интересно, къ чему приведутъ работы комисіи при петербургскомъ университетѣ, рѣшившейся, наконецъ, заняться изслѣдованіемъ спиритическихъ явленій съ научной точки зрѣнія.

Остановимся на нѣкоторыхъ спиритическихъ явленіяхъ, составляющихъ фундаментъ спиритизма. Прежде всего познакомимся съ произведеніемъ м-ра Джона Пайна старшаго, который входилъ въ сношенія съ жителями разныхъ планетъ, о чемъ и повѣдалъ міру въ американскомъ спиритическомъ журналѣ „Психографическій указатель“.

Джонъ Пайнъ—ветеранъ спиритуализма, одинъ изъ главныхъ учителей этой секты. По его словамъ, онъ уже 64 года находится въ сношеніяхъ съ духами. Онъ отецъ Клементя Пайна, изобрѣтателя „спиритическаго телеграфа“. Когда этотъ великолѣпный инструментъ началъ дѣйствовать, духи не знали, какими словами выразить свою радость и благодарность изобрѣтателю. Они безпрестанно твердили, что теперь значительно облегчились для нихъ сношенія съ ихъ земными друзьями, которымъ они совѣтовали какъ можно скорѣе запастись драгоценнымъ орудіемъ, которое, къ тому-же, по карману каждому, такъ-какъ стоитъ всего какихъ-нибудь 14 долларовъ, роскошно отдѣланное, и всего 2 долара, приготовленное просто, безъ всякихъ украшеній.

Этотъ-то драгоценный инструментъ и далъ возможность Клементу Пайну, сыну, и Джону Пайну, отцу, вступить въ сношеніе съ духами, обитающими на другихъ планетахъ. Одинъ изъ этихъ духовъ, скромно подписавшійся *A. B.*, написалъ предисловіе къ труду Пайна старшаго. Скромный духъ признается, однаковъ, что, живя на землѣ, онъ обладалъ развитіемъ перваго разряда. Прочтя его предисловіе, можно придти къ заключенію, что высшія сферы дѣйствуютъ довольно разрушительно на умственные способности.

Съ помощію своего спиритическаго телеграфа Пайны, отецъ и сынъ, узнали много изумительныхъ вещей. Прежде всего они увѣряютъ насъ, что міръ духовный живетъ жизнью мало чѣмъ отличающейся отъ нашей жизни. Духи ѣдятъ, пьютъ, спятъ, какъ и мы. Они болѣе всего любятъ весьма питательный злакъ, похожій на нашъ рисъ; изъ него они дѣлаютъ муку и готовятъ хлѣбъ. Духъ *E. M.* (опять псевдонимъ, конечно, изъ скромности) употребляетъ мясное кушанье, въ родѣ англійскаго ростбифа, и оно нисколько не вредитъ ему. Въ областяхъ, обитаемыхъ духами, произрастаетъ обильно шпинатъ; духи готовятъ изъ него супъ. Духи держатъ коровъ и доятъ ихъ. Духи живутъ не въ домахъ, выстроенныхъ изъ кирпича или дерева, а просто на деревьяхъ, вѣтви которыхъ, обвитыя ползучими растеніями, образуютъ этажи и комнаты. Духи предаются самымъ разнообразнымъ занятіямъ: читаютъ, поютъ, танцуютъ и даже играютъ въ игры, подобныя тѣмъ, въ которыя упражняются наши дѣти. Духи любятъ говорить и проводятъ въ разговорахъ очень много времени.

Души многихъ земныхъ знаменитостей заняли соотвѣтственное положеніе въ мірѣ духовъ: Гершель завѣдуетъ астрономическимъ отдѣломъ и успѣлъ сдѣлать открытіе новаго солнца. Солонъ предсѣдательствуетъ въ отдѣлѣ мудрости; Меланхтонъ въ отдѣлѣ физическихъ наукъ; какой-то Миллеръ—музыки. Франклинъ править дѣлами электричества, а Соломонъ—религиозными. Когда-то существовалъ дьяволъ, но онъ давно уже умеръ и о немъ ничего болѣе не слышно. Души имѣютъ весьма странное воззрѣніе на бракъ, и м-ръ Пайнъ обѣщаетъ сообщить весьма пикантныя открытія по этому поводу.

Эти глупости печатаются, читаются и имъ вѣрятъ. Пайны, отецъ и сынъ, во избѣжаніе поддѣлокъ, взявшіе привилегію на свой спиритическій телеграфъ, получаютъ большіе барыши. Массы людей пользуются теперь этимъ телеграфомъ, посредствомъ котораго вступаютъ въ сношенія съ духами. Старая, совсѣмъ выживающая изъ ума ж-съ Мак-Дермонъ бесѣдуетъ съ духами самаго высшаго разряда. Миссъ Ребекка вступаетъ въ пренія насчетъ небесной любви съ Абельаромъ и Элоизой. Жена почтоваго директора, сильная въ теологіи, ведетъ споръ съ извѣстнымъ кальвинистскимъ проповѣдникомъ, докторомъ Джонатаномъ Эдвардсомъ. Тоненькій портной и толстый булочникъ, поклонники литературы, бесѣдуютъ съ Эсхиломъ, Софокломъ и Гомеромъ. Стоить имъ сдѣлать знавъ—и на ихъ призывъ явятся Шекспиръ и Мильтонъ, чтобы размѣняться идеями съ этими благородными представителями американской литературы. Живые люди, благодаря телеграфу, вступили въ постоянныя сношенія съ душами своихъ умершихъ родственниковъ. Нѣсколькимъ молодымъ людямъ пришла охота жениться на очаровательныхъ дѣвицахъ, обитающихъ на планетѣ Венерѣ, и они получили согласіе. Нашлись и такіе молодцы, которые пригласили духовъ войти съ ними въ компанію для наживанія денегъ и получаютъ весьма практическіе совѣты отъ своихъ бесплатныхъ компаньоновъ. Иные ведутъ переписку съ знаменитыми учеными, на-примѣръ, зубной врачъ Уильямъ Клафтонъ, зять Клементы Пайна, въ затруднительныхъ случаяхъ совѣтующійся съ Кювье, Жофруа Сент-Илеромъ и Ламаркомъ. Одинъ негръ, цирюльникъ, приобрѣлъ благосклонное содѣйствіе Дюкюитрена. Повивальная бабка ж-съ Каролина Свины находится въ прямихъ сношеніяхъ съ Реемъ, Фан-

Свитеномъ, Гипократомъ и Галеномъ. Духи указываютъ мѣста, гдѣ слѣдуетъ находить руды, рыть колодцы и пр.

Самыя важныя открытія, которыми особенно гордится спиритуализмъ, сдѣланы имъ въ области палеонтологіи. Вы знаете, конечно, что такое палимпсесты? Вотъ, напримѣръ, манускриптъ Одиссеи. Монахъ запачкалъ его цементомъ и на новомъ грунтѣ написалъ письма Игнатія Лойолы. Позже другой монахъ запачкалъ цементомъ письма Лойолы и написалъ монастырскіе счета. Теперь есть ученые, умѣющіе снимать верхніе пласты и прочитывать письма подъ счетами, Одиссею подъ письмами. Спиритуалисты увѣряютъ, что скалы, почва—ничто иное, какъ палимпсесты; что здѣсь нагромождены одни на другіе отпечатавшіеся слѣды людей и животныхъ, тѣни прохожихъ, отраженія облаковъ, блескъ звѣздъ. На каждомъ кускѣ земной поверхности тысячи миліоновъ, міриады миллиардовъ отпечатковъ. Обыкновенные люди не могутъ распознать ихъ, но проніцательный взглядъ медиума до всего доходить. Такимъ образомъ оказывается, что каждый предметъ на землѣ представляетъ собой зеркало, сохраняющее въ себѣ всѣ изображенія, въ немъ отражающіяся.

Спиритуализмъ иногда вліяетъ даже на рѣшеніе суда въ Америкѣ. Недавно въ одномъ судѣ присяжные (4 бѣлыхъ, 8 черныхъ) вынесли оправдательный приговоръ потому только, что адвокатъ пригрозилъ имъ, что если повѣсятъ обвиняемаго, душа его будетъ имъ мстить.

Одинъ изъ мировыхъ судей города Чикаго имѣетъ привычку въ трудныхъ случаяхъ постановлять рѣшеніе только послѣ совѣта съ юрисконсультами древнихъ временъ. Недавно, по словамъ мѣстной газеты „Тribune“, онъ разбиралъ одно запутанное дѣло. Адвокатъ отвѣтчика очень ловко выпуталъ своего кліента, приведя законъ, которымъ требованіе истца признавалось неправильнымъ. Онъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на судью, ожидая, что тотъ произнесетъ рѣшеніе въ его пользу. Но судья, подумавъ, сказалъ ему:

— Подождите немного, я долженъ прежде посоветоваться...

Онъ взялъ карандашъ и бумагу, рука его заходила конвульсивно и черезъ пять минутъ онъ прочиталъ написанное на бумагѣ и сказалъ адвокату:

— Я совѣтовался съ знаменитымъ судьей Локвудомъ, умершимъ

150 лѣтъ тому назадъ и бывшимъ, какъ вамъ должно быть извѣстно, председателемъ высшаго суда. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что по разсмотрѣніи вашего дѣла въ судѣ, засѣдающемъ теперь въ мірѣ духовъ, большинство судей высказалось противъ васъ. Вы понимаете, что я не могу рѣшить дѣла въ вашу пользу.

Адвокатъ протестовалъ, но могъ добиться только того, что судья на восемь дней отложилъ свое рѣшеніе, обязываясь въ это время еще разъ посовѣтоваться съ Локвудомъ и просить его снова пересмотрѣть дѣло.

Чѣмъ кончился этотъ бурезъ, намъ неизвѣстно.

Многіе изъ нашихъ читателей несомнѣнно зададутъ себѣ вопросъ: почему легковѣріе такъ сильно распространено въ Соединенныхъ Штатахъ, странѣ просвѣщенной и протестантской, гдѣ почти всѣ дѣти учатся читать и писать?

На этотъ часто задаваемый вопросъ не легко отвѣтить. Намъ кажется, что причина успѣшности спиритизма въ Соединенныхъ Штатахъ лежитъ прежде всего въ направленіи, которое приняло тамъ общественное воспитаніе. Эта республика гордится, что она идетъ во главѣ (go ahead) новѣйшаго прогресса. Съ лихорадочной энергіей она бросилась въ торговня и промышленныя предпріятія и небрежно относится къ искусствамъ, поэзіи и философіи. Съ первоначальныхъ школъ до университетовъ, вездѣ царитъ исключительно практическое, техническое, промышленное направленіе. Дѣти тражданъ Соединенныхъ Штатовъ учатся тремъ вещамъ: торговлѣ, промышленности и протестантской религіи. Окончивъ воспитаніе, они дѣлаются купцами, промышленниками или духовными, но такъ, что въ каждомъ купцѣ сидитъ промышленникъ и протестантъ, въ каждомъ духовномъ сидитъ купецъ и промышленникъ. Большинство злостныхъ банкротовъ здѣсь оказываются людьми наивно-религиозными. Американцы—реалисты до крайности; имъ недостаетъ поэзіи и философіи, они болѣе всего презираютъ сентиментальность и впадаютъ въ противоположную крайность.

Что касается протестантизма, то онъ далеко не такъ способствуетъ свободному обсужденію, какъ многіе думаютъ, въ особен-

ности тамъ, гдѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ представляетъ господствующую религію. Протестантизмъ желаетъ примирить разумъ съ традиціей, найти середину между естественнымъ и сверхъестественнымъ. Протестантизмъ не отвергаетъ чудесъ, онъ только уменьшилъ ихъ число. Онъ считаетъ себя рационалистическимъ, но отвертывается отъ свободныхъ мыслителей. Въ Европѣ, гдѣ ему приходится бороться съ католицизмомъ, онъ по-необходимости дѣлаетъ уступки духу времени. Въ Соединенныхъ Штатахъ, не имѣя вѣшняго сильнаго врага, онъ довольствуется борьбой внутренней. Онъ распался на множество сектъ и крайнія секты въ ту и другую сторону почти ничего не имѣютъ между собою общаго. Унитары — чистѣйшіе рационалисты; послѣдователи епископальной церкви очень мало отличаются отъ католиковъ. Методисты въ своихъ вѣрованіяхъ очень близко сходятся съ поселенцами римской Кампаньи. Они заражены множествомъ суевѣрій и способны увлекаться всякой мистической доктриной, несмотря даже на ея очевидную нелѣпость. Оттого-то спиритуализмъ успѣшнѣе всего прививается въ средѣ методистовъ.

Всякій, кому случилось присутствовать на спиритическихъ сеансахъ, могъ замѣтить, что изстуженное состояніе, въ которомъ находятся медиумы, отчасти сообщается всѣмъ участвующимъ въ церемоніи. Этотъ экстазъ, родъ умственного опьяненія, какъ намъ кажется, составляетъ первую ступень болѣзни, которая, доведенная до крайности, уже проявлялась въ безуміи северскихъ конвульсіонеровъ и т. п.

Опьяненіе — порокъ, распространенный въ цѣломъ мірѣ, и потому относится къ нему слѣдуетъ серьезно. Оно было обыкновеннымъ явленіемъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Каждый напивается, чѣмъ можетъ. Для этого служатъ: виноградное и пальмовое вино, коньякъ, хлѣбная и картофельная водки, ромъ, аракъ, ава, кассава, кока, вьеку, арека, алгараба и пр. Въ лучшихъ нью-йоркскихъ трактирахъ изъ смѣси джина и виски приготавливаютъ около шестидесяти напитковъ, имѣющихъ каждый свой опредѣленный вкусъ и свое относительное достоинство.

Пиво, медъ (напитокъ), квасъ, кумысъ, мухоморы, табакъ, опиумъ, дурманъ, эфиръ, морфинъ, хлороформъ, настой изъ лавровыхъ ягодъ и многія ядовитыя растенія употребляются какъ на-

питки или для куренія. Каждый изъ этихъ продуктовъ имѣеть своихъ страстныхъ почитателей, между тѣмъ употребленіе многихъ изъ нихъ приводитъ къ весьма плачевнымъ послѣдствіямъ. Фанатики испытываютъ страданія, но страсть такъ сильна, что они не въ силахъ остановиться. Также и въ опьяненіи религиознымъ фанатизмомъ человекъ способенъ выносить самыя страшныя мученія. Прихѣрь—индійскіе факиры, которые, желая удостоиться блаженства въ будущей жизни, неистово хлещутъ себя бичами, распинаются на крестахъ, морятъ себя голодомъ и пр. Страсть такъ сильна, что человекъ, обуреваемый ею, становится ея рабомъ.

Извѣстно, что легкое опьяненіе дѣйствуетъ благотворно на нѣкоторыхъ субъектовъ, вызывая дѣятельность извѣстныхъ способностей, остающихся пассивными въ совершенно трезвомъ состояніи. Нѣкоторые поэты и музыканты создали лучшія свои произведенія въ состояніи легкаго опьяненія. Но это случаи слишкомъ исключительные, вообще-же опьяненіе доводитъ человека до степени животнаго состоянія и не должно быть терпимо въ цивилизованномъ обществѣ. Чѣмъ на болѣе низкой ступени развитія стоитъ общество, тѣмъ снисходительнѣе оно относится къ пьянству. Наши предки упивались несравненно чаще, чѣмъ упиваемся мы; дикари называютъ пьянство небеснымъ состояніемъ. Во всякомъ случаѣ, пьянство до сихъ поръ существуетъ, и даже сильно развито у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Человекъ иногда чувствуетъ необходимость забыться и, не имѣя возможности или не умѣя найти болѣе разумное средство, прибѣгаетъ къ опьяненію. Онъ самъ для себя становится отвратительнымъ; напившись пьянымъ, онъ забываетъ о собственной личности. Человекъ пьяный самъ для себя бываетъ часто самымъ дурнымъ товарищемъ, онъ скучаетъ, оставаясь наединѣ съ собственными мыслями. Конечно, такой человекъ—дрянь, трусъ, онъ боится собственного суда, для него тяжело воспоминаніе о собственныхъ ошибкахъ. Такое состояніе чувствуется человекомъ, но не выражается словами. Оно тяжело, мучительно; несчастный не видитъ никакого разумнаго выхода и прибѣгаетъ къ опьяненію. Пьяный всегда даетъ себѣ высшую цѣну; тщеславіе его удовлетворяется; въ опьяненіи онъ забываетъ о своей дрянности.

Шарль Боделеръ, типъ новаго цивилизованнаго человека, ску-

чающаго жизни, недовольнаго, почти презирающаго себя, видѣлъ только одно средство противъ одолевашающаго его силна: опьяненіе. Съ мрачнымъ отчаяніемъ рекомендуетъ онъ его и другимъ. „Надо быть всегда пьянымъ, говоритъ онъ въ своемъ стихотвореніи: „Enivrez-vous“.—Чтобы не чувствовать страшнаго гнета Времени, отдавливающаго плечи и принижющаго къ землѣ, необходимо непрерывно напиваться. Но чѣмъ? Виномъ, поэзіей, добродѣтелью—что болѣе нравится... И если, на ступеняхъ лѣстницы, на зеленой травѣ, въ мрачномъ уединеніи вашей комнаты, вы придете въ себя и убѣдитесь, что опьяненіе въ васъ исчезаетъ, спросите у вѣтра, у волны, у звѣзды, у птицы, у всего, что бѣжитъ, у всего, что дышетъ, у всего, что катится, у всего, что поетъ, у всего, что говоритъ,—спросите: который часть? И вѣтеръ, волна, звѣзда и птица отвѣтятъ вамъ: „часъ выпить“. Чтобы не быть рабами-мучениками Времени, напивайтесь,—напивайтесь непрестанно!“

Опьяненіе—фактъ социальный и бороться съ нимъ полицейскими мѣрами немислимо. Нужно бороться не съ нимъ самимъ, а съ причинами, его порождающими.

Спиритуализмъ—тоже опьяненіе. Съ нимъ самимъ ничего не подѣлаешь, слѣдуетъ устранить прежде причины, обусловившія его существованіе. Выше мы объяснили, что въ Соединенныхъ Штатахъ господствуетъ исключительно практическое, промышленное направленіе, что отъ всего идеальнаго тамъ бѣгутъ, какъ отъ чумы. И послѣдствіемъ такой атрофіи интеллектуальнаго организма явились крайности спиритуализма, мормонства, шекеровъ, перфекціонистовъ, послѣдователей свободной любви и т. п. сектъ; явилось непомерное, чудовищное пьянство, даже между людьми развитыми, избравшими себѣ такъ-называемыя свободныя профессіи. Потому, что бѣдный янки гораздо болѣе лавочникъ и банкиръ, чѣмъ человекъ, онъ способенъ впасть въ разныя излишества, вѣрить нелѣпостямъ, въ родѣ спиритуализма, съ жадностью внимать учителямъ, употребляющимъ свои умственныя способности на раскрытіе тайны, какое имя носить звѣрь, упоминаемый въ апокалипсисѣ подъ цифрой 666; или-же напиваться коньякомъ до потери сознанія, до потери человѣческаго достоинства.

ГЛАВА II.

ПОЛЕВЫЕ МИТИНГИ.

Полевые митинги (Camps-Meetings), т. е. болѣе или менѣе многочисленныя собранія на чистомъ воздухѣ, имѣютъ цѣлю искусственное возбужденіе религіознаго чувства. Это чисто-протестантское учрежденіе; оно интересно въ томъ отношеніи, что вполне характеризуетъ протестантизмъ Соединенныхъ Штатовъ и имѣетъ аналогію съ католическими богомольными путешествіями западной Европы. Число лицъ, принимающихъ ежегодно участіе въ полевыхъ митингахъ, доходитъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Нѣкоторые изъ этихъ митинговъ имѣютъ аристократическій характеръ, другіе — чисто-демократическій; бывають митинги исключительно для негровъ; они представляютъ особенный интересъ для психологовъ и этнографовъ.

Учредителями полевыхъ митинговъ были методисты. Ихъ примѣру послѣдовали баптисты, спиритуалисты и многія другія секты. Методисты, которыхъ можно назвать протестантскими евреями, задумали воспроизвести еврейскій „праздникъ шатровъ“ или „табернакль“. Въ первое время богомольцы жили среди гѣсовъ въ шатрахъ, устроенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей. Но любовь къ комфорту взяла свое и вмѣсто шатровъ явились весьма солидныя зданія изъ камня или дерева, которыя служатъ временными жилищами мѣсяцъ въ году, въ концѣ лѣта, т. е. въ самое лучшее время года.

Первымъ городкомъ, устроеннымъ для этой цѣли, считается Винейаръ, въ штатѣ Массачусетъ, напротивъ прелестнаго города Нью-Бедфора. Онъ основанъ 40 лѣтъ тому назадъ восемью методистскими церквями. Теперь это богатый городокъ, куда пріѣзжаютъ купаться, но по-прежнему онъ продолжаетъ также служить своему прямому назначенію. Сюда съѣзжаются преимущественно богачи, и полевые митинги, въ которыхъ они участвуютъ, поражаютъ своимъ великолѣпіемъ. Въ августѣ городокъ Винейаръ заключаетъ въ себѣ 12,000 жителей, въ сентябрѣ въ немъ остается не болѣе 3,500 человекъ, а въ октябрѣ только 500, т. е. остаются одни постоянные жители. Городокъ очень красивъ; онъ

расположенъ въ великолѣпномъ паркѣ; улицы его прекрасно вымощены и освѣщаются газомъ.

Винейаръ предназначенъ исключительно для аристократовъ, т. е. крупныхъ капиталистовъ, богатыхъ заводчиковъ, вообще людей, которые могутъ сорить деньгами, такъ-какъ жизнь въ этомъ городѣ стоитъ очень дорого.

Впрочемъ, каменныхъ городковъ, подобныхъ Винейару, очень немного; большинство состоитъ изъ деревянныхъ барачковъ, внутри убранныхъ довольно комфортабельно. Лучшимъ изъ такихъ городковъ считается Плезантъ, въ 150 верстахъ отъ Бостона, расположенный въ прекрасной мѣстности, въ горахъ, на берегу озера. Бараки здѣсь расположены въ правильномъ порядкѣ; городокъ разбитъ на нѣсколько улицъ съ центральной площадью, гдѣ собираются митинги; въ городѣ нѣсколько лавокъ и ресторановъ. Временные жители городка подчиняются особенному уставу: завтракаютъ въ 7 часовъ утра, обѣдаютъ въ полдень, ужинаютъ въ 6 часовъ. Въ 9^{1/2} часовъ утра оркестръ изъ духовыхъ инструментовъ призываетъ населеніе къ общей молитвѣ, на митингъ. Отъ пяти до шести тысячъ человекъ разсаживаются вокругъ холмика, гдѣ стоитъ кафедра для оратора.

Другое замѣчательное мѣсто для полевыхъ митинговъ—Уилимантикъ въ Коннектикутѣ, куда собираются преимущественно сельскіе фермеры. Здѣсь среди дикаго еловаго лѣса расположено въ безпорядкѣ 50 обширныхъ барачковъ, раздѣленныхъ каждый на нѣсколько квартиръ; посреди нихъ высится обширная хижина съ платформой, служащей кафедрой для ораторовъ. На ступеняхъ лѣстницы, ведущей на платформу, во время митинга располагаются отъ 20 до 30 дѣвицъ, поющихъ гимны въ антрактахъ между проповѣдями и общими молитвами. Въ первыхъ рядахъ вокругъ кафедры на стульяхъ сидятъ „вѣрующіе“; остальные ряды заняты профанами, сидѣньемъ для которыхъ служатъ уже не стулья, а простыя скамьи. На митингахъ въ Уилимантикѣ собирается отъ 5 до 6 тысячъ человекъ. Проповѣдники... но лучше выпишемъ характеристику ихъ изъ „Сіонскаго Вѣстника“, методистской газеты, давшей подробный отчетъ объ уилимантикскихъ полевыхъ митингахъ послѣдняго сезона:

„Докторъ Гаскаль большой искусникъ открывать полевой митингъ; онъ умѣетъ возбуждать религиозное рвеніе въ своихъ слу-

шателяхъ. Онъ открываетъ сезонъ однимъ изъ тѣхъ могучихъ поученій, тайной которыхъ онъ исключительно обладаетъ, и въ въ этомъ родѣ едва-ли имѣетъ себѣ соперника.

„Достопочтенный Чарльзъ Шиллингъ объясняетъ евангеліе, какъ никто; его слово—чистое густое молоко безъ примѣси воды, лучший кусокъ отлично зажаренной говядины. Въ его рѣчахъ заключается добрый совѣтъ, надежда, утѣшеніе; онѣ проникнуты авторитетомъ.

„Достопочтенная м-съ Джеоржина-Элиза Фуллеръ изъ Кольчестера произнесла превосходную рѣчь, полную, какъ и она сама, граціи и истины. Нѣжная и сильная въ одно и то-же время, рѣчь эта глубоко тронула всѣхъ слушателей и сокрушила сердца грѣшниковъ. Это чаша благодати, которая, касаясь устъ всѣхъ слушателей, дала отраду и успокоеніе. Во время ея рѣчи въ нашихъ ушахъ безпрестанно раздавалось имя Іисусъ. Это благословенное имя оставляло послѣ себя благоуханіе божественной сладости и священной граціи,—но какая сильная и солидная проповѣдь за нимъ слѣдовала!

„Достопочтенный Мередитъ изъ Спрингфильда обладаетъ ужасной серьезностію. Это проповѣдникъ, точно созданный именно для полевыхъ митинговъ. Онъ бьетъ сильно, бьетъ во всѣ точки. Онъ направилъ на всю аудиторію пушку божественной истины и, разрядивъ ее на невѣрныхъ, забросалъ ихъ такой массой аргументовъ и краснорѣчія, что они почувствовали, будто надъ ихъ головами послѣдовательно разрядился цѣлый рядъ молній. Его рѣчи пронизываютъ слушателей и дѣйствуютъ на нихъ обаятельно“.

Въ методистской газетѣ помѣщено еще нѣсколько характеристикъ, но мы ихъ не выписывали; онѣ однозначущи съ только-что приведенными; въ нихъ похвала разсыпается горстями; всѣ проповѣдники оказываются людьми замѣчательными, выходящими изъ ряду. Мы сдѣлали выписки изъ методистской газеты, желая быть объективными. Теперь даемъ слово одному наблюдателю, вполне добросовѣстному и развитому:

„Когда я прибылъ на полевой митингъ, проповѣдникъ началъ свою проповѣдь. Это былъ высочій, угловатый, топоромъ отесанный молодой человекъ, съ длинными бѣлокурыми волосами, широколобый, съ неопредѣленнымъ взглядомъ, янки чистѣйшей породы. Онъ говорилъ или, скорѣе, кричалъ, не переставая, цѣ-

лхъ полтора часа, сопровождая свою рѣчь многочисленными жестами, при чемъ обнаруживалось, что мускулатура у него сильно развита. Онъ говорилъ обо всемъ, нисколько не заботясь о порядкѣ своей рѣчи, быстро переходя отъ веселаго къ суровому, отъ патетическаго къ тривіальному. Его нѣсколько вульгарныя остроты производили взрывъ смѣха въ его слушателяхъ, которые черезъ пять минутъ утопали въ слезахъ, выслушивая разсказъ о многочисленныхъ грѣхахъ, каждодневно ими совершаемыхъ. Проповѣдникъ окончилъ разсказомъ исторіи собственной жизни, причемъ самъ онъ, увлекаясь все болѣе и болѣе, наконецъ разразился неуправимыми рыданіями. Когда онъ окончилъ свою рѣчь, вся аудиторія терла свои увлажненные глаза платками.

„Послѣ небольшого отдыха началась молитва. „Молитесь“, сказалъ пасторъ, и каждый, закрывъ глаза, постарался сосредоточить свои мысли въ молитвѣ. На минуту водворилась мертвая тишина; всѣ ожидали, что кого-нибудь осѣнить св. Духъ.

„Всталъ сѣдой старикъ и заговорилъ. Онъ импровизировалъ важнымъ, медленнымъ голосомъ и вначалѣ его слушали молча. Методисты имѣютъ обыкновеніе прерывать рѣчь своего проповѣдника словомъ: „аминь“, произнося его въ тѣхъ мѣстахъ рѣчи проповѣдника, какія имъ особенно нравятся. Такъ и теперь: сперва послышался „аминь“, произнесенный довольно тихо; затѣмъ восклицанія становились все громче и громче, и, наконецъ, перешли въ перерывы цѣлыми фразами. „Да, Господи, я грѣшу“, кричалъ одинъ. „Я великій грѣшникъ!“ вопилъ другой. Старикъ возвысилъ голосъ, восклицанія удвоились; но голосъ проповѣдника былъ такъ звонокъ, что продолжалъ покрывать хоръ своихъ увлекавшихся слушателей.

„Наконецъ, каждый изъ слушателей, голосомъ, прерываемымъ рыданіями, началъ свою собственную молитву. Проповѣдникъ пытался-было снова подчинить себѣ толпу, но въ этомъ не успѣлъ. Крики и вопли съ каждой секундой усиливались. Каждый продолжалъ молиться особо, вслухъ, не обращая никакого вниманія на своихъ сосѣдей. Болѣе увлекшіеся распростерлись ницъ, прерывисто рыдая и испуская жалостливые вздохи. Одни колотили себя въ грудь, другіе ломали себѣ руки; съ нѣсколькими женщинами сдѣлались конвульсія. Въ то-же время нѣсколько женщинъ пѣли псалмы, каждая отдѣльно,—можно вообразить себѣ, кака

изъ этого выходила нескладица! Подлѣ меня одна женщина, лѣтъ сорока, вставъ на стулъ, кричала, что она всегда была хорошей супругой, имѣеть четырехъ дѣтей и просить Бога, чтобы Онъ помогъ ей сдѣлаться также хорошей матерью. Ея мужъ, находившійся шагахъ въ десяти отъ нея, подбѣжалъ къ ней, крича, что она безупречна, и далъ ей свое благословеніе. Рыдая, они заключили другъ друга въ объятія.

„Между тѣмъ шумъ и экзальтированное состояніе продолжали усиливаться; каждый, казалось, старался перекричать своего соседа и рыдалъ неудержимо. Наконецъ, громкія рыданія стали понемногу стихать и перешли въ всхлипыванія и вздохи. Молитва окончилась; она продолжалась полтора часа.

„Зрители, неучаствующіе въ молитвѣ, вели себя серьезно, сдержанно; немногіе пожимали плечами, но масса безмолвно смотрѣла и слушала. Нѣкоторые подошли къ „вѣрующимъ“, т. е. участникамъ въ митингъ, и выразили свое восхищеніе тѣми порядками, которые практикуются въ ихъ многочисленномъ собраніи. Изъ этихъ многіе, вѣроятно, на другой-же день перешли въ секту методистовъ.

„Прозвонилъ часъ обѣда и каждый удалился въ свою палатку; остались на нѣкоторое время особенно ревностные, продолжавшіе еще молиться“.

На полевыхъ митингахъ, гдѣ собираются исключительно люди богатые, происходитъ все чинно и въ порядкѣ, но большинство митинговъ отличаются тѣмъ-же характеромъ, какъ и описанный выше полевой митингъ въ Уилимантисѣ. Самые экзальтированные изъ методистовъ послѣ молитвы остаются по два часа, стоя на одномъ мѣстѣ, почти безъ движенія. Ихъ называютъ „искателями прощенія“ (Seekers of pardon); они ждутъ, что небо разверзнется надъ ними и на нихъ сойдетъ Духъ Святой въ видѣ голубя. Этими искателями очень интересуются газеты и сообщаютъ ихъ біографіи. Такихъ „искателей“, впрочемъ, немного и фамиліи ихъ извѣстны всѣмъ „вѣрующимъ“, участвовавшимъ въ одномъ митингѣ съ ними.

Въ послѣднее время полевые митинги стали получать болѣе правильную организацію и вмѣстѣ съ тѣмъ терять свою былую оригинальность. Пренжній оригинальный характеръ полевыхъ ми-

тинговъ вполне сохранился только на собраніяхъ негровъ, хотя съ того времени, какъ негры получили гражданскія права и нѣсколько цивилизовались, они ввели кое-какіе порядки въ своихъ собраніяхъ, но тѣмъ не менѣе, оригинальность бывшихъ митинговъ ими все еще свято охраняется, что слѣдуетъ приписать ихъ національному характеру, а никакъ не предвзятой мысли.

„Мужчины, женщины, дѣти и животныя, перемѣшанные въ безпорядкѣ, толпятся вокругъ негра, исполняющаго обязанность проповѣдника, рассказываетъ одинъ наблюдатель. — Проповѣдникъ стоитъ на возвышеніи. На немъ огромные зеленые очки, которыми онъ, кажется, хочетъ проглотить библію, находящуюся у него въ рукахъ; онъ сильно жестикулируетъ, кричитъ, вздыхаетъ и плачетъ; за нимъ кричатъ, вздыхаетъ и плачетъ вся аудиторія. Затѣмъ поютъ гимны, окончивъ которые приступаютъ къ сокрушенію своими грѣхами. Тутъ возбужденіе доходитъ до такой степени, что можно вообразить себя перенесеннымъ на гору Брокенъ, на шабашъ вѣдьмъ: — начинается невообразимый шумъ, крикъ, свистъ, гиканье; одинъ поетъ, другой вопитъ, третій пляшетъ, четвертый скачетъ и всѣ вслухъ съ воплями исповѣдуютъ свои грѣхи“.

Негры собираются на полевые митинги со всей окрестности; они идутъ пѣшкомъ 30, 40, 50 верстъ и не чувствуютъ усталости подъ влияніемъ религіознаго возбужденія. Постороннему наблюдателю бросается только въ глаза, что они избѣгаютъ одѣваться въ свои лучшія платья.

— Каролина, вы усѣлись на свою прекрасную шляпку, говоритъ одна негрятка другой.

— Что мнѣ шляпка! отвѣчаетъ Каролина. — Сегодня я вся принадлежу высшему настроенію. Пусть все пропадаетъ, я ни о чемъ не жалѣю. Слава! Слава! Аلیلуія!

— Ну, а я отобрала отъ моей Люси шляпку, шаль, манжеты, воротнички, всѣ убрашенія, ижѣющія цѣну. Когда она приходитъ въ восторгъ отъ молитвы, она рветъ все, что надѣто на ней, даже платье. Посмотрите, какъ она волнуется, какъ она дрожить!..

И, дѣйствительно, Люси, въ плохомъ платьицѣ, безъ всякихъ прочихъ принадлежностей женскаго туалета, скачетъ, корчится, кричитъ, поетъ рѣзкимъ голосомъ; два сильныхъ человѣка схва-

тываютъ ее, бросаютъ и снова поднимаютъ, точно молотъ мостовщика, пока, доведенная до послѣдней степени возбужденія, Лусм въ сильныхъ конвульсіяхъ лишается чувствъ.

„Нерѣдко случается, говоритъ Диксонъ,—что возбужденіе на полевыхъ митингахъ оканчивается болѣзною и даже смертію. Въ агоніи борьбы противъ грѣха и противъ ужасовъ смерти страсти достигаютъ крайняго возбужденія. Въ такомъ экстазѣ люди спорятъ другъ съ другомъ, дерутся, высказываютъ любовь женѣ своего ближняго... „Религіозное возбужденіе, говорилъ мнѣ методистскій проповѣдникъ, четверть столѣтія присутствовавшій на полевыхъ митингахъ въ Новой Англіи, въ западныхъ штатахъ и въ Виргиніи,—вызываетъ возбужденіе всѣхъ другихъ страстей. Мы знаемъ эту опасность и принимаемъ противъ нея мѣры, но многого сдѣлать не можемъ. Одинъ изъ двадцати непремѣнно впадаетъ въ ересь или предается постыднымъ порокамъ. Очень многіе своими скандалами кидаютъ тѣнь на нашу церковь. Но обходиться безъ искусственнаго возбужденія мы не можемъ, оно поддерживаетъ вѣру и усиливаетъ нашу церковь“.

Диксонъ, конечно, нѣсколько увлекается; онъ, вѣроятно, дѣлаетъ свои выводы изъ фактовъ, наблюдаемыхъ на прежнихъ митингахъ, поражавшихъ своей дикостью, на которыхъ возбужденіе, лучше сказать—опьяненіе переходило всякія границы. Теперь крайности нѣсколько сгладились; возбужденіе бываетъ очень сильное, но никогда не переходитъ границъ, допускаемыхъ житейскими приличіями. Мало того, самое религіозное соперничество на-столько уменьшилось, что на методистскихъ митингахъ допускаются проповѣдники, принадлежащіе къ другимъ сектамъ, требуется только одно: чтобы они непремѣнно стояли на почвѣ библіи; въ противномъ случаѣ, ихъ уличаютъ и они бывають вынуждены удалиться. Однакожъ, многіе изъ иновѣрныхъ проповѣдниковъ пользуются большимъ успѣхомъ между методистами.

Полевые митинги представляютъ собою весьма сложныя учрежденія. Устроенные мисіонерами евангелія, они вначалѣ были торжественнымъ заявленіемъ пылкой набожности; но теперь являются скорѣе предлогомъ для развлеченій, для увеселительныхъ поѣздокъ въ лѣсъ и на воды. Они для людей состоятельныхъ—то-же, что

поѣздки въ приморскіе города, на дачи, на ніагарскій водопадъ. Для нихъ выбираютъ время жаркое, когда въ городахъ жить душно. Такимъ образомъ, полевые митинги для большинства обратились теперь въ чисто-свѣтскія развлечения. Безъ сомнѣнія, еще есть люди, отправляющіеся на полевые митинги съ цѣлями исключительно религіозными, но такихъ набожныхъ людей теперь гораздо меньше, чѣмъ было прежде. Съ своими морскими ваннами, съ парками, зелеными лугами, прелестными бесѣдками, Винеяръ, соперникъ Саратоги, истинный рай для богатыхъ и набожныхъ методистовъ, которые пріѣзжаютъ сюда въ одно и то-же время предаваться религіознымъ размышленіямъ и лечить свои болѣзни, которыми они запасаются во время разсѣяннаго зимняго сезона. Другіе полевые митинги, какъ-то Серебряное озеро, Плезантъ, Стерлингъ, Уилимантикъ, Уинпизанкъ, Гедингъ, сѣверный Оузонъ, южный Фрамингамъ, менѣе роскошны, но чрезвычайно удобны для жизни; всѣ они расположены въ прекрасной, живописной мѣстности, обладающей здоровымъ климатомъ; ихъ эксплуатируютъ промышленныя компании съ миліонными капиталами. Въ этихъ учрежденіяхъ, вонечно, исчезъ первобытный характеръ полевыхъ митинговъ, сохранившійся еще на митингахъ у негровъ и на очень рѣдкихъ митингахъ у бѣлыхъ въ территоріяхъ, гдѣ огромныя разстоянія между поселеніями не позволяютъ собираться на митингъ большимъ массамъ богомольцевъ и, слѣдовательно, не представляется возможности тратить капиталъ на устройство комфортабельныхъ городковъ для временнаго пребыванія въ нихъ богомольцевъ. Фанатически-религіозные вначалѣ, полевые митинги имѣютъ теперь, пожалуй, даже болѣе свѣтскій, чѣмъ религіозный характеръ, въ большинствѣ своихъ отдѣльныхъ учрежденій. Однакожъ, отъ примитивно-религіознаго до чисто-свѣтскаго характера чрезвычайно много переходныхъ степеней и всѣ онѣ до сихъ поръ имѣютъ еще своихъ представителей, почему является возможность по нимъ изучить всю исторію полевыхъ митинговъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Полевые митинги, учрежденные методистами, послужили предлогомъ для основанія множества новыхъ сектъ. Они представляли большое удобство для сектаторовъ вести свою пропаганду передъ многочисленными слушателями. Прежде всего явились „ревивалисты“, т. е. пробуждающіе отъ религіозной дремоты и равнодушія къ спасенію своей души. За ними явились проповѣдники „второго

воплощенія“; потомъ разъяснители Апокалипсиса и многіе другіе. Каждое затруднительное для точнаго пониманія мѣсто въ священномъ писаніи давало поводъ появленію проповѣдника, стремившагося составить новую секту. Явились десятки миссіонерскихъ, религиозно-филантропическихъ и филантропо-религиозныхъ обществъ, посылавшихъ своихъ членовъ на полевые митинги для собранія пожертвованій на филантропическія и религиозныя дѣла. Подписка шла всегда успѣшно; участники въ митингахъ очень щедро сыпали деньгами, желая своей щедростью показать, что они прибыли на митингъ дѣйствительно съ цѣлями религиозными.

Этими-же митингами для своихъ цѣлей умѣли пользоваться достопочтенныя миссъ и мистрисъ, пропагандирующія реформы въ воскресныхъ школахъ или въ одеждѣ. Здѣсь-же приобрѣтали своихъ прозелитовъ и спиритуалисты.

На этихъ митингахъ янки снабжалъ себя въ возможно большемъ количествѣ моралью, религіей и философій, чтобы не имѣть надобности въ остальные одинадцать мѣсяцевъ года заботиться объ этой пищѣ и предаваться вполнѣ своимъ излюбленнымъ промышленнымъ и торговымъ занятіямъ.

Полевые митинги вызвали учрежденіе многихъ другихъ специальныхъ собраній. Такъ въ американскихъ газетахъ безпрестанно приходится читать извѣстія въ родѣ слѣдующихъ:

„Въ четвергъ состоялось собраніе друзей умѣренности подъ предсѣдательствомъ м-съ Ветенмейеръ и миссъ Френсисъ Виларъ...“

„Миссъ Люси Дрэнъ очаровала свою аудиторію граціозностью своихъ манеръ...“

„Достопочтенная м-съ Джулія Биджлоу предсѣдательствовала въ общемъ собраніи женскаго общества разсылки за-границу женщинъ-миссіонеровъ...“

Спиритуалисты, конечно, не отставали отъ другихъ и въ прошломъ году безпрестанно устраивали многочисленныя собранія. „Едва ли когда-нибудь происходило такое блестящее и многочисленное собраніе медіумовъ и ясновидящихъ, какъ собраніе въ Плезантѣ, пишутъ въ англійской „Брайтонской Газетѣ“. — Во главѣ собранія сіяла сестра Давенпортовъ, м-съ Бланди, своими медіумическими способностями превосходящая своихъ братьевъ. При ея посредствѣ духи всегда входятъ въ сношенія со всѣми, кто пожелаетъ предлагать имъ вопросы; при ея посредствѣ въ этомъ со-

брани одинъ изъ присутствующихъ мужчинъ получилъ съ того свѣта кольцо, упавшее ему на колѣни, которое было совершеннымъ подобіемъ его обручальнаго кольца. Тутъ-же были м-съ Рейеръ, повелѣвающая растеніями, которыя, по мановенію ея рукъ, быстро растутъ; м-ръ Алень Бай, извлекающій звуки изъ клавишныхъ инструментовъ, не дотрогиваясь до нихъ руками; м-съ Люти Блэръ, производящая при помощи духовъ прелестные рисунки. По словамъ м-съ Блэръ, она ничего не смыслитъ въ живописи и, безъ содѣйствія своихъ сотрудниковъ, неспособна нарисовать самой простой геометрической фигуры; когда она вошла на эстраду, ей тщательно завязали глаза и положили передъ нею бумагу, кисть и акварельныя краски; она нарисовала двѣ картинки: одну въ 11, а другую въ 5 минутъ; на нихъ были изображены прелестные букеты цвѣтовъ, совершенно правильно раскрашенные. Былъ тутъ и фотографъ, снимающій портреты съ духовъ, показавшій свое искусство по просьбѣ одного изъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, здѣсь было все, что обыкновенно выставляетъ спиритуализмъ для убѣжденія невѣрующихъ и увеличенія числа своихъ сторонниковъ...

Суровые читатели старинныхъ полевыхъ митинговъ готовы мириться съ тѣмъ, что спиритизмъ уже слишкомъ безцеремонно спекулируетъ на факты, подтверждающіе ихъ основное вѣрованіе въ возможность сношеній живыхъ людей съ духами, но они не могутъ простить спиритуалистамъ тѣхъ пиршествъ, которыми всегда кончаются спиритуалистическіе митинги. Еще если-бъ пиршество ограничивалось обильнымъ уничтоженіемъ яствъ и питій, можно-бы хотя нѣсколько извинить подобную человѣческую слабость, но спиритуалисты оскверняютъ себя мерзкими танцами—этого соблазна не могутъ простить имъ строгіе ревнители методизма. „Куда идемъ мы? Куда идемъ мы!“ задаютъ они себѣ этотъ ужасный вопросъ и принуждены бываютъ сознаться, что и методистскіе полевые митинги съ каждымъ годомъ теряютъ свое исключительное религіозное значеніе, и они уже стали допускать богопротивныя танцы. Нападающіе на одни танцы еще дѣлаютъ нѣкоторую уступку; самыя строгіе изъ членовъ ассоціаціи „развитія святости“ доходятъ до порицанія даже такихъ невинныхъ развлеченій, какъ кавалькады дамъ и мужчинъ, прогуливающихся верхомъ по улицамъ Винейара или Плезанта.

Полевые митинги, имѣющіе свой спеціальный характеръ въ Соединенныхъ Штатахъ, даютъ нѣсколько полезныхъ указаній для точнаго опредѣленія свойствъ человѣческаго сердца и существа религій. Вначалѣ полевые митинги являлись въ ^сдо-нельзя упрощенномъ видѣ: это былъ пуританизмъ въ его суровѣйшей фазѣ развитія. Теперь полевые митинги представляютъ собою смѣсь самыхъ разнородныхъ и противорѣчащихъ элементовъ; старый фанатизмъ еще не исчезъ, онъ продолжаетъ проявлять себя, иногда даже доходить до крайностей, но рядомъ съ нимъ заявляютъ о своихъ правахъ либерализмъ и полная терпимость въ отношеніи сектъ, считающихся просвѣщенными. Здѣсь перемѣшаны въ безпорядкѣ: первобытное мировоззрѣніе и цивилизація; поэзія въ лучшемъ ея проявленіи и лавочническая притязательная роскошь; безкорыстная преданность идеѣ и торгашество; филантропія и безцеремонное обирание простаковъ; восторженная экзальтація въ молитвѣ и разнузданность страстей; утромъ полное отрѣшеніе отъ всего мірскаго, вечеромъ—шумный балъ, объяденіе и пьянство. Здѣсь настоящая квинтъ-эссенція штатовъ; здѣсь вся исторія ихъ общественнаго развитія. Если поразмыслить хорошенько, нельзя не придти къ заключенію, что и всякое другое общество въ своемъ развитіи шло и идетъ тѣмъ-же путемъ, съ тою только разницею, что въ Соединенныхъ Штатахъ въ недѣлю совершается то, на что другіе народы тратятъ годъ, два и болѣе, потому-то всякія перемѣны скорѣе замѣчаются и представляются несравненно болѣе рѣзкими въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Въ этомъ постепенномъ измѣненіи характера полевыхъ митинговъ не было ничего случайнаго; превращеніе совершилось вполнѣ нормальнымъ путемъ, подчиняясь неизбѣжному общему закону. Учрежденные нѣсколькими фанатиками, жаждущими пріобрѣсти какъ можно болѣе послѣдователей своему ученію, полевые митинги въ началѣ своего существованія естественно отличались фанатическимъ характеромъ; сильные своимъ убѣжденіемъ фанатики-учредители легко увлекали за собой толпу, готовую принять всякое крайнее вѣрованіе. Поразительный успѣхъ первыхъ проповѣдниковъ на полевыхъ митингахъ вызвалъ подражателей и тѣмъ самымъ нанесъ ударъ ихъ дѣлу. Полнѣйшая свобода собраній, существующая въ Соединенныхъ Штатахъ, дала возможность раз-

виться огромному числу полевыхъ митинговъ. По мѣрѣ ихъ развитія, они мало-по-малу естественно удалялись отъ своего перво-образа. Ученики первыхъ проповѣдниковъ были еще фанатиками, но въ болѣе слабой степени; ихъ ученики уже заговорили о вѣротерпимости. Число фанатиковъ постоянно уменьшалось; припоминая пословицу: „одинъ въ полѣ—не воинъ“, многіе изъ нихъ сами стали присоединяться къ большинству, раздѣляющему болѣе либеральныя убѣжденія. Всякая доктрина непремѣнно должна рано или поздно измѣнить свой характеръ; болѣе всего ее губить успѣхъ; едва она завоевала себѣ почву гибелью другихъ, враждебныхъ ей доктринъ, какъ начинаетъ сама принимать иную форму и, наконецъ, уступаетъ мѣсто другой, болѣе сильной и разумной доктринѣ. Какъ только ее усвоилъ народъ, она становится народной, только народной, теряетъ свою индивидуальность, свой собственный характеръ. Такимъ образомъ, всякое человѣческое учрежденіе, если ему дана полная свобода развиваться, съ теченіемъ времени отливається постепенно въ иную форму, принимаетъ совершенно противоположный характеръ.

ГЛАВА III.

„Пробуждающіеся.“

Полевые митинги созываются только лѣтомъ, преимущественно въ августѣ, и продолжаются до половины сентября. Въ противоположность имъ, собранія „ревивалей“, т. е. пробуждающихся, бывають только зимой. Эти собранія представляютъ собою максимумъ религіозной напряженности сѣверо-американской республики.

Что-бы ни говорили самые рьяные фанатики, самые рѣшительные аскеты, факиры и бонзы, природа и на нихъ оказываетъ свое вліяніе. Какъ ни стараются они сторониться отъ нея, но безпрестанно должны подчиняться ея непреложнымъ законамъ. Янки можетъ быть самымъ брюзгливымъ веселянцемъ, самымъ строгимъ методистомъ, но есть въ немъ нѣсколько капель крови, которая согрѣвается весеннимъ солнцемъ, есть остатокъ чувства, зовущій его къ жизни и ея наслажденіямъ. Милленаріанцы, адвентисты, шекеры, тунверы и т. п. сектанты желали совершенно

изгнать низкую матерію и жить въ искусственной атмосферѣ абстрактнаго догматизма, но очищенные и возродившіеся, какими они себя считаютъ, они не могли-же устроить такъ, чтобы дѣти ихъ рождались не женщиной, не сосали материнской груди. Они ненавидятъ природу, проклинаютъ ее и клеветуютъ на нее, называютъ ее безстыдной развратницей, матерью грѣха, и все-таки ей повинуются, потому что противиться ей не могутъ. Они могли-бы быть ея любимыми и любящими дѣтьми, но захотѣли лучше сдѣлаться ея рабами, вѣчно ворчащими на нее, съ ропотомъ и неудовольствіемъ исполняющими ея повелѣнія. Такое положеніе имъ болѣе нравится—это ихъ дѣло, о вкусахъ не спорятъ.

Въ римско-католическихъ странахъ часто приходится слышать: „остерегайтесь патера, который слишкомъ шумно гремитъ противъ баловъ и танцевъ, противъ вождельній плоти, противъ разврата и кутежей, противъ любви, которую онъ намѣренно смѣшиваетъ съ похотью и обзываетъ такими словами, повторять которыя невозможно, такъ-какъ ихъ не принято употреблять въ мало-мальски образованномъ обществѣ. Подъ личиной строгости такой патеръ скрываетъ страстную привязанность къ тѣмъ именно вещамъ, противъ которыхъ онъ возстаетъ и которыя запрещены ему каноническимъ уставомъ“. Говорящіе это правы: хромья, горбатая, безобразная женщины гораздо строже судятъ своихъ красивыхъ сестеръ, чѣмъ женщины, неимѣющія рѣзкихъ физическихъ недостатковъ, а въ особенности красивыя. Первые безжалостны въ своихъ приговорахъ, потому что ихъ гложетъ зависть, самый ужаснѣйшій изъ всѣхъ пороковъ. Имъ, несчастнымъ, тоже хочется быть любимыми, но на нихъ никто не обращаетъ вниманія, любовь становится для нихъ запретнымъ плодомъ. Точно также узкій, свирѣпый, беспощадный фанатизмъ очень часто служитъ признакомъ безсилія. Всѣ эти суровые протесты противъ природы показываютъ слабость, а не силу. И въ самомъ дѣлѣ, какъ безсиленъ и ничтоженъ этотъ жалкій лепетъ дѣтей, возмущившихся противъ матери-природы, противъ вѣчнаго закона, управляющаго людскими отношеніями, противъ принциповъ жизни, по словамъ Лукреція, вытекающихъ изъ симпатій и необходимости!

Посмотрите на методистскаго проповѣдника: онъ одѣтъ съ ногъ до головы въ черное, желая этимъ выразить протестъ противъ блага свѣта и веселящихъ глазъ красокъ; онъ то опуска-

еть глаза въ землю, то подымаетъ ихъ къ потолку; онъ никогда не смотритъ прямо передъ собой, въ глаза своихъ слушателей, — этимъ онъ желаетъ показать, что уединяется отъ свѣта и бѣжитъ отъ севернъ настоящаго времени. Онъ говоритъ не какъ всѣ простые смертныя, но непремѣнно въ носъ, глухимъ голосомъ, точно исходящимъ изъ глубины могилы. Послушайте, что онъ говоритъ. Подобно католическимъ патерамъ изъ числа фанатиковъ, онъ сравниваетъ природу съ могилой, наполненной костями и зловонными, разлагающимися трупами. Сердце человѣческое онъ называетъ вмѣстилищемъ грѣха, скопищемъ всевозможныхъ эгоизмовъ. Добродѣтели людскія — тѣ-же пороки, но въ болѣе блестящей оболочкѣ; великодушіе и преданность, по его описанію, выходятъ едва-ли не болѣе опасными, чѣмъ жестокость и убійство. Дорога въ адъ вымощена добрыми намѣреніями. Разумъ человѣческій — величайшее оскорбленіе всемогуществу Творца; наше моральное нечестіе во много разъ превышаетъ понятіе о всемъ мерзкомъ и нечистомъ въ физическомъ отношеніи... Далѣе онъ говоритъ объ адѣ, о гееннѣ огненной, самыми мрачными красками изображаетъ муки, уготованныя нечестивому человѣческому роду. Онъ перечисляетъ массы наказаній, ожидающихъ грѣшниковъ, и все только наказанія, одни наказанія; отчаяніе и никакой надежды. Таковы, по большей части, темы рѣчей методистскихъ проповѣдниковъ.

Это, впрочемъ, тема первой половины рѣчи. Слушайте далѣе. Во второй части рѣчи онъ распространяется о свободѣ божіихъ дѣтей, т. е. вѣрующихъ, принадлежащихъ къ его сектѣ, освобожденныхъ отъ грѣха искупленіемъ, которымъ предстоитъ наследовать царство небесное. Онъ пространно говоритъ о вѣчной радости, которая выпадаетъ на долю избранныхъ. Онъ описываетъ блаженный пылъ мистической любви, заимствуя описанія изъ романовъ любви обыкновенной, земной. Онъ обѣщаетъ въ будущей жизни въ десять, во сто разъ болѣе наслажденій, которыя онъ хочетъ отнять совѣмъ въ настоящей жизни. Онъ обогащаетъ своихъ единовѣрцевъ всѣмъ тѣмъ, чего онъ желаетъ лишить человѣка. Такимъ образомъ, онъ началъ убиваніемъ природы, и когда, по его предположенію, онъ убилъ ее, онъ снова возстановляетъ ее.

Таковы противорѣчія послѣдователей абстрактной догматики, какими являются методисты, очень немногимъ въ этомъ отношеніи

отличающіеся отъ фанатичныхъ католическихъ патеровъ. Сухой, желтый, неуклюжій проповѣдникъ собралъ въ лѣсу аудиторію изъ портныхъ, сапожниковъ, прикащиковъ, мелочныхъ торговцевъ и пр.; онъ возстаетъ противъ природы, противъ проявленія человѣческихъ чувствъ, противъ всякихъ наслажденій и удовольствій. Слушатели внимаютъ ему съ сокрушеннымъ сердцемъ, сопровождаютъ рѣчь его вздохами и рыданіями. А вокругъ природа такъ хороша: солнечные лучи освѣщаютъ древесныя вѣтви, падаютъ на цвѣты, испускающіе ароматическій запахъ; на съѣкомыя весело летаютъ, отливаясь на солнцѣ блестящими красками; ручей журчитъ пріятно и даетъ живительную прохладу; а тутъ вдали слышится звонкая пѣснь жаворонка... Нѣтъ, хороша природа, думаетъ то тотъ, то другой изъ слушателей суроваго проповѣдника.

Но вотъ рѣчь кончилась. Умиленные слушатели расходятся по домамъ. Глазъ молодого продавца сыровъ невольно останавливается на красивой шеѣ продавщицы масла... Нѣтъ, думаетъ онъ, — противъ природы ничего не подѣлаешь: гони ее въ дверь, она войдетъ въ окно. И мелочной лавочникъ, идя рука объ руку съ своей женой, признается въ своемъ безсиліи отказаться отъ житейскихъ прелестей, онѣ втягиваютъ въ себя такъ сильно, что никакими абстрактными разсужденіями отъ нихъ не отдѣлаться. И какой-нибудь строгій братъ-баптистъ, проклиная плотскую любовь, какъ чувство животное, хотя и опоэтизированное людьми, сознаетъ, что его невольно влечетъ къ сестрѣ-пресвитеріанкѣ...

Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, говоритъ пословица. По иной дорогѣ приходится долго колесить, а все-же она приведетъ къ цѣли.

Полевые митинги, какъ мы уже замѣтили, бывають лѣтомъ. По закрытіи ихъ всѣ участвующіе возвращаются къ своимъ дѣламъ, въ города, на фабрики и въ фермы, давъ обѣщаніе непременно собраться на митингъ въ будущемъ году. Уѣзжаютъ и проповѣдники, но имъ не приходится долго отдыхать: они должны приготовиться къ зимней кампаніи, къ собраніямъ „ревивалей“. Полевые митинги перестали быть суровыми религіозными учрежденіями; „святые“, т. е. методисты, собираются уже не для одной молитвы, а также и для развлечения, для отдохновенія,

для леченія, въ мѣстности здоровой, гдѣ они находятъ всѣ жизненныя удобства и полнѣйшій комфортъ. Такой переверотъ, однакожь, не обезоружилъ ревностныхъ проповѣдниковъ; они обратили свои усилія на пропаганду въ городахъ, гдѣ скучено многочисленное народонаселеніе.

„Ревивали“, т. е. пробуждающіеся отъ религиозной дремоты и возрождающіеся въ новой духовной жизни, — собираются теперь періодически, каждый годъ, но вначалѣ ихъ собранія происходили въ разное время, по произволу проповѣдниковъ. Основаніе этимъ собраніямъ положили методисты. Первыми и самыми выдающимися проповѣдниками этихъ собраній были извѣстные учителя методистовъ Уэслей и Уитфилдъ. Они дѣйствовали на массу непосредственно своимъ краснорѣчіемъ и силой собственнаго убѣжденія; Гоуардъ, Кнаптъ, Пайзанъ, Финни и др., продолжающіе ихъ дѣло, не обладаютъ уже ихъ талантомъ, за то имѣютъ за себя опытность и ведутъ пропаганду систематически. Ихъ слѣдуетъ считать истинными организаторами новой секты.

Съ помощію библейскихъ обществъ, религиозныхъ трактатовъ, миссій внутрь страны, при содѣйствіи комитетовъ, управляющихъ протестантскими сектами, а главное — мѣстныхъ съѣздовъ, проповѣдники появляются во всѣхъ углахъ Соединенныхъ Штатовъ, въ особенности въ большихъ населенныхъ городахъ. Болѣе талантливые изъ нихъ посылаются даже за-границу; кромѣ таланта, имъ приходится обладать знаніемъ языка той страны, куда они отправляются. Они далеко не такъ счастливы, какъ, на примѣръ, итальянскіе пѣвцы, которые заставили вездѣ принять въ музеѣ итальянскій языкъ за officialный. Проповѣдники-же поставлены въ невыгодное для нихъ положеніе необходимостью вездѣ говорить на языкѣ страны, иначе, понятно, ихъ проповѣдь будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Правда, существуютъ энтузіасты, которые полагаютъ, что миссіонеры, имѣвшіе громаднй успѣхъ въ Америкѣ, могутъ такъ-же сильно вліять на слушателей и чрезъ посредство переводчика. Такимъ образомъ, отъ времени до времени, ихъ посылали въ Парижъ, въ Берлинъ, въ Женеву, въ Лозану, но, конечно, безъ всякаго успѣха: краснорѣчіе имѣетъ силу только при непосредственномъ обращеніи оратора къ слушателямъ. Во всякомъ случаѣ, Англія и Соединенные Штаты, говоря однимъ языкомъ, могутъ дѣлать подобныя обмѣны. Между „ревивалими“

пользуются въ настоящее время славой проповѣдницы Моды и Занки; съ ними пожелали познакомиться англичане и они тотчасъ-же отправились въ Англiю. Прошлою весною цѣлыя столбцы англійскихъ газетъ наполнялись разсказами о дѣяніяхъ этихъ американскихъ проповѣдниковъ; даже „Times“, между отчетами парламента и биржи, помѣщала разборъ ихъ проповѣдей. Оба эти миссіонера, находившіеся подъ особымъ покровительствомъ ханжей изъ вліятельныхъ лицъ, проповѣдывали въ Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Манчестерѣ, Шефилдѣ и въ большинствѣ значительныхъ городовъ Великобританіи. Въ Лондонѣ для нихъ нарочно наняли, привели въ порядокъ и приспособили громадную залу „земледѣльческаго общества“, которая можетъ вмѣстить въ себя цѣлыя стада быковъ. Болѣе 18,000 человекъ присутствовало на первой проповѣди. Одна толпа притягивала за собой другую и число слушателей возрасло до 27,000 въ будни и до 45,000 человекъ по воскресеньямъ. Судя по опубликованнымъ отчетамъ, матеріальныя издержки этой евангелической миссіи достигли, втеченіи четырехъ мѣсяцевъ, до 100,000 рублей или около того, не считая личнаго вознагражденія самимъ миссіонерамъ. Въ настоящее время Моды и Занки заняты самымъ серьезнымъ образомъ своимъ дѣломъ и религіозныя газеты очень подробно сообщаютъ объ ихъ неутомимой дѣятельности. Надо сказать, что изъ двухъ неразлучныхъ миссіонеровъ одинъ проповѣдникъ, а другой сильный теноръ, спеціальность котораго составляетъ духовная музыка. Они оба въ цвѣтущихъ лѣтахъ; около двадцати лѣтъ они проповѣдуютъ. М-ръ Моды былъ сначала работникомъ на фермѣ. Въ 18 лѣтъ его посѣтило вдохновеніе; онъ обратился къ Богу и почувствовалъ вдругъ свое призваніе. Сначала онъ занимался въ воскресныхъ школахъ въ Чикаго, потомъ исключительно посвятилъ себя проповѣди. Его ученикъ Занки тоже услышалъ зовъ свыше и оставилъ свое мірское ремесло, для того, „чтобъ послѣдовать за учителемъ“, по примѣру апостоловъ, съ которыми любятъ себя сравнивать оба проповѣдника.

Мы имѣемъ передъ глазами отрывки рѣчи м-ра Моды, сообщенныя одной лондонской газетой. Хотя нашъ переводъ вполне вѣренъ, но онъ не можетъ передать въ точности отсутствіе отдѣлки и жесткость рѣчи, выкупаемая гибкимъ, звучнымъ голосомъ и обильной, могучей жестикуляціей. „Мы не принесли съ

собою новаго евангелія, говорилъ Моді;—наше евангеліе—старая исторія. Современные люди бѣгаютъ за новымъ, но если вы пришли сюда слышать что-нибудь новое, вы ошибаетесь. Вѣсть, которую мы принесли вамъ, та-же самая, что вы слышите отъ другихъ пастырей; мы не лучше ихъ, и есть сотни проповѣдниковъ, которые говорятъ лучше насъ. Но дѣло не въ насъ; на человѣка мы не смотримъ. Если Богу угодно сдѣлать свое дѣло въ Лондонѣ, Онъ сдѣлаетъ вести его по-своему; мы только служимъ рупоромъ гласу святого Духа. Богъ даже предпочитаетъ выбирать своими орудіями людей тупыхъ и слабоумныхъ. Енохъ въ глазахъ свѣта былъ человѣкъ безъ дарованій, но Богъ сказалъ ему: гряди впередъ, Енохъ! Ной... надъ нимъ тоже всѣ насмѣхались. А взгляните на Иисуса Навина: топчется, топчется онъ вокругъ стѣнъ Іерихона, дуетъ, дуетъ въ трубу! не кажется ли это смѣшнымъ? И, въ самомъ дѣлѣ, вамъ могъ-бы показаться смѣшнымъ этотъ простакъ, надсаживающій себѣ грудь подъ стѣнами непріятельскаго города, трубя: турлутуту! турлутуту! если-бъ вы не знали, что Богъ повелѣлъ, чтобы отъ этого трубнаго звука пали стѣны вѣрности. Представьте себѣ его высокопресвященство архіепископа кентерберійскаго, въ сопровожденіи своей свиты изъ церковныхъ сторожей, викаріевъ, священниковъ, канониковъ, отправляющагося топтать ногами вокругъ Лондона и трубящаго въ свой охотничій рогъ: трамъ! трамъ!“

Какъ видно, м-ръ Моді далеко не почтительно относится къ архіепископу кентерберійскому. М-ръ Моді и его собратья „ревивали“ охотно принимаютъ рѣзкій тонъ, говоря о прелатахъ. Но не слѣдуетъ заблуждаться,—этотъ тонъ только маска. Ученіе ихъ въ точности кальвинистское, до мелочности строго-правовѣрное, вполне согласное съ традиціями.

Моді и другіе духовные трибуны любятъ играть роль Гракховъ и Маріевъ. Въ сущности-же они болѣе всего обличаютъ официальную церковь въ ея относительномъ либерализмѣ, въ томъ, что она слишкомъ много сдѣлала уступокъ духу времени, новѣйшей наукѣ, политикѣ и философій. Моді и его товарищи—чистѣйшіе ультрамонтане протестантства, фанатики іудео-гугенотской теократіи. Официальное духовенство, епископы изъ палаты лордовъ, представители господствующей церкви, показываютъ хладнокровное презрѣніе къ этимъ импровизированнымъ апостоламъ, дѣла-

ють видѣ, что не слышать ни одного слова изъ тѣхъ истинъ, подчасъ очень жесткихъ, которыя тѣ высказываютъ имъ въ глаза. Официальные сановники не могутъ ни оправдывать, ни порицать этихъ мнимыхъ революціонеровъ. Они не могутъ отрицать ученіе, которое вполне согласно съ ихъ собственнымъ и даже логичнѣе его. Они не могутъ его признавать ради демократической вѣѣшности проповѣдниковъ, которые называютъ себя произвольно врачами душъ и пастырями народа. Они не могутъ признавать его и вслѣдствіе явной невѣжественности этихъ людей, ихъ видимой неловкости и суетвѣрія, выставляемаго ими на-показъ. Образчикъ проповѣди, нами приведенный, а также и другіе, которые мы намѣрены привести далѣе, не дѣлая выбора между особенно грубыми, плоскими и скучными, покажутъ, на-сколько справедливо мнѣніе объ этихъ проповѣдникахъ. Самыя лучшія изъ ихъ рѣчей почти такъ-же дурны, какъ извѣстныя католическія проповѣди, сохраненныя со временъ Лиги, на которыя обыкновенно указываютъ, какъ на примѣры дурного вкуса. Но что-же изъ этого? Эти рѣчи произносились не для того, чтобы вызвать похвалы людей со вкусомъ, людей съ развитымъ умомъ. Да и сколько-же ихъ въ толпѣ? Одинъ, можетъ быть, на тысячу, семь на десять тысячъ человѣкъ? Стоитъ-ли ими заниматься? „Мнѣ нечего дѣлать съ одной душой, отвѣчалъ проповѣдникъ Кнаппъ одной больной дамѣ, просившей навѣстить ее.—У меня ихъ уже полтора ста на рукахъ“. „Ревивали“ дѣйствуютъ на массу; они, какъ на фабрикахъ, работаютъ рѣзцомъ посредствомъ паровыхъ молотовъ. Они не имѣютъ средствъ для обращенія лучшихъ душъ, для возрожденія тонкихъ умовъ и систематически игнорируютъ отборное общество, чтобы вполне предаваться невѣжественной, страстной и полу-варварской толпѣ; они трудятся для миліона и надъ миліономъ, какъ говорятъ англичане; они занимаются только королямъ-миліономъ, котораго и поучаютъ самымъ дѣйствительнымъ, по ихъ понятію, способомъ. Кто хочетъ достигнуть результата, тотъ примирится со средствами; это правило, очень спорное въ отношеніи морали, приложимо къ краснорѣчію, когда нужно имѣть успѣхъ во что-бы то ни стало. Мы не разсматриваемъ ученія „ревивалей“, мы говоримъ только объ ихъ методѣ, хорошо зная, что образъ дѣйствія „ревивалей“ въ сущности тотъ-же самый, какой практикуютъ католическіе проповѣд-

ники: доминикане, іезуиты, какой въ ходу у проповѣдниковъ буддизма и браманизма. Грубая простота (которая, между прочимъ, легко переходитъ въ возвышенную, составляющую съ нею противоположность) составляетъ необходимое условіе проповѣди людямъ малоразвитымъ, необходимое качество и даже достоинство каждаго оратора, любимаго толпою. Каждый родъ краснорѣчія имѣетъ свои особенные законы и строгія правила, нарушать которые не слѣдуетъ. Краснорѣчіе рынка совсѣмъ иное, чѣмъ краснорѣчіе судебной палаты или академіи. Проповѣдники изъ „ревизалей“ инстинктивно поняли всѣ тонкости своего ремесла; они, какъ и вообще духовные проповѣдники, имѣющіе болѣе другихъ успѣха между чернью, говорятъ языкомъ носильщиковъ, боксеровъ, извозчиковъ, рыночныхъ торговцевъ и селедочницъ. Мода до послѣдняго времени запрещала—очень благоразумно—печатаніе своихъ рѣчей, такъ-какъ краснорѣчіе подобнаго сорта не выносятъ воспроизведенія въ печати: оно, какъ рубцы или другое подобное кушанье, должно быть подано на столъ горячимъ и даже очень горячимъ.

М. Тряго.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ.)

ГЕРЦЕГОВИНЦЫ.

(Съ сербскаго.)

Брось засѣянное поле,
Садъ цвѣтущій, отчій домъ—
И, покуда мы въ неволѣ,
Не заботься ни о чемъ.

Кто живетъ въ довольствѣ сытомъ
Въ годы рабства и невзгодъ,
Тотъ съ врагомъ страны открытымъ
Дружбу тайную ведетъ.

Пусть въ лохмотьяхъ наше племя
Разбредется по горамъ,—
Не наряды въ это время,
А оружье нужно намъ.

Пядь за пядью, шагъ за шагомъ,
Съ топорами и съ ружьемъ,
По ущельямъ и оврагамъ
Смѣло слѣдуй за врагомъ.

Нѣтъ ружья—берись за камень,
Какъ Давидъ, сражайся имъ—
Страстной ненависти пламень
Силу дастъ рукамъ твоимъ.

И гдѣ были бесполезны
Вопли женщинъ и дѣтей,
Тамъ въ бою клинокъ желѣзный
Образумитъ палачей.

А. Михайловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ДОВОЖЕЛАТЕЛЬНАЯ НЕПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТЬ.

(Сборникъ государственныхъ знаній, подъ редакціей В. П. Безобразова. Томъ I.
Спб. 1874.)

I.

Есть истины вѣчныя, какъ солнце, и къ нимъ принадлежитъ очень старый афоризмъ, что „ученье — свѣтъ, а неученье — тьма“. Въ шестидесятихъ годахъ усердно говорилось о знаніи, о популяризаціи, потомъ такъ-же усердно возставалось противъ популяризаціи, а теперь мы снова къ ней возвращаемся. „Сборникъ государственныхъ знаній“ г. Безобразова имѣетъ въ виду именно распространеніе знаній, можетъ быть, не тѣхъ, которымъ приписывалось прежде особенное значеніе, а знаній, которыя, по мнѣнію редактора, должны отвѣчать ближайшему на нихъ запросу.

Одно изъ самыхъ характеристическихъ свойствъ всѣхъ новѣйшихъ преобразованій, не только у насъ, но и повсюду, заключается въ томъ, что само общество привлекается къ государственному дѣлу въ мѣстномъ управленіи и судѣ.

Г. Безобразовъ, задумавъ изданіе „Сборника“, указываетъ на характеръ тѣхъ знаній, которыя именно нужны русскому обществу въ интересахъ его современныхъ требованій. До сихъ поръ изслѣдованіе государственныхъ вопросовъ и обработка нужныхъ для нихъ фактическихъ свѣденій оставалась у насъ въ предѣлахъ одной официальной печати и специальныхъ изданій различныхъ вѣдомствъ. Полагая, что обсужденіе этихъ вопросовъ должно быть усилено и введено въ сферу болѣе общую, г. Безобразовъ желаетъ знакомить

общество съ разными отраслями государственной науки, на-сколько это возможно при наличномъ запасѣ умственныхъ силъ.

Мысль г. Безобразова не только вполне правильная; но и вполне отвѣчающая требованіямъ времени. Чисто-литературная, художественная критика и общественные интересы, сведенные исключительно на литературную почву, уже не могутъ удовлетворять мыслящаго читателя. При всей малоразвитости нашей публики, она какъ-будто начинаетъ понимать, что лично-психологическіе, моральные и другіе интересы составляютъ только часть чего-то другого, болѣе общаго, которое руководить отдѣльнымъ лицомъ, что лицо является лишь слѣдствіемъ внѣ его лежащихъ причинъ и что поэтому только на общихъ причинахъ должно сосредоточиваться личное вниманіе.

Поэтому моментъ, избранный г. Безобразовымъ для ознакомленія общества съ политическими и государственными вопросами, слѣдуетъ считать вполне своевременнымъ и удачнымъ. Смутно шевелящіеся вопросы ждутъ отвѣтовъ и отвѣты должны быть такъ или иначе даны.

Но какого-же рода разработку долженъ взять на себя этотъ органъ? Если г. Безобразовъ обнаруживаетъ недоувѣріе къ недостаточности умственныхъ силъ, посвятившихъ себя въ Россіи государственной наукѣ, то на-сколько-же должно быть велико его недоувѣріе къ тѣмъ умственнымъ силамъ, которыя онъ хочетъ двинуть впередъ своимъ „Сборникомъ“? Иначе сказать, какой размѣръ въ популяризаціи долженъ быть приданъ „Сборнику“, на-сколько онъ долженъ быть общедоступенъ по изложенію, на-сколько онъ по своей программѣ и по строго-обдуманному плану долженъ отвѣчать интересамъ русской мысли, росту понятій и потребностямъ общества и его силамъ? Вотъ съ какой точки зрѣнія мы станемъ разбирать „Сборникъ“ г. Безобразова.

II.

Поставивъ вопросъ, мы вправѣ видѣть въ первой статьѣ „Сборника“ точку отправленія всего изданія, его програму, его пульсъ. Первой-же статьѣй фигурируетъ статья г. Градовскаго: „Законъ и административное распоряженіе по русскому праву“.

Было время, когда въ старой континентальной Европѣ законодательная и административная власть смѣшивались въ одно и су-

ществовала лишь верховная воля и ея административные органы. Въ принципѣ и теоретически отношеніе исполнительныхъ органовъ къ верховной власти устанавливалось довольно просто: въ рукахъ монарха сосредоточивалась вся законодательная власть и высшее управленіе, а остальные органы власти были обязаны только исполнять точно и свято законы и предписанія, исходившіе отъ монарха.

Какъ ни казалось просто, что исполнительная власть только примѣняетъ законъ къ отдѣльному случаю, но на дѣлѣ совершалось это вовсе не такъ просто. Во-первыхъ, законъ, какъ общая норма, смѣшивался съ частными распоряженіями администраціи, а во-вторыхъ, законное дѣйствіе на практикѣ оказывалось не всегда существующимъ. Администрація нерѣдко издавала самостоятельныя распоряженія, противорѣчація закону, и дѣлала она это вовсе не въ смыслѣ злоупотребленія, а потому, что практическія потребности ей были лучше извѣстны, чѣмъ власти центральной. И выходила какая-то узурпація, которую законъ терпѣлъ, но не признавалъ.

Публицисты школы Локка и Монтескье думали, что разъединеніе законодательной власти отъ исполнительной обезпечитъ вполнѣ интересы государства и права гражданъ, и возстановитъ царство закона. Но публицисты, разрѣшавшіе вопросъ такимъ образомъ, относились къ нему больше теоретически и, дѣлая административную власть чистой исполнительницей закона, упустили изъ виду, что нѣкоторыя ея распоряженія такъ-же общи, какъ и законъ.

Недостаточно изданія однихъ законовъ, опредѣляющихъ мѣру свободы каждаго частнаго лица и границу власти каждаго органа государства; нужно еще установить и самые способы достиженія государственныхъ задачъ. Такъ, мѣры общественной гигиены, народнаго продовольствія, призрѣніе бѣдныхъ, эксплуатація полезныхъ дорогъ, соляныхъ копей и т. д., конечно, не заключаютъ въ себѣ ничего государственно-юридическаго и по своему техническому характеру представляютъ дѣло чистой администраціи. Такимъ образомъ, администрація, кромѣ исполненія законовъ, является совершенно самостоятельной силой въ цѣломъ рядѣ случаевъ, которыхъ законъ не касается; и по мѣрѣ развитія экономической дѣятельности, конечно, власть администраціи будетъ становиться шире и шире, будетъ заирать въ свои руки все большую власть.

Прежнее государство заботилось только о томъ, чтобы законъ не нарушался злоупотребленіями исполнительной власти. Теперешнему государству бояться этого особенно нечего: оно знаетъ, что при развитіи гласности и съ лучшимъ пониманіемъ общественныхъ и частныхъ интересовъ, личныхъ злоупотребленій почти быть не можетъ. Но опасность для закона отъ этого не уменьшилась, а, напротивъ, увеличилась. Прежде, когда никто не имѣлъ права издавать никакихъ общихъ правилъ, всякое злоупотребленіе и нарушеніе закона выступало во всей своей наготѣ. Теперь-же, когда администрація облечена легальнымъ правомъ издавать свои распоряженія, она, не впадая ни въ какія злоупотребленія, можетъ издать распоряженіе, подрывающее силу закона и нарушающее права не только частныхъ лицъ, но даже и цѣлыхъ учреждений. И нарушеніе это можетъ быть сдѣлано не только изданіемъ административныхъ инструкцій для какой-нибудь хозяйственной эксплуатаціи, но и для разъясненій недоразумѣній закона, которыя будутъ со всѣмъ парализовать его силу. И окажется, что при старомъ порядкѣ, когда законъ не исполнялся, по личнымъ злоупотребленіямъ, только кое-гдѣ, въ принципѣ онъ все-таки сохранялъ свое достоинство и вообще исполнялся; тогда какъ при новомъ—администрація съ своими общими распоряженіями, воплнѣ добросовѣстными, можетъ отнять у закона всю его силу и онъ будетъ не исполняться *вездѣ*.

Понятно, что каждое государство, въ которомъ существуетъ раздѣленіе властей, должно принять мѣры для охраненія обязательной силы закона и для защиты государственнаго интереса. Мѣры эти, конечно, могутъ быть весьма различны и зависеть отъ условій политическаго быта каждой страны. Г. Градовскій разсматриваетъ въ своей статьѣ вопросъ объ административномъ распоряженіи по *русскому праву* и, какъ говоритъ онъ, на первый разъ ограничивается разсмотрѣніемъ постановленій нашего права о распоряженіяхъ, исходящихъ отъ правительственныхъ органовъ исполнительной власти въ тѣсномъ смыслѣ.

У насъ законъ исходитъ исключительно отъ верховной власти и со временъ Петра Великаго установлено начало закономѣрнаго повиновенія. 20 января 1724 года Петръ издалъ указъ, который гласилъ: „Всѣмъ подчиненнымъ, какъ въ сенатѣ и синодѣ, такъ во всѣхъ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и во всѣхъ мѣстахъ всего го-

сударства, гдѣ какія дѣла отправляются, быть въ послушаніи у своихъ командировъ *во всемъ, что не противно указу*. А ежели что противно, того отнюдь не дѣлать, *подъ наказаніемъ, яко преступнику указа*, но долженъ командиру своему тайно объявить, что противно указамъ, и ежели не слушаетъ, то *протестовать и доносить* вышнему надъ тѣмъ командиромъ, кто приказываетъ, а ежели и въ томъ такожь увидитъ противность, то генераль-прокурору или, въ небытность его, оберъ-прокурору; а ежели въ нихъ усмотритъ въ томъ противность, то доносить его величеству самому, но чтобы была самая истина. А ежели явится неправда, за то наказанъ будетъ самъ, яко-бы онъ то сдѣлалъ". Петровскій законъ послужилъ исходною точкой для позднѣйшаго законодательства и легъ въ основу нынѣ дѣйствующаго права. Разсматривая, на-сколько принципъ, установленный Петромъ Великимъ, сохранился въ чистотѣ, г. Градовскій приходитъ къ заключенію, что онъ проведенъ очень удачно въ области правительственныхныхъ установленій.

Гораздо труднѣе было провести его въ примѣненіи къ обществу и къ частнымъ лицамъ. Въ нашемъ законодательствѣ, какъ говоритъ г. Градовскій, очень слабо разграничены понятія о неповиновеніи и сопротивленіи властямъ. Уложеніе о наказаніяхъ даже отождествляетъ эти понятія. Такъ оно говоритъ: „всякій, явно и упорно *неповинующийся* или *сопротивляющийся* какой-либо власти... и т. д.“; иногда даже вмѣсто неповиновенія и сопротивленія встрѣчается слово: *противодѣйствіе*. Только въ послѣднее время, въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, проводится новое начало. Такъ въ статьѣ 29 сказано, что „распоряженіе можетъ быть признано незаконнымъ и обвиняемый можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности, хотя-бы онъ не обжаловалъ въ установленный срокъ этого распоряженія и даже далъ подписку въ его исполненіи“.

Въ томъ, что мы сказали, заключается вся сущность статьи г. Градовскаго. Авторъ называетъ ее „мотивированнымъ возбужденіемъ вопроса“, и мы не отрицаемъ, что вопросъ авторомъ дѣйствительно возбужденъ. Но не объ этомъ наша рѣчь. Думая, что статья г. Градовскаго, поставленная первою, служитъ преддверіемъ „Сборника“, мы желали увидѣть въ ней болѣе широкое и руководящее содержаніе, чѣмъ какое дѣйствительно нашли. Если „Сборникъ“ долженъ

быть популярнымъ изданіемъ и отвѣчать той потребности общества, на которую указываетъ г. Безобразовъ, то намъ думается, что первая, руководящая статья могла-бы и не подчеркивать такъ рѣзко „мотивированный вопросъ“, потому что требованія читателей нѣсколько иныя, чѣмъ на нихъ смотритъ г. Градовскій. Онъ придалъ своей статьѣ исключительно-критическій характеръ, тогда какъ въ немъ меньше всего было необходимости. Мы не отрицаемъ и важности „мотивированнаго вопроса“, но думаемъ, что онъ выяснился-бы и самъ изъ простого популярнаго изложенія существующихъ по русскому праву отношеній власти исполнительной и законодательной къ обществу и къ частнымъ лицамъ. Г. Градовскій, между тѣмъ, точно писалъ свою статью для ученыхъ юристовъ и для юрисъ-консультовъ, а не для русской публики, съ которой нужно говорить гораздо общѣе и проще. Такъ-какъ „Сборникъ“ назначается для тѣхъ, кто составляетъ общественное мнѣніе, то редактору его и автору статьи, конечно, извѣстно, насколько этому общественному мнѣнію чужды даже основанія государственнаго права. Наша публика имѣетъ самое смутное представленіе объ исторіи этого права и о той борьбѣ, которую вынесла западная Европа, чтобы сформировать новую его теорію и новыя отношенія общества и частныхъ лицъ къ государству. Если-бы г. Градовскій коснулся этого вопроса въ самой простой формѣ, даже не забывая слишкомъ назадъ и не начиная съ яиць Леды и Макиавели, а началъ-бы хотя съ XVIII столѣтія, то сама собой выяснилась-бы картина всѣхъ существующихъ отношеній и въ „мотивированномъ возбужденіи вопроса“ не оказалось-бы никакой нужды, потому что онъ самъ-бы собой поглотился общимъ содержаніемъ изложенія.

Дѣлая иногда паралель съ Европой и замѣчая опасность, грозящую стойкости закона, г. Градовскій указываетъ на тѣ случаи и на тѣ средства, которыми пользуется административная власть, чтобы парализовать законъ, дѣйствуя при этомъ вполне добросовѣстно. Но какіе-же это случаи, изъ какихъ фактовъ дѣлаетъ свой выводъ г. Градовскій и почему онъ на нихъ не указываетъ и почему, такъ-сказать, не даетъ читателю вопроса въ вполне осязательной формѣ? Вѣдь въ сущности „мотивированный вопросъ“, къ которому г. Градовскій свелъ все, есть вопросъ очень широкій и обнимающій всѣ взаимныя отношенія государства и его

разнообразныхъ органовъ къ членамъ государства. Тутъ жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ и проявленіяхъ, во всей борьбѣ съ существующими формами, а г. Градовскій изъ живого вопроса сдѣлалъ односторонній головной и чисто-юридическій. Между тѣмъ если-бы авторъ взглянулъ на тотъ-же самый вопросъ нѣсколько жизненнѣе и шире, его статья дѣйствительно-бы служила вступленіемъ и програмой „Сборника“ и намѣтила-бы все послѣдующее его содержаніе. Теперь-же у „Сборника“ точно нѣтъ души и онъ является какии-то конгломератомъ, въ которомъ вы находите массу разнообразныхъ статей, но отыскать общее, связующее ихъ единство рѣшительно не можете. Конечно, г. Градовскій можетъ намъ замѣтить, что мысль, которою онъ задался, совсѣмъ не та, которой мы отъ него требуемъ, но это нисколько не лишаетъ насъ права желать, чтобы „Сборникъ“ по своему содержанію и особенно по статьѣ, поставленной во главѣ его, отвѣчалъ-бы тому, что обѣщаетъ предисловіе.

III.

Статья г. Бунге: „Банковые законы и банковая политика“, нѣсколько напоминаетъ статью г. Градовскаго. Она тоже отличается сухостью и ученостью и такой теоретичностью, что едва-ли можетъ возбудить интересъ въ обыкновенномъ читателѣ. А такъ-какъ „Сборникъ“ назначается для читателей обыкновенныхъ, то, конечно, приходится жалѣть, что г. Бунге не подумалъ о нихъ.

Въ началѣ статьи авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что банковая свобода плодотворна только тамъ, гдѣ масса населенія въ состояніи составить себѣ правильное сужденіе о дѣятельности банковъ и гдѣ лица, принимающія непосредственное участіе въ основаніи кредитныхъ учреждений, относятся къ дѣлу совершенно трезво, безъ увлеченій, съ правильною оцѣнкою послѣдствій того или другого образа дѣйствій. Также справедливо г. Бунге замѣчаетъ, что банки втягиваютъ въ свою сферу интересы не отдѣльныхъ лицъ, но цѣлыхъ группъ населенія и даже цѣлаго общества; что ихъ вліяніе на промышленность и на народное хозяйство оказывается всеобъемлющимъ; ихъ увлеченія и ошибки отзываются на экономической дѣятельности цѣлой страны

и даже простираются за ея предѣлы; наконецъ, банки легко превращаются въ средство для спекуляцій, для легкой наживы на счетъ народной производительности и народнаго сбереженія. Послѣ того опыта, который русское общество уже имѣло съ разными банками, послѣ биржевой горячки, которая имъ овладѣла, казалось-бы, мысли, высказанныя г. Бунге, должны были служить программой для такой статьи, которая-бы открыла обществу глаза на назначеніе банковъ и на ту неудовлетворительную роль, которую они до сихъ поръ играли. Если-бы наше общество имѣло правильное понятіе о назначеніи и роли банковъ и о своихъ къ нимъ отношеніяхъ, развѣ была-бы возможна катастрофа, постигшая московскій ссудный банкъ? Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи пошли частныя банки, наше общество держитъ себя рѣшительно младенцемъ и никакъ не можетъ опредѣлить своихъ отношеній къ выбираемымъ имъ лицамъ, которымъ оно довѣряетъ и поручаетъ свои банковыя интересы. Ясно, что такому обществу нужно растолковать въ подробности все то, чего оно не понимаетъ, и выяснитъ, на-сколько въ рукахъ самого общества заключается его собственный интересъ.

Пожалуй, г. Бунге и дѣлаетъ какъ-бы намекъ на это; но въ то-же время центръ тяжести статьи онъ переноситъ на отношеніе закона и отношеніе государства къ банковымъ учрежденіямъ. Такимъ образомъ, г. Бунге даетъ своей статьѣ вмѣсто экономическаго юридическаго характера. Послѣ этого зачѣмъ всѣ его воззванія къ тому, что ошибочная экономическая политика нерѣдко останавливаетъ промышленное развитіе страны, оставляетъ безъ должнаго вниманія требованія въ возникающемъ обществѣ и, преслѣдуя цѣли, очевидно, полезныя, средствами совершенно неэффективными, приносить только одинъ вредъ, посеяя въ публикѣ обманчивое убѣжденіе, что уставъ банка охраняетъ кліентовъ отъ всякихъ потерь? Если, такимъ образомъ, законъ при ошибочной экономической политикѣ можетъ только мѣшать промышленному росту, а, съ другой стороны, мѣшательство закона, даже самаго доброжелательнаго, не охраняетъ кліентовъ, то совершенно ясно, на-сколько во всѣхъ банковыхъ операціяхъ играетъ роль само общество. Если-же общество должно играть такую роль, если только въ немъ самомъ заключаются гарантіи выгоднаго для государства дѣйствія банковъ, а общество о банкахъ имѣетъ самое смутное представленіе,

то какъ-же давать ему сухой перечень дѣйствующаго у насъ банковаго законодательства и въ то-же время не сказать главнаго?

Мы не отрицаемъ пользы и того, что даетъ г. Бунге, не отрицаемъ, что знать банковое законодательство нужно, нужно имѣть на него и критическое воззрѣніе; но тамъ, гдѣ главный вопросъ заключается въ поведеніи самого общества, неужели его можно удовлетворить однимъ юридизмомъ, не показавъ, гдѣ бьется самая жизнь? Говоря о бессилии закона, между прочимъ, въ отношеніяхъ его къ банковому кредиту, совершенно неуловимому для законодательства, г. Бунге какъ-бы намекаетъ, съ одной стороны, на излишнюю регламентацію, а съ другой — указываетъ на роль, принадлежащую обществу. Если это такъ, зачѣмъ же вы всѣ свои критическія средства употребляете на то, чтобы доказать бесполезность излишней регламентаціи, а того, что нужно знать самому обществу, вы не говорите? Если статья должна служить отвѣтомъ на заглавіе „Сборника“ и явиться критикой регламентаціи, то является вопросъ: кому и на чьи недоразумѣнія отвѣчаетъ статья — общества-ли, которому посвящается „Сборникъ“, или специалистамъ-юристамъ, которымъ нужно знать формальную юридическую сторону русскаго банковаго дѣла? И вотъ новое противорѣчіе между содержаніемъ статьи и содержаніемъ „Сборника“, обещающимъ помогать невѣденію общества. Мы не отрицаемъ, что невѣденіе его велико, что невѣденіе его и юридическое, и всякое другое; но разрѣшивъ его юридическое невѣденіе и сказавъ, напримѣръ, что въ банковомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ законодательство рѣшительно бессильно доставить обществу необходимыя гарантіи, развѣ значитъ дать отвѣтъ на вопросъ? Мы узнали, что законъ при всемъ его добромъ желаніи не можетъ спасти общество хотя-бы отъ такихъ катастрофъ, какая случилась нынче съ московскимъ ссуднымъ банкомъ; но узнавъ это, мы узнали все-таки одну половину вопроса. Если гарантіи заключаются не въ законѣ, дающемъ общія мѣры, а въ тѣхъ частныхъ мѣрахъ, которыя зависятъ отъ самого общества, то какъ-же говорить подробно о второмъ, не сказавъ ни слова о первомъ?

Мы даже усматриваемъ въ статьѣ г. Бунге и противорѣчіе. Приводя слова Вагнера, который требуетъ для банковъ полнаго невмѣшательства государственной власти, г. Бунге замѣчаетъ, что свобода составляетъ необходимое условіе для развитія хозяйствен-

ной жизни и для врачеванія экономическихъ недуговъ. Эту формулу мы знаемъ. Объ этой пресловутой свободѣ, которая одна только можетъ врачевать недуги, мы читали уже много у экономистовъ известной школы. Конечно, г. Бунге ставить вопросъ какъ-будто-бы шире, потому что онъ готовъ дать обществу свободу, когда оно доростетъ до умѣнья ею пользоваться. До тѣхъ-же поръ онъ банковской свободы не допускаетъ и требуетъ, во имя общаго блага, внимательства въ банковыя учрежденія государства. Но вотъ въ чемъ вопросъ: если общество не доросло до правильного пользованія банковской свободой и неизбѣжно внимательство государства, а въ то-же время государство стоитъ внѣ всякой возможности охранять кліентовъ банка отъ потерь и только само общество можетъ быть вѣрнымъ руководителемъ, то гдѣ-же выходъ изъ этого злосчастнаго положенія? Для государства частности банковаго дѣла неуловимы, а обществу онѣ неизвѣстны. Вѣдь это заколдованный кругъ, изъ котораго только одинъ выходъ — чтобы банковъ совсѣмъ не было. Но безъ банковъ, опять, не можетъ существовать промышленность, безъ банковъ невозможно развитіе кредита и экономическая жизнь; а если заведутся банки, тогда ни государство не можетъ гарантировать кліентовъ, ни общество не можетъ спасти ихъ отъ спекуляціи и дутыхъ векселей. Казалось-бы, въ этомъ случаѣ на помощь обществу именно и должны-бы являться профессора экономической науки, но они вмѣсто простого невѣденія поселяютъ несчастія такого вѣденія, что у общества совсѣмъ должны опуститься руки. Еще бы, когда ему говорятъ, что ему нѣтъ никакого выхода.

И если-бъ это говорилось просто съ неумолимостью математической формулы, а то его еще дразнить и манять какимъ-то отдаленнымъ счастьемъ, не давая этого счастья въ руки. Г. Бунте, напримѣръ, намекаетъ, что есть какая-то банковая и экономическая политика, и что если она вѣрна, то оживляется въ странѣ и промышленность, и народное хозяйство, растетъ необыкновенно быстро народное благосостояніе, повсюду начинаютъ течь молочныя рѣки и на пиру природы каждый получаетъ свою порцію киселя. Если такая политика есть, если вы ее знаете, зачѣмъ-же вы дѣлаете изъ нея государственную тайну, зачѣмъ вы не даете формулы этой политики въ руки каждаго гражданина, чтобы онъ могъ провѣрять другихъ и себя и чтобы общество могло чи-

дѣтъ, на-сколько банки, которымъ оно ввѣряетъ свои капиталы, дѣйствуютъ въ направленіи этой политики общаго блага? Поманивъ безошибочной экономической политикой и поугавъ ошибочной, въ особенности если на ней построено все хозяйственное законодательство, г. Бунге точно подшутилъ надъ легковѣріемъ общественнаго мнѣнія, указавъ ему его безвыходное положеніе и закрывъ отъ него пути будущаго. Г. Бунге, пожалуй, поступилъ и хуже этого: онъ заставилъ думать, что ему извѣстенъ секретъ благодѣтельной экономической политики, но онъ этотъ секретъ не откроетъ и въ то-же время никто не прочтаетъ его въ статьѣ между строками. И дѣйствительно, экономическія формулы между строками читать не приходится; но за то между строками читается другое, и это другое заключается въ томъ, что г. Бунге писалъ свою статью ужъ, конечно, не для популяризаціи знанія и не для общества и даже вовсе не съ желаніемъ разъяснить существенныя стороны вопроса, составляющаго общес недоразумѣніе. Не знаемъ, на-сколько выиграетъ отъ статьи г. Бунге юридическая сторона дѣла и банковое законодательство, но кліенты, ввѣряющіе банкамъ свои капиталы, останутся въ своемъ прежнемъ темномъ невѣденіи.

Единственная полезная мысль, которую можетъ воспользоваться общество изъ статьи г. Бунге, заключается въ томъ, что банковая отчетность должна вестись не такъ, какъ она ведется до сихъ поръ. По закону 31-го мая 1872 года министру финансовъ предоставлено „устанавливать для публикуемыхъ кредитными учрежденіями балансовъ обязательную форму, съ показаніемъ отдѣльными итогами каждаго рода производимыхъ операцій, согласно ихъ уставамъ, и въ нужныхъ случаяхъ требовать отъ правленій сихъ учрежденій надлежащихъ объясненій“. Но законъ умалчиваетъ объ обязанности банковъ представлять отчеты свои министру финансовъ. Если-бы законъ даже и требовалъ этого, если-бы банки и представляли свои отчеты, то отчеты эти безъ надлежащаго анализа итоговъ по всѣмъ операціямъ никогда-бы не давали точнаго понятія о дѣйствіяхъ банка и благонадежности и солидности его операцій. Напримѣръ, банковыя выраженія: „условные вклады“, „спеціальные счета“, „кореспонденты“, даже такія рубрики, какъ „учетъ векселей“, „ссуды подъ процентныя бумаги“, не позволяютъ по приводимымъ цифрамъ сдѣлать правильное заключеніе, какъ банкъ ведетъ свои дѣла. Поэтому отъ банковъ слѣдовало-

бы получать отчеты съ анализомъ всѣхъ оборотовъ и съ подробными классификаціями кредита и ссудъ, такъ чтобы можно было видѣть не только благонадежность операцийъ банка, но и вліяніе ихъ по мѣстностямъ. Однимъ словомъ, банковые отчеты должны заключать въ себѣ полный статистическій матеріалъ для уясненія закона возрастанія кредита на основаніи естественнаго требованія торговли и промышленности. Подобные отчеты яснѣ всего показали-бы, въ какихъ мѣстностяхъ и именно какими операциями банки преимущественно существуютъ и на-сколько солидность ихъ существованія обезпечивается дѣйствительнымъ экономическимъ ростомъ, а не рискованными операциями, грозящими только банкротствомъ. Такіе отчеты должны публиковаться непременно для свѣденія публики и подвергаться наивозможно большей критической оцѣнкѣ, чтобы кліенты знали, съ какимъ учрежденіемъ они имѣютъ дѣло. Довѣріе публики ужь, конечно, было-бы лучшей уздой для нашихъ частныхъ банковъ и ради увеличенія своего дивиденда они не стали-бы позволять себѣ ни рискованныхъ предприятий, ни операцийъ въ родѣ московскаго ссуднаго банка.

Но еще мало одной правильной публикаціи банковыхъ отчетовъ. Отчеты эти должны имѣть достовѣрность; если-же правленія банковъ стануть печатать вымышленныя цифры, то лучше подобнымъ отчетамъ вовсе и не являться. Чтобы этого не случилось, конечно, требуется, чтобы государство и законъ связывали банки уголовной отвѣтственностью за неправду.

Придавъ своей статьѣ юридическій и законодательный характеръ, г. Бунге говоритъ въ заключеніи, что если заинтересованныя въ дѣлѣ лица и представители интеллигенціи не могутъ составить себѣ вѣрнаго понятія о томъ, что дѣлается въ банкахъ, тогда не на кого пенять въ случаѣ бѣды. „Правительственная опека, говоритъ г. Бунге, —ничего не можетъ сдѣлать для несовершеннолѣтнихъ, если ей приходится располагать силами людей недостаточно созрѣвшихъ, которые сами не могутъ взвѣсить того, о чемъ судятъ, или даже понять переданное на ихъ обсужденіе“. И за что такая объективность, за что такое олимпийское выдѣленіе интересовъ общества и интересовъ государства? Г. Бунге пишетъ какъ-будто о какой-то другой странѣ, а не о той, въ которой онъ живетъ и въ которой професорствуетъ. Конечно, не на кого-бы было пенять, если-бы въ этой странѣ не было людей, специально посвя-

тившихъ себя экономическимъ вопросамъ. А если такіе люди въ странѣ есть, то только отъ нихъ, а не отъ кого другого, нужно ожидать разъясненія обществу того, чего оно не знаетъ, и если такихъ разъясненій не появляется, то обществу, конечно, приходится пенять не на себя, а на своихъ ученыхъ и специалистовъ.

IV.

Въ „Русской карательной системѣ“ г. Фойницкій касается вопроса чисто-юридическаго и потому строгія рамки, въ которыхъ онъ держится, гораздо понятнѣе, чѣмъ строгія юридическія рамки, изъ которыхъ не желали выйти гг. Бунге и Градовскій.

Г. Фойницкій старается опредѣлить, на-сколько русскій уголовный законъ отвѣчаетъ движенію уголовной мысли западной Европы. Авторъ замѣчаетъ, что рѣшительный поворотъ къ началамъ новаго уголовного права сдѣлалъ указъ 17 апрѣля 1863 года, уничтожившій въ принципѣ тѣлесное наказаніе. Но создавъ поворотъ, уголовное законодательство наше не провело еще новую мѣру послѣдовательно, и старое начало, царившее у насъ до указа 17-го апрѣля, ждетъ еще въ будущемъ своего упраздненія.

Какъ извѣстно читателю, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подѣ председательствомъ графа Сологуба, дѣйствовала комисія, извѣстная подѣ именемъ тюремной. Другая комисія, подѣ руководствомъ сенатора Фриша, была занята пересмотромъ всей дѣйствующей у насъ карательной системы. Несмотря, однакожь, на близкую связь задачъ, которыя преслѣдовались этими комисіями, результаты, ихъ работъ, говорить г. Фойницкій, далеко не представляютъ желательнаго единства, и государственный совѣтъ, призванный взвѣсить ихъ предложенія, неминуемо будетъ поставленъ въ серьезное затрудненіе той рознью требованій и принциповъ, которая замѣчается въ проектахъ комисій. Любопытно, что обѣ комисіи, призванныя разрѣшить одинъ и тотъ-же вопросъ, взглянули на него каждая съ своей точки зрѣнія. Каждая комисія дѣйствовала отдѣльно, не выяснивъ общаго плана, и, какъ замѣчаетъ г. Фойницкій, вмѣсто желательнаго сходства въ выводахъ онѣ разошлись въ разныя стороны. Такъ, напримѣръ, комисія графа Сологуба, взявшая девизомъ исправленіе преступниковъ рациональными мѣрами тюремнаго содержанія, въ то-же время принимаетъ начало пожизненнаго

лишенія свободы, а комисиія сенатора Фриша, не допуская лишенія правъ, предлагаетъ гражданскую смерть.

Г. Фойницкій взялся въ своей статьѣ показать, на-сколько старій принципъ уголовной мести, потрясенный въ основаніи указомъ 17 апрѣля, все еще существуетъ въ нашемъ карательномъ законодательствѣ и даже въ трудахъ комисиі гр. Сологуба и сенатора Фриша не устраненъ совершенно. Преградой къ рѣшительной постановкѣ новыхъ началъ для карательной дѣятельности вообще и въ частности для дѣятельности тюремной оказываются, по словамъ г. Фойницкаго, два обстоятельства: съ одной стороны, общее уголовное и тюремное законодательства сложились и развились совершенно независимо другъ отъ друга; съ другой-же — хотя указъ 17 апрѣля и отмѣнилъ тѣлесное наказаніе, но режимъ его шель гораздо дальше непосредственного причиненія тѣлесной боли и проявлялся въ цѣлой сѣти побочныхъ мѣръ, которыя остались неотмѣненными.

Изъ числа этихъ мѣръ г. Фойницкій указываетъ на лишеніе и ограниченіе правъ. У насъ существуютъ три вида лишенія: лишеніе всѣхъ правъ состоянія, соответствующее французскому институту гражданской смерти; лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, и ограниченіе нѣкоторыхъ правъ. Лишеніе правъ составляетъ у насъ всегда необходимую часть другого наказанія и, за весьма рѣдкими исключеніями, бываетъ наказаніемъ пожизненнымъ, сопровождающимъ осужденнаго до гробовой доски. Для суда безусловно обязательно, вмѣстѣ съ назначеніемъ уголовного наказанія, приговаривать преступника и къ лишенію правъ. И для преступника, какъ выражается г. Фойницкій, не существуетъ никакихъ регулярныхъ средствъ избавиться отъ этой общественной анафемы. Судебный приговоръ сростается съ костями осужденнаго, и будь его жизнь, по отбытіи наказанія, безупречнѣ жизни другихъ гражданъ, взятыхъ вмѣстѣ, ему никогда не добиться возвращенія правъ. Въ этомъ г. Фойницкій усматриваетъ противорѣчіе юридическимъ и еще больше уголовно-политическимъ задачамъ современнаго наказанія. Для преступниковъ болѣе испорченныхъ, недорожащихъ своимъ общественнымъ положеніемъ, лишеніе правъ, конечно, легче, чѣмъ для людей менѣе испорченныхъ. Но и въ смыслѣ абсолютной справедливости лишеніе правъ, какъ мѣра пожизненная и недопускающая дѣлимости, отнимаетъ отъ суда всякую возможность

обращать въ своемъ приговорѣ вниманіе на многообразные оттѣнки преступности. Несмотря на это, обѣ комисіи, имѣвшія вѣрные взгляды на измѣнившіяся задачи наказанія, удержали вѣчное лишеніе правъ. Обѣ комисіи, обративъ главное вниманіе на тюремную реформу и поставивъ въ обязанность тюрьмы готовить узниковъ къ свободной жизни, сохранили лишеніе правъ, несмотря на его противорѣчіе теоріи современнаго уголовного правосудія. Нынѣшняя карательная политика не допускаетъ вѣчной злой воли и думаетъ, что съ измѣненіемъ извѣстныхъ условій преступности измѣняется и направленіе воли. Тюрьма новаго времени, въ противоположность старой, должна дѣйствовать на заключеннаго какъ мѣра исправительная и временная, чтобы возвратить его обществу, какъ полезнаго члена. Но если лишеніе правъ не снимаетъ съ человѣка никогда своего клейма и не даетъ ему полноправія, для чего ему исправленіе и развѣ тюрьма не является въ такомъ случаѣ бесполезною мещью?

Г. Фойницкій въ лишеніи правъ видитъ наказаніе антинаціональное. Наказаніе это не русскаго происхожденія и прививалось очень туго къ нашей жизни. Замѣчательно, что и въ самомъ законодательствѣ нашемъ замѣтно желаніе парализировать до нѣкоторой степени вредъ праволишенія. Такъ ссылкой, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія, предоставляются права на имущество на мѣстѣ ссылки; имъ возвращается ихъ прежнее движимое имущество, взятое съ собою. принимаются мѣры для поощренія ихъ браковъ, и есть случаи, когда людямъ, лишеннымъ правъ, открывается перспектива общественной дѣятельности. Впрочемъ, эти льготы предоставляются лицамъ, лишеннымъ всѣхъ правъ. Лишенные-же правъ нѣкоторыхъ никогда не могутъ рассчитывать на льготу, и чтобы добиться полныхъ гражданскихъ правъ, имъ остается только одно средство—сдѣлать новое преступленіе и заслужить наказаніе уголовное. Въ вѣчномъ лишеніи правъ г. Фойницкій видитъ причину необыкновеннаго развитія у насъ бродяжества, сѣющаго кругомъ беззаконіе, и уничтожить это бродяжество можетъ только возвращеніе наказаннымъ ихъ прежнихъ правъ и, такъ-сказать, законное прикрѣпленіе путемъ гражданскихъ интересовъ къ ихъ прежнему положенію.

Еще одна особенность нашей карательной системы въ томъ, что въ ней недостаточно развито начало индивидуализаціи. Нашъ

законъ не дастъ суду возможности обращать вниманіе на мелкіе отгѣнки виновности и судить, такъ-сказать, всѣхъ преступниковъ заурядъ. Это обстоятельство вызвало г. Неклюдова предложить замѣнить условными уголовными приговорами существующіе теперь безусловные, а сенаторъ Лебедевъ предложилъ даже поставить наказаніе всецѣло въ зависимость отъ власти суда и присяжныхъ.

Изъ всего того, что говоритъ г. Фойницкій, мы видимъ, что нашему уголовному законодательству предстоитъ еще большая работа въ будущемъ, чтобы явиться вполне послѣдовательнымъ и законченнымъ развитіемъ новаго начала, положеннаго указомъ 17 апрѣля. Настоящій моментъ есть моментъ переходный, и работы комисій сенатора Фриша и гр. Сологуба кладутъ основаніе дальнѣйшему развитію дѣла, хотя въ то-же время труды этихъ комисій далеко не разрѣшаютъ противорѣчій, существующихъ въ настоящее время.

Г. Фойницкій обратилъ вниманіе собственно на тюрьму и на лишеніе правъ потому, что это единственныя наказанія, къ которымъ пришла современная карательная политика. Жаль только, что г. Фойницкій смотритъ нѣсколько оптимистически на прогрессъ уголовного права въ Европѣ и рисуетъ его такими яркими красками, точно тюрьма—земной эдемъ и царство небесное для наказуемаго. Чтобы быть наглядиѣе, г. Фойницкій заставляетъ подняться тѣнь человѣка XVI—XVII столѣтій и рисуетъ его изумленіе передъ современнымъ уголовнымъ человѣколюбіемъ. Тѣнь нигдѣ не видитъ ни висѣлицъ, ни дыбъ, ни шестовъ съ остатками колесованныхъ и четвертованныхъ преступниковъ; слуха возставшей изъ гроба тѣни не касаются громогласные крики судебныхъ приставовъ, возвѣщающихъ народу о предстоящихъ сожженіяхъ колдуновъ и чародѣевъ, о бичеваніяхъ, отрѣзываніяхъ языка, рукъ, ногъ, ушей, носа; тѣнь не увидитъ даже мрачнаго зданія тюрьмы, гдѣ лишеніе свободы имѣло характеръ тяжкаго тѣлеснаго наказанія, гдѣ узники сидѣли въ пудовыхъ цѣпяхъ и кандалахъ, прикованные къ стѣнѣ, брошенные на грязный полъ сырого подземелья вмѣсто постели, — тюрьмы, вовсе невыпускавшей своихъ заключенныхъ на свободу или выпускавшей ихъ опозоренными, изувѣченными и съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ глубокою прощалью между ними и честными людьми, съ глубокою ненавистью

къ покаравшей ихъ общественной власти. „Все это въ принципѣ стало уже прошлымъ, грустною, но пережитою страницей исторіи“, говорить г. Фойницкій. И г. Фойницкій сдѣлалъ хорошо, что не вводилъ тѣнь XVII столѣтія въ сомнѣніе уголовной дѣйствительностью. Если-бъ ту-же самую тѣнь г. Фойницкій заставилъ пройти по всѣмъ тюрьмамъ западной Европы, то, конечно, она нашла-бы не тѣ свѣтлыя, блестящія картины, которыя г. Фойницкій даетъ въ *принципѣ*. Дыбъ, правда, нѣтъ, четвертованія не существуетъ; но развѣ менѣе возмутительно видѣть сцены такой смертной казни, какъ въ Англіи, гдѣ преступникъ завязываетъ борьбу съ палачами, думая отстоять свою жизнь? И въ глазахъ народа затѣвается борьба на жизнь и смерть и исполнительные органы правосудія берутъ, наконецъ, верхъ: преступнику надѣвается петля и его вздергиваютъ. Г. Фойницкій говоритъ, что уголовное правосудіе утратило характеръ мести; но какъ назвать смертную казнь въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы, практикуемую въ Германіи? Изображая идиллически тюрьму, какъ шеолу нравственнаго исправленія, г. Фойницкій не рѣшается, однако, предложить тѣни чело-вѣка XVI вѣка посидѣть въ современной тюрьмѣ европейскихъ филантроповъ. Пренія тюрьма была дѣйствительно грязной ямой, но вѣдь и пренія нравы, и пренія понятія не были нравами и понятіями нынѣшними. Есть одно обстоятельство, которое криминалисты новаго времени совершенно упускаютъ изъ виду. Они только знаютъ свою юридическую почву и юридическое мышленіе и даже своимъ нравственнымъ представленіямъ даютъ юридическій оттѣнокъ. Но они обошли фізіологическую природу современнаго чело-вѣка и не замѣтили того, что онъ совсѣмъ не то, чѣмъ былъ въ XVI, въ XVII столѣтіяхъ. Жестокія наказанія и страшныя четвертованія возмущали крѣпконервнаго чело-вѣка XVI вѣка настолько-же, если еще не меньше, какъ возмущаетъ филадельфійская тюрьма и система полнаго одиночнаго заключенія тонко-чувствительнаго чело-вѣка нашихъ дней. Криминалистамъ нечего гордиться тѣмъ, что они отиѣнили дыбу и четвертованіе. Это сдѣлалось очень просто, само собой, безъ всякихъ натугъ чувства и мысли,—сдѣлалось просто потому, что никто не могъ выносить больше подобныхъ картинъ. Это не заслуга юридическая, а скорѣе простое фізіологическое послѣдствіе. И если-бы пришлось взвѣсить на нравственныхъ вѣсахъ пренія жестокія казни съ теперешней

филантропической тюрьмой, то, конечно, чаще вѣсовъ склонились-бы не къ выгодѣ тюрьмы.

Вотъ уже цѣлое столѣтіе, какъ европейскій человѣкъ живетъ необыкновенной нервной дѣятельностью. Экономическій переломъ, произведенный машинами, и политическія стремленія совершенно измѣнили всю фізіологическую природу теперешняго человѣка и явился цѣлый рядъ новыхъ болѣзней, собственно нервныхъ, о которыхъ прежняя Европа не имѣла никакого понятія. Этому утонченному организму одиночная тюрьма съ ея томительнымъ режимомъ кажется на-столько невыносимой, что многіе заключенные промѣняли-бы охотно вѣчное заключеніе на смертную казнь. Слѣдовательно, увлекаться тюремнымъ оптимизмомъ, какъ это дѣлаетъ г. Фойницкій, едва-ли вѣрно, тѣмъ болѣе, что извѣстны другіе способы болѣе гуманнаго превращенія преступниковъ въ полезныхъ гражданъ. Исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ производится нынче въ колоніяхъ и этотъ-же принципъ, примѣненный Англіею къ преступникамъ взрослымъ, оказался вполне успѣшнымъ. Какъ-бы г. Фойницкій ни отстаивалъ современную тюрьму, ему не доказать, что въ ней устраненъ совершенно принципъ мести. Ни одинъ криминалистъ никогда не согласится, чтобы положеніе заключеннаго было лучше положенія свободнаго человѣка, потому что въ этомъ они увидятъ премію, выдаваемую преступнику въ ущербъ честнымъ людямъ. Наконецъ, ни одинъ криминалистъ не связываетъ свое юридическое представленіе съ тѣми многообразными жизненными условіями, которыя создаютъ преступленіе. Всѣ реформы, которыя они задумываютъ, заключаются всегда въ тѣсныхъ рамкахъ юридизма и никогда не берутся въ ихъ связи съ жизненными условіями и съ реформами, необходимыми въ другихъ сферахъ жизни. То, что такъ хорошо понимаютъ новые экономисты, связывающіе экономическую науку со всѣми остальными общественными условіями, юристы пока еще не признаютъ и дѣлаютъ изъ своего знанія изолированную науку, какъ-бы существующую только внутри себя.

Это обстоятельство приводитъ насъ къ общему заключенію, невыгодному не для одной юридической науки. Масса современныхъ знаній такъ громадна, что только самые сильные, всеобъемлющіе умы могутъ вмѣстить все въ себя. Даже для изученія какой-нибудь отдѣльной спеціальности не достаетъ иногда цѣлой человѣ-

ческой жизни. И вотъ вмѣсто былой всеобъемлемости современный человѣкъ сталъ въ большинствѣ случаевъ суживаться и специализироваться. Онъ глядитъ только въ свою точку и не видитъ другихъ и, подобно машинному рабочему, утратилъ общій взглядъ на общій ходъ дѣла, въ которомъ онъ является только частной силой. Если специальность помогаетъ, съ одной стороны, развитію отдѣльныхъ сферъ мысли, то, съ другой, она мѣшаетъ общему развитію мысли. Кругозоръ людей становится постепенно уже и общество какъ-бы дробится на отдѣльныя фракціи, теряющія между собою связь.

На сколько эта мысль вѣрна, читатель можетъ убѣдиться даже на „Сборникѣ“ г. Безобразова, статьи котораго, при всѣхъ ихъ специальныхъ достоинствахъ, составляютъ отдѣльные особняки, которыхъ обыкновенный читатель ужь никакъ не сумѣетъ связать однимъ общимъ единствомъ. Онъ не усмотритъ соотношенія статьи, напримѣръ, г. Градовскаго съ статьею г. Бунге, а статьи г. Бунге съ статьею г. Фойницкаго. Но неужели каждая изъ этихъ статей трактуетъ о совершенно изолированномъ мірѣ и неужели въ жизни не существуетъ одного общаго начала, связывающаго банковые интересы, о которыхъ говоритъ г. Бунге, съ дѣятельностію исполнительной власти, о которой говоритъ г. Градовскій, и, наконецъ, съ той злой волей, которую г. Фойницкій запираетъ въ одиночную тюрьму? Конечно, это общее единство существуетъ, какъ существуетъ единство въ законахъ земли, носящей на себѣ человѣка. И въ томъ, что „Сборникъ“ г. Безобразова не далъ читателю общей точки отправления, не выяснилъ ему взаимной связи всѣхъ специальныхъ вопросовъ, которыхъ онъ касается, мы видимъ главный недостатокъ книги. „Сборнику“ можно простить и тугость его изложенія и односторонность нѣкоторыхъ его статей, но ему нельзя простить отсутствія общаго философскаго основанія, отсутствія руководящей идеи, которая-бы сообщила читателю сѣтъ законченнаго представленія и связала-бы въ одно цѣлое специальные вопросы, на которые развѣнялся „Сборникъ“.

V.

Г. Сидоренко въ замѣткѣ: „О сокращенныхъ срокахъ воинской повинности и обязательномъ обученіи“, сводитъ начало народнаго

образованія къ принципу, высказанному въ сѣверо-германскомъ законѣ о воинской повинности: Das stehende Gewund die Flottem sind die Zeildungsschulen der ganzen Nation für den Krieg. По этой теоріи, нація, проведенная въ возможно короткое время чрезъ постоянное войско, должна образовать нѣчто въ родѣ древнихъ лакедемонцевъ. Г. Сидоренко доказываетъ, что если служба въ рядахъ постоянного войска для каждаго обязательна, если она требуется какъ повинность и составляетъ школу для приготовления народа къ войнѣ, то ясно, что и другой способъ, ведущій къ той-же цѣли, — общее образованіе, можетъ тоже признаваться обязательнымъ и имѣть характеръ повинности. Такимъ образомъ слѣдуетъ, что образованіе для всякаго народа нужно для того, чтобы онъ умѣлъ сражаться. Это напоминаетъ намъ брошюру г. Г—кова: „Война и человѣколюбіе“, въ которой авторъ доказываетъ, что войны не прекратятся до тѣхъ поръ, пока вмѣсто наступательныхъ и оборонительныхъ не обратятся въ народныя. Если каждый наступающій врагъ будетъ знать, что противъ него выступитъ весь вооруженный народъ, то, конечно, ни одному самому задорному врагу не придетъ мысль напасть на своего сосѣда. Франція, къ сожалѣнію, въ послѣднюю войну не была въ состояніи воспользоваться мыслию г. Г—кова и только поэтому ее и побѣдили нѣмцы. Но и мысль г. Г—кова будетъ оставаться утопической и несбыточной, пока къ образованію народовъ не будетъ примѣненъ принципъ, предлагаемый г. Сидоренкой. По его теоріи, обязательная военная служба и обязательное обученіе одно и то-же. Они на-столько пополняютъ одна другое, что даже сокращенные сроки службы вовсе не составляютъ исключительной привилегіи образованія. Назначеніе для образованныхъ людей сокращенныхъ сроковъ, соразмѣрно степени образованія, основано на томъ убѣжденіи, что чѣмъ образованнѣе новобранцы, тѣмъ легче и скорѣе они могутъ усвоить и спеціальное военное образованіе. Если для молодыхъ людей, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ, назначено вмѣсто общаго шести-лѣтняго срока только четыре года службы, то это значить, что обученіе въ начальныхъ училищахъ равносильно двух-лѣтнему пребыванію неучившагося въ рядахъ постоянного войска. Если-бы всѣ новобранцы проходили курсъ начального училища, то шести-лѣтній срокъ службы упразднился-бы самъ собою. Конечно, если смотрѣть на образованіе и просвѣщеніе, какъ на средство и

орудіе войны, то противъ этой мысли г. Сидоренки возражать нечѣмъ. Съ этой точки зрѣнія и всѣ выводы г. Сидоренки будутъ оказываться безусловно вѣрными. И въ самомъ дѣлѣ, если цѣль человѣческаго существованія въ войнѣ и каждая страна должна быть Спартой, то ясно, что не только народное образованіе, но и всѣ остальные функціи государственной жизни должны быть направлены только къ цѣли сформированія воинскаго населенія. Въ этомъ смыслѣ и каждый годъ школы будетъ равносильнъ году военной службы, и человѣкъ, пробывшій въ школѣ годъ, два, три, четыре, пять, на столько-же лѣтъ будетъ имѣть право сокращенной службы. Ясно, что тутъ нѣтъ никакихъ привилегій, ни словесныхъ различій, а просто стоитъ вопросъ о выборѣ школы. Хотите вы предпочесть военную школу гражданской—отслужите въ военной службѣ шесть лѣтъ; если вамъ нравится больше гражданская школа—вы каждымъ годомъ ученя искупите годъ службы.

Развивая свою мысль дальше, г. Сидоренко приходитъ къ требованію, что для cadaго обязательно пройти начальную школу. Правильность этой мысли, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, потому что есть случаи, когда все мужское населеніе, способное носить оружіе, должно быть призываемо къ службѣ. Ясно, что ратники, неслужившіе никогда въ постоянномъ войскѣ, должны получить нѣкоторую подготовку въ начальныхъ училищахъ. Но тутъ является очень затруднительный финансовый вопросъ, который г. Сидоренко разрѣшаетъ менѣе удачно, чѣмъ вопросъ о превращеніи Европы въ Спарту. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если часть постоянного войска, а еще лучше, если все оно пройдетъ курсъ начального училища, то этимъ, сокративъ себѣ срокъ военной службы, оно убавитъ и военные расходы государства. Но, съ другой стороны, если сократятся расходы государства на войско, то они должны увеличиться на содержаніе училищъ. Вводя обязательное обученіе, совершенно на томъ-же основаніи, какъ и обязательную военную службу, нужно, конечно, устроить школы въ такомъ числѣ, чтобы каждый мальчикъ непременно прошелъ курсъ начального училища. Но сколько, потребовалось-бы въ такомъ случаѣ училищъ для Россіи? Въ 1871 году число нашихъ начальныхъ училищъ составляло 24,000, а учениковъ въ нихъ 875,000. Въ Пруссіи въ 1864 году было 34,000 на-

родныхъ училищъ, съ 3,650,000 учениками; во Франціи въ 1865 году было 65,873 школы и 3,548,000 учениковъ. Такимъ образомъ, на каждыя 100,000 жителей приходилось въ Пруссіи 175 школъ и 18,595 учениковъ; во Франціи 173 школы и 9,322 ученика; въ Россіи-же на каждыя 100,000 жителей 32 школы и 1,116 учениковъ или противъ Пруссіи на каждыя 100,000 у насъ не достаесть 143 школы и 17,479 учениковъ. Чтобы сравняться съ Пруссіей, намъ вмѣсто 24,000 школъ нужно имѣть 144,000 школъ и вмѣсто 875,000 учениковъ 15,750,000 учениковъ. Какія-же финансовыя средства и какую Калифорнію открываетъ г. Сидоренко для того, чтобы сравнять нашъ народъ въ образованіи хотя съ Пруссіей?

Извѣстно, говоритъ онъ, что хотя воинская повинность и признается въ принципѣ всеобщую, но на самомъ дѣлѣ она такую не бываетъ. Отъ выполненія ея освобождаются не только неспособные физически, но и весь излишекъ наличнаго числа людей противъ требуемаго по призыву. Число такихъ освобожденныхъ лицъ всегда очень велико, и у насъ въ Россіи, если принять расчетъ академика Буняковского, опредѣляющаго призывной возрастъ въ 700,000 и считая ежегодный призывъ въ 150,000, лицъ, фактически освобождаемыхъ отъ военной повинности, будетъ 550,000. Этихъ непривлекаемыхъ къ службѣ людей г. Сидоренко хочетъ привлечь къ платежу повинности на народныя школы.

И тутъ г. Сидоренко разсуждаетъ весьма послѣдовательно. Онъ говоритъ, что хотя воинская повинность отличается отъ другихъ повинностей по ея особенному патріотическому содержанію, но ей присущи и нѣкоторыя черты чисто-экономическаго свойства. Военная повинность приноситъ имущественныя потери, потому что требуетъ дароваго или слабо вознаграждаемаго труда и отвлекаетъ людей отъ ихъ собственныхъ дѣлъ. Поэтому г. Сидоренко считаетъ требованіемъ справедливости, чтобы для уравнительнаго распредѣленія хозяйственной тягости воинской повинности брать налогъ съ лицъ фактически свободныхъ отъ военной службы. Жаль, что г. Сидоренко очень лукаво отклоняется отъ вычисленія этого налога. Онъ очень скромно замѣчаетъ, что сочтеть цѣль своей замѣтки вполне достигнутой, если она приведетъ читателей къ мысли о воинскомъ налогѣ и къ важности задачъ, какія могутъ быть рѣшены у насъ при посредствѣ его. Не отрицая ни важности за-

дачь, ни важности замѣтки г. Сидоренки, мы попытаемся хотя приблизительно опредѣлить размѣръ налога, который онъ проектируетъ.

Существующія въ настоящее время начальныя школы стоятъ почти $3\frac{1}{2}$ миліона рублей въ годъ; всѣхъ школъ у насъ 24,000, а ихъ нужно 144,000 или на 120,000 болѣе. А такъ-какъ теперешнее число школъ меньше нормальнаго въ шесть разъ, то, конечно, и нынѣшніе расходы на народное образованіе нужно увеличить въ шесть разъ; а въ такомъ случаѣ вмѣсто 3,415,000 рублей потребуется 20,490,000 рублей. Эти миліоны надо будетъ разложить на 550,000 человекъ и потому на каждаго, фактически освобождаемаго отъ военной службы, наложить среднимъ числомъ 40 рублей ежегоднаго школьнаго налога. Предположимъ, что г. Сидоренко сдѣлаетъ этотъ налогъ подоходнымъ и заставить богатыхъ людей платить больше; но если-бы онъ даже и убавилъ налогъ въ половину, то и тутъ каждый освобождаемый крестьянинъ долженъ-бы платить 20 рублей. Да развѣ подобный налогъ мыслимъ, когда каждая прибавочная копейка составляетъ для народа, уже и такъ обремененнаго податями, невыносимую тяжесть и само правительство очень разборчиво и осмотрительно назначаетъ новыя, не только рублевые, но и копеечныя сборы?

Развязность г. Сидоренки, считающаго цѣль своей замѣтки исполнѣ достигнутой, еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что изолированное размышленіе въ предѣлахъ каждой отдѣльной специальности неизбѣжно ведетъ къ тому, что вмѣсто общаго, цѣлаго, мы видимъ только свою собственную точку и въ ней сосредоточиваемъ всѣ остальные интересы. Конечно, можно сказать, что общая военная повинность и народная школа одно и то-же; что между народнымъ учителемъ и военнымъ инструкторомъ нѣтъ никакой разницы; что все равно, дѣлать-ли ружейные приемы или писать; что ружье и перо—синонимы; что школа обязательна потому, что обязательна военная повинность; что благо европейскихъ народовъ заключается въ томъ, чтобы каждаго мирнаго жителя превратить въ спартанца, и что утопическія мечты фізіологовъ, сокрушающихся малокровіемъ и физическимъ безсиліемъ современнаго человѣчества, лучше всего примираются спартанской похлебкой. Но, сказавъ все это, что-же, въ сущности, сказалъ г. Сидоренко? Онъ несетъ въ „Сборникъ государственныхъ знаній“ свою ленту;

какого-же рода эта лепта? Лепта, въ которой онъ видитъ не государственное благо и не разъясненіе интересовъ общаго благополучія, а наложеніе несправедливыхъ тягостей. Самъ-же г. Сидоренко говоритъ, что военная повинность есть экономическая тягость; и она, дѣйствительно, тягость, не только для тѣхъ, кто ее несетъ, но и для тѣхъ, кто ея не несетъ. Къ военной службѣ привлекается цвѣтъ населенія и лучшія рабочія силы. Военное занятіе, при всей его необходимости для общаго блага, не есть экономическое производство, и, слѣдовательно, все то, чего не производитъ армія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, что она потребляетъ, должно быть создано трудомъ рабочихъ, хотя фактически и свободныхъ отъ военной службы, но въ сущности тоже несущихъ, хотя и инымъ способомъ, ея тягость. Если, такимъ образомъ, населеніе, фактически освобожденное отъ военной повинности, все-таки работаетъ въ ея пользу косвенно, то за что-же г. Сидоренко думаетъ обложить его еще вторымъ налогомъ? Не знаемъ, какой цѣли думалъ г. Сидоренко достигнуть своей замѣткой, но намъ хотѣлось-бы думать, что онъ попалъ выше ея.

VI.

Совершенную противоположность со статьями, о которыхъ мы говорили, составляетъ „Эмиграція“ князя Васильчикова. Онъ относится къ вопросу о переселеніи не въ общемъ экономическомъ и этнографическомъ его значеніи, а смотритъ на него какъ на явленіе бытовое, общественное.

Признавая всѣ блистательныя стороны современной европейской цивилизаціи, кн. Васильчиковъ видитъ въ эмиграціи мрачныя черты современнаго общественнаго строя Европы. Если общій итогъ улучшеній и общая сумма народнаго богатства, безспорно, повсюду возрастаютъ, но въ то-же время въ каждой странѣ замѣчается большее или меньшее стремленіе жителей покинуть свою родину и выселиться въ чужіе края, то очевидно, что это дѣлается не вслѣдствіе довольства и эмиграція не можетъ служить признакомъ благосостоянія Европы.

Конечно, стремленіе къ переселенію можетъ проистекать и изъ другихъ побужденій, кромѣ экономическихъ; но грозныя времена гоненій за вѣру миновали; повсюду водворилась вѣротерпимость и свобода

совѣсти; крестьяне вышли на полную волю; фабричныя, городскіе рабочіе освободились отъ притѣсненій цеховъ, гильдій, ремесленныхъ управъ.

Кн. Васильчиковъ доказываетъ, что большая часть эмигрантовъ состоитъ изъ людей трудолюбивыхъ и бережливыхъ; что выселеніе большими массами совершается не изъ тѣхъ областей, гдѣ населеніе наиболѣе густо, а оттуда, гдѣ землевладѣльческое сословіе завладѣло большею частью государственной территоріи, и, наконецъ, что эмиграція служитъ главнѣйшимъ указаніемъ общаго неудовлетворительнаго состоянія низшихъ сословій.

Переселеніе вовсе не такая простая и легкая вещь, особенно для простолюдина. Покидая родину, онъ порываетъ всѣ связи родства и общегитія, а для этого нужны такія нравственныя усилія, къ какимъ способны немногіе. Переселеніе требуетъ значительныхъ расходовъ и, слѣдовательно, возможно не для людей, впавшихъ въ безвыходную нищету, а для болѣе высокаго слоя неимущихъ. Что же касается голяковъ, то, по недостатку средствъ для выселенія, они остаются въ своей странѣ.

Выселеніе совершается преимущественно изъ странъ, населенныхъ саксонскою расой—Англии и Германіи. Изъ франкскихъ и романскихъ земель эмиграція несравненно слабѣе. Причину этого кн. Васильчиковъ объясняетъ характеристикой этихъ народовъ и недостаткомъ находчивости и настойчивости, дѣлающихъ франкскія и романскія племена менѣе способными къ той тяжелой борьбѣ, которая требуется для основанія новыхъ жительствова. Это мнѣніе едва-ли вѣрно. Что французъ болѣе настойчивъ и предприимчивъ, чѣмъ нѣмецъ, и вдвое его находчивѣе, можно видѣть даже изъ послѣдствій послѣдней французско-нѣмецкой войны. Но у французовъ и итальянцевъ есть другая особенность. Они гораздо крѣпче нѣмцевъ держатся своей родины и составляютъ народъ болѣе общественный. Для успѣховъ колонизаціи нуженъ преимущественно индивидуализмъ, которымъ отличаются нѣмцы. Нѣмецъ строитъ отдѣльный поселокъ, образуетъ изъ него неприступную крѣпость и отлично уживается самъ—одинъ. Французу, какъ и русскому, нужно непременно большое село, нуженъ міръ, масса, множество. Взятый отдѣльно, оторванный отъ своей земли, французъ не значитъ ничего. Французъ—сила только въ своей милой, дорогой Франціи, и, какъ Антей, получаетъ силу, прикасаясь къ родной

землѣ. Для колонизаціи требуются не эти особенности народнаго характера, а именно: способность жить особнякомъ и отдѣльнымъ поселкомъ. Только при этомъ условіи всякая новая страна можетъ колонизоваться и покрыться сѣтью населенія. Русскіе-же и французы, чувствующіе свою силу, когда живутъ цѣлымъ міромъ и большимъ селомъ, никогда не будутъ и не бывали хорошими колонизаторами. Нѣмецкій индивидуализмъ приводитъ прямо къ тому, что нѣмецкая колонизація есть не переселеніе, а выселеніе. Нѣмецъ-колонистъ, оставляя свое отечество, перемѣщается въ общество совершенно ему чуждое, съ иными нравами, обычаями, съ инымъ внутреннимъ политическимъ устройствомъ и говорящее языкомъ совершенно ему чуждымъ. Нѣмецъ своимъ выселеніемъ какъ-бы отрицается отъ своей національности и теряетъ свою народность. Но чувство народности не такое чувство, чтобы его можно было заглушить совсѣмъ. И вотъ нѣмцы-переселенцы стараются по-возможности сохранить свою нѣмецкую культуру, свой языкъ, свой обычай; но новое мѣсто кладетъ на нихъ все-таки свое клеймо и изъ прежняго чистаго нѣмца дѣлается уже полу-нѣмецъ. Эту особенность нѣмцевъ и слабую сторону ихъ національности не только стараются отстаивать нѣмецкіе писатели, но она обратила на себя вниманіе новѣйшихъ нѣмецкихъ экономистовъ. Чтобы сохранить цѣлость германской расы и сосредоточить германскую культуру, расплывающуюся при нынѣшнемъ порядкѣ эмиграціи въ чуждыхъ расахъ, нѣмцы стали говорить о необходимости пріобрѣтенія для Германіи колоній. Изъ того-же самолюбія какъ официальные, такъ и частныя нѣмецкія изданія стараются по-возможности скрывать эмиграціонныя движенія нѣмцевъ. Правительство всѣми средствами противодѣйствуетъ переселеніямъ, а многочисленные совѣтники, пасторы, помѣщики и публицисты предостерегаютъ сыновъ Германіи отъ легкомысленной эмиграціи, утверждая, что нигдѣ они не пріобрѣтутъ такихъ высокихъ благъ цивилизаціи, какими пользуются въ славномъ своемъ отечествѣ. Но предостереженія эти имѣютъ мало успѣха, и съ тѣхъ поръ, какъ прусскій милитаризмъ водворился въ Германіи, переселенія еще болѣе усилились.

Постоянная эмиграція изъ Англіи началась съ 1815 года. До тѣхъ поръ хотя она происходила въ большихъ размѣрахъ, но не имѣла постоянного характера. Причины переселенія были чисто-хозяйственныя. Землевладѣльцы, находя выгоду замѣнять хлѣбо-

пашество скотоводствомъ и овцеводствомъ, превращали пахотныя земли въ луга и разводили на нихъ многолѣтнія коржовыя травы. Конечно, для этого въ прежнихъ фермахъ не было никакой необходимости, — и вотъ на мѣсто крестьянскихъ дворовъ стали появляться овчарни и скотные дворы, а фермеры, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, превращались въ безземельныхъ батраковъ и падали на попеченіе общества и приказовъ общественнаго призрѣнія. Чтобы сократить расходы на призрѣніе бѣдняковъ, землевладѣльцы переселяли сначала призрѣваемыхъ изъ одного прихода въ другой, а когда эта мѣра оказалась неудовлетворительной, то было приступлено къ окончательному выселенію и открылся періодъ эмиграціи.

Время наивысшаго политическаго торжества Англіи и было временемъ гибельнаго перелома въ хозяйственномъ быту англійскаго народа. Въ то время, когда Англія достигла наивысшаго промышленнаго благосостоянія и овладѣла всемірною торговлею, когда ея государственное богатство выросло до колоссальнаго размѣра, обнаружилось вмѣстѣ съ тѣмъ и такое бѣдственное положеніе низшихъ классовъ, что расходы общественнаго призрѣнія достигли почти ста миліоновъ въ годъ и началось небывалое по размѣру переселеніе. Переселеніе это съ тѣхъ поръ идетъ въ возрастающей прогрессіи и съ 1815 до 1869 года составляетъ 6,786,677 или въ годъ 123,394 человекъ, т. е. 20% или одинъ эмигрантъ на 5 жителей.

Въ Ирландіи, гдѣ вся поземельная собственность принадлежитъ англійскимъ лордамъ, живущимъ въ другихъ частяхъ Англіи, земли отдавались въ оброкъ по системѣ двойной аренды. Землевладѣлецъ отдавалъ всѣ свои фермы одному арендатору, предоставляя ему право переоброчивать земли по мелкимъ частямъ крестьянамъ. Понятно, что прикащики-арендаторы сдѣлались безотчетными и неограниченными господами, дробили господскія запашки на самыя мелкія полосы и возвышали непомерно наемную плату за землю. Эта безбожная эксплуатація привела только къ разоренію мелкихъ сѣмщиковъ, и земледѣльцамъ осталось одно спасеніе — бѣжать изъ Ирландіи.

Благодаря гласности и полной свободѣ печати, положеніе Ирландіи, наконецъ, выяснилось для англійскаго правительства и были приняты мѣры для умиротворенія постоянно волновавшейся Ир-

ландіи. И, дѣйствительно, въ послѣднее десятилѣтіе положеніе Ирландіи значительно улучшилось — уменьшилось число эмигрантовъ, призрѣваемыхъ, преступниковъ. И въ то время, когда министры и ораторы Англіи, говоритъ кн. Васильчиковъ, прославляли во всѣхъ своихъ рѣчахъ благія послѣдствія матеріальной своей политики, возникъ внезапно мятежъ феніевъ и поднялъ вопросъ новый — вопросъ земельный, настоящую задачу XIX вѣка. Переселеніе, упавшее въ 1859 году до 50,000 человекъ, нынче вновь усилилось и въ послѣдніе годы доходитъ до 200,000 человекъ.

Въ Германіи вопросъ о выселеніи, явившійся подъ вліяніемъ тѣхъ-же обстоятельствъ — хозяйственнаго разстройства и притѣсненій со стороны помѣстнаго сословія, не выяснился еще въ такой степени, какъ въ Англіи. До 1846 года эмиграція преслѣдовалась въ Германіи какъ преступленіе; но никакія репресивныя мѣры не могли остановить движеніе и повели только къ тому, что вмѣсто явной эмиграціи устроилась эмиграція тайная. Даже въ Баденѣ, гдѣ эмиграція поощрялась втеченіи 25 лѣтъ, съ 1840—65 годъ, на 104,000 вольныхъ переселенцевъ приходится около 60,000 тайныхъ и у нихъ полагалось приблизительно имущества около 19 миліоновъ гульденовъ. Всего съ 1815 по 69 годъ изъ Германіи выселилось 3 миліона, а вывезенный ими капиталъ составляетъ около 1½ миліардовъ талеровъ.

Однѣ эти цифры показываютъ, что переселяются не голые бѣдняки или разгульные бродяги, а люди съ извѣстными средствами. Еще замѣчательнѣе, что переселенцы высылаютъ изъ Америки очень значительныя суммы. Въ Англіи этимъ деньгамъ ведется особый счетъ, и хотя этотъ счетъ далеко не полный, но даже изъ того, что извѣстно о пересланныхъ деньгахъ, приходится изумляться размѣру сбереженій, которыя дѣлаютъ переселенцы. Втеченіи 14 лѣтъ, съ 1847—60 гг., выслана ирландскими выходцами по почтѣ и черезъ банкировъ обратно въ Ирландію гражданская сумма — 11,214,596 фунтовъ стерлинговъ или 89,716,768 рублей. „Такимъ образомъ оказывается, говоритъ кн. Васильчиковъ, — что эти несчастные ирландцы, предметъ высокошѣрной жалости своихъ могущественныхъ владыкъ — англичанъ, — ирландцы, на которыхъ испоконъ-вѣка сыпятся нареканія, и большею частію спра-

ведливья, въ пьянствѣ, развратѣ, лѣности и всевозможныхъ порокахъ, — что эти самые люди, переходя изъ той соціальной среды, въ которой они родились, въ новую, привольную и просторную, возвращаютъ въ покинутое ими прежнее свое отечество сумму, почти равную той, которую Англія тратитъ на призрѣніе немущихъ въ Ирландіи. Изъ этого, какъ намъ кажется, говоритъ кн. Васильчиковъ, можно заключить, что европейскій пролетаріатъ и всѣ проистекающія изъ него соціальныя язвы исходятъ не изъ порочныхъ нравовъ людей и даже не изъ невѣжества и грубости, а единственно изъ того безпріютнаго и безземельнаго положенія, полнѣйшимъ образцомъ котораго служитъ Ирландія“.

VII.

Въ „Сборникѣ“ г. Безобразова есть еще цѣлый рядъ статей, на которыхъ мы боимся остановить вниманіе читателя только потому, что намъ пришлось-бы говорить слишкомъ много. Каждая изъ этихъ статей имѣетъ свое специальное достоинство и всѣ онѣ написаны лицами, знающими свой предметъ; но подробное разсмотрѣніе этихъ статей нисколько-бы не подвинуло насъ впередъ относительно общей оцѣнки „Сборника“.

Характеръ всѣхъ его статей, какъ это уже видѣлъ читатель, преимущественно государственно-юридическій. Въ нихъ преобладаетъ юридическій элементъ, точно статьи назывались не для общества, а для лицъ официальныхъ, для членовъ разныхъ правительственныхъ комитетовъ. Что-же касается бытового элемента, то онъ замѣчается только въ одной статьѣ кн. Васильчикова, который, оставивъ юридическую сторону вопроса и законодательную точку зрѣнія, отыскиваетъ руководящій смыслъ жизненнаго явленія въ его основаніяхъ, а не въ послѣдствіяхъ.

Въ видѣ противорѣчія общему тону „Сборника“, можно указать еще и на библиографическую статью г. Кауфмана, разбирающаго „Гражданское право“ г. Деларова. Г. Кауфманъ дѣлаетъ г. Деларову упрекъ въ двойственности, въ томъ, что онъ, съ одной стороны, стремится къ изслѣдованію бытовыхъ основъ, на которыхъ возводятся юридическія построенія и которыя юридическими построеніями всегда предполагаются. Г. Кауфманъ упрекаетъ

г. Деларова въ томъ, что матеріалъ свой онъ черпаетъ, какъ и всякій ортодоксальный цивилистъ, изъ положительныхъ законодательствъ и римскаго права.

Эти замѣчанія г. Кауфмана можно было-бы примѣнить къ „Сборнику“ г. Безобразова. Такъ-какъ всѣ юридическія построенія всегда предполагаютъ бытовыя основы, то ясно, что о логической послѣдовательности всякаго юридическаго зданія можно судить только тогда, когда извѣстно его основаніе. Если-бы „Сборникъ“ г. Безобразова назначался для лицъ, хорошо знакомыхъ со всѣми отраслями государственнаго права, мы-бы, конечно, не предъявляли подобнаго требованія. Но вѣдь г. Безобразовъ имѣлъ въ виду не такихъ читателей, которые знаютъ, а окоторые не знаютъ; онъ имѣлъ въ виду не членовъ государственнаго совѣта и сенаторовъ, а нашу обыкновенную публику. Слѣдовательно, „Сборникъ.“ г. Безобразова долженъ быть популяризацией знаній, безъ которыхъ немислимо вѣрное пониманіе общественныхъ интересовъ. А въ такомъ случаѣ бытовыя стороны всѣхъ вопросовъ должны служить основаніемъ для правильной критической оцѣнки всѣхъ послѣдующихъ юридическихъ построеній государственнаго права. Умолчать о бытовыхъ основахъ—значить лишить читателя всякой руководящей нити и въ сущности не сказать ему ничего. Статьи такого рода, какъ г. Сидоренки или г. Андреевскаго: „О новѣйшихъ попыткахъ къ лучшему устроенію призрѣнія бѣдныхъ“, будутъ ясны въ ихъ невѣрныхъ выводахъ только для такихъ читателей, которые сами могутъ найти невѣрность въ ихъ основахъ. Но для подобныхъ читателей такія статьи и не нужны; для обыкновеннаго-же читателя, и именно того, невѣденію котораго хотѣлъ помочь г. Безобразовъ, нужно давать болѣе обстоятельное объясненіе мотивовъ, а не затемнять ихъ, какъ это дѣлаетъ „Сборникъ“. Далѣе мы-бы замѣтили еще разъ объ отсутствіи системы и единства, о недостаткѣ внутренней связи между всѣми статьями. Статьи отличаются случайностью, точно г. Безобразовъ хлопоталъ о возможно большемъ разнообразіи. Но если разнообразіе придаетъ особенный интересъ литературному журналу, то у такого „Сборника“, какой задумалъ г. Безобразовъ, оно отнимаетъ всякую цѣну.

„Сборникъ“, въ томъ видѣ, въ какомъ составилъ его г. Бе-

зобразовъ, нашей публикѣ вовсе не подъ силу, и не только не подъ силу, но едва-ли даже онъ въ состояніи принести какую-нибудь дѣйствительную пользу. Изъ отдѣльныхъ, урывчатыхъ, ничѣмъ не-связанныхъ статей читатель пріобрѣтетъ только урывчатая свѣдѣнія, а иногда и до того ошибочныя мысли, что, подобно г. Сидоренкѣ, захочетъ обложить народъ новымъ налогомъ въ 20 рублей на cadaго челоуѣка.

Н. Языковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Сцены изъ цыганской жизни (Scènes de la vie de Bohème).
Переводъ съ французскаго. Спб., 1875 г.

«Нужно признаться, «Сцены изъ жизни богемы» не такая книга, которую можно-бы положить въ свадебную корзинку молодой дѣвушки», замѣчаетъ Шанфлери о книгѣ Анри Мюрге, появляющейся теперь въ русскомъ, и притомъ очень хорошемъ русскомъ переводѣ. Это замѣчаніе совершенно вѣрно и книгу А. Мюрге слѣдуетъ причислить къ разряду тѣхъ книгъ, на которыхъ въ нѣмецкихъ бюргерскихъ школахъ писалось въ старыя годы: «nicht für die Maedchen», и которыя обыкновенно охотнѣе всего читались всеми дѣвушками, но только не днемъ, а ночью, тайкомъ отъ бдительнаго глаза старушекъ. Но тѣмъ не менѣе и предметъ книги Мюрге, и самъ Мюрге являются поучительными «фактами». Они только нуждаются въ извѣстномъ освѣщеніи.

Мюрге былъ однимъ изъ тѣхъ писателей, при чтеніи которыхъ ни у кого не возникнетъ вопроса: «какимъ путемъ пошла-бы литература, если-бы ихъ не было?» Онъ не принадлежалъ къ числу людей, создающихъ школу, къ числу Лессинговъ, Гете, Шиллеровъ, Гейне, Байроновъ, Гюго, Пушкиныхъ, Лермонтовыхъ. Но этого мало. Мюрге не особенно выдавался даже и среди второстепенныхъ литературныхъ дѣятелей и въ сущности никогда не былъ творцомъ: его творческій талантъ былъ ничтоженъ. Шанфлери рассказываетъ, что однажды Мюрге хотѣлъ написать куплеты къ водевилю. Онъ, по обыкновенію, приготавливалъ себя къ созданію втеченіи ночи этихъ куплетовъ тѣмъ, что поглощалъ множество чашекъ крѣпкаго кофе, и все-таки впродолженіи восьми ночей успѣлъ написать только четыре куплета, которые притомъ не обличали въ немъ даже поэтическаго таланта, «вырабо-

таннаго имъ въ послѣдствіи при помощи усидчивой работы». Читатель, конечно, пойметъ, какъ ограниченно должно было быть творчество того, кому приходилось вдохновлять себя чашками крѣпкаго кофе, чтобы создать четыре куплета въ восемь ночей, и какъ жалокъ долженъ былъ быть поэтическій талантъ, явившійся только «слѣдствіемъ продолжительной и настойчивой работы». При видѣ такого человѣка можно только пожалѣть, что онъ даромъ тратилъ и силы, и время на работу, для которой онъ не былъ созданъ. Однако, Мюрже былъ писателемъ-беллетристомъ, и только писателемъ-беллетристомъ.

Почему?

Исторія его жизни самая будничная и потому самая поучительная.

Сынъ очень бѣдныхъ родителей (если не ошибаюсь, небогатаго портного), Апри Мюрже получилъ самое плохое образованіе. Въ сущности это полуобразованіе должно было принести болѣе вреда, чѣмъ пользы: онъ уже не могъ сдѣлаться простымъ мастеровымъ, простымъ ремесленникомъ, онъ долженъ былъ работать на поприщѣ умственнаго труда. Но, въ сущности, онъ могъ по своей подготовкѣ занять только мѣсто какого-нибудь переписчика. Такъ и случилось: сначала онъ занимался перепиской у одного адвоката, потомъ былъ секретаремъ, т. е. тѣмъ-же переписчикомъ, только съ болѣе громкимъ титуломъ, у графа Толстаго. Но подобныя занятія, какъ переписка и секретарство у частныхъ лицъ, крайне непрочны и потому Мюрже сталъ подумывать о болѣе опредѣленной карьерѣ. Ему представились на выборъ два пути, для вступленія на которые, по мнѣнію многихъ, не нужно почти никакой подготовки: онъ думалъ сдѣлаться или художникомъ, или писателемъ, конечно, беллетристомъ. Дѣйствительно, по мнѣнію большинства, художникъ долженъ уметь только рисовать, а беллетристъ только описывать. Сильный природный талантъ, серьезная умственная подготовка, умѣнье наблюдать и количество наблюденій,—все это часто или вовсе не принимается въ расчетъ, или признается чѣмъ-то второстепеннымъ. Вслѣдствіе этого вы нигдѣ не встрѣтите такой массы невѣжественныхъ людей, какъ въ средѣ художниковъ, и нигдѣ не найдете такого множества неподготовленныхъ и неспособныхъ къ избранному труду людей, какъ среди литераторовъ-беллетристовъ. На несчастье Мюрже, онъ, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, попалъ въ кружокъ молодежи, очень любившей литературу, но вовсе неумѣвшей критически относиться къ литературнымъ произведеніямъ. Подобная молодежь всегда готова хвалить того или другого писателя изъ своей среды только потому, что

онъ «свой человекъ»; также готова она рукоплескать тому, кто въ своихъ произведеніяхъ затронетъ дорогіе ей вопросы, коснется близкихъ ей явленій, съумѣетъ или возбудить ее, или развеселить. Самый дюжинный острякъ и каламбуристъ слыветъ здѣсь за шѣткаго сатирика; поверхностный раскатищъ анекдотцевъ изъ жизни «толпы» превозносится, какъ народный юмористъ; кропатель нѣсколькихъ пѣсенекъ, призывающихъ молодежь: «впередъ, впередъ безъ страха и боязни», или взывающихъ къ ней: «я поднимемъ бокалы во славу любви», провозглашается великимъ поэтомъ. На-сколько оригинальны, на-сколько глубоко, на-сколько образованны, на-сколько наблюдательны эти гени, — этого такая честно и беззавѣтно увлекающаяся молодежь не можетъ и не старается понять. Она даже не замѣчаетъ и того, что у ея доморощенныхъ прозаиковъ не хватаетъ фантазіи даже на крошечную повѣсть, а у доморощенныхъ поэтовъ не достааетъ слуха для сохраненія правильнаго размѣра въ стихахъ. Не малое число писателей создавала добродушная молодежь изъ такихъ людей. Не мало содѣйствовала она успѣху и Мюрже. Первыми его покровителями, первыми его цѣнителями были начинающіе художники, студенты и гризетки, а такъ-какъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Мюрже идеализировалъ именно этотъ мірокъ, то успѣхъ новаго писателя въ Латинскомъ кварталѣ не могъ подлежать сомнѣнію.

Но самыя горячіе восторги своего муравейника не могутъ замѣнить даже самаго плохого обѣда. Плата-же за литературный трудъ бываетъ, по большей части, очень ничтожна. Правда, проживъ десять-пятнадцать лѣтъ въ борьбѣ съ лишеніями, писатели могутъ составить себѣ литературное имя и наслаждаться большимъ доходомъ, если только они не умрутъ гораздо ранѣе въ больницѣ. Нѣкоторые доживаютъ до этой блаженной поры, когда ихъ произведенія не имѣютъ иногда никакой цѣнности, но за то ихъ имена оплачиваются тысячами. Мюрже испыталъ это на себѣ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Первые и лучшія или, вѣрнѣе сказать, единственные его хорошія произведенія — сцены изъ жизни богемы, появившіяся теперь у насъ въ переводѣ, — оплачивались по пятнадцати франковъ за штуку. Это было слишкомъ недостаточно для того, чтобы жить. Молодому писателю при такихъ заработкахъ оставалось избрать одинъ изъ двухъ путей: или искать какой-нибудь посторонней работы для поддержанія себя, или писать столько, чтобы можно было не умереть съ голода. Еще Ж.-Ж. Руссо замѣтилъ, что писатель, если онъ хочетъ честно относиться къ своему дѣлу и быть независимымъ, долженъ не жить на литературный трудъ. Въ

этой мысли есть много правды. Живя исключительно на литературный трудъ, когда онъ оплачивается плохо, вы должны писать спѣшно и много, должны быть поденщикомъ, должны завистѣть отъ того или отъ другого литературнаго предпринимателя. У васъ не хватитъ времени для пополненія своего образованія, для наблюдений, для обдумыванія того, что вы пишете, для отдѣлки своихъ произведеній. Сдѣлавшись литературнымъ поденщикомъ, вы невольно замкнетесь въ узенькую сферу литературнаго кружка и литературныхъ интересовъ и не будете сталкиваться на чисто-практической почвѣ съ другими слоями общества. Это значительно сѣузитъ вашъ кругозоръ и въ сущности весь запасъ вашихъ наблюдений будетъ ограничиваться тѣми наблюдениями, которыми вы запаслись до своего вступленія на литературное поприще. Эту истину лучше всего поняли англичане и почти ни одинъ беллетристъ Англiи не ограничивался одною литературною дѣятельностью. Стоитъ просмотрѣть біографіи Бульвера-Литтона, Диккенса, Ч. Рида, Теккерея и тому подобныхъ литературныхъ дѣятелей Англiи, чтобы понять, какъ разнородна была ихъ дѣятельность, а значить и подготовка къ литературному труду. За то какой запасъ наблюдений, какое разнообразіе встрѣчается въ ихъ произведеніяхъ! Къ несчастію, въ другихъ странахъ всегда находится множество бѣдныхъ повѣствователей, поэтовъ, романистовъ, которые гордятся именно тѣмъ, что они, несмотря на свою нищету, литераторы и больше ничего. Они воображаютъ, что они сохраняютъ свою независимость, не занимаясь другими профессіями. Они воображаютъ, что они являются истинными служителями литературы, служа только ей. Имъ и въ голову не приходитъ того, что именно они-то и не могутъ похвалиться независимостью и серьезною любовью къ литературѣ: сплошь и рядомъ имъ приходится писать поневолѣ, такъ-какъ нужно-же ѣсть; они должны порою писать не такъ, какъ-бы хотѣлось, а такъ, какъ велютъ имъ писать, наприимѣръ, литературные предприниматели, и опять-таки это дѣлается потому, что выждать время, перебиться въ тяжелую минуту они не могутъ, такъ-какъ имъ нужно-же ѣсть; во время каждой болѣзни, во время каждаго денежнаго кризиса они по-необходимости прибѣгаютъ за помощью къ постороннимъ лицамъ, къ литературнымъ меценатамъ или литературнымъ аферистамъ, платясь въ первомъ случаѣ своею нравственною независимостью, обязываясь во второмъ случаѣ отрабатывать свой долгъ, отрабатывать, можетъ быть, тогда, когда мозгъ работаетъ плохо, когда талантъ ослабѣваетъ, когда нужно-бы на нѣсколько мѣсяцевъ положить перо. «Двумъ богамъ не служить», говорятъ эти го-

спода. Это совершенно вѣрно. Но не менѣе вѣрно и то, что нельзя назвать служеніемъ одному богу стремленіе сдѣлать изъ него доходную статью и средство къ пропитанію. Ужь если считать священнымъ служеніе литературѣ, то надо сознаться, что оно останется священнымъ только тогда, когда намъ не придется думать: каждое наше священнодѣйствіе оплачивается грошомъ; значить, нужно валять эти священнодѣйствія на скорую руку, чтобы получить достаточное для дневного пропитанія количество грошей. Но нужно сознаться, что все это, по большей части, сознается въ глубинѣ души, въ тяжелыхъ минуты, и тѣми господами, которые стоятъ за необходимость для литератора жить только литературой. Они часто стоятъ за свое убѣжденіе только потому, что литературнымъ трудомъ можно заниматься когда угодно и какъ угодно, — дома, въ халатѣ, лежа, ночью, подъ хлѣбкомъ, урывками; они стоятъ за свое убѣжденіе потому, что при литературномъ трудѣ можно дать извѣстный просторъ своей распущенности, своей нравственной неряшливости; они стоятъ за свое убѣжденіе порою потому, что, въ сущности, они боятся отвѣтственнаго труда и видятъ, что имъ уже поздно приняться за какое-нибудь другое дѣло.

Къ сожалѣнію, именно таковъ былъ и А. Мюрге. Шанфлеры говорятъ, что Мюрге не боялся труда, и приводятъ въ доказательство то, что Мюрге много читалъ романовъ и стиховъ! Такимъ образомъ не трудно доказать, что трудолюбивы и тѣ барыни, которыя проводятъ дни и ночи за чтеніемъ беллетристики. Гораздо вѣрнѣе доказываютъ степень трудолюбія Мюрге написанныя имъ произведенія: втеченіи тринадцати или пятнадцати лѣтъ онъ написалъ одиннадцать или двѣнадцать небольшихъ томовъ. Это крайне мало, если принять во вниманіе, что литературный трудъ былъ, въ сущности, единственнымъ трудомъ Мюрге и что ни одно изъ его произведеній не принадлежало къ числу тѣхъ великихъ созданій челоуѣческаго ума, на которыя иногда посвящается цѣлая жизнь. Въ сущности, его жизнь проходила не въ работѣ, а въ поискахъ за пріютомъ, за обѣдомъ, за грошомъ. На это тратились и душевныя силы, и время, и, наконецъ, твердость характера, стойкость честности. Чтобы быть со всѣми въ хорошихъ отношеніяхъ, онъ хвалилъ всѣхъ писателей и трусилъ, что кто-нибудь узнаетъ, какъ онъ, прикрывшись псевдонимомъ, изъ-за угла бросалъ иногда сарказмами въ представителей «школы здраваго смысла» и въ «соціалистовъ». Чтобы имѣть возможность не умереть съ голода, онъ доставлялъ въ газеты недоконченныя и даже недодуманныя произведенія и потомъ или комкалъ ихъ оконча-

нія, или обрывалъ ихъ, не имѣя силъ придумать развязку. Чтобы добыть лишній грошъ, онъ собиралъ въ отдѣльные томы все написанное имъ съ маху, на ходу, подъ впечатлѣніемъ минуты, и предлагалъ этотъ ненужный баластъ публикѣ. Всѣ эти скорбныя черты, заставляющія краснѣть каждаго, кто еще не утратилъ эту способность честныхъ людей,—всѣ эти черты, говоримъ мы, были прямымъ слѣдствіемъ того, что Мюрже поставилъ себя въ такое положеніе, что долженъ былъ видѣть въ литературѣ единственную доходную статью и единственное средство къ поддержанію существованія. Но мало того, что онъ долженъ былъ кривить душой, не смѣя бросить нужнымъ людямъ прямо въ лицо ни одного слова, «облитаго горечью и злостью»; мало того, что онъ обманывалъ публику, подрывалъ въ ней уваженіе къ литературѣ, являясь съ недодѣланными и недодуманными произведеніями; мало того, что онъ вносилъ лишній баластъ въ храмъ литературы,—нѣтъ, онъ, въ добавокъ ко всему, втеченіи всей своей жизни только повторялъ варіаціи на свое первое произведеніе. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ ярко видны недостатки фантазій, бѣдность или даже отсутствіе наблюденій. Всѣ эти произведенія, въ сущности, только ровняли имя Мюрже. Но, несмотря на это, его имя все-таки уцѣлѣло, и уцѣлѣло только потому, что Мюрже написалъ «Сцены изъ жизни богемы». Эти сцены рисуютъ передъ нами вѣрныя картины совершенно особеннаго мірка, который былъ хорошо извѣстенъ Мюрже, бывшему его членомъ. Познакомиться съ этими картинами далеко не бесполезно, потому что «богема»—явленіе, присущее не одному французскому обществу: она была и будетъ во всѣ времена. Вотъ почему мы и считаемъ нелишнимъ перевести этой книги.

Стилистическія задачи для четырехъ низшихъ классовъ.

Разказы, описанія, сравненія и періоды. Составилъ И. Гавриловъ, наставникъ-руководитель при гимназіяхъ историко-филологическаго института. Изд. 2-е. Спб. 1875 г.

Примѣненіе стилистическихъ задачъ въ связи съ преподаваніемъ грамматики и чтеніемъ хрестоматій. Руководство для родителей и преподавателей. Составилъ И. Гавриловъ. Спб. 1875 г.

Нѣтъ, кажется, предмета болѣе шатко-поставленнаго въ курсѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ именно преподаваніе роднаго языка въ

связи съ примыкающими къ нему: теоріей и исторіей словесности. Во всѣхъ другихъ учебныхъ занятіяхъ установилась какая-нибудь норма требованій и выработалось что-нибудь похожее на методъ преподаванія, и только въ одной злосчастной области *слова*, начиная отъ грамматическихъ его правилъ и кончая исторіей мысли, въ немъ выражавшейся, — господствуетъ до нынѣ полнѣйшая безурядица или, говоря высокими слогами, „хаоса бытность довременна“. Безъ сомнѣнія, въ этой области, предпочтительно предъ точными науками, возможно и даже, до нѣкоторой степени, законно разнообразіе системъ, взглядовъ и приѣмовъ обученія; но безурядица, о которой говоримъ мы, происходитъ не отъ борьбы мнѣній, имѣющихъ каждое свой рациональный характеръ и свое серьезное оправданіе:—ея причины лежатъ, наоборотъ, въ малой развитости, въ дурномъ воспитаніи мысли самихъ гг. педагоговъ. Только этими причинами объясняются, на нашъ взглядъ, крутые повороты и безцѣльные блужданія изъ стороны въ сторону, всѣми замѣченные въ преподаваніи языка и словесности. Одинъ изъ современныхъ писателей, имѣвшій довольно много пракческаго опыта, говоритъ по этому поводу: „Къ сожалѣнію, въ нашихъ педагогическихъ сферахъ, откуда излетаютъ всевозможные „проекты“ и программы, никакъ не можетъ установиться и окрѣпнуть правильный взглядъ на задачу и объемъ преподаванія словесности. Въ былые дни мы изучали по Зеленецкому всѣ роды и виды поэзіи и прозы, всѣ риторическія украшенія рѣчи; обогащали свою память бездною тонкихъ, отвлеченныхъ опредѣленій романа, драмы, комедіи и пр., не прочтя толкомъ ни одного автора; бойко сдавали, наконецъ, свой выпускной экзамень и, уже много лѣтъ спустя, при первомъ запросѣ на дѣйствительныя познанія, на серьезную критическую оцѣнку литературнаго произведенія, убѣждались, что зазубрить по книжкѣ теоретическое опредѣленіе—не значить еще умѣть примѣнить его къ живому литературному образцу. Такъ научались мы по Зеленецкому теоріи словесности. По тому-же курсу (но по другой книжкѣ) знакомились мы съ прогрессивнымъ движеніемъ русской литературы. Тутъ узнавали мы имена и отчества почти всѣхъ сочинителей, когда-либо воздѣлывавшихъ вертоградъ російской словесности, запоминали годъ ихъ рожденія и смерти, чины и знаки отличія, полученные ими (буде сочинители состояли въ государственной службѣ), заучивали неукоснительно всѣ заглавія никогда не прочтенныхъ нами поэмъ, драмъ, и въ заключеніе всего, начинивъ себя различными фразами о сентиментальности Карамзина, народности Пушкина и юморѣ Гоголя, получали право сказать, что мы-де знаемъ исторію русской литературы! Столастика Зеленецкаго рухнула и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ рациональнаго веденія дѣла, мы снова пришли къ другой, не менѣе вредной крайности. Многіе педагоги (и притомъ изъ вліятельныхъ), осудивъ Зеленецкаго за обиліе отвлеченной мудрости, вообразили, что теорія и исторія словесности не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ звонкими, безсодержательными фразами, ни мало не понятными для учениковъ; ссылаясь на плохой

результатъ обученія „по Зеленецкому“, они стали увѣрять, что вообще критика литературныхъ произведеній съ выводомъ изъ нея основныхъ теоретическихъ различій (т. е. то, что составляетъ въ здоровомъ преподаваніи теорію словесности) недоступна ученику средняго учебнаго заведенія,—такъ точно, какъ недоступно ему связное, систематическое изложеніе постепеннаго развитія и смѣны понятій и идеаловъ въ исторіи словесности. *Оба предмета, взаимно-дополняющіе одинъ другой, исчезали, такимъ образомъ, изъ гимназическаго курса*, а чтобы замѣстить чѣмъ-нибудь этотъ пробѣлъ, новые педанты предлагали особенно налечь на исторію языка. Какъ-будто историческое изученіе языка—дѣло немногихъ спеціалистовъ—болѣе доступно пониманію юношества, болѣе своевременно и плодотворно, чѣмъ изученіе литературныхъ произведеній въ достаточно широкой, разъясняющей ихъ исторической обстановкѣ, какъ-будто, наконецъ, рачіональная исторія языка возможна безъ исторіи мысли, выражавшейся въ немъ! Въ духѣ этой филологической односторонности составлены всѣ новѣйшія программы по исторіи русской словесности, въ которыхъ видно, желаніе расширить, сколько возможно, филологическій матеріалъ и сжать, до послѣдней степени, исторію мысли въ литературныхъ произведеніяхъ“. (См. „Изъ исторіи нашего литерат. и обществ. развитія“, г. Пятковскаго, 2 т.-стр. 256.)

Книжки г. И. Гаврилова показываютъ, что и въ этомъ послѣднемъ направленіи дѣла наступаетъ уже нынѣ новый, любопытный фазисъ. Грамматика ординарная и экстраординарная, или сравнительная, усиленіе славянщины, расширеніе программы древнихъ языковъ,—всѣ эти филологическія мѣропріятія какъ-будто не наполнили еще собой тотъ „пробѣлъ“, который явился за сокращеніемъ курса теоріи и исторіи словесности. Возникаетъ попытка ввести снова приснопамятную риторику, разбивъ ее на двѣ части и замаскировавъ, такъ-сказать, подъ болѣе благозвучными названіями *логики* и *стилистки*. Одинъ изъ этихъ клочковъ реставрированной риторики находимъ мы въ трудахъ г. „наставника-руководителя“.

Г. Гаврилову кажется, что образцы художественной литературы „созданы не для школы, не для ея потребностей“, что „учащійся узрѣваетъ въ нихъ лишь недосыгаемость“, и что для потребностей школы нужно сочинить свою особенную литературу, достаточно пониженную и относящуюся къ „заправской“ литературѣ такъ точно, какъ относятся учебныя гаммы къ настоящей музыкѣ. На этомъ основаніи г. Гавриловъ предлагаетъ юношеству,—для удержанія его на почтительной дистанціи отъ „художественнаго творчества“ и для уничтоженія „легкомысленнаго мнѣнія, что художественные образцы ему по плечу“,—какіе-то искалѣченные обрывки литературныхъ произведеній, въ которыхъ едва-ли-бы узнали себя сами авторы. Затѣмъ онъ размѣщаетъ эти обрывки подъ четыре рубрики, выставленныя въ заголовкѣ первой книжки, снабжаетъ ихъ развивательными вопросами, почерпнутыми изъ педагогики Солянаго городка, пишетъ къ нимъ тощій

коментарій „для родителей и преподавателей“ и, благословясь, выпускаетъ обѣ книжки за девять гривенъ серебромъ. Но если ужъ презрѣнный металлъ служить, до сихъ поръ, неизмѣнно иѣркою для опредѣленія достоинства человѣческаго труда, то мы, по крайней иѣрѣ, находили-бы приличнымъ, со стороны г. Гаврилова, не требовать за свои педагогическія упражненія болѣе одной гривны. Дороже дать мы рѣшительно не согласны, и смѣемъ увѣрить автора, что эта цѣна—самая красная, да и то на охотника. Посудите сами, читатель, чего можетъ стоить учебная книжка, въ которой для *дѣтскаго пересказа* поиѣщаются, *на первыхъ-же страницахъ*, анекдоты въ такомъ родѣ: „Истинная мудрость скромна“, „Истинное величіе перѣдко обнаруживается и въ малыхъ дѣлахъ“, „Самообладаніе“, „Признанныя достоинства русскаго солдата“,—и поиѣщаются не по оплошности или случайному недоразумѣнію составителя, а въ силу невѣроятнаго педагогическаго разсчета, излагаемаго въ руководствѣ для родителей и преподавателей. „Многіе изъ разсказовъ, философствуетъ г. Гавриловъ,—служатъ поясненіемъ отвлеченныхъ понятій, которыя дѣти сѣздала слышать отъ старшихъ, встрѣчаютъ въ книгахъ для чтенія и въ учебникахъ. Это сдѣлано съ тою цѣлю, чтобы дать дѣтскому представленію конкретный фактъ, который придавалъ-бы отвлеченному понятію воззрительность (?) еще въ томъ иѣжномъ, невпечатлительномъ возрастѣ, *когда нельзя пускаться въ отвлеченія, но когда слѣдуетъ питать душу благородными и высокими впечатлѣніями*. Эти ранніе поѣбвы впоследствии пригодятся не только въ періодахъ, какъ примѣры и сравненія, но и въ исторіи, которая *подберетъ* (хорошо выраженіе!) ихъ и *взлелѣетъ*. Сверхъ того, разсказы названы въ учебникѣ своими видовыми именами: анекдотами, баснями, легендами, сагами, притчами, сказками; *учитель можетъ воспользоваться этимъ дѣленіемъ (!), чтобы послѣ нѣсколькихъ разсказовъ одного и того-же вида довести дѣтей до уразумѣнія видоваго различія оныхъ (sic!),—тѣмъ болѣе, что все это такія формы творчества, съ коими (sic!) дитя постоянно встрѣчается въ своемъ чтеніи. Такимъ образомъ, по пути и безъ труда* учитель введетъ въ сознаніе учениковъ то, что съ раннихъ лѣтъ дѣти называютъ бессознательно“ (стр. 8.)

Въ этой прелестной тирадѣ г. Гавриловъ выложилъ намъ, какъ на ладони, всѣ свои педагогическія способности и понятія. Придавать „воззрительность“ отвлеченнымъ понятіямъ,—въ которыя, однако, „нельзя пускаться“ съ дѣтьми,—посредствомъ сухихъ анекдотовъ въ 5—10 строкъ; питать душу благородными и высокими впечатлѣніями въ разсказѣ о томъ, что русскій солдатъ тѣмъ хорошъ, что ему не надо будто-бы *толковать*, за что и противъ кого его ведутъ (стр. 16); да еще „по пути и безъ труда“ разъяснить малолѣткамъ, отъ 1-го до 4-го класса гимназіи, виѣстѣ съ отвлеченными понятіями, и видовое различіе между легендою и анекдотомъ, баснею и притчею:—вотъ это и есть осязательное доказательство, что мы

оцѣнили по совѣсти, въ одну гривну, объ стряпни съ педагогической кухни г. Гаврилова. Вдаваться въ подробности мы считаемъ уже излишнимъ, отчасти и въ интересахъ самого автора, чтобы взыскательные читатели не сбросили нѣсколькихъ копеекъ съ этой все еще очень возвышенной цѣны...

И. Деркачевъ. Какъ школу построить и устроить? со многими политип. и чертежами. Изд. П. Полеваго. Сбп. 1876 г.

Мы еще не встрѣчали ни одного изданія г. Полеваго, которое-бы не начиналось похвалой самому себѣ. По странному стеченію обстоятельствъ, даже произведенія другихъ авторовъ, но только изданныя г. Полевымъ, заражены той-же страстишкой. Такъ г. Деркачевъ въ своемъ предисловіи начинаетъ разсыпаться предъ собою въ любезностяхъ, говоря, что ему „скажутъ спасибо за то, что онъ представляетъ въ своей книгѣ изъ опыта и личнаго наблюденія добытыя указанія“, или что въ „его книгѣ найдутъ много указаній, *полезныхъ* и *пригодныхъ* для школьнаго дѣла“, или что „предлагаемая книга должна будетъ имѣть *нѣкоторое значеніе* въ дѣлѣ устройства нашей школы“, или что его книга есть „*правильно построенное цѣлое*“. Въ этомъ безцеремонномъ самовосхваленіи нельзя не видѣть тонкой пронизательности со стороны г. Деркачева, провидящаго обидное для себя изуиленіе читателя при чтеніи его произведенія. Да, г. Деркачевъ, всѣ, кто прочтеть вашу книгу, дѣйствительно „скажутъ вамъ спасибо“, если только на будущее время вы воздержитесь отъ писанія книжекъ по части педагогики. Г. Деркачевъ увѣряетъ, однако, что онъ глубоко опытенъ въ этомъ искусствѣ, на томъ основаніи, что онъ состоялъ „уполномоченнымъ по завѣдыванію хозяйственной частью училищъ“. Хотя послѣ такой рекомендаціи г. Деркачевъ является по отношенію къ педагогикѣ не болѣе, какъ седьмой водой на киселѣ, но мы все-таки принялись внимательно читать его книгу.

Несмотря на то, что современная педагогическая литература втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ непрерывно обогащалась всевозможными нелѣпостями, но мы не ошибемся, если скажемъ, что такая странная дичь, какъ книга г. Деркачева, есть все-таки рѣдкое явленіе. Бѣдность критическаго смысла, отсутствіе самой обыкновенной оригинальности въ мысляхъ и недостатокъ необходимыхъ для педагога свѣденій сообщаютъ весьма жалкій характеръ книгѣ г. Деркачева. Его критическое отношеніе къ нѣмецкой педагогикѣ, дѣлающееся въ наше время пробнымъ камнемъ педагогической трезвости, выразилось чисто-дѣтской тирадой, гдѣ онъ говоритъ, что „если такая страна, какъ Англія, не находитъ вреднымъ для себя разрабатывать идеи Песталоцци

въ приложеніи къ своей школѣ и заимствовать многое изъ Германіи, то намъ и подавно нечего сокрушаться за то направленіе, которое проявилось въ нашей литературѣ подъ вліяніемъ той-же нѣмецкой педагогической литературы“. Нечего сказать, хорошъ резонъ! Г. Деркачевъ учить насъ не сокрушаться при видѣ различныхъ безобразій нашей жизни, если только эти безобразія существуютъ въ Англіи... Если тамъ, въ странѣ цивилизованной, сѣкутъ учениковъ, то намъ, мужикамъ, и самъ Богъ велѣлъ... Странно, что г. Деркачевъ, ѣздившій въ Англію съ спеціальною цѣлью изучать ея школу, не могъ понять, почему Англія такъ усердно подражаетъ Германіи въ дѣлѣ педагогики. Такое подражаніе вполне естественно и объясняется свойствами англійскаго духа и англійской жизни. Консервативное и неподвижное въ своихъ основахъ, англійское общество всегда высоко цѣнитъ ту механическую дрессировку мысли, духа и тѣла, которая составляетъ главную задачу нѣмецкой педагогики. Подобно Германіи, Англія ставитъ формальные элементы воспитанія выше свободнаго развитія душевныхъ силъ, и вотъ почему, когда Германія, въ лицѣ своихъ Фребелей, Грубе и К°, изобрѣла хитроумную педагогическую машину, Англія тотчасъ примѣнила ее къ дѣлу, питая при этомъ тѣ-же напѣренія, съ какими она занимается искусственнымъ разведеніемъ скаковыхъ лошадей или быковъ съ гигантскими ляшками.

Сколько можно судить по словамъ г. Деркачева, онъ спеціалистъ по части школьной архитектуры. Но онъ посвящаетъ, однако, немного страницъ этому важному вопросу, и нерѣдко говоритъ при этомъ что-то совсѣмъ неподходящее. Такъ онъ почему-то совѣтуетъ строить школы въ тѣхъ селахъ, гдѣ земство можетъ разсчитывать на труды священнослужителей, увѣряя, что „при пособіи этихъ лицъ земству будетъ легче выстраивать и самыя школьныя зданія“ (стр. 7.) Затѣмъ г. Деркачевъ переходитъ къ постройкѣ школы и съ изумительной поверхностностью трактуетъ обо всѣхъ относящихся сюда обстоятельствахъ. Самыя главныя условія онъ проходитъ молчаніемъ, о другихъ говоритъ вскользь, сообщая лишь какія-то сомнительныя эмпирическія данныя. О выборѣ почвы для постройки школы г. Деркачевъ не заикнулся ни однимъ словомъ, а между тѣмъ это вопросъ первостепенной важности въ школьной архитектурѣ. Конечно, при этомъ недостаточно было-бы сказать, что почву нужно выбирать по-возможности сухую, но слѣдуетъ указать и на средства для осушенія сырой и болотистой почвы. Если упустить изъ виду качество почвы, то хотя-бы мы построили для школы настоящій дворецъ, она навсегда останется могилей. Иногда случается, впрочемъ, что школу приходится волей-неволей выстраивать на болотистой мѣстности ради ея выгоднаго положенія, а между тѣмъ скудныя средства школы не позволяютъ осушить эту мѣстность рациональными способами. Но и въ этомъ случаѣ новѣйшая практика сумѣла выйти изъ бѣды, ибо въ послѣднее время, какъ извѣстно, найдено превосходное и дешевое осушающее средство въ разсыриваніи на болотистой почвѣ де-

ревяевъ изъ породы миртовыхъ (*eucalyptus globulus*). Эти деревья, поглощающія воду въ количествѣ въ десять разъ большею, чѣмъ ихъ вѣсъ, быстро осушаютъ болота. По опытамъ, которые сдѣланы были въ Германіи, оказалось, что громадные болота высыхали уже спустя годъ послѣ того, какъ посажены были эти деревья, и случалось, что въ этой осушенной мѣстности тотчасъ прекращались всякіе тифы и лихорадки, между тѣмъ въ мѣстности сосѣдней эти болѣзни свирѣпствовали съ прежней силой.

Когда Деркачевъ говоритъ, что зданіе школы можно обратить окнами на югъ, востокъ и западъ, но не слѣдуетъ ставить его окнами на сѣверъ, то онъ, очевидно, также мало свѣдуещъ въ этомъ вопросѣ. Нельзя рѣшить съ абсолютной точностью, куда обратить окна школы; это все зависить главнымъ образомъ отъ данной мѣстности, отъ того, какіе господствуютъ въ ней вѣтры. Если положеніе мѣстности таково, что солнце свѣтитъ тамъ короткое время и дни бываютъ холодные, то зданіе школы располагается такъ, чтобы наименѣе подвергалась притоку вѣтровъ и наиболѣе продолжительное время освѣщалась солнечными лучами, но нерѣдко является необходимость защитить школу отъ излишка теплоты и солнечнаго свѣта, и тогда не только можно, но часто должно обратить школу окнами на сѣверъ. Въ настоящее время признано наиболѣе цѣлесообразнымъ обращать рисовальные классы къ сѣверной сторонѣ, такъ-какъ съ этой стороны комната освѣщается наиболѣе правильнымъ образомъ, а многочисленными наблюденіями современныхъ гигиенистовъ доказано, что весьма легко избѣгнуть правильнымъ отопленіемъ и хорошей вентиляціей сырости и холода въ комнатахъ, окна которыхъ обращены къ сѣверу.

Расчеты г. Деркачева относительно величины и вмѣстимости классной комнаты не вполне согласны съ научными данными, и это легко было-бы доказать, если-бы только стоило. Дѣло въ томъ, что г. Деркачевъ, сдѣлавъ на бумагѣ расчетъ размѣрамъ классной комнаты, на дѣлѣ совершенно не принимаетъ ихъ во вниманіе. Изъ его вычисленій слѣдуетъ, что такъ-какъ на cadaго учащагося по меньшей мѣрѣ полагается 30 куб. ар. чистаго воздуха, а вмѣстимость проектируемой имъ комнаты равна 544 куб. арш., то въ этой комнатѣ не должно вмѣщаться болѣе 18 учениковъ. Положимъ, что эти расчеты значительно уклоняются отъ научно-установленной нормы и съ грѣхомъ пополамъ они могутъ быть приняты на практикѣ. Однако вслѣдъ за этии расчетами г. Деркачевъ говоритъ: „Дѣлая уступку нашей бѣдности, въ нашемъ классѣ *возможно* (?) помѣстить до 30 учениковъ“, значить почти вдвое больше противъ теоретически вычисленнаго количества. Тогда на cadaго учащагося придется уже не 30 куб. арш. воздуха, а 18, да и того менѣе, если исключить пространство, занимаемое печкой, столами, учебными пособиями и самими учащимися. Если принять все это въ расчетъ, то на учащагося едва-ли придется по 10 куб. арш. чистаго воздуха. Очевидно, что въ такомъ случаѣ незачѣмъ и дѣлать было теоретическіе расчеты, потому что если принять на cadaго учащагося по 10

куб. арш. воздуха, то школой может служить любая крестьянская изба. Разумѣется, г. Деркачевъ не виноватъ, что у крестьянъ нѣтъ средствъ для правильной постройки школъ, но въ этомъ случаѣ задача г. Деркачева должна была состоять лишь въ томъ, чтобы объяснить пояснѣе и потолковѣе весь тотъ вредъ, который проистекаетъ отъ дурного устройства школъ. Уступку своей бѣдности сдѣлаютъ крестьяне сами, безъ всякихъ совѣтовъ со стороны г. Деркачева, они и дѣлали ее до сихъ поръ и, конечно долго еще будутъ дѣлать, несмотря на всѣ теоретическія вычисленія и расчеты гигиенистовъ; но очень важно, чтобы эти уступки дѣлались съ полнымъ пониманіемъ всѣхъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, какими сопровождается дурное устройство школы. Но объ этихъ дурныхъ послѣдствіяхъ г. Деркачевъ не говорить ни слова.

Книга г. Деркачева въ высшей степени страдаетъ несоразмѣрностью частей: о важномъ предметѣ онъ или ничего не говоритъ, или очень мало, о пустякахъ-же онъ трактуетъ широковъщательно до зѣзоты. Онъ сообщаетъ, напр., неизвѣстно для какой цѣли, утомительный въ своихъ подробностяхъ прирѣрный расчетъ для руководства по заготовкѣ главныхъ строительныхъ матеріаловъ и найму рабочихъ при постройкѣ сельской школы. Перейдя-же затѣмъ къ внутренней обстановкѣ школы, г. Деркачевъ не сумѣлъ порядочно выяснить важность цѣлесообразной классной мебели, этого жгучаго и самаго важнаго вопроса школьной гигиены. Повидимому, онъ недостаточно ясно сознаетъ, что мало снабдить ученика хорошей книгой и нагляднымъ пособіемъ и мало окружить его нравственнымъ уходомъ. Школа принимаетъ на свое попеченіе не одну голову ребенка, но и его тѣло; воспитывать-же одну голову—значитъ творить надъ ребенкомъ величайшее насилие, значитъ направлять его вкривь и вкось. Много поколѣній уже заплатило за непризнаніе педагогикой той истины, что голова имѣетъ свои права, а тѣло—свои. Какъ примирить эти права? Это вопросъ, далеко еще не рѣшенный, но, по крайней мѣрѣ, уже сознается его глубокая важность, и въ настоящее время классная мебель, особенно классные столы, считается одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ школьнаго дѣла. А между тѣмъ г. Деркачевъ въ этомъ важномъ вопросѣ не идетъ дальше пустыхъ техническихъ подробностей, которыя, конечно, совсѣмъ не могутъ быть оцѣнены въ должной степени людьми, для которыхъ написана его книга.

Г. Деркачевъ успѣшилъ сообщить, и то не въпадъ, какая система столовъ лучшая, но онъ ни слова не сказалъ о томъ, почему одинъ классный столъ хорошъ, а другой дуренъ, и почему вообще хорошіе классные столы составляютъ первѣйшую необходимость школы. Въ настоящее время этотъ предметъ такъ хорошо разработанъ, что можно доказать съ математической точностью, что какъ-бы ни были блестящи способности ученика, какъ-бы рационально ни велъ свое дѣло учитель, но одно только правильное устройство классныхъ столовъ, при соблюденіи всѣхъ прочихъ условій, всегда будетъ понижать успѣхи учащихся и ослаблять ихъ умствен-

ныя силы. Мы надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы позволимъ себѣ распространиться по поводу этого краугольного вопроса школьной гигиены, котораго, очевидно, г. Деркачевъ совершенно не понимаетъ.

Если предположимъ, что, за исключеніемъ классныхъ столовъ, внутренняя обстановка школы вполне удовлетворительна по отношенію къ гигиенѣ глазъ, если классъ достаточно освѣщенъ, если нѣтъ большого скопленія учениковъ (что также вліяетъ въ сильной степени на зрѣніе), если шрифтъ школьныхъ учебниковъ и книгъ для чтенія не слишкомъ мелокъ и блѣденъ, то все-таки зрѣніе учениковъ еще не находится въ полной безопасности, пока въ классѣ не стоятъ правильно построенные столы. Замѣчено даже, что чаще всего близорукость и слабость зрѣнія обуславливается плохимъ устройствомъ скамьи. Если доска, на которую кладется тетрадь или книга, слишкомъ возвышена надъ уровнемъ сидѣнья, то ученики, конечно, принуждены сидѣть въ особенномъ положеніи, съ вѣчно наклоненной головой, а отъ этого вѣкъ застаивается въ головѣ и приливаетъ къ глазамъ. Глаза въ первое время приходятъ въ возбужденное состояніе, за которымъ, однако, слѣдуетъ утомленіе глазного нерва и усталость не только глазъ, но и мозга,—другими словами, является такъ строго преслѣдуемая учителями невнимательность къ уроку, нерадѣніе, апатія, лѣнь. Частое повтореніе такихъ приливовъ вызываетъ слабость зрѣнія или близорукость и прямо ведетъ къ развитію въ ученикахъ лѣнноти. Кромѣ того, для яснаго зрѣнія, какъ извѣстно, необходимо, чтобы разсматриваемый предметъ находился на определенномъ разстояніи отъ глазъ, между тѣмъ какъ, при неправильномъ устройствѣ классной скамьи, ученики, наклоняясь къ столу, сильно измѣняютъ разстояніе нормальнаго зрѣнія. Вотъ, слѣдовательно, другая могущественная причина порчи зрѣнія отъ неправильнаго устройства классныхъ столовъ.

Всѣ эти губительныя послѣдствія дурной классной мебели представляютъ собой еще только каплю въ морѣ.

Предположимъ затѣмъ, что школа, желая окружить возможно лучшимъ уходомъ легкія ученика, позаботилась о чистомъ воздухѣ и вентиляціи и сдѣлала все для предотвращенія скопленія относительно большой массы учениковъ въ классѣ. Не трудно доказать, однако, что всѣ эти заботы школы обращаются въ ничто, если классные столы устроены неправильно. Если ученикъ принужденъ постоянно тянуться къ столу и сидѣть въ согнутомъ положеніи, то отъ такого неправильнаго положенія тѣла во время ученія полость легкихъ суживается, самая ткань легкихъ теряетъ упругость и расширяется гораздо менѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ, въ классѣ можетъ быть много чистаго воздуха, но онъ не проникаетъ въ должномъ количествѣ въ легкія, если они сужены. Значить, всѣ старанія школы и всѣ затраты на чистоту воздуха бесплодны и напрасны, если она не позаботится о хорошихъ скамьяхъ. Что-бы ни дѣлала школа для снабженія класса достаточнымъ запасомъ воздуха, но если она не поставила въ

классъ правильно устроенной скамьи, то можно сказать, что она ровно ничего не сдѣлала для этой цѣли. А между тѣмъ дѣятельность школы въ этомъ направленіи должна быть наиболѣе энергична, потому что по-истинѣ неисчислимо зло, которое наносится ребенку школой, недоставляющей легкимъ ученика достаточнаго количества воздуха. Воздухъ есть газообразная пища человѣка, какъ бываетъ пища жидкая и твердая, но тогда какъ всѣ мы понимаемъ, что не поить и не кормить ребенка крайне вредно, мы почти не обращаемъ вниманія на нормальное количество вдыхаемаго воздуха. Наша жизнь какимъ-то образомъ устроена такъ, что въ ней идетъ все наоборотъ, чѣмъ слѣдуетъ. Такъ въ школѣ гораздо болѣе необходимо обиліе воздуха, чѣмъ дома. Доказано, что при умственномъ трудѣ человѣкъ требуетъ вдвое большаго количества воздуха, чѣмъ при физическомъ, между тѣмъ, благодаря дурной классной скамьѣ, ученикъ поглощаетъ за урокомъ воздуха, можетъ быть, вдвое меньше, чѣмъ дома или во время игръ. Нѣкоторые гигиенисты совершенно справедливо приписываютъ недостатку воздуха неправильныя отправленія мозга, вялость мысли, недостаточность вниманія къ словамъ учителя. Понятно также, что лѣность ученика не всегда зависитъ отъ его легкомыслія, но чаще всего порождается нашей собственной лѣностью, небрежностью и невѣжествомъ. Вообще наши школы всегда много требуютъ отъ ученика, но мало даютъ ему; онѣ поступаютъ съ ученикомъ, какъ расчетливый хозяинъ съ своимъ работникомъ, на котораго онъ норовитъ навалить какъ можно больше дѣла и накормить его какъ можно хуже. Самая распространенная болѣзнь между учащимися, зависящая прямо отъ недостатка воздуха и косвенно отъ дурныхъ столовъ, есть малокровіе, болѣзнь тѣмъ болѣе ужасная, что она не возбуждаетъ чувства боли и потому почти не замѣчается. Ребенокъ не кричитъ и не жалуется ни на что, а между тѣмъ его организмъ поставленъ вверхъ дномъ. Ребенокъ постоянно блѣденъ, при нѣсколько сильномъ умственномъ напряженіи страдаетъ головною болью, при физическомъ трудѣ—сердцебиеніемъ и апатіей, которая чередуется съ нервной раздражительностью. Замѣчательно, что до сихъ поръ еще не найдено средствъ для излеченія этой болѣзни, особенно если она привита ребенку съ дѣтства. Итакъ, очевидно, что классный столъ такъ-же вліяетъ на душевныя, какъ и на физическія силы ребенка. Правильно устроенный столъ, вводя въ легкія ребенка достаточное количество воздуха, въ такой-же (если только не въ большей) степени содѣйствуетъ правильному умственному развитію, какъ хорошіе методы обученія, какъ цѣлесообразное наглядное пособіе, какъ книга и слово учителя.

Уходъ за мышцами туловища, рукъ и ногъ, за спиннымъ позвонкомъ и брюшными органами достигается главнымъ образомъ гимнастикой и опять-таки правильнымъ устройствомъ классной скамьи. Въ настоящее время наши педагоги, къ счастью, начинаютъ понемногу сознавать пользу гимнастики. Нужно замѣтить, что у насъ, при крайне плохой организаціи школы, гимнастика гораздо болѣе необходима, чѣмъ гдѣ-бы то ни было на Западѣ.

Гимнастика есть необходимое противоядіе противъ послѣдствій продолжительнаго пребыванія въ школѣ, неподвижнаго сидѣнія на одномъ мѣстѣ, расслабляющаго всю мышечную систему, противъ неправильнаго положенія ногъ и рукъ за столомъ, противъ излишняго обремененія головы умственной пищей, производящей усиленный приливъ крови къ головѣ на счетъ остальныхъ органовъ, и, наконецъ, противъ страшной и сильно распространенной между учащимися болѣзни—искривленія позвоночнаго столба. Но воспитатель, который понадѣялся-бы исключительно на гимнастику, какъ на панацею отъ всѣхъ школьныхъ золъ, впалъ-бы въ заблужденіе. Гимнастика есть только противоядіе, дѣйствительное до тѣхъ поръ, пока отравы не разлилась по всему организму. Гораздо выгоднѣе не доводить организмъ до отравленія, чѣмъ потомъ трудиться, часто безъ всякаго успѣха, цѣлые годы для исцѣленія его недуговъ, а для этого-то прежде всего необходимы цѣлесообразно устроенные классные столы.

Мы уже видѣли, что дурная скамья портитъ глаза и легкія непосредственно, а кривизною вызываетъ лѣнность и вообще ненормальную работу мозга. Но этимъ еще не исчерпываются всѣ послѣдствія дурной скамьи. Тугость пищеваренія отъ неправильнаго положенія конечностей во время сидѣнія, хроническая опухоль щитовидной желѣзы (на шеѣ) отъ согнутаго положенія головы и искривленіе позвоночнаго столба,—вотъ остальные болѣзни, которыя чаще всего прививаются дѣтямъ дурно устроенной, антигигіенической классной скамьей. Старая классная скамья—это по-истинѣ мученическая скамья подсудимыхъ, ожидающихъ смертнаго приговора, это своего рода эшафотъ, на который всходятъ не только лѣнныя, но еще въ большинствѣ числѣ ученики прилежныя. Искривленіе позвоночнаго столба есть спеціальная болѣзнь малолѣтнихъ учащихся, происходящая главнымъ образомъ отъ дурнаго устройства скамьи. На 100 случаевъ этой болѣзни 90 обязаны своимъ происхожденіемъ школѣ (Фарнеръ.) По свидѣтельству ортопедистовъ, болѣзнь эта начинается въ возрастѣ отъ 7—14 лѣтъ, и въ настоящее время причины ея вполне выяснены. Отъ неправильнаго устройства классной скамьи (слишкомъ низкаго сидѣнія, слишкомъ высокой доски, на которой лежитъ книга, а также неправильнаго наклона этой доски) ученики во время письма или рисованія поднимаютъ правое плечо и держатъ его постоянно выше лѣваго, которое опускается книзу, между тѣмъ какъ лѣвая рука плотно прижимается къ туловищу. Отъ этого мышцы правой половины спины, развиваясь на счетъ лѣвой, тянутъ позвоночный столбъ вправо, и такимъ образомъ уже послѣ года или двухъ на позвоночникѣ образуется кривизна, которая часто остается на всю жизнь, если она не излечена до 14 лѣтъ. Независимо отъ такого уродства, искривленіе позвоночника уменьшаетъ дыханіе на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$, т. е. уменьшаетъ количество вдыхаемаго кислорода и, что особенно вредно,—количество выдыхаемой изъ тѣла углекислоты. Это искривленіе также влечетъ за собой

перемѣщеніе легкихъ и сердца на другое мѣсто,—перемѣщеніе, которое разстраиваетъ питаніе всего организма въ невѣроятной степени.

Г. Деркачевъ ничего этого не разъясняетъ, но за то онъ съ мистической таинственностью требуетъ, чтобы сельскимъ учителямъ выдавались хорошіе карманные часы, и чтобы эти учителя, для пользы ученія, непременно задавали дѣтямъ такого рода нелѣпные вопросы: „что значить вырѣзаніе: ломать пальцы, руки?“; „на сколько частей можетъ быть согнуть каждый палецъ?“ Или: „проведите *лежневую* линію“ и т. д. Наглядность обученія онъ доводитъ до абсурда, переищаляя на этомъ поприщѣ всѣхъ Малининныхъ, Бунаковыхъ, Евтушевскихъ. Какъ это всегда бываетъ у педантовъ, сущность нагляднаго обученія упущена изъ виду и все вертится на какихъ-то мелочахъ. Такъ г. Деркачевъ находитъ необходимымъ приобрести для школы въ качествѣ учебныхъ пособій игрушечные комодъ, диванъ, блюдо, кострюли, самоваръ. Далѣе онъ требуетъ, чтобы дѣтямъ рассказывалось, изъ чего готовится кулебяка, уха, супъ. Продолжая въ томъ-же духѣ, г. Деркачевъ договаривается, наконецъ, до того, что надо приобрести „образчики лаптей“ и „образчики галогъ“ (резиновыхъ и кожаныхъ), а сарафанъ, чепчикъ, фракъ, салопъ показать на картинкѣ. Точно также надо, по совѣту г. Деркачева, показать дѣтямъ, и притомъ, замѣтьте, сельскимъ, узду, шлею, дугу, хомутъ и соху. Мы, вѣроятно, очень наскучили-бы читателямъ, если-бъ стали выставять напоказъ всю эту чепуху, отзывающуюся какой-то непріятной и жалостной юродивостью. Перечисливъ всѣ необходимыя, по его мнѣнію, учебныя пособія, г. Деркачевъ сталъ уже просто наполнять свою книгу голыми выписками заглавій учебниковъ и программъ и вклеилъ, неизвѣстно зачѣмъ, статью г. Бунакова. Въ заключеніе онъ приложилъ къ своему курьезному творенію „положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ“, безъ всякой критики и комментариевъ. Такія выписки составляютъ двѣ трети всей книги, состоящей изъ 175 страничекъ, и несмотря на это, г. Деркачевъ даетъ понять въ своемъ предисловіи, что кропаніемъ этой нескладной книжонки онъ понесъ какіе-то тяжелые труды на пользу отечества!

ДѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„Маленькій оборвышъ“. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣла съ англійскаго А. Анненской (для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ.) Спб., 1876. — „До разсвѣта“. Разказы изъ дѣтской жизни Александры Казной. Спб., 1873. — „Новый Плутархъ“. Биографіи замѣчательныхъ людей въ исторіи, литературѣ и искусствѣ. Томъ I. Изданіе О. Бакста. Спб., 1875. — „Родные отголоски“. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, съ рисунками И. Панова, грав. Паннакеромъ. Изданіе Н. Полеваго. Парижъ и Спб., 1875. — „Приключенія Санхо-Панса во время его губернаторства на островѣ Баратарія“. Спб., 1871. — „Харикль“. Сцены изъ жизни древнихъ грековъ. В. А. Беккера. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Спб., 1876. — „Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ“. Съ портретомъ автора, рисунками и картою Африки. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. М. Цебриковой. Спб., 1876. — „Космосъ для юношества“. Составленъ по Керберу и другимъ, подъ редакціею К. Краевича. Спб., 1875. — „Природа и жизнь“. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политипажамъ. Изданіе М. Малышевой и А. Пѣловой. Спб., 1875. — „Въ своемъ кругу“. А. Острогорскаго. Спб., 1875. — „Изъ дальнихъ странъ“. Разказы для дѣтей. Состав. Е. С—та. Москва, 1876. — „Исторія семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ“. Переводъ В. Н. Зыковой. Съ рисунками. Спб., 1875.

I.

Было время, то счастливое и всемъ довольное время, когда дѣтскіе разказы Ишимовой считались единственнымъ источникомъ дѣтской мудрости и нравственности, когда этими сантиментальными разказами, приправленными избитою моралью, зачитывались маменьки и тетеньки, руководившія воспитаніемъ своихъ дѣтей. Теперь едва-ли кто беретъ въ руки книжки Ишимовой даже въ такихъ захолустьяхъ, куда проникаетъ всякая новая и свѣжая мысль десятью годами позже, чѣмъ новляется она въ центрахъ

нашей интеллигентной жизни. Да, время Ишимовой прошло и, кажется, безвозвратно; идеалы ея нравственного и умственного міровозрѣнія, отзывавшіеся нѣсколько крѣпостными привычками добраго стараго времени, смѣнились другими задачами общественнаго развитія. Мы поняли, наконецъ, что, за неизбѣннѣмъ готовыхъ оброковъ, намъ неудобно оставаться при старыхъ идеалахъ и необходимо поближе стать къ жизни, къ которой призвала насъ эпоха общественныхъ преобразованій. Въ тревожной практикѣ настоящаго мы видѣли для себя много дѣла, но еще больше находили мы его въ будущемъ для нашихъ дѣтей, и тогда-то всѣ лучшіе педагоги и наиболѣе разумные родители обратились къ тому трезвому реальному направленію, которое, какъ въ литературѣ вообще, такъ и въ дѣтскихъ книжкахъ въ особенности, сдѣлалось господствующимъ. Естественныя науки получили право гражданства даже въ скромной области педагогическихъ курсовъ. Вѣроятно, еще многіе изъ насъ помнятъ ту цвѣтущую эпоху нашей крѣпостной *благовоспитанности*, когда восемнадцати-лѣтней дѣвушкѣ считалось крайне неприличнымъ взять въ руки руководство по фізіологіи или ознакомиться съ такимъ *матеріальнымъ* предметомъ, какъ строеніе человѣческаго тѣла. Мы не говоримъ, чтобы защитники такой благовоспитанности совершенно исчезли; напротивъ, ихъ еще много, но не имъ принадлежитъ господствующая роль и не на ихъ сторонѣ неотразимое вѣяніе времени...

Наблюдательный читатель не могъ не замѣтить, что изъ году въ годъ дѣтская литература продолжаетъ обогащаться книжками исключительно естественно-историческаго содержанія, въ которыхъ пересказано рѣшительно все, что только содержитъ въ себѣ замѣчательнаго естественная исторія. И въ этомъ отношеніи мы могли бы похвалиться необыкновеннымъ богатствомъ, если-бъ это богатство не было мертвымъ, а мертво оно потому, что крайне однообразно. Однообразіе естественно-историческаго направленія дошло до того, что во многихъ книжкахъ вы встрѣтите рѣшительно одно и тоже и въ сотый разъ будете перечитывать описаніе однихъ и тѣхъ-же животныхъ, изображеніе однихъ и тѣхъ-же явленій природы, сообщеніе однихъ и тѣхъ-же фактовъ съ одними и тѣми-же выводами. Если такое направленіе дѣтской литературы можетъ быть названо реальнымъ, то не слѣдуетъ, однако, забывать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло

съ весьма фальшивымъ, безплотнымъ, идеальнымъ реализмомъ, который такъ-же мало уясняетъ подрастающему поколѣнію дѣйствительный смыслъ жизни, какъ и абсолютные идеалы добраго стараго времени. Ознакомить ребенка съ природой — еще не значитъ облегчить для него разумное отношеніе къ тѣмъ жизненнымъ явленіямъ, которыя встрѣтятъ его, въ періодъ его зрѣлости, за порогомъ школы и которыя дадутъ его дальнѣйшему существованію то или другое содержаніе, — содержаніе, неимѣющее ничего общаго съ тѣми книжками, которыя ему пришлось перечитать. Изъ-за лѣса не видно деревьевъ, говоритъ нѣмецкая пословица; изъ-за природы-же, съ которой знакомитъ ребенка наша мертвая дѣтская литература, не видно человѣческой личности въ ея общественныхъ тревоженіяхъ. Въ этомъ-то и заключается вредная односторонность отвлеченнаго реализма современной дѣтской литературы. Вся бѣда въ томъ, что мы еще не сознали потребности освѣжить дѣтскую литературу широкой струей общественныхъ мотивовъ и позволяемъ въ дѣтскихъ журналахъ и въ дѣтскихъ книжкахъ спокойно царить тому отжившему направленію, въ которое мы сами потеряли уже вѣру и отъ котораго давно перестали ждать отвѣта на непосредственные и животрепещущіе вопросы жизни. Происходить же это вслѣдствіе того страннаго и упornaго недоразумѣнія, подъ вліяніемъ котораго установилась какая-то своеобразная мѣрка потребностей дѣтскаго ума, подъ которую подгоняется все, что негодно служить пищей уму взрослому и не представляетъ для него ни малѣйшаго интереса. Этотъ своеобразный взглядъ, въ силу котораго дѣтская литература должна будто-бы касаться совсѣмъ иныхъ вопросовъ, чѣмъ литература взрослыхъ, составляетъ главную причину ея безцвѣтности и худосочія. Взглядъ этотъ, между прочимъ, поддерживается глубокимъ заблужденіемъ современной педагогической системы и особенно вліяніемъ мертвящаго идеализма нѣмецкой школы, которая изъ всѣхъ силъ старается воспитать въ ребенкѣ космополитическую человѣчность, а между тѣмъ забываетъ подготовить его къ его ближайшимъ будущимъ гражданскимъ обязанностямъ. Во всякомъ случаѣ, ясно, что наша претензія воспитать ребенка для жизни смѣшна, пока мы не займемся предъ нимъ ни однимъ словомъ объ общественномъ положеніи человѣка. Когда общество гонялось за естественными науками, вѣ-

руя съ дѣтскимъ одушевленіемъ въ ихъ всеисцѣляющую силу, дѣтская литература была переполнена естествознаніемъ и, такимъ образомъ, вполне совпадала съ литературой взрослыхъ, какъ прежде она совпадала по преобладавшему въ ней характеру абсолютныхъ идеаловъ съ однородной ей литературой 40 годовъ. Но теперь общество поняло, что однѣхъ естественныхъ наукъ еще мало для уясненія жизни въ ея общественно-соціальной полнотѣ. Отчего-же, спрашивается, дѣтская литература на этотъ разъ не совпадаетъ съ господствующими идеалами литературы взрослыхъ? По какому праву мы отбрасываемъ дѣтей за черту истинно-реальной, т.-е. общественной жизни, почему мы держимъ ихъ въ сообществѣ разныхъ алигаторовъ, акулъ, слоновъ, леопардовъ, и не вводимъ ихъ въ живое сообщество людей? Почему мы забываемъ, что когда-нибудь и въ ихъ дверь постучится суровая нужда болѣе осмысленной дѣятельности, передъ которой оказались такими жалкими карликами ихъ отцы? Вотъ вопросы, на которые ни одинъ современный педагогъ не сумѣетъ отвѣтить иначе, какъ стереотипной фразой: до всего этого ребенокъ еще не доросъ. Но, конечно, такъ-же точно отвѣчали и тому реформатору, который впервые предложилъ замѣнить назидательныя повѣсти Ишимовой естественно-историческими рассказами о явленіяхъ природы. Если, однако, ребенокъ до чего-либо доросъ, такъ это именно до пониманія общественной жизни, потому что онъ самъ живетъ этой жизнью и маленький міръ его гражданственности сложился изъ тѣхъ-же элементовъ, какъ и наша широкая общественность. Не ребенокъ не доросъ, но мы не умѣемъ во время отбрасывать въ сторону отжившіе идеалы, стремясь по свойственной нашему интеллекту инертности опочить на какомъ-нибудь случайномъ принципѣ, какъ на вѣчной и непреложной истинѣ.

II.

Какъ далеки наши педагоги и составители дѣтскихъ книжекъ отъ пониманія истинныхъ задачъ дѣтской литературы, читатель можетъ судить по тому упорству, съ которымъ они устраняютъ въ своихъ произведеніяхъ элементъ общественнаго воспитанія. Изъ

12 дѣтскихъ книжекъ, избранныхъ нами для характеристики дѣтской литературы, только двѣ или, собственно говоря, только одна, за совершенной бездарностью автора второй, стремится ввести ребенка въ простой и близкій ему мiръ житейскихъ отношенiй. Мы говоримъ о прелестномъ романѣ Джамса Гринвуда „Маленькiй оборвышъ“, передѣланномъ съ англiйскаго г-жей Анненской, — передѣланномъ такъ удачно, добросовѣстно и съ такимъ знанiемъ дѣла. Мы можемъ смѣло сказать, что за послѣднiе годы не было дѣтской книги, которая соединяла-бы въ себѣ столько жизненной красоты, столько свѣжаго чувства, здоровой поэзи и серьезной мысли. Нѣтъ сомнѣнiя, что мысли и чувства большинства нашихъ дѣтей рѣдко обращаются въ ту сторону, куда направляетъ ихъ талантливый авторъ „Маленькаго оборвыша“. При нашей необыкновенной социальной розни, наши дѣти, какъ и отцы ихъ, знаютъ только самихъ себя и своихъ родителей. Они живутъ въ разѣ отгнѣренныхъ имъ границахъ родительскаго дома, подъ всевозможными опеками системъ, наставленiй, ухода, не предчувствуя, что тамъ, внѣ ихъ крошечнаго муравейника, копошится громаднiй мiръ такихъ-же существъ, какъ и они. Оттого-то, что у насъ не практикуется съ дѣтскаго возраста сближенiе между различными общественными положенiями, состоянiями и рангами, такъ крѣпка и непреодолима обособленность, наше бездушное, эгоистическое „себѣ на умѣ“, оттого-то каждый изъ насъ носитъ всю жизнь съ собою кусочекъ собственной атмосферы и собственной почвы, съ которой онъ не умѣетъ встать на почву интересовъ другого, и оттого-то сынъ какихъ-нибудь богатыхъ родителей, выросши и сохранивши въ себѣ нѣкоторый слѣдъ добрыхъ наставленiй, чувство человѣчности, непремѣнно норовитъ взглянуть на встрѣтившагося ему бѣдняка своимъ покровительственнымъ и филантропическимъ окомъ. Иначе онъ и не можетъ взглянуть, потому что воспитанное въ немъ я итѣшаетъ его смотрѣть на него, какъ на равное ему существо. Въ этомъ отношенiи великимъ урокомъ общественности послужитъ дѣтямъ та незатѣйливая, но трогательная и правдивая драма, которую они шагъ за шагомъ переживаютъ вмѣстѣ съ „маленькимъ оборвышемъ“. Авторъ нечувствительно старается завязать симпатiю между своимъ „маленькимъ оборванцемъ“ и читателемъ, который, отдавшись пер-

вому чувству расположенія къ своему герою, постепенно вовлекается въ перипетіи его жизни и затѣмъ чувствуетъ себя уже не въ силахъ оторваться отъ него, когда этотъ оборвышъ, вслѣдствіе сцѣпленія различныхъ обстоятельствъ, дѣлается бродягой и воришкой самаго низшаго разбора. По всей вѣроятности, романъ Гринвуда бытъ-бы болѣе понятенъ для англійскихъ дѣтей, такъ-какъ содержаніе его цѣликомъ выхвачено изъ лондонской жизни, но эпизодъ этотъ легко могъ-бы произойти и у насъ; притомъ-же онъ рассказанъ съ такой художественной простотой и такъ естественно, что не можетъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на каждого ребенка, къ какой-бы національности онъ ни принадлежалъ. Представьте себѣ глухой лондонскій переулокъ, гдѣ пріютилась бездомная, голодающая нищета и гдѣ все дышетъ патриархальной простотой. Здѣсь родился маленькій оборвышъ и провелъ первые годы своего дѣтства. У него была добрая, любящая мать и подавленный тяжелымъ трудомъ отецъ, который подъ пьяную руку колотилъ съ тупымъ озлобленіемъ свою жену, но скоро лишенъ былъ и этого удовольствія, потому что, наконецъ, она умерла. Маленькій оборвышъ осиротѣлъ на первое время, но судьба скоро послала ему мачиху въ образѣ злой вдовы-ирландки, съумѣвшей вкратъ въ довѣріе отца и женить его на себѣ. Съ тѣхъ поръ начались для оборвыша черные дни. Онъ былъ совершенно обыкновеннымъ ребенкомъ, безъ всякихъ дурныхъ задатковъ, напротивъ, съ добрымъ сердцемъ, и не прибѣгалъ даже къ „невинной“ дѣтской лжи. Когда ирландка, для пріобрѣтенія себѣ симпатіи отца оборвыша, привела ему въ доказательство своего трудолюбія 4 сшитыхъ ею въ одинъ день мѣшка, маленькій оборвышъ, находившійся постоянно въ ея сообществѣ, мужественно протестовалъ противъ ея лжи, но злобный взглядъ ирландки подавилъ этотъ протестъ въ зародышѣ, и маленький оборвышъ, имѣвшій много основаній бояться мести своей будущей мачихи, подтвердилъ въ концѣ-концовъ ея хитрую выдумку, прельстившую отца до такой степени, что онъ рѣшился жениться на ирландкѣ. „Это была моя первая ложь, говоритъ оборвышъ, — и она привела къ очень грустнымъ послѣдствіямъ“. Съ тѣхъ поръ оборвышу не было житья въ домѣ, и однажды, безчеловѣчно избитый своей мачихой, которая, вѣроятно, такъ-же смотрѣла на воспита-

тельное значеніе булака, какъ кавалеръ почетнаго легіона Кроненбергъ и chevalier нашей адвокатуры г. Спасовичъ,—безпощадно избитый ребенокъ рѣшился бѣжать, куда глаза глядятъ. Скоро Лондонъ принялъ его въ свои желѣзныя объятія и затанулъ его въ свою роковую, страшную сѣть. Менѣе даровитый авторъ, чѣмъ Джемсъ Гринвудъ, по всей вѣроятности, счелъ-бы долгомъ надѣлать каждый порочный шагъ своего героя назидательными причитаніями. Нашъ-же авторъ совсѣмъ не нуждался въ нихъ, потому что его задача состояла только въ томъ, чтобы заставить своихъ читателей пережить несчастія своего героя. Наши воспитатели очень любятъ внушать дѣтямъ отвращеніе къ пороку,—это конекъ, на которомъ умѣетъ ѣздить каждая маменька и каждый папенька, но при этомъ нерѣдко мы такъ усердно бичуемъ порока, что незамѣтно и безсознательно хлещемъ и ту человѣческую личность, которая служитъ его орудіемъ. Ребенокъ дѣйствительно научается отвращенію къ пороку въ буквальномъ смыслѣ, т. е. онъ отворачивается отъ него, если онъ рѣзко бросается ему въ глаза убогими рубищами. Руководясь вѣрнымъ чувствомъ, авторъ избѣгалъ внушать дѣтямъ инстинкты столь сомнительной чистоты. Когда маленькій оборвышъ рѣшается, наконецъ, опустить свою дрожащую дѣтскую руку въ чужой карманъ, вы глубоко страдаете за него, вамъ больно, и невольный ужасъ прокрадывается въ вашу душу за нравственное паденіе мальчика, который такъ недавно еще внушалъ къ себѣ глубокую симпатію, но который на вашихъ-же глазахъ съ неумолимой постепенностью скатывался въ пропасть, пока, наконецъ, не очутился на самой глубинѣ ея, не то совсѣмъ неожиданно для васъ, не то по какому-то роковому, на первый разъ смутно понимаемому вами, сдѣвленію событій. Когда, наконецъ, совершилось полное нравственное паденіе мальчика, жизнь маленькаго оборвыша быстро потекла обычнымъ порядкомъ уличныхъ воровъ, и вамъ остается только слѣдить за нимъ съ безпомощнымъ участіемъ нѣмой скорби и безсильнаго отчаянія.

Намъ пришло какъ-то слышать, что романъ Гринвуда оставляетъ послѣ себя слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, которое едва ли подъ силу дѣтямъ переработать въ какое-либо активное стремленіе и доброе чувство. Это справедливо только отчасти. Романъ Гринвуда дѣйствительно производитъ сильное и, если угодно, та-

желое впечатлѣніе, но если это такъ, тѣмъ лучше. Пусть знаютъ дѣти, что жизнь не шутитъ и что кромѣ дѣтскихъ игръ и забавъ существуютъ еще дѣтскія страданія, столь-же достойныя занять ихъ вниманіе. Чѣмъ болѣе глубокой слѣдъ оставитъ въ душѣ ребенка чтеніе романа Гринвуда, тѣмъ скорѣе войдетъ прочитанное въ плоть и кровь его. Авторъ, кажется, самъ раздѣляетъ до нѣкоторой степени вышеприведенное замѣчаніе, потому что онъ успѣшилъ заключить свой романъ розовымъ финаломъ, исполненнымъ, однако, какой-то дѣланности. За преступленіемъ у него слѣдуетъ искушеніе, за страданіями — полное нравственное успокоеніе, безмятежная жизнь и даже богатство. Если авторъ описывалъ не какой-либо исключительный эпизодъ, а изображалъ типическую картину англійской общественности, то, конечно, онъ сильно уклонился отъ истины, заключивъ свой романъ весеннимъ праздникомъ. Во всякомъ случаѣ, романъ Гринвуда не имѣетъ и тѣни той натянутой жи и холодной искусственности, которыми отличаются заурядныя дѣтскія книжки.

Къ разряду такихъ заурядныхъ книжонокъ относится парниковое произведеніе — „До Разсвѣта“ г-жи Казиной. Г-жа Казина задумала испробовать свои силы на дѣтскихъ рассказахъ общественнаго содержанія — намѣреніе прекрасное и достойное всякаго сочувствія въ виду мертвой односторонности современной дѣтской литературы. Къ сожалѣнію, рассказы г-жи Казиной — неудачная проба пера; ей не удалось высказать ни одной здоровой мысли, и мы думаемъ, что ея твореніе просто вызоветъ въ ребятахъ непочтительный къ автору хохотъ. Ея рассказы предназначены для дѣтей достаточныхъ и богатыхъ родителей и имѣютъ цѣлью искорененіе въ дѣтахъ тщеславія и внушенія имъ любви и уваженія къ труду. Изъ трехъ рассказовъ г-жи Казиной самый замѣчательный: „Сильное средство“. Жила богатая аристократическая семья, въ тяжелой нравственной атмосферѣ которой воспитывались дѣти подъ руководствомъ французенки-гувернантки, наставлявшей ихъ лишь въ правилахъ великосвѣтскаго приличія и этикета. Мать этихъ дѣтей по какимъ-то причинамъ долгое время жила внѣ семьи, за-границей, съ одной изъ своихъ дочерей. Она вернулась къ своему родному очагу и, въ ужасу своему, замѣтила, что ядъ тщеславія глубоко проникъ въ вены сердца горячо любимыхъ ею дѣтей. Это сильно огор-

чало ее, она пробовала исправлять то Соню, то Колю укорительными взглядами, стыдила ихъ, старалась разжалобить чувствительными рассказами, но, увы! ничто не разубѣждало дѣтей, что они занимаютъ въ свѣтѣ привилегированное положеніе и что дѣти какихъ-нибудь бѣдняковъ-сосѣдей совсѣмъ не чета имъ. Тогда-то мати вдохновляется рѣшимостью прибѣгнуть къ „сильному средству“. Она приходитъ къ убѣжденію, что необходимо вырвать дѣтей изъ той растлѣвающей обстановки, гдѣ они не видятъ ничего, кромѣ даромъ доставшагося комфорта, роскоши, вѣчныхъ ухаживаній за собой, — вырвать, конечно, на-время, и также на-время повергнуть ихъ въ *нѣкоторую* нищету, изъ которой они, по замыслу хитроумной мамашы, должны выбиться собственными усиліями. Принявъ такое рѣшеніе, мамаша привела его въ исполненіе съ тѣмъ большей легкостью, что въ этомъ помогала ей сама природа. Неподалеку отъ имѣнія, гдѣ жила эта странная семья, протекала рѣчка, а на этой рѣчкѣ былъ необитаемый островъ, а на этомъ островѣ стояла избушка. Сюда-то и вздумала переселиться мамаша для исправленія своихъ малолѣтнихъ преступниковъ. Однажды, отправившись гулять съ своими дѣтьми, мамаша нечаянно приблизилась къ рѣчкѣ, нечаянно сѣла въ рыбацью лодку, которая поплыла къ острову и, высадивши туда экипажъ, уплыла обратно. Дѣти съ мамашей остались на островѣ, и хотя сначала новая мѣстность ихъ очень забавляла, но, спустя нѣкоторое время, они начали трусить за свои желудки и за все свое будущее существованіе. Скрѣпя сердце, расположились они на ночь въ избушкѣ, а на утро явился въ первый разъ въ ихъ жизни страшный вопросъ: „что мы будемъ ѣсть?“ Но раздвинулись горы и... выпрыгнула мышь, какъ говоритъ Горацій. Оказалось, что мамаша нечаянно захватила съ собой огромный сак-вояжъ и нечаянно вложила туда нѣсколько жареныхъ курицъ, булокъ, чаю, сахару и не забыла даже либиховскаго бульона (sic!). Непонятно, отчего не пришло въ голову этой изобрѣтательной мамашѣ объяснить своимъ дѣтямъ, что жаренныя курицы сами вскочили въ сак-вояжъ, а либиховскаго бульона она набрала въ лѣсу. Это было-бы совершенно въ духѣ всей этой глупой исторіи. Когда дѣти истребили всѣ плоды нечаянной предусмотрительности мамашы, тогда-то, казалось, начнутся для нихъ славные дни робинзоновской

борьбы за существованіе. Однако, сходство между ними и Робинзономъ ограничилось тѣмъ, что они нашли возу, которую яко-бы нужно было приручать, такъ-какъ она не совсѣмъ охотно давала себя доить. Да, Робинзонъ, конечно, умеръ-бы съ тоски, если-бъ онъ нашелъ на своемъ необитаемомъ островѣ тѣ колючие окорока, которые обрѣтены мамашей и дѣтьми въ избушкѣ; эта крупа, мука, соль, свѣчи, холстъ, мыло, найденные въ той-же избушкѣ, отравили-бы его существованіе и ему ничего не оставалось-бы, какъ броситься съ своей скалы въ море. Но наша счастливая семья не бросилась въ рѣчку, а счастливо прожила на островѣ втеченіи нѣсколькихъ недѣль, укрѣпившись, вѣроятно, еще болѣе, чѣмъ прежде, въ томъ убѣжденіи, что дѣти богатыхъ родителей, что-бы ни случилось съ ними, никогда не узнаютъ презрѣнной и голодной нищеты. Въ одинъ прекрасный день къ острову нечаянно подѣхала лодка и, наконецъ, освободила его дѣвственную почву отъ наивныхъ посѣтителей. Урокъ конченъ. Изъ ветхой избушки дѣти очутились опять въ кругу нянекъ, окруженныя ихъ предупредительнымъ уходомъ, они стали спать на мягкихъ постеляхъ, одѣваться по послѣдней модѣ и презрительно сторониться отъ своихъ крестьянскихъ сверстниковъ, осмотрѣвшись предварительно вокругъ себя, наблюдаетъ-ли за ними мамаша, готовая, пожалуй, сочинить имъ какой-нибудь новый скандалъ, если только первый скандалъ не истощилъ всю ея изобрѣтательность и весь запасъ ея нечаянностей. Недаромъ и повѣсть вся называется: „Сильное средство“: Да, сильное средство, родившееся въ безсильной головѣ; пудовая гиря, поднятая младенческимъ мизинцемъ! Г-жа Казина вполне удовлетворена дѣйствительностью своего рецепта. „Дѣти были веселы (т. е. въ своемъ прежнемъ жилищѣ), припоминали все прошлое, и это прошлое было имъ пріятно. Глубокое счастье свѣтилось въ глазахъ мамы, и взглядъ ея съ доврчивостью и любовью останавливался на дѣтяхъ. Должно быть, опытъ былъ удаченъ“ (стр. 165.) Ну, конечно! Мы удивляемся, что до сихъ поръ г-жа Казина не практикуетъ своего сильнаго средства и не заведетъ чего-либо въ родѣ нравственно-воспитательнаго заведенія, надъ дверями котораго она могла-бы написать: „Лечение тщеславія посредствомъ колючихъ окороковъ и либиховскаго бульона“.

Ахъ, читатель, мы попали въ просакъ! теперь только мы догадались, что разобранная нами повѣсть не подлежала никакому разбору. Г-жа Казина не предлагала никакого рецепта и не производила никакихъ опытовъ; она, просто, пошутила. Вообразите, ея повѣсть предназначена для дѣтей. Дѣтямъ она говорить: вотъ какіе опыты продѣлываютъ съ вами ваши родители, знайте это впередъ и не попадайтесь на крючекъ ихъ удочки. Такимъ образомъ, все это обращается въ водевильную шутку, надъ которой дѣти искренно похочутъ и вслѣдствіе которой они могутъ только перестать гулять съ своими родителями, изъ боязни очутиться нечаянно на какомъ-нибудь необитаемомъ островѣ. Вотъ практической и самый вѣроятный эффектъ дѣтскаго произведенія г-жи Казинной.

Если ваши дѣти, читатель, будутъ слишкомъ громко хохотать надъ выдумками г-жи Казинной, подсуньте имъ „Новаго Плутарха“ г. Бакста, и они спокойно заснутъ. Запомните, что это „Новый Плутархъ“ и ни въ какомъ случаѣ не смѣшивайте его съ старымъ. Разница между ними та, что старый Плутархъ сперва родился, а потомъ умеръ, тогда-какъ новый Плутархъ сперва умеръ, а потомъ родился. Не удивляйтесь этому, потому что это всегда случается съ нѣмецкими геллертами; ихъ головы—гробы, въ которыхъ покоятся множество мертвыхъ мыслей и множество мертвыхъ фигуръ съ провалившимися щеками, скучно-длинныхъ и сухихъ. Г. Бакстъ увѣряетъ насъ, что его книга даетъ рядъ историческихкихъ портретовъ, но мы нашли въ ней не историческіе портреты, а 4 историческихкихъ препарата, засушенныхъ съ такимъ искусствомъ, какъ-будто на нихъ никогда и не было живого мяса и теплой крови.

Эти почтенные геллерты, изливая капля-за-каплей свою водянистую критику на головы Кромвеля, Вольтера, Лютера, Генриха IV, счумѣли обезобразить даже эти колоссальныя фигуры и скрыть ихъ грандіозный обликъ въ какомъ-то туманномъ словоизверженіи. Зачѣмъ было переносить на нашу почву этотъ неуклюжій памятникъ нѣмецкаго искусства? Не понимаемъ, хотя мы и углублялись въ предисловіе издателя, гдѣ между прочимъ говорится: „Жизнь великихъ людей изображаетъ *биографія*,—одна изъ важнѣйшихъ (это что за новость?) и занимательнѣйшихъ формъ историче-

скаго изложенія. Она придаетъ исторіографіи личную жизнь (*вотъ это-то и худо, потому что ложно*), плоть и кровь, и въ законченной формѣ можетъ получить значеніе художественнаго произведенія. Разработка біографіи, безспорно, можетъ вліять на развитіе историческаго стиля вообще“. Что за смыслъ въ послѣдней фразѣ — трудно отгадать, потому что, кажется, въ ней не обрѣтается никакого смысла. Г. Бакстъ не побрезгалъ, однако, этимъ предисловіемъ, потому что оно написано, видите-ли, извѣстнѣмъ нѣмецкимъ писателемъ — Рудольфомъ Готшалемъ. Извѣстный нѣмецкій писатель сказалъ, однако, извѣстную дичь, утверждая, что исторія имѣетъ характеръ личной жизни, и въ особенности исторія новая, откуда преимущественно и будутъ извлекаться (какъ гласитъ предисловіе) матеріалы для біографій. Лучшіе умы уже оставили эту узкую точку зрѣнія на исторію, и теперь мы знаемъ, что каждый изъ этихъ великихъ реформаторовъ и геніевъ — не болѣе, какъ орудіе въ рукахъ народа, та палка, на которую онъ опирается и по временамъ расчищаетъ ея путь къ своему прогресу. Русскій переводъ „Новаго Плутарха“ совсѣмъ неудаченъ; онъ тяжелъ и, читая его дубовые, чисто-нѣмецкіе періоды, точно пробираешься по кочкамъ и рытвинамъ. Въ этомъ переводѣ встрѣчаются, напр., выраженія: „досалѣшняя“ жизнь (стр. 17), или: „Наварра была одолжена своимъ происхожденіемъ борьбѣ укрывшихся въ Пиренеяхъ вест-готовъ съ арабами. но раздѣлы рано ослабили ее“ (т. е. борьбу). Не мало и такихъ образчиковъ нѣмецкаго краснорѣчія, какъ, напр., слѣдующій: „Ревностною покровительницею протестантизма во Франціи и защитницею послѣдователей новаго ученія, большею частью преслѣдовавшихся ея (кого?) братомъ королемъ, Маргарита сдѣлалась скороѣ изъ склонности...“ и т. д. Скоро-ли у насъ переведутся безграмотные переводчики?

III.

Въ лѣсахъ нашей дѣтской литературы водится, какъ извѣстно, не мало дичи, но если вамъ вздумается какъ-нибудь, читатель, угостить своихъ дѣтей дорогою дичью, то можете приподнести имъ „Родные отголоски“ г. Н. Полеваго. Это очень важная и

рѣдкая птица, читатель; о ней говорили и трубили, когда газетные репортеры едва только почуяли въ воздухѣ запахъ этой дичи, ее возили обчищать изъ Петербурга въ Парижъ, гдѣ каждая изъ звѣздъ искусства ткнула въ нее пальцемъ и откуда, наконецъ, привезли ее въ родные лѣса, чтобы повѣсить на елѣхъ.

Какъ могли попасть „Родные отголоски“ г. Н. Полеваго въ книжные магазины, — это для насъ неразъяснимая загадка. Книгу эту могла вывѣсить у себя контора типографіи, какъ образецъ чистаго шрифта, она можетъ найти мѣсто въ переплетной, чтобы каждый могъ видѣть, какъ слѣдуетъ переплетать книги, ихъ естественно также встрѣтитъ у гравера, художника и въ бумажной лавкѣ. И если сложить вмѣстѣ всѣ эти внѣшнія достоинства, всѣ эти путешествія книги изъ Петербурга въ Парижъ и обратно, то невольно начинаешь думать, что, вѣроятно, богатство внутренняго содержанія требовало такой роскошной внѣшности изданія. Иначе къ чему-же всѣ эти переѣзды русскаго шрифта въ парижскія типографіи, эти гравюры, сатинированная бумага, изящныя виньетки и т. д.? Но г. Полевой думаетъ не такъ; какъ ловкій спекуляторъ на двѣтскія книжки, онъ очень хорошо знаетъ, что въ глазахъ неразборчивой публики внѣшній блескъ, прикрывающій внутреннюю пустоту, имѣетъ свое значеніе, и на эту удочку легко идетъ всякая рыба... Положимъ, что не онъ одинъ ловитъ въ мутной водѣ, но такъ ловитъ, какъ онъ, едва-ли кто умѣетъ. Это настоящій ловець, который рано или поздно превзойдетъ самого Маврикія Вольфа. Но не думайте, чтобы г. Полевой не понималъ, что назначеніе каждой вещи опредѣляется не случайными, а постоянными ея свойствами, съ потерю которыхъ вещь теряетъ всякій смыслъ. Не трудно доказать, что у г. Полеваго внѣшность изданія, т.-е. переплетъ, бумага и т. д., присуща самому изданію, а содержимое есть случайное качество. Отнимемъ переплетъ, отнимемъ рисунки, отнимемъ бумагу, — остается набранный шрифтъ, отнимемъ набранный шрифтъ — и тогда обыкновенно остается еще собственная голова автора, а въ ней его собственные мысли. Между тѣмъ у г. Полеваго, послѣ такой анатомической секціи, не только не остается въ головѣ собственного плюса, но получается еще менѣе, чѣмъ ничего, — минусъ — грустная эмблема долгового обязательства. Когда г. Полевой придумалъ переплетъ для своей книги, *изобрѣлъ* бумагу, на

которой ему нужно было печатать, выбралъ шрифтъ, тогда дѣло на минуту остановилось за сущими пустяками: а что печатать? Нужно было вкленить въ изданіе картинки, слѣдовательно, очевидно, печатать нужно стихи. Какіе? Это рѣшительно все равно, лишь-бы это было не свое, все-же остальное — чистая случайность. И г. Полевой дѣйствительно выбираетъ содержаніе для своей книги совершенно случайно: онъ беретъ стихи, которые почти всѣмъ извѣстны, всякій можетъ прочесть ихъ въ хрестоматіяхъ, во всевозможныхъ сборникахъ, въ отдѣльныхъ собраніяхъ сочиненій каждаго поэта, и больше рѣшительно они никому не нужны. Очевидно, содержаніе для него вещь случайная: что подвернулось подъ руку, то и бери. Экономистами давно замѣчено, что съ возрастаніемъ нищеты усиливается посягательство на чужую собственность. Въ нашей литературѣ замѣчается съ нѣкоторыхъ поръ вполне аналогичное явленіе. Умственная наша бѣдность въ послѣднее время породила литературный паразитизмъ: явилось множество такихъ издателей, которые спиваютъ чужія мысли и слова въ отдѣльныя книжки, украшаютъ ихъ гравюрами, красивыми переплетами и пускаютъ въ свѣтъ подъ разными, болѣе или менѣе, заманчивыми заглавіями. Въ этомъ отношеніи безцеремонность доходитъ иногда до цинизма. Такъ, напр., г. Минаевъ, незнающій не только итальянскаго, но и никакого иностраннаго языка, переводитъ для г. Вольфа Данта, и издатель эту стихотворную окрошку снабжаетъ великолѣпными гравюрами Доре и даритъ своимъ изданіемъ русскую публику — за 25 р. экземпляръ. Другіе дѣйствуютъ еще развязнѣе, опустошая и живыхъ, и мертвыхъ авторовъ, — мертвые даже кажутся имъ вкуснѣе, ибо они не кушаются. Вы изготовите себѣ трудовую трапезу, а г. Гербель ее съѣстъ подъ соусомъ хрестоматіи и проситъ даже васъ, чтобы вы его поблагодарили. Если г. Гербель какъ-нибудь зазѣвается, то г. Полевой тутъ какъ тутъ съ своей ложкой. Замѣчательно, что эти счастливыя птицы небесныя живутъ припѣваючи; онѣ не сѣютъ и не жнутъ, но кушаютъ на чужой счетъ очень обильно. Они не только не смущаются своимъ положеніемъ, но ожидаютъ отъ васъ-же рукоплесканій за свои „опыты“. „Въ какой степени удаченъ мой новый опытъ (если не ошибаемся, это уже старый опытъ, г. Полевой, ибо изданныя вами народныя сказки также не принадлежатъ

вамъ) — предоставляю судить любителямъ изящнаго. Что-же касается меня, то я, признаюсь, совершенно спокойно ожидаю отзывъ о моемъ изданіи: я сдѣлалъ все, что въ настоящее время позволяли мнѣ выполнить мои силы и средства. Кто можетъ сдѣлать лучше — тому я уступаю дорогу...“ Нѣтъ, ужъ лучше идите одни, г. Полевой, по этой дорогѣ, и пусть „любители изящнаго“ рукоплещутъ вамъ. Мы можемъ только увѣрить съ своей стороны г. Полеваго, что такого рода „изящное“ и такіе „опыты“ не подлежатъ литературной экспертизѣ и разбираются совершенно другою инстанціей.

Если вашъ умъ, читатель, остается неудовлетвореннымъ „Родными отголосками“ г. Полеваго, то за то васъ должна вполнѣ удовлетворять прекрасная бумага и нарядный переплетъ. Умъ вашъ останется неудовлетвореннымъ, во-первыхъ, потому, что въ „Родныхъ отголоскахъ“ вы увидите столь близкое и столь хорошо знакомое вамъ, какъ-будто-бы это была ваша собственность, которую г. Полевой у васъ-же похитилъ и вамъ-же продаетъ ее. Но если-бъ онъ вамъ возвратилъ вашу собственность въ своемъ видѣ, это-бы еще куда ни шло. Но г. Полевой раздробилъ ее на маленькіе кусочки и склеилъ ихъ по-своему, представивъ къ концу начало, къ головѣ ноги, къ лицу хвостъ. Получилось нѣчто крайне безобразное. Каждый поэтъ отдаетъ кусочекъ своей поэзіи сосѣду и самъ принимаетъ отъ него что-то совершенно чуждое себѣ. Стихотвореніе, которое правилось вамъ въ цѣльномъ собраніи сочиненій извѣстнаго автора, дѣлается просто невыносимымъ, поставленное въ связи съ стихотвореніемъ, рядомъ съ которымъ вы его никогда не привыкли видѣть. Можно представить себѣ, какая окрошка должна была получиться изъ стихотвореній, распределенныхъ на основаніи метеорологіи. У г. Полеваго стихотворенія расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ смѣняются времена года. Сначала все идутъ стихотворенія насчетъ весны, потомъ насчетъ лѣта, осени и, наконецъ, зимы. Нѣсколько въ туманѣ оставлена только осень, что и понятно, такъ-какъ поэты никогда не любили осени и давно нашли, что созерцаніе ея красотъ нерѣдко отравляется прозой возмутительныхъ насморковъ и флюсовъ.

Но раскроемъ, однако, „Отголоски“ г. Н. Полеваго. На пер-

вой страницѣ, таѣъ-сказать у самаго входа въ храмъ русской поэзіи, г. Полевой помѣстилъ слѣдующую предательскую надпись:

Не пойметъ и не оцѣнить
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной...

На этомъ-то основаніи, что насъ не поймутъ и не оцѣнятъ, г. Полевой и возилъ нашу „наготу“ въ Парижъ приодѣться. Это дѣлаетъ честь патриотической стыдливости г. Полеваго, но объ этомъ совсѣмъ некстати было говорить. Вообще наши поэты очень любятъ воспѣвать родную наготу; неизвѣстно только, какая это нагота—физическая или умственная? Всѣ эти 4 стиха, сами по себѣ не особенно глубокомысленные, просто смѣшны на томъ мѣстѣ, гдѣ поставилъ ихъ г. Полевой. Столпы нашего славянофильства воздерживались даже отъ такихъ глупостей. Если они и говорили, что насъ не пойметъ и не оцѣнить гордый взоръ иноплеменный, то они никогда и не думали при этомъ о своей смиренной наготѣ, которую нельзя оцѣнивать, а потому нельзя и понимать.

Что касается стихотвореній, помѣщенныхъ въ текстѣ, то отъ нихъ, прежде всего, несетъ классической скукой, секретъ которой скрывается въ остроумномъ распредѣленіи ихъ по временамъ года. Представьте себѣ, что вамъ 7 поэтовъ въ подъ-рядъ поютъ о веснѣ; естественно, что подъ конецъ она дѣлается вамъ тошнѣе всякой осени. Но лѣто невыносимо вышло длиннымъ; оно растянуто на 25 слишкомъ поэтовъ. О немъ поетъ даже Юлія Жадовская съ Фетомъ, этимъ Добчинскимъ русской поэзіи. Вѣроятно, для счета въ семью русскихъ поэтовъ включенъ и Бернсъ. Какіе-же это „Родные Отголоски“? Иллюстрація стихотвореній лишена всякаго плана, а со стороны художественной правды,—не техники, которая вполнѣ безукоризненна,—это верхъ безобразія. Хорошія стихотворенія оставляются въ тѣни, бессмысленныя-же, въ родѣ Фетовской „Рыбки“, начинающейся такими стихами—

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права.
Въ рѣкѣ мѣстами глубь ясна;
На днѣ растетъ трава...

—снабжаются рисунками. Прекрасное стихотвореніе г. Майкова „Картинки“, исполненное неподдѣльной поэзіи и безспорно лучшее во всемъ „Сборникѣ“, только смазано какой-то виньеткой. Иллюстрація „Ребенка“, Фета, представляетъ собою безвкусную карикатуру на крестьянскаго мальчика, вылитаго французскаго imbecille'я, съ чахлымъ лицомъ и идиотическою улыбкой описиста. Вообще всѣ рисунки, за исключеніемъ одного, не напоминаютъ ни одной чертой ни русскую природу, ни русскихъ людей. Полюбуйтесь, напр., пахаремъ Кольцова (стр. 29) или уродливой физиономіей его-же косаря (стр. 40). Если-бъ не коса, вы-бы приняли его за коломенскаго Дон-Иуана, вишищаго зудомъ ущипнуть за лишку предметъ своей страсти. Но ящикъ Никитина (стр. 45, „Выѣздъ ящика“) — олицетвореніе непостижимой художественной лжи; его сахарная фигура живьемъ перепесена съ французской бонбьерки. Гдѣ-же, спрашивается,

Эти бѣдныя селенья,
 Эта скудная природа,—
 Край родной долготерпѣнья,
 Край ты русскаго народа.

Увы! все это осталось, кажется, въ Парижѣ, въ граверной Панимакера. Вѣроятно, г. Паповъ тутъ не причесть; каждая картинка явно офранцузжена, подсахарена и выложена какой-то посторонней рукой. Русскій художникъ не можетъ такъ изображать русскихъ людей. Посмотрите, напр., на Власа г. Некрасова (стр. 50): вѣдь это фотографическій снимокъ съ Жюль-Фавра. Во всемъ „Сборникѣ“ только одна картина — „Дядюшка Яковъ“, сохранила русскій колоритъ, и она въ самомъ дѣлѣ прелестна и достойна кисти г. Папова. Конечно, Панимакеръ, „этотъ патриархъ парижскихъ граверовъ“, подшутилъ надъ „Родными Отголосками“ г. Полеваго и передѣлалъ въ своей мастерской нашу родную природу во французскую. Мы почти увѣрены, что это такъ, потому что больше рѣшительно некому было продѣлать съ нами такую каверзу. Но г. Полевой остался всеѣмъ этимъ очень доволенъ. По обыкновенію, онъ поблагодарилъ себя въ своемъ предисловіи и отъ предчувствія одной только возможности неудачи своего „опыта“ по его лицу едва не скатилась лицемѣрная слеза оскорбленнаго въ своемъ безкорыстіи труженика...

„Дѣло“, № 2, 1876 г.

5

Въ нашъ вѣкъ литературнаго плагіата, заимствованій, передѣлокъ и искаженій удобно сойдуть не только „Отголоски“ г. Полевого, но неудивительно, если сойдуть и какія-нибудь „Приключенія Санхо-Панса“, состряпанныя „Общественной Пользой“. Издатели не сочли даже нужнымъ упомянуть въ оглавленіи, что этастряпня — отрывокъ изъ „Донъ-Кихота“ Сервантеса, и это съ ихъ стороны весьма откровенно, потому что въ отрывкѣ ихъ дѣйстви-тельно нѣтъ и тѣни творческаго генія великаго испанца. Они, можетъ быть, полагають, что нѣтъ столь невѣжественнаго человѣка, который не слышалъ-бы имени Санхо-Панса, одного изъ главныхъ героевъ „Донъ-Кихота“, но въ такомъ случаѣ, кому нуженъ ихъ отрывокъ? Кто совсѣмъ не читалъ „Донъ-Кихота“, у того не возникнетъ при чтеніи „Приключеній“ даже слабаго предчувствія чарующей силы этой геніальной эпопеи, но кто читалъ ее, тотъ едва-ли въ силахъ будетъ воздержаться отъ весьма нелестныхъ для издателей восклицаній. Рисунки, въ которыхъ, кажется, заключается вся суть „Приключеній“, наводятъ ужась; они выпачканы совершенно невозможными красками. Игривое перо рассказчика стоитъ, впрочемъ, разухабистой кисти художника. Это перо начертываетъ сплошь и рядомъ такого рода выраженія: „обнял ляшку своего барина“, „каково *шилльничество*“, „я прописалъ ему ижицу“, „пусть овца *паруется* (!) съ овцой“, и т. д.

Чрезмѣрное тяготѣніе современной дѣтской литературы къ жизни иноплеменной и ея стремленіе удалиться какъ можно дальше отъ своего родного не можетъ находить оправданія въ здравыхъ принципахъ воспитанія. Не въ квасномъ патріотизмѣ здѣсь, конечно, дѣло, но въ элементарнѣйшемъ законѣ психическаго развитія ребенка. Это развитіе можетъ и должно идти только однимъ индуктивнымъ путемъ, отъ спеціальнаго къ общему, отъ видимаго къ отвлеченному, отъ реального объекта къ идеѣ. Наша дѣтская литература совсѣмъ не хочетъ знать этой аксіомы и не понимаетъ, что нашимъ читателямъ прежде всего нужны не алигаторы, не бразильскіе лѣса и готентоты, но своя природа и свои люди. Воспитаніе нашихъ дѣтей, въ этомъ отношеніи, страдаетъ крайней односторонностію. Пока ребенокъ малъ, онъ знакомится только съ чужимъ ему міромъ, когда-же онъ вырастетъ и ему время сдѣлаться сознательнымъ слугою своей родины, онъ толь-

ко тогда начинается съ нею знакомиться, но увь! онъ знакомится съ нею тогда въ чиновничьемъ мундирѣ, лорнируя ее изъ прекраснаго далека, съ своего теплаго мѣстечка, съ точки зрѣнія своей карьеры. Неразумно, конечно, ограничивать дѣтскую литературу исключительными рамками отечественнаго матеріала, но, во всякомъ случаѣ, только ясное пониманіе „своего“ снимаетъ завѣсу съ „чужого“. Если перебрать всѣ наши дѣтскія книжки, то изъ нѣсколькихъ сотенъ ихъ едва-ли наберется десятокъ книгъ, посвященныхъ русской жизни и русской природѣ; большая-же часть ихъ—переводы, въ которыхъ изображается совершенно чуждый ребенку міръ, — міръ, который иначе и не можетъ быть уясненъ, какъ только крайнимъ напряженіемъ воображенія. Но развитіе воображенія прежде развитія ума путемъ наблюденій надъ реальною, т. е. близкою намъ жизнью, даетъ всегда очень плохіе результаты. Вся наша дѣтская литература, на-сколько она служитъ отраженіемъ чужого, дѣйствуетъ на умъ нашихъ дѣтей, какъ фантастическая сказка, и закрываетъ для нихъ уразумѣніе своего бѣднаго міра. Вотъ почему мы думаемъ, что хорошо имѣть такія книги, какъ „Сцены изъ жизни древнихъ грековъ“, но еще лучше не имѣть ихъ. Хорошо имѣть ихъ взрослымъ, и лучше не имѣть дѣтлмъ, только-что научившимся читать. Спѣшимъ замѣтить, что сама по себѣ эта книга заслуживаетъ величайшихъ похвалъ, но она вовсе не дѣтская, а, такъ-сказать, антропологическая. Правда, у кого изъ насъ не звенитъ въ ухахъ эхо эллинской старины? Но, можетъ быть, книга Беккера полезна уже и тѣмъ, что она даетъ возможность уясненія древне-греческаго міра безъ помощи неправильныхъ глаголовъ. Конечно, она послужитъ вкуснымъ десертомъ и для изучающихъ законы греческаго синтаксиса. Чудесные очерки Беккера, тонкаго и умнаго цѣнителя античнаго міра, весьма замѣчательны въ художественномъ отношеніи, помимо ихъ ученаго характера. Ему пришла счастливая мысль придать своимъ ученымъ изслѣдованіямъ форму повѣсти, такъ-какъ, по его мнѣнію, частная жизнь, въ ея пестромъ разнообразіи, не поддается никакой системѣ и сама собою требуетъ этой формы. Результаты показали, что такая форма влагаетъ въ умъ и чувство безконечно болѣе ученаго буквовѣдства и трусливаго комментирования какого-нибудь классика. Какъ жаль, что русскій переводъ

этой книги появился такъ недавно! Можетъ быть, судебное слѣдствіе, произведенное пропичательнымъ Беккеромъ надъ частной жизнью грековъ, научило бы насъ многому, чего мы и не подозрѣвали. Со стороны Беккера очень разумно, что онъ постарался изобразить намъ именно частную жизнь древнихъ грековъ, о которой и наши-то ученые имѣютъ весьма смутныя понятія. До сихъ поръ мы знали грековъ Аристидами, Сократами, Периклами, потому что изучали ихъ на форумѣ, въ битвахъ или въ философской школѣ, и смотрѣли на нихъ сквозь собирательную призму общественности. Греки представляются намъ, какъ одна героическая и полная однѣхъ только доблестей личность, и потому, конечно, мы ее понимаемъ плохо и односторонне. Извѣстно, что нѣтъ такого негодяя, который не выказалъ-бы себя въ общественномъ дѣлѣ съ своей лучшей, праздничной стороны, и въ этомъ случаѣ для справедливой оцѣнки личности остается только взглянуть на обратную сторону медали, на частную жизнь. Изъ очерковъ Беккера хорошо видно, до какой степени общественная точка зрѣнія, неотрезвляемая буднично-прозаической, способна идеализировать человѣческую природу. На форумѣ нравственный термометръ древняго грека стоять высоко, но перенесите его въ частный домъ—и этотъ термометръ опустится, можетъ быть, ниже нуля. Уже въ храмѣ Афродиты онъ не высокъ, а въ какой-нибудь конторѣ трапецитовъ (ростовщиковъ) вы найдете типическіе образчики современнаго грека. О развратѣ нечего и говорить, конечно; вѣроятно, и въ настоящее время ни въ одномъ столичномъ центрѣ Европы онъ не выработалъ такихъ утонченныхъ формъ, какъ въ древнемъ Коринфѣ, и не пустилъ такихъ глубокихъ корней во все міросозерцаніе. Одно рабство чего стоитъ! Обыкновенно всегда упускается изъ виду, что въ древней Греціи общественная жизнь не имѣла самостоятельныхъ идеаловъ, но была лишь красивымъ и блестящимъ щитомъ частной жизни. Черезъ всю-же частную жизнь грека рабство протянуто красной ниткой, на которой держится вся ея ткань. Стоить только упустить это обстоятельство, и тогда въ самомъ дѣлѣ грекъ предстанетъ предъ нами величественнымъ героемъ. Если-бы мы отправились въ общину лондонскихъ воровъ, не зная, какъ и чѣмъ они промышляютъ, мы должны были-бы признать ихъ общественное устройство образцовымъ, мы нашли-бы тамъ пламенную лю-

бовъ къ свободѣ, крѣпкую солидарность между членами, самопожертвованіе во имя общей пользы и тому подобныя безспорно-высокія доблести. Только одно обстоятельство насъ всегда-бы смущало при этомъ: воровство. Всякій согласится, однако, что воровство въ стократъ нравственнѣе рабства. Книга Беккера заставляеть серьезно задуматься надъ излюбленнымъ нами античнымъ міромъ; его простой взглядъ на житейскія отношенія древнихъ грековъ способенъ освѣжить самымъ положительнымъ образомъ горячихъ поклонниковъ классическаго міра, созданнаго ихъ собственнымъ воображеніемъ. Мистифицирующая сила идеализаціи непреодолима, отъ нея трудно отдѣлаться, если она дѣйствовала втеченіи длиннаго ряда вѣковъ. Почему она такъ долго дѣйствовала? Это легко понять, если вспомнить, что, за совершеннымъ незнаеніемъ частнаго быта древнихъ грековъ до послѣдняго времени, мы не могли иначе созерцать ихъ, какъ съ высоты обществённости. Изслѣдованія частной жизни древнихъ грековъ весьма трудны и потому они подвигались медленно, такъ-что и теперь еще мы не можемъ возстановить многихъ деталей этой жизни, а въ этихъ-то деталяхъ и заключается неподкупный реализмъ и истина. Прочитавъ книгу Беккера, читатель такъ или иначе убѣдится, что античный міръ заслуживаетъ изученія не болѣе, какъ съ исторической точки зрѣнія, но что опасно посылать въ этотъ міръ за идеалами людей нравственно и умственно безоружныхъ. Историческое изученіе древней культуры требуетъ значительнаго запаса критической устойчивости и предварительнаго всесторонняго образованія въ духѣ современной обществённости, иначе мы не научимся ничему изъ чужого, а, главное, совершенно разучимся понимать свое.

Если-бы въ нашей дѣтской литературѣ путешествія и описанія далекихъ континентовъ появлялись рѣже, то такія книги, какъ „Послѣднее путешествіе Ливингстона“, имѣли-бы большую цѣну. Однако, можно было ожидать, что эта книга будетъ значительно интереснѣе и живѣе, чѣмъ оказалась на самомъ дѣлѣ. Слава знаменитаго путешественника въ нашихъ глазахъ чрезвычайно велика, но не менѣе великими должны изображаться и его дѣла. Намъ кажется, что для дѣтей несравненно любопытнѣе было-бы ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью Ливингстона во всей ея по-

дробности, чѣмъ съ послѣднимъ, кратковременнымъ ея актомъ. Послѣдняя экспедиція Ливингстона имѣла довольно узкій характеръ; путешественникъ видимо былъ озабоченъ спеціальными географическими цѣлями, къ которымъ онъ шелъ торопливыми шагами, не останавливаясь на описаніи природы и слегка лишь касаясь попадавшихся ему племенъ. Безъ сомнѣнія, наукѣ долженъ быти дорогъ каждый слѣдъ, оставленный этимъ человѣкомъ на африканской почвѣ, но дѣтямъ онъ долженъ прежде всего явиться, какъ самоотверженный другъ человѣчества, неумоимо уничтожавшій рабство, и эпиграфомъ дѣятельности котораго служатъ его послѣднія благородныя слова: „Да снизойдетъ благословеніе божіе на всякаго, кто-бы онъ ни былъ, — американецъ, англичанинъ или турокъ, который будетъ способствовать къ исцѣленію этой кровавой язвы міра“.

IV.

Мы переходимъ теперь, читатель, къ дѣтскимъ книжкамъ естественно-историческаго содержанія. Въ настоящее время ихъ расплодилось такъ много, что трудно было-бы пересмотрѣть сотую часть ихъ. Легкость и быстрота, съ которыми онѣ фабрикуются, только и могутъ объяснить намъ ихъ изобиліе. Всѣ матеріалы для такихъ книжекъ собраны и приведены въ порядокъ въ иностранной литературѣ, никакого таланта, никакой наблюдательности, никакого знанія дѣтской природы, даже знанія родной рѣчи, никакого выбора изъ готовой массы фактовъ тутъ не требуется, лишь-бы побольше захватить изъ области диковиннаго, невиданнаго и страшнаго. Такого рода книги создаются не писателями и людьми мысли, но исключительно издателями-промышленниками, механической силой капитала. Поэтому-то понятно, что нѣтъ такой бессмыслицы и такой глупости, которая не проскользнула-бы въ книгахъ естественно-историческаго содержанія. Если-же эта книга пущена въ свѣтъ подъ звонкой рекламой, если на ней расписалась одна изъ извѣстностей, то, какъ - бы ни была глупа книга, издатель будетъ только посягать надъ критическими о ней отзывами, въ полной увѣренности, что это — „вѣрное дѣло“.

Къ разряду такого сорта книгъ относится „Космосъ для юношества“, составленный К. Краевичемъ. Многимъ, вѣроятно, извѣстно имя этого составителя, какъ автора сносно скомпилированнаго учебника физики, но на поприщѣ дѣтской литературы онъ дебютируетъ, кажется, въ первый разъ. Въ интересахъ нашихъ бѣдныхъ дѣтей мы искренно желали-бы, чтобъ это былъ и послѣдній разъ. Говоря словами одного писателя, г. Краевичъ представляетъ собою ужасающую бездарность, которая хочетъ поставить на видъ, что она въ чемъ-то имѣла успѣхъ. Написанное имъ предисловіе, это—цѣлый манифестъ, въ которомъ не знаешь, чему удивляться, наивному-ли самомнѣнію невѣжества, или дерзости, увѣренной въ благополучномъ исходѣ ея продѣлокъ. Само заглавіе книги, составленной г. Краевичемъ, показываетъ, что авторъ имѣтилъ высоко. Но увы! онъ имѣтилъ въ Олимпъ, а попалъ въ яму, откуда человѣчество вѣками громаднхъ усилій успѣло давно выбраться на свѣтлый просторъ истины.

„Космосъ“ г. Краевича есть ничто иное, какъ бредъ больного мозга. Чего здѣсь только нѣтъ! Тутъ и всемірныя потопы, тутъ фигурируютъ Симъ, Хамъ и Іафеть, тутъ порландскія вазы, египетскія пирамиды, флотъ, война и войско, Сократъ и китайцы, Петръ Великій, римское право и проч., и проч. Не стыдно-ли вамъ, г. физикъ, не знать, что такое космосъ? Послушайте, читатель, какъ опредѣляетъ г. Краевичъ „Космосъ“. „Издавая „Космосъ для юношества“, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, — мы имѣли въ виду дать такую книгу, которая могла-бы возбудить любознательность читателя, а названіемъ ея (*Космосъ*) хотѣли указать на разнообразіе содержащагося въ ней матеріала“. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Краевича, всякій сумбуръ есть космосъ. Еще комичнѣе разъясняетъ этотъ безхитростный хиромантъ свои воззрѣнія на космосъ, когда онъ говоритъ, что былъ-бы полезенъ такой сборникъ, въ которомъ каждый читатель нашелъ-бы страницы по своимъ наклонностямъ“. Наконецъ-то, высказалась со всей откровенностью современная базарная литература дня. Вотъ оно въ чемъ дѣло! Авторамъ бесполезно имѣть свои идеалы, свои убѣжденія, свой космосъ, но за то полезно устроить въ своей головѣ рынокъ и держать тамъ всегда на-готовѣ и ложь, и исти-

ну, и побасенки, и послѣднее слово науки, и мракъ, и свѣтъ, что кому потребуется, согласно его наклонностямъ. Согласитесь, что вольный или невольный, но этотъ цинизмъ мысли служить знаменіемъ своего времени. Стражъ науки открыто начинаетъ направлять свой корабль не въ сторону обязательной для всего человѣчества объективной истины, но по попутному вѣтру господствующихъ наклонностей и преходящихъ вкусовъ минуты. Не можетъ быть, чтобы не понималъ г. Краевичъ, что если идти въ этомъ направленіи дальше, то можно придти къ такимъ результатамъ, которыхъ испугался-бы даже такой грязный литературный задворокъ, какъ „Петербург. Газета“. Естественно-историческія книжки, предлагающія всегда молодымъ умамъ *безсвязную* и *безидейную* груду фактовъ, болѣе всего готовятъ почву для безхарактерности и умственного индифферентизма. Хорошо укрѣплять молодую мысль трезвымъ реализмомъ дѣйствительности, но для этого первое условіе, чтобы всѣ сообщаемые факты, всѣ описываемыя явленія природы связаны были общимъ планомъ и вели къ цѣльному міровоззрѣнію, къ уразумѣнію панкосмической зависимости между отдѣльными частями вселенной. Въ этомъ смыслѣ педагогическая сила естествознанія въ высокой степени благотворна, и если угодно, только такое цѣлостное изображеніе природы даетъ реальное о ней понятіе, тогда-какъ ея дробленіе и изученіе по частямъ, безъ подведенія общаго итога, есть самая произвольная идеалистическая абстракція. Говорятъ, что дѣти не доросли до широкихъ и цѣльныхъ представленій о природѣ. Если не доросли, не говорите имъ завѣдомой лжи, что такой-то отрывокъ природы, какой-нибудь левъ или какая-нибудь пальма существуютъ сами по себѣ, ибо ни такого льва, ни такой пальмы, не существуетъ въ природѣ, но только въ воображеніи, какъ вымышленный и искусственный продуктъ абстракціи. Только космическая солидарность одна имѣетъ право на реальное существованіе. Если дѣти не доросли до пониманія этой солидарности, то молчите и не заикайтесь о природѣ. Но вѣдь это сущій вздоръ, что они не доросли. Опытъ преподаванія естественныхъ наукъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ и оказывается, что обыкновенно не дѣти не доросли до такихъ истинъ, а гг. Краевичи и подобные имъ педагоги. Покойный Рос-

смеслеръ первый сталъ преподавать маленькимъ дѣтямъ естественныя науки съ точки зрѣнія космоса, а теперь подобный-же планъ выработанъ у насъ г. Гердомъ. Дай Богъ, чтобы это доброе начинаніе осталось не на бумагѣ, а поскорѣе перешло въ педагогическую практику, иначе естественныя науки, въ своей отталяющей школьной формѣ описательной естественной исторіи, будутъ грозить серьезной опасностью и уму, и сердцу нашихъ подрастающихъ поколѣній.

Въ „Космосѣ“ г. Краевича нѣтъ и помину о современнокъ біологическомъ синтезѣ, окончательно приобрѣтшемъ право гражданства въ наукѣ. Но за то онъ обильно украсилъ главу „Борьба человѣка съ природой“ старушечьими побасенками и разными небылицами. Тутъ-же вы встрѣчаете, ни съ того, ни съ сего, пренаивный разговоръ „О добываніи черепашняго масла въ Гвіанѣ“ (sic!), а дальше пошли такъ-называемыя *страшныя* исторіи о ягуарахъ, тиграхъ, кайманахъ, отъ которыхъ, наконецъ, не знаешь, куда бѣжать: такъ сильно надоѣдаютъ онѣ. Эти исторіи смѣняются невообразимо сухимъ и сбивчивымъ изложеніемъ нѣкоторыхъ элементарныхъ свѣденій изъ математической географіи. При всемъ желаніи осилить въ себѣ нерасположеніе къ этой суши, трудно прочесть изъ этой главы болѣе нѣсколькихъ строчекъ. Интересно, что самъ авторъ хорошо знаетъ, что онъ нагоняетъ страшную тоску на своихъ читателей, говоря: „Я увѣренъ, мой юный читатель, что немногое изъ прочитаннаго на предъидущихъ страницахъ уцѣлѣло въ памяти твоей (!), а главное, не все ты понималъ“ (стр. 298.) Вотъ удивительное признаніе! Зачѣмъ-же вы пишете дѣтскія книжки, почтенный хиромантъ, которыя сами считаете безтолковыми?

Г. Краевичъ хорошо доказываетъ своимъ „Космосомъ“, что разнообразіемъ содержанія можно съ такимъ-же успѣхомъ оттолкнуть читателей, какъ и силошной сущью. На цѣлой сотнѣ страницъ онъ душитъ дѣтей ужаснѣйшей мертвечиной, въ родѣ описанія Ниневіи, санскритскихъ *пшьяменъ*, древнихъ гробницъ, китайской стѣны и т. п. При этомъ нерѣдко онъ повторяетъ явную дичь, какъ, напр., на стр. 5, гдѣ говорится, что „во время Сократа образованность стояла на такой высокой степени, что едва-ли *уступала* нашей, во многомъ даже *превосходила* ее, хотя и имѣла

свои особые отличительные черты“. Обыкновенно эта нелѣпость высказывается весьма гадательно, съ разными оговорками и часто съ напускнымъ пафосомъ приверженцами древняго міра, но кромѣ нихъ никто-же и не говоритъ этого и даже не разувѣряетъ этихъ приверженцевъ, какъ смѣшно было-бы разувѣрять спиритовъ въ отсутствіи духовъ. Но г. Краевичъ принимаетъ и наставительно выдаетъ это за чистую монету. Желательно было-бы также знать, кому принадлежитъ классификація племенъ на стр. 12, — самому-ли г. Краевичу или мудрецу Керберу? Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ антропология, такого диковиннаго невѣжества еще никто не обнаруживалъ изъ людей, претендующихъ на сочиненіе космоса. Распредѣленіе племенъ, съ научной точки зрѣнія, всегда считается чрезвычайно важнымъ; оно есть итогъ многочисленныхъ данныхъ антропологии. Замѣчательно, что г. Краевичъ въ концѣ своего предисловія приводитъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе извѣстныхъ въ литературѣ лицъ, которыхъ онъ благодаритъ за участіе въ его трудѣ. Неужели эти лица согласились г. Краевичу помогать? Это рѣшительно непонятно, непонятно, какъ и чѣмъ ему можно было помочь. Его первобытныя воззрѣнія, неизмѣющія и тѣни научнаго синтеза, не представляютъ ничего общаго съ какой-нибудь ошибкой, утущеніемъ факта или чего-либо подобнаго. Если принять все это во вниманіе, а также убійственную снотворность всего содержанія „Космоса“, варварскій языкъ съ претензіей то на бойкость, то на поэтическую изобразительность, то читатель пойметъ удовольствіе, съ которымъ мы закрываемъ эту книгу, посылая ей искреннія пожеланія долго жить и состарѣться на полкахъ книжнаго магазина.

Отъ совершенной бездарности и мрачнаго обскурантизма отрадно перейти къ такимъ свѣтлымъ явленіямъ нашей дѣтской литературы, какъ „Природа и Жизнь“ г-жъ Малышевой и А. Пѣловой. Съ первыхъ строкъ вы видите, что издательницы относятся къ своему дѣлу съ глубокой серьезностью, что онѣ искренно любятъ дѣтей и достаточно широко понимаютъ задачи воспитанія. Ихъ научно-литературный сборникъ, несмотря на все разнообразіе содержанія, проникнутъ одной цѣлью: „познакомить молодыхъ читателей съ дѣйствительною жизнью въ возможно большихъ раз-

мѣрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпить въ нихъ чувство гуманности и справедливости, сознание своего долга и любовь къ труду“. Выборъ статей, заимствованныхъ большею частью изъ англійскихъ и нѣмецкихъ книгъ, соотвѣтствуетъ этой программѣ. Хорошо уже то, что въ этихъ статьяхъ дано кой-какое мѣсто общественной жизни и скучное однообразіе естественно-историческихъ разсказовъ прерывается по-временамъ живымъ изображеніемъ людей. 8 разсказовъ Андерсена, еще ни разу не появлявшихся въ русской печати, значительно увеличиваютъ интересъ сборника „Природа и Жизнь“. Христіанъ Андерсенъ—единственно умный свазочникъ, у котораго вымыселъ—только вѣшняя форма и который, не увлекаясь порывами собственнаго воображенія, умѣетъ влагать въ свои сказки здравыя идеи и иногда научныя истины. Его разсказъ „Большой морской змѣй“ прелесть какъ хороша, и по живой поэтической формѣ, и по строго-научному описанію обитателей водяного міра. Весьма поучителенъ также коротенькій историческій разсказъ „Не больше, какъ негръ“, содержащій біографію малоизвѣстнаго, кажется, нашимъ дѣтямъ Туссенъ-Дувертюра, знаменитаго Вашингтона негровъ. Большая часть разсказовъ „Научно-литературнаго сборника“, которыхъ всего до 32, весьма интересны и изложены увлекательно. Мы бы посоветовали только почтеннымъ издательницамъ поменьше церемониться съ нѣмецкими гелертами и попросту выбрасывать разный сентиментальный вздоръ, къ которому они любятъ прибѣгать въ своихъ популярныхъ разсказахъ. Такъ въ статьѣ „Зимняя спячка въ царствѣ животныхъ“ совершенно не кстаети и даже въ ущербъ общему смыслу статьи встрѣчаются нелѣпныя и ложныя замѣчанія о „заботливости мудрой и доброй матери—природы объ ея дѣтяхъ—животныхъ“ или говорится, напр., что „столь животныхъ уставляется роскошными яствами и что всѣ они пьютъ до-сыта изъ большого, неизсякаемаго „кубка радости“. Мы позволили-бы себѣ дать еще одинъ совѣтъ издательницамъ: обратить вниманіе на русскую общественную жизнь, и тогда мы увѣрены, что при ихъ умѣньи братья за дѣло, послѣдующія изданія, которыя проектируются ими, судя по ихъ предисловію, принесутъ вдвое больше пользы нашему юношеству.

Послѣднее требованіе принято въ расчетъ г. Острогорскимъ

болѣе, чѣмъ кѣмъ-либо изъ составителей разсмотрѣнныхъ нами до сихъ поръ книгъ. Хотя книга г. Острогорскаго все еще не то, что нужно нашимъ дѣтямъ въ настоящее время, но она написана съ большимъ педагогическимъ тактомъ, съ честными на-мѣреніями, хорошимъ русскимъ языкомъ, умно и заниматель-но. Отличительное достоинство всѣхъ разсказовъ, собранныхъ г. Острогорскимъ въ его сборникѣ, состоитъ въ томъ, что въ нихъ очень мало *сочинительства*, нѣтъ погони за дешевыми эффектами, стремленія „завлечь“, „поразить“ и „удивить“, которыми страдаетъ большинство нашихъ дѣтскихъ книжекъ. Обо всемъ онъ разсказываетъ необыкновенно просто и не позволяетъ себѣ никакихъ искусственныхъ и quasi-педагогическихъ уловокъ, надъ которыми умныя дѣти всегда смѣются и которыя всегда ослабляютъ въ ихъ глазахъ на-половину силу разсказа. Къ величайшему своему удовольствію, мы не нашли также въ разсказахъ г. Острогорскаго ни одного ягуара, льва, удава и тому подоб-ныхъ заморскихъ чудовищъ. Смѣшно сказать, о чемъ повѣству-етъ дѣтямъ г. Острогорскій: о колюшкахъ, бѣлкахъ, зайцахъ, о барбосѣ, лисицѣ и волкѣ, о комарахъ и ящерицахъ. Все, какъ видитъ читатель, родная фауна, обыденная и своей просто-той даже обидная для иного маленькаго героя, привыкшаго уно-ситься мечтами въ бразильскіе лѣса или въ африканскія степи для борьбы со львами и всевозможными ужасными хищниками. Однако, г. Острогорскій такъ хорошо разсказываетъ объ этихъ старыхъ знакомцахъ нашихъ, что, право, ни за что не хочется промѣнять нашего несчастнаго зайца на какого-нибудь бенгал-скаго тигра или нашу ящерицу на каймана. Разсказъ объ ящери-цахъ превосходный и напоминаетъ брѣмовскую увлекательность. Тысячу благодарностей вамъ, г. Острогорскій, за нашихъ бѣд-ныхъ дѣтей, пичкаемыхъ фантастическими бреднями и непо-сильными для ихъ слабаго умственнаго зрѣнія грандіозными картинами. Г. Острогорскій доказалъ, что ларчикъ открывается очень просто и что нашимъ дѣтямъ нѣтъ никакой необходимости отправляться въ первобытные лѣса и степи Африки и южной Америк-и вмѣстѣ съ Майнт-Ридами, Эмарами и tutti quanti. Научимся прежде понимать вульгарныя мелодіи родной природы, чтобы затѣмъ съ полнымъ сознаніемъ отдаться упоительнымъ звукамъ,

доносящимся до нашего уха съ отдаленныхъ концовъ мірозданія. Это необходимость, *la nécessité sans phrases*, какъ говорятъ французы, несумлимый фізіологическій законъ, его-же не обойдешь. Глазъ, ухо, всѣ органы чувствъ должны прикоснуться сперва къ „своему“, чтобы потомъ узнавать и цѣнить чужое. Только изученіе реальнаго міра открываетъ двери воображенію, питаетъ и окрыляетъ его, а реальнымъ міромъ для ребенка можетъ быть только свое, близкое его наблюденію и пониманію.

Г. Острогорскій не запираетъ, однако, дѣтей, на все время, пока онъ съ ними бесѣдуетъ, въ тѣсный міръ родной природы. Щедрой рукой отводитъ онъ мѣсто разсказамъ общественнаго содержанія. Съ господствующей точки зрѣнія, эти разсказы хороши, дажо очень хороши; просты, порой проникнуты трогательной любовью къ страдающей братіи и безыскусственнымъ добродушіемъ. Но по канвѣ общественности очень трудно вышивать хорошіе узоры. Здѣсь требуется истинный талантъ, глубоко-развитый умъ и острый глазъ, умѣющій глядѣть въ даль зарождающихся идеаловъ. Мало кто изъ составителей дѣтскихъ книжекъ признаетъ необходимость этихъ качествъ и еще меньше обладаетъ ими. Что касается г. Острогорскаго, то и въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ больше умѣнья, чѣмъ всѣ наши представители дѣтской литературы, взяты вмѣстѣ. Но, какъ мы уже замѣтили выше, его разсказы далеко не все то, что нужно дѣтямъ, и, мало того, въ нихъ есть то, чего и совсѣмъ не нужно имъ. Имъ не нужно той громовой филантропіи, образцы которой разсѣяны во многихъ разсказахъ и которая особенно приторна въ разсказѣ „Моя мать“. Имъ не нужно также утрированной нравственности и дѣланнаго добродѣянія тѣхъ нигдѣ невиданныхъ добродѣтельныхъ школьниковъ, которые изображаются въ разсказѣ „Нежданное горе“. Имъ бесполезно также и то обиліе скорбныхъ мотивовъ, которое сообщаетъ большинству разсказовъ характеръ назойливой плаксивости. Мы ничего не имѣемъ противъ скорбныхъ мотивовъ. Откуда взять веселыхъ пѣсень, если ихъ нѣтъ въ дѣйствительности? Но то тяжкое, подавляющее горе, въ которое такъ любитъ г. Острогорскій повергать своихъ маленькихъ читателей, — горе личное, узенькое и почти безплодное. Въ томъ-то и заключается неотразимая сила таланта и бессильная бездарность педагоговъ, что первые умѣ-

ють, а вторые не могутъ заинтересовать ребенка широкой общественной средой, въ которой онъ, пока ребенокъ, пассивно живетъ, но въ которой, выросши, онъ долженъ такъ или иначе принимать дѣятельное участіе. Конечно, весьма благотворно воспитывать въ душѣ ребенка личныя привязанности, преданность къ своимъ матерямъ, любовь къ нянькамъ и учителямъ, но необходимо въ то-же время пробуждать въ дѣтяхъ общественные инстинкты и прежде всего путемъ ознакомленія съ выдающимися явленіями русской общественной жизни, съ гражданскими основами быта русскаго народа, съ элементами его богатствъ, со всѣмъ его государственными домостроемъ. Водите дѣтей по селамъ и отыскивайте въ крестьянскихъ избахъ героевъ для своихъ художественныхъ произведеній, пусть проведутъ они день съ крестьяниномъ на страдѣ, обойдутъ съ нимъ его пашню, осмотрятъ весь его скарбъ, узнаютъ его радости и несчастія, поживутъ его хозяйственными расчётами, его умомъ и сердцемъ. Нарисуйте дѣтямъ картину нашего тяжелаго крестьянскаго труда, но, ради Бога, безъ пошлой слезливости, картину со всѣми ея реальными деталями и національнымъ колеромъ, и вставьте, если умѣете, въ эту картину два черныхъ блестящихъ глаза, насквозь пронизывающихъ того, кто на нихъ смотритъ. Но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ограничивать содержаніе дѣтскихъ рассказовъ крестьянской избой, ибо внѣ ея еще существуетъ цѣлый міръ жизни, не менѣе близкой ребенку. Однимъ словомъ, ребенка слѣдуетъ ввести въ ту практическую сферу гражданскихъ отношеній, которая называется государствомъ, но какъ разумаго цѣвителя и съ тѣмъ-же правомъ критическаго анализа, которое полагается по штату нашихъ педагоговъ всѣмъ взрослымъ.

О двухъ оставшихся еще неразсмотрѣнными книгахъ намъ остается сказать немного. Изъ нихъ первая — „Изъ дальнихъ странъ“, не стоитъ даже той сѣрой бумаги, на которой она напечатана; вторая, носящая странное заглавіе „Исторіи семейства Честеръ и двухъ маленькихъ сиротъ“, можетъ быть названа сносной, но не болѣе. Она посвящена описанію образа жизни и нравовъ крысъ, но такъ-какъ все это можно было-бы изложить на нѣсколькихъ страницахъ, то не было никакой надобности писать книгу въ 13 листовъ; кромѣ того, къ этой исторіи ни съ того,

ни съ сего прилетается исторія двухъ маленькихъ лондонскихъ оборвышей, находившихъ себѣ пріютъ въ сообществѣ крысъ. Книга эта можетъ развѣ взять живостью изложенія, но она много теряетъ отъ чрезмѣрной вычурности формы.

Мы окончили обзоръ дѣтской литературы, остановившись на разборѣ тѣхъ книгъ, которыя соединяютъ въ себѣ всѣ характеристическія черты, свойственныя вообще этой отрасли нашей умственной производительности. Производительность эта, какъ и надо было ожидать, очень бѣдна, бѣдна внутреннимъ содержаніемъ, авторскими талантами, критическими отношеніями къ предмету и силой анализа, который всего болѣе необходимъ и благотворенъ въ дѣтской литературѣ. Еще не такъ страшны безсмысленныя и нелѣпыя произведенія, предлагаемыя въ поученіе взрослымъ; каждый изъ насъ можетъ справиться съ ними и самъ. Но дѣтская литература есть корень литературы взрослыхъ, изъ нея вырастаетъ литература будущаго, ея сѣменами опредѣляются всходы и жатва прогресса, а между тѣмъ дѣтская литература находится въ совершенномъ пренебреженіи и у литературной критики, и у родителей, и у педагоговъ. Въ дѣтскую литературу должны-бы устремляться наши первоклассныя таланты и наши литературныя силы, тогда какъ въ дѣйствительности туда устремляется только то, что оказалось негоднымъ и ни на что неспособнымъ въ литературѣ взрослыхъ. Или-же бываетъ такъ, что самъ по себѣ талантливый писатель, вступая въ дѣтскую литературу, *старается* говорить о томъ, что, какъ онъ самъ предчувствуетъ, усныяло или только смѣшныло-бы взрослыхъ, но онъ говоритъ объ этомъ, подчиняясь господствующимъ воззрѣніямъ педагогики и воспитанія. Онъ *старается* подогнать не только форму изложенія къ мнимой мѣрѣ ребенка, но и самому предмету сообщить дѣтскій характеръ, съ чѣмъ неизбѣжно связано обезсмысленіе самаго предмета. Между тѣмъ самый предметъ всѣмъ, и дѣтямъ, и взрослымъ, одинаково долженъ излагаться такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ намѣренномъ, основанномъ на непра-

вильныхъ педагогическихъ принципахъ искаженіи сущности предмета заключается источникъ жалкаго состоянія дѣтской литературы. Объ этомъ нужно говорить безпрестанно, не щадя никакихъ самолюбій и съ возможной серьезностью. Пока будутъ господствовать такіе принципы, дѣтская литература будетъ всегда находиться во власти или намѣренной бездарности, или искренней тупости. Поэтому мы и старались довести нашъ отрицательный анализъ до тѣхъ положительныхъ идеаловъ, которые должны рано или поздно совершенно обновитъ нашу дѣтскую литературу.

В. Лонскій.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Читатели „Дѣла“ уже знакомы съ жизнію и дѣятельностію Генриха Валлона, министра народнаго просвѣщенія и основателя теперешней французской конституціи, — знакомы изъ біографическаго очерка этой личности, напечатаннаго въ одной изъ прошлыхъ книжекъ нашего журнала. Къ этому очерку мы прибавимъ еще одинъ фактъ: Валлонъ, видимо, родился въ счастливой рубашкѣ! Три съ половиною года засѣдалъ онъ въ скромномъ углу версальской палаты и никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія; никто и никогда не слышалъ отъ него ни единого звука, который-бы возбудилъ интересъ въ собраніи и заставилъ вспомнить о Валлонѣ. И вдругъ пять или шесть строчекъ, вставленныхъ имъ въ проектъ республиканской конституціи, выдвигаютъ Валлона на первый планъ, и всѣми забытая его фигура вдругъ освѣтилась: иллюстрированныя газеты поспѣшили познакомить публику съ внѣшней фізіономіей новаго дѣятеля, репортеры всевозможныхъ газетъ занялись разсказомъ малѣйшихъ событій его частной жизни и коснулись въ своихъ корреспонденціяхъ всѣхъ членовъ семейства его, — однимъ словомъ, человѣкъ самаго дюжиннаго разбора дѣлается героемъ дня, становится на пьедесталъ политическаго дѣятеля. Никогда никому ненужный и всѣми игнорируемый Валлонъ становится человѣкомъ необходимымъ, вполне соответствующимъ настоящимъ потребностямъ Франціи. Но если Валлонъ своими шестью строками и помогъ Франціи организовать свое правительство, то не менѣе помогли эти-же шесть строкъ самому Валлону занять привилегированное положеніе.

Въ эпохи политическихъ неурядищъ, какую переживаетъ современная Франція, такія морганатическія явленія, какъ непредвидѣнная и ничѣмъ неоправдываемая карьера Валлона, происходятъ сплошь и рядомъ: одному счастье вдругъ улыбнется, къ другому повернется спиной. Такъ именно и случилось съ другомъ и товарищемъ Валлона, Эдуардомъ Лабулэ.

Передъ шестью строками, предложенными Валлономъ, обсуждались другія шесть строкъ, предложенныя Лабулэ: между той и другой редакціею не было въ сущности никакой разницы, однако, одна изъ нихъ не прошла, а другая оказалась принятою большинствомъ одного голоса. Кто-же поддержалъ предложеніе Валлона? Тотъ-же Лабулэ, который влѣдствіе этого оказался оттертымъ на задній планъ. Защищая свое собственное предложеніе, Лабулэ произнесъ краснорѣчивую рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе, но страсти въ этотъ день были еще слишкомъ раздражены, а ненависть между партіями слишкомъ глубока, и предложеніе Лабулэ потерпѣло фіаско. Каждому дню—своя злоба, и часъ, предназначенный судьбою для торжества, обошелъ Лабулэ и наступилъ для Валлона. Ночью страсти поулеглись: многіе рѣшительные противники республиканской конституціи додумались до необходимости уступить силѣ обстоятельствъ; другіе, бывшіе подъ сомнѣніемъ, рѣшились, наконецъ, присоединиться къ предложеніямъ лѣваго центра,—и на другой день предложеніе Валлона сгруппировало вокругъ себя всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя находились подъ впечатлѣніемъ произнесенной наканунѣ рѣчи Лабулэ. Валлонъ видимо чувствовалъ самъ, что всѣ доводы въ пользу его предложенія были уже высказаны, а потому не считалъ нужнымъ расточать напрасно цвѣты свойственнаго ему краснорѣчія, и все-таки побѣда осталась за нимъ. А между тѣмъ Лабулэ во всѣхъ отношеніяхъ выше Валлона, какъ политическій дѣятель. Популярность Лабулэ, какъ профессора государственнаго права въ Collège de France, какъ автора „Исторіи Соединенныхъ Штатовъ“, давно уже была приобрѣтена имъ, хотя большинству французской публики онъ извѣстенъ не столько серьезными своими сочиненіями, сколько изданіями, имѣвшими болѣе популярный оттѣнокъ. Онъ написалъ для дѣтскаго чтенія нѣсколько томовъ извѣстныхъ „Синихъ сказокъ“, которыми увлекались не только дѣти, но отцы и матери ихъ. Въ другомъ сочиненіи, написанномъ

имъ подъ вліяніемъ самой душной политической атмосферы, въ эпоху высшей реакціи второй имперіи, онъ представилъ замѣчательную сатиру на наполеоновскій режимъ. Кто не читалъ его внижки „Парижъ въ Америкѣ“, выдержавшей сорокъ изданій, и переведенной на всѣ европейскіе языки?

Но пока гнетъ второй имперіи лежалъ на всемъ, что было лучшаго во Франціи, Лабулэ не могъ выйти изъ роли кабинетнаго труженика и професора. Только съ паденіемъ этой злополучной въ лѣтописяхъ міра имперіи онъ могъ выступить на сцену политической дѣятельности. Какъ депутатъ, онъ вошелъ въ національное собраніе съ полнымъ авторитетомъ чловѣка образованнаго и мыслящаго, защитника республики и пропагандиста новыхъ конституціонныхъ началъ, — чловѣка, очень замѣтнаго среди той деревенщины и политическаго арлекинства, которыми такъ блистала только-что умершая палата.

Съ первыхъ-же дней своей законодательной карьеры Лабулэ обратилъ на себя вниманіе публики и собранія. Его строго-обдуманная, всегда вѣрная его завѣтнымъ убѣжденіямъ рѣчи выступались даже его политическими врагами не безъ удовольствія. Во всѣхъ вопросахъ, касавшихся общихъ принциповъ конституціи, Лабулэ принималъ самое дѣятельное участіе и въ этомъ отношеніи Франція многимъ обязана ему. Не всегда вѣрно онъ понималъ задачу своего времени, но всегда искренно поддерживалъ свои мнѣнія и увлекалъ на сторону ихъ другихъ.

Какъ сторонникъ умѣренно-либеральной партіи, съ рѣзкимъ оттѣнкомъ орлеаниста и доктринера, онъ шелъ на крайнія уступки, часто не сознавая, гдѣ именно нужно остановиться. Никто не упрекнетъ Лабулэ въ отсутствіи соціальной совѣсти, въ мелкомъ эгонистическомъ разсчетѣ каваго-нибудь политическаго шулера, въ родѣ Брольи, но едва-ли кто рѣшится утверждать, что Лабулэ можетъ быть названъ дѣйствительнымъ защитникомъ современнаго прогресса. Професоръ по своему призванію, доктринеръ по убѣжденіямъ, онъ большую часть своей жизни вращался въ области теорій и привыкъ имѣть дѣло не столько съ дѣйствительною жизнью, сколько съ собственными умозрѣніями... Такого рода дѣятельность вполне можетъ быть соотвѣтственной роли кабинетнаго мыслителя, но часто оказывается никуда негодной для практическихъ цѣлей, которыми обязанъ руководствоваться зако-

податель. Доктринеръ, подобно идеалисту, имѣетъ на все и про все свою собственную мѣрку, и какъ-бы она ни была микроскопична, онъ мѣряетъ ею весь міръ, со всѣми его разнообразно-колоссальными явленіями. Результаты этого доктринерскаго направленія прежде всего выражаются въ политическомъ дѣятелѣ полнѣйшей неспособностію понимать живыя потребности времени, ту непредвидѣнную комбинацію обстоятельствъ, которая прямо вытекаетъ изъ всего внутренняго содержанія народной жизни, имѣетъ свой смыслъ и свою логику, понятную для живого государственнаго ума и неуловимую для доктринерскаго неподвижнаго міросозерцанія. Сколько поразительныхъ примѣровъ подобной тупости представляетъ намъ исторія политическихъ движеній! Сколько повергнутыхъ кумировъ, мгновенно разрушенныхъ авторитетовъ, сколько грязи и крови разбросано на пути человѣчества только потому, что вожди его не сумѣли стать въ уровень своего времени и прислушаться къ живому голосу дѣйствительной жизни! Какихъ ужасныхъ катастрофъ, какихъ народныхъ несчастій не избѣжала-бы Франція, пережившая столько революцій и гражданскихъ войнъ, если-бъ консервативная близорукость, умѣренно-либеральная бездарность и буржуазная тупость были способны идти рука объ руку съ духомъ своего времени!

Лабуэ не принадлежитъ къ числу упорныхъ фанатиковъ или мертвыхъ доктринеровъ, но его нельзя назвать и прогрессивнымъ дѣтелемъ въ лучшемъ значеніи этого слова. Его политическая карьера исполнена грубыхъ ошибокъ и самыхъ неопредѣленныхъ колебаній. Если онъ не обгонялъ своего времени, то время очень часто обгоняло его, и онъ вмѣсто передового дѣтеля нерѣдко оказывался послѣднимъ изъ заднихъ. Возвыситься до пониманія истинно-народныхъ пуждъ, отдѣлиться отъ толпы своихъ товарищей по національному представительству въ тѣ минуты, когда это было необходимо для блага страны и его собственной репутации, онъ былъ не въ состояніи. Тамъ, гдѣ нужна была не готовая теоретическая мѣрка для оцѣнки событій, а быстрое соображеніе и политическая дальновидность, онъ обыкновенно оказывался ниже своей роли и боялся сойти съ рутинной колеи. Для профессора это было-бы ничего, но для представителя интересовъ народа, дѣйствующаго не въ аудиторіи и кабинетѣ, а среди самой жизни и притомъ въ высшихъ сферахъ ея постоянно измѣ-

няющихся явленій, это было крайне неудобно. Синіе очки доктринерской логики часто закрывали отъ Лабулэ лицевую сторону дѣла, и онъ упорно держался за свою старую веревочку, когда жизнь уносила его вмѣстѣ съ его веревочкой, въ своемъ бурномъ потокѣ, въ противоположную сторону.

Объяснимъ это фактами.

Послѣдній наполеоновскій плебисцитъ былъ слишкомъ ясной продѣлкой растерявшагося деспота, для котораго наступила минута горькой расплаты за двадцатилѣтнее угнетеніе страны. Наполеонъ III и его союзники по почному декабрьскому нападенію на Францію чувствовали, что почва ускользаетъ изъ-подъ ихъ ногъ, и захотѣли еще разъ съэксплуатировать наивность довѣрчивой націи. Теоретически ничего не можетъ быть лучше, какъ опереться на волю народа въ рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ,—это такъ; но кто-же не понималъ, что тутъ всенародная санкція нужна была вовсе не для общественныхъ интересовъ Франціи, а для того, чтобы на авторитетѣ этой санкціи основать еще разъ свой поколебавшійся пьедесталъ? Кто не понималъ этой цѣли творца второй имперіи, кто не видѣлъ, въ какую игру играетъ слишкомъ опытный игрокъ? Но Лабулэ, отъ правляясь отъ своей доктринерской точки зрѣнія, узрѣлъ въ этомъ плебисцитѣ нѣчто высоко-нравственное и грандіозное. Какъ только императорское правительство заговорило о плебисцитѣ, такъ Лабулэ сталъ однимъ изъ самыхъ горячихъ поборниковъ этой мѣры. Онъ не захотѣлъ, несмотря на всевозможныя предостереженія, провѣрить, на-сколько плебисцитъ, предложенный отъ лица тѣхъ, которые рассчитывали воспользоваться ожидаемымъ его разрѣшеніемъ, представлялся перчаткою, брошенною всѣмъ либеральнымъ отгѣнкамъ общественнаго мнѣнія во Франціи. Онъ не захотѣлъ даже сообразить двусмысленности той формы, въ которой была предложена задача народному голосованію, отъ котораго требовали одного совмѣстнаго отвѣта на три различные вопроса; онъ не подумалъ о тѣхъ хитроумныхъ сплетеніяхъ, къ которымъ должно было прибѣгнуть правительство Наполеона, чтобы добиться того именно отвѣта, который былъ ему желателенъ; онъ допустилъ даже, чтобы плебисцитъ ходилъ по рукамъ при письмѣ, написанномъ имъ самимъ и дававшимъ дѣлу отгѣнокъ дѣйствительнаго либерализма. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ такъ были поражены по-

добною слѣпотою популярнаго профессора, что даже слово „измѣна“ слышалось въ ходячихъ разговорахъ. Измѣны никакой не было,—однако, послѣдовавшія событія должны были убѣдить Лабулэ, что онъ, по своей близорукости, не далеко былъ отъ того жалкаго положенія, въ которомъ его заподозрѣвали. А между тѣмъ онъ искренно ненавидѣлъ наполеоновскій режимъ и вовсе не хотѣлъ служить его упроченію. Но такова ужъ участь доктринара, часто невидящаго изъ-за лѣсовъ своей теоріи яснаго солнца.

Наступило 4 сентября 1870 года; наполеоновское правленіе пало и на сцену выступило новое національное собраніе, сначала въ Бордо, а потомъ въ Версали. Рѣчь зашла о конституціонныхъ законахъ, и Лабулэ, какъ уважаемый публицистъ, оказался въ числѣ тридцати членовъ комисіи, разработавшей новыя основныя законы государства. Цѣль первоначальнаго состава этой комисіи была для всѣхъ ясна и явственно обнаружилась въ монархической коалиціи 24 мая. Всѣ лучшіе люди, откровенно приставшіе къ республикѣ, настойчиво указывали на плутовскую ставку, предложенную герцогомъ Брольи и его приверженцами; они не упускали ни одного удобнаго случая протестовать противъ тѣхъ неправильныхъ отношеній, въ которыя комисіа успѣла поставить національное собраніе къ бывшему въ то время президентомъ Тьеру: они-же постоянно употребляли всѣ свои усилія, чтобы раскрыть интриги праваго центра и выставить передъ обществомъ ту конституціонную галиматью, которою орлеанисты намѣревались опутать большинство собранія на пользу защищаемыхъ ими династическихъ интересовъ. Одинъ Лабулэ ничего не видѣлъ и ничего не понималъ: увлекаясь собственной добросовѣстностью, онъ продолжалъ вѣрить въ такую-же добросовѣстность и своихъ товарищей. Наивностямъ его не было конца: надо было удивляться тому серьезному характеру, съ которымъ онъ разбиралъ и обсуждалъ всѣ тѣ парламентскія мелочи, которыми пользовалась интрига, чтобы отвести глаза лицъ голосъ имѣющихъ. Профессору государственнаго права, воспитанному на теоріяхъ Монтескье, поусилили учрежденіе двуполой камеры—и онъ до такой степени увлекся возможностью достиженія своего политическаго идеала, что и не замѣтилъ, какъ та-же интрига успѣла сдвинуть съ мѣста главный столпъ республиканской Франціи, старика Тьера. Такого ре-

зультата онъ никогда и вообразить себѣ не могъ, потому что далеко не принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые относятся осмотрительно къ ящивамъ, могущимъ оказаться съ двойнымъ дномъ.

Не далѣе, какъ прошедшимъ лѣтомъ, на нашихъ глазахъ, Лабулэ пришлось еще разъ поплатиться за свою наивность. На этотъ разъ онъ шелъ объ руку съ министромъ народнаго просвѣщенія Валлономъ и вмѣстѣ съ нимъ оказался обойденнымъ клерикальною партіей. Ученіе о свободѣ преподаванія во всѣхъ родахъ учебныхъ заведеній прельстило его доктринерскую простоватость, податливую на всякое либеральное начинаніе. Поэтому онъ не подумалъ оглядѣться, не кроется-ли за предлогомъ свободы преподаванія какой-либо новой интриги, намѣревающейся изъ предлагаемаго закона сдѣлать сильнѣйшій рычагъ къ узаконенію тенденцій, ничего съ свободою общаго неимѣющихъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что безусловная свобода преподаванія, предоставленная всякому гражданину и всякому мнѣнію, составляетъ высшій идеалъ прогрессивнаго мыслителя въ дѣлѣ народнаго образованія. Одно условіе, однако, необходимо для осуществленія этого идеала: условіе это заключается во взаимной терпимости между представителями различныхъ мнѣній и системъ въ дѣлѣ просвѣщенія юношества. Кто-же были тѣ лица, которыя добивались болѣе всего этой пресловутой свободы преподаванія? Были-ли они поклонниками дѣйствительной свободы и отличались-ли вообще терпимостью въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ? Никогда, потому что это были противники всякаго прогрессивнаго принципа, занятые исключительно проведеніемъ въ жизнь папскаго авторитета. Коалиція подобныхъ господъ должна была-бы возбудить вниманіе всякаго дѣятеля, занимавшагося практическимъ проведеніемъ проповѣдуемыхъ имъ началъ въ жизнь. Но Лабулэ и здѣсь ничего не видѣлъ, и здѣсь попалъ въ клерикальную западню. А между тѣмъ дѣйствительно честному политическому дѣятелю недостаточно еще дѣйствовать самому безупречно, но необходимо смотрѣть и за тѣмъ, чтобы и другіе не могли обходить его, и умѣть различать дѣйствительность, несмотря на всѣ ухищренія лицемѣрія и интриги.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Лабулэ дѣятель честный. Онъ никогда никого не обманулъ, никогда и никого не обманетъ. Но эта пассивная честность чисто-отрицательнаго свойства, и никто

не поручится, чтобы она, благодаря своей рутинной односторонности, не обратилась при удобномъ случаѣ въ безчестность.

Въ этомъ и заключается несчастіе Франціи, что люди, которымъ ввѣрена ея судьба, при самыхъ лучшихъ своихъ стремленіяхъ, ведутъ ее окольными путями и оказываются плохими борцами даже въ столкновеніи съ такими патентованными интриганами, каковы Брольи или Бюфе. Общее теченіе народныхъ мыслей и общественныхъ учрежденій видимо направляется къ торжеству умѣренной республики, но много надо времени, чтобы дожидаться этого торжества, потому что предводители партій дѣлаютъ одну ошибку за другою. На исправленіе затѣмъ этихъ ошибокъ посвящается все то время, которое, при болѣе ловкихъ политическихъ дѣятеляхъ, могло-бы быть вполне отдано прогрессивному движенію, столь необходимому для Франціи. Этимъ обстоятельствомъ объясняется и то, отчего версальскому собранію потребовалось пять лѣтъ для выработки конституціонныхъ законовъ.

Но какъ-бы тамъ ни было, а республика въ принципѣ прошла и никто кромѣ президента ея не вправѣ до 1880 года возбудить вопроса о ревизіи конституціонныхъ законовъ. Теперь идетъ рѣчь только о ихъ примѣненіи и о той поддержкѣ, которую должно оказать республиканскому принципу созываемое нынѣ новое законодательное собраніе. Есть основаніе думать, что это собраніе не будетъ той жалкой богадѣльной, которую представляло только-что сошедшее со сцены и, по своей умственной и моральной хилости, единственное въ лѣтописяхъ конституціонныхъ учрежденій.

Втеченіи послѣднихъ восьмидесяти пяти лѣтъ Франція испробовала всевозможныя системы организаціи своей высшей законодательной палаты. Испытана была и родовая наследственная перія, на подобіе англійской палаты лордовъ, и назначеніе по выбору правительства, — испытываетъ, наконецъ, систему двухсторонняго народнаго избранія. Ни родовая перія, ни правительственное назначеніе никогда не достигали той цѣли, которою задавался законодатель, проектируя консервативную палату. Въ недалекомъ будущемъ время покажетъ, чего стоитъ настоящая организація сената.

Сенатъ, по существу учрежденія своего, есть учрежденіе чисто-политическое, призванное играть сдерживающую роль въ столкно-

веніяхъ между палатою, проектирующею законы, и исполнительною властью президента. Такое значеніе сената выражено въ предоставленномъ ему правѣ обсуждать предположенія президента относительно распущенія палатъ и изъяслять на исполненіе этихъ предположеній свое согласіе или несогласіе. Безъ согласія сената исполнительная власть не можетъ распустить палатъ, а этимъ сдерживаются излишіе порывы президента къ своевластію, вызывающему, обыкновенно, государственные кризисы. Французская публицистика хорошо понимаетъ, что все практическое значеніе сената зависитъ отъ болѣе или менѣе удачнаго исполненія той уравновѣшивающей роли, которая придана палатѣ сенаторовъ. Поэтому республиканская пресса съ такимъ вниманіемъ слѣдила за выборами своего будущаго патриціата.

Съ какой-бы точки зрѣнія ни смотрѣть на новую французскую конституцію, она представляетъ такую амальгаму политическихъ принциповъ, такую смѣсь элементовъ, внесенныхъ въ нее различными партіями, что даже съ внѣшней ея стороны въ ней нѣтъ цѣльно и конкретно проведенной государственной идеи. Такъ, по вопросу объ отношеніяхъ законодательной и исполнительной власти конституція рѣшительно не представляетъ средствъ къ предупрежденію столкновеній между главою государства, надѣленнымъ значительными прерогативами, и законодательнымъ собраніемъ, осуществляющимъ собою народную волю. Въмѣсто того, чтобы ослабить поводы къ подобнымъ столкновеніямъ, обоюдный законъ 25 февраля какъ-будто направленъ именно къ тому, чтобы эти столкновенія какъ можно легче случались. Разумѣется, основныя начала современнаго парламентаризма проведены въ законѣ и исполнительная власть поставлена, по буквѣ конституціи, въ зависимость отъ довѣрія палатъ. Но преданія о постоянной и упорной борьбѣ между государственными органами Франціи, та бездна, которая отдѣлила народъ отъ своего правительства, наконецъ тотъ революціонный геній, который неустанно работаетъ во Франціи около вѣка, — все это требуетъ не формальныхъ парламентскихъ гарантій для уничтоженія будущихъ узурпацій, новыхъ декабрьскихъ *coups d'état*, а болѣе существенныхъ соціальныхъ реформъ. Какими либеральными тенденціями ни руководись законодательное собраніе, президентъ остается вооруженнымъ всеми преимуществами монархической власти въ странѣ, въ которой монархическія сим-

патіи еще очень живучи. При такихъ условіяхъ легко можетъ случиться, что собраніе, порожденное всеобщемою подачею голосовъ, при первомъ столкновеніи захочетъ поставить на своемъ, опираясь на весь принадлежащій ему авторитетъ народнаго представительства, а президентъ, окруженный блескомъ власти, располагающій военной силой и вооруженный, такимъ образомъ, чисто-абсолютными прерогативами, не откажется, при удобномъ случаѣ, въ лицѣ какого-нибудь честолюбца наложить руку на конституцію и распорядится собраніемъ по-своему.

Если стать на эту точку зрѣнія, то практическая важность будущаго сената очевидна; безъ содѣйствія его президентъ, по существу конституціи, не можетъ показать власти своей надъ народнымъ собраніемъ; безъ содѣйствія его онъ долженъ, слѣдовательно, въ случаѣ столкновеній съ палатою, подчиниться послѣдней и, измѣнивъ составъ министерства, управлять страной по указанію представителей населенія. Равнодушіе къ общественному мнѣнію, пренебреженіе палатскими рѣшеніями, столь часто проявляющіяся въ конституціонныхъ монархіяхъ, становятся менѣе возможными, если только сенатъ не измѣнитъ своей роли и не сдѣлается соучастникомъ узурпатора.

Фактъ собственнаго уничтоженія сенаторовъ передъ лицомъ исполнительной власти принадлежитъ къ числу преданій, унаслѣдованныхъ отъ всѣхъ верхнихъ камеръ, существовавшихъ во Франціи съ начала настоящаго столѣтія. Вотъ почему этотъ высшій и дорого стоящій институтъ никогда не достигалъ своей цѣли, такъ какъ цѣль эта заключается въ томъ, чтобы парализовать честолюбивые замыслы главы государства и возможность государственныхъ переворотовъ.

Главная обязанность сената опредѣляется постояннымъ наблюденіемъ за равновѣсіемъ политической власти, распределенной между законодательнымъ органомъ палаты депутатовъ и исполнительнымъ органомъ, — наблюденіемъ за сохраненіемъ духа конституціи. Какъ только возникаетъ антагонизмъ въ стремленіяхъ палатскаго большинства съ общими тенденціями населенія въ государствѣ, такъ сенату предстоитъ не только поддержать намѣреніе президента распустить палату, но даже вызвать подобную съ его стороны мѣру. Но если нѣтъ никакого противорѣчія между дѣятельностью нижней палаты и желаніями населенія, то се-

нать долженъ противодѣйствовать всякому посползованію президента къ распущенію парламента. Въ этомъ отношеніи сенатское veto пріобрѣтаетъ совершенно исключительную политическую важность. Благодаря этому veto, взаимныя роли трехъ властей, созданныхъ конституціей Валлона, становятся довольно опредѣленными. Исполнительная власть не является болѣе посредствующимъ началомъ для примиренія несогласій, происходящихъ между двумя палатами; напротивъ, несогласія между президентомъ и палатою депутатовъ должны быть разрѣшаемы авторитетомъ сената. Вотъ на какомъ механическомъ равновѣсіи построено взаимное отношеніе конституціонныхъ органовъ французской республики.

Такимъ образомъ, сенатъ является дѣйствительно охранительнымъ установленіемъ, но обязаннымъ охранять не исполнительную власть отъ напора элементовъ, представляющихъ собою волю населенія, а самый духъ государственныхъ учрежденій отъ произвола власти. Впрочемъ, та-же великая роль присвоивалась сенату и при первоначальномъ учрежденіи его въ 1798 году. Въ то время конституціонный законъ былъ контрастированъ первымъ консуломъ Бонапартомъ, и этимъ объясняется, отчего эта роль осталась пассивной въ верхней палатѣ. Французскій сенатъ начала настоящаго столѣтія, существовавшій сначала при консульскомъ, а потомъ при императорскомъ управленіи, и, какъ блѣдная копія его, сенатъ второй имперіи, не только не заботились о выполненіи высокихъ своихъ обязанностей, но во всей дѣятельности своей оказывались безусловно-покорными органами исполнительной власти и помогали послѣдней давать значенію государственныхъ учрежденій совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ тотъ, который грезился теоретическимъ мечтаніямъ первоначальныхъ создателей конституціонныхъ законовъ.

Кромѣ руководящей роли, на сенатъ возложены и другія обязанности. Административныхъ функцій сенатъ никакихъ не имѣетъ, судебная роль его чрезвычайно ограничена, участіе его въ установленіи бюджета можно назвать совершенно второстепеннымъ, на образованіе личнаго состава министерства сенатъ не можетъ имѣть никакого вліянія, за то въ дѣлахъ иностранной политики ему предоставлено право контроля на одинаковыхъ основаніяхъ съ палатою депутатовъ; наконецъ, въ вопросахъ законодательной дѣятельности онъ поставленъ на ту-же ногу, какъ и нижняя палата, — безъ

его санкціи никакой законъ не можетъ получить окончательнаго своего утвержденія. Слѣдовательно, все это такія функціи, которыя сами по себѣ не доказывали-бы еще безусловной необходимости учрежденія трехсотъ-членной верхней палаты, если-бы не спеціальная, сдерживающая роль, присущая сенату при столкновенияхъ президента съ народнымъ представительствомъ. Какъ это осуществится практически—предсказать трудно, потому что самая идеальная конституція при дурныхъ исполнителяхъ ея не стоитъ простого листа бумаги, и, наоборотъ, при хорошихъ органахъ управленія самая плохая конституція дѣлается верхомъ совершенства. Это такъ, но не менѣе вѣрно и то, что умные и честные государственные дѣятели воспитываются только подъ вліяніемъ мудрыхъ политическихъ учреждений.

Что особенно интересуется французскую прессу въ этомъ отношеніи—это вопросъ: на-сколько республиканскій элементъ будетъ преобладать въ средѣ сенаторовъ и въ какой степени онъ окажется дѣятельнымъ въ охраненіи самой республики отъ интригъ ретроградныхъ партій?

Надо отдать справедливость, что первый шагъ въ избирательной борьбѣ привелъ къ полнѣйшему торжеству республиканской партіи. Въ прошломъ письмѣ я намѣтилъ тѣ обстоятельства, которыми сопровождалось избраніе 75 пожизненныхъ сенаторовъ, составляющихъ четвертую часть верхней палаты и замѣщаемыхъ посредствомъ баллотировки среди членовъ законодательнаго собранія. Въ число этихъ 75 сенаторовъ избраны: 55 членовъ, подавшихъ 25 февраля голосъ за конституцію, и всего 20 — подавшихъ голосъ противъ нея. Большинство этихъ послѣднихъ двадцати сенаторовъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу крайнихъ легитимистовъ, въ союзъ съ которыми лѣвая сторона успѣла провести своихъ кандидатовъ. Орлеанистской-же и бонапартистской партіямъ пока не удалось усадить своихъ представителей на курульня кресла.

Остальные 225 сенаторовъ подлежатъ избранію особыхъ избирательныхъ коллегій, состоящихъ изъ слѣдующихъ лицъ: 1) бывшихъ депутатовъ каждаго департамента въ національномъ собраніи; 2) членовъ генеральныхъ департаментскихъ совѣтовъ; 3) членовъ окружныхъ совѣтовъ и 4) особыхъ уполномоченныхъ, избираемыхъ муниципальными совѣтами въ каждой общинѣ. Первыя

три категоріи избирателей составлены изъ лицъ, уже намѣченныхъ предшествовавшими народными выборами; четвертый разрядъ подлежить еще избранію, и выборы этихъ спеціальныхъ избирателей назначены на 4/16 января.

Судить о политическихъ симпатіяхъ, которыя будутъ выражены этими колегіями, въ настоящее время трудно. Болѣе, чѣмъ изъ сорока трехъ тысячъ избирателей, въ составъ ихъ входящихъ, пришлось до сихъ поръ публично высказать свои воззрѣнія весьма небольшому числу. Намъ извѣстны политическія мнѣнія только бывшихъ депутатовъ да генеральныхъ совѣтниковъ, но ничего неизвѣстно относительно политическаго характера окружныхъ совѣтниковъ и делегатовъ, которые будутъ присланы общинами. До сихъ поръ не было случая, чтобы выборы въ окружные совѣты сопровождались политической борьбою. Предметы дѣятельности этихъ совѣтовъ до такой степени ограничены и на-столько лишены всякаго политическаго характера, что вакансіи обыкновенно предоставлялись всякому желающему, даже безъ конкуренціи; бывали случаи, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ должности окружныхъ совѣтниковъ оставались незанятыми, по совершенному отсутствію желающихъ кандидатовъ. Надо думать, что впредь выборы окружныхъ совѣтниковъ нѣсколько измѣнятся въ своемъ характерѣ и что кандидаты будутъ являться съ опредѣленными политическими отгнѣнками; но въ настоящемъ случаѣ всѣ 3,490 окружныхъ совѣтниковъ были выбраны до изданія новыхъ конституціонныхъ законовъ, и потому политическія тенденціи ихъ совершенно неизвѣстны. Слѣдовательно, судить о томъ, въ какую сторону эти лица подадутся при выполненіи своихъ избирательскихъ обязанностей, можно будетъ только по характеру нѣкоторыхъ коноводовъ, могущихъ имѣть вліяніе на прочихъ избирателей въ составѣ колегій, а не по политическому направленію большинства, которое такъ пестро и разнообразно, что опредѣлить его нѣтъ никакой возможности.

То-же слѣдуетъ сказать и о муниципальных совѣтахъ, обязанныхъ выслать своихъ представителей въ департаментскія избирательныя колегіи. Муниципальные совѣты никогда не занимались политикой; ихъ дѣятельность сосредоточивалась исключительно на мѣстныхъ и личныхъ интересахъ; тутъ не было ни политическихъ партій, ни борьбы за убѣжденія. И потому, за

исключеніемъ городовъ и нѣкоторыхъ большихъ центровъ, всѣ прочіе муниципальные совѣты едва-ли имѣютъ вообще какія-бы то ни было политическія убѣжденія. Не только между низшимъ классомъ, но даже между провинціальнымъ джентри намъ не разъ приходилось встрѣчать настойчивое убѣжденіе, что занятіе политической—праздное дѣло и вредитъ частному и общественному спокойствію. Большинство этой публики или само было свидѣтелями, или-же знакомо по наслышкѣ съ происшествіями 2 декабря и съ происходившими вслѣдъ за тѣмъ казнями и ссылками; свѣжи еще преданія и о той безцеремонности, съ которою правительство относилось къ гражданамъ, позволявшимъ себѣ либеральничать и возбуждать населеніе въ смыслѣ противодѣйствія предписанному порядку; а частыя правительственныя перемѣны убѣждаютъ только въ брѣнности всякихъ политическихъ затѣй и трудности, съ которою сопряжено прочное установленіе какого-бы то ни было политическаго порядка. При такихъ условіяхъ неудивительно, что муниципальные дѣятели предпочитаютъ совсѣмъ не высказывать своихъ мнѣній и придерживаются въ практическомъ отношеніи удобнаго для нихъ афоризма, исключающаго всякую политику изъ ихъ программы. Поэтому насчетъ массы избирателей, имѣющихъ войти въ составъ избирательныхъ колегій, можно совершенно вѣрно сказать, что они представляютъ въ политическомъ отношеніи вполне дѣвственную почву, на которой можно посѣять и собрать все, что угодно *).

5 января.

Перейдемъ отъ политической сцены съ ея комическими и трагическими перипетіями къ сценѣ парижскаго театра „Одеона“. Скромный „Одеонъ“, развлекающій полуголодную публику Латинскаго квартала классическими трагедіями, вдругъ сдѣлался предметомъ общаго говора и интереса. Нервно-раздраженная, вѣчно требующая „хлѣба и зрѣлищъ!“ парижская толпа съ жадностію бросается на все новое и оригинальное, будетъ-ли это театральная пьеса, дикарь съ Сандвичевыхъ острововъ или тюлень Ледовитаго моря. На этотъ разъ она была заинтересована поста-

*) Какъ извѣстно, выборы въ сенатъ дали большинство республиканской партіи; побѣдила партія лѣваго центра, т. е. консервативные республиканцы.

новкой въ „Одеонъ“ русской пьесы, выхваченной цѣликомъ изъ русской жизни, но написанной на французскомъ языкѣ. Пьеса эта называется „Данышевы“; авторъ ея нѣкто *Петръ Невскій*, который, по словамъ здѣшней фельетонной прессы, никто иной, какъ мужъ извѣстной французской актрисы, игравшей на петербургской сценѣ и недавно покинувшей ее. Далѣе молва прибавляетъ, что Алекс. Дюма принималъ участіе какъ въ исправленіи этой драмы, такъ и въ постановкѣ ея на сцену. Нѣтъ сомнѣнія, что благодаря его авторитету, она пробилась на свѣтъ божій и, независимо отъ своего внутренняго достоинства, обратила на себя вниманіе самой капризной и, въ то-же время, самой рутинной парижской публики.

При поднятіи занавѣса вы видите на сценѣ барскій домъ старой графини Данышевой, живущей въ своемъ помѣстьѣ, въ нижегородской губерніи, въ обществѣ приживалокъ, прикормленныхъ собакъ, поугаевъ и огромной дворни, проникнутой всѣми преданіями блаженной памяти крѣпостного права. Фигура графини очерчена очень характеристично и ярко: рожденная и прожившая всю жизнь свою въ семействѣ гордомъ, привыкшемъ повелѣвать людьми и гоняться за придворными милостями, надменная старуха увлекается только однимъ предметомъ въ жизни — карьерою сына, блистательнаго гвардейскаго офицера. Поддержаніе родового достоинства составляетъ единственную цѣль, которую преслѣдуетъ графиня въ жизни, преисполненной затѣмъ чистѣйшаго самодурства по отношенію ея къ крѣпостнымъ, собакамъ, конскому заводу, деревенскому хозяйству и всей остальной обстановкѣ. Все богатство свое графиня предназначаетъ Владимиру Данышеву, которому дана полная воля распоряжаться имъ — драть крѣпостныхъ, распродавать или жечь родовые лѣса, травить лошадей и собакъ, пользоваться, накопецъ, всѣми прелестями деревенскихъ красавицъ, — лишь-бы онъ не забывалъ, что главная, единственная обязанность его въ жизни — составить себѣ карьеру, т. е. занять видное мѣсто при дворѣ или достичь высшаго государственнаго ранга. Мечта старой графини о восстановленіи своего родовитаго имени во всемъ блескѣ его древнихъ традицій, — мечта, на которой, такъ сказать, окаменѣла она, наводитъ ее на мысль женить сына на княжнѣ Валановой, представляющей по связямъ самую блестящую партію среди московской аристократіи. Несмотря на свою мо-

лодость, барышня эта не отличается ни сдержанностью, ни скромностью. Красивая, богатая, умная, ловкая, княжна представляет всё данное, чтобы поставить домъ Данышевыхъ на ту ногу, которая грезится воображенію старухи. Окруженная толпою сонска-телей, считающая въ числѣ крѣпостныхъ своихъ миліонеровъ, докторовъ и артистовъ, княжна пользуется не совсѣмъ лестною репутациею любовницы генераль-губернатора. За то съ такою же-ною Владиміръ разомъ поднимется на самый зенитъ свѣтскаго успѣха и почестей, а графинѣ только этого и нужно.

Вотъ тѣ нравственныя вѣровоззрѣнія, которыми отличается графиня. Затѣмъ зритель переходитъ къ внѣшней обстановкѣ провинціальной барыни и видитъ около нея и приживалокъ изъ мелкопомѣстныхъ сосѣдокъ, и французенку-компаньенку, и воспитанницу изъ облагодѣтельствованныхъ крѣпостныхъ, наконецъ, собаку рѣдкой породы, предметъ постоянной заботливости всей этой свиты, и попугая, болтающаго въ своей клѣткѣ и обученнаго отвѣчать графинѣ на ея вопросы въ смыслѣ ея жизненныхъ воззрѣній. Тутъ-же одна изъ приживалокъ гадаетъ на картахъ, стараясь въ расположеніи ихъ выискать „исполненіе желаній“ графини; а желаніе это заключается въ настоящую минуту только въ томъ, чтобы любимому сыну, проживающему въ деревнѣ въ отпуску, дана была отсрочка. „Исполненіе желанія“, разумѣется, выходитъ, графиня улыбается и даетъ приказаніе позвать дворецкаго съ докладомъ объ „осеннихъ свадьбахъ“. Эта черта нашихъ нравовъ поразила парижскую публику, давно отвыкшую отъ мысли, что было время, когда люди женились не по своему выбору и вкусу, а по желанію помѣщика, имѣвшаго въ виду не столько соединеніе вѣчными узами двухъ любящихъ существъ, сколько разведеніе рослой и красивой породы крѣпостныхъ людей. На этотъ разъ княгиня порѣшила женить двухъ молодцовъ на двухъ дѣвкахъ и какъ-разъ подобрала пары такъ, что нелюбимые другъ другомъ должны были соединиться вѣчными узами. Дворецкій, несмотря на всю свою скромность, рѣшается обратить вниманіе графини на отсутствіе сочувствія между нарѣченными парами, но помѣщица сухо отвѣчаетъ ему, что она никогда не отиѣняетъ разъ отданныхъ приказаній, и тутъ-же начинаетъ разспрашивать его о конскомъ заводѣ, улыбается отъ удовольствія, что одна изъ кобылицъ дала приплодъ, и тѣмъ самымъ показываетъ, что

въ глазахъ ея разницы, собственно говоря, между лошадьми и крѣпостными никакой нѣтъ. Все это, конечно, нѣсколько рѣзко рѣжетъ ухо русскаго зрителя, особенно на парижской сценѣ, тѣмъ болѣе, что въ современномъ быту нашемъ подобныя вещи уже отжили свой вѣкъ, но если вспомнить, что дѣлалось прежде, если обратиться къ эпохѣ аракеевскихъ брачныхъ подборовъ или къ семейной хроникѣ Аксакова, то приходится сознаться, что все это скопировано прямо съ природы и притомъ безъ всякой утрировки.

Но вотъ и Владиміръ, изъ первыхъ словъ котораго яснымъ становится, что между нимъ и поколѣніемъ матери его лежитъ цѣлый вѣкъ и что новые люди, представителемъ которыхъ является этотъ молодой человѣкъ, всосали съ воспитаніемъ цѣлый міръ другихъ воззрѣній, который для отцовъ остается совершенно непонятнымъ, — Владиміръ, излюбленное дитя, надежда матери, объявляетъ ей, что любить только-что названную воспитанницу изъ крѣпостныхъ, Анну Ивановну, и что онъ хочетъ жениться на ней. Можно себѣ представить тотъ взрывъ негодованія, въ которомъ графиня спѣшитъ выразить свое удивленіе и презрѣніе къ подобному намѣренію сына. Она, конечно, не прочь отъ того, чтобы сынъ попользовался запретнымъ плодомъ отъ Анютки, но въ ея голову никакъ не можетъ уложиться та мысль, чтобы единственный потомокъ сановитаго рода Данышевыхъ опозорилъ себя такою чудовищною связью; а между тѣмъ Владиміръ стоитъ на своемъ и объявляетъ, что онъ не отступитъ отъ намѣренія жениться. Если-же мать откажетъ ему въ своемъ благословеніи, то въ первомъ сраженіи онъ подставитъ лобъ подъ пулю, предпочитая умереть славною смертью, чѣмъ отказаться отъ своего желанія.

Дилемма, поставленная милымъ сыномъ передъ матушкой какъ видите, была такого свойства, что заставляла серьезно подумать старую графиню. Гордость ея вступила въ отчаянную борьбу съ материнскою любовью, и поборола послѣднюю. Графиня рѣшилась разлучить сына съ Анютой и отправить его въ Москву. Тамъ совѣтовала она увидѣться съ княжной, постараться влюбиться въ нее и тѣмъ доказать свою сыновнюю покорность материнской волѣ. Если-же въ продолженіи года любовь его къ Анютѣ не разсѣется и онъ не увлечется вихремъ столичной жизни и свѣтскихъ

удовольствій, то мать даетъ обѣщаніе благословить его на бракосочетаніе съ Анютой. Владиміръ соглашается на условіе матери и, сопровождаемый ея благословеніями и поцѣлуями, а также слезами возлюбленной, уѣзжаетъ.

Графиня вздохнула свободно. Она была убѣждена, что въ годъ много утечетъ воды и блистательный юноша стѣмнетъ вскружить голову столичнымъ князьямъ и увлечетъ за собой столько московскихъ красавицъ, что всякое воспоминаніе о деревенской дѣвушкѣ вылетитъ изъ его головы. Но это, однакожь, не вполне успокоило ее и она рѣшилась отрѣзать послѣдніе канаты корабля, на которомъ пустился Владиміръ въ море житейскихъ опытовъ и тревогъ; она приказала позвать деревенскаго священника и немедленно обвѣнчать Анну съ кучеромъ Осипомъ. Читатель можетъ себѣ представить эффектъ этой сцены. Несчастная дѣвушка валяется въ ногахъ своей барыни, умоляя ее сжалиться надъ ней, но графиня никогда не отмѣняетъ данныхъ приказаній! Она-же избаловала дѣвку тѣмъ, что воспитывала ее при себѣ, сдѣлала изъ нея совсѣмъ приличную барышню и даже дала ей порядочное великосвѣтское образованіе; въ ея-же волѣ поставить ее вновь за соху, а тѣмъ болѣе выдать за кучера, котораго, она вмѣстѣ съ тѣмъ, возводитъ въ высокій санъ управляющаго однимъ изъ отдаленныхъ своихъ имѣній. Въ обморокѣ выносятъ Анюту за сцену, на которую ее приводятъ вслѣдъ за тѣмъ уже въ брачномъ нарядѣ. Въ безмолвномъ оцѣпененіи подписываетъ она брачный актъ и въ сопровожденіи всей дворни сопровождается въ церковь къ вѣнчальному обряду.

Этимъ оканчивается первый актъ драмы, въ высшей степени интересный по отчетливому очертанію нравовъ. Но съ концомъ перваго акта, собственно говоря, кончена и вся драма. Разъ, что Анна Ивановна обвѣнчана съ кучеромъ, логически развязка должна быть слѣдующая: или Осипъ, — облагодѣтельствованный барыномъ, который въ тотъ самый день еще спасъ его отъ другого брака, ему ненавистнаго, — желая остаться преданнымъ своему господину, долженъ наложить на себя руку, или Владиміръ, узнавъ о случившемся, вернется въ деревню и на глазахъ матери пуститъ себѣ пулю въ лобъ. Тотъ или другой финалъ пьесы былъ необходимъ, но авторъ, не желая оставлять публику подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ и окончить свое произведеніе слишкомъ вуль-

гарной сценой, разводитъ Анну съ Осипомъ и выдаетъ ее за Владиміра. Осипъ скрывается въ монастырѣ, подъ черной рясой монаха.

Такимъ образомъ, въ первомъ актѣ сыграна свадьба Осипа съ Анной, а въ послѣднемъ авторъ разводитъ ихъ и Осипа отправляетъ въ монашескую келью. Остальные два акта служатъ не болѣе, какъ баластомъ для пополненія драмы, которую à coup de force надо было сдѣлать четырехъ-актной.

И, дѣйствительно, второй актъ, опять-таки имѣющій въ себѣ много нравоописательнаго элемента, наполненъ, собственно говоря, свѣтскимъ разговоромъ, сплетнями и ходячими новостями дня. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ салонахъ мѣстной львицы княжны Валановой. Свѣтскій разговоръ ведется очень живо и нѣсколько доморощенныхъ московскихъ типовъ очерчены довольно мѣтко, хотя для насъ эти типы и не представляютъ новости на драматической сценѣ. Разжившійся откушникъ, изъ вольноотпущенныхъ, Захаровъ, ищетъ протекціи могущественной княжны съ цѣлью защитить отъ притѣсненій администраціи свои нѣсколько оригинальные комерческіе приемы; княжна тутъ-же, на мѣстѣ, беретъ съ него взятку во сто тысячъ рублей, которые жертвуетъ на какое-то богоугодное дѣло, и затѣмъ забываетъ данныя ею обѣщанія. Чиновникъ и сановитый старецъ, отецъ ея, бродитъ по гостинимъ и крѣпко напоминаетъ извѣстный типъ князя Тугоуховскаго. Наконецъ, тутъ-же ловкій представитель французскаго посольства, виконтъ Тальде, которому авторъ, видимо, хотѣлъ придать значеніе хора древней греческой трагедіи и его устами высказывать собственные воззрѣнія и личную оцѣнку окружающаго общества. Этотъ-то виконтъ даетъ Владиміру случай произнести ту эффектную фразу, которая болѣе всего нравится публикѣ „Одеона“ и вызываетъ самыя громкія ея рукоплесканія. Тальде рассказываетъ, между прочимъ, какъ Владиміръ на медвѣжьей охотѣ спасъ его отъ вѣрной смерти. „Будучи на моемъ мѣстѣ, отвѣчаетъ Владиміръ, — вы сдѣлали-бы то-же самое. Дикій звѣрь нападаетъ на француза, котораго русскій спасаетъ: то-же самое будетъ постоянно повторяться, пока на свѣтѣ будутъ французы, русскіе и дикіе звѣри“. Театръ рукоплещетъ этому намеку, а запуганная пресса удивляется, какъ цензура могла пропустить подобный пасажъ, могущій будто-бы оскорбить германскаго посланника.

Княжна — хозяйка дома, чрезвычайно развязно обращается со всѣмъ этимъ обществомъ. Мысль выйти замужъ за Данышева ей, видимо, понравилась, и она пустила въ ходъ всѣ средства своего искуснаго кокетства. Нѣсколько сомнительная репутація ея не беспокоитъ и она тутъ-же говоритъ совершенно постороннему лицу: „Вамъ сказали, что я любовница генераль-губернатора. Не вѣрьте этому. Если-бы это было такъ, то я не стала-бы скрывать этого!“ Черта нѣсколько сильная, но тѣмъ не менѣе не невозможная.

Владиміръ весьма честно ухаживаетъ за княжной Лидіей. Пока онъ еще не подозрѣваетъ того, что мать его продѣлала въ его отсутствіи, и когда старуха графиня является на сцену, въ надеждѣ порѣшить съ свадьбою сына, то онъ остается въ убѣжденіи, что она пріѣхала изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ только для того, чтобы повидаться съ нимъ.

Однако, въ-концѣ-концовъ Тальде, наговоривъ публикѣ кучу остротъ, въ которыхъ нельзя не признать тонкой отдѣлки Александра Дюма, но которыя тѣмъ не менѣе не имѣютъ ничего общаго съ сюжетомъ пьесы, — Тальде рѣшается открыть Владимиру истину. Владимиръ взбѣшенъ; кровь бросается ему въ голову; онъ разсыпается въ упрекахъ передъ матерью и объявляетъ ей, что ѣдетъ въ деревню съ цѣлью убить обвинянныхъ и затѣмъ покопчить съ самимъ собой.

— Онъ въ состояніи сдѣлать, что говоритъ, восклицаетъ графиня, и занавѣсъ падаетъ.

Третій актъ переноситъ насъ въ избу Осипа, въ отдаленное захолустье, куда графиня отправила его съ женою послѣ свадьбы. Владимиръ является, съ трудомъ сдерживая свое бѣшенство и готовый хлыстомъ наказать неблагодарнаго раба, похитившаго у него любимую имъ женщину. — „Не троньте, отвѣчаетъ ему холодно Осипъ, — сожалѣть будете“. И вслѣдъ за тѣмъ сообщаетъ Владимиру вещь самую невѣроятную, неслыханную, поражающую! Въ этой трущобѣ, среди полнѣйшаго уединенія, сосланный по волѣ помѣщицы и давно уже влюбленный въ Анну, Осипъ живетъ съ нею, какъ братъ съ сестрой, не пользуясь своими брачными правами и оберегая жертву крѣпостнаго самодурства для своего господина. Все это отзывается такимъ мелодраматизмомъ,

такимъ дѣланнымъ эффектомъ, что невольно чувствуешь всю неестественность положенія...

Въ присутствіи подобнаго факта самопожертвованія развязка представляется уже сама собою. Пьеса въ существѣ своемъ кончена и автору приходилось выяснить только тѣ условія, при которыхъ разводъ и вторичный бракъ разведенной жены въ Россіи возможны. Почему-то автору показалось, что разводъ обуславливается прежде всего губернаторскимъ разрѣшеніемъ,—и вотъ для полученія этого разрѣшенія Владимиръ, а съ нимъ вмѣстѣ и мать его, поднимаютъ на ноги опять-таки ту-же княжну Валанову, которая, разумѣется, оказываетъ имъ не покровительство, а противо-дѣйствіе.

Нельзя не согласиться, что Данышевы оказываются въ этомъ случаѣ черезчуръ наивными, обращаясь за содѣйствіемъ къ оскорбленной невниманіемъ Владиміра княжнѣ. Да и графиня что-то слишкомъ легко отказывается отъ своихъ честолюбивыхъ намѣреній, лежавшихъ въ основаніи всего ея характера. Надменная аристократка отступаетъ отъ всякаго противо-дѣйствія намѣреніямъ сына съ того момента, какъ разводъ въ принципѣ представляется дѣломъ рѣшеннымъ. Она какъ-то стирается съ перваго плана пьесы, что едва-ли согласно съ жизненною истиною, въ силу которой подобные характеры не легко уступаютъ, а, напротивъ, продолжаютъ борьбу до послѣдней крайности.

Какъ только графиня ступевалась со сцены, Осипъ захватываетъ важнѣйшую роль въ послѣдующемъ драматическомъ дѣйствіи и привлекаетъ къ себѣ все вниманіе зрителя. Надо отдать справедливость, что это разъединеніе дѣйствія выполнено авторомъ очень ловко, такъ-что зритель почти не замѣчаетъ рѣзкаго сценическаго прыжка. Впрочемъ, послѣдующія явленія смѣняются быстро, и мистическая развязка, обращающая Осипа въ монахи торжественностью своею производитъ съ перваго раза пріятное впечатлѣніе, но вслѣдъ за тѣмъ ея мелодраматическая приторность озадачиваетъ зрителя. Такъ и кажется, что чистая душа кучера Осипа, въ балетномъ апофеозѣ, полетитъ въ эфирныя пространства!..

Нѣтъ ничего благодарнѣе въ роли хроникера, какъ необходимость передавать сюжетъ новой театральной пьесы. Подобный разговоръ можно сравнить съ скелетомъ живого существа, по ко-

тому едва-ли можно судить о пластических формах тѣла. Тѣмъ не менѣе необходимо показать этотъ скелетъ, чтобы дать возможность судить, хотя приблизительно, объ общемъ типѣ произведенія.

Пьеса несомнѣнно эффектна и, вѣроятно, будетъ имѣть долговременный успѣхъ. Публика выходитъ изъ театра очарованною по разнымъ мотивамъ: одни довольны выраженіемъ симпатій французовъ къ Россіи, на поддержку которой здѣсь крѣпко надѣются; другимъ нравится картина русской своеобразной жизни, совершенно новаго и оригинальнаго быта, давно пережитаго французскимъ обществомъ; наконецъ, превосходная игра актеровъ, въ особенности того, который играетъ Владиміра, придастъ громадный интересъ русской драмѣ.

Авонингъ.

ЗАМѢТКИ О ПЛОДАХЪ УМА И ТАЛАНТА.

I.

Плоды таланта г. Боборыкина.

Я намѣреваюсь поговорить о нѣкоторыхъ плодахъ ума и таланта, возросшихъ въ минувшемъ году на поляхъ родной журналистики. Выражаясь безъ метафоры, это значить вотъ что: мнѣ хочется припомнить читателямъ нѣчто изъ того, что дала журналистика прошлаго года по части „изящной словесности“, критики и публицистики.

Повидимому, мое намѣреніе весьма исполнимо и не должно-бы, кажется, встрѣтить никакихъ затрудненій, а между тѣмъ затрудненія, на дѣлѣ, сейчасъ-же начинаютъ одолевать меня.

Во-первыхъ, затрудненіе общее, такъ-сказать: припоминать-то, собственно говоря, право, ничего не стоитъ, до того все было въ прошломъ году посредственно и мелко, до того мало выдавалось изъ уровня такъ-называемаго журнальнаго баласта. Одна только „Анна Каренина“ г. А. Толстаго и выдвинулась въ беллетристику, если не серьезностью содержанія, то талантливостью исполненія. Но объ „Аннѣ Карениной“, то-есть о первой половинѣ этого романа, которая появилась въ прошломъ году, въ „Дѣлѣ“ было говорено достаточно и, стало быть, теперь распространяться о ней нечего. Что-же касается другихъ беллетристическихъ произведеній, то бесѣдовать о нихъ серьезно не совсѣмъ удобно. Въ шутку развѣ попробовать? Посмотримъ, попытаемся...

- Во-вторыхъ, за общимъ затрудненіемъ, сейчасъ выясненнымъ,

являются и частныя затрудненія, и притомъ совершенно неожиданныя. Ну вотъ, напримѣръ, я долженъ начать бесѣду съ перваго беллетристическаго плода, назрѣвшаго перваго января прошлаго года въ „Вѣстникѣ Европы“—съ повѣсти извѣстнаго нашего романиста, драматурга, публициста, критика и фельетониста Петра Дмитріевича Боборыкина. Я хотѣлъ-бы побесѣдовать объ этомъ плодѣ серьезно и обстоятельно, рассмотреть плодъ со всѣхъ сторонъ, распластать его, такъ-сказать, ножомъ самой глубокой критики; но принужденъ сейчасъ-же укротить свое желаніе, ибо встрѣчаю препятствіе. Со стороны кого-же? Да никого иного, какъ самого-же г. Боборыкина. Видите, въ чемъ дѣло: я долженъ непремѣнно хвалить г. Боборыкина, говоря о его произведеніи, иначе г. Боборыкинъ обидится и предастъ меня авафемѣ. „Сегодня вы пишете въ журналѣ или газетѣ, скажетъ г. Боборыкинъ, какъ сказалъ онъ недавно въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ,—а завтра васъ обливаютъ въ нихъ-же помоями“. Подъ „обливаніемъ помоями“ г. Боборыкинъ, можетъ быть, разумѣетъ всякое сужденіе, въ которомъ выражается мысль, что произведенія г. Боборыкина не особенно велики и даже, пожалуй, мелковаты. Ну вотъ, что-же мнѣ дѣлать послѣ этого съ г. Боборыкинымъ? Вѣдь онъ имѣлъ удовольствіе помѣщать свои произведенія въ „Дѣла“, слѣдовательно, я не могу имѣть удовольствія говорить о немъ на страницахъ „Дѣла“, писать критическую статью о продуктахъ его творчества. Правда, я могъ-бы доставить себѣ это удовольствіе на страницахъ другихъ журналовъ. Но какихъ-же, однако? Г. Боборыкинъ помѣщалъ плоды своего ума и таланта рѣшительно во всѣхъ „текущихъ“ органахъ и даже въ нѣкоторыхъ протекшихъ (напр. Хановскомъ „Всемирномъ Трудѣ“.) Страницы „Дѣла“, „Вѣстника Европы“, „Отечественныхъ Записокъ“, „Русскаго Вѣстника“ украшались произведеніями г. Боборыкина. Стало быть, въ этихъ органахъ не должны печататься никакія критическія статьи, кромѣ похвальныхъ (ибо похвала не есть обливаніе помоями, а духами), стало быть, уважаемый г. Боборыкинъ долженъ стоять внѣ критики, стало быть, я не имѣю возможности написать желанную критическую серьезную статью о повѣсти г. Боборыкина „Въ усадьбѣ и на порядкѣ“.

Не могу-ли я, однакожь, обойти это затрудненіе, представив-

шееся мнѣ на первомъ-же шагу? Если мнѣ невозможно покуситься на критическую статью о помянутомъ плодѣ даровитаго романиста, то не будетъ-ли удобнымъ сдѣлать шуточную оцѣнку этого плода? На шутку вѣдь никто не обижается. Авось не обидится и г. Боборыкинъ, авось не предастъ меня за шутку анафемѣ. Будемъ-же шутить и смѣяться, тѣмъ болѣе, что предметъ бесѣды невольно вызываетъ на смѣхъ.

Повѣсть „Въ усадьбѣ и на порядкѣ“, такъ-сказать, открыла собою прошлый годъ: она появилась вмѣстѣ съ первой книжкой „Вѣстника Европы“, 1 января 1875 года, въ восемь часовъ утра. Конечно, всѣ читатели бросились съ жадностію на это произведеніе высокоталантливаго автора. Въ числѣ алчныхъ читателей былъ, разумѣется, и я: помню, какъ я проглотилъ интересную повѣсть за одинъ присѣсть, какъ былъ пораженъ глубиною ея внутренняго содержанія, ея идеи, какъ былъ восхищенъ прелестью художественной формы, органически слившейся съ мыслью произведенія. Впрочемъ, о художественности формы произведеній г. Боборыкина нечего и упоминать: кто-же не знаетъ, что форма въ произведеніяхъ г. Боборыкина доведена всегда до высочайшаго совершенства и что для обработки ея онъ, говоря однимъ изъ любимѣйшихъ его выраженій, не жалѣетъ своихъ „животишекъ“?

Содержаніе повѣсти „Въ усадьбѣ и на порядкѣ“, какъ читатели припомнятъ, слѣдующее: Григорій Шелонинъ, или Grische, какъ прозвали его товарищи по коллегіи S-te Barbe, молодой человѣкъ двадцати лѣтъ, пріѣзжаетъ, послѣ долгаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, преимущественно въ Парижѣ, въ родное село Шелонику, къ любимой матери. Эту мать онъ считаетъ ангеломъ-хранителемъ своего дѣтства и ранней юности, о ней онъ преисполненъ самаго высокаго мнѣнія. Надо замѣтить, Grische вообще отличается дѣвственностію возрѣнія и характера, несмотря на то, что его товарищи по школѣ иногда внушали ему самыя циническіе взгляды на женщинъ. „Неправда, кричалъ при такихъ внушеніяхъ Grische своимъ товарищамъ, распутнымъ колежьенамъ:—что-бы вы ни говорили, есть женщины, предъ которыми вы всѣ должны пасть на колѣни, потому что чище и честнѣе этихъ женщинъ нѣтъ на землѣ. Одна изъ этихъ святыхъ, честныхъ женщинъ—моя мать!“

Съ такими идеальными воззрѣніями на женщинъ вообще и на мамашу въ особенности явился Grіche подѣ родимый кровъ и, какъ Гамлетъ, на первыхъ-же порахъ примѣчаетъ ужасныя вещи насчетъ маменьки. Чуть-ли не въ первый-же вечеръ пребывания подѣ родимымъ кровомъ, Grіche видитъ, какъ, около полуночи, въ бударь къ его мамашѣ пробирается нѣкоторый юноша самыхъ шелопаиныхъ свойствъ. Grіche не вѣритъ своимъ глазамъ, не вѣритъ своимъ подозрѣніямъ; но въ слѣдующіе дни убѣждается несомнѣнно, что подозрѣнія его справедливы: чистая и святая мать его состоитъ въ амурахъ съ шелопаинымъ юношей. Душа его, при этомъ открытіи, переполняется муками: въ ней поселяется та „разорванность“, которая такъ терзала Гамлета.

Полный невыразимой психической тоски, Grіche бѣжитъ изъ родной семьи, изъ родной усадьбы въ деревню на „порядокъ“, въ своей „доброй“ кормилицѣ Устиньѣ, надѣясь въ этой женщинѣ найти чистоту, признаніе которой въ дамахъ необходимо для душевнаго мира Grіche'а. Но, увы, надежда его не сбывается: у сорокалѣтней кормилицы онъ находитъ также любовника—батрака Ваньку. „И она, и Устинья?“ въ ужасѣ плачетъ Grіche, наткнувшись на сцену, ясно доказывающую незаконныя отношенія кормилицы къ батраку. Затѣмъ онъ даетъ кормилицѣ асигнацію и терзается душою нѣсколько дней.

Потерзавшись довольно, наболтавъ и отчасти надѣлавъ нѣсколько комическихъ глупостей, Grіche не можетъ выносить сознанія проступковъ своей мамы и кормилицы, хватаетъ въ одно прекрасное утро чемоданъ и утекаетъ опять за границу съ страшнымъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ въ душѣ.

Таково содержаніе повѣсти „Въ усадьбѣ и на порядкѣ“, если откинуть въ ней разныя побочныя эпизоды. Идея этой повѣсти, какъ читатель легко можетъ усмотрѣть, поражаетъ необыкновенной глубиной, что, впрочемъ, всегда бываетъ въ произведеніяхъ г. Боборыкина. Поражаясь глубиной этой идеи, я-бы охотно разобралъ повѣсть самымъ серьезнымъ образомъ, я-бы выяснилъ читателямъ всю важность и современность „вопроса“, въ ней „проведеннаго“ въ превосходныхъ художественныхъ образахъ; но смущенный неизбѣжною анафемой, угрожающей мнѣ со стороны г. Боборыкина, долженъ отложить благое желаніе въ сторону и объ-

яснить какъ значеніе, такъ и красоты боборыкинскаго созданія въ юмористической, шуточной пародіи.

Для пародіи повѣсти я изберу драматическую форму. То, что г. Боборыкинъ изобразилъ въ повѣсти, я изображу въ трагедіи. Это выйдетъ хорошо потому, что въ трагедіи глубоко-потрясающая идея повѣсти получитъ болѣе рельефности, съ одной стороны, и предстанетъ въ болѣе сжатомъ видѣ передъ читателями, съ другой. Но сжавъ содержаніе повѣсти по внѣшности, я, такъ-сказать, расширю его изнутри: я сдѣлаю ея фабулу рѣзче, совершеннѣе, выразительнѣе. Дабы произвести больше впечатлѣнія на читателей страданіями моего героя, дабы „разорвать“ его душу съ сугубнымъ трагизмомъ, я заставлю „пасть“ на глазахъ злосчастнаго Grische'a не только его мамашу и кормилицу,—я обязательно устрою для него въ трагедіи цѣлыхъ пять паденій: его бабушки, маменьки, двухъ тетокъ и кормилицы. Надѣюсь, что всякая, даже самая твердая душа, поверглась-бы въ бездну отчаянія при видѣ такого изобилія женскаго легкомыслія. При этомъ, однакожь, памятуя законы чистаго искусства, недозволяющіе въ трагедіи ничего слишкомъ грубаго, я придамъ платоническій характеръ страсти всѣхъ пяти легкомысленныхъ женщинъ... Смѣю думать, что самъ Петръ Дмитриевичъ Боборыкинъ, прочитавъ мою трагедію, потрясется душою гораздо болѣе, чѣмъ потрясался онъ при чтеніи собственной повѣсти. Смѣю думать, что и читатели... Впрочемъ, чѣмъ заранѣе хвалиться передъ читателями, лучше поскорѣе предложить имъ плодъ моего легкомысленнаго ума и таланта, имѣющій цѣлью выяснить въ шуточной формѣ прелесть и значеніе плода серьезнаго ума и таланта г. Боборыкина.

Итакъ, вотъ моя пьеса:

ПЯТЬ ПАДЕНІЙ,

ИЛИ

пріѣздъ недоросля на родину.

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Grіche Невиннѣ-Шелонинѣ. Недоросль изъ дворянъ.

Невинна, его бабушка. Вдова 85 лѣтъ.

Невинна-Шелонина, его мать. Вдова 38 лѣтъ.

Полина }
Алина } Тетки Grіche'a, дѣвцы. Первой 39, второй 40 лѣтъ.

Акулина, кормилица Grіche'a, крестьянка.

Федотъ. Мажордомъ Невинной.

Филька. Пажъ Невинной-Шелонинной.

Архимъ }
Семенъ } Рейткнехты.

Тянь Архимыча, камердинера Grіche'a.

Лакончъ. Прохвостъ, проживающій въ Парижѣ.

Пьеръ Вульвардѣ. Русскій романистъ, проживающій въ Парижѣ.

Октавъ Кассаньякъ. Незаконный сынъ Поля Кассаньяка. } Негодки 14 лѣтъ,
Поль Дюма. Незаконный сынъ Алекс. Дюма—фиса. } ученики College de
Оскаръ Вело. Незаконный сынъ Адольфа Вело. } S-te Barbe, гдѣ вос-
питывался Grіche.

Лошади, овны, луна и проч.

(Мѣсто дѣйствія пролога и эпилога — Парижъ; мѣсто трагедіи — родовое имѣніе Grіche'a, село Шелониха. Время — XIX вѣкъ.)

ПРОЛОГЪ.

Комната въ Café-Riche.

Октавъ Кассаньякъ, **Поль Дюма,** **Оскаръ Вело,** **Пьеръ Вульвардѣ,** **Grіche,** **Лакончъ,** сидятъ за столомъ и пьютъ. Всѣ веселы, исключая Grіche'a, который стыдливо понурился.

Октавъ Кассаньякъ.

Ха, ха, ха, ха! меня, любезный Grіche,

Невинностью своею ты смѣшишь.

О женщинахъ ты судишь и мужчинахъ,

Какъ дѣвочка четырнадцати лѣтъ...

(Докторально.)

Всѣ женщины—кокотки въ кринолинахъ,
 Мужчины-же—межъ ними честныхъ нѣтъ;
 Всѣ подлецы, какъ мой отецъ или дѣдъ,
 Извѣстные въ Европѣ и повсюду...
 Вотъ мнѣніе мое—какъ думаешь ты, Поль?

Поль Дюма.

Съ тобой согласенъ я и возражать не буду.

Пьеръ Вульвардье (про себя, съ завистливымъ восторгомъ.)

Какъ хорошо на немъ сидитъ фоколь!

Оскаръ Вало.

Да, Grіche, онъ судитъ очень вѣрно.

Сто разъ ты правъ,

Любезный мой Октавъ:

О женщинахъ я тоже мыслю скверно,

Родителя романы прочитавъ.

Поль Дюма.

А я мужчинъ цѣню въ такомъ-же родѣ:

Любой изъ нихъ—мосе Альфонсъ *), повѣрь.

Лаконичъ (съ глубокимъ вздохомъ.)

Ахъ, я Альфонсомъ былъ на двадцать первомъ годѣ,

Но, устарѣвъ, быть не могу теперь!

Въ тѣ дни ко мнѣ любовью воспылала

Графиня старая одна.

Карьеру мнѣ устроила она,

Меня кормила, одѣвала

И денегъ отъ нея я перебралъ не мало.

Иныя нынче времена:

Все съ правомъ крѣпостнымъ упало;

Тогда-же былъ прекрасный вѣкъ—

Жить безъ труда и капитала

Могъ статный ростомъ человекъ!

Grіche (встаетъ, съ энтузіазмомъ.)

Нѣтъ, господа, я не имѣю права,

Я не могу дѣлить взшъ взглядъ!

Всѣ женщины—мнѣ говорятъ—

Легки душой, налѣво и направо

Любовь и чувства встрѣчному дарятъ...

*) „Мосе Альфонсъ“ послѣ комедіи А. Дюма сдѣлалось нарицательнымъ именемъ извѣстнаго рода мужчинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не всё! я знаю это, знаю:
 Есть цѣлыхъ пять,
 Которыхъ я чистѣйшими считаю,
 Ихъ чище въ свѣтѣ не сыскать,—
 То бабушка моя и мать,
 Да тетушки Алина и Полина,
 Да Акулина, —
 Кормилица любезная моя!
 Въ нихъ ангеловъ отъ дѣтства видѣлъ я,
 Онѣ меня въ родимой сѣни
 Вскормили, воспитали... Да,
 Вы женщинъ сихъ увидѣвъ, господа,
 Упали-бы предъ ними на колѣни!

Октавъ, Поль, Оскаръ (вмѣстѣ.)

Ха, ха, ха, какая ерунда!

Griche.

Вы мнѣ не вѣрите? Не приглашаю васъ,
 Но одержу надъ вами я побѣду:
 Въ мое имѣнiе сейчасъ,
 Въ мою родную глушь я ѣду!
 Увижу маменьку опять,
 Увижу бабушку, и тетокъ, и кормилку,
 Которыхъ я не зрѣлъ лѣтъ пять,
 И буду святость ихъ съ восторгомъ созерцать!..

Октавъ.

Счастливымъ путь!.. Garçon! еще бутылку!..

Но все-таки, любезный Griche,

Сказать по правдѣ, ты дуришь
 И къ маменькѣ напрасно ѣдешь:
 Повѣрь, все то, чѣмъ издали ты бредишь,
 Когда поближе разглядишь,
 Чудовищный тебѣ покажетъ шишъ!

Griche.

Оставь, Октавъ, не убѣдишь...

Лакеичъ (про себя.)

Возможно-ль убѣдить подобную дубину!

(Вслухъ, съ чувствомъ.)

И я поѣду, князь, съ тобой:
 Быть можетъ, маменьку, Алину и Полину
 И бабушку твою увидѣвши, душой
 Я возрождусь и чистыя мечтанья
 О женщинахъ во грудь свою волюю..

Griche (съ восторгомъ жметъ ему руку.)

Я очень радъ!..

Лакенчъ (про себя.)

Дуракъ не понялъ, что тѣю

Надежду обратить вниманье

Хоть бабушки его: старуха, говорятъ,

Хоронить въ сундукахъ неистощимый кладъ!

(Привосять вино. Прощальные тосты.)

ДѢЙСТВІЕ I.

(Дорога. Вдали видны село и усадьба. Жаркій полдень. Griche и Лакенчъ ѣдутъ въ коляскѣ съ чемоданами.)

Griche.

Какъ пахнетъ хорошо гречихой,

Травую, рожью, коноплей!..

О, мать-отчизна! Кровь родной!

Я млѣю! я живу тобой!

Лакенчъ.

Я самъ исполненъ грустью тихой

И вспомнилъ эпизодъ былой:

Въ Москвѣ, вотъ точно въ жарь такой,

На Прѣсненскихъ прудахъ съ купчихой

Я встрѣтился, въ сороковомъ

Году... Мы съ ней сошлись потомъ,

Любили пламенно другъ друга,

Но бросилъ я ее: она

Была страстна, была нѣжна,

Но за любовь платила туго.

Griche.

Смотри, вонъ домъ нашъ, вонъ и садъ!

Порою дѣтства, чистой, кроткой,

Пахнуло на меня...

Лакенчъ.

Я радъ...

(Про себя.)

Эхъ, кабы мнѣ сойтись хоть съ теткой...

ДѢЙСТВІЕ II.

Крыльцо барскаго дома.

Бабушка, Невинина, Полина и Алина стоятъ у крыльца въ тревогѣ ожиданія. Сзади бабушки мажордомъ Федотъ; сзади Невининой-Шелониной молодой, милостивый пажъ Филька; сзади Полины и Алины два рейткнехта — Архипъ и Семенъ.

Невинина-Шелонина (бабушкѣ.)

Ма ссере, я очень опасаясь,
Ну, вдругъ замѣтитъ Гриша...

Федотъ (важно и солидно.)

Вотъ,

Сударыня...

Бабушка (гнѣвно.)

Молчи, Федотъ,

Зажми хоть на сегодня ротъ!

Федотъ (съ грубостію.)

Что-жь, я о господахъ стараюсь...

Неужли-же...

Бабушка (еще болѣе гнѣвно.)

Молчи, дуракъ!

Федотъ (обиженно.)

Помилуйте, за что-же такъ?..

Мы, кажется...

Бабушка (топнувъ ногою.)

Холопъ, потише!

(Къ дочери.)

Повѣрь, мой другъ, что возрастъ Гриши

Столь юнъ, что ровно ничего

Онъ не пойметъ... Я одного

Воюсъ, чтобъ твой любезный Филька

Не проболтался-бы, пострѣлъ:

Надъ нимъ надзоръ, та ссере, усиль-ка.

Филька (горестно.)

Княгинюшка! Чтобъ я пострѣлъ!

Да развѣ я... Да—ни, мой Боже!..

Да разрази меня Господь!..

Бабушка.

Довольно! будетъ вздоръ молоть!

Охъ, надобно держать васъ строже!..

Алина и Полина (къ бабушкѣ, сантиментально-боязливо.)

А мы, мамаша, въ насъ нѣтъ души...

Бабушка.

Что вы? Вы дуры, какъ и были!
Лѣтъ двадцать дѣвками фантили:
Все женихи нехороши!
А какъ пристукнуло вамъ сорокъ,
Къ рейткнехтамъ, вишь, припала страсть.
(Дразнить ихъ.)

«Мнѣ милъ Семень!.. Архипъ мнѣ дорогъ!»
Архипъ и Семень (вмѣстѣ, басомъ.)

Сударыня...

Бабушка (кричитъ.)

Что за напасть—

Всѣ говорятъ! Ну, время нынѣ,
Ужъ лучше-бъ мнѣ въ могилу лечь
При матушкѣ-Екатеринѣ,
Чѣмъ отъ холоповъ слушать рѣчь...
Охъ, батогами-бы васъ стѣчь!

Полина.

Мамап, вы слышите, оттуда,
Съ дороги раздается звонъ?

Бабушка.

Ну что-же, мать моя, за чудо?

Полина и Алина (вмѣстѣ, хлопая въ ладошки.)

Ахъ, это Гриша, это онъ!

(Колеска подкатываетъ къ крыльцу. Grische выскакиваетъ въ объятія бабушки маменьки и тетокъ. Нѣкоторое время слышны только всхлипыванія восторга и восклицанія:)

Ахъ, grand-мамап! Охъ, мама, охъ!
Ахъ, Гриша! Тетенъка! Полина!..

Лакенчъ (вылѣзаетъ изъ колески и смотритъ какъ родственники уводятъ Grische'а въ домъ.)

Фу, чортъ, какой переполохъ!
Какъ блуднаго дождались сына!
Заколоть вѣрно и тѣлецъ:
Покушаемъ...

(Идетъ въ домъ за прочими, протирая руки.

Егорилица (ему вслѣдъ.)

Ахъ, молодецъ!

Ей-богу писанный мужчина!

ДѢЙСТВІЕ III.

Коридоръ, въ который выходятъ двери изъ комнаты бабушки.

(Grighe идетъ закутанный въ плащъ и задумчиво останавливается въ носѣ Гамлета около поминутной двери.)

Grighe.

Мнѣ душно... комнаты гнетутъ;
Направлюсь въ садъ: тамъ лѣтъ пріятно
Прохладу ночь...

Есть нѣчто тутъ,
Что мнѣ покуда непонятно...
Людишки здѣсь себя ведутъ
Предерзко и пренепріятно!..
Мальчишка Филька, идіотъ,
Тарелки ставя за обѣдомъ,
Куски пирожнаго кладетъ
Себѣ безцеремонно въ ротъ!
За бабушкою ходить слѣдомъ
Повсюду мажордомъ Федотъ,
Грубить ей дерзко... Добрыхъ тетокъ
Преслѣдуютъ Архипъ, Семень,
И ихъ рѣчей развязный тонъ
Исполненъ фамиллярныхъ нотокъ...
Какъ эти вещи мнѣ понять?
Какъ относиться къ этимъ фактамъ?..
О, сердце! смолкни — и опять
Забейся прежнимъ ровнымъ тактомъ!..

(Изъ дверей, ведущихъ въ комнату бабушки, появляется Федотъ. Онъ пьянъ, едва стоитъ на ногахъ.)

Grighe (въ величайшемъ изумленіи.)

Федотъ! любезный! ты, братъ?

Федотъ.

Я-съ.

Grighe.

Зачѣмъ-же здѣсь и въ этотъ часъ?

Федотъ.

Отъ бабушки-съ.

Grighe.

Какъ, отъ нея?!

Федотъ.

Такъ точно-съ.

Grische.

Что-жь ты дѣлалъ тамъ?

(Смотрять другъ другу пристально въ глаза. Пауза.)

Федотъ (внезапно раздражившись.)

Что дѣлалъ? Знать, вишь, нужно вамъ!

Тьфу! Пилъ настойку на рябинѣ!

(Быстро уходитъ, махнувъ рукой.)

Grische.

Какъ! что ты молвилъ, дерзкій хамъ?

(Ударяетъ себя въ лобъ.)

Что слышалъ? Вѣрить не рѣшаюсь...

Ужели grand-taman?.. Нѣтъ, нѣтъ!..

Въ моихъ глазахъ мрачится свѣтъ,

На воздухъ! Въ садъ! Я задыхаюсь...

(Убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ IV.

Лужайка сада, озаренная луною. Справа и слѣва кусты. Посрединѣ лужайки деревянная скамья.

(Grische сидитъ, притаившись, въ кустахъ направо. Полина и Архипъ входятъ и садятся на деревянную скамью.)

Полина (тошно.)

Архипъ, ты видишь-ли луну,

Сію небесную лампаду?

Вглядись въ нее, мой милый...

Архипъ.

Ну.

Вглядѣлся, барышня.

Полина.

Взгляну

И я туда-же... Ахъ, отраду

Въ сей мигъ, Архипъ, ты долженъ пить...

Архипъ.

Сударыня, коль подносить

Угодно вамъ, такъ ерофею

У васъ осмѣлюсь попросить...

Полина (печально.)

Я отъ небесныхъ чувствъ нѣмью,

А ты, Архипъ, матерьялисть,

Ты полонъ страстію землею;

Но все-таки любимъ ты мною...

Пойдемъ, я дамъ тебѣ настою
 На жолудь иль ревенный листь...
 (Уходить.)

Griche (въ кустахъ.)

И я считала ее святой!

(Цѣпенѣть и стоитъ такъ два часа. Къ концу второго часа входятъ Алина и Семенъ; они садятся на скамью, не замѣчая Griche'а, который, между тѣмъ, пришелъ въ себя.)

Алина (мечтательно.)

Луна сіяетъ съ высоты...
 Семень, пожди мнѣ тихо руку!
 Ахъ, чувствуешь-ли сердцемъ ты,
 Какъ смѣлъ пожатьемъ страсти муку
 И сладость ты передаешь?..
 О, если-бы всю жизнь до гроба
 Такъ проводить: сидимъ мы оба
 И ты мнѣ руку нѣжно жмешь—
 Еще не надо ничего-бы!

Семень.

Какъ можно, барышня! Да такъ,
 Ей-богу, самъ себѣ прискучишь:
 Захочется сходить въ кабакъ,
 Примѣрно...

Алина.

Ахъ, кель мо... Ты мучишь
 Мнѣ душу грубостью, хотя,
 Я знаю, сердцемъ ты дитя.

Семень.

Сударыня, въ мои-то годы?
 Мнѣ двадцать пятый былъ весной!..

Алина.

И все-же ты дитя природы...

(Уходить.)

Griche.

Земля! разверзнись подо мной!

(Цѣпенѣть и стоитъ такъ три часа. Въ концѣ третьяго часа на противоположной сторонѣ лужайки появляется тѣнь покойнаго камердинера—Архипыча и манитъ его. Griche не примѣчаетъ знаковъ. Тѣнь сердится.)

Тѣнь (гробовымъ голосомъ.)

Внимай! Внимай! Внимай! Внимай!

Grische (узнавъ гѣнь, трясется.)

О, защитите насъ святыя силы неба! *)

Тѣнь.

Узнай! Узнай! Узнай! Узнай!

Чего не должно знать тебѣ-бы!

Родная маменька твоя,

Синь лѣтомъ, опосля покоса,

Влюбилась въ Фильку!.. Въ гробѣ я

Не могъ лежать, сей фактъ тая...

(Исчезаетъ.)

Griche.

О, ты, предчувствіе души моей, сбылося! **)

Сюда я пламенно летѣлъ

Зрѣть чистыхъ женщинъ... Ахъ, и что-же

Здѣсь, въ домѣ отческомъ, узрѣлъ?!

За что меня караешь, Боже?

Въ кого повѣрить мнѣ теперь,

Когда и бабушка, и мама,

И тетушки... О, небо! звѣрь

Безмысленный и тотъ-бы хама

Не полюбилъ!.. Межъ тѣмъ онѣ...

Нѣтъ, нѣтъ! Отъ нихъ бѣгу я нынѣ

Къ моей кормилкѣ Акулинѣ;

Въ ней, въ ней еще сіяетъ мнѣ

Лучъ вѣры въ женщину святую;

Въ ней встрѣчу душу я простую,

На коей гнетомъ не налегъ

Каскадной легкости порокъ!

Къ ней, къ ней со всѣхъ стремлюся ногъ

Сквозь вихрь, сквозь дождь, сквозь тьму ночную!

(Въ дикомъ безуміи стремительно убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ V.

Ночь. Часть дикаго поля. Пустой овинъ.

(Griche сидитъ въ овинѣ въ глубокой горести. Входитъ Лакончъ.)

Лакончъ (не примѣчая Griche'а, ходитъ большими шагами въ нетерпѣливомъ ожиданіи.)

Тѣфу, медлитъ какъ!.. Что за причина?

Я ждать не сталь-бы ни за что,

*) Слова Гамлета.

**) Слова Гамлета.

Но эта дура Акулина

Принести мнѣ общала сто...

(Задумывается. Пауза.)

Гмъ, гмъ... для чести дворянина,

Конечно, съ бабой рандеву

Устранвать немножко стыдно,

Да что-жь, коль деньгу наживу?..

А, чортъ! Акульки все не видно!..

Griche (про себя, съ внутреннимъ стономъ.)

Что вяль?! Во свѣ иль на яву?!

Охъ, тяжело сердцу, охъ, обидно!..

(Входитъ Акулина.)

Лакенчъ.

Кто тамъ? Акуля, это ты?

Акулина.

Я, мой касатикъ.

Лакенчъ.

Принесла ты,

Что общала для уплаты?

Акулина (дастъ ассигнацію.)

Вотъ, мой касатикъ...

Griche (выскакивая изъ овина, въ неистовомъ изступленіи кричить, „какъ сорокъ тысячъ братьевъ“.)

О, скоты!

(Акулина и Лакенчъ въ страхѣ убѣгаютъ. Griche стоитъ въ глубокомъ раздумьи до утра. Потомъ говорить въ отчаяньи:)

Какъ, и она?.. И Акулина?!..

Такъ женщинъ чистыхъ въ свѣтѣ нѣтъ?!

О, послѣ этого на свѣтѣ

Зачѣмъ родиться? Гдѣ причина

Существованья?!.. Мракъ и тьма!

Вы тяжело мысль мою гнетете!..

Какъ?! Всѣ?!.. И grand-maman, и тети,

И Акулина, и мама?!..

О, небо! я схожу съума!!

(Въ самомъ дѣлѣ сходить, черезъ пять минутъ уѣзжаетъ въ Парижъ, остается тамъ навсегда и дѣлается издателемъ „Revue Spiritualiste“.)

ЭПИЛОГЪ.

(Парижъ. Бульвары. Вечерь.)

(Пьеръ Вульвардье и Поль Дюма, встрѣчаются.)

Поль Дюма.

Пьеръ! Bonsoir! Куда спѣшишь?

Пьеръ Вульвардье.

Вообрази, сейчасъ въ Парижъ
Вернулся нашъ наивный Griche!
Я встрѣтился съ нимъ въ Пантеонѣ...
О женщинахъ онъ въ новомъ тонѣ
Сталъ думать...

Поль Дюма.

Что ты говоришь?!

Пьеръ Вульвардье.

Ragole! Совсѣмъ переименовъ
Взглядъ Griche'а... Видишь-ли, домой
Приѣхалъ онъ и озадаченъ
Былъ просто милою родней.
Представь: и тетки, и мамаша,
И бабушка—лѣтъ такъ ста,—
И Акулина—баба та,
Кормилица,—всѣ...

(Шепчетъ на ухо Полю. Оба хохочуть громко.)

Просто каша

Какая-то любви въ дому!
Все это Griche'у моему
Такъ дико, странно показалось,
Что вѣра въ чистыхъ женщинъ вдругъ
Въ немъ точно нитка оборвалась...
На эту тему, милый другъ,
Романъ я началъ: право, тема
Пикантная!.. Нашъ добрый кругъ—
Литературная богема—
Одобрилъ, поощрилъ меня..
Зайдемъ въ кафе: тебѣ страничку
Прочту...

Поль Дюма.

Нѣтъ, до другого дня.

Я къ Бляншъ спѣшу...

Пьеръ Бульвардѣ.

Брось чаровницу.

Займись чтеніемъ!..

Полю Дюма.

Уволь!..

(Уходитъ.)

Пьеръ (смотря ему вслѣдъ.)

Весь въ тятку вышелъ этотъ Поль:

Къ кокоткамъ льнетъ листомъ онъ баннымъ...

А я куда-жь?.. Къ Финетѣ, что-ль?

Нѣтъ, нѣтъ, пойду куплю фоколь

Да и займусь моимъ романомъ...

(Уходитъ. Занавѣсъ опускается.)

Не знаю, понравится-ли моя трагедія г. Боборыкину, но я смѣю увѣрить его, что всѣ художественныя достоинства и глубина его идеи сохранены въ моей трагедіи *sans faute*. Оригиналь, конечно, выше копій, но это ужь общая участь подражаній, никогда невоспроизводящихъ всей прелести самобытнаго творческаго произведенія Петра Боборыкина.

Впрочемъ, онъ породилъ не одинъ плодъ въ минувшемъ году: ровно черезъ нормальный срокъ беременности, т. е. черезъ девять мѣсяцевъ, почтенный романистъ развѣшилъ новымъ дѣтищемъ: повѣстью „Долго-ли“; появившейся въ октябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“. Разумѣется, и эта вторая повѣсть, какъ первая, заключаетъ въ себѣ глубокую идею. Къ сожалѣнію, идея новаго произведенія г. Боборыкина была непонята нашей газетной критикой и совершенно затемнена ею. Глубокомысленный критикъ „Виржевыхъ Вѣдомостей“, „Заурядный Читатель“, объяснилъ, что повѣсть „Долго-ли?“ навѣяна „толками о жалкомъ положеніи литературнаго пролетаріата и главное содержаніе ея заключается именно въ изображеніи литературнаго пролетаріата“. Жолчно-притязательный критикъ „Новаго Времени“, г. Эсъ, углубляясь въ бездну идеи произведенія г. Боборыкина, истолковалъ ее сходно съ г. Зауряднымъ: „онъ (т. е.

г. Боборыкинъ), говорить г. Эксъ,—желалъ въ своей повѣсти провести мысль о плохой вознаграждаемости литературнаго труда“. Благодушно-спиритуальный критикъ „Спб. Вѣдомостей“, г. В. М., комментируетъ повѣсть также въ унисонъ двумъ упомянутымъ аристархамъ: „сюжетъ разсказа г. Боборыкина, пишетъ г. В. М.,—сѣренькая участь петербургскаго литератора изъ разряда скромныхъ, но честныхъ тружениковъ, безъ выдающагося таланта, но умнаго, образованнаго, съ выдающимися свѣденіями... Этотъ литераторъ вынужденъ работать изъ-за куска насущнаго хлѣба, бѣдствуетъ, нуждается, занимается „по рубликамъ“ у своихъ пріятелей, подавляя въ себѣ чувство благороднаго самолюбія.. словошъ, онъ осужденъ работать, какъ литературный поденщикъ, и лишень возможности выбиться изъ этой поденщины“ и т. д.

Какъ читатели видятъ, цѣлыхъ три критика сошлись въ разъясненіи идеи повѣсти г. Боборыкина; но, тѣмъ не менѣе, эта тройца ошиблась на сей разъ: авторъ „На долго-ли?“, какъ я постараюсь объяснить это ниже, имѣлъ совсѣмъ иную мысль, не заключающую въ себѣ ничего общаго съ мыслию о печальномъ положеніи литературнаго пролетаріата. Доказательствомъ-же того, что всѣ три критика поняли мысль произведенія слишкомъ плодовитаго автора фальшиво, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: разбирая подробности содержанія и исполненія повѣсти, каждый критикъ совершенно различно трактуетъ ихъ: то, что одинъ называетъ вѣрнымъ и выполненнымъ въ повѣсти съ художественной истиной, другой признаетъ ложнымъ, и наоборотъ. Г. В. М. говоритъ, напримѣръ, что литераторъ Присыпкинъ, герой повѣсти, въ изображеніи автора является „человѣкомъ умнымъ“; а г. Эксъ увѣряетъ, что тотъ-же самый Присыпкинъ изображенъ г. Боборыкинымъ въ качествѣ „человѣка ограниченнаго“. Г. В. М. завѣряетъ, что самая удачная фигура въ повѣсти „красивая вдовушка съ чашею въ рукахъ, съ цвѣтами въ волосахъ“, что фигура этой вдовушки „очерчена тепло и изящно“, что изображение „отзывается правдой“. Г. Заурядный Читатель думаетъ напротивъ: онъ журитъ г. Боборыкина за то, что мотивъ повѣсти, гдѣ фигурируетъ вдовушка, рутинный, взятый напрокатъ „изъ какого-то трескучаго французскаго романа“, что героиня эта создана едва ли не по образцу героини Дюма-сына. Г. Эксъ также не одобряетъ эту вдовушку и говоритъ, что „вся ея фигура поражаетъ

фальшью“. Г. Эксъ хвалитъ г. Боборыкина за удачное изображеніе „исторіи развитія любви“ нѣкоего писаря и сожительницы литератора Присыпкина и „отношеній этой парочки къ Присыпкинѣ“. А г. Заурядный Читатель не одобряетъ въ вымыслѣ г. Боборыкина того обстоятельства, что сожительница литератора выдана авторомъ замужъ за писаря: лучше-бы, говоритъ критикъ,—самого литератора на ней женить, да потомъ устроить ежедневныя между супругами „ссоры, перебранки, потасовки“: это было-бы реальнѣе и болѣе похоже на дѣйствительныя литераторскія нравы, о которыхъ, какъ видите, г. Заурядный имѣетъ довольно своеобразное понятіе.

Итакъ, три критика, отправляясь отъ одного и того-же взгляда на общую мысль повѣсти г. Боборыкина, приходятъ къ весьма различнымъ сужденіямъ о значеніи отдѣльныхъ героевъ и эпизодовъ повѣсти. Конечно, изъ такого прискорбнаго пассажа нужно вывести заключеніе или о неопредѣленности, невыясненности лицъ и содержанія произведенія почтеннаго автора, или-же о томъ, что критики, исходя изъ ложно-понятой идеи его повѣсти, приходятъ къ противорѣчающимъ и несообразнымъ выводамъ. Я, какъ сказалъ выше, признаю послѣднее и отвергаю первое. По-моему, критики, не понявъ сущности дѣла, болтаютъ, кто во что гораздъ, кто что можетъ, и вслѣдствіе этого путаютъ и самихъ себя, и г. Боборыкина. Стоитъ только уразумѣть настоящую суть содержанія повѣсти, стоитъ только установить на ея основную идею точную, вѣрную точку зрѣнія и—никакихъ разнорѣчій о лицахъ повѣсти и ея эпизодахъ не будетъ: все приведется къ одному общему знаменателю и беллетристическое мастерство г. Боборыкина возсіяетъ въ полномъ блескѣ.

Критиковъ ввело въ заблужденіе, очевидно, нѣсколько таинственное заглавіе повѣсти, содержащее въ себѣ только намекъ, а не полную мысль. Критики поняли эту мысль такимъ образомъ: долго-ли будутъ литераторы-труженики оставаться въ томъ бѣдственномъ положеніи, въ какомъ находятся они въ данный моментъ. Между тѣмъ намекающее „Долго-ли“ г. Боборыкина нужно читать совсѣмъ иначе. И именно вотъ какъ: долго-ли... настрочить повѣсть около восьми печатныхъ листовъ, въ которой проводился-бы яко-бы современный литературный вопросъ, а въ сущности ничего, кромѣ легкомысленной беллетристической болтовни,

не обрѣталось? Вотъ какую „идею“, очевидно, хотѣлъ выразить г. Боборыкинъ въ своей повѣсти, и, надо отдать ему справедливость, выразилъ удачно. Признавъ въ повѣсти эту идею, не трудно отыскать полное соотвѣтствіе между нею и героями повѣсти, не трудно объяснить себѣ кажущуюся фальшивость разныхъ эпизодовъ, безцвѣтность и неопредѣленность лицъ и сценъ и т. д.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ повѣсть „Долго-ли“ попристальнѣе: вы увидите, что въ ней ничего иного, кромѣ беллетристическаго легкомыслія, г. Боборыкинъ не желалъ выказать, ничего иного не имѣлъ въ виду. Если даже придерживаться премудрыхъ указаній газетныхъ критиковъ, такъ и то станетъ сейчасъ же яснымъ какъ день, что г. Боборыкинъ не могъ „проводить“ въ повѣсти тѣ вопросы, какіе ему приписаны критиками. Г. Эксъ, напримѣръ, какъ я упомянулъ выше, приписываетъ г. Боборыкину такое антибеллетристическое намѣреніе: „онъ желалъ въ своей повѣсти провести мысль о плохой вознаграждаемости литературнаго труда“. Скажите, ради Бога, развѣ какой-нибудь маломальски понимающій требованія искусства художникъ покусится на проведеніе подобной мысли въ художественныхъ образахъ? Подобная „мысль“ можетъ быть предметомъ публицистической статьи, газетной замѣтки, ораторской рѣчи, чего угодно наконецъ, но не серьезнаго беллетристическаго произведенія. Г. Эксъ можетъ въ простотѣ своей души полагать, что такая тема годна для повѣсти, ибо, судя по одному беллетристическому очерку, помѣщенному въ собраніи фельетоновъ г. Экса, сей критикъ по части „взящной словесности“ обнаружилъ себя совсѣмъ невиннымъ; но г. Боборыкинъ—я увѣренъ въ этомъ—никогда на подобную тему не рискнетъ: онъ беллетристъ опытный и не даромъ родитъ повѣсти и романы черезъ каждые девять мѣсяцевъ, а иногда и ранѣе. Ибо рискни г. Боборыкинъ сегодня разработать въ художественной формѣ такую тему, такъ завтра-же, пожалуй, кто-нибудь рискнетъ сочинить романъ, въ которомъ пожелаетъ провести „мысль“ о плохой вознаграждаемости трехпольнаго хозяйства. Ну, а какъ вы думаете, если кто-либо напишетъ такую повѣсть, въ подражаніе г. Боборыкину, удержится-ли тогда кредитъ послѣдняго въ качествѣ романиста? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Если понимающіе и хорошо знакомые съ литературой читатели и теперь уже читаютъ произведенія плодовитаго романиста

съ нѣкоторой улыбкою, тогда ихъ будутъ читать уже съ „гомерическимъ хохотомъ“, а то, пожалуй, они и вовсе останутся неразрѣзанными.

Повторяю еще разъ: критика, наша газетная невинно-завирательная критика, ложно поняла основную идею повѣсти „Долголи?“. Толкованіе этой идеи, предложенное мною, гораздо правильнѣе и резонантнѣе. При этомъ толкованіи въ повѣсти все становится необыкновенно опредѣленнымъ и вполне объяснимымъ, никакихъ противорѣчій въ оцѣнкахъ героевъ и эпизодовъ повѣсти быть не можетъ, и г. Боборыкинъ предстанетъ необыкновеннымъ художникомъ, въ произведеніяхъ котораго идея вполне сливается съ совершенной и выработанной формой. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите, какъ все хорошо выходитъ, когда вѣрно понята основная мысль повѣсти. Герой повѣсти, литераторъ Присыпкинъ, по увѣренію критики, кажется и глупъ, и уменъ, и безцвѣтной, и реальной фигурой, — словомъ, не разберешь, что онъ такое за лицо. Но вѣдь это такъ и должно быть въ такомъ произведеніи, гдѣ авторъ думаетъ не о томъ, чтобы изобразить живого героя съ плотью и кровью, а о томъ, чтобы нацарапать небрежно фигурку, будто-бы служащую олицетвореніемъ какихъ-то толковъ о литературномъ пролетаріѣ. Героиня повѣсти, вдова съ чашей въ волосахъ, то бишь, съ чашей въ рукахъ и цвѣтами въ волосахъ, представляется одному картонной, фальшивой, списанной съ героини Дюма-сына, другому — личностью, исполненной жизненной правды; но вѣдь это такъ и должно быть, если авторъ задался задачей не изобразить типическій образъ женщины, а просто набаловать, такъ-сказать, въ повѣсти что-нибудь для рутиннаго амурнаго эпизода. Словомъ, когда начинаешь приглядываться къ дѣлу съ этой единственно вѣрной точки зрѣнія, въ результатъ выходитъ, что и критики, оцѣнивающіе лицъ повѣсти кто въ лѣсъ, кто по дрова, правы, да и г. Боборыкинъ тоже не виновать. А переименуйте вы точку зрѣнія и попробуйте посмотреть на повѣсть не какъ на скороспѣлую бездѣлушку, а какъ на обдуманную вещь съ опредѣленной идеей — и что-же вамъ тогда придется подумать и объ аристархахъ г. Боборыкина, и о немъ самомъ, какъ романистѣ?..

Серьезно говоря, неужели можно допустить мысль, что произведеніе г. Боборыкина написано на тему доказательства маловоз-

награждаемости литературнаго труда? Серьезно рассматривая подобную тему, развѣ можно допустить... Но позвольте, что-же я это дѣлаю: вѣдь я общалъ рассматривать произведеніе г. Боборыкина въ шуточномъ тонѣ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ покушаюсь на критическую оцѣнку его повѣсти, совсѣмъ позабывъ, что онъ этимъ долженъ обидѣться. Нѣтъ, прочь отъ меня искушеніе: оставимъ разбирать г. Боборыкина его газетнымъ критикамъ и обратимся къ другимъ плодамъ ума и таланта.

II.

Плодъ таланта г. Авсѣенки.

— Скажите, что за идея въ этомъ романѣ?

— Идея... видите, тутъ нѣтъ идеи: тутъ просто что-то такое „насчетъ клубнички“...

(Изъ разговора двухъ любителей чтенія.)

То, чѣмъ является г. Боборыкинъ въ современной беллетристикѣ петербургской, то въ московской беллетристикѣ представляетъ г. Авсѣенко. Оба эти писателя сходны въ томъ отношеніи, что обладаютъ „легкостью въ мысляхъ“, благодаря которой оба они стараются въ своихъ беллетристическихъ работахъ касаться разныхъ будто-бы современныхъ вопросовъ, и обыкновенно этихъ вопросовъ не исчерпываютъ и нисколько не уясняютъ. Свои измышленія они приподносятъ въ беллетристической формѣ, довольно легкой и пріятной для толпы, для такъ-называемой публики улицы. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что г. Боборыкинъ, какъ „художникъ“, выше г. Авсѣенки, что беллетристическаго таланта у него нѣсколько побольше. Но за то г. Авсѣенко превосходитъ г. Боборыкина въ другомъ отношеніи: онъ гораздо беззащѣтнѣе г. Боборыкина. Г. Боборыкинъ въ описаніи какой-либо среды въ своихъ произведеніяхъ все-же руководствуется кой-какими реальными матеріалами дѣйствительности; г. Авсѣенко ничѣмъ не руководствуется, кромѣ фантазій и грязноватыхъ побужденій...

Въ октябрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за прошлый годъ появился новый романъ г. Авсѣенки: „Млечный путь“. Въ этомъ романѣ почтенный авторъ пытается нарисовать истинный

образъ современнаго „культурнаго человѣка“. Культурный человѣкъ, конечно, долженъ быть взятъ изъ среды культурнаго общества и его дѣянія должны вращаться въ „высшихъ сферахъ“. По этому вѣрному соображенію, г. Авсѣнко сообщилъ своему герою княжеское происхожденіе и заставилъ его ухаживать за блестящей великосвѣтской львицей, тоже княгиней. Впрочемъ, княжеское происхожденіе героя и его амуры съ княгиней не мѣшаютъ ему походить на департаментскаго чиновника, точно также какъ и въ упомянутой княжнѣ-львицѣ легко узнать „тонную“ супругу какого-нибудь канцелярскаго аристократа. За исключеніемъ упомянутаго маленькаго недостатка въ героѣ и въ героинѣ романа, въ остальномъ они преисполнены всевозможнѣйшихъ совершенствъ. Особенно на изображеніе прелестей героя романистъ потратилъ лучшія и яркія краски своей палитры. Читайте и судите сами, это-ли еще не совершеннѣйшій типъ культурнаго человѣка.

„Лицо князя Юхотскаго поражало сочетаніемъ чрезвычайной серьезности съ блескомъ молодости, словно стрѣлявшей (sic!) изъ темносѣрыхъ, ясныхъ и глубокихъ глазъ. Эти глаза и дополняли выраженіе строгаго, прорѣзаннаго чуть видными морщинками лба, и какъ-будто противорѣчили ему (глаза противорѣчили лбу — прелестно!); въ ихъ лучистомъ свѣтѣ было что-то изящно-веселое, смѣлое и своевольное, также, какъ и въ очертаніи губъ, глядя на которыя непремѣнно хотѣлось видѣть ихъ улыбающимися. Молодой станъ князя обнаруживалъ почти женственную гибкость, подъ которою, однако, чувствовалась львиная сила мускуловъ“.

Въ соотвѣтствіе съ прелестной героической наружностью культурный человѣкъ обладаетъ не менѣе прелестными внутренними качествами. Онъ князь и виѣстъ съ тѣмъ профессоръ. „Послѣ диспута, надѣлавшаго въ Петербургѣ шума“, онъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ „въ короткое время приобрѣлъ репутацію блестящаго дѣятеля науки“. „Жаль, что онъ избралъ ученую карьеру, говорить о культурномъ человѣкѣ другой культурный человѣкъ, — въ Европѣ это былъ-бы политическій человѣкъ. Впрочемъ, онъ всегда интересовался общественными вопросами, и я думаю, что онъ приметъ въ литературѣ участіе, которое сразу оживитъ ее. Вообще я не встрѣчалъ человѣка такъ разнообразно блестящаго. Его умъ изъ тѣхъ, за которыми бѣгутъ вслѣдъ. Я рассчитываю,

что съ его прїѣздомъ наши молодя силы получаютъ то, чего имъ не доставало въ послѣднее время: главу и руководителя. Если не онъ, то я не знаю, кто можетъ вывести насъ изъ усыпленія, въ которое мы впали“.

Такъ атестуютъ князя Юхотскаго и самъ авторъ, и одинъ изъ культурныхъ людей повѣсти. Но, конечно, читатель, намъ не слѣдуетъ вѣрить этой атестаціи на-слово: мы должны посмотрѣть князя „на чистомъ полѣ“, то-есть въ тѣхъ его подвигахъ, которые рассказываетъ передъ нами г. Авсѣенко; мы должны сдѣлать оцѣнку блестяще-разнообразнаго героя сообразно съ этими подвигами.

Подвиги эти начинаются съ того, что культурный человѣкъ прїѣзжаетъ изъ Германіи въ Петербургъ съ спеціальной цѣлью „быть усерднымъ и вѣрнымъ служителемъ цивилизаціи и культуры“, „работъ той идеи, въ которой жизнь и возрожденіе, а не смерть и разрушеніе“. Прїѣхавъ въ Петербургъ, онъ гордо говоритъ самому себѣ: „Среди общества, пропитаннаго легкомысленнымъ отрицаніемъ и самодовольнымъ благѣрствомъ, я буду, можетъ быть (слушайте! слушайте!), единственнымъ носителемъ положительнаго идеала. Ничто такъ не нужно намъ, въ настоящую минуту, какъ вѣра въ идеаль. Если хоть немногіе поймутъ вѣстѣ со мною, что отрицаніе есть смерть—мы будемъ жить“.

Прежде, чѣмъ я покажу читателямъ, какинъ образомъ фактически „служитель“ идеи возрожденія вступилъ въ камердинерскую должность къ этой особѣ, позволимъ себѣ маленькое отступленіе. Напрасно князь Юхотскій полагаетъ, что онъ въ настоящее время только единственный „носитель положительнаго идеала“, что онъ только одинъ взываетъ о вѣрѣ въ идеаль. Вѣроятно, по случаю своего пребыванія за-границей, князю не случилось читать газету „Недѣля“: если-бы онъ читалъ ее, то увидѣлъ-бы ясно, на-сколько онъ неправъ, воображая себя „единственнымъ“ и вслѣдствіе этого, конечно, и „безцѣннымъ“. Въ этой газетѣ, за послѣднее время, подвизаются нѣсколько авторовъ вдругъ, которые только и дѣлаютъ, что толкуютъ объ идеалахъ, по поводу утраты идеаловъ, о необходимости идеаловъ, о невозможности жить безъ идеаловъ; которые вооружаются не менѣе рѣшительно противъ „легкомысленнаго отрицанія“. Одинъ г. Кавелинъ написалъ тамъ о бесполезности отрицательнаго направленія и о

пользѣ и необходимости идеаловъ такъ много хорошаго, что князь Юхотскій, а съ нимъ вмѣстѣ и г. Авсѣенко, пожалуй, столько и такъ хорошо никогда не напишутъ. А за г. Кавелинымъ писали и еще многіе другіе, и тоже не менѣе краснорѣчиво, глубоко и основательно... Это отступленіе, впрочемъ, только къ слову; возвратимся вновь къ г. Авсѣенкѣ и его герою.

„Вѣрный служитель идеи цивилизаціи и культуры“, который долженъ сдѣлаться „главою и руководителемъ молодыхъ силъ“, начинается съ того, что отворачивается отъ одной изъ этихъ силъ, представшей ему въ образѣ нѣкоего Благолѣпова. Этотъ Благолѣповъ, конечно, представленъ въ романѣ наивнымъ до глупости: онъ ни съ того, ни съ другого, увидавъ всего разъ Юхотскаго и не будучи съ нимъ знакомымъ, вваливается на квартиру князя по-утру и начинаетъ его приглашать руководить молодымъ поколѣніемъ. Культурный человѣкъ отказывается наотрѣзъ и сообщаетъ Благолѣпову, что онъ, „какъ професоръ, кромѣ науки ничего не имѣетъ въ виду“. Благолѣповъ ожесточается и говорить, что „наука для насъ роскошь, потому что мы покажемъ вуждаемся въ насущномъ хлѣбѣ. Шевелить критическую мысль, вотъ что нужно“. Культурный князь не только не соглашается „шевелить критическую мысль“, но даже разговаривать объ этомъ не желаетъ и „начинаетъ думать о другомъ“. Благолѣповъ удаляется, такъ-сказать, съ носомъ, доставивъ своей наивной ограниченностью удовольствіе читателямъ „Русскаго Вѣстника“ и репутацію г. Авсѣенкѣ истиннаго художника, умѣющаго въ поразительно-краткой сценѣ опредѣлить разницу между образованнымъ и благороднымъ „служителемъ идеи культуры“, представителемъ „положительнаго идеала“ и невѣжественнымъ семинаристомъ, сыномъ отрицанія.

Выпровадивъ Благолѣпова, культурный человѣкъ принимается служить своей идеѣ. Онъ ѣдетъ на вечеръ, гдѣ рассчитываетъ встрѣтить прелестную молодую вдовицу, которую въ дни юности, до ея замужества, любилъ чистою любовью. На вечерѣ вдовица, принадлежащая къ числу „свѣтлыхъ женскихъ образовъ“ и культурная не менѣе героя, начинаетъ съ нимъ разговоръ о его диспутѣ, который долженъ послѣдовать на-дняхъ. Культурный человѣкъ, человѣкъ науки просить у нея „руки на счастье“, когда онъ будетъ собираться на диспутъ. Вдовица, услышавъ такую

школьническую просьбу, „блистая глазами“, спрашиваетъ культурнаго человѣка: „Развѣ вы не увѣрены въ своемъ торжествѣ?“

Культурный человѣкъ, вѣроятно, припомнивъ воззрѣнія Благолѣпова, даетъ нѣсколько унылый отвѣтъ:

„— О торжествѣ я-бы и не думалъ, если-бъ это было только мое личное дѣло, но мнѣ, вѣроятно, придется встрѣтиться съ предубѣжденіемъ и враждой къ моей идеѣ, къ тому, что мнѣ наиболѣе дорого. Къ формальному успѣху я совершенно равнодушенъ; мнѣ надо завоевать публику для моей идеи. Какая мнѣ радость, что я блистательно докажу тотъ или другой тезисъ моей диссертациі, если я никому не передамъ настроенія, которое меня наполняетъ?“

„— Я не могу этого допустить, замѣчаетъ вдовица;—развѣ ваша идея—не жизнь, не истина, не благо?“

„— Да, отвѣчаетъ Юхотскій, — но мы живемъ въ печальное время господства низшихъ требованій. Все, что приподнято надъ уровнемъ полузнанія, представляется намъ посягательствомъ на нашъ умственный комфортъ, на свободу нашего духовнаго ничтоства. Масса будетъ противъ меня, я не сомнѣваюсь; ее надо завоевать. Въ противномъ случаѣ, къ чему послужатъ мои усилія? Говоря по правдѣ, я никогда такъ не сомнѣвался въ себѣ, какъ наканунѣ своего общественнаго служенія. Я былъ безконечно счастливѣе, работая лишь надъ самимъ собою и для себя самого. Помните тотъ послѣдній годъ въ деревнѣ? Тогда я самъ вступалъ въ область наслажденій, куда теперь долженъ ввести другихъ, и подлѣ меня былъ только одинъ другъ, съ мыслью и съ сердцемъ котораго я справлялся, и этотъ другъ были вы, и вы раздѣляли со мною каждое мое сомнѣніе и каждое убѣжденіе!“

Отколовъ эту культурную рацею, герой, впрочемъ, симъ подвигомъ не ограничился. Человѣкъ науки въ князѣ не парализовалъ „ловкости почти военнаго человѣка“, необходимой для истиннаго служителя чего-бы то ни было, хотя-бы даже и такой отвлеченной штуки, какъ идея. Поэтому князь постарался „доставить“ съ вечера вдовицу въ своей каретѣ и при сей вѣрной оказіи, конечно, не упустилъ случая пройтись по амурной части. Здѣсь, съ этой сцены, герой романа г. Авсѣенки вступаетъ на свой истинный путь и романъ принимаетъ легкое и свободное

теченіе. Сцена предисловія къ „пантомимѣ любви“ написана нашимъ авторомъ съ тѣмъ культурнымъ мастерствомъ, которое такъ свойственно романистамъ, подобнымъ г. Авсе́нкѣ. Когда герой и вдовица сѣли въ карету, герой припомнилъ „библейскій рассказъ о томъ, какъ первые люди стали стыдиться другъ друга“ (ну вотъ, и научная эрудиція пригодилась!) Мысль о стыдѣ первыхъ людей „не то ужалила его, не то наполнила какимъ-то блаженнымъ холодомъ“. Ужаленный этой мыслью, онъ вдругъ вдовицу ни съ того, ни съ другого назвалъ нѣжнымъ именемъ „Мани“, а затѣмъ пустилъ нѣсколько пытливыхъ вопросовъ именно по поводу того, отчего они оба стыдятся другъ друга, на подобіе первыхъ людей? Вдовица „прижалась въ уголь кареты“, „ей стало жарко въ ея тибетской буркѣ“, она „распахнула ее“ и попеняла герою, что прежде они не стыдились потому, что у нея былъ мужъ. „Уже одно это обстоятельство, прибавила вдовица языкомъ канцелярскаго писаря, — было мнѣ защитой“. За этимъ оба замолчали и почувствовали какую-то „блаженную тоску“. Затѣмъ вдовица „вся затрепетала, какъ бабочка, надъ которой захлопнули (?) сѣтеу“. Однако, на этотъ разъ дѣло окончилось благополучно: князь подвезъ вдовицу къ ея дому, высадилъ ее изъ кареты и поцѣловалъ ея ручку „сквозь перчатку“, которую, вѣроятно, прогрызъ. Конечно, придя домой, культурный человѣкъ, какъ лермонтовскій ротмистръ Гаринъ, молвилъ самому себѣ: „Что-жь? начало есть!“

Сдѣлавъ удачное начало по части амура, служитель культурной идеи, какъ это и слѣдовало ожидать, судя по героямъ предшествовавшихъ романовъ г. Авсе́нки, поватился, точно его масломъ смазали, по млечному (т. е. молочному) пути разнообразныхъ волокитствъ. Толкуя про себя, какъ мы видѣли, что онъ „кромѣ науки ничего не имѣетъ въ виду“, культурный человѣкъ невольно или намѣренно лгалъ. Къ этому выраженію слѣдуетъ сдѣлать легкую поправку: вмѣсто „науки“ надобно поставить „клубничку“. Она, эта клубничка, составляетъ, какъ извѣстно, суть всѣхъ культурныхъ героевъ, создаваемыхъ творчествомъ романистовъ завала г. Авсе́нки. Полоній, если вѣрить Гамлету, спалъ, когда не слыхалъ неприличностей. Г. Авсе́нко дремлетъ въ своихъ романахъ, покуда у него въ нихъ рѣчь идетъ не „насчетъ амуровъ“; но какъ зашла на этотъ счетъ рѣчь, то ожив-

леніе нашего романиста достигаетъ истинно ноздревскаго задора. Хорошо сознавая такія качества своего таланта, г. Авсѣенко обыкновенно спѣшитъ всякаго своего героя погрузить поскорѣе, — выражаясь на манеръ самого г. Авсѣенки, — въ кристалльную сферу ноздревско-клубничныхъ ощущеній и потомъ уже купаетъ его въ этой сферѣ даже съ какимъ-то ожесточеніемъ въ продолженіи трехъ или четырехъ частей романа.

Такъ поступилъ г. Авсѣенко и съ служителемъ культурной идеи. Едва только герой выскочилъ изъ вагона, г. Авсѣенко напустилъ его на прекрасную вдовицу. Напустивъ разъ героя, нашъ авторъ забылъ, что герой долженъ представлять собою, и занялся уже исключительно его амурными попопзновеніями, открыто принесъ имъ въ жертву всю идеально-культурную суть культурнаго человѣка.

Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ въ романѣ. Судите сами. Какъ только князь Юхотскій прокусилъ перчатку Мани и почувствовалъ, сидя въ каретѣ, стыдливость первыхъ людей, такъ у него и выскочили изъ головы всякія остальные стремленія. На знаменитый свой диспутъ онъ явился совсѣмъ не подготовившись; теперь ужъ онъ не о наукѣ думалъ, а о вдовицѣ. А диспутъ-то какой долженъ былъ быть, читатель! Посмотрите, какъ его расписываетъ г. Авсѣенко:

„Диспутъ Юхотскаго былъ назначенъ въ ближайшее воскресенье. Еще прежде, чѣмъ газеты успѣли объявить о немъ, въ нѣкоторыхъ кругахъ петербургскаго общества уже замѣчалось движеніе возбужденнаго любопытства. На этотъ разъ скромное академическое торжество, повидимому, готовилось выйти изъ своихъ обычныхъ предѣловъ: оно должно было привлечь не одинъ только университетскій кружокъ, но и многочисленную постороннюю публику. Юхотскій представлялъ двойной интересъ — блестящаго ученаго и человѣка, принадлежащаго по рожденію и связямъ къ большому свѣту. Въ первый разъ еще этотъ большой свѣтъ чувствовалъ себя какъ-бы прикосновеннымъ къ академическому торжеству и готовился почтить его своимъ присутствіемъ. Въ рядахъ петербургской журналистики также замѣчалось движеніе. Диссертация Юхотскаго въ русскомъ переводѣ, давно уже печатавшаяся подъ наблюденіемъ Жюка, вышла, наконецъ, въ свѣтъ и ходила по рукамъ. Ее разсматривали, конечно, не со стороны ея науч-

наго содержанія, а со стороны направленія. Впрочемъ, такъ-какъ она имѣла предметомъ методы исторической науки, обѣ эти области были тѣсно въ ней связаны. Доморощенные позитивисты и реалисты, послѣдователи Кюнта и Бокля, съ ужасомъ замѣтили, что докторантъ относится къ ихъ авторитетамъ съ строгою критикой. Открытіе это произвело необычайное волненіе. Философы Васильевского Острова и Петербургской Стороны забили тревогу. Они такъ привыкли считать себя полными хозяевами въ этой области, что вторженіе въ нее посторонняго человѣка, поклоняющагося какимъ-то невѣдомымъ богамъ, представлялось имъ дикимъ насиліемъ. Фактъ былъ тѣмъ возмутительнѣе въ ихъ глазахъ, что они возлагали на Юхотскаго надежды въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Они готовились отомстить ему за предполагаемую измѣну и запаслись громами метафизической діалектики. Имъ представлялось несомнѣннымъ, что масса публики окажется на ихъ сторонѣ и шумно выразитъ свое неодобреніе тѣмъ опаснымъ идеямъ, съ которыми опрометчиво выступалъ неопытный докторантъ“.

Но напрасно готовили свои громы философы Васильевского Острова и Петербургской Стороны. Служитель культурной идеи, хотя зная, что его диспутъ „собирается принять размѣры событія“, хотя намѣревался „подготовить планъ защиты“, но амурныя вождельнія отвлекли его отъ всякихъ думъ о диспутѣ. „Мысль его, говоритъ г. Авсѣенко, — работала разсѣянно. Онъ былъ слишкомъ полонъ тою внутреннею жизнью чувства, которая овладѣла имъ со времени послѣдняго разговора съ Маней. Это былъ праздникъ жизни (любить эти культурные служители праздники жизни!) и онъ замѣчалъ, что начинаетъ терять интересъ къ трудовому будничному дѣлу. Ему припомнились слова Мани, что онъ никогда не помирится на личномъ счастьи. Какой вздоръ! Онъ сознавалъ, что съ той минуты, какъ начиналась въ немъ эта внутренняя жизнь чувства, всѣ его мечты объ общественномъ служеніи мгновенно полиняли. И это очень естественно, думалъ онъ“.

Ну, конечно, естественно. Какихъ-бы культурныхъ служителей ни создавали романисты въ родѣ г. Авсѣенки, они никогда не возвысятся въ своихъ идеальныхъ представленіяхъ выше поздравскихъ инстинктовъ. Возвратимся, однакожь, къ культурному слу-

жителю. Передъ диспутомъ онъ хотѣлъ-было заняться, но, говоритъ его историкъ вѣрный, г. Авсѣенко, — „съ отвращеніемъ отбросилъ свои книги“ и... поѣхалъ къ вдовицѣ. Вдовицу онъ засталъ сидящею на коврѣ посреди комнаты, „поджавъ ножки“, и учащею читать своего сына. Какъ только культурный служитель увидалъ вдовицу за такимъ добродѣтельнымъ занятіемъ, такъ—цитирую буквально романъ — „онъ почувствовалъ вдругъ, что-то упало въ немъ. Страстное напряженіе, которое онъ принесъ съ собою, съ которымъ бѣжалъ онъ упасть къ ногамъ любимой женщины, оцѣпенѣло въ немъ, какъ-будто на него пахнуло вѣтромъ“. Понимаете, въ чемъ дѣло, читатель: культурный служитель бѣжалъ обуреваемый, какъ любить выражаться г. Авсѣенко, „подъемомъ“ страсти (точно страсть — сапоги), онъ думалъ влетѣть—и сейчасъ-же вдовицу въ объятія. А тутъ вышелъ казусъ: все, повидимому, хорошо: и ножки вдовицы протянуты, сейчасъ-бы къ этимъ ножкамъ трахъ! да вотъ бѣда — ребенокъ. при ребенкѣ нельзя. Этакая досада, право!

Вдовица, пересѣла съ ковра на диванъ и посадила съ собою нарочно ребенка, „чтобы князь не могъ помѣститься рядомъ съ ней“. Но тутъ, къ несчастію или къ счастью, вошла нянюшка и увела ребенка гулять. Культурный служитель, какъ только исчезло „препятствіе“, сейчасъ вдовицу „взялъ за обѣ руки“ и началъ „вглядываться ей въ глаза своимъ блиставшимъ взглядомъ“. Вдовица „высвободила руки, закрыла ими лицо“ и „прижалась въѣмъ тѣломъ къ глубокой спинкѣ дивана, какъ-будто инстинктивно пятась предъ опасностью“. Культурный служитель опять поймалъ руки. Вдовица еще глубже „уткнулась плечами въ глубину дивана“. Культурный служитель тихо „коснулся руками шелковыхъ складокъ ея платья“. Вдовица уперлась „кончикомъ ботинки въ ножку стола“ и пояснила, что замужъ выходить не хочетъ, ибо жизнь ея принадлежитъ ребенку. Культурный служитель, опять какъ ротмистръ Гаринъ, понялъ, что это „женское упорство, капризы, чортъ ихъ поберетъ“, сообразилъ, что нельзя-же такъ вдругъ со второго визита женщиной овладѣть, молвилъ „аминь“ и удалился, отложивъ дѣло до другого раза.

На диспутѣ онъ повелѣлъ-было себя совсѣмъ вяло, да вдругъ увидалъ въ числѣ присутствующихъ дамъ вдовицу, смотрящую въ его „лучистые“ глаза „своими лучистыми глазами“. (Въ про-

изведеніяхъ г. Авсѣенки, мимоходомъ замѣтимъ, всѣ герои и героини обыкновенно съ „лучистыми“ глазами, а у нѣкоторыхъ даже „снопы лучей“ изъ глазъ истекають.) У культурнаго героя вдругъ стало ясно на душѣ и онъ выдержалъ диспутъ блистательно только потому, что вдовица слѣдила за нимъ „напряженнымъ и взволнованнымъ взглядомъ“. А не слѣди вдовица, не приди она на диспутъ, служитель идеи и рабъ науки сдаль-бы, конечно, диспутъ кое-какъ. Послѣ диспута культурный служитель побѣждалъ обѣдать къ вдовицѣ. „Лучистые глаза его смѣялись, встрѣтившись съ глазами“ вдовицы, когда онъ вошелъ. За обѣдомъ выпили. Потомъ сейчасъ къ камину на диванъ. Но на этотъ разъ вдовица уже не „упиралась ботинкой въ ножку стола“. Дѣло пошло глаже, но кончилось опять-таки ничѣмъ, не потому, конечно, чтобы культурный служитель плохъ въ амурной тактикѣ оказался, а потому, что г. Авсѣенко, какъ опытный художникъ, очень хорошо знаетъ слѣдующую истину: закончи онъ въ первой части романа амурное настроеніе своего героя благополучнымъ соединеніемъ съ героиней, какое-же содержаніе можетъ представить его культурный человѣкъ для слѣдующихъ частей романа? Вѣдь въ подобныхъ герояхъ и подобныхъ романахъ одинъ только интересъ для читателей и есть: какъ и когда сойдется герой съ той или другой героиней?

Но, разумѣется, возбранивъ своему герою обольстить вдовицу въ первой части романа, г. Авсѣенко, опять-таки какъ опытный художникъ насчетъ изображенія амуровъ, не возбранилъ самому себѣ нарисовать подробную сцену „пантомимы любви“ во вкусъ предъидущей. Культурный служитель „опустился на колѣни и, притянувъ обѣ руки“ героини, „покрылъ ихъ поцѣлуями“. Героиня „не отнимала рукъ: она испытывала наслажденіе, смѣшанное съ гордостью и стыдомъ“. Онъ продолжалъ „покрывать“ героиню поцѣлуями и допрашивать ее: любить-ли она его и почему она „скупа“ на ласки. „Маня медленно обратила на него свой лучистый (экъ, понравилось слово!) взглядъ. Ей опять казалось, будто она отрѣшается отъ своей собственной воли, и въ этомъ ощущеніи было что-то жуткое, неотразимое и обольстительное. Ей казалось, что ее окружило какое-то облако, и въ этомъ облакѣ она видѣла его вспыхнувшее лицо и чувствовала поцѣлуи горячихъ губъ. Ее душили стыдъ, и жасъ, но она не

имѣла силы оттолкнуть его, и только глубже прижалась къ мягкой спинкѣ дивана“ (опять къ спинкѣ! Какъ не жаль мебели!) Юхотскій „уронилъ“ лицо на ея колѣни. Маня взяла это лицо съ своихъ колѣнъ и посмотрѣла своими лучистыми глазами въ его глаза и даже выдернула три луча изъ цѣлаго снопа, изливавшегося оттуда... Позвольте, позвольте, читатель, я, увлекшись манерой г. Авсеенки, начинаю фантазировать. Дѣло не совсѣмъ такъ въ романѣ происходитъ, но въ этомъ родѣ. Она дотронулась до его плеча и сказала: „встаньте“; „ему хотѣлось плавать, обнявъ ея колѣни“. Ея „рука, протянутая, чтобы оттолкнуть его, неподвижно лежала на мягкомъ шелкѣ его волосъ“ (у героини руки лежатъ на „шелкѣ“ волосъ, у героя на „шелкѣ“ платья — экое обиліе шелку!) Наконецъ, говоритъ г. Авсеенко, культурный служитель „положилъ обѣ руки (каковъ—обѣ!) на ея колѣни“. Тутъ-бы, кажется, и конецъ, дѣлу вѣнецъ. Но случилось нѣчто особенное. „Облако, окружавшее ее, разсѣялось, унеся таинственное очарованіе“. Затѣмъ къ обонимъ „возвратился прежній рай до прозрачности чистыхъ отношеній“, героиня „вступила“ въ какой-то „хрустальный холодъ“ и дѣло вторично кончилось ничѣмъ.

Затѣмъ культурный служитель и вдовица, удалившаяся въ „хрустальный холодъ“, вступили въ особенныя отношенія. Культурный служитель принялся вмѣсто науки „изучать глаза“ вдовицы, а вдовица... вдовица вотъ какую игру въ амуръ изобрѣла, по объясненію г. Авсеенки: „все очарованіе чувства заключалось для нея въ постоянномъ сопротивленіи его порывамъ, въ неутомимыхъ усиліяхъ направить его къ тихому и стыдливому теченію“. Культурный служитель тонко объяснял вдовицѣ, что „въ немъ есть зло“, что ему несовсѣмъ удобно довольствоваться однимъ „стыдливимъ теченіемъ“, и при этихъ объясненіяхъ въ его лучистыхъ глазахъ вспыхивали уже не снопы лучей, а какія-то „нечистыя искры“. Но вдовица при такихъ объясненіяхъ отвертывалась отъ культурнаго служителя, говорила фразу московскихъ купчихъ: „вы, мужчины (лучше-бы—„мужчинки“), всѣ какіе-то странные“, и съ „каждой новой встрѣчей“ культурный служитель находилъ вдовицу „всю вооруженную, всю ушедшую въ свой „хрустальный холодъ“. И культурный человекъ чувствовалъ, что, при всемъ „подъемѣ“ его чувствъ, онъ

насчетъ дамъ плохъ. „Нѣтъ, я еще совсѣмъ не знаю женщинъ, думалъ онъ почти съ дѣтскимъ отчаяніемъ“, говоритъ г. Авсѣенко.

Быть можетъ, отъ „стыдливаго теченія“, къ которому направляла вдовица страсть культурнаго человѣка, и отъ „хрустальнаго холода“, въ которомъ она пребывала сама, для князя Юхотскаго произошли-бы весьма печальные результаты, если-бы онъ не развлекался новой интрижкой, гораздо болѣе пикантной. Какъ разъ послѣ диспута культурный служитель встрѣтился съ нѣкоею супругой черкесскаго князя, служащаго въ конвоѣ. Супруга конвойца—дама изъ хищныхъ что-называется: „съ орѣховыми волосами“, „ниткой жемчугу“ въ оныхъ, съ „покатыми плечами, туго обхваченными блестящею черной кирасой“. Глаза у нея „раскрываются широкимъ взмахомъ рѣсницъ“ и „обдають“ „будто что-то таящимъ взглядомъ“. У нея необыкновенно очаровательнень „мягкій кончикъ уха“. У нея „орѣховый локонъ путается въ тяжелой отдѣлкѣ лифа“. Когда она говоритъ, то „каждое ея слово будто разростается“ въ томъ, кто ее слушаетъ. А ужъ какія у нея очаровательныя манеры, какъ она изящно ведетъ разговоры: истинная аристократка во всѣхъ отношеніяхъ! Подобный благоухающій великосвѣтскій образъ могъ создать только г. Авсѣенко да развѣ еще знаменитый гоголевскій департаментскій сторожъ Михѣевъ, ибо сей послѣдній, какъ любитель „горькой“, вѣроятно, не разъ по праздникамъ имѣлъ случай поздравлять очаровательныхъ женъ начальниковъ отдѣленій и наблюдать ихъ „тонное“ обращеніе, которое придалъ своей великосвѣтской княгинѣ г. Авсѣенко. Посмотрите, какъ „тонно“ бесѣдуетъ эта упонительная княгиня:

— „У меня скверный характеръ.“

— „Скверный для себя?“

— „Да. А многіе мнѣ завидуютъ... И сказать вамъ правду? Я все-таки ни съ кѣмъ-бы не помѣнялась.“

— „Еще-бы! сказалъ Юхотскій, невольно любуясь ея красотой.“

„Княгиня замѣтила этотъ взглядъ и слабо улыбнулась.“

— „Вы думаете, оттого, что я красива, что мнѣ поклоняются, что я могу исполнять малѣйшіе капризы? Да, пожалуй, и отъ этого, но только отчасти. А больше всего я люблю себя“

за то, что во мнѣ бѣсъ сидитъ и мнѣ съ нимъ бываетъ весело.

„Прищуренные глаза княгини съ внутреннимъ смѣхомъ взглянули на Юхотскаго.

— „Вы не боитесь бѣсовъ? (Ахъ, душа, этакая остроумная!).

— „Нѣтъ, отвѣчалъ серьезно Юхотскій.

— „Впрочемъ, вы, ученые, должны знать заклинанія. (Ахъ, милка находчивая!) Я рассчитываю видѣть васъ у себя, не правда-ли?

— „Непремѣнно, княгиня.

— „Поскорѣе. Вы единственный человѣкъ, которому мнѣ хочется многое рассказать. У насъ четверги, вы знаете. Но тогда много народу. Утромъ, отъ пяти до шести, я всегда дома. Въ шесть мы обѣдаемъ“.

Не правда-ли, это само очарованіе, это дама „высшаго“ тона „каждый дюймъ“, какъ Лиръ былъ каждый дюймъ королемъ? Повторяю, только одинъ г. Авсѣенко можетъ рисовать образы столь плѣнительныхъ свѣтскихъ женщинъ.

Читатель, конечно, не удивится, что культурный служитель, встрѣтивъ такую очаровательную особу, какъ княгиня, не замедлилъ ея увлечься. Размазываніемъ различныхъ порываній, томленій, страданій, блаженствъ, ощущаемыхъ культурнымъ служителемъ въ виду новаго объекта для клубнички—и притомъ размазываніемъ самымъ потѣшнымъ и, въ то-же время, притязающимъ на тонкость кисти,—наполненъ конецъ первой части и почти вся вторая часть „Млечнаго пути“. Читатели, конечно, не пожелаютъ, чтобы я представилъ имъ подробное изложеніе стыдливаго или безстыднаго „теченія“ новаго „амура“ героя г. Авсѣенки, да и я, признаться, не имѣю къ этому ни малѣйшей охоты. Съ меня да, надѣюсь, и съ читателей довольно и приведеннаго разсказа о первомъ амурѣ культурнаго служителя, который мы прослѣдили шагъ-за-шагомъ: пошлость и вздорность романа и автора, кажется, выступили уже съ достаточною яркостью. А между тѣмъ, замѣтите, я вѣдь сдѣлалъ вамъ только пересказъ написаннаго г. Авсѣенкой, я передалъ только содержаніе первой части его произведенія, почти не вдаваясь отъ себя ни въ какія критическія обсужденія. Вся моя работа заключалась только въ

томъ, что я сконцентрировалъ нѣкоторую долю пошлостей, обильно разсыпанныхъ въ романѣ, я выбралъ изъ него квинт-эссенцію его мѣщански-притязательнаго содержанія, его шелко-клубничнаго запаха. Даже послѣ такой невинной и, въ сущности, элементарной работы отъ произведенія г. Авсѣенки остается въ результатѣ какая-то беллетристическая труха не то скандальнаго, не то забавно-пошлаго свойства. Что-жь-бы вышло, если-бъ попробовать анализировать романъ г. Авсѣенки, прилагая къ нему приемы серьезной критики?

А вѣдь—это очевидно изъ всего—писатели, подобныя нашему романисту, воображаютъ, что они не только истинные „художники“, но вмѣстѣ съ этимъ и великіе моралисты. Спросите г. Авсѣенку, что такое онъ хочетъ сказать своимъ произведеніемъ, и онъ васъ, конечно, начнетъ увѣрять, что онъ имѣлъ въ виду самую серьезнѣйшую задачу, что онъ выставляетъ положительный типъ культурнаго человѣка, его идеалы, его положеніе, его борьбу съ отрицаніемъ, его страданія, блаженство и такъ далѣе; онъ васъ начнетъ увѣрять, что въ своемъ „Млечномъ пути“ онъ желалъ разлить и разлилъ самый тончайшій ароматъ изящной великосвѣтскости, что онъ ввелъ въ него интересы культурнаго общества, интересы „высшаго порядка“, что его героини—свѣтлыя и изящныя образы тѣхъ „кристалльных“ сферъ, которымъ доступны всякіе рафинированные идеалы и рафинированныя чувства, и т. д. А на дѣлѣ выходитъ, что эти творческіе образы отдають великосвѣтскостью департаментскаго сторожа Михѣя, идеалы и интересы сводятся на смѣшныя и пошлыя упражненія въ игрѣ насчетъ клубнички. Можно-ли представить себѣ большую иронию судьбы надъ этими quasi-культурными романистами, которые вотъ уже нѣсколько лѣтъ кричатъ, что наша художественная беллетристика замарала себя въ грязи „низшихъ“ сферъ, посвятивъ себя ихъ преимущественному изображенію со временъ Гоголя, что ей необходимо подняться въ сферы идеальныя и этимъ поднять свое содержаніе. Ну вотъ они, романисты „Русскаго Вѣстника“, и поднимають теперь беллетристику въ такомъ родѣ, какъ г. Авсѣенко...

III.

Плоды ума г. Зауряднаго Читателя.

Я представилъ вамъ, читатели, выдающіеся плоды таланта—образчики прошлогодней беллетристики либеральнаго и консервативнаго свойства; позвольте теперь обратить ваше вниманіе на плоды ума—на критику минувшаго года. Критика по-преимуществу блистала въ газетахъ: ежемѣсячныя, такъ-называемыя „толстые“ журналы не дали ни одной выдающейся критической статьи за весь годъ. За то газетные крохоборные рецензенты вволю тѣшили свои души quasi-критическими упражненіями надъ художественными твореніями гг. Боборыкинскихъ, Марко-Вовчковъ, Авсѣнковыхъ, Аверкіевыхъ и tutti quanti. Газетныя „обозрѣнія“ журналистики въ послѣднее время приняли нѣсколько иной характеръ, чѣмъ тотъ, какой они имѣли прежде. Прежде они, дѣйствительно, были обзорѣніями, то-есть въ нихъ передавался краткій отчетъ о содержаніи выдающихся статей ежемѣсячныхъ журналовъ. Теперь обзорѣватели не такъ дѣлаютъ: имъ, вѣроятно, лѣнь прочитывать всю книжку журнала, они по большей части обращаютъ вниманіе только на одинъ отдѣлъ беллетристическій, пробѣгаютъ одни романы и повѣсти, и затѣмъ—какую-бы дребедень въ беллетристическомъ отношеніи ни представляли эти повѣсти и романы—обозрѣватели излагаютъ о нихъ свои глубоко-критическія мнѣнія, разбираютъ съ эстетическихъ и иныхъ точекъ зрѣнія произведенія разныхъ авторовъ, въ родѣ г-жъ: Стечкиной, Ольшевской, Гусевой, г. Аверкіева и проч. Кромѣ этихъ измышленій, подбираются газетными крохоборами-рецензентами разныя журнальныя дразги и изъ этихъ дразгъ крохоборы, по мѣрѣ силъ, составляютъ полемическую окрошку. Иногда, и довольно часто, эту окрошку крохоборы готовятъ не изъ матеріала, доставляемаго имъ ежемѣсячными журналами, а изъ самихъ себя и статей своихъ собратовъ-крохоборовъ. Всѣ помянутыя quasi-критическія измышленія и псевдо-полемическія изверженія, конечно, представляютъ „несносный, хоть невинный вздоръ“; но тѣмъ не менѣе они не безынтересны въ смыслѣ признаковъ того, до какого паденія дошла теперешняя критика. Въ этомъ смыслѣ

не жѣшаеть слегка присмотрѣться и къ газетной крохоборной болтовнѣ.

Читатели видѣли образчики этой газетной критики „кто въ лѣсъ, кто по дрова“ въ тѣхъ извлеченіяхъ, которыя приведены мною выше изъ отзывовъ о повѣсти г. Боборыкина. Къ этимъ образчикамъ я присоединю еще нѣкоторые, впрочемъ—да не пугаются читатели, —немногіе, но за то отборные.

Выдающимся, типическимъ изъ газетныхъ крохоборовъ-рецензентовъ долженъ быть признанъ г. Заурядный Читатель. Какъ читатели знаютъ, нѣкогда обладатель этого псевдонима былъ настоящимъ, „серьезнымъ“ критикомъ, каковымъ даже признанъ отъ лица г. Ореста Миллера. Но по случайнымъ обстоятельствамъ помянутый серьезный критикъ перешелъ изъ „толстаго“ журнала г. Некрасова въ тонкую и даже „продувную“ *) газету г. Полетики. Переходъ этотъ не былъ счастливъ ни для критика, ни для читателей: если прежде читатели скучали разъ въ мѣсяць надъ пространными статьями критика, то теперь они стали скучать надъ его краткими фельетонами разъ въ недѣлю. Переселивъ въ газетный фельетонъ скуку своихъ „толстыхъ“ критическихъ статей, г. Заурядный при этомъ, къ сожалѣнію, не перенесъ въ нихъ прежней выдержанности и порядочности отношеній къ дѣлу критики. Онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ мелочныхъ, „кумовскихъ“ газетныхъ крохоборовъ; онъ принялся руководиться въ оцѣнкѣ авторовъ и статей не безпристрастною строгостью, не литературными, а какими-то посторонними, такъ-сказать, домашними соображеніями. Разумѣется, такое непрямоє, не-литературное отношеніе къ критикѣ въ самомъ непродолжительномъ времени привело г. Зауряднаго къ жалкимъ противорѣчіямъ съ самимъ собою, уничтожило въ немъ литературную совѣсть. Я могъ-бы привести много примѣровъ, изъ которыхъ ясно, какъ день, на-сколько г. Заурядный кривитъ литературной совѣстью, но ограничусь здѣсь только нѣкоторыми, наиболѣе крупными. Искривленіе литературной совѣсти г. Зауряднаго началось съ того, что

---

*) Слово „продувная“ я тутъ принимаю не въ обычномъ смыслѣ, а въ томъ, что газета г. Полетики продувается разными вѣтрами. Въ верхнихъ этажахъ газеты дуютъ вѣтры антрепренерски-комерческіе, а въ нижнихъ иногда совсѣмъ иного свойства...

онъ все печатающееся въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ онъ участвовалъ прежде, а частію участвуетъ и теперь, началъ выставлять чѣмъ-то такимъ, что не только исполнено всякихъ достоинствъ, но даже не подлежитъ ни малѣйшему упреку. Въ нашемъ журналѣ, на примѣръ, была въ началѣ прошлаго года напечатана шуточная пародія на поэму г. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“. Въ пародіи осмѣивалось извѣстное всѣмъ лицемѣрно-плаксивое, дѣланное отношеніе г. Некрасова къ народнымъ страданіямъ — фальшиво-поэтической приѣмъ, къ которому поэтъ прибѣгаетъ въ послѣднее время слишкомъ часто, которымъ онъ слишкомъ злоупотребляетъ. Можно было находить пародію дурной, неостроумной, но кипятиться изъ-за того, что г. Некрасова задѣли пародіей, было болѣе, чѣмъ смѣшно, — это было и нелѣпо, и даже противно свободѣ критическаго отношенія къ литературнымъ дѣятелямъ. Между тѣмъ г. Заурядный именно вскипятился изъ-за пародіи съ такимъ волненіемъ, какое только могъ обнаружить преданный слуга въ защиту своего хозяина. Распаркавшись передъ своимъ кормильцемъ въ такихъ реверансахъ, какихъ постыдился-бы старый крѣпостной дворецкій въ передней своего барина, онъ назвалъ пасквилянтомъ автора пародіи, онъ началъ взывать къ читателямъ, что авторъ пародіи оскорбилъ не только любимаго поэта, „но въ его личности и самыя завѣтныя и высокія чувства“ почтеннѣйшей публики. Дабы поддержать свою странную мысль о неприкосновенности г. Некрасова для насмѣшки и сатиры, г. Заурядный кстаті пристегнулъ и г. Полонскаго, на стихотвореніе котораго тоже была напечатана пародія въ „Дѣлѣ“. Г. Заурядный началъ увѣрять, что на страницахъ того-же журнала, гдѣ печатаются такія или инныя произведенія, невозможно допускать шутки надъ ними, что подобныя шутки не могли имѣть мѣста пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ своемъ усердіи г. Заурядный позабылъ, что именно тогда-то и были въ большемъ ходу подобныя шутки: „Свистокъ“ преисправно осмѣивалъ въ злыхъ пародіяхъ стихотворенія гг. Случевского, Плещеева и иныхъ, которыми украшались тогда страницы „Современника“. Но если ужъ чего не было пятнадцать лѣтъ тому назадъ, такъ это того литературнаго лакейства, того омерзительнаго кумовства, которое изъ старой барской передней перешло въ прессу и такъ безцеремонно практикуется г. Зауряднымъ.

Впрочемъ, это еще не довольно яркій примѣръ искривленія литературной совѣсти г. Зауряднаго; вотъ другой, получше. Въ ноябрьской книжѣ „Отечественныхъ Записокъ“ прошлаго года появилась комедія г. Островскаго „Волки и овцы“. Комедія эта, при всемъ уваженіи къ даровитому автору, должна быть признана, по меньшей мѣрѣ, посредственной. Таковою-бы ее и называлъ г. Заурядный, если-бы она появилась въ какомъ-либо другомъ журналѣ, а не въ „Отечественныхъ Запискахъ“, которыя издаетъ главный хозяинъ г. Зауряднаго, рекомендовавшій его къ второстепенному хозяину, г. Полетикѣ. Все напечатанное въ „Отечественныхъ Запискахъ“ имѣетъ свойство возбуждать въ г. Заурядномъ не критическія мысли, а желаніе подслужиться своему патрону. Такъ вышло и на этотъ разъ: г. Заурядный, не обинуясь, призналъ, что эта комедія „наиболѣе удачная вещь изъ всего, написаннаго г. Островскимъ въ послѣдніе годы“. При этомъ почтенный крохоборъ объяснилъ въ одномъ изъ тѣхъ удивительныхъ по нелѣпости афоризмовъ, какими онъ такъ часто щеголяетъ, почему комедія заслуживаетъ такого его отзыва: потому, извольте видѣть, что это „пьеса, осмѣивающая то, что сегодня у всѣхъ виситъ на носу“. Въ этой-то комедіи, коснувшейся того, что, между прочимъ, виситъ на носу и у г. Зауряднаго, крохоборъ узрѣлъ даже „шекспировскую“ интригу. О, журнальное кумовство въ критикѣ! Ты не только дѣлаешь рецензентовъ-крохоборовъ жалкими, ты ихъ дѣлаешь до отвращенія близорукими.

Да, жалкими, близорукими и, кромѣ того, трусливо-непослѣдовательными. Вотъ еще третій и, къ удовольствію читателя, уже послѣдній примѣръ въ доказательство этого. Г. Заурядный въ своемъ рабскомъ усердіи къ г. Некрасову и „Отечественнымъ Запискамъ“ въ продолженіи цѣлаго года преслѣдовалъ разными крохоборно-мелкими нападками „Дѣло“. Усердствовать было, конечно, можно: что-жъ дѣлать, какъ ни жалко крохобора, но его положеніе такое—криви перомъ въ угоду хозяевамъ; не слѣдовало, однакожь, доходить до наглости въ этомъ усердіи. А г. Заурядный дошелъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ слишкомъ ретивыми дворецкими. Онъ, между прочимъ, въ одномъ изъ фельетоновъ сравнилъ „Дѣло“ съ ночлежнымъ доможь, гдѣ случайно ночуютъ буйные ночлежники. Это сравненіе, можетъ быть, для бѣднаго крохобора и остроумно, но оно неудачно и можетъ

поставить его въ неловкое положеніе съ нѣкоторыми генералами „Отечественныхъ Записокъ“, напримѣръ, съ г. Елисеѣвичемъ, который печаталъ свои статьи въ „Дѣла“ и, стало быть, по выраженію г. Зауряднаго, тоже былъ ночлежникомъ. Мы совѣтовали бы г. Некрасову и его компаньону по обладанію г. Зауряднымъ, г. Полетикѣмъ, нѣсколько поддержать рвеніе своихъ слугъ, — ну хоть-бы изъ уваженія къ своимъ читателямъ... Впрочемъ, еще не въ этомъ несчастномъ фельетонѣ, гдѣ брошена наглая и неприличная тѣнь на всѣхъ сотрудниковъ „Дѣла“, выказалась вполне жалкая натура крохобора, а въ томъ, который послѣдовалъ за помянутымъ фельетономъ. Представьте себѣ, читатель, крохоборъ самъ струсилъ собственной своей наглости и неизвѣстно вслѣдствіе какихъ побужденій началъ извиняться передъ сотрудниками „Дѣла“, оправдываться, началъ говорить, что онъ это не къ нимъ свои наглые намеки обращалъ, а совсѣмъ къ другимъ „господамъ“. Къ какимъ-же это господамъ — кто они такіе? Не знаю, читатель, но вотъ какъ характеризуетъ этихъ господъ самъ крохоборъ: „Живеть-себѣ иной такой баринъ въ какихъ-нибудь эмпиреяхъ, толчется по бѣлу-свѣту, развѣзжаетъ изъ Карлсбада въ Висбаденъ, изъ Висбадена въ Венецію, Парижъ, Миланъ, Вѣну и Женеву, пьетъ полную чашу наслажденій, но ему этого всего мало: хочется еще литературной славы, или-же онъ чувствуетъ въ себѣ призваніе, — ну, и прекрасно. Положимъ, что баринъ завоевываетъ себѣ въ литературѣ кое-какой успѣхъ и дѣлается записнымъ литераторомъ, — ну, и исполать ему. Но, сдѣлавшись литераторомъ, такой господинъ въ своихъ отношеніяхъ къ литературѣ руководится исключительно лично-эгоистическими чувствами; всѣ его симпатіи и антипатіи къ различнымъ органамъ печати основываются на томъ, принимаютъ-ли эти органы его произведенія и хвалятъ-ли они ихъ или ругаютъ. Ему все равно, куда ни отправить свое произведеніе по почтѣ: въ „Отечественныя-ли Записки“, въ „Вѣстникъ-ли Европы“, въ „Дѣло“-ли; а если эти органы не примутъ его статьи, онъ обратится и къ „Русскому Вѣстнику“, особенно если въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ когда-либо появится мало-мальски благосклонный о немъ отзывъ. А затѣмъ какъ живетъ пишущая братія, что ее волнуетъ, радуется, печалитъ, соединяетъ и разъединяетъ между собою, въ какихъ отношеніяхъ находятся они другъ къ

другу и къ издателямъ,—все это тамъ гдѣ-то, вдали отъ него, все это мало его интересуетъ, онъ объ этомъ вовсе и не думаетъ или-же простодушно воображаетъ, что всѣ литераторы подрядъ такіе-же туристы или-же такіе жуиры, какъ и онъ. Когда же ему приходится близко сходитьсь съ пишущей братіей, онъ прежде, чѣмъ войти во внутренніе и задушевные интересы этихъ людей, обратить свое вниманіе, конечно, на то, что у нихъ въ квартирахъ нѣтъ такого комфорта, какъ у него, что столъ у нихъ самый мѣщанскій, вмѣсто хорошихъ сигаръ курятъ они самыя дешевыя папиросы и пр., и пр., и вотъ у него, такимъ образомъ, составляется понятіе, что литературныя сферы исполнены грязи, такъ-какъ большинство людей, принадлежащихъ къ этимъ сферамъ, все это *mauvais genre*, которые лѣтомъ ходятъ по улицѣ чуть не въ халатахъ, а зимой являются въ вашъ салонъ, не снимая шубы и валашъ, на ихъ сходкахъ вы задохнетесь отъ табачнаго дыма и васъ стошнитъ отъ салныхъ разговоровъ и, конечно, нѣтъ возможности и думать, чтобы свою жену, сестру и вообще порядочную женщину ввести въ подобное неприличное общество. Однимъ словомъ, куда ни взглянешь вокругъ, повсюду оказывается одна ничтожная, презрѣнная грязь, а подъ этою грязью на высокомъ пьедесталѣ возвышается милордъ, который тѣмъ болѣе имѣетъ права презирать эту жизнь, что онъ завтракалъ съ Гамбетой, обѣдалъ съ Милемъ, ужиналъ съ Дарвиномъ и вообще обходится за-панибрата со всѣми европейскими знаменитостями“.

Про кого это говорить струсившій крохоборъ, не догадаетесь ли вы, читатель? Судя по упоминанію о знакомствѣ съ Гамбетой и обѣдѣ съ Милемъ, дѣло идетъ о г. Боборыкинѣ, ибо изъ русскихъ литераторовъ только одинъ г. Боборыкинъ печатно заявлялъ, что онъ удостоился чести быть пріятелемъ Гамбеты и обѣдать съ Милемъ. Но если это вѣрно, если въ цитированной тирадѣ г. Заурядный отдѣлываетъ г. Боборыкина, то какъ-же понять литературное поведеніе критическаго крохобора отъ г. Полетики: вѣдь въ одномъ изъ предыдущихъ фельетоновъ онъ самъ похваливалъ повѣсть, въ которой г. Боборыкинъ изображаетъ быть литературныхъ пролетаріевъ, называя это изображеніе фотографически-вѣрнымъ, и сѣтовалъ только на то, что г. Боборыкинъ героя этой повѣсти, литератора, не заставилъ пуститься въ

потасовку съ законною половиною, избивать дѣтей, заниматься „возмущающими душу сплетнями и пересудами“, и въ концѣ-концовъ—водкой,—однимъ словомъ, мало грязи пустилъ въ обрисовкѣ литератора? А вотъ теперь крохоборъ коритъ того-же г. Боборыкина, что онъ только одну грязь въ литературныхъ сферахъ видитъ...

И до такого цинизма въ еженедѣльной болтовнѣ, до такихъ противорѣчій, до такой рабской услужливости могъ дойти г. Заурядный Читатель, скажу я, подражая знаменитой тирадѣ Гоголя, и могъ такъ измѣниться? Все можетъ статься, читатель, съ газетнымъ крохоборомъ, который началъ кривить литературною совѣстью съ цѣлями подслужиться патрону, который оставилъ ежемѣсячное пространно-безцвѣтное критическое переливанье изъ пустого въ порожнее въ органѣ г. Некрасова для еженедѣльнаго кратко-безцвѣтнаго крохоборнаго переливанья изъ пустого въ порожнее въ органѣ чугунно-литейнаго редактора, г. Полетики.

В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государственная роспись на 1876 годъ.—Неурожай въ Украйнѣ и Новороссіи.— Какъ дѣйствовала Англія во время бенгальскаго голода.— Суда съ хлѣбомъ, замерзшія на Волгѣ, и какъ московскіе банки зажали свой кредитъ.— Рѣчь управляющаго государственнымъ банкомъ.—Необходимость регулировать поведеніе банковъ.—Недостатокъ у насъ кредита.—Причины упадка одесской торговли.—Заступничество за банки газеты г. Баймакова.—Финансовыя разсужденія московскихъ кристовъ.—Кулачество и его различныя формы.—Проекты артельныхъ производствъ:—Бѣдность смоленской губерніи.—Спекуляція на башкирскія земли.

Самый любопытный финальный фактъ прошлаго года—опубликованная правительствомъ государственная роспись на 1876 годъ. Г. министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ указываетъ на незначительное превышеніе доходовъ надъ расходами. Это, кажется, первый случай, когда у насъ нѣтъ дефицита. Ожидаемое поступленіе надъ ожидаемыми выдачами дѣйствительно не велико и составляетъ всего 86,170 рублей, но и этому незначительному превышенію нельзя не радоваться и нельзя не видѣть въ немъ послѣдствій неуклоннаго стремленія министра финансовъ къ установленію равновѣсія государственнаго бюджета. Въ томъ-же докладѣ г. министръ финансовъ говоритъ о необходимости ограниченія сверхсмѣтныхъ асигнованій и въ сокращеніи ихъ видитъ самое существенное условіе для возможности благоприятнаго выполненія государственной росписи 1876 года. Подобныя мысли высказываемыя лицомъ, завѣдующимъ финансами, указываютъ, конечно, на то, что сверхсмѣтное асигнованіе больше всего мѣшало точному выполненію государственной росписи и что оно, конечно, было первой причиной того, что являлись затрудненія въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ и трудность соразмѣрить нежн-

данно возвышаемыя затраты государства съ наличными источниками дохода.

Если-бъ источники дохода можно было увеличивать по мѣрѣ надобности въ расходахъ, то, конечно, финансовое хозяйство не представляло-бы никакихъ затрудненій. Но податная способность страны имѣетъ свой предѣлъ, далѣе котораго ее натягивать невозможно. По государственнымъ требованіямъ, максимумъ которыхъ при новѣйшихъ политическихъ условіяхъ и требованіяхъ цивилизаціи не ограниченъ, единственнымъ регуляторомъ взиманія служить максимумъ податной способности, которая напрягается повсюду до послѣдней крайности. Слѣдовательно, очевидно, что финансовыя затрудненія могутъ зависѣть лишь отъ недостатка производительныхъ средствъ страны и отъ скудости источниковъ народнаго производства. Еще Кене сказалъ: „богатъ народъ—богато государство, богатъ король“. И вотъ въ чемъ заключается самая существенная сторона финансоваго хозяйства каждаго государства и внутренней, такъ-сказать, критическій интересъ всякаго государственнаго бюджета. Экономическія условія нашего производителя и нашей податной способности далеко еще не соотвѣтствуютъ потребностямъ государства и не могутъ оказать ему полныхъ бюджетныхъ услугъ. Поэтому, при разсмотрѣніи нашего бюджета, прежде всего является мысль о томъ, какъ велики дѣйствительныя потребности государства для удовлетворенія всѣхъ его нуждъ, насколько общая податная способность въ ея теперешнихъ условіяхъ не въ силахъ удовлетворить этой потребности и какія измѣненія необходимы, чтобы производительныя средства страны дошли до возможности полнаго своего развитія? Этому вопросу мы посвятимъ отдѣльную статью, а теперь укажемъ только на нѣкоторыя подробности бюджета на 1876 г., сравнимъ его съ государственной росписью 1862 года и затѣмъ приведемъ нѣсколько фактовъ изъ русской экономической практики 1875 года, которые намъ покажутъ, почему иногда результаты народнаго труда слабѣе производительныхъ силъ страны.

По государственной росписи 1862 года общій доходъ исчисленъ въ 310,619,739; ту-же цифру составляетъ и расходъ. По государственной росписи на 1876 годъ доходъ исчисленъ въ 570,138,308 рублей, а расходъ въ 570,052,138 рублей. Превышеніе дохода надъ расходомъ составляетъ, какъ мы уже ска-

зали, 86,170 рублей. Сравнительно съ 1862 годомъ доходъ увеличился на 259,518,569 рублей или почти на 60 проц. Очевидно, что на такой-же процентъ возвысились и производительные источники, изъ которыхъ черпаетъ государство свои доходы.

Изъ этихъ источниковъ главную роль играютъ прямыя и косвенныя налоги, которые вмѣстѣ съ пошлинами должны дать въ 1876 году 431 миліонъ. Въ этой цифрѣ доходъ отъ прямыхъ налоговъ составляетъ 130 миліоновъ и изъ нихъ 115 миліоновъ приходится на долю подушной подати и поземельнаго налога. По смѣтѣ 1862 года подушная подать составляла всего 28 миліоновъ или къ 1876 году средства народа къ покрытію этой статьи государственнаго дохода увеличились ровно въ четыре раза или на 400 проц. Впрочемъ, если мы присоединимъ сюда тѣ 25 миліоновъ, которые въ 1862 году составляли оброчную подать, то личную податную способность нужно принять только увеличившейся вдвое.

Другую, болѣе капитальную, часть государственнаго дохода составляютъ налоги косвенныя, которые и въ росписи 1862 года играли главную роль. Между налогами на потребленіе первое мѣсто принадлежитъ питейному доходу, который долженъ принести въ 1876 году 191,780,700 рублей. Въ 1862 году доходъ этотъ составлялъ всего 123,022,580 рублей. Слѣдовательно, все приращеніе этой статьи дохода въ четырнадцать лѣтъ составляетъ 68 миліоновъ или около 30 проц. Но налогъ на спиртные напитки и не принадлежитъ къ числу такихъ доходныхъ статей, которыя-бы обладали безконечною растяжимостью. Налогъ этотъ ограниченъ потребленіемъ, а усиленное потребленіе для уравнианія этого налога съ личной податной способностью, во-первыхъ, невозможно, а во-вторыхъ, и нежелательно.

Таможенный доходъ вмѣсто 31,800,000 рублей, которые онъ далъ въ 1862 году, общааетъ 60,470,000 или въ четырнадцать лѣтъ возросъ вдвое. Соляной акцизъ вмѣсто $9\frac{1}{2}$ миліоновъ дастъ въ нынѣшнемъ году $11\frac{1}{2}$ миліоновъ. Свидѣтельства на право торговли, давашія въ 1862 году 5,200,000 рублей, въ 1876 году общають—14,000,839 рублей.

Такимъ образомъ, главными статьями государственнаго дохода, какъ въ 1862, такъ и въ нынѣшнемъ году, въ прямыхъ налогахъ является подушная подать, а въ косвенныхъ—питейный до-

ходъ. Но во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ податей произошла замѣтная разница и личная подать, если не по размѣру, то по прогрессивности своего увеличенія, занимаетъ уже первое мѣсто. Въ ряду другихъ доходовъ, таможенные и доходы, представляемые внутренней торговлей, хотя, взятые сравнительно, и увеличились значительно, но по той роли, которую они играютъ, какъ бюджетныя статьи, они занимаютъ то-же второстепенное мѣсто, какъ и въ государственной росписи 1862 г.

Процентное отношеніе главныхъ доходныхъ статей въ общей цифрѣ государственнаго дохода выражается слѣдующими цифрами:

Питейный доходъ въ 1862 г. составлялъ 40 проц. всего дохода, а въ бюджетѣ 1876 г.—33 проц. Таможенный доходъ и въ 1862, и въ 1876 гг. составляетъ 10 проц.; свидѣтельства на право торговли въ 1862 г. давали 1,6 проц., а въ 1876 г. дадутъ 2,4 проц. Личный налогъ въ 1862 г. давалъ 17 проц., а въ 1876 г. дастъ 20 проц. Изъ этихъ цифръ нужно заключить, что внутреннее отношеніе производительныхъ источниковъ осталось почти неизмѣннымъ.

Сравнимъ теперь расходы.

	Въ 1862 г.	Въ 1876 г.
Займы . . .	54,296,187 р. или 18 0/0 всего расх.	75,960,723 или 13 0/0
Мин. ин. дѣль	2,106,015 „ „ 0,7 „ „ „	2,927,243 „ 0,5 „
„ военное.	111,639,581 „ „ 36 „ „ „	180,267,019 „ 31 „
„ морское	20,589,830 „ „ 6,5 „ „ „	25,038,381 „ 4,3 „
„ внут. дѣль	7,477,206 „ „ 2 „ „ „	53,468,391 „ 9,2 „
„ просвѣщ.	4,156,824 „ „ 1,2 „ „ „	15,153,507 „ 2,7 „
„ юстиціи	5,502,896 „ „ 1,6 „ „ „	14,340,226 „ 2,5 „

Сравнительно уменьшились расходы: по займамъ, по министерствамъ: иностранныхъ дѣль, военному и морскому; увеличились по министерствамъ: внутреннихъ дѣль, юстиціи и просвѣщенія. Такимъ образомъ, несмотря на сильное развитіе нашихъ боевыхъ средствъ, на нихъ страна отдаетъ уже сравнительно меньше своихъ производительныхъ силъ, чѣмъ на просвѣщеніе и судъ, расходы на которые, хотя, правда, и незначительные, въ 14 лѣтъ увеличились почти въ три раза.

Теперь мы обратимся къ экономическимъ фактамъ того-же 1875 года, производительныя силы котораго послужатъ основаніемъ для бюджета на 1876 годъ.

Въ 1875 году неурожаѣ посѣтилъ Украину и Новороссію. Во многихъ мѣстностяхъ не успѣла еще пройти и осень, какъ подо-брались послѣднія крохи и пришлось крестьянамъ покупать хлѣбъ. Въ прежніе годы обыкновенно неурожаѣ одного зерна выкупался урожаемъ другого, но въ нынѣшнемъ сильныя жары и бездождіе выжгли всѣ хлѣба. Есть мѣстности, какъ, наприимѣръ, черниговская губернія, и особенно стародубскій уѣздъ, гдѣ буквально пропали огородныя овощи, горохъ, просо, ленъ и даже конопля. Цѣлыя села и деревни упали духомъ, потому что не знаютъ, чѣмъ заплатить государственныя и земскія повинности. Продажа скота, являвшаяся прежде въ такихъ случаяхъ на выручку, нынче не поможетъ крестьянамъ, потому что во многихъ мѣстахъ падежъ свирѣпствовалъ такъ сильно, что, наприимѣръ, въ селѣ Борщевѣ, черниговской губерніи, изъ 300 штукъ осталось только 5. Народъ справедливо говоритъ, что если Богъ захочетъ наказать, такъ ужъ наваяетъ. И, дѣйствительно, бѣда не приходитъ одна. Казалось-бы, при неурожаѣ хлѣбовъ на выручку могъ-бы явиться скотъ; но увъ! проклятая цѣнь голода завязывается всегда такимъ кольцомъ, что изъ него никуда не выскочишь. Нынче съ неурожаемъ хлѣбовъ связался неурожаѣ травъ. Сѣно стало дороже, и крестьянамъ, кромѣ заботы о содержаніи себя, приходится заботиться и о содержаніи скота. Цѣна на скотъ упала и блистательныя надежды на покрытіе податей его продажей разсѣялись, какъ розовый туманъ.

„Русскія Вѣдомости“, посвятивъ неурожаю, постигшему югъ Россіи, передовую статью, говорятъ, что намъ нужно сосредоточить всѣ усилія, чтобы предупредить истощеніе рабочей силы пострадавшей житницы Россіи. По размѣру неурожаѣ и обширности захваченнаго имъ района, на мѣстныя средства рассчитывать, конечно, нечего и нужно ждать помощи отъ государства. Мы не знаемъ, въ поученіе кому „Русскія Вѣдомости“ разсказываютъ о прошлогоднемъ бенгалскомъ голодѣ и будетъ-ли отъ этого Украинѣ и Новороссіи легче, но факты во всякомъ случаѣ интересны.

Въ Бенгалѣ населеніе до того густо, что на квадратной милѣ считается до 10,000 человѣкъ; заработки-же такъ ничтожны, что рабочій получаетъ въ день отъ 10 до 15 копеекъ. При подобной тѣснотѣ населенія и при ничтожномъ заработкѣ достаточно

сравнительно небольшого недобора хлѣба и поднятія цѣнъ, чтобы поставить въ затруднительное положеніе цѣлую мѣстность. И въ такомъ положеніи очутилось 17 миліоновъ бенгальцевъ.

Какъ только пришло въ Англію извѣстіе о неурожаѣ, сейчасъ же были приняты самыя энергическія мѣры для помощи голодающимъ. По расчету, для продовольствія до новой жатвы недоставало отъ 180—200 миліоновъ пудовъ риса. Сначала правительство думало помочь голодающимъ поощреніемъ частной хлѣбной торговли; но какъ это не удалось, то правительство распорядилось закупить хлѣбъ на казенныя деньги и продавать его изъ государственныхъ магазиновъ. О размѣрѣ хлѣбныхъ запасовъ, доставленныхъ въ Бенгалію, можно судить по перевозочнымъ средствамъ, которыми располагала мѣстная власть. У нея былъ цѣлый флотъ изъ 18 пароходовъ, 4,000 рѣчныхъ судовъ и 800 лодокъ. Для сухопутной перевозки мѣстная администрація имѣла 100,000 телѣгъ и 230,000 быковъ и верблюдовъ; кромѣ того, въ два мѣсяца была построена новая желѣзная дорога длиною въ 53 англійскія мили, три корпуса саперовъ приводили въ порядокъ обыкновенныя дороги. Частныя пожертвованія въ Англіи и колоніяхъ дали около двухъ миліоновъ рублей и изъ нихъ болѣе миліона собрано въ Англіи. Правительство, съ своей стороны, истратило на помощь около 60 миліоновъ рублей и изъ нихъ только 20 миліоновъ въ счетъ возврата, а остальные 40—безъ возврата. На-сколько мѣры правительства были успѣшны, можно судить по тому, что число доказанныхъ случаевъ смерти отъ голода не превышало 20. Санитарное состояніе голодающихъ было не только не хуже, но даже лучше, чѣмъ въ нормальныя годы. Сообщая эти свѣденія, „Русскія Вѣдомости“ замѣчаютъ, что хотя „наши отношенія и имѣютъ мало общаго съ бенгальскими, но что касается самаго существа дѣла, то поведеніе англійскаго правительства представляетъ примѣръ, вполне достойный посильнаго подражанія“.

Мы могли-бы возразить на это „Русскимъ Вѣдомостямъ“, что въ послѣдній неурожай въ архангельской губерніи, въ 1866 году, когда голодъ грозилъ дѣйствительно большимъ бѣдствіемъ, мѣры, принятыя для продовольствія населенія, отличались такой энергіей и многообразіемъ, что едва-ли примѣръ Англіи намъ можетъ служить особеннымъ указаніемъ. Въ Бенгалѣ голодающихъ было 17

миліоновъ, въ архангельской-же губерніи ихъ было всего 250,000 или въ 68 разъ меньше. Понятно, что энергія пособія, уменьшенная въ 68 разъ, не можетъ поразить грандіозностью.

Мы думаемъ, что центръ тяжести вопроса вовсе не въ этомъ, а въ томъ участіи, которое принимаетъ русское общество въ русскихъ голодовкахъ. Главное средство противъ русскихъ голодовокъ не въ улучшеніяхъ русскаго сельскаго хозяйства, потому что если-бы въ немъ пришлось видѣть спасеніе, то его недождать-ся-бы и во 100 лѣтъ. Пусть сельское хозяйство улучшается и идетъ впередъ; ему, если-бы вся Россія обрабатывалась паровыми плугами и всѣ хлѣба сжинались жатвенными машинами, все-таки ничего не подѣлать съ климатическими вліяніями. Урожай и неурожай будутъ еще долго зависѣть отъ „воли судьбы“. Слѣдовательно, вопросъ сводится къ человѣческой предусмотрительности и къ организаціи такихъ внутреннихъ отношеній, которыя спасали-бы не расчетами на урожай, а путемъ обезпеченія голодающихъ пособіемъ натурой и деньгами. Тутъ центръ тяжести лежитъ въ общей организаціи всѣхъ промышленныхъ и экономическихъ отношеній и въ гармоніи экономической солидарности.

Въ „Биржу“ пишутъ изъ Рыбинска, что отъ Самары до Рыбинска замерзло на пути слѣдованія до 300 баржъ съ хлѣбомъ. „Если къ этому прибавить еще суда, замерзшія по Маринской и другимъ системамъ, то количество замерзшаго въ пути хлѣба нужно считать миліонами четвертей, стоящихъ десятки миліоновъ рублей. Деньги эти не могутъ быть выручены раньше осени, и ужъ не говоря про то, что миліоны четвертей хлѣба пропадаютъ въ нынѣшнемъ году для Россіи даромъ, точно ихъ совсѣмъ и не было, но, кромѣ того, невозможность продать хлѣбъ теперь-же или доставить его къ сроку создастъ для многихъ купцовъ денежный кризисъ. Неразлучнымъ-же послѣдствіемъ кризиса будетъ остановка въ платежахъ, уменьшеніе покупокъ хлѣба на пристаняхъ и даже несостоятельность“.

Конечно, нельзя было предвидѣть, что рѣки замерзнутъ раньше обыкновеннаго, но вотъ что можно было предвидѣть и чего мы, однако, не предусмотрѣли. Когда случилась струсбергская исторія, мы съ свойственнымъ намъ оптимизмомъ рѣшили сейчасъ-же, что все это пустяки и что никакихъ послѣдствій вообще для Россіи отъ банкротства московскаго ссуднаго банка не будетъ. Не

говоря уже про то, что семимиліонное банкротство никогда не можетъ пройти легко и незамѣтно, мы точно забыли еще и о томъ, что комерческія и промышленныя дѣла связаны на-столько между собою, что даже всякая незначительная задержка въ одной части промышленнаго механизма сейчасъ же даетъ себя чувствовать и въ другихъ его частяхъ.

Съ оптимистической точки зрѣнія намъ показалось, что банкротство московскаго банка только и падеть на тѣхъ лицъ, чьи деньги въ немъ пропали; но мы не замѣтили, что если эти 7 миліоновъ вынуты изъ кармана торгующихъ людей, то у каждаго торговаго человѣка есть, конечно, связи и съ другими торгующими людьми, и что обанкротившійся банкъ дѣлаетъ банкротомъ и своего владчика. Банкротство московскаго банка, какъ огромный камень, брошенный въ воду, даетъ себя чувствовать далеко распространяющимися кругами. Но что-же мы сдѣлали для того, чтобы ослабить дѣйствіе этихъ круговъ и по-возможности локализовать бѣду? Мы не только не сдѣлали для нихъ ничего, но еще, напротивъ, точно стараемся о томъ, чтобы круги расходились все дальше и дальше.

Казалось-бы, что по банковской логикѣ намъ слѣдовало разсуждать такъ; мы-же, или подъ давленіемъ паники, а скорѣе подъ давленіемъ собственнаго невѣденія, разсуждаемъ нѣсколько иначе. Если банки—учрежденія кредитныя, то, повидимому, роль ихъ очень проста и солидарность вполне ясна и несомнѣнна. Катастрофа съ московскимъ ссуднымъ банкомъ не могла ограничиться только имъ однимъ. Конечно, кредитъ его поколебался, но рѣчь вовсе не объ его кредитѣ. Банкротство банка вынуло деньги изъ кармана торгующихъ людей, не одного, не двухъ, не трехъ, а цѣлой массы, и отразилось на торговыхъ сношеніяхъ, можетъ быть, не одной тысячи лицъ, производившихъ общія дѣла. Банкъ существуетъ не самъ для себя. Онъ существуетъ для тѣхъ, кому нуженъ кредитъ, и если лопнувшій банкъ прекращаетъ свои платежи, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что для всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ отъ его неосторожности, кредитъ долженъ закрыться. А московская катастрофа именно и упала съ большой головы на здоровую.

Послѣ московской катастрофы московскіе банки точно забыли, для чего они существуютъ, и зажали свои карманы. Они начали

стягивать свои кассы совершенно внезапно и до того сократили кредитъ, что затруднили неизовѣрно дисконтъ даже для солидныхъ плательщиковъ, которые раньше очень легко его находили. Въ разгаръ пониженія кредита управляющій государственнымъ банкомъ пригласилъ на совѣщаніе директоровъ петербургскихъ частныхъ банковъ и старался доказать имъ, что ни политическое, ни экономическое положеніе Россіи не оправдываетъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты банками къ стѣсненію кредита. Москва, конечно, возликовала, думая, что рѣчь управляющаго государственнымъ банкомъ, хотя и обращенная къ петербургскимъ директорамъ, повліяетъ и на московскіе банки. Но, однако, этого не случилось. То, что приводится въ оправданіе осторожности банковъ, нисколько не объясняетъ разумными причинами ихъ ненужную осторожность. Они дѣйствуютъ, очевидно, подъ давленіемъ паники, и если подобная трусливая осторожность понятна въ частномъ человѣкѣ, то въ банкахъ она является поведеніемъ, вызывающимъ отвѣтственность.

Какія-же могли быть дѣйствительныя причины, что московскіе банки сократили свой кредитъ? Если-бы причины катастрофы московскаго ссуднаго банка были промышленныя или торговыя, если-бы банкротство его было слѣдствіемъ какихъ-нибудь общихъ или частныхъ экономическихъ потрясеній, то, конечно, недовѣріе московскихъ банковъ было-бы вполне понятно. Но если повсюду все обстоитъ такъ-же мирно, хотя и не особенно бойко, какъ было до банкротства банка, и довѣріе къ русской промышленности не поколебалось, какое-же основаніе уменьшить кредитъ? Банки существуютъ у насъ или, по крайней мѣрѣ, должны-бы существовать для поддержанія и для развитія промышленности. Если они, забывая свое назначеніе, превращались въ орудіе спекуляціи и, какъ московскій ссудный банкъ, попадали вслѣдствіе этого въ западню, то изъ этого слѣдуетъ только одно, — что нужно быть разборчивѣе въ кредитѣ и не попадаться въ ловушку. Вмѣсто того, чтобы разсуждать такимъ образомъ, московскіе банки закрываютъ свои кассы отъ промышленности, для которой они собственно и существуютъ, и ставятъ ее въ весьма опасное положеніе. Поведеніе московскихъ банковъ тѣмъ болѣе непонятно, что государственный банкъ постоянно готовъ былъ оказывать имъ свою помощь и еще разъ предложилъ имъ свою помощь нынче, конечно.

не въ видахъ спекуляціи, а чтобы банки содѣйствовали торговому развитію промышленности страны. Но банки, вмѣсто того, чтобы воспользоваться правильно оказываемой имъ помощью, распространяютъ смуту въ торговомъ мірѣ и вносятъ панику туда, гдѣ ея прежде не было. Задержка кредита прежде всего отразится на подобныхъ неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ, какъ тѣ миліоны четвертей хлѣба, которые замерзли на пути слѣдованія къ Петербургу. Уменьшеніе банковаго кредита, какъ говорятъ, ужъ наложило свою руку на хлѣботорговцевъ, баржи которыхъ замерзли. Можетъ быть, банки не представляютъ себѣ всѣхъ послѣдствій ихъ отказовъ и какъ уменьшенный кредитъ можетъ отразиться не только на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, но и на нашихъ заграничныхъ сношеніяхъ. Чѣмъ виноваты торговцы, что Струцбергу удалось обанкротить московскій ссудный банкъ, и за что они должны отвѣчать своими убытками за чужія спекуляціи? Наконецъ, для чего существуютъ банки, если они не намѣрены исполнять своего главнаго назначенія? Если нельзя оправдать банки за то, что они очень часто поддерживаютъ спекуляцію и сами не прочь на рискованныя предпріятія, то за то ихъ можно обвинить въ томъ, что они отказываются давать дѣйствительную помощь въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ ихъ отказовъ можетъ явиться потрясеніе въ торговлѣ и торговый кризисъ. Конечно, банки нельзя принудить силой открыть тотъ или другой кредитъ, и потому очевидно, что если правленія нашихъ банковъ не въ состояніи понимать вѣрно роли, какая имъ принадлежитъ, то должно быть другое какое-нибудь регулирующее банковое учрежденіе, которое-бы служило дѣйствительно промышленнымъ интересамъ Россіи. Услугу эту могъ-бы оказать, конечно, государственннй банкъ и новая организація банковской отчетности.

Въ настоящее время наши банки не признаютъ надъ собою ничего контроля и дѣйствуютъ, какъ имъ вздумается. Конечно, желательнѣе всего, чтобы надъ банками тяготѣлъ контроль общественнаго мнѣнія и акціонеровъ. Со временемъ все это и будетъ; но какой-же выходъ теперь? Русская земледѣльческая промышленность сплавляетъ по Волгѣ и по другимъ системамъ миліоны четвертей хлѣба; хлѣбъ этотъ внезапно замерзаетъ на пути; промышленники, поставленные въ критическое положеніе, просятъ у банковъ денегъ, а банки имъ отвѣчаютъ, что не дадутъ. Но вѣдъ

купцы связаны контрактами, неустойками; они везутъ хлѣбъ не для себя, а кому-нибудь; этотъ кто-нибудь хочетъ ѣсть, и если во-время не получаетъ хлѣба, онъ требуетъ денегъ, чтобы купить хлѣба въ другомъ мѣстѣ; но купцы, непоставившіе хлѣба, денегъ никакихъ дать не могутъ, потому что банки закрыли имъ свой кредитъ. И вотъ наступаетъ путаница, конца которой нельзя предусмотрѣть. Если-бы надъ банками, позволяющими себѣ подобныя вещи, тяготѣлъ строгій контроль финансоваго управленія, то, конечно, ему не трудно было-бы дать тонъ всему частному русскому банковому хозяйству, а поведеніе банковъ, дѣйствующихъ прямо въ ущербъ промышленности, было-бы невозможно. Но для этого, конечно, нужно, чтобы банки представляли кому-нибудь отчетность и чтобы въ этой отчетности было видно, чему служатъ банки—спекуляціи и дутымъ векселямъ или производительной Россіи и ея промышленности. Тогда-бы сама собой опредѣлилась прочность банковъ, а довѣріе государственнаго банка дало-бы стойкость только тѣмъ изъ нихъ, которые дѣйствительно служатъ промышленнымъ интересамъ. Безъ подобнаго контроля, котораго, къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ, не только наши банки не будутъ отличаться солидностью своихъ операцій, но и помощь ихъ будетъ имѣть характеръ чисто-случайный. Нравственное вліяніе, какъ это оказалось и нынче, средство слишкомъ слабое, а спекуляція всегда будетъ представлять такую привлекательность, какой солидныя дѣла не представляютъ.

Кредитъ государственнаго банка, направленный на поддержку тѣхъ банковъ, которые служатъ промышленности, оказалъ-бы еще и другую услугу. У насъ расплодилось такая масса банковъ, которой подчасъ и дѣйствительно нечѣмъ заниматься, кромя спекуляцій. Есть у насъ банки съ десятитысячнымъ основнымъ капиталомъ, обороты которыхъ достигаютъ десятковъ миліоновъ. Такіе обороты возможны лишь при рискованныхъ предпріятіяхъ и при довольно щедромъ, но подчасъ и невѣрномъ кредитѣ. Банки этого рода должны дѣйствовать непременно въ большомъ районѣ и привлекать къ себѣ кліентовъ изъ районовъ другихъ банковъ. Для примѣра мы возьмемъ тульскій и калужскій миліутинскій банки. Калужскій банкъ, учрежденный на деньги, завѣщанныя купцомъ Миліутинымъ, имѣетъ основной капиталъ въ 200,000 и ведетъ свои дѣла очень скромно. Тульскій банкъ ведетъ свои дѣла го-

раздо рискованнѣе: онъ щедрѣе въ ссудахъ; онъ снисходительнѣе въ дисконтѣ; онъ довѣряетъ легче. И вотъ лица, нуждающіяся въ Калугѣ въ деньгахъ, обращаются не къ своему городскому банку, а ѣдутъ за деньгами и для залоговъ въ Тулу. Такія отношенія, при отсутствіи одинаковой нормы для поведенія банковъ, непремѣнно должны производить путаницу въ оцѣнкѣ полезности того или другого банка и даже не даютъ возможности правильно судить о дѣйствительной кредитной силѣ и кредитной роли банка для данной мѣстности. Пока будетъ существовать подобная путаница, пока районы банковъ не будутъ опредѣлены ихъ правильнымъ отношеніемъ къ промышленности, мы не будемъ знать ничего точнаго о дѣйствительныхъ нуждахъ каждой мѣстной промышленности, ни о дѣйствительныхъ услугахъ, оказываемыхъ ей банками, ни, наконецъ, о томъ, какіе банки должны быть поддержаны кредитомъ государства и какимъ, напротивъ, должно быть въ немъ отказано за ихъ банковое легкомысліе. Конечно, это можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда на основаніи подробныхъ и достовѣрныхъ отчетовъ банковъ у насъ явится банковая статистика, для которой до сихъ поръ не положено еще никакого основанія.

Несмотря на кажущееся обиліе у насъ кредита и на массу банковъ, кредитъ вообще очень слабъ и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на промышленность и торговлю возбуждающимъ образомъ, онъ подчасъ ее парализируетъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одесскій корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Одесскій комитетъ торговли и мануфактуръ обсуждалъ вопросъ о причинѣ упадка одесской торговли и пришелъ къ выводу, что торговля Одессы падаетъ отъ крайней неудовлетворительности нашихъ способовъ сообщенія, отъ затруднительныхъ обрядовъ одесской таможни и отъ плачевнаго положенія кредита.

Русское общество пароходства и торговли и одесская желѣзная дорога, составляющія въ сущности одну компанію, потому что во главѣ обѣихъ обществъ стоитъ одно лицо, отличаются безграничнымъ произволомъ администраціи. Пользуясь тѣмъ, что нѣтъ сильныхъ конкурентовъ, русское общество пароходства и торговли установило такіе фрахты, которые далеко выше иностранныхъ. Такъ въ 1873 году фрахты изъ Гангкоу составляли 5½ фунтовъ стерлинговъ за тонну на судахъ русскаго общества, а нѣмецкіе и англійскіе пароходы брали только отъ 4½ до 5 фунтовъ.

Только разъ въ 1872 году, говоритъ корреспондентъ, — русское общество рѣшилось понизить свои тарифы по внутреннимъ линіямъ, да и то когда открылись дѣйствія товарищества новороссійскаго пароходства. Когда-же новороссійское товарищество принуждено было ликвидировать свои дѣла, русское общество возвысило тарифы на 60%. Понятно, что большинство грузителей предпочитаетъ пользоваться услугами иностранныхъ судовъ.

Одесская желѣзная дорога стала даже сказкою по своимъ неурядицамъ. Она не признаетъ ничего контроля надъ собою, поражаетъ постоянными недосмотрами, вѣчными несчастіями, невозможной медленностью и баснословными тарифами. Вотъ фактъ, который служить доказательствомъ полезныхъ для русской промышленности услугъ одесской желѣзной дороги. Князю Воронцову нужно было отправить въ Петербургъ значительную партію южно-бережныхъ винъ. Казалось-бы, ближе всего воспользоваться услугами одесской желѣзной дороги, какъ кратчайшимъ путемъ; но вмѣсто того, чтобы отправить вино по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, князь отправилъ вино моремъ вокругъ цѣлой Европы. Одесскій комитетъ торговли и мануфактуръ приводитъ въ своей запискѣ еще слѣдующій характеристическій случай, похожій, пожалуй, на анекдотъ. Въ Кіевѣ сгорѣлъ рафинадный заводъ и при возобновленіи его владѣльцы рѣшились замѣнить всѣ сгораемыя части желѣзными. Желѣзо было заказано за-границей. Такъ-какъ грузъ его составлялъ около 100,000 пудовъ, то торговый домъ, принявшій на себя доставку, просилъ управленіе одесской желѣзной дороги сдѣлать съ фрахта свидку. Подождавъ и не дождавшись отвѣта, торговый домъ отправилъ грузъ на Ренингербергъ и, несмотря на то, что желѣзныя части исколесили пол-Европы и пол-Россіи, сбереженіе на доставкѣ, сравнительно съ тарифными цѣнами одесской дороги, составляло около 40%. А что-же управленіе дороги? Оно только черезъ полгода отвѣтило торговому дому, что никакъ-нибудь уступокъ противъ тарифа сдѣлать не можетъ. Этого мало. Управленіе одесской желѣзной дороги отличается припадками какаго-то каприза и по какимъ-то, никому неизвѣстнымъ, соображеніямъ не только очень часто мѣняетъ свои тарифы, но и считаетъ совершенно ненужнымъ предупреждать публику объ этомъ заблаговременно. Такъ весною нынѣшняго года былъ внезапно и весьма значительно возвышенъ тарифъ на керо-

снѣнъ. Понятно, что торговые дома, обязавшіеся доставить товаръ по цѣнамъ, рассчитаннымъ на прежніе фрахты, понесли огромныя потери. Но за то вотъ и послѣдствія этого неприятнаго сюрприза для самой одесской желѣзной дороги. Весь керосинъ, получаемый теперь въ Одессѣ, идетъ внутри имперіи на пароходахъ въ Николаевъ, а оттуда по харьковско-николаевской дорогѣ.

Но главную причину въ упадѣ дѣль Одессы составляетъ плачевное положеніе кредита или, точнѣе говоря, отсутствіе его. Въ кредитъ частныхъ банковъ Одессы рѣшительно не вѣрять, потому что горькимъ опытомъ познала она, что такое частный кредитъ. „Втеченіи какихъ-либо четырехъ, пяти лѣтъ, говоритъ корреспондентъ, — на нашихъ глазахъ лопались акціонерныя компаніи, миліоны исчезали богъ-вѣсть куда, несостоятельные должники появлялись сотнями, а все оттого, что ростовщичество частныхъ кредитныхъ учрежденій пустило у насъ глубокіе корни, завлекло насъ до того, что теперь мы обнищали въ буквальномъ смыслѣ этого слова“. Другой корреспондентъ, говоря объ упадѣ земельной и домовою собственности въ Одессѣ, замѣчаетъ, что цѣны на нее по-прежнему не поднимаются. Какъ доказательство недостатка капиталовъ, онъ приводитъ слѣдующій фактъ. Въ херсонскомъ уѣздѣ г. Рашевскій имѣетъ 10,200 десятинъ земли, примыкающей къ Днѣпру и верстъ на 15 къ Ингулу, отчасти судоходному. Земскому банку г. Рашевскій долженъ до 105,000 рублей да обществу взаимнаго кредита до 60,000 рублей. Вслѣдствіе неуплаты общество взяло имѣніе въ свое вѣденіе и должно продать его втеченіи года. Но, несмотря на то, что имѣніе стоитъ 350,000 рублей и при оборотномъ капиталѣ могло-бы дать баснословные доходы, покупателей на имѣніе не является. Если предположить, что ихъ задерживаетъ долгъ въ 60,000, то съ мелкими имѣніями такихъ затрудненій быть не можетъ, а между тѣмъ и съ ними повторяется то-же. Одинъ весьма денежный человѣкъ жаловался корреспонденту, что ему даже не платятъ исправно процентовъ. Господинъ этотъ занимался отдачею денегъ подъ залогъ домовъ, и давалъ ихъ съ большою осторожностью; такъ подъ домъ въ 10,000 руб. онъ давалъ не больше 5,000 руб., и въ послѣдніе три года домовая собственность упала на-столько, что продажей домовъ даже не выручить залога. Земельная собственность упала въ это-же время на 30—35 процентовъ.

Газета г. Баймакова, взявши на себя защитить банки противъ нападковъ, какія на нихъ теперь стали дѣлать, на-столько неудачно защищаетъ ихъ, что только подтверждаетъ все то, что противъ банковъ говорили и говорятъ наиболѣе либеральные органы печати. Сравнивая людей, играющихъ на повышение и пониженіе, съ карточными игроками, газета говоритъ, что запрещеніе покупки и продажи процентныхъ бумагъ не поведетъ ни къ чему, и спекулянты, переставъ играть на биржѣ, станутъ играть товарами, недвижимымъ имуществомъ, и превратятъ въ азартную игру самую правильную, солидную торговлю. Такая игра продуктами и существуетъ теперь въ Одессѣ и въ другихъ хлѣбныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ спекулянты играютъ на повышение и пониженіе зернового хлѣба, пеньки, сахара, спирта и пр. Спекулянты, располагающіе большими капиталами, скупаютъ всякое сырье и, забравъ въ немногія или въ однѣ руки массу продуктовъ, дѣлаютъ затѣмъ искусственное повышение цѣнъ, совершенно несоотвѣтственное ни степени неурожая, ни размѣру запроса. Только этимъ и объясняется, что въ самый урожайный годъ, при отсутствіи запроса изъ-за границы, цѣны на продукты необыкновенно поднимаются, растутъ нѣсколько времени и затѣмъ начинаютъ быстро падать. Это происходитъ или оттого, что игроки на продукты зарвались и хотятъ какъ-нибудь выпутаться, или это фокусъ съ ихъ стороны и военная хитрость, чтобы заманить въ ловушку. Газета успокоиваетъ насъ тѣмъ, что въ этомъ заключается будтобы коренной законъ торговли. Безъ этого закона, говоритъ газета г. Баймакова,—были-бы немислимы повышение и пониженіе тарифовъ, столкновение рабочихъ съ фабрикантами и пр. Точно все это и должно быть мыслимо!

Въ сущности, газета г. Баймакова, не отрицая зла, хочеть только доказать, что это зло неустранимо и что въ немъ выражается извѣстный экономическій законъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь. Но мы не думаемъ, чтобы зло было непрѣмьнымъ закономъ и что ему необходимо подчиниться только потому, что оно существуетъ. Наше общество, конечно, виновато во многомъ, и упреки въ его невѣжествѣ—такое старое мѣсто, что повторять ихъ позволяется лишь тогда, когда это ведетъ къ какому-нибудь результату, а не тогда, когда упрекъ дѣлается лишь для того, чтобы сказать, что все нужно оставить по-старому. А

газета г. Баймакова именно такъ и поступаетъ. Мы не отрицаемъ, что самымъ лучшимъ средствомъ противъ всѣхъ золъ было-бы образованіе, просвѣщеніе, знаніе; но такъ-какъ эти хорошія вещи не продаются въ готовомъ видѣ ни въ одной редакціи и ни въ одномъ магазинѣ Петербурга, то, конечно, слѣдуетъ подумать о томъ, кто и чѣмъ предупредитъ ту эксплуатацію безсилія, которую г. Баймаковъ возводитъ въ міровой законъ. Разрушительная теорія, которую проповѣдуетъ газета г. Баймакова, точно желаетъ вѣчной войны и перевѣса хитрости и плутовства надъ довѣріемъ и промышленной честностью. Можно, пожалуй, помириться и съ неизбѣжностью подобнаго зла, лишь-бы оно не занимало всего мѣста и если-бы наши банки не служили исключительно спекуляціи и игрѣ. Чѣмъ, напримѣръ, виноваты тѣ купцы, товаръ которыхъ теперь замерзъ, что имъ банки не открываютъ кредита, тогда какъ ихъ кассы открыты процентнымъ бумагамъ? Чѣмъ виноваты одесситы, что на имѣніе, приносящее самый вѣрный доходъ, нельзя найти ни капитала, ни капиталиста? Пускай продажа процентныхъ бумагъ и операціи ими не будутъ запрещены банкамъ, но пусть наши банки превратятся въ дѣйствительные источники кредита для развитія промышленности и торговли и служатъ своему прямому назначенію, а не дѣлаютъ такія дѣла, которыя они до сихъ поръ дѣлали. Для этого, мы повторимъ еще разъ, можетъ существовать одно средство: полная гласность поведенія банковъ и контроль надъ ними финансоваго управленія. Если отчеты банковъ будутъ извѣстны во всѣхъ подробностяхъ банковыхъ операцій; если публикѣ будетъ совершенно ясно, какіе банки занимаются спекуляціями, какіе дѣйствительно служатъ кредиту Россіи, общественное мнѣніе само сдѣлаетъ для себя выгодный выводъ и продѣлки спекулянтовъ и игра на повышеніе и пониженіе будутъ не правиломъ, а исключеніемъ.

Еще больше нравится намъ та игра въ пустыя слова, къ которой вопросы жизни сводятся нашими юристами. Послѣ того, какъ ликвидація дѣлъ московскаго банка была объявлена правительствомъ, московское юридическое общество посвятило два засѣданія вопросу — могутъ-ли банки быть признаваемы несостоятельными должниками? Маленькое круглое залo стараго университета, гдѣ происходили засѣданія, по словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, представляло необычайный видъ. Постороннихъ слушателей сошлось до

семидесяти и въ ихъ числѣ были дамы. Вѣроятно, публика ожидала чего-нибудь необыкновеннаго, а дамы надѣялись провести пріятно время. Но, должно быть, первое засѣданіе не особенно удовлетворило публику, потому что на второе явилось ея гораздо меньше, да и число членовъ было не то, что въ первое засѣданіе. Общее впечатлѣніе юридическихъ разсужденій не могло особенно польстить членамъ юридическаго общества. Какъ говоритъ корреспондентъ, ни одинъ изъ преправшихся членовъ не могъ даже дать точнаго понятія о юридическомъ лицѣ и разграничить его отъ лица физическаго.

Г. Кохновъ, докладъ котораго служилъ точкой отправленія преній, доказывалъ, что банкъ есть лицо юридическое и потому къ нему неприменимо понятіе о несостоятельности и всѣ вытекающія изъ несостоятельности послѣдствія. Г. Харламповичъ былъ другого мнѣнія. Онъ видѣлъ въ банкахъ торговое товарищество, основанное прежде всего для личныхъ цѣлей. Если въ такомъ торговомъ товариществѣ заключаются нѣкоторыя отличительныя особенности, то только потому, что слишкомъ велики размѣры его операций и громадно число его членовъ. Но нашлись и сторонники средняго мнѣнія, которые видѣли въ банкахъ лицо не чисто-юридическое, а quasi-юридическое. Пренія были очень запальчивы, очень продолжительны; возраженія были часты и многорѣчивы. Но каждая сторона осталась твердо на своемъ мѣстѣ. Даже эрудиція, дѣйствовавшая въ видѣ очень сильной осадной артилеріи, не могла сбить противниковъ. Такъ М. П. Соловьевъ доказывалъ, что конкурсный процессъ не только можетъ, но и долженъ быть прилагаться къ случаю несостоятельности банкаго учрежденія. Г. Соловьеву возражали, что банкъ нельзя привести къ присягѣ. Г. Соловьевъ отвѣчалъ, что въ конкурсныхъ процессахъ очень часты случаи, когда къ присягѣ на практикѣ приводитъ оказывается невозможнымъ. Г. Снѣгиревъ сослался тогда на римскаго юриста Павла, который указываетъ случаи, когда у римлянъ приводили къ присягѣ юридическихъ лицъ, сослался онъ еще на указъ какого-то германскаго императора отъ 1521 года, устанавливающій присягу въ подобныхъ случаяхъ. Но къ эрудиціи г. Снѣгирева г. Кохновъ отнесся недовѣрчиво. Онъ замѣтилъ, что или г. Снѣгиревъ сдѣлалъ свою ссылку очень поспѣшно, или римскій юристъ Павелъ сказалъ совершенный „абсурдъ“. Г. Снѣгиревъ, впрочемъ,

помогъ рѣшенію юристовъ, указавъ, что высочайшее повелѣніе о несостоятельности московскаго ссуднаго банка примѣнило къ данному случаю конкурсный процессъ. Послѣ этого была произведена балотировка и большинствомъ девяти голосовъ противъ семи признано, что банки могутъ быть объявляемы несостоятельными.

Любопытно, чего добивались московскіе юристы? Что, напримѣръ, хотѣлъ сказать г. Кохновъ, требуя, чтобы банки, какъ лица юридическія, были освобождаемы отъ всѣхъ послѣдствій несостоятельности? Если это значить, что банкъ нельзя посадить въ долговую яму, то съ мнѣніемъ г. Кохнова слѣдуетъ, конечно, согласиться. Можно согласиться и съ тѣмъ, что въ случаѣ несостоятельности банка остается только ликвидировать его дѣла и затѣмъ объявить банкъ несуществующимъ и прекратить его дальнѣйшія дѣйствія. Но мы-бы спросили г. Кохнова: юридическія словопренія и ссылки на римскаго юриста Павла или на нѣмецкій законъ 1521 года могутъ-ли имѣть примѣненіе къ московскому ссудному банку, существующему въ 1875 году? Юристы сдѣлали-бы лучше, если-бы съ точки зрѣнія права и уголовной отвѣтственности разобрали вопросъ о кулачествѣ. Кулачество, точно стоголавая гидра, разрастается у насъ повсюду и принимаетъ самыя разнообразныя формы. Кулачествомъ обыкновенно называется у насъ только одинъ видъ отношеній—бѣдныхъ мужиковъ къ богатымъ; остальные-же виды, получившіе европейскую окраску, мы называемъ эксплуатаціей, а иногда и никакъ не называемъ. Но грандіозность размѣровъ не измѣняетъ существа, и то, что продѣлываетъ одесская желѣзная дорога и что выдѣлываетъ русское общество пароходства и торговли, въ чемъ обвинялся Овсянниковъ, что практикуется банками и что выдѣлывается нѣкоторыми нашими земствами, хотя-бы юрьевецкимъ, прославившимся своею исторіею съ г. Авдулинымъ, и что дѣлаетъ смоленское земство, такъ развязно разрѣшившее вопросъ о бѣдности смоленской губерніи,—все это то-же маклачество и кулачество, все это повтореніе тѣхъ-же исторій банковъ, все это доказательство въ миліонный разъ, что при кажущемся у насъ развитіи кредита его именно и не существуетъ для тѣхъ, кому онъ нуженъ. Вотъ доказательства.

Членъ царево-ковшайскаго земскаго собранія, г. Китаевъ, представилъ собранію докладъ, въ которомъ показываетъ, на-сколько мѣстный крестьянинъ находится въ рукахъ кулаковъ. Царево-ков-

шайскій уѣздъ казанской губерніи составляетъ весьма лѣсистую мѣстность. Крестьяне, живущіе не только вблизи лѣсовъ, но немного и дальше отъ нихъ, занимаются зимою исключительно лѣснымъ промысломъ. Они заготавливаютъ дрова, бревна, гонятъ смолу, деготь, перевозятъ и сплавляютъ лѣсъ и, такимъ образомъ, не ограничиваютъ свою дѣятельность только райономъ своего уѣзда, а доставляютъ его на лѣсные рынки довольно отдаленные. Казалось-бы, при такомъ энергическомъ трудѣ крестьянинъ могъ-бы имѣть порядочный заработокъ, а между тѣмъ, проморившись всю зиму до весны, онъ не имѣетъ почти ни гроша. Всѣ выгоды достаются не крестьянамъ, а разнымъ кулакамъ, благодаря только рабской зависимости отъ нихъ крестьянина.

Лѣсная промышленность въ царево-кокшайскомъ уѣздѣ сложилась уже давно, благодаря удобству сплава и множеству рѣкъ и рѣчекъ. Но несмотря на то, что лѣсная промышленность въ царево-кокшайскомъ уѣздѣ существуетъ уже болѣе ста лѣтъ, крестьянинъ не сталъ богаче, да, конечно, никогда и не будетъ богаче, если не измѣнятся условія отношеній. Отношенія-же эти теперь вотъ какія. Работаетъ крестьянинъ у промышленника цѣлую зиму, когда-же наступитъ время расчета, то ему насчитаютъ столько „браку“, что окажется, что онъ работалъ только для себя да для прокормленія своей скотины. Всякіе виды заживленія и отжиленія, обмѣръ и недомѣръ приведены въ такую систему, что вполне оправдывается поговорка „съ міру по ниткѣ — бѣдному рубашка“, только рубашка достается не тому, у кого ея нѣтъ.

Г. Китаевъ сообщаетъ такія подробности объ отношеніи крестьянъ къ лѣсопромышленникамъ. Заторговавъ лѣсъ, промышленникъ отыскиваетъ себѣ крестьянъ для работы. Артель работаетъ на своихъ харчахъ, своими лошадьми и своими инструментами. Средняя цѣна за заготовку, смотря по разстоянію доставки до рѣки, бываетъ отъ 1 р. 60 коп. до 3 рублей за кубическую сажень и отъ 25 до 70 рублей за сотню бревенъ, конечно, смотря по ихъ размѣру. Работая шесть съ половиною мѣсяцевъ, крестьянинъ выручаетъ среднимъ числомъ 60 рублей или 30 коп. въ сутки. Изъ этихъ 30 коп. нужно содержать лошадь, прокормиться самому, уплатить подати. Какъ экономно ни дѣлайте расчетъ, но въ концѣ-концовъ окажется, что крестьянинъ, проработавъ на кулака болѣе полугода, приходитъ домой съ пустыми руками.

Г. Китаевъ думаетъ, что единственное средство помочь рабочему населенію Царево-Кокшайска—открыть ему земскій кредитъ. Настолько-же полезенъ былъ-бы и кредитъ со стороны казны. Земство дало-бы деньги, а казна могла-бы отпустить лѣсъ или съ разсрочкой платежа, или съ уплатой за него денегъ по окончаніи заготовки. Между прочимъ, г. Китаевъ указалъ на ветлужское земство, устроившее лѣсотехнической заводъ на артельныхъ началахъ и давшее ссуду артели на устройство завода. Земство можетъ обставить дѣло такъ, что рисковать ссудой ему не придется. Гарантіи, которыя предлагаетъ г. Китаевъ, заключаются въ круговой поруки артели рабочихъ, въ предоставленіи земству права до уплаты ссуды налагать запрещеніе на лѣсъ, принадлежащій лицамъ, получившимъ ссуду; наконецъ, въ объявленіи крестьянамъ, что артель, неуплатившая долга, лишается навсегда кредита. Ссуда, по мнѣнію г. Китаева, должна быть на первое время не больше тѣхъ, какія получаютъ теперь крестьяне отъ промышленниковъ за свою работу, т. е. 60 рублей на рабочаго съ лошадью. Г. Китаевъ вдается въ нѣкоторыя подробности первой организаціи этого дѣла, представляющія болѣе частный, чѣмъ общій интересъ. Видно, что онъ вовсе не особенно увѣренъ, что его мысль будетъ принята царево-кокшайскимъ земствомъ; вдается онъ въ подробности и для убѣжденія лѣсного управленія, которому пытается доказать, какъ будетъ выгодно ему имѣть дѣло съ крестьянскими артелями, которымъ можно будетъ сбыть такой матеріалъ, какой не берутъ другіе. Выслушавъ докладъ г. Китаева, царево-кокшайское земство поручило уѣздной управѣ выработать, если возможно, къ будущему земскому собранію проектъ устава ссудной кассы на улучшеніе лѣсопромышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно уполномочило управу снести о чемъ нужно съ управленіемъ государственныхъ имуществъ, должностными лицами казенныхъ управленій и земствами другихъ губерній, а г. Китаевъ для ознакомленія съ артельною обработкой лѣсныхъ продуктовъ и съ артельнымъ лѣсотехническимъ производствомъ командированъ въ ветлужскій уѣздъ.

Этотъ способъ артельного производства, конечно, имѣетъ въ своей основѣ болѣе прочное экономическое содержаніе, чѣмъ пресловутое артельное сыровареніе г. Верещагина, въ котораго Россія вѣруетъ еще и до сихъ поръ, ибо еще недавно выписывали г. Верещагина на Кавказъ. Конечно, и сыровареніе—вещь хорошая,

но сырѣ хорошо варить тогда, когда есть молоко, да и много его за домашнимъ расходомъ; а молоко есть тогда, когда есть коровы, а коровы есть тогда, когда есть сѣно, а сѣно есть тогда, когда у крестьянина достаточные луга и лѣто не такое, какое было нынче на югѣ. Да если-бы все это и было повсюду, то сыровареніе вовсе не панацея, ужъ не говоря про то, что крестьяне надѣлали-бы сыру больше, чѣмъ нашлось на него охотниковъ.

Смоленская губернія составила себѣ репутацію классической по своей бѣдности. Нѣкогда г. Соловьевъ посвятилъ ей цѣлое изслѣдованіе и по этому изслѣдованію оказалось, что смоленская губернія даже къ 1855 году не успѣла оправиться отъ потрясенія 1812 года. Г. Соловьевъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что малое приращеніе населенія, упадокъ городовъ, уменьшеніе пространства воздѣлываемыхъ земель, накопленіе недоимокъ,— все это такія явленія, которыя противорѣчатъ общему порядку движенія впередъ. Ужъ одно то, что втеченіи сорока лѣтъ губернія не могла оправиться послѣ разгрома отечественной войны, указываетъ, на-сколько слабы экономическія средства смоленской губерніи. Отгѣна крѣпостного права не подняла благосостоянія мѣстнаго населенія и изъ отчета высочайше утвержденной комисіи для изслѣдованія сельско-хозяиственнаго быта оказывается, что въ смоленской губерніи существуетъ недостатокъ заработка, недостатокъ хлѣба, соли, топлива, всего, чѣмъ держится крестьянское хозяйство. У крестьянъ оказывается и недостатокъ земли, выгона, лѣса, сѣнокоса и рабочаго скота. По изслѣдованіямъ комисіи, доходъ отъ хозяйства крестьянъ въ западныхъ уѣздахъ, за исключеніемъ уѣздовъ духовщинскаго и красенскаго, не покрываетъ расходовъ на прокормленіе на 425,174 р. Подати-же, по изслѣдованіямъ той-же комисіи, больше средней доходности земли отъ 186 до 287%. Г. Давыдовъ, который посвятилъ смоленскому вопросу въ „Вѣстникѣ Европы“ цѣлую статью, справедливо замѣчаетъ, что никто-бы не повѣрилъ, что частный владѣлецъ, получающій отъ своей земли, положимъ, 1,000 р. чистаго дохода въ видѣ аренды, долженъ былъ уплачивать податей и повинностей отъ 2,860 р. до 3,870 р., а именно въ такомъ положеніи и находятся помѣщичьи крестьяне смоленской губерніи. Люди, которымъ близко извѣстенъ крестьянскій бытъ вообще, очень хорошо знаютъ, въ чемъ заключается центръ тя-

жести вашего сельско-хозяйственного вопроса. Напримѣръ, гр. А. П. Шуваловъ сказалъ въ сельско-хозяйственной комисіи, что въ настоящее время передъ податнымъ вопросомъ всѣ остальные являются ничтожными и что именно по податному вопросу нужно собрать полныя свѣденія. „Повинности, лежащія на частной поземельной собственности, сказалъ гр. Шуваловъ, — довольно значительны. Онѣ составляютъ отъ 7 до 10 и 12, даже 16% съ доходности земли. Въ средней сложности—до 10%. Что-же касается крестьянскаго надѣла, то для меня, говоритъ гр. Шуваловъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что въ общей сложности налоги превышаютъ доходность земли, такъ-что даже невозможно признать ихъ поземельными, а лишь замаскированными личными налогами. Самъ-же крестьянскій надѣлъ является здѣсь не какъ личная собственность, а какъ способъ соединенія, приуроченія плательщиковъ къ одному мѣсту для цѣлей фиска. Снѣю утверждать, что покуда подъ предлогомъ поземельной собственности налоги будутъ ложиться на трудъ, прикрѣпляя людей къ землѣ, и пока заработки отдѣльныхъ лицъ будутъ идти на уплату какихъ-то общихъ долговъ, не предстоить возможности какими-либо мѣрами подвинуть впередъ наше хозяйство. Въ общинномъ владѣніи, равно какъ и въ круговой поруцѣ, я, сказалъ губернскій предводитель дворянства петербургской губерніи,—не усматриваю настоящаго корня зла. Народы, общества могутъ процвѣтать и при владѣніи обществами значительнымъ количествомъ земли... Суть цѣли не въ томъ, кому принадлежитъ земля и существуютъ-ли коллективныя тяжести для членовъ общества, а въ томъ, какъ великъ итогъ этихъ коллективныхъ тяжестей и каковъ порядокъ пользованія общественнымъ имуществомъ“.

А между тѣмъ смоленское земство, *изслѣдовавъ* положеніе губерніи, пришло къ заключенію, что если послѣ реформъ положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ особенности западныхъ уѣздовъ смоленской губерніи, ухудшилось, то это потому, что поземельная собственность вообще находится въ неблагоприятныхъ условіяхъ. Скудость почвы, по мнѣнію земства, не составляетъ причины обѣдненія, потому что почва смоленской губерніи не хуже и даже лучше сосѣднихъ. Крестьянскіе надѣлы, по мнѣнію земства, достаточны, и этотъ выводъ дѣлаетъ оно изъ того, что крестьяне не желаютъ пользоваться отрѣзными землями и

даже отказываются отъ обработки части своихъ собственныхъ земель; что народъ отличается повальнымъ пьянствомъ, отсутствіемъ добросовѣстности при исполненіи разнаго рода обязательствъ, что среди его недостаточно развиты промыслы, что на народѣ лежатъ большія прямыя подати и повинности, что высокъ налогъ на соль, что въ губерніи много евреевъ.

Всѣ эти причины—не исключительно причины смоленской губерніи и дѣйствуютъ почти по всей Россіи. И любопытно, что смоленское земство, которому-бы нужно было понимать лучше условія своей губерніи, стало указывать на такія уже избитыя причины, какъ пьянство и налогъ на соль, въ которыя едва-ли кто-нибудь нынче станетъ вѣрить. Достаточно сравнить акцизъ на соль съ акцизомъ на вино, чтобы понять, что народъ не можетъ обѣднить отъ такъ-называемой дороговизны соли. Акцизъ на соль даетъ 12 мил. руб. государственному казначейству, а акцизъ на вино почти 200 мил. руб. Не думало-ли смоленское земство, что акцизъ на соль ведетъ къ обѣдненію, потому что мѣшаетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства? Никто не станетъ отрицать, что было-бы лучше, если-бы на соль не существовало налога. Тогда крестьяне могли-бы употреблять соль и въ кормъ скоту, тогда-бы удешевились и многія техническія производства, но теперь ужь, разумѣется, не ничтожный налогъ на соль оттягиваетъ крестьянина внизъ, а скорѣе необыкновенная цѣна на водку. Не считая патентнаго сбора, который выплачивается тоже потребителями, налогъ на вино составляетъ на каждого взрослого рабочаго почти 12 рублей. Такого налога не выплачиваетъ даже Англія, а если обратить вниманіе на то, что пьютъ не каждый русскій мужикъ и что мы пьемъ вообще очень безпорядочно, то налогъ на вино составитъ на каждого настоящаго потребителя, по крайней мѣрѣ, 20 рублей. Поэтому смоленское земство разсудило-бы правильнѣе, если-бы сказало, что не налогъ на соль мѣшаетъ успѣхамъ земледѣлія, а налогъ на вино. Относительно нравственности народа можно говорить очень много, и, конечно, никто не станетъ спорить, что нравственность нашего народа не особенно высока. Мы согласимся съ смоленскимъ земствомъ, что нашъ крестьянскій самосудъ очень плохъ, что съ рабочими не всегда можно заключать договоры, нравственнаго значенія кото-

рыхъ народъ какъ-будто не признаеть, и, можетъ быть, смоленское земство имѣло основаніе умалчивать о налогѣ на вино.

И у насъ, и въ Европѣ налогъ на вино заключаетъ въ себѣ взаимно исключаящія противорѣчія. Съ одной стороны, налогъ на вино фигурируетъ повсюду въ очень почтенной цифрѣ бюджета государствъ и въ Англіи, напримѣръ, акцизъ и пошлины съ крѣпкихъ напитковъ составляютъ $33\frac{1}{2}\%$ всего государственнаго дохода; у насъ-же, по росписи 1876 г., акцизъ, вмѣстѣ съ патентнымъ сборомъ, исчисленъ въ 191 мил. руб. Понятно, насколько эти миліоны важны въ экономіи государства и насколько противодѣйствіе излишнему употребленію вина можетъ отразиться на государственномъ бюджетѣ. Наши публицисты, возстающіе противъ народнаго пьянства, увѣряютъ, что стоитъ въ какой-нибудь деревнѣ уничтожить кабакъ, чтобы пьянство сейчасъ-же исчезло. Да; но если-бы во всѣхъ селеніяхъ постановились-бы приговоры, по примѣру тѣхъ деревень, которыя закрыли у себя кабаки, гдѣ-бы государственное казначейство взяло тѣ 191 мил. руб., которые оно имѣетъ отъ водки? Примиреніе этихъ противорѣчій вовсе не такъ просто и, конечно, еще долго противоположные интересы будутъ сталкиваться, пока акцизъ на вино фигурируетъ на первомъ планѣ въ нашихъ государственномъ бюджетѣ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что смоленское земство должно было закрыть глаза на истинныя причины смоленской бѣдности и видѣло-бы главное зло не тамъ, гдѣ оно есть. Г. Давыдовъ, изслѣдовавъ нѣсколько съ иной точки упадокъ благосостоянія смоленской губерніи, приходитъ въ выводу, что бытъ крестьянъ ухудшился преимущественно въ западныхъ уѣздахъ, гдѣ отсутствіе мѣстныхъ промысловъ лишаетъ крестьянъ возможности зарабатывать достаточныя средства для уплаты повинностей и покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ; что ухудшеніе хозяйства крестьянъ зависитъ отъ уменьшенія надѣловъ, недостатка луговъ, выгоновъ, отъ уменьшенія скота, истощенія почвы, что ухудшеніе быта крестьянъ зависитъ отъ постоянного уменьшенія средствъ продовольствія, доставляемыхъ надѣломъ, отъ всеобщей дороговизны, отъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, отъ недостатка и малоприбыльности заработка, отъ низкихъ цѣнъ на трудъ, отъ значительныхъ налоговъ, падающихъ на трудъ и потребленіе крестьянъ. Но ближайшую причину упадка крестьянскаго хозяйства г. Давыдовъ ви-

дѣть въ недостаткѣ земельныхъ надѣловъ и въ несоразмѣрности общихъ повинностей на землю съ ея доходами.

При такомъ взглядѣ на народное земледѣліе смоленское земство ужь, разумѣется, очень не скоро придетъ къ вѣрному пониманію истинныхъ условій русскаго земледѣлія и будетъ судить о немъ точно такъ-же, какъ г. Баймаковъ судить о русскомъ кредитѣ.

Спекуляція, становящаяся между потребителемъ и производителемъ, дѣйствующая въ ущербъ тому и другому, является во всѣхъ сферахъ нашихъ экономическихъ отношеній. Какое ни возьмите производство, — сельско-хозяйственное, промышленное, литературное, — вездѣ повторяется одно и то-же. Одинъ изъ любопытѣйшихъ фактовъ этого рода представляетъ спекуляція на башкирскія земли.

Закономъ 1869 года, съ цѣлью колонизаціи и обрусѣнія громадныхъ башкирскихъ степей оренбургской и уфимской губерній, была разрѣшена продажа земель въ частныя руки. Какъ только законъ огласился, масса помѣщиковъ, купцовъ, чиновниковъ, мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ бросилась скупать земли. Всякій, у кого былъ какой-нибудь капиталъ, спѣшилъ помѣстить его въ выгодное предпріятіе, а у кого денегъ не было — занималъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ, чтобы купить за безцѣнокъ землю и перепродать или переобработать ее въ чужія руки. Въ одномъ 1872 году изъ отдѣленій уфимскаго и оренбургскаго банковъ выдано въ ссуду подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій частныхъ обществъ около 790,000 рублей. При всей дешевизнѣ продажи башкирами своихъ земель, на покупку ихъ, какъ говорятъ, ушло 1½ миліона. Въ первыя четыре или пять лѣтъ было распродано болѣе 600,000 десятинъ башкирскихъ земель, среднимъ числомъ отъ одного до четырехъ рублей за десятину.

Спекуляція не ошиблась въ своихъ расчетахъ и скупка земель принесла ей не малую выгоду. Наплывъ населенія изъ Россіи былъ такъ великъ, что тамъ, гдѣ было не болѣе ста жителей, теперь оказалось до десяти тысячъ въ одинъ годъ. Безлюдныя пустыри превратились въ многолюдную колонію, и всякихъ видовъ промышленность, какъ земледѣльческая, такъ и сродная съ нею, создались точно волшебствомъ. Приливъ рабо-

чихъ силъ оказался громадный, построились заводы, началась разработка минеральныхъ богатствъ и нѣкогда мертвый край ожилъ.

Такъ прошло много времени, но вотъ со стороны башкировъ начали раздаваться жалобы, что покупка земель производилась какъ-то неладно. Корреспонденты разныхъ газетъ начали указывать на кое-какіе неблаговидные факты и изъ нихъ обнаружилось, что ближайшее начальство башкировъ вмѣшивалось въ сдѣлки и, конечно, въ пользу покупателей. Разоблаченіе и толки оказались, наконецъ, на-столько сильными, что для разслѣдованія дѣла назначена изъ Петербурга правительственная комисія. Чѣмъ кончатся ея разслѣдованія—разумѣется, неизвѣстно. Но, впрочемъ, окажутся-ли злоупотребленія дѣйствительными или толки преувеличенными—не составляетъ вопроса особенной важности. Для насъ гораздо важнѣе та система, по которой между производителями и средствами производства всталъ цѣлый рядъ посредниковъ и, конечно, въ ущербъ какъ потребителямъ, такъ и производителямъ.

Необыкновенный наплывъ колонизаціоннаго населенія, конечно, лучше всего доказываетъ, на-сколько крестьяне разныхъ мѣстностей Россіи нуждаются въ переселеніи. Безъ подобной крайней нужды ужъ, конечно, башкирскія земли не заселялись-бы такъ быстро. Но земля, въ которой такъ нуждаются мѣстами крестьяне, вмѣсто того, чтобы прямо и непосредственно перейти къ нимъ отъ башкировъ, очутилась въ рукахъ спекуляторовъ и уже отъ нихъ перешла къ крестьянамъ. Мы-бы хотѣли знать, въ чемъ сущность одолженія, которое оказали спекуляторы крестьянамъ? Наплывъ переселенцевъ, конечно, остался-бы тѣмъ-же и безъ нихъ; безъ нихъ переселенцы обработали-бы и землю, какъ они ее обработали и теперь; безъ нихъ явились-бы заводы и фабрики, и разработка каменнаго угля. Все, что сдѣлалось для успѣховъ земледѣлія и промышленности, конечно, сдѣлалось-бы не только не хуже, но даже лучше, если-бы посредниковъ не было. Въ настоящее время, какъ говорятъ, покупка земель обошлась въ полтора миліона рублей, а крестьянамъ участки перепродавались вдвое противъ покупной цѣны. Не будетъ вовсе преувеличеніемъ, если мы предположимъ, что переселенцы переплатили спекуляторамъ полтора миліона, и эти полтора миліона,

слѣдовательно, были вынуты изъ оборотнаго, производительнаго капитала колонизовавшагося края; для земледѣлія было-бы выгодно, если-бы эти полтора миліона остались въ рукахъ самихъ земледѣльцевъ, а не разбрелись по рукамъ тѣхъ, кто обязательно предложилъ переселенцамъ свое ненужное посредничество.

Конечно, можно замѣтить, что эти полтора миліона ужь потому не пропали даромъ, что они составляютъ плату за комисіонерскую услугу. Самимъ крестьянамъ не купить-бы башкирскихъ земель по недостатку денегъ, и заселеніе степей было возможно только потому, что явились посредники. Но фактъ все-таки остается фактомъ, и полтора миліона, заплаченные крестьянами скупщикамъ, все-таки деньги безвозвратно погибшія для земледѣльческой промышленности Россіи, хотя онѣ и не могли-бы погибнуть, если-бы крестьянамъ-переселенцамъ былъ открытъ кредитъ.

Мы не думаемъ, чтобы открытію этого кредита могли иѣшать какія-нибудь непреодолимыя затрудненія. Выкупные платежи крестьянъ составляютъ десятки миліоновъ, такіе-же десятки миліоновъ платитъ народъ въ видѣ податей, а между тѣмъ полученіе отъ него ихъ не составляетъ особенныхъ затрудненій. Слѣдовательно, и тѣ сравнительно ничтожныя полтора миліона, которые составляютъ первоначальную цѣну башкирскихъ земель, могли-бы быть точно также безболезненно отданы въ руки самихъ крестьянъ для покупки земель и обратное полученіе денегъ, конечно, было-бы вполне обезпечено. Теперь-же, при отсутствіи кредита, и частнаго, и государственнаго, при положительно закрытой возможности занять гдѣ-нибудь крестьянину денегъ на улучшеніе своего быта и сельскаго хозяйства, являются такіе ненормальные факты. какъ тѣ, о которыхъ мы говорили. 600,000 десятинъ земли продано башкирами за полтора миліона, а производители, которые на этой землѣ поселились, заплатили за нее три миліона. Гдѣ-же полтора миліона, составляющіе разницу? Они не достались ни хозяевамъ земли, ни составили экономіи земледѣльцевъ, а образовали премію, которую производитель выплатилъ спекуляціи. Если-бы существовалъ для крестьянъ кредитъ, если-бы существовала иная организація переселенія, развѣ это было-бы возможно?

Министерство государственныхъ имуществъ сдѣлало опытъ непосредственнаго заселенія порожнихъ земель новоузенскаго уѣзда

самарской губерніи и опять этотъ вполнѣ удался. То, что случилось съ башкирскими землями, то повторилось и здѣсь; край ожилъ и зашевелился. Явилась небывалая промышленность, увеличилось сношеніе и пустыри обратились въ многолюдіе. Съ многолюдіемъ поднялась цѣна на землю и казенныя оброчныя статьи, приносявшія прежде ничтожный доходъ, возвысились въ небывалой цѣнѣ. Убѣдившись въ выгодности непосредственной продажи земель переселенцамъ, министерство государственныхъ имуществъ, какъ говорятъ, думаетъ повторить тотъ-же опытъ съ порожними землями астраханской губерніи.

Изъ этого факта мы видимъ, что рядомъ съ той убыточной системой колонизаціи, по которой башкирскія земли, прежде чѣмъ дойти до настоящихъ рукъ, побывали въ рукахъ кулаковъ и спекуляторовъ, существуетъ у насъ еще и другая, выгодная система, къ сожалѣнію, практикуемая въ маломъ объемѣ и составляющая какъ-бы первыя пробныя попытки. Но въ сущности она вовсе не пробная попытка. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ министерство государственныхъ имуществъ и производится переселеніе, оно всегда дѣлалось на казенный счетъ. Никакихъ посредниковъ между крестьянами и землей, на которую они выселялись, никогда не бывало, кромѣ казны.

Въ интересахъ нашего сельскаго хозяйства, конечно, нужно желать только того, чтобы теперешнія пробныя попытки министерства государственныхъ имуществъ превратились въ цѣлую систему, и чтобы вопросъ о кредитѣ былъ возбужденъ, какъ общая мѣра, для поддержанія всей упадающей нашей сельско-хозяйственной и другой промышленности. Одесскій корреспондентъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что не частная инициатива и не частныя банки поддержатъ промышленность и торговлю Одессы, а правительственная помощь и правительственное вмѣшательство. И дѣйствительно, только органы власти—министерство финансовъ и министерство государственныхъ имуществъ—могутъ явиться на помощь русскому земледѣлію и русской промышленности.

Н. Ш.

О ПОЧВЕННИКАХЪ НОВѢЙШЕЙ ФОРМАЦІИ.

Мы думали, да, вѣроятно, и вы, читатель, воображали, что нами давно уже пережито то время, когда Бурачокъ и его союзники находили себѣ не только послѣдователей, но и горячихъ защитниковъ; когда они проповѣдывали по всѣмъ градамъ и вѣсамъ о тлетворномъ на насъ вѣяніи Запада, и ихъ слушали, мало того, что слушали, но и считали ихъ пророками своей земли. Они убѣдительно совѣтовали намъ разъ и на-всегда отплеваться отъ еретическихъ теорій европейской науки, стать лицомъ въ лицу съ своимъ національнымъ идеаломъ и искать корень нашей мудрости въ почвѣ. „Оторвавшись отъ почвы, поучалъ насъ нѣкогда „Маякъ“,—вы витаєте съ вашими чревоугодниками, Гегелемъ и Шеллингомъ, въ чистѣйшихъ эфирахъ и не видите того, что дѣлается у васъ подъ ногами. Вы мечтаете, что только то и преисполнено всякой мудрости, что не свое. А по мнѣ въ нашемъ „Домостроѣ“ сокрыто гораздо больше здравыхъ началъ и опытомъ извѣданныхъ истинъ, чѣмъ у всѣхъ вашихъ Шеллинговъ“. (Маякъ, кн. 3, стр. 103.) Теперь вы, конечно, припоминаете, въ чемъ заключался идеалъ Бурачковъ старой формаціи, куда насъ вело это литературное кликушество, и намъ нѣтъ надобности объяснять вамъ его значеніе. Это вѣчная старая сказка о бѣломъ бычкѣ, которую каждое поколѣніе рассказываетъ на свой ладъ. Послѣ покойнаго Бурачка, не то что непонятаго, но пересолившаго черезъ край, и потому умиравшаго одинокомъ, втугѣ вопіавшимъ въ своей пустынѣ, сѣмя его, однакожь, не пропало даромъ; оно хотя и было брошено на каменистую или, выражаясь болѣе точнымъ почвеннымъ языкомъ, на болотистую почву, но

все-же принесло свой вождельный плодъ. Когда наступило время собрать жатву такого неутомимаго сѣятеля, какъ Бурачокъ, чистое зерно свезъ въ свои московскія житницы Аксаковъ, а шелуху и мякину подобрали въ свои петербургскіе закромы братья Достоевскіе. Правда, что это уже была нѣсколько иная почва, чѣмъ та, которую разрабатывалъ покойный Бурачокъ,—почва, очищенная и удобренная философіей г. Страхова, критикой Григорьева, публицистикой Щеглова, сатирой Безрылова и т. д., но черноземный ея грунтъ былъ одинъ и тотъ-же. Мякина, которую предлагалъ своимъ читателямъ вѣчной памяти „Маякъ“, отличалась отъ мякины въ цвѣтѣ лѣтъ погибшихъ „Времени“ и „Эпохи“ не столько качествомъ, сколько количествомъ. Въ „Маякѣ“ ея было больше и она была крупнѣе, чѣмъ въ органахъ Аксакова и Достоевскихъ. Здѣсь она перемѣшивалась нерѣдко съ другими продуктами нашей почвы, и новые мукосѣи, не измѣняя ея существенныхъ элементовъ, принуждены были, однакожь, подслащать ее нѣкоторыми иностранными суррогатами. Но такъ-какъ подъ луной нѣтъ ничего вѣчнаго, то и мякина братьевъ Достоевскихъ исчезла съ лица земли вмѣстѣ съ ихъ органами. Не знаю, кто былъ настоящимъ преемникомъ этихъ двухъ литературныхъ Ореста и Пилада, не знаю даже и того, что сдѣлалось съ чистымъ зерномъ Аксакова, унаслѣдованнымъ имъ отъ его прямого предка, Бурачка, но навѣрное могу сказать, что и ихъ труды не пропали даромъ... Кто не потерялъ еще способности отличать зерна отъ мякины, философіи отъ юродства, тотъ очень хорошо пойметъ, что наши новѣйшіе почвенники ведутъ свою генеалогическую линію непосредственно отъ Бурачкова и Страховыхъ. И тутъ та-же мякина, но опять нѣсколько видоизмѣненная канцелярскими условіями времени и смѣшанная съ другими суррогатами. Если „Маякъ“ усматривалъ въ „Домостроѣ“ такія истины, какія и не снились Шеллингамъ, то развѣ „Недѣля“, ведущая насъ за идеалами въ деревню, не лучше „Маяка“? Вотъ на этомъ-то вопросѣ—*кто лучше?*—нѣтъ и хотѣлось-бы остановиться въ моей настоящей замѣткѣ.

Въ одной изъ моихъ статей, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ въ прошломъ году *), я, стараясь объяснить тотъ неожидан-

*) См. статью: Народъ учить или у народа учиться? „Дѣло“, № 4.

ный успѣхъ, который возымѣла у насъ педагогическая философія графа Толстаго, упомянулъ, если вы помните, о странномъ поворотѣ въ міросозерцаніи наиболѣе юной и авангардной части нашего общества, — поворотѣ, совершившемся еще очень недавно, но тѣмъ не менѣе уже успѣвшемъ обнаружиться весьма рѣзко и категорично.

Этотъ, повидимому, неожиданный, но, на самомъ дѣлѣ, давно ожидаемый поворотъ я объяснилъ стремленіемъ нашей якобы прогрессивной литературы возвратиться къ той самой „почвѣ“, надъ которою нѣкоторые недалёковидные юноши (тогда они, конечно, еще не знали, что и имъ понадобится почва) такъ зло и такъ беспощадно пронизировали глѣтъ 15 тому назадъ, къ той почвѣ, которая въ „оны дни“ была предоставлена въ исключительную эксплуатацію разныхъ „Эпохъ“, „Временъ“, „Дней“, „Бесѣдъ“, Страховыхъ, Григорьевыхъ, братьевъ Достоевскихъ, Аксаковыхъ, и даже, если память моя не обманываетъ, Скоробрыкиныхъ. Не знаю, что думаютъ теперь всѣ эти господа о почвѣ, но, очевидно, она ушла изъ-подъ ихъ ногъ. Другіе люди, повидимому совсѣмъ на нихъ непохожіе, предъявили на нее свои права. А такъ-какъ она принадлежитъ къ тому разряду вещей, который въ римскомъ правѣ обозначался техническимъ выраженіемъ *res nullius*, то, понятно, ею можетъ завладѣть всякій, кто только возьметъ ее „подъ свою защиту“. Когда ее защищали почтенные коллаторы Дней, Временъ и Эпохъ, она имъ, по праву, и принадлежала; теперь въ защиту ея выступили коллаторы „Недѣли“, „Молвы“, отчасти „Отечественныхъ Записокъ“, — значитъ, они ея прямые господа и хозяева. Конечно, это господство мнимое, фиктивное, да и самый-то объектъ его болѣе относится къ области мифа, фантазіи, чѣмъ къ области реальной дѣйствительности, однакожь, несмотря на всю свою фиктивность, оно приводитъ къ нѣкоторымъ положительнымъ результатамъ: оно устанавливаетъ нѣкоторую реальную связь между фантастическимъ владѣльцемъ и его фантастическимъ владѣніемъ.

Когда я воображу себѣ, будто такая-то вещь или такой-то фактъ (хотя-бы и не существующій) составляетъ нѣчто со мною единое, что онъ-то всего болѣе пригоденъ для выраженія моихъ желаній, моихъ душевныхъ настроеній, для осуществленія моихъ идеаловъ и т. п., я невольно начинаю чувствовать къ

нему (и чувствовать уже не фиветивно, а реально) нѣкоторую привязанность, и, подѣ вліяніемъ этой привязанности, я его разу-крашаю, идеализирую, ставлю на пьедесталь.

Старые „почвенники“, начиная съ Бурачка и кончая, если угодно, чревовѣщательной философіей какого-нибудь Ивана Ко-рейши, идеализировали свою почву именно потому, что они считали ее „свою“, что они и сами вѣрили и другихъ ста-рались увѣрить, будто они стоятъ на ней обѣими ногами, будто она всего болѣе приспособлена къ той культурѣ, ко-торая имъ больше всего приходится по вкусу, и будто на ней не можетъ произрости ни одно зерно, взятое не изъ ихъ амба-ровъ. Неумолимые противники всякихъ „новшествъ“, лютые го-нителѣ „духа времени“, они съ ехиднымъ злорадствомъ указывали пальцами на тѣхъ, кого они окрестили именемъ „рыцарей свисто-пляски“. „Шуты въ гороховые, свистуны въ безпардонные, шипѣли они; — неужели вы не понимаете, что всѣ ваши пре-красные теоріи и идеалы—чистѣйшая утопія, что подѣ ними нѣтъ „почвы“? Вы взяли ихъ напрокатъ отъ вашихъ запад-ныхъ учителей и воображаете, будто ихъ можно пересадить и къ намъ. Нѣтъ-съ, наша „почва“ не приметъ ихъ, они против-ны ея „духу“ и она плюетъ и на васъ, и на весь вашъ въ самоѣ кор-нѣ подгнившій Западъ!..“ Бурачокъ, если-бъ только онъ жилъ въ наше время, къ этому прибавилъ-бы еще нѣсколько крѣпкихъ словъ, въ родѣ слѣдующихъ: а мнѣ плевать на всѣхъ вашихъ Боклей, Дарви-новъ, Тиндалей, когда вся ихъ мудрость не стоитъ и мѣднаго гроша, по сравненію съ нашимъ архи-почвеннымъ Домостроемъ. Правду они говорили или ввали — „почву“ объ этомъ никто не спра-шивалъ и ея мнѣніе на этотъ счетъ и до сихъ поръ никому неизвѣст-но. Но это обстоятельство, какъ видно, ни мало не стѣсняетъ „новѣйшихъ“ почвенниковъ. Съ аллобмомъ своихъ предшествен-никовъ, съ неподражаемою развязностію Репетиловыхъ, они, за-конныя дѣти старыхъ западниковъ, торжественно теперь за-являютъ, что ихъ идеалы, ихъ теоріи вполне почвенны, что толь-ко ихъ сѣмя и можетъ дать роскошный плодъ. Они убѣж-дены или, по крайней мѣрѣ, стараются казаться убѣжденными, что „безжизненность русской критики и публицистики происходитъ именно отъ ея ограниченнаго западничества“. А изъ этого само-собой слѣдуетъ, что критика оживится только тогда, когда

ограниченное и узкое западничество будетъ замѣнено въ нашемъ міросозерцаніи широкими взглядами почвы, которую станутъ воздѣлывать эти новые сѣятели. И не подумайте пожалуйста, оговариваются они, чтобы эти сѣятели были переодѣтые славянофилы или квасные патріоты, — о, нѣтъ! — это настоящіе европейцы, но только не книжники, и намъ остается догадываться, что это какая-то новая помѣсь гг. Аксаковыхъ съ гг. Страховыми и Григорьевыми. Какъ-бы то ни было, но увѣривъ себя въ этомъ, они начинаютъ уже взирать съ какими-то высококомѣрнымъ сожалѣніемъ на несчастныхъ „книжниковъ“, „фари-сеевъ“, „западниковъ“, воображающихъ, будто нашу „почву“ можно подвести „подъ рамки, формулы, мнимые (?) законы той бездушной соціологіи, которая стоитъ только за хищника и знать не знаетъ никакихъ требованій человѣческой правды и справедливости“ (Молва, № 2, „Журн. Обзор.“).

Очевидно, почвенники новѣйшей формаціи состоятъ, по большей части, изъ Ивановъ Непомнящихъ. Они забыли, что тѣ самыя идеалы, которые теперь они считаютъ наиболѣе проникнутыми духомъ почвы, — что эти идеалы ихъ родители цѣликомъ заимствовали отъ „своихъ западныхъ учителей“, что они почерпнули ихъ совсѣмъ не изъ нѣдръ „народнаго сознанія“, а изъ „мнимыхъ“ законовъ „бездушной“ соціологіи. Они забываютъ, что „тлетворная“ западная цивилизація, породившая столько зла своимъ „товарнымъ процессомъ“, создала и тѣ ученія, подъ влияніемъ которыхъ въ нихъ впервые запало „жизни чистой, человѣчной благотворное зерно“. Они забываютъ, что тѣ нравственные идеалы, которые дѣлаютъ ихъ лучше и гуманнѣе окружающей ихъ среды, — что эти идеалы они опять-таки заимствовали не изъ „почвы“, не изъ домостроя Бурачка, не изъ допетровской Руси Аксакова, а отъ этой „бездушной и эгоистической“ цивилизаціи, заимствовали посредствомъ изученія западно-европейской мысли и ея послѣднихъ результатовъ.

Впрочемъ, не подумайте, что я хочу защищать цивилизацію отъ нашихъ почвенниковъ. Нѣтъ, это было-бы совершенно напрасной тратой времени; вѣдь извѣстно, что наши почвенники всѣхъ формацій судили объ европейской цивилизаціи съ точки зрѣнія Митрофановъ, рассматривали ее изъ Толмазовыхъ переул-

ковъ, и потому спорить съ ними объ этомъ совершенно бесполезно. Я вспоминаю здѣсь объ ихъ забывчивости только для того, чтобы еще разъ показать читателю, какъ много общаго у нашихъ новѣйшихъ рыцарей почвы съ древнѣйшими. И тѣ, и другіе съ удивительнымъ согласіемъ забываютъ тѣ именно факты въ своемъ развитіи, о которыхъ имъ-бы, по настоящему, только и слѣдовало помнить; и тѣ, и другіе одинаково утратили сознаніе о томъ, какъ и откуда появились у нихъ ихъ почвенные идеалы. Мало того, и тѣ, и другіе взводятъ на нашу литературу совершенно одинаковыя обвиненія. Мы съ вами не на-столько счастливы, чтобы, подобно имъ, забыть прошлое; мы очень хорошо помнимъ, въ чемъ именно старѣйшіе почвенники упрекали западниковъ и ихъ литературныя и общественныя тенденціи. Они винили ее въ чрезмѣрномъ и черезчуръ беспощадномъ отрицаніи, въ „оторванности“ отъ почвы, въ созерцаніи русской жизни сквозь призму иностранныхъ книжекъ, заграничныхъ теорій, въ совершенномъ непониманіи и незнаніи истинныхъ потребностей русской жизни.

Просмотрите теперь № 44-й „Недѣли“ (за 1875 г.) и вы убѣдитесь, что совершенно то-же самое говорятъ и наши новѣйшіе почвенники. Безжизненность нашей литературы происходитъ, по ихъ мнѣнію, оттого, что она „превратила отрицаніе въ ремесло“, „оторвалась“ отъ жизни. „Отбросивъ лицемеріе, нужно съ горечью сознаться, говоритъ авторъ статьи: „Отчего безжизненна наша литература?“—что не однѣ „Отечеств. Записки“, а почти всѣ наши литераторы по профессіи — книжники, книжники съ головы до пятокъ, съ идеалами и стремленіями, сложившимися исключительно по „иностраннымъ“ книжкамъ. И этимъ-то людямъ, созерцающимъ Россію издали—многіе изъ нихъ никогда не жили въ провинціи—черезъ „заграничныя очки“,—приходится быть руководителями общественнаго мнѣнія, давать отвѣты на запросы русской жизни!“

Отрывъ причину безжизненности нашей литературы (давно уже, впрочемъ, открытую старѣйшими почвенниками), нашъ новѣйшій Колумбъ безъ труда отыскиваетъ и средства для ея устраненія. Только „люди деревни“, говоритъ онъ, могутъ оживить литературу, могутъ сдѣлать ее дѣйствительною руководительницею обще-

ственнаго мнѣнія и т. п. Вотъ и новая Америка, какъ видите, открыта!

Но позвольте, однакожъ, читатель: случилось-ли вамъ когда-нибудь слышать что-нибудь подобное даже отъ покойныхъ Шишковыхъ, Кирѣевскихъ и Бурачковъ? На-сколько мнѣ помнится, даже старѣйшіе почвенники не отваживались доходить до такихъ геркулесовскихъ столбовъ.

Замѣчаете вы, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ у насъ философія гр. Толстаго? Въ прошломъ году мы, основываясь на ней, отдавали въ руки „людей деревни“ дѣло воспитанія деревенскаго юношества; нынче мы находимъ, что въ ихъ руки слѣдуетъ передать дѣло воспитанія всего общества вообще, т.-е. его литературу. Какъ это умно и логично, какъ это должно быть лестно для насъ съ вами! До сихъ поръ мы имѣли наивность воображать, будто на насъ лежатъ нѣкоторыя обязанности относительно „людей деревни“; будто мы должны, въ обмѣнъ на получаемый отъ нихъ вещественный хлѣбъ, снабжать ихъ хлѣбомъ духовнымъ, заботиться объ ихъ умственномъ и нравственномъ развитіи, помогать имъ въ ихъ практическихъ нуждахъ своими совѣтами и указаніями, руководить воспитаніемъ ихъ дѣтей и т. п. Все это оказывается теперь вздоромъ: люди деревни, по части духовной пищи, гораздо богаче насъ; они несравненно лучше, чѣмъ мы, понимаютъ, какъ и чему слѣдуетъ учить дѣтей; наконецъ, они одни только и могутъ оживить нашу мертвую, заѣденную отрицаніемъ литературу. Согласитесь, если можно было открыть другую Америку, то это открытіе было-бы для насъ несравненно менѣе выгодно, чѣмъ то, которое сдѣлали наши новѣйшіе почвенники.

Ахъ, если-бы это только было дѣйствительное открытіе, а не какая-нибудь мистификація! Но въ томъ-то и бѣда, что Америка нашихъ Колумбовъ не есть Америка реальная, настоящая, а Америка воображаемая, такъ-сказать, метафизическая. Они и сами, повидимому, сознаютъ это. Вы думаете, что когда они говорятъ о „людяхъ деревни“, то они имѣютъ въ виду людей дѣйствительной, реальной деревни,—той деревни, которую я знаю, вы знаете, всѣ мы знаемъ? О, нѣтъ! подъ деревнею они подразумѣваютъ совокупное сожитіе людей, объединенныхъ общностью интересовъ, людей нравственно-солидарныхъ, нравственно-чистыхъ и прекрасныхъ.

Вотъ оно, штука-то какая! Что-же, конечно, люди такой идеально-нравственной деревни могутъ обновить литературу, при одномъ, однакожь, условіи: чтобы ихъ нравственное развитіе стояло въ уровень съ ихъ развитіемъ умственнымъ. Въ противномъ случаѣ, даже и отъ нихъ ей нечего ждать себѣ спасенія. Какъ ни будь человѣкъ нравственъ, но если онъ глупъ и невѣжественъ, то, понятно, кромѣ глупости и невѣжества вы изъ него ничего не выжмете. Неужели вы, господа почвенники, воображаете, будто для того, чтобы вносить въ общество просвѣтительныя идеи, чтобы умѣть умно отвѣчать на „запросы жизни“, — будто для этого нужно только не таскать платковъ изъ кармана, любить ближняго и не быть эгоистомъ?

Вы это думаете? Да, они это думаютъ или, по крайней мѣрѣ, думали, когда утверждали, будто только одни „люди деревни“ могутъ вдохнуть жизнь въ нашу литературу. Теперь, повидимому, они сами увидѣли, что сморозили невообразимую чушь, и во 2-мъ № „Недѣли“ г. П. Ч. старается нѣсколько поправить свое категорическое заявленіе относительно своихъ трущобныхъ, деревенскихъ идеаловъ. Въ № 44 онъ утверждалъ, какъ вы помните, что наша современная литература „оторвалась отъ жизни“, что она черезчуръ пропиталась „западными“ теоріями, „книжными“ идеями, что обновить и оживить ее можетъ лишь деревня, т. е. теоріи, идеи и идеалы, заимствованные изъ деревни. Но во 2-мъ № той-же газеты онъ говоритъ уже нѣсколько иное. „Всякое міросозерцаніе, философствуетъ онъ, — слагается изъ двухъ моментовъ: во-первыхъ, изъ той коренной закладки чувствъ, душевныхъ движеній, которую... я называю „нравственными задатками“, и, во-вторыхъ, изъ идей и фактическихъ знаній, какъ продуктовъ отправленій ума... Первый моментъ у просто-народья вообще и у нашей деревни въ особенности правдивѣе, чѣмъ у культурныхъ слоевъ...“ Отсюда онъ дѣлаетъ такой выводъ: литература должна вліять на деревню своими знаніями и идеями, а деревня на литературу — своими „нравственными задатками“. Иными словами, первая должна оставаться при своихъ идеяхъ и знаніяхъ, — по „идейной“ части деревня ей ничего не дастъ; она можетъ позаимствоваться отъ послѣдней кое-чѣмъ лишь по части „нравственной“. Значитъ, безжизненность нашей литературы происходитъ совсѣмъ не оттого, что она „оторвалась

отъ жизни“, что она черпаетъ свои идеи изъ заграничныхъ книжекъ, что она пропиталась западными теоріями и т. п.,—нѣтъ, она безжизненна потому только, что недостаточно „нравственна“. Вотъ это такъ открытіе—хоть посылай его на филладельфійскую выставку!

Г. провинціальный философъ, поспѣшите поскорѣе дать г. Гайдебурову книжку для записыванія „глупыхъ рѣчей“ его сотрудниковъ! Вѣдь такіе „перлы и алмазны“ не должны пропадать безслѣдно. А вы, г. Гайдебуровъ, вы литераторъ давнишній, вы должны знать, хотя по слухамъ, исторію нашей литературы; сдѣлайте-же нѣкоторое усиліе надъ своею памятью: вспомните, когда и кто обвинялъ нашу журналистику въ недостаткѣ нравственныхъ задатковъ. Вспомните—и вамъ станетъ стыдно, очень стыдно и за себя, и за „Недѣлю“, и за г. П. Ч. Ахъ, если-бы вы могли вспомнить! Но нѣтъ, вы вѣрно уже все, все забыли.

А между тѣмъ это было такъ еще недавно: „Московскія Вѣдомости“ ругали насъ „мошениками пера и разбойниками слова“; „Русскій Вѣстникъ“ устами своего юродиваго критика укорялъ насъ въ нравственной распущенности, въ цинизмѣ и развратѣ, а г. Куперникъ, съ высоты своей адвокатской трибуны, привлекалъ насъ къ уголовной отвѣтственности по дѣлу Ковнера. Вся либеральная пресса, и ваша газета въ томъ числѣ, отвѣтила дружнымъ смѣхомъ и презрѣніемъ на пошлыя инсинуации, на площадныя выходки московскаго кружка. Но зачѣмъ-же вы смѣялись, зачѣмъ вы корчили презрительныя мины? Вѣдь вотъ теперь же устами г. П. Ч. вы сами утверждаете, что въ нашей литературѣ чувствуется полное отсутствіе тѣхъ нравственныхъ задатковъ, которыми преизобилуетъ ваша идеальная деревня, сочиненная вами въ Ивановской улицѣ первопрестольнаго града Петербурга. Люди идеальной деревни проникнуты чувствомъ симпатіи къ ближнему, они всегда подчиняютъ свое „я“ требованіямъ общаго блага, высшаго долга, они любятъ своихъ дѣтей (см. „Недѣля“, № 2), они не эгоисты. Люди „литературы“ отличаются качествами противоположными: они черствые себялюбцы, они покланяются своему „я“ и кромѣ него знать ничего не хотятъ; имъ совершенно недоступно чувство солидарности человѣческихъ интересовъ; они своекорыстные индивидуалисты, они люди нравственно растлѣнные той „бездушной социологіею (какъ лепечетъ „Молва“, очевидно, плохо ещ

понимая смыслъ употребляемыхъ ею словъ), которая стоитъ только за хищника и знать не знаетъ никакихъ требованій человеческой правды и справедливости“. Очевидно, только при такомъ антитезисѣ людей деревни и людей литературы возможно допустить нѣкоторую справедливость положенія почвенниковъ, будто только одна деревня можетъ нравственно обновить литературу. Признаете-ли-же вы, г. Гайдебуровъ, или вы, г. „неизвѣстный“ Жемчужниковъ, подобную антитезу? Да или нѣтъ? Если да, то такъ и говорите: „московскіе философы правы, г. Куперникъ правъ: литература наша безнравственна...“ Это хоть и пошло, да все-таки не такъ избито, какъ ваши увѣренія насчетъ „оторванности“ литературы „отъ жизни“, насчетъ „книжныхъ теорій“, „заграничныхъ очковъ“ и т. п. благоглупостей. И съ помощію всего этого суррогата, какъ вы заявляете въ вашемъ краснорѣчивомъ объявленіи, вы намѣрены вывести „русскую мысль изъ тѣсныхъ казенныхъ рамокъ“, выставивъ при этомъ на авансценѣ вашей рекламы такіе литературные авторитеты, съ которыми можно обновлять что угодно, но только не литературу.

Однако, при чемъ-же тутъ все-таки „почва“? Вѣдь мы повели рѣчь о почвенникахъ и вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ московскими философами и гг. Куперниками. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣроятно, они весьма близко соприкасаются съ почвою; поэтому, если намъ такъ естественно было перейти отъ послѣдней къ первымъ, то не менѣе естественно будетъ переходъ и отъ первыхъ къ послѣдней.

Итакъ, возвратимся къ почвѣ.

Создавъ себѣ идеальное, чисто-фантастическое представленіе о деревнѣ, какъ о такомъ сожитіи людей, которое насквозь пронизано духомъ общности интересовъ и человѣческой солидарности, почвенники утверждаютъ, будто эта фантастическая деревня и есть настоящая, реальная русская деревня. Утвержденіе, какъ видите, довольно смѣлое, и можно даже сказать — рискованное.

Неужели вы серьезно думаете, будто умственное развитіе не играетъ никакой роли въ дѣлѣ образованія „нравственныхъ задатковъ“? Что за дикая, за нелѣпая схоластика противоплагать, какъ вы это дѣлаете, нравственный моментъ человѣческаго міросозерпанія моменту умственному! Какъ-будто ваша „коренная закладка (?) чувствъ и душевныхъ движеній“ (нравственный

моментъ) не находится въ постоянной зависимости отъ „идей и фактическихъ знаній, какъ продуктовъ отправленія ума“ (уиственный моментъ)! А если такъ, то не ясно-ли, что „коренная закладка“ будетъ тѣмъ „правдивѣе“, чѣмъ разумнѣе идеи, чѣмъ доброкачественнѣе и разностороннѣе знанія? Кажется, это должно быть очевидно для каждаго здравомыслящаго человѣка. Но для нашихъ почвенниковъ, или, какъ ихъ называетъ „Молва“, „публицистовъ національнаго сознанія“ (см. „Молва“, № 2), это совсѣмъ не ясно. Напротивъ, г. П. Ч. предполагаетъ, повидимому, что, чѣмъ идеи неразумнѣе, чѣмъ бѣднѣе запасъ фактическихъ знаній, тѣмъ „правдивѣе“ должны быть „нравственные задачи“. Въ подтвержденіе этого оригинальнаго предположенія онъ приводитъ два весьма курьезные примѣра. „Даны, говоритъ онъ, („Недѣля“, № 2), — суевѣрія, идолопоклонство и инныя представленія, съ ними соприкасающіяся; по формѣ грубо, аляповато, иногда (только иногда?) просто возмутительно. А между тѣмъ тутъ въ зародышѣ лежитъ великое чувство: стремленіе подчинить свое эгоистическое „я“ чему-то болѣе широкому, высшему, къ которому человѣкъ имѣетъ нравственныя обязанности и чему, при случаѣ, готовъ жертвовать своею личностью...“ Затѣмъ, когда человѣкъ поумнѣлъ, онъ осмѣялъ свои суевѣрія, отрекся отъ своихъ идоловъ, и что-же? — вмѣстѣ съ „грубою, аляповатою формою“ утратилъ и то великое чувство, которое скрывалось подъ нею.

Отъ какаго „человѣка деревни“ позаимствовалъ г. П. Ч. этотъ аляповатый фактъ? И зачѣмъ онъ повѣрилъ ему на слово? Зачѣмъ онъ ему повѣрилъ, будто въ основѣ идолопоклонства лежало какое-то высокое чувство? Знаете, г. П. Ч., что это было за высокое чувство? Это было сознаніе своего безсилія и своей безпомощности. Вотъ такъ высокое чувство, нечего сказать! Но это куда еще ни шло. А вотъ что особенно хорошо: съ паденіемъ суевѣрій и идолопоклонства человѣческая нравственность стала ухудшаться; люди, переставъ вѣрить въ вѣдьмъ и домовыхъ, вмѣстѣ съ этою вѣрою утратили и „стремленіе подчинять свое эгоистическое „я“ чему-то болѣе широкому, высшему“. Bravo, „публицисты національнаго сознанія“! Вотъ что значитъ договориться до крайней благоглупости, отъ которой не безъ отвращенія отвернулся бы даже такой почвенникъ, какъ приснопа-

мятный Бурачокъ. И вотъ съ такими-то публицистами г. Гайдебуровъ собирается обновлять и оживлять русскую литературу!

Другой примѣръ тоже весьма оригиналенъ.

„Я зналъ, рассказываетъ г. П. Ч., — двухъ матерей. Одна, совсѣмъ необразованная, съела своего ребенка не на животь, а на смерть, но съела потому, что любила. Другая, очень образованная (онъ ее называетъ американкою, желая этимъ, вѣроятно, отгвѣнить степень и характеръ ея образованія), никогда ребенка своего не съела и вообще держалась относительно его политики *laissez faire*; происходило-же это оттого, что она его не любила. Которая-же изъ этихъ женщинъ была лучше въ нравственномъ отношеніи?“ вопрошаетъ г. П. Ч., и, разумѣется, отдаетъ предпочтеніе той, которая хотя и била, да любила. Однако, на какомъ-же это основаніи? Вы думаете, что всякая любовь, изъ какого-бы источника она ни происходила и какими-бы мотивами ни обуславливалась, есть чувство нравственное? Если любовь къ ребенку вашей „необразованной“ матери должна была исчезнуть вмѣстѣ съ ея необразованностью, то не значить-ли это, что ея любовь обуславливалась, главнымъ образомъ, ея нелѣпыми понятіями о своихъ материнскихъ правахъ? Она считала ребенка своею вещью, своею собственностью, и именно потому-то и любила его. Смотри она на него иначе — она относилась-бы къ нему совершенно индифферентно. Разумѣется, все это будетъ справедливо лишь при предположенной вами зависимости любви отъ глупости. Но если необразованная мать любила свое дитя въ силу какихъ-нибудь иныхъ причинъ, то совершенно непонятно, почему любовь должна была пропасть, какъ только вмѣсто матери невѣжественной явилась мать просвѣщенная. Примѣръ вашъ ничего этого не объясняетъ. Изъ него можно сдѣлать только одно заключеніе: бываютъ и глупыя матери, которыя любятъ своихъ дѣтей, бываютъ и умныя, которыя ихъ не любятъ. Но отсюда еще нельзя сказать, будто у глупой, но любящей матери „нравственные задатки“ „правдивѣе“, чѣмъ у умной, но не любящей. Любовь любви рознь... и для оцѣнки нравственнаго характера или, какъ выражаются публицисты національнаго сознанія, „нравственнаго момента“, гораздо важнѣе знать не то, любитъ или не любитъ человѣкъ, а то, „какъ“ и „почему“ онъ любитъ. Не у васъ-ли, г. П. Ч., позаимствовались своими теоріями о материнской и оте-

ческой любви гг. Кроненбергъ и Спасовичъ, такіе-же рыцари почвы, какъ и вы, только не въ литературной, а въ семейной и адвокатской практикѣ?

Вотъ вамъ и вся аргументація почвенниковъ. Вы видите, какииъ множествомъ грѣховъ противъ здраваго смысла она страдаетъ. Первая ея ошибка—метафизическое противоположеніе средняго культурнаго человѣка среднему некультурному человѣку. Вторая ошибка—нравственный моментъ не только отдѣляется отъ умственнаго, но даже противопоставляется послѣднему, какъ нѣчто такое, что не имѣетъ ничего общаго съ „продуктами отправленія ума“. Отсюда третья ошибка—безсмысленная идеализація людей деревни, и, какъ результатъ ея, обвиненіе литературы въ безнравственности и совѣтъ: нравственно обновиться... въ деревнѣ.

И этотъ-то вишнегретъ нелѣпостей „Молва“ окрестила именемъ „національнаго сознанія“ и пригласила „каждаго развитаго человѣка хорошенько подумать“, не слѣдуетъ-ли применить къ публицистамъ этого сознанія, или, „еще лучше“, нельзя-ли ихъ согласить и примирить съ ихъ антагонистами, т. е. съ тѣми, „которые смотрятъ въ заграничныя очки“ и вычитываютъ свои идеи и теоріи изъ иностранныхъ книжекъ!..

Противъ „примененія“ я, конечно, ничего сказать не могу, развѣ только посоветовалъ-бы какъ можно меньше думать, ибо полагаю, что „національное сознаніе“ тѣмъ скорѣе овладѣваетъ чело-вѣкомъ, чѣмъ менѣе онъ расположенъ къ думанію.

Что-же касается „примиренія“ и „соглашенія“, то отъ всей души желаю, чтобы „Молва“ занялась этимъ вопросомъ. Разумѣется, я впередъ знаю, что она никого не примиритъ и не согласитъ, но это все равно: вопросъ-то ужъ очень удобный! Примиряй-себѣ да соглашай, отыскивай золотую середину между деревнею реальною и идеальною, между „нравственными задатками“ и „отправленіями ума“, между П. Ч. и Пыпинимъ, между Пыпинимъ, П. Ч. и Профаномъ „Отечеств. Записокъ...“ И никому не обидно, и для многихъ занятно. Притомъ-же всѣмъ извѣстно, что золотая середина, все соглашающая и все примиряющая, благопріятствуетъ тому, чтобы и невинность соблюсти, и капиталъ приобрести...

Все тотъ-же.

КНИГОПРОДАВЦЫ—ВЪ БЪГАХЪ.

Съ нѣкоторыхъ поръ нашей денежной спекуляціей овладѣла эпидемія бѣгства. Съ легкой руки азартнаго игрока въ чужіе карманы, Струсберга, начали бѣжать концесіонеры, нотаріусы, содержатели банкирскихъ лавочекъ и тому подобныя финансовыя тузы. Но, по пословицѣ, большимъ кораблямъ большое и плаваніе... Тамъ, гдѣ ставится на карту все—состояніе, доброе имя, честь и жизнь, гдѣ все это сводится къ одному знаменателю—къ легкой и быстрой наживѣ, соіте qui соіте,—тамъ не церемонятся съ своей собственной совѣстью, если-бы таковая и оказалась подъ толстымъ бумажникомъ, тѣмъ менѣе съ довѣрчивой публикой, когда въ перспективѣ вмѣсто финансоваго пьедестала представляется долговая яма. Это мы понимаемъ; но никакъ не можемъ понять, что могло возмутить такое скромное стоячее болото, какъ наша книжная торговля? Съ чего взяли бѣжать, по слѣдамъ биржевыхъ игроковъ, такія заурядныя финансовыя двойки, какъ наши книгопродавцы? Козловскій книжникъ, какъ извѣщаетъ контору «Дѣла» правленіе козловскаго коммерческаго собранія, нѣкто Мореевъ, собравъ подписку на журналы и не славъ ее по назначенію, вдругъ очутился въ *безвѣстномъ отсутствіи*. Петербургскій книгопродавецъ А. Базуновъ, находившійся постоянно въ вождѣлѣнномъ здравіи, особенно чувствовавшій себя хорошо въ декабрѣ и первой половинѣ января, когда къ нему поступали денежные посылки со всѣхъ концовъ Россіи, вдругъ заболѣлъ и, собравъ чужихъ денегъ, слѣдовавшихъ редакціямъ разныхъ журналовъ и газетъ, всего около 45,000 р., отправился лечиться за-границу... Книгопродавческая фирма Черкесова хотя и не уѣхала еще за-границу для поправленія своего здоровья, но прекратила платежи по всѣмъ обязательствамъ и продолжаетъ ухать рыбку въ той-же мутной водѣ.

Плотниковъ и какой-то Васильевъ послѣдовали примѣру своихъ любезныхъ сотоварищей. Одинъ Бауновъ оставилъ провинціальныхъ подписчиковъ безъ газетъ и журналовъ болѣе тысячи человекъ. «Читайте, молъ, что хотите, до меня это не касается,—мнѣ нужно провѣтриться за-границей.» Что-же это такое: случайное явленіе или тотъ органическій недугъ книгопродавческой спекуляціи, причины котораго скрываются не въ личностяхъ, не въ отдѣльныхъ единицахъ, а въ общей организаціи нашего книжнаго дѣла? Вопросъ этотъ, намъ кажется, долженъ заставить призадуматься какъ самихъ книгопродавцевъ, еще неуспѣвшихъ послѣдовать за Бауновымъ и Черкезовымъ, такъ и ту довѣрчивую публику, которая оплачиваетъ своимъ кошелькомъ заграничныя прогулки Бауновыхъ.

Къ сожалѣнію, когда намъ приходится отвѣчать на тотъ или другой вопросъ, поставленный передъ нами практической жизнью, подъ руками у насъ не оказывается никакихъ положительныхъ матеріаловъ; вмѣсто фактовъ и положительныхъ данныхъ мы, обыкновенно, пускаемъ въ ходъ свои собственныя измышленія, жалкія слова и ходячія уличныя сплетни. Такъ я здѣсь, въ такомъ близкомъ для насъ дѣлѣ, какъ книжная торговля. Болѣе ста лѣтъ, какъ она такъ или иначе привилась къ нашей интеллектуальной жизни, сдѣлалась однимъ изъ факторовъ нашего умственного развитія, а между тѣмъ мы не имѣемъ ни ея исторіи, ни статистики, ни даже такихъ элементарныхъ свѣденій, какъ и гдѣ она существуетъ. Мы знаемъ только, что патріархальныя ея приемы остаются и теперь тѣ-же, какими они были назадъ тому сто лѣтъ: та-же невозмутимая рутинна, то-же допотопное счетоводство, то-же халатное отношеніе къ публикѣ, какъ и въ лоскутныхъ рядахъ стараго московскаго рынка. Мы знаемъ, что во главѣ нашихъ лучшихъ книгопродавческихъ фирмъ стоятъ люди или совершенно необразованные, или образованные настолько, насколько образованъ разбитой малый гостиндворскаго прилавка; г. Александровъ, въ своей ст. «Книгопродавческій кризисъ» (Биржев. Вѣдом., № 19) совершенно вѣрно замѣтилъ, что многіе изъ нихъ не умѣютъ подписать своего имени и прочесть даже заглавія той книги, которую они рекомендуютъ покупателю. Какого-же уваженія можно ожидать отъ нихъ къ произведеніямъ человѣческаго ума и знанія, съ которыми они имѣютъ дѣло? Какая нравственная связь можетъ быть у людей, торгующихъ книгами только потому, что не посчастливилось торговать шерстью или конскою сбруей? А между тѣмъ они служатъ посредниками между самой интеллигентной частью общества съ одной стороны и умственнымъ произво-

дителемъ съ другой. Къ нимъ обращается публика не за фунтомъ шкры или вяземскихъ пряниковъ, а за такимъ духовнымъ продуктомъ, который цѣнится не на пробу языка или пальца, а на основаніи болѣе или менѣе солиднаго образованія; къ нимъ нерѣдко горькая необходимость приводитъ писателя и заставляетъ его отдавать свой трудъ благосклонному вниманію самаго невѣжественнаго суда, какой только можно себя представить. Кромѣ того, въ послѣднее время многіе изъ этихъ полуграмотныхъ торгашей пустились въ издательскую дѣятельность, отыскавъ себѣ сотрудниковъ въ той литературной бездарности и безпріютности, которая, по найму, готова пачкать все, что ей ни закажутъ. Сами же они, эти издатели, руководятся въ выборѣ издаваемыхъ ими сочиненій единственнымъ, доступнымъ для ихъ практической сметки, критеріемъ—барышомъ; имъ нѣтъ никакого дѣла до того, будетъ-ли это сочиненіе Дарвина или Дебэ, Виктора Гюго или Понсонъ-дю-Терайля, великій трудъ Ливингстона или пошленькій французскій романъ, лишь бы это нравилось публикѣ и раскупалось. «Нѣтъ, этого намъ не нужно, не спрашиваютъ, —нѣтъ-ли у васъ чего-нибудь пошкантиѣ», говорятъ они обыкновенно, приобретающій товаръ у своихъ поставщиковъ. Присматриваясь къ требованіямъ толпы и потворствуя ей грубымъ инстинктамъ, они смотрятъ на свою издательскую дѣятельность только съ точки зрѣнія своей лавочки, и если-бы даже хотѣли, то не могли-бы смотрѣть на нее иначе. Чтобы судить о внутреннемъ достоинствѣ литературнаго произведенія, чтобы не поддаваться подлѣ случайные и пошленькіе вкусы извѣстной части публики, эксплуатируя ихъ въ карманномъ направленіи, чтобы умѣть отличать Дарвина отъ Дебэ, наконецъ, чтобы соединить свои личныя выгоды съ общественной пользой, съ честнымъ и хорошимъ литературнымъ направленіемъ,—для этого, конечно, необходимо и умственное развитіе, и серьезное образованіе, а гдѣ же взять его тѣмъ, которые не умѣютъ подписать своего имени? Признаемся, мы не безъ сожалѣнія смотримъ на то новое явленіе въ нашей литературѣ, которое такъ опечаливаетъ тѣхъ немногихъ людей, которые остались еще связанными съ ней нравственно. Она начинаетъ служить предметомъ сонсканія разныхъ *chevaliers d'industrie* и постепенно переходитъ въ руки іерусалимскихъ бароновъ, чугунно-литейныхъ заводчиковъ и банкировъ, которые почему-то почували въ нашей бѣдной прессѣ выгодную для себя спекуляцію. За этими тузами тянется длинный хвостъ книгопродавцевъ-издателей такого-же чекана. И вотъ черезъ эти-то нечистые шлюзы вносятся въ среду читающей публики масса всякаго литературнаго хлама, который навдываетъ собой нашъ литературный всевъ обществорынокъ и дѣлае

болѣе и болѣе апатичнымъ и равнодушнымъ къ своей умственной жизни.

Понятно, что при такомъ отношеніи къ дѣлу наши книгопродавцы не церемонятся и съ публикой, которая ихъ поддерживаетъ. Въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ такъ развязно, что иной бакалейный торговецъ устыдился-бы ихъ практики. Не послать книгу своевременно провинціальному покупателю, или не выслать ее вовсе, подсунуть вмѣсто требуемой другую, завалывшуюся на полкахъ, не отвѣтить на письмо, расхвалить какую-нибудь собственную ерунду и замѣнить ею чужое хорошее изданіе, пустить безстыдную рекламу, собрать деньги и оставить ихъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько мѣсяцевъ, молчать на самыя настоятельныя требованія заказчика — все это такъ обыкновенно въ книгопродавческой практикѣ, что публика уже привыкла на все это смотрѣть, какъ на неизбѣжную необходимость. И все это сходитъ имъ съ рукъ совершенно благополучно! Еще недавно одинъ юный, но заматавшійся книгопродавецъ, закрывъ свою лавочку, продолжалъ разсылать объявленія, приглашая провинціальную публику выписывать книги изъ его магазина; и нѣтъ сомнѣнія, что нашлась рыбка, попавшаяся на удочку. Другой, собравъ подписку на журналы, вмѣсто того, чтобы сдать ее своевременно, вносилъ ее въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, удовлетворяя собранными имъ деньгами свои личныя надобности. Но мы долго не кончили-бы, если-бы заглянули поглубже во всѣ темныя углы этой спекуляціи.

Последнимъ и громкимъ финаломъ ея служитъ неблагоприятная продѣлка Базунова, которая должна вредно отозваться и на книжной торговлѣ, и на журналистикѣ. Онъ не первый и, конечно, не послѣдній, такъ безцеремонно заглянувшій въ карманъ провинціальной публики, но онъ интересенъ для насъ въ томъ отношеніи, что время уже давно опередило такихъ турыхъ лавочниковъ и патріархальные приемы ихъ торговли прямо ведутъ ихъ къ банкротству. Базуновъ пользовался большимъ довѣріемъ провинціальной публики и кругъ его покупателей, особенно подписчиковъ на журналы, былъ самый широкій. Шестидесятилѣтняя его фирма, только въ силу своей давности, стояла въ глазахъ общества очень твердо. Въ его магазинѣ сосредоточивались ответственныя конторы двухъ распространенныхъ журналовъ: «Вѣстника Европы» и «Русскаго Вѣстника», и почти каждое періодическое изданіе рекомендовало его своимъ подписчикамъ, какъ болѣе солидный книжный магазинъ. И что-же? Несмотря на громадное довѣріе, на давнишнюю популярность фирмы, на самое выгодное положеніе его между своими конкурентами, онъ доводитъ свои дѣла до самаго по-

зорнаго исхода. Онъ собираетъ съ своихъ провинціальныхъ кліентовъ болѣе 100,000 р., въ томъ числѣ 45,000 р. на журналы и газеты, и, не славъ подписныхъ денегъ въ редакціи, бѣжитъ за границу, оставивъ по себѣ какого-то адвоката подтирать неприбранные за собой грязь и соръ. Какой-то родственникъ Базунова утѣшаетъ обобранную публику, что Александръ Федоровичъ вовсе и не думалъ бѣжать, а такъ-себѣ поѣхалъ разсѣяться и полечиться; онъ вѣдь каждый годъ изволилъ путешествовать за границу, высматривая тамъ, конечно, болѣе значное мѣстечко, гдѣ можно было-бы опочить на лаврахъ, или, по крайней мѣрѣ, на ассигнаціяхъ довѣрчивой публики. Впрочемъ, онъ не прочь и возвратиться въ любезное отечество, намекаетъ милый родственникъ Базунова, если издатели и редакторы будутъ благоразумно-сни сходительны къ улизувшему книгопродавцу. Благоразуміе - же это, какъ изъяснилъ базуновскій адвокатъ себѣ-на-умѣ, состоитъ въ томъ, чтобы издатели разослали свои журналы, если угодно, даромъ или получили за нихъ—кто третью часть, кто половину, а все остальное принесли-бы на алтарь... заграничнаго развлечения Базунова.

Позвольте, однакожь, подъ какую категорію подводится такой поступокъ Базунова? И если ему сойдетъ съ рукъ благополучно его заграничная прогулка съ туго-набитыми чужими деньгами карманами, то не явится-ли подобнаго поползновенія и у другихъ—пропутешествовать вслѣдъ за Базуновымъ? Съ тѣхъ поръ, какъ мы обзавелись присяжными адвокатами, разными Герардами и Плеваками, мы можемъ дерзать на все,—съ кулакомъ къ лицу требовать неслѣдуемыхъ денегъ отъ редакціи, подобно Петру Вейнбергу, и если ихъ не дадутъ, прикинуться обиженной невинностью, или тихимъ манеромъ спутешествовать за границу на чужой счетъ—и посовѣтовать кредиторамъ быть благоразумно-сни сходительными. Да, въ наше время не только дерзать, но и плевать можно на все. Растяжимая, гуттоперчевая адвокатская совѣсть все оправить, все подчистить, ну, а другой, общественной, у насъ пока еще очень немного... Но если даже приложить чисто-юридическую совѣсть къ поступку Базунова, то онъ и тогда не вызываетъ на особенную снисходительность. Книгопродавецъ, которому высылаются деньги на журналъ, не имѣетъ права смотрѣть на нихъ, какъ на свою собственность; онъ принадлежать тому, кто ихъ послалъ, и той редакціи, для которой предназначались; книгопродавецъ тутъ не болѣе, какъ комисіонеръ, обязанный немедленно передать довѣренныя ему деньги по назначенію, точно также, какъ артельщикъ или посыльный, которому вручается пакетъ съ деньгами, не вправѣ положить ихъ въ свой карманъ или употребить на уплату

своихъ долговъ. Едва-ли и адвокатская совѣсть можетъ комментировать это иначе. А между тѣмъ наши книгопродавцы позволяютъ себѣ силою и рядомъ злоупотреблять этимъ видомъ довѣрія, представляя деньги и подписные списки или несвоевременно, или не представляя ихъ вовсе. И это годъ отъ году дѣлается хуже. Есть двѣтри книгопродавческія фирмы, которыя сдаютъ иногороднюю подписку акуратно и добросовѣстно, а остальные, оборачиваясь чужими деньгами, поступаютъ немногимъ лучше Базунова. Редакціи буквально засыпаются жалобами, не зная даже, что отвѣчать на нихъ, потому что въ ихъ рукахъ нѣтъ ни адресовъ, ни именъ тѣхъ, кто подписался у того или другого книгопродавца. Провинціальный подписчикъ, сдѣлавшій съ своей стороны все, чтобы получать періодическое изданіе своевременно, часто сидитъ въ ожиданіи его полгода и болѣе. Намъ, напримѣръ, извѣстно положительно, что многіе изъ провинціальной публики, подписавшіеся въ книжномъ магазинѣ Черкесова, и до сихъ поръ не получили ни одной книжки журнала и получаютъ-ли когда-нибудь — это еще вопросъ. Но зачѣмъ-же онъ принималъ подписку, если не былъ увѣренъ передать ее своевременно? Зачѣмъ онъ бралъ на себя комисію, если не могъ исполнить ее? Очевидно, изъ этой комисіи книгопродавцы образовали себѣ особаго рода лоскутную лавочку, систематическую эксплуатацію провинціальной публики, — эксплуатацію, которой, наконецъ, пора-же положить какой-нибудь предѣлъ. Большинство книгопродавцевъ никогда не поймутъ сами, что это вредитъ вообще ихъ матеріальнымъ интересамъ и набрасываетъ неблагоприятную тѣнь на все книжное дѣло. Они понимаютъ одно: что въ послѣднее время книжная торговля идетъ вяло, что публика относится съ убійственнымъ равнодушіемъ къ литературѣ. Но если литература не можетъ похвалиться ничѣмъ такимъ, что-бы могло возвысить ее значеніе въ глазахъ общества, то книжная лавочка, съ своей стороны, дѣлаетъ все, что окончательно подрываетъ ее кредитъ и отбиваетъ послѣднюю охоту выписывать книги. Мы посовѣтовали-бы книгопродавцамъ, ради ихъ-же собственной пользы, подумать серьезно объ этомъ; — подумать о лучшей внутренней организаціи своей торговли, объ уваженіи къ обязательствамъ, принимаемымъ ими, о болѣе приличныхъ отношеніяхъ къ публикѣ, я, наконецъ, убѣдиться въ томъ, что людямъ рутинны и невѣжества соваться въ издательское, книжное дѣло — самый рискованный шагъ.

Съ другой стороны, и публика, особенно провинціальная, должна была-бы подумать о своихъ отношеніяхъ къ книгопродавцамъ, выйти изъ тѣхъ рутинныхъ привычекъ, которыя она себѣ усвоила. По

крайней мѣрѣ, относительно выписки періодическихъ изданій она могла-бы вполне гарантировать себя отъ такихъ казусовъ, какъ Базуновское путешествіе за-границу, высылая деньги прямо въ конторы редакцій. Нѣтъ сомнѣнія, что на мѣстѣ Базунова можетъ очутиться и издатель или редакторъ, чему и были нерѣдкіе примѣры; но въ такомъ случаѣ онъ является прямымъ ответственнымъ лицомъ передъ своимъ подписчикомъ и ужь, конечно, въ его интересахъ задерживать высылку журнала или газеты и оставлять своего абонента безъ отвѣта или удовлетворенія, тогда какъ для книгопродавца рѣшительно все равно—будетъ-ли высылаться журналъ или нѣтъ. Мы могли-бы указать на нѣсколько такихъ примѣровъ, когда издатели и редакторы не оставляли своихъ подписчиковъ безъ удовлетворенія даже въ томъ случаѣ, когда изданія ихъ, независимо отъ нихъ самихъ, подвергались непредвидѣннымъ кризисамъ... Что-же касается Базуновыхъ, то, повторяемъ, имъ рѣшительно все равно—будутъ-ли у насъ какіе-нибудь журналы или нѣтъ, и если подобныя путешествія за-границу, съ чужими деньгами, станутъ повторяться, то провинціальная публика должна убѣдиться что никто другой, какъ она сама, создаетъ себѣ такихъ книгопродавцевъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Хлѣба и зрѣлицъ. Романъ. (Гл. VI—XVI.)	<i>А. Михайлова.</i>
Мелочной торговецъ. Стихотвореніе. (Изъ Ф. Коппе.)	<i>А. М.</i>
Безпросвѣтная глушь. Нѣсколько дней въ чужихъ мѣстахъ. (Гл. I—II.)	<i>В. И. Немировича-Данченко.</i>
Надъ колыбелью. Стихотвореніе. . .	<i>М. Верцелиуса.</i>
Черноземныя поля. Романъ. Въ двухъ частяхъ. Часть первая. (Гл. VI—VI.)	<i>Ев. Л. Маркова.</i>
Представитель большинства. Стихотвореніе.	<i>М. Верцелиуса.</i>
Какъ старикъ Плунокетъ съѣздить къ себѣ домой. Разсказъ.	<i>Бретъ-Гарта.</i>
Новиковъ и его журнальная дѣятельность. (Окончаніе.)	<i>С. С. Пашкова.</i>
Даниель Деронда. Романъ изъ современной англійской жизни. (Часть I, гл. I—V.)	<i>Джорджа Эмота.</i>
Религіозныя секты въ Америкѣ . . .	<i>М. Триво.</i>
Герцеговинцы. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.)	<i>А. Михайлова.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Доброжелательная непослѣдовательность.	<i>Н. Языкова.</i>
Новыя книги.	
Дѣтская литература.	<i>Б. Лемская.</i>
Парижскія письма.	<i>Анонима.</i>
Замѣтки о плодахъ ума и таланта.	
I. Плоды таланта г. Боборыкина.	
II. Плоды таланта г. Авсѣенки.	
III. Плоды ума г. Зауряднаго Читателя.	<i>Б.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. III.</i>
О почвенникахъ новѣйшей формаціи.	<i>Все тою-же.</i>
Книгопродавцы въ бѣгахъ.	

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“.

Происхожденіе человека и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Іог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Іог. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Вѣкъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Альтотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Двадцатое третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія Ѳ. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки. Рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антоня Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Естественно-научные очерки, Валласа; Искондъ старика. Романъ Иполита Ньюво, перев. съ итальянскаго. Политическіе дѣятели, Эли Реклю.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
КАРЛА РИККЕРА,

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, домъ № 14,

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

М Е Т Н О Д И К

der

Physiologischen

EXPERIMENTE UND VIVISECTION

von

E. C Y O N.

Ein Band Royal 8, mit einem Atlas von 54 Tafeln.

Preis 15 Rubel.

Ein Handbuch der physiologischen Methodik und Vivisectionskunst ist bei der hervorragenden Rolle, welche dem physiologischen Experimente zu Theil geworden ist, der grossen Anzahl und der Verschiedenheit der existirenden Apparate und der ganz aussergewöhnlichen Präcision und Exactheit, welche ihre Anwendung erfordert, schon lange Bedürfniss. Der Verfasser stellt in vorliegenden Werke sämtliche von den Meistern der experimentellen Physiologie geschaffene Methoden in übersichtlicher Weise systematisch nebeneinander und erläutert die gesammte Technik des physikalischphysiol. Experimentirens sowohl, als die der Vivisectionen unter Beifügung der Anatomie der drei Versuchsthiere: Hund, Kaninchen und Frosch. Der Atlas veranschaulicht die Anatomie dieser Thiere und hauptsächlich die Einrichtung und Anwendung der gegenwärtig der physiologischen Forschung dienenden Apparate; von einen grossen Theile der Letzteren findet sich hier die erste Beschreibung, zu der mehrere hervorragende Physiologen durch Einsendung von Zeichnungen und Notizen beigetragen haben.

Перваго февраля вышла и разслана гг. подписчикамъ февральская (2) книжка ежемѣсячнаго историческаго иллюстрированнаго сборника

„ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

СОДЕРЖАНІЕ ЕЯ СЛѢДУЮЩЕЕ:

Текстъ. I. Екатерина II и Густавъ III. Акад. *Я. К. Грота*. II. Восточный вопросъ 50 лѣтъ назадъ. Ст. I, акад. *С. М. Соловьева*. III. Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иваннишева, ректора университета св. Владимира и вице-предсѣдателя кievской археографической комисіи. Гл. V. Проф. *А. В. Романовича-Словатинскаго*. IV. Михаилъ Петровичъ Погодинъ (1800—1875). Некрологъ проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. V. С.-Петербургскія Вѣдомости во время французской революціи. Гл. IV и V (окончаніе), проф. *А. Г. Брикнера*. VI. Суворовъ въ народной поэзіи. *Д. Л. Мордовцева*.—VII. Осударевы дороги въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губ., *В. Н. Майнова*.—VIII. Критика и библиографія. I. Исторія россійской академіи *М. И. Сухолинова*, вып. второй. Спб. 1875. *Л. Н. Майнова*.—II. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, Сергѣя Соловьева. Т. XXV. М. 1875, *Е. А. Бьлова*.—IX. Историческіе матеріалы. Письмо князя Б. А. Голицына къ Лефорту.—Письмо князя В. В. Долгорукаго къ Петру Великому.—Письма кабинетъ-секретаря Макарова къ Екатериинѣ I.—Письмо оберъ-фискала Нестерова къ князю Меншикову.—Приказъ канцлера Головкина дьякамъ по-сольскаго приказа.—Письмо канцлера Головкина къ дьяку Родостамову.—Списокъ прислуги Екатерины I.—Письмо императрицы Анны Ивановны С. А. Салтыкову.—Отвѣтъ Салтыкова императрицѣ.—X. Юбилей Брылова (отрывокъ изъ записокъ Н. И. Греча).—XI. Бѣлинскій въ Симферополѣ. *И. А. Шмакова*.—XII. Послѣднее слово моимъ противникамъ-норманитамъ. I. В. Г. Васильевскому. Проф. *Д. И. Иловайскаго*. Рисунки. I. Екатерина II (съ гравюры проф. Уткина).—II. Густавъ III.—III. М. П. Погодинъ.—IV. Осударевы дороги въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.—V. Рисунокъ креста, проектированнаго въ память Полтавской битвы.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ: въ Петербургѣ 12 р. 50 к. съ доставкою на домъ; 12 р. безъ доставки; для иногороднихъ: 1) въ Москвѣ: 13 р. 50 к. съ

доставк. на домъ, 12 р. 50 к. безъ доставки; 2) въ губерніи: 13 р. 50 к. съ пересылкою; для заграничныхъ: 14 р. вся Европа (кромя Франціи), 16 р. Франція.

Подписка принимается въ Петербургѣ, въ конторѣ редакціи сборника, на Невскомъ пр., рядомъ съ Пассажемъ, д. № 46, при хромо-литографіи и типографіи издателя В. И. Граціанскаго; въ Москвѣ—при кн. маг. И. Г. Соловьева, на Страт. бульв., д. Алексѣева.

Разсрочка платежа подписной суммы допускается по соглашенію съ конторою редакціи.

Сборникъ „Древняя и Новая Россія“ за 1875 г., состоящій изъ трехъ томовъ, по четыре книжки въ каждомъ, и заключающій около 150 печатныхъ листовъ большого формата in 4°, въ 2 столб. печати на страницѣ, съ 65 гравюрами на деревѣ. литографіями и хромо-литографіями, можно получить въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ: въ папкѣ 13 р., въ бумажной обложкѣ 12 р. Пересылка 1 р. 50 к.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЛѢСНЫМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ЛѢСНОЙ ЖУРНАЛЪ

выходить въ 1876 году разъ въ два мѣсяца, въ февралѣ, апрѣлѣ, іюнѣ, августѣ, октябрѣ и декабрѣ, выпусками не менѣе семи печатныхъ листовъ въ каждомъ.

Въ программу „Лѣснаго Журнала“ входятъ:

- 1) Статьи по всеъмъ отраслямъ лѣснаго хозяйства.
- 2) Вліяніе законовъ и обычаевъ на успѣхи лѣснаго хозяйства.
- 3) Лѣсоторговый отдѣлъ. Движеніе лѣсной торговли въ разныхъ мѣстностяхъ, рыночныя цѣны на лѣсной матеріаль и т. п.
- 4) Лѣсохозяйственная библиографія. Разборъ важнѣйшихъ русскихихъ и иностранныхъ сочиненій по лѣсному хозяйству.
- 5) Лѣсная хроника и смѣсь.
- 6) Извѣстія о дѣятельности Лѣснаго Общества.
- 7) Обзоръ вновь выходящихъ постановленій по лѣсному управленію.
- 8) Объявленія, касающіяся предметовъ лѣснаго хозяйства.

„Лѣсной Журналъ“ разсылается бесплатно всеъмъ гг. членамъ Лѣснаго Общества; для не членовъ подписная цѣна за шесть выпусковъ 1876 г. четыре рубля съ пересылкою и доставкою.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Лѣсномъ Обществѣ, у Синяго моста, въ домѣ министерства государственна-

ныхъ имуществъ; у комиссіонера Лѣснаго Общества М. П. Надѣина, въ „КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ“; въ книжныхъ магазинахъ: Черкесова, Базунова, Колесова и Михина (въ Гостинномъ дворѣ), у А. Ф. Девріена (Васильевскій Островъ, по Большому проспекту, д. № 8, квар. № 11) и у редактора „Лѣснаго Журнала“ Н. С. Шафранова, на Выборгской сторонѣ, въ зданіи Земледѣльческаго Института; въ Москвѣ, въ центральномъ книжномъ магазинѣ (Славянскій базаръ) и въ книжныхъ магазинахъ Соловьева, Васильева (на Страстномъ бульварѣ); въ Одессѣ: въ конторѣ Мосягина и К^о (на Соборной площади, въ домѣ Попудова); въ Ригѣ: въ книжномъ магазинѣ Киммеля.

Объявленія, помѣщаемыя въ „Лѣсномъ Журналѣ“, оплачиваются по 4 рубля за цѣлую печатную страницу и по 2 рубля за полстраницы.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры „Лѣснаго Журнала“ за 1872, 1873, 1874 и 1875 гг. (по 6 выпусковъ), продаются тамъ-же, по 4 руб., съ пересылкою, за годовое изданіе.

РЕДАКТОРЪ: *Н. Шафрановъ.*

ТАМЪ-ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

АЛЬБОМЪ тончайшихъ поперечныхъ разрѣзовъ древесины 50 древесныхъ породъ, для изученія анатомическаго ея строенія, съ объяснительною брошюрою, проф. Нердлингера. Русское 2-ое изданіе Н. С. Шафранова. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 3 р. 70 к.; съ пересылкою 4 р. Рекомендованъ ученымъ комитетомъ мин. народ. проsv. для реальныхъ училищъ. Для училищъ уступка 10%.

АТЛАСЪ ЛѢСОСТАТИСТИЧЕСКІЙ Россіи. Изданіе Лѣснаго Общества. С.-Петербургъ, 1873 г. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

НЕРДЛИНГЕРЪ. Технические свойства древесины. Руководство для лѣсничихъ, инженеровъ, архитекторовъ и древодѣловъ. Съ нѣмецкаго перевелъ Н. С. Шафрановъ. С.-Петербургъ, 1868 г., 444 стр. Цѣна 1 р.; вѣсовыхъ за 2 фунта.

ШАФРАНОВЪ, Н. С. Лѣсоохраненіе. С.-Петербургъ, 1876 г. Второе дополненное изданіе. Цѣна съ пересылкою 2 р.

ШАФРАНОВЪ, Н. С. Лѣсовозращеніе (Ученіе о производствѣ продуктовъ лѣснаго хозяйства). С.-Петербургъ, 1875 г. Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкою.

ШЛЕЙДЕНЪ, М. Дерево и лѣсъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Рудзкаго. Изданіе Лѣснаго Общества. С.-Петербургъ, 1873 г. 95 стр. Цѣна 60 к. съ пересылкой.

БУРКГАРДЪ. Посѣвъ и посадка лѣса. Переводъ съ нѣмецкаго Н. С. Шафранова. С.-Петербургъ, 1876 г., 701 стр. Цѣна 5 р. съ пересылкой.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица соизволила разрѣшить изданіе Альбома, лично **Ея Величеству** принадлежащаго, въ пользу лазаретнаго дамскаго комитета Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ. Альбомъ **Ея Величества** составлялся въ продолженіи долгаго времени изъ акварельныхъ снимковъ съ лучшихъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ, находящихся въ различныхъ картинныхъ галереяхъ Европы, а равно изъ рисунковъ съ натуры наиболѣе важныхъ памятниковъ древняго зодчества. — Рисунки были заказываемы извѣстнѣйшимъ современнымъ акварелистамъ и представляютъ по своему характеру, въ настоящую минуту, единственное въ Европѣ собраніе болѣе нежели въ 150 листовъ.

Изданіе такого цѣннаго собранія, порученное картографическому заведенію А. Ильина, кромѣ своей благотворительной цѣли, представляетъ собою капиталный вкладъ въ небогатый отдѣлъ художественныхъ произведеній, издаваемыхъ въ Россіи, — вкладъ, только потому оказавшійся возможнымъ, что чрезвычайно дорогіе акварельные рисунки, служащіе изданію оригиналами, составляютъ собственность **Ея Величества**.

Чтобы исполнить и другую цѣль, поставленную задачею при разрѣшеніи изданія — сдѣлать его доступнымъ большинству публики, оно будетъ появляться выпусками, отъ двухъ до трехъ въ годъ, по два рисунка въ каждомъ выпускѣ; цѣна 5 руб. сер. за выпускъ.

Подписка принимается: въ Музеѣ прикладныхъ знаній, въ Соляномъ городкѣ, у комисіонера музея г. Фену; въ дамскомъ лазаретномъ комитетѣ (на Пескахъ, въ рождественской больницѣ), въ географическомъ магазинѣ главнаго Штаба (на Дворцовой площади), въ картографическомъ заведеніи А. Ильина (Екатерингофскій проспектъ, домъ № 11—43) и въ магазинѣ эстамповъ Бегрова (на Невскомъ просп.)

При этомъ выдается 1-й выпускъ, состоящій изъ двухъ рисунковъ:

1. Портретъ молодого человѣка, съ картины Франческо Франча, находящейся въ картинной галереѣ Лувра въ Парижѣ.

2. Портретъ Рембрандта, снимокъ съ портрета имъ самимъ написаннаго, находящагося въ картинной галереѣ Бельведера въ Вѣнѣ.

О выходѣ 2-го выпуска будетъ объявлено въ газетахъ своевременно.

За пересылку и упаковку слѣдуетъ прилагать за 8 фунтовъ, по разстоянію, за выпускъ.

Подписчики будутъ получать выпуски первыми, и если останутся лишніе экземпляры, то они будутъ продаваться въ мѣстахъ подписки.

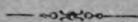
Каждый выпускъ высылается по адресу по полученіи отъ подписчика назначенной платы за выпускъ. — Подписчикъ, не взявшій выпускъ въ теченіи 4-хъ мѣсяцевъ по объявленіи о выходѣ его, считается нежелающимъ продолжать полученіе.

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . П. Ш.

Государственная роспись на 1876 г.—Неурожай въ Украинѣ и Новорос-
сіи. — Какъ дѣйствовала Англія во время бенгальскаго голода. — Суда съ
хлѣбомъ, замерзшія на Волгѣ, и какъ московскіе банки зажали свой кре-
дитъ. — Рѣчь управляющаго государственнымъ банкомъ. — Необходимость
регулировать поведеніе банковъ.—Недостатокъ у насъ кредита.—Причины
упадка одесской торговли. — Заступничество за банки газеты г. Байма-
кова.—Финансовыя разсужденія московскихъ юристовъ.—Кулачество и его
различныя формы.—Проекты артельныхъ производствъ.—Вѣдность смолен-
ской губерніи.—Спекуляція на башкирскія земли.

XVIII. О ПОЧВЕННИКАХЪ НОВѢЙШЕЙ ФОРМАЦИИ. ВСЕ ТОГО-ЖЕ.

XIX. КНИГОПРОДАВЦЫ ВЪ ВЪГАХЪ.

**ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:**

**ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ,
РОМАНЪ В. ГЮГО.**

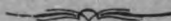
Въ двухъ томахъ. Перев. съ франц. Изд. Редакціи журнала
„Дѣло“. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 30 к.

*Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ уступается за поло-
винную цѣну, т. е. 1 р. безъ перес.; съ перес. 1 р. 30 к.*

**РУССКІЯ
ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ
(Женщины до-петровской Руси.)**

Д. Л. Мордовцева. Спб. 1874 г. Осталось незначительное
число экземпляровъ. Цѣна 2 р. 75 к.; съ перес. 3 р. 25 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала
„Дѣло“ въ 1876 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) о выходѣ
въ свѣтъ 2-го № журнала „Древняя и новая Россія“; 4) отъ книжнаго магазина
К. Риккера; 5) о подпискѣ на „Альбомъ акварельныхъ снимковъ“; 6) о подпискѣ
на „Лѣсной журналъ“.

При этой книгѣ прилагается: для Иногороднихъ объявленіе объ изданіяхъ М.
О. Вольфа.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1876 ГОДУ

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ СЛѢДУЮЩИХЪ МЪСТАХЪ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

Исключительно въ Главной конторѣ журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ указанныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя отвѣтственной за исправную и своевременную высылку журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 19 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества — 20 р.; Франція и Данія — 21 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція — 22 р.; Швейцарія — 23 р.; Италія — 24 р.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручительствомъ гг. назначеевъ.

4340-10
288
Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 238